ЗАПИСКИ

ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО

РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

ИЗДАВАЕМЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ УПРАВЛЯЮЩАГО ОТДѢЛЕНІЕМЪ

Барона **В. Р. Розена.**

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

1886.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПЯТНАДЦАТИ ТАБЛИЦЪ.)

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 л., № 12.

1887.

Напечатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества.
Секретарь *гр. И. Толстой.*

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВАГО ТОМА.

Мелкія замѣтки и Извѣстія.

Списокъ рецензированныхъ книгъ: 1)

a) Русскія.

---

1) Въ алфавитномъ порядкѣ авторовъ или заглавій. Фамиліи рецензентовъ поставлены въ скобкахъ.

б) Иностранныя.

ПОПРАВКА.

Въ надписи стр. 217, № XXIII, стр. 3 слѣдуетъ читать по недавно полученному оригиналу ܦܐܓܡܢܓܩܘ, *Паг-мангку* вм. ܦܐܨܪܡܢܓܘ *Пацермангу*.

ТАБЛИЦЫ.

ПРОТОКОЛЫ ЗАСѢДАНІЙ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Засѣданіе 8 Апрѣля 1885 года.

Подъ предсѣдательствомъ Управляющаго Отдѣленіемъ, барона В. Р. Розена, присутствовали: Секретарь Отдѣленія В. Д. Смирновъ, Дѣйствительные члены и сотрудники: А. Я. Гаркави, К. Г. Залеманъ, И. П. Минаевъ, К. П. Паткановъ, А. М. Позднѣевъ, А. И. Савельевъ и гость: баронъ В. Г. Тизенгаузенъ.

I.

Возбужденъ былъ вопросъ объ окончательной судьбѣ изданія путешествія покойнаго академика Дорна по Кавказу и Закавказью. — Рѣшено выпустить въ свѣтъ нѣмецкій текстъ путешествія и атласъ, краткое предисловіе къ которому принялъ на себя трудъ составить Управляющій Отдѣленіемъ баронъ В. Р. Розенъ.

II.

Обсуждался вопросъ объ изданіи Извѣстій Восточнаго Отдѣленія Археологическаго Общества. — Въ принципѣ рѣшено предпринять періодическое изданіе Отдѣленія подъ заглавіемъ: «Извѣстія» по слѣдующей программѣ: а) Протоколы засѣданій Отдѣленія, начиная съ 1885 года, подъ римскою пагинаціею; б) Рефераты, сообщаемые въ засѣданіяхъ; в) Библіографическія и другія мелкія извѣстія, подъ арабскою пагинаціею. Сроки

выпуска пока не опредѣлены, но объемъ всего изданія не долженъ превышать въ сложности десяти листовъ въ годъ. На покрытіе расходовъ по печатанію «Извѣстій» постановлено ходатайствовать предъ Общимъ Собраніемъ членовъ Археолсгическаго Общества объ ассигнованіи изъ средствъ Общества суммы приблизительно въ размѣрѣ 400 рублей.

III.

Произведенъ выборъ члена Совѣта Общества со стороны Отдѣленія.— Избранъ большинствомъ голосовъ И. П. Минаевъ.

IV.

Дѣйствительный членъ А. Я. Гаркави заявилъ въ засѣданіи ученый вопросъ, предлагаемый г. Кубичекомъ о томъ, что̀ надо разумѣть подъ «*Fluvius Asdrubelena* — рѣкою, впадающею въ Каспійское море (или еще: *Asdrubella*)» — географическимъ названіемъ, которое находится у Юлія Гонорія. — Второе заявленіе г. Гаркави касалось встрѣчающагося на джучидскихъ монетахъ мѣста чеканки ихъ «Новый Крымъ», по арабски *Кырымъ-аль-джедидъ* — قريم الجديد — гдѣ искать такого города, или вообще какой-либо мѣстности этого наименованія? — В. Д. Смирновъ выразилъ мнѣніе, что эпитетъ *джедидъ* въ вышеприведенной легендѣ слѣдуетъ понимать не какъ географическое отличіе одного города отъ другого какого-то, а какъ риторическую прикрасу, смыслъ которой долженъ быть равносиленъ другимъ подобнымъ эпитетамъ на тѣхъ же монетахъ, какъ *альмахрусэ* = «богохранимый», *альмуъаззамъ* = «высочайшій», *ъазизэ* = «досточтимый» и т. п. Поэтому и самое слово *альджедидъ* должно быть переводимо не прилагательнымъ *новый*, а прилагательнымъ *счастливый, благополучный*, каковое значеніе также приписывается слову *джедидъ* во всѣхъ авторитетныхъ лексиконахъ арабскихъ. (Напр. Лэна, Казимирскаго и др.). Мнѣніе свое г. Смирновъ основываетъ на томъ, что если бы толковать эпитетъ *джедидъ* согласно принятому доселѣ у нумизматовъ обычаю въ смыслѣ *новый*, то пришлось бы отыскивать не одинъ *Новый Крымъ*, а *Новый Булгаръ*, *Новый Хаджитарханъ*, даже *Новый Улусъ* и *Новую Орду*. Между тѣмъ до сихъ поръ не обнаружено никакихъ археологическихъ данныхъ, сколько-нибудь поддерживающихъ предположеніе существованія дублетныхъ географическихъ пунктовъ. Даже поиски *Новаго Сарая* не привели ни къ какимъ удовлетворительнымъ результатамъ. — Относительно послѣдняго наименованія баронъ В. Г. Тизенгаузенъ присовокупилъ, что изъ арабскихъ историковъ только у одного

Эль-Асади (Сборникъ матер. и пр. стр. 447) встрѣчается *Сарай альджедидъ* = «Новый Сарай» по поводу упоминанія о смерти хана Узбека.

V.

Членъ-сотрудникъ А. М. Позднѣевъ предъявилъ собранію снимокъ съ надписи на одной гробницѣ въ развалинахъ г. Шан-ду. Докладчикъ сообщилъ, что означенный городъ имѣлъ три ряда стѣнъ, называемыхъ помонгольски *хэрэмъ*. Памятникъ съ надписью находится въ собственно городской части развалинъ, обнесенныхъ валами и каменными оградами, именно въ оградѣ, называемой *Хӧхӧ-сумэ* = «Синій монрь» и заключавшей въ себѣ нѣсколько капищъ. Надгробная плита, носящая надпись, гранитная. На ней вокругъ надписи изображены два дракона по сторонамъ со сплетшимися хвостами и черепаха внизу, служащая постаментомъ для доски съ надписью. Означенное изображеніе есть фамильный гербъ Чингисова дома. Письмена надписи принадлежатъ къ типу такъ называемыхъ чжуанъ цзы, бывшихъ въ употребленіи около II в. до Р. Хр., а теперь служащихъ для заглавій. Могильный памятникъ поставленъ въ царствованіе династіи Юань по именному императорскому повелѣнію «великому народному цивилизатору по имени Цзюань-Сы, почтенному старцу». Титулъ этого славнаго мужа *да-сы-ту* былъ въ ходу во времена монгольской династіи. По всему вѣроятію покойникъ былъ какой-то буддійскій монахъ. Самая надпись можетъ быть отнесена къ 1270 — 1296 гг. по Р. Хр.

Засѣданіе 20 Мая 1885 года.

Подъ предсѣдательствомъ Управляющаго Отдѣленіемъ, барона В. Р. Розена, присутствовали: Секретарь Отдѣленія В. Д. Смирновъ и Дѣйствительные члены: А. Ѳ. Бычковъ, А. Я. Гаркави, И. П. Минаевъ, А. А. Цагарели, В. П. Шалашниковъ.

I.

Управляющій Отдѣленіемъ, баронъ В. Р. Розенъ, сообщилъ полученное имъ отъ Секретаря Общества увѣдомленіе о томъ, что Общимъ Собраніемъ 28 Апрѣля сего 1885 года опредѣлено открыть Отдѣленію Восточной Археологіи на нынѣшній годъ кредитъ въ 400 рублей на покрытіе расхо-

довъ по печатанію «Извѣстій». Рѣшено приступить съ Сентября мѣсяца къ печатанію имѣющихся въ бюро Отдѣленія матеріаловъ согласно прежде выработанной для этого изданія программѣ.

II.

И. П. Минаевъ обратилъ вниманіе на замѣтку, встрѣченную имъ въ англійскомъ журналѣ «Pioneer Mail» о томъ, что капитанъ Уэтъ при встрѣчѣ съ поручикомъ Лопатинымъ, узналъ отъ него объ одномъ важномъ археологическомъ открытіи, сдѣланномъ генераломъ Комаровымъ. Въ одномъ трехъ-этажномъ курганѣ къ С. З. отъ Мерва найдены слѣдующія вещи: вверху оказались скелетъ въ сидячемъ положеніи, изображающій собаку, греческія монеты, и скелетъ крысы или другого какого нибудь животнаго. Что во второмъ и первомъ этажахъ, не извѣстно. Предполагаютъ, что курганъ — временъ Александра Македонскаго. — Рѣшено снестись по этому дѣлу съ ген. Комаровымъ, каковой трудъ принялъ на себя А. Я. Гаркави.

III.

К. П. Паткановъ сообщилъ длинное письмо Н. И. Веселовскаго объ археологическихъ его наблюденіяхъ, сдѣланныхъ имъ въ поѣздку по Кураминскому уѣзду Сыръ-Дарьинской области. — Постановлено напечатать сполна это письмо въ «Извѣстіяхъ» Отдѣленія, если не встрѣтится препятствій со стороны самаго автора письма, Н. И. Веселовскаго.

IV.

Высказано членами Отдѣленія желаніе имѣть если не полный каталогъ всего, что имѣется въ Ташкентскомъ археологическомъ музеѣ, то, по крайней мѣрѣ, хоть нѣкоторыя свѣдѣнія о главнѣйшихъ и замѣчательныхъ находкахъ, хранящихся въ означенномъ музеѣ. — Рѣшено снестись съ кѣмъ-либо изъ мѣстныхъ лицъ интеллигенціи по этому вопросу.

V.

А. А. Цагарели прочелъ свой рефератъ о важномъ значеніи свѣдѣній покойнаго епископа Порфирія по части Грузинской старины.

Засѣданіе 5 Октября 1885 года.

Подъ предсѣдательствомъ Управляющаго Отдѣленіемъ, барона В. Р. Розена, присутствовали: Секретарь Отдѣленія В. Д. Смирновъ, Дѣйствительные члены и сотрудники: А. Я. Гаркави. А. А. Цагарели, Н. И. Ядринцевъ,

I.

Управляющій Отдѣленіемъ баронъ Розенъ сказалъ нѣсколько сочувственныхъ словъ въ память недавно скончавшагося члена Восточнаго Отдѣленія Археологическаго Общества, Проф. И. И. Захарова.

II.

А. Я. Гаркави, во исполненіе порученнаго ему собраніемъ членовъ въ засѣданіи 20 Мая сношенія съ г. Комаровымъ, по вопросамъ, возбужденнымъ И. П. Минаевымъ, о собраніи древностей въ Асхабадѣ, сообщилъ, что г. Комаровъ ожидается вскорѣ въ Петербургъ и тогда можно съ нимъ будетъ повести личные и болѣе обстоятельные переговоры по вышеозначеннымъ вопросамъ.

III.

Н. И. Ядринцевъ представилъ фотографическій снимокъ съ одной монгольской надписи, полученной имъ отъ д-ра Пояркова изъ Токмака и найденной въ Кульджинскомъ районѣ. — Опредѣлено: просить члена-сотрудника Проф. Позднѣева разобрать эту надпись и о результатѣ своего изслѣдованія сообщить въ одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій Отдѣленія.

IV.

Баронъ В. Р. Розенъ сообщилъ резюме статьи, присланной членомъ общества А. Ѳ. Лихачевымъ, о золотомъ кладѣ, найденномъ въ Казанской губерніи и содержавшемъ въ себѣ динары султановъ Патанскихъ въ Дегли. Г. Лихачевъ, соображая нумизматическіе признаки этихъ монетъ съ историческими свидѣтельствами арабскаго путешественника XIV в. Ибнъ-Батуты, вывелъ очень остроумное заключеніе касательно путей зане-

сенія этихъ монетъ въ предѣлы нашего отечества, а именно заключеніе о дѣятельной въ тѣ времена торговлѣ лошадьми, которая велась нашими степняками съ Индіею.—Опредѣлено: напечатать цѣликомъ статью г. Лихачева въ повременномъ изданіи Отдѣленія.

V.

Баронъ В. Р. Розенъ сообщилъ Отдѣленію о томъ, что имъ уже приступлено къ печатанію перваго выпуска возобновляемаго повременнаго изданія Отдѣленія и предложилъ дать этому изданію наименованіе: «Записки Восточнаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества.» — Постановлено: принять это предложеніе Барона Розена.

VI.

Баронъ В. Р. Розенъ и Н. И. Ядринцевъ принесли въ даръ библіотекѣ общества — первый свое сочиненіе «Remarques sur les manuscrits orientaux de la collection Marsigli à Bologne». Rome. 1885, — второй оттиски своихъ статей: «Древніе памятники письменъ въ Сибири». Спб. 1885 г. и «Начало осѣдлости инородцевъ» Спб. 1885.

Засѣданіе 13 Декабря 1885 года.

Подъ предсѣдательствомъ Управляющаго Отдѣленіемъ, барона В. Р. Розена, присутствовали: Секретарь Отдѣленія В. Д. Смирновъ, Дѣйствительные члены и сотрудники: Кн. С. С. Абамеликъ-Лазаревъ, Н. Е. Бранденбургъ, Н. И. Веселовскій, А. Я. Гаркави, В. С. Голенищевъ, К. Г. Залеманъ, А. М. Позднѣевъ. А. И. Савельевъ, гр. И. И. И. Толстой, гр. Д. И. Толстой, А. А. Цагарели, В. П. Шалашниковъ, Н. И. Ядринцевъ, гость: баронъ В. Г. Тизенгаузенъ.

I.

А. М. Позднѣевъ сообщилъ переводъ китайско-монгольской надписи, находящейся на китайской пушкѣ, которая хранится въ настоящее время въ Артиллерійскомъ Музеѣ военнаго вѣдомства.

II.

Н. И. Веселовскій сдѣлалъ сообщеніе о суевѣрно-невѣжественномъ состояніи мусульманскаго населенія Средней Азіи и, какъ образчикъ крайнихъ проявленій его, представилъ одинъ амулетъ, называемый по мѣстному *Базу-бендъ*. При этомъ г. Веселовскій прочиталъ русскій переводъ предисловія къ талисманной молитвѣ, изъясняющаго могущественную силу этой молитвы.

III.

Кн. С. С. Абамеликъ-Лазаревъ предъявилъ вниманію членовъ Отдѣленія нѣсколько восточныхъ серебряныхъ монетъ, найденныхъ въ деревнѣ Крапивенкѣ въ небольшой посеребренной кубышкѣ. Монеты эти Золотоордынскихъ хановъ, всего болѣе — Токтамыша. Баронъ В. Г. Тизенгаузенъ, разсматривавшій этотъ небольшой кладъ, сообщилъ при этомъ описаніе нѣкоторыхъ, сколько-нибудь замѣчательныхъ монетъ.

IV.

В. Д. Смирновъ сообщилъ переводъ турецкой надписи на старинныхъ поручняхъ, принадлежащихъ Артиллерійскому Музею военнаго вѣдомства.

V.

Н. И. Ядринцевъ передалъ въ Общество оттиски съ китайскихъ зеркалъ, хранящихся въ Минусинскомъ Музеѣ древностей и заявилъ, что въ скоромъ времени будетъ составленъ и изданъ каталогъ древнихъ предметовъ, составляющихъ означенный Музей.

VI.

А. Я. Гаркави, разсмотрѣвъ одинъ рѣзной камень въ родѣ амулета, привезенный В. С. Голенищевымъ изъ Египта, нашелъ, что въ рѣзьбѣ этого камня двѣ надписи одна надъ другою: верхняя египетская, а нижняя — арамейская, и обѣ содержатъ собственное имя: *Гор-н-хаб Гар-хаби*. По формѣ арамейскихъ буквъ, полагаетъ г. Гаркави, эта надпись не изъ древнихъ, хотя В. С. Голенищевъ заявилъ, что вещь эта найдена вмѣстѣ съ печатью персидскаго царя Камбиза.

VII.

Баронъ В. Р. Розенъ заявилъ насчетъ надписей на надгробныхъ камняхъ въ Пишпекѣ, что Археологическая Коммиссія уже получила копіи

съ нѣкоторыхъ изъ нихъ, что онѣ оказываются несторіанскими и что Профессоръ Хвольсонъ разберетъ ихъ; о результатѣ его изслѣдованій Обществу даны будутъ свѣдѣнія въ одномъ изъ имѣющихъ быть засѣданій.

VIII.

Гр. И. И. Толстой прочиталъ письмо г. Лихачева изъ Казани съ предложеніемъ Обществу издать рисунки нѣкоторыхъ древнихъ золотыхъ вещей и монетъ изъ кладовъ, найденныхъ въ Казанской губерніи и нынѣ составляющихъ собственность г. Лихачева. — Постановлено: поблагодарить г. Лихачева за предложеніе и извѣстить его, что Общество воспользуется его предложеніемъ, познакомившись ближе съ характеромъ означенныхъ древнихъ предметовъ, для каковой цѣли просить г. Лихачева прислать, если будетъ можно, или самыя вещи или точные рисунки съ нихъ.

IX.

Н. И. Веселовскій сообщилъ свои свѣдѣнія о Ташкентскомъ Музеѣ который, по его словамъ, не содержитъ никакихъ особенно замѣчательныхъ въ археологическомъ отношеніи вещей.

X.

В. Д. Смирновъ присовокупилъ къ заявленію г. Веселовскаго, что по полученнымъ изъ Ташкента свѣдѣніямъ, тамошній Музей не имѣетъ каталога и впредь нѣтъ надежды на каталогъ, потому что за составленіе его некому взяться.

Засѣданіе 7 марта 1886 года.

Подъ предсѣдательствомъ Управляющаго Отдѣленіемъ, барона В. Р. Розена, присутствовали: Секретарь Отдѣленія В. Д. Смирновъ, Дѣйствительные члены и сотрудники: А. Ѳ. Бычковъ, графъ А. А. Бобринскій, Н. И. Веселовскій, Х. Х. Гиль, В. С. Голенищевъ, К. Г. Залеманъ, А. К. Марковъ, А. И. Савельевъ, И. К. Суручанъ, графъ И. И. Толстой и гость: баронъ В. Г. Тизенгаузенъ.

I.

Прочитанъ протоколъ предыдущаго засѣданія Отдѣленія.

II.

Управляющій Отдѣленіемъ, баронъ В. Р. Розенъ, представилъ на разсмотрѣніе членовъ Общества приготовленный къ выходу въ свѣтъ первый выпускъ «Записокъ Восточнаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества».

III.

Н. И. Веселовскій сдѣлалъ сообщеніе о мечети Шахъ-Зинде въ Самаркандѣ. Обративъ вниманіе на архитектурныя особенности этого зданія, представляющаго сложную систему сооруженій, предназначавшихся для того, чтобы служить усыпальницами родственниковъ Тимура, докладчикъ прочиталъ въ русскомъ переводѣ мусульманскія надписи, которыми испещрены стѣны мечети и представилъ нѣсколько образцовъ разноцвѣтной кафельной орнаментики а также и рисунки минаретовъ этой замѣчательной мечети.

IV.

А. М. Позднѣевъ сообщилъ содержаніе прочитанныхъ имъ манчжурскихъ надписей, представленныхъ въ Отдѣленіе Общества въ фотографическихъ снимкахъ Н. М. Ядринцевымъ. Эти надписи, по отзыву докладчика, относятся къ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія и были начертаны на надгробныхъ памятникахъ, поставленныхъ признательными потомками своимъ предкамъ, отличившимся въ войнѣ съ мятежникомъ Джангеромъ въ предѣлахъ Восточнаго Туркестана.

V.

Графъ А. А. Бобринскій представилъ на разсмотрѣніе членовъ Отдѣленія 15 старинныхъ металлическихъ предметовъ домашней утвари съ персидскими и арабскими надписями, пріобрѣтенныхъ имъ въ Дагестанѣ.

VI.

И. К. Суручанъ предъявилъ рисунокъ металлической вазы съ орнаментами и арабскою надписью, пріобрѣтенной имъ въ Кишиневѣ, а также коллекцію въ 60 штукъ серебряныхъ монетъ генуэзско-татарскаго происхожденія, разсмотрѣніе которыхъ поручено секретарю Восточнаго Отдѣленія В. Д. Смирнову.

Засѣданіе 29 апрѣля 1886 года.

Подъ предсѣдательствомъ Управляющаго Отдѣленіемъ, барона В. Р. Розена, присутствовали: Секретарь Отдѣленія В. Д. Смирновъ, Дѣйствительные члены и сотрудники: Н. И. Барсовъ, графъ А. А. Бобринскій, Н. Е. Бранденбургъ, Н. И. Веселовскій, Г. К. Властовъ, А. Я. Гаркави, Х. Х. Гиль, В. С. Голенищевъ, Ю. Б. Иверсенъ, Д. Ѳ. Кобеко, А. К. Марковъ, В. П. Мордвиновъ, К. Т. Никольскій, Н. В. Покровскій, А. И. Савельевъ, Ѳ. Г. Солнцевъ, П. А. Сырку, графъ И. И. Толстой, В. П. Шалашниковъ, Н. М. Ядринцевъ и гость баронъ В. Г. Тизенгаузенъ.

I.

Прочитанъ протоколъ предыдущаго засѣданія Отдѣленія.

II.

В. Д. Смирновъ читалъ рефератъ о двуязычныхъ генуэзско-татарскихъ монетахъ коллекціи И. К. Суручана, предъявленной въ предшествующемъ засѣданіи Общества. Разсмотрѣніе этой коллекціи привело референта къ убѣжденію, что высказанное другими учеными, какъ покойный В. В. Григорьевъ и В. Н. Юргевичъ, сомнѣніе въ подлинности тѣхъ изъ двуязычныхъ монетъ, которыя носятъ имя Даулетъ-бирды-хана, не основательно. Въ этой коллекціи большинство монетъ плохо сохранились,

но внѣшній видъ ихъ позволяетъ всѣ ихъ отнести къ двумъ только категоріямъ: однѣ принадлежатъ вышеупомянутому Даулетъ-бирды-хану, а другія Хаджи-хану, или, что то же, Хаджи-Герай-хану. Окончательное мнѣніе г. Смирнова то, что и тѣ и другія монеты, хоть и разноименныя, биты генуэзскими монетчиками для одного и того же татарскаго хана, являющагося на монетныхъ легендахъ подъ двумя различными именами. Подробныя доказательства послѣдняго взгляда будутъ изложены г. Смирновымъ въ имѣющемъ скоро выйдти въ свѣтъ печатномъ трудѣ его о Крымскомъ ханствѣ.

III.

Н. И. Веселовскій сообщилъ свои соображенія по вопросу о томъ, существуютъ ли въ Средней Азіи поддѣлки древностей [1]).

IV.

В. С. Голенищевъ сообщилъ свои объясненія къ одному древне-персидскому памятнику архитектуры изъ Гамадана по фотографическому снимку, доставленному графомъ А. А. Бобринскимъ. Надписи на этомъ памятникѣ на трехъ языкахъ — древне-персидскомъ, ассирійскомъ и древне-мидійскомъ и всѣ тожественнаго содержанія. Прочитанный г. Голенищевымъ ассирійскій текстъ показываетъ, что надпись принадлежитъ царю Артаксерксу. Въ ней перечислены предки его до Дарія Гистаспа, построившаго дворецъ, который сгорѣлъ, а потомъ возобновленъ имъ, Артаксерксомъ. Относительно назначенія самого памятника, представляющаго собою камень кольцеобразной формы, г. референтъ высказалъ мнѣніе, что онъ долженъ былъ служить базисомъ деревянной колонны дворцоваго зданія, ибо Полибій упоминаетъ о подобныхъ колоннахъ въ описаніи экбатанскаго дворца.

V.

Управляющій Отдѣленіемъ, баронъ В. Р. Розенъ, внесъ предложеніе о томъ, чтобы просить Археологическую Коммиссію принять на себя руководство по изысканіямъ на мѣстѣ нахожденія надгробныхъ камней съ несторіанскими надписями, прочитанными проф. Д. А. Хвольсономъ.

VI.

А. И. Савельевъ пожертвовалъ Обществу 1) бронзовый кельтъ,

1) Рефератъ напечатанъ ниже, стр. 110—14.

2) монгольское зеркало (толи), 3) огниво съ кожанымъ чехломъ (употребляемое въ Сибири инородцами) и 4) коллекцію римскихъ мѣдныхъ монетъ найденныхъ въ Болгаріи. — Постановлено: благодарить жертвователя.

VII.

Н. М. Ядринцевъ передалъ въ Общество присланную докторомъ Поярковымъ въ даръ рукопись на китайскомъ языкѣ, содержащую въ себѣ записку одного дунгана о дунганскомъ возстаніи. — Постановлено: благодарить жертвователя.

VIII.

Графъ А. А. Бобринскій предложилъ на разсмотрѣніе членовъ Общества металлическій сосудъ съ арабской надписью, въ которой значится имя мастера и годъ работы — 559 г. гиджры = 1163—1164 г. по Р. Х.

IX.

Управляющій Отдѣленіемъ, баронъ В. Р. Розенъ, сдѣлалъ сообщеніе о коллекціи персидскихъ рукописей, принадлежащей Учебному Отдѣленію М-ва Иностр. Дѣлъ и описанной референтомъ [1]). Сообщивъ вкратцѣ исторію составленія этой коллекціи, референтъ обратилъ вниманіе на особенно цѣнныя и рѣдкія рукописи. Къ числу такихъ относятся, напр., 2 рукописи Бабидскія, пожертвованныя г. Безобразовымъ. Затѣмъ достопримѣчательны также космографія VI вѣка, сборникъ формулъ оффиціальныхъ документовъ — *Иншâ* — относящійся приблизительно къ VI в. гиджры, а именно ко времени Сельджукскаго султана Санджара, и довольно древній экземпляръ сочиненій Саади, написанный въ 821 г. гиджры = 1418 г. по Р. Х. Но главнѣйшее сокровище этой коллекціи есть собраніе поэтическихъ сочиненій Джâми. Кодексъ этотъ, по нѣкоторымъ несомнѣннымъ признакамъ, имѣющимся въ немъ, долженъ быть признанъ *автографомъ* поэта, писавшаго его въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и уже въ преклонномъ возрастѣ. Наконецъ заслуживаетъ вниманія еще рукопись начала XIV в., заключающая въ себѣ астрономическое сочиненіе *Кутбеддина Ширазскаго* подъ заглавіемъ «*Ихтіярâти Музаффари*», любопытное м. пр. тѣмъ, что въ немъ есть указаніе на наблюденія арабскими астрономами прохожденія Венеры черезъ солнце.

---

[1]) Описаніе вышло подъ заглавіемъ: Collections scientifiques de l'Institut des langues orientales du Ministère des affaires étrangères. III. Manuscrits persans. St. P. 1886.

Засѣданіе 27 мая 1886 года.

Подъ предсѣдательствомъ Управляющаго Отдѣленіемъ, барона В. Р. Розена, присутствовали: Секретарь Отдѣленія В. Д. Смирновъ, Дѣйствительные члены и сотрудники: Н. И. Веселовскій, Х. Х. Гиль, В. С. Голенищевъ, К. Г. Залеманъ, А. К. Марковъ, П. А. Сырку, графъ И. И. Толстой, А. А. Цагарели, В. П. Шалашниковъ. Гость: баронъ В. Г. Тизенгаузенъ.

I.

Прочитанъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

II.

Баронъ В. Р. Розенъ сообщилъ, что имъ, при содѣйствіи Азіатскаго Департамента, разослано 18 экземпляровъ перваго выпуска «Записокъ Восточнаго Отдѣленія И. Р. Археол. Общества» разнымъ лицамъ, служащимъ при нашихъ заграничныхъ миссіяхъ, съ приглашеніемъ ихъ оказывать содѣйствіе цѣлямъ общества доставленіемъ свѣдѣній о какихъ либо предметахъ, касающихся исторіи и древностей восточныхъ.

III.

Н. И. Веселовскій прочиталъ рефератъ о среднеазіатскихъ курганахъ, которые онъ дѣлитъ на двѣ категоріи: на курганы могильные и на жилые. Первые попадаются большими группами, до 100 кургановъ и болѣе рядомъ, и носятъ у туземцевъ собирательное названіе *Минъ-тэпэ* = «Тысяча холмовъ». Курганы жилые, по всей видимости, служили укрѣпленными убѣжищами на случай опасности. Они большей высоты, различной формы — квадратной, овальной и круглой. Дождемъ изъ нихъ вымываетъ разныя вещицы въ родѣ бусъ и монетъ. Тѣже самые находки дѣлаются и при раскапываніи ихъ. Туземцы пользуются курганною землею для удобренія своихъ полей, отчего и на поляхъ попадаются вещи, прежде содержавшіеся курганами, иногда очень любопытныя въ родѣ, напр., серебряныхъ головокъ отъ какихъ-то статуэтокъ, которыя и были показаны Н. И. Веселовскимъ въ засѣданіи. Такое отношеніе туземнаго населенія къ курганамъ необходимо поведетъ современемъ къ уничтоженію ихъ.

IV.

А. К. Марковъ читалъ рефератъ о коллекціи Сассанидскихъ монетъ, принадлежащихъ Учебному Отдѣленію при М-вѣ Иностр. Дѣлъ. Референтъ, приготовившій къ печати описаніе этой коллекціи, признаетъ ее за одну изъ первостепенныхъ въ количественномъ и качественномъ отношеніяхъ.

V.

Баронъ В. Г. Тизенгаузенъ сообщилъ извѣстія о грузинскомъ монастырѣ Св. Креста въ Іерусалимѣ, найденныя имъ у арабскаго писателя Элькалькашанди. Монастырь этотъ былъ одно время захваченъ арабами-мусульманами и храмъ его обращенъ въ мечеть. Но потомъ онъ снова былъ возвращенъ грузинамъ египетскимъ султаномъ вслѣдствіе ходатайства ихъ чрезъ нарочитое посольство въ 705 = 1305—1306 гг., подкрѣпленнаго содѣйствіемъ извѣстнаго хулакуидскаго полководца и могущественнаго временщика Джубана, питавшаго благоволеніе къ грузинамъ за ихъ храбрость и мужество, проявленныя ими на службѣ въ хулакуидскихъ войскахъ.

VI.

Въ дополненіе къ сообщенію барона В. Г. Тизенгаузена А. А. Цагарели сказалъ, что въ настоящее время бывшій монастырь Св. Креста обращенъ въ греческую духовную семинарію и что въ немъ имѣется до 160 грузинскихъ рукописей. Есть также надписи и фрески, но позднія, отъ половины XVII столѣтія; болѣе же древнія, на плитахъ церковнаго пола, настолько стерлись, что ихъ нельзя разобрать.

VII.

Баронъ В. Р. Розенъ обратилъ вниманіе присутствовавшихъ на одно любопытное извѣстіе въ статьѣ нѣкоего Эліаса Кудси на арабскомъ языкѣ о цеховыхъ порядкахъ въ г. Дамаскѣ, помѣщенной во второмъ томѣ Трудовъ Лейденскаго съѣзда оріенталистовъ. Кудси говоритъ, что въ недавнее время въ Дамаскѣ возникло искусство гравированія на мѣдныхъ сосудахъ, названное имъ технически *загирѝ*, которое занесено туда нѣкіимъ Искендеръ-бенъ Юсуфомъ Донато, и широко практикуется жителями Дамаска, особенно евреями. Замѣтка эта тѣмъ интересна, что можетъ служить предостереженіемъ для любителей восточныхъ древностей отъ новѣйшей ихъ поддѣлки учениками Эліаса Кудси.

IX.

Графъ И. И. Толстой довелъ до свѣдѣнія членовъ отдѣленія, что онъ получилъ отъ г. Лихачева изъ Казани заявленіе послѣдняго о желаніи напечатать въ Трудахъ Общества свое изслѣдованіе о Джучидскихъ монетахъ, которое, по его словамъ, должно довершить существующіе труды по Джучидской нумизматикѣ — Рѣшено: принять къ свѣдѣнію.

Засѣданіе 6 сентября 1886 года.

Подъ предсѣдательствомъ Управляющаго Отдѣленіемъ, барона В. Р. Розена, присутствовали: Секретарь Отдѣленія В. Д. Смирновъ, Дѣйствительные члены и сотрудники: графъ А. А. Бобринскій, Н. Е. Бранденбургъ, А. Ѳ. Бычковъ, В. Г. Васильевскій, Н. И. Веселовскій, Д. Ѳ. Кобеко, И. П. Минаевъ, О. Николай (Адоратскій), А. М. Позднѣевъ, графъ И. И. Толстой, Д. И. Чубиновъ, В. П. Шелашниковъ, и гости Е. М. Гаршинъ, баронъ В. Г. Тизенгаузенъ и m-r Stanley Lane Poole.

I.

Прочитанъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

II.

Баронъ В. Р. Розенъ доложилъ собранію, что 1) консулъ въ Кульджѣ В. М. Успенскій прислалъ въ Августѣ мѣсяцѣ 12 монетъ — 3 серебряныхъ и 3 мѣдныхъ — разсмотрѣніе которыхъ по его, Розена, просьбѣ, любезно принялъ на себя баронъ В. Г. Тизенгаузенъ; 2) Н. Н. Пантусовъ прислалъ 5 восточныхъ рукописей, оцѣненныхъ на мѣстѣ въ 75 рублей, съ предложеніемъ купить ихъ для библіотеки Археологическаго Общества; 3) Д. В. Городецкій препроводилъ въ Общество при письмѣ 5 фотографическихъ копій съ Несторіанскихъ могильныхъ надписей на камняхъ.— Относительно рукописей, присланныхъ г. Пантусовымъ, опредѣлено предоставить совѣту рѣшить, какъ поступить съ ними. Копіи же съ надгробныхъ надписей рѣшено передать въ Импер. Археологическую коммиссію.

Кромѣ того баронъ В. Р. Розенъ сообщилъ, что на Вѣнскій конгрессъ оріенталистовъ отправлено 10 экземпляровъ Записокъ Восточнаго Отдѣленія для пропагандированія изданія заграницею.

III.

Баронъ В. Г. Тизенгаузенъ сообщилъ, что монеты, доставленныя г. Успенскимъ, въ высшей степени драгоцѣнны въ научномъ отношеніи. Съ помощію ихъ оказывается теперь возможнымъ разобрать легенды на нѣкоторыхъ восточныхъ монетахъ, которыхъ не могъ прочитать покойный Френъ. Эти монеты принадлежатъ Джагатаидамъ. На одной изъ нихъ ясно изображено: «*Алмалыкъ*». Но самая любопытная изъ нихъ монета съ Уйгурскою легендою, на которой видна часть имени «...*малыкъ*». Подробное описаніе этихъ монетъ референтъ находитъ нужнымъ включить въ полный каталогъ монетъ джагатаидовъ добытыхъ Н. И. Веселовскимъ во время

его прошлогодней командировки въ Туркестанъ; краткая же замѣтка о нихъ должна быть помѣщена въ Запискахъ Восточнаго Отдѣленія.— Опредѣлено: благодарить г. Успенскаго и попросить его сообщить, не сохранились-ли еще монеты этого клада и какъ поступить съ присланными имъ экземплярами.

IV.

Н. И. Веселовскій предъявилъ на разсмотрѣніе членовъ собранія фотографическій альбомъ буддійскихъ идоловъ, составленный и врученный г. Веселовскому Н. П. Остроумовымъ, директоромъ гимназіи въ Ташкентѣ.

V.

И. П. Минаевъ сдѣлалъ сообщеніе о своихъ наблюденіяхъ и впечатлѣніяхъ во время послѣдней его поѣздки въ Бирму, при чемъ имъ показано было нѣсколько фотографическихъ снимковъ бирманскихъ достопримѣчательностей.

VI.

Н. И. Веселовскій заявилъ, что на почтовой станціи въ Коканѣ ему передавали слѣдующій любопытный для археологовъ слухъ. У Пишпека, говорили ему, по направленію къ Караколу, гдѣ горячіе ключи *Расанъ*, на камняхъ есть надписи, которыхъ никто не можетъ читать. Желательно было бы изслѣдовать, есть ли въ этой молвѣ что-нибудь общее съ послѣдними открытіями могильныхъ надписей въ тѣхъ же мѣстностяхъ. — Кромѣ того, Н. И. Веселовскому передавали, что тамъ же есть какая-то «ихняя Богородица», очень хорошо высѣченная на камнѣ, и что калмыки пріѣзжаютъ и мажутъ ее масломъ.

VII.

Баронъ В. Р. Розенъ доложилъ, что О. Николай (Адоратскій), бывшій членъ Пекинской миссіи, привезъ съ собою статью О. Палладія, составляющую продолженіе его же статьи «Анализъ китайскихъ сочиненій о мусульманствѣ», содержащую въ себѣ обзоръ китайско-мусульманской литературы съ XVII в. до настоящаго времени.

IX.

Н. И. Веселовскій заявилъ о томъ, что музей барона Штиглица пріобрѣлъ недавно цѣлую коллекцію персидскихъ и кавказскихъ древностей, до 600 нумеровъ металлическихъ и фаянсовыхъ предметовъ, и выразилъ мысль, что не худо бы было осмотрѣть ихъ и наиболѣе интересныя описать и даже издать въ свѣтъ рисунки съ нихъ.

Засѣданіе 17 октября 1886 года.

Подъ предсѣдательствомъ Управляющагȯ Отдѣленіемъ, барона В. Р. Розена, присутствовали: Секретарь Отдѣленія В. Д. Смирновъ, Дѣйствительные члены и сотрудники: Н. М. Благовѣщенскій, А. Ѳ. Бычковъ, Н. И. Веселовскій, Г. К. Властовъ, А. Я. Гаркави, Е. М. Гаршинъ, Х. Х. Гиль, В. К. Ернштедтъ, К. Г. Залеманъ, Ю. Б. Иверсенъ, Д. Ѳ. Кобеко, В. И. Ламанскій, Н. П. Лихачевъ, А. К. Марковъ, И. П. Минаевъ, К. Т. Никольскій, А. М. Позднѣевъ, И. В. Помяловскій, А. И. Савельевъ, Ѳ. Г. Солнцевъ, Н. И. Стояновскій, П. А. Сырку, графъ И. И. Толстой, Трироговъ, В. К. Трутовскій, Д. А. Хвольсонъ, А. А. Цагарели, В. П. Шалашниковъ. Гости: В. А. Жуковскій и баронъ В. Г. Тизенгаузенъ.

I.

Прочитанъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

II.

Баронъ В. Р. Розенъ заявилъ, что Археологическою Коммиссіею еще получены Пишпекскіе камни съ надписями, которыя будутъ разбираться Д. А. Хвольсономъ.

III.

Онъ-же сдѣлалъ сообщеніе о бывшемъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ конгрессѣ оріенталистовъ въ Вѣнѣ.

Засѣданіе 20 ноября 1886 года.

Подъ предсѣдательствомъ Управляющаго Отдѣленіемъ, барона В. Р. Розена, присутствовали: Секретарь Отдѣленія В. Д. Смирновъ, Дѣйствительные члены и сотрудники: Г. П. Алексѣевъ, Н. И. Барсовъ, графъ А. А. Бобринскій, Н. Е. Бранденбургъ, А. Ѳ. Бычковъ, В. Г. Васильевскій, Н. И. Веселовскій, А. Я. Гаркави, Е. М. Гаршинъ, Х. Х. Гиль, В. К. Ернштедтъ, К. Г. Залеманъ, Ю. Б. Иверсенъ, Г. Ѳ. Карповъ, Д. Ѳ. Кобеко, Н. П. Кондаковъ, А. А. Куникъ, Н. П. Лихачевъ, А. К. Марковъ, К. Т. Никольскій, Н. В. Покровскій, П. А. Сырку, графъ И. И. Толстой, В. К. Трутовскій, О. Хантарджьянцъ, Д. А. Хвольсонъ, В. Н. Хитрово, Н. М. Ядринцевъ. Гости: С. М. Георгіевскій, В. А. Жуковскій и баронъ В. Г. Тизенгаузенъ.

I.

Прочитанъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

II.

Баронъ В. Р. Розенъ заявилъ, 1) что докторъ Поярковъ прислалъ чрезъ Н. М. Ядринцева нѣсколько копій съ надписей, найденныхъ на надгробныхъ памятникахъ около Иссыкъ-Куля, да еще одну китайскую рукопись неизвѣстнаго содержанія; 2) что г. Мартьяновъ, директоръ Минусинскаго музея, прислалъ фотографическій снимокъ китайскихъ монетъ. — Разсмотрѣніе надписей принялъ на себя баронъ Розенъ, а китайской рукописи и снимка съ монетъ С. М. Георгіевскій.

Онъ-же сообщилъ о полученіи отъ С. И. Чахотина письма и 18 монетъ да 2 арабскихъ амулетовъ; послѣдніе г. Чахотинымъ приносятся въ даръ Обществу. Баронъ В. Г. Тизенгаузенъ принялъ на себя составленіе описанія монетъ.

Онъ-же заявилъ, что имъ получены 11 нумеровъ журнала *The Indian Antiquary* для библіотеки общества въ обмѣнъ на Записки Восточнаго Отдѣленія Общества.

III.

А. Я. Гаркави сдѣлалъ замѣчаніе относительно способа чтенія сирійскихъ надписей, разобранныхъ професс. Хвольсономъ. Г. Гаркави считаетъ не безусловно обязательнымъ и правильнымъ способъ чтенія г. Хвольсона, вслѣдствіе чего дата является въ началѣ всей эпитафіи, что по мнѣнію г. Гаркави не совсѣмъ обычно. Во вторыхъ г. Гаркави оспаривалъ толкованіе слова *ателія*, въ одной изъ эпитафическихъ датъ, принятаго г. Хвольсономъ въ значеніи «затмѣнія»: г. Гаркави полагаетъ, что это слово тожественно съ словомъ *тели*, употребляемымъ средневѣковыми еврейскими авторами и означающимъ у нихъ «дракона». Такимъ образомъ, по мнѣнію г. Гаркави, годъ монгольскаго цикла въ этой надписи выраженъ по сирійски словомъ соотвѣтствующимъ вполнѣ китайско-монгольскому *лyy*. Профессоръ Хвольсонъ не призналъ аргументы г. Гаркави достаточными, чтобы согласиться съ его коньектурою [1]). — Г. Куникъ указалъ на существованіе въ языкѣ мандеевъ слова *тэліитá* = «драконъ», которое найдено имъ въ Lexidion'ѣ Норберга и представляетъ какъ будто нѣкоторое сходство съ спорнымъ *ателія*.

IV.

В. Д Смирновъ сдѣлалъ сообщеніе о состояніи архитектурныхъ древностей Крыма, осмотрѣнныхъ имъ въ поѣздку лѣтомъ 1886 года,

---

1) См. теперь ниже, стр. 304.

сопровождая свои описанія демонстраціею фотографическихъ рисунковъ съ древнихъ памятниковъ Крыма, снятыхъ по его указанію фотографомъ Х. С. Бабаевымъ, съ которымъ они для означенной цѣли предпринимали нарочитую экскурсію.

Засѣданіе 19 декабря 1886 года.

Подъ предсѣдательствомъ Управляющаго Отдѣленіемъ, барона В. Р. Розена, присутствовали: Секретарь Отдѣленія В. Д. Смирновъ, Дѣйствительные члены и сотрудники: графъ А. А. Бобринскій, Н. Е. Бранденбургъ, В. Г. Васильевскій, Н. И. Веселовскій, В. А. Жуковскій, К. Г. Залеманъ, Н. П. Кондаковъ. К. Т. Никольскій, П. А. Сырку, В. К. Трутовскій. Гость: С. Ѳ. Ольденбургъ.

I.

Прочитанъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

II.

Баронъ В. Р. Розенъ сообщилъ, что имъ послана поздравительная телеграмма отъ имени Восточнаго Отд. Имп. Р. Археологическаго Общества въ Казань I. Ѳ. Готвальду по случаю пятидесятилѣтія его ученой дѣятельности, совершившагося 6-го декабря.

Онъ-же заявилъ, что С. И. Чахотинъ прислалъ изъ Константинополя еще 10 монетъ, изъ коихъ двѣ очень интересны: одна византійско-арабская, а другая арабская VI в. гиджры.

Онъ-же заявилъ, что Н. П. Остроумовъ изъ Ташкента прислалъ сартскую пѣсню о Худояръ-ханѣ, которая будетъ напечатана въ «Запискахъ Восточнаго Отдѣленія».

Онъ же далъ отчетъ о разсмотрѣнныхъ имъ снимкахъ съ надписей, присланныхъ докторомъ Поярковымъ. По словамъ барона Розена, всѣ эти надписи арабскія, и только одна тибетская, содержащая въ себѣ, какъ ее разобралъ И. П. Минаевъ, извѣстную буддійскую формулу «Оммани падъ мегумъ». Арабскія же заключаютъ въ себѣ эпитафіи, но безъ датъ. Въ нѣкоторыхъ встрѣчаются слова тюркскаго корня.

III.

Н. И. Веселовскій читалъ рефератъ объ амулетахъ, которые нынѣ въ большомъ распространеніи въ Средней Азіи и представилъ на разсмотрѣніе членовъ собранія рукописные образцы разныхъ произведеній невѣже-

ственнаго шарлатанства, эксплоатирующаго суевѣрность мусульманскаго простонародія.

IV.

Н. Е. Бранденбургъ предъявилъ вниманію членовъ собранія турецкое знамя, изъ старинныхъ, съ арабскими надписями.

V.

В. Д. Смирновъ сдѣлалъ сообщеніе о раскопкахъ, произведенныхъ имъ лѣтомъ въ Крыму, а именно близъ деревни Токлукъ, въ Орталонѣ и въ Старомъ-Крымѣ. На разсмотрѣніе членовъ общества были предъявлены найденные при раскопкахъ предметы древности, а также рисунки съ нѣкоторыхъ надгробій въ деревнѣ Бія-Сала. — Въ поясненіе нѣкоторыхъ фактовъ, сообщенныхъ г. Смирновымъ, сдѣланы были замѣчанія Н. П. Кондаковымъ, который, напримѣръ, далъ описаніе древнихъ вещей, найденныхъ при раскопкахъ могилъ въ Бія-Сала консерваторомъ Новороссійскаго университета г. Видгальмомъ.

VI.

Графъ А. А. Бобринскій сообщилъ о раскопкахъ, произведенныхъ имъ въ Крыму въ деревнѣ Ауткѣ, близъ Ялты, и въ Алуштѣ. Изслѣдованныя имъ могилы были трехъ типовъ. Одинъ типъ, по громадности сооруженій, можетъ быть отнесенъ къ долменамъ. Могилы этого типа находятся почти возлѣ самой Ялты и, по ближайшемъ осмотрѣ ихъ, оказались совершенно ограбленными. — Второй типъ представляютъ могильники, находящіеся близъ дер. Алушты въ трехъ мѣстахъ по 50 — 60 могилъ въ каждомъ. Могилы эти земляныя, но покрытыя сверху каменными плитами. Размѣръ этихъ могилъ при аршинѣ глубины и ширины простирается до 7 аршинъ въ длину. Особенно любопытно то, что въ этихъ могилахъ при одномъ скелетѣ оказывалось по нѣскольку—по 4, 5, 6 и даже 7 череповъ, въ числѣ коихъ были черепа принадлежавшіе микрокефаламъ. Черепа были расположены грудами въ два или три, одинъ надъ другимъ, ряда. —Третій типъ, небольшіе каменные, плитные гробы, глубиною на поларшина, находящіеся въ деревнѣ Ауткѣ. При вскрытіи въ нихъ оказывались еще остатки покойнической рухляди въ родѣ позумента; затѣмъ цѣлые остовы людей. Достопримѣчателенъ одинъ черепъ, распиленный на двое въ горизонтальномъ направленіи: что могло быть причиною такой манипуляціи надъ черепомъ?— Кромѣ того, въ ряду могилъ этой категоріи усмотрѣнъ былъ изслѣдователемъ одинъ шестиэтажный ящикъ, составленный изъ плитъ и черепицъ вперемежку и вмѣщавшій въ себѣ по два покойника въ каждомъ этажѣ.

Китайская пайцза, найденная въ Минусинскомъ округѣ въ 1884 году.[1]

А. Позднѣевъ.

Настоящая пайцза уже не представляетъ собою совершенной новости для русскихъ археологовъ. Еще лѣтъ сорокъ тому назадъ точно такой же знакъ былъ пріобрѣтенъ въ Восточной Сибири тогдашнимъ генералъ-губернаторомъ этого края Рупертомъ и описанъ г. Леонтьевскимъ сначала въ Bulletin de la classe historico-philologique de l'Acad. Imp. des sciences de St. Pétersbourg (vol. VI p. 288), а потомъ въ Запискахъ Спб. Археологическо-нумизматическаго Общества (1850, т. II стр. 359), причемъ къ послѣднему описанію былъ приложенъ и рисунокъ знака, по всей вѣроятности, въ его натуральную величину. Говорю—по всей вѣроятности,—такъ какъ г. Леонтьевскій въ своемъ описаніи помянутой Рупертовой пайцзы не представилъ ея измѣренія, а между тѣмъ сравнить этотъ снимокъ съ его оригиналомъ мы не имѣемъ теперь никакой возможности, ибо для насъ не извѣстно даже гдѣ находится нынѣ рупертовъ знакъ и какая судьба постигла его послѣ того какъ онъ былъ въ рукахъ Руперта, членовъ Академіи Наукъ, Археологическо-нумизматическаго Общества и г. Леонтьев-

1) Въ засѣданіи Восточнаго Отдѣленія Императорскаго Археологическаго Общества 10 Апрѣля 1885 года Членомъ Императорской Археологической Коммиссіи В. Г. Тизенгаузеномъ былъ представленъ собранію гг. членовъ отдѣленія древній китайскій знакъ, принадлежащій нынѣ Музею Императорской Археологической Коммиссіи. Знакъ этотъ, извѣстный у китайцевъ подъ общимъ названіемъ пайцзы (медали), былъ пріобрѣтенъ Археологическою Коммиссіею отъ крестьянина Минусинскаго округа Шушенской волости, деревни Буланки, который нашелъ его въ землѣ при разработкѣ своей пашни. Озабочиваясь объясненіемъ этого знака, точный снимокъ съ котораго при семъ прилагается, Восточное отдѣленіе передало его для описанія своему члену-сотруднику А. М. Позднѣеву и послѣдній доставилъ о немъ слѣдующую замѣтку.

скаго. Но съ другой стороны сличая найденную теперь пайцзу съ помянутымъ снимкомъ, мы находимъ, что она до самыхъ малѣйшихъ чертъ совпадаетъ съ нимъ по своей величинѣ, и это заставляетъ насъ предполагать, что снимокъ г. Леонтьевскаго былъ сдѣланъ въ настоящую величину своего оригинала, а слѣдовательно обѣ эти пайцзы совершенно одинаковы по своей внѣшней формѣ.

Разсматриваемая нами минусинская пайцза по виду круглая и получаетъ нѣсколько продолговатую форму только отъ того, что на одной (верхней) сторонѣ круга она украшена небольшимъ орнаментомъ. Въ срединѣ этого орнамента продѣлано круглое же отверстіе, очевидно предназначенное для того, чтобы пайцзу можно было привѣшивать. Величина собственно круга пайцзы = 2,7 дюйма въ поперечномъ діаметрѣ, а вмѣстѣ съ орнаментомъ длина ея — 3,8 дюйма. По металлу настоящая минусинская пайцза, очевидно, разнится отъ рупертовой, такъ какъ послѣдняя, по словамъ г. Леонтьевскаго, была сдѣлана изъ желтой мѣди, а эта — бронзовая, или точнѣе сказать, она приготовлена изъ того сплава, который извѣстенъ у китайцевъ подъ именемъ *гу тунъ* 古 銅.

Обращаясь теперь къ надписямъ, которыя выбиты на пайцзѣ, мы находимъ, что на лицевой сторонѣ знака являются особенно выдающимися два іероглифа, читаемыхъ:

«цзя пай».

По величинѣ своей каждый изъ этихъ іероглифовъ, или буквъ, вчетверо болѣе тѣхъ, которые приняты для общаго надписанія на пайцзѣ; іероглифы эти начертаны притомъ древнимъ китайскимъ почеркомъ, Чжуань[1]) и составляютъ такъ сказать заголовокъ пайцзы; въ переводѣ они значатъ:

«высочайше дарованный знакъ».

На лѣвой сторонѣ отъ этихъ заглавныхъ іероглифовъ проходитъ одна строка, которая читается:

---

1) По свидѣтельству китайскихъ историковъ почеркъ «чжуань» былъ изобрѣтенъ при Сюань-ванѣ (827—780 г. до Р. Х.) чиновникомъ и исторіографомъ Чжоу-ши, и вслѣдъ за симъ былъ введенъ въ Китаѣ во всеобщее употребленіе. Но какъ Китай вскорѣ же раздѣлился на множество удѣловъ, то письмо это въ различныхъ княжествахъ подверглось видоизмѣненіямъ иногда до того значительнымъ, что жители одного удѣла не могли читать того, что было написано въ другомъ. Эти неудобства обратили на себя особенное вниманіе ученыхъ въ періодъ династіи Цинь (221—206 г. до Р. Х.), когда весь Китай соединился подъ одною властью Ши-хуанъ-ди. Ученый Ли-сы привелъ тогда къ однообразію различныя формы и видоизмѣненія въ іероглифахъ почерка Чжуань, образовавшіяся въ отдѣльныхъ частяхъ Китая. Впрочемъ трудъ его остался почти безполезенъ; ибо одновременно съ этой работой Ли-сы, другой ученый, по имени Чэнь мо, изобрѣлъ новую форму письменности, получившую названіе Ли-шу и существующую въ основныхъ чертахъ своихъ до нынѣ. Почеркъ Чжуань съ тѣхъ поръ употребляется въ Китаѣ только на печатяхъ, надписяхъ, да въ видѣ заглавій на сочиненіяхъ, ландкартахъ и проч.

«тяо цзы па бай цзю ши и хао».

Въ переводѣ это значитъ: «нумеръ 891-й іероглифа тяо». Относительно начертанія этого нумера мы имѣемъ замѣтить, что онъ изображенъ прописными числовыми знаками (大寫的), почти никогда не встрѣчающимися въ обыкновенной письменности китайцевъ и употребляемыми только въ оффиціальныхъ документахъ особенной важности, безъ сомнѣнія, для того, чтобы затруднить могущія быть поддѣлки этихъ документовъ.

На правой сторонѣ отъ заглавныхъ іероглифовъ проходитъ также одна строка іероглифовъ, читаемыхъ:

«чу цзинъ бу юнъ»

Это значитъ: «внѣ столицы не употребляется».

На обратной сторонѣ пайцзы находится слѣдующая надпись:

«Юй ма цзянь суй цзя юнъ ши сюань дай цы пай; у пай чжэ и люй лунь цзуй; цзѣ чжэ, цзи цзѣ юй чжэ цзуй тунъ».

Это значитъ:

«Отъ императорскаго конюшеннаго приказа. Слѣдующій (за императоромъ) тѣлохранитель привѣшиваетъ этотъ знакъ къ поясу; беззначный (т. е. тотъ, у котораго нѣтъ знака), по законамъ подлежитъ суду за преступленіе. Взявшій въ займы и давшій въ займы (этотъ знакъ) одинаково преступны».

Таковы надписи, начертанныя на разсматриваемой нами минусинской пайцзѣ. Изъ сличенія ихъ съ надписями на пайцзѣ, описанной г. Леонтьевскимъ, оказывается, что различіе между ними заключается всего только въ нѣсколькихъ іероглифахъ и прежде всего въ написаніи нумера пайцзы. На нашей — этотъ нумеръ читается: «тяо цзы па бай цзю ши и хао» и мы переводимъ это словами: нумеръ 891-й іероглифа тяо (調). На рупертовой пайцзѣ нумеръ изображается іероглифами: «хуанъ цзы у цянь ци бай цзю ши у хао», каковую надпись г. Леонтьевскій перевелъ словами: нумеръ 5795-й (по нашему ему слѣдовало бы сказать: нумеръ 5975 іероглифа хуанъ). Ясно, что г. Леонтьевскій оставилъ не только безъ толкованія, но даже и безъ перевода два іероглифа — хуанъ цзы (皇 字); хотя это опущеніе весьма важно, ибо во первыхъ оно производитъ неполноту самаго нумера, а во вторыхъ въ немъ то именно и заключается отличительная особенность нумераціи дѣловыхъ китайскихъ документовъ, еще до нынѣ не отмѣченная ни однимъ изъ европейскихъ синологовъ. Нумерація съ присоединеніемъ извѣстнаго рода іероглифовъ, или буквенныхъ знаковъ

можетъ быть названа общепринятою въ Китаѣ, такъ какъ она находится въ употребленіи не только въ казенныхъ, присутственныхъ мѣстахъ (особливо выпускающихъ большое число нумерованныхъ документовъ), но и въ частныхъ торговыхъ домахъ, банкирскихъ конторахъ и проч. Основы ея коренятся въ томъ обычаѣ китайцевъ, по которому они вообще не допускаютъ на своихъ документахъ нумераціи свыше 10,000. Присутственныя мѣста, у которыхъ количество исходящихъ бумагъ бываетъ свыше показаннаго числа, прибѣгаютъ поэтому къ особому способу своего нумерованія, располагая его по одной изъ принятыхъ въ Китаѣ системъ циклическихъ знаковъ (т. е. или по системѣ «десяти небесныхъ пней» (十 天 干), или же по системѣ «двѣнадцати земныхъ вѣтвей» (十 二 地 支). Такимъ образомъ у нихъ является сначала 10,000 нумеровъ подъ первымъ іероглифомъ «небесныхъ пней» — цзя (甲), потомъ 10,000 нумеровъ подъ вторымъ іероглифомъ — и (乙) и т. д. Для европейцевъ это будетъ понятнѣе если мы скажемъ, для примѣра, что китайцы, вводя въ свою нумерацію циклическіе знаки, выпускаютъ послѣдовательно сначала 10,000 нумеровъ подъ знакомъ Водолея, за симъ 10,000 нумеровъ подъ знакомъ Рыбы, потомъ 10,000 нумеровъ подъ знакомъ Овна и т. д. Понятно, что присутственныя мѣста, вводящія въ свое употребленіе нумерацію по «десяти небеснымъ пнямъ», пріобрѣтаютъ тѣмъ самымъ возможность выпустить до 100,000 отдѣльныхъ нумеровъ; а принимающіе въ свою нумерацію систему «двѣнадцати земныхъ вѣтвей» увеличиваютъ ее до 120,000, не измѣняя при томъ своей десяти тысячной системѣ счета. Тѣ присутственныя мѣста, у которыхъ выходитъ несравненно большее количество нумеровъ, пользуются съ этою же цѣлью уже не циклическими знаками, а особымъ сочиненіемъ извѣстнымъ подъ именемъ Цянь-цзы-вэнь (千 字 文). Это элементарная учебная книга въ Китаѣ, отличительную особенность которой составляетъ то, что она состоитъ ровно изъ тысячи іероглифовъ и при томъ написана такъ, что каждый отдѣльный іероглифъ встрѣчается въ ней только однажды. По порядку іероглифовъ этой-то книги и располагаютъ свою десяти тысячную нумерацію китайцы и это даетъ имъ возможность увеличить ее до 10 милліоновъ отдѣльныхъ нумеровъ. Нумерація, встрѣчающаяся на обоихъ разсматриваемыхъ пайцзахъ, проведена именно по сочиненію «Цянь-цзы-вэнь». Іероглифъ «тяо» (調), обозначенный на отысканной нынѣ минусинской пайцзѣ, занимаетъ въ этой книгѣ тридцать первое мѣсто; слѣдовательно, до времени выпуска настоящей пайцзы придворнымъ конюшеннымъ приказомъ было выпущено 30 разъ 10,000 нумеровъ подъ другими іероглифами, да 890 нумеровъ подъ іероглифомъ тяо (調); нумеръ же нашей пайцзы, переведенный на прямой счетъ будетъ 300,891-й. Рупертова пайцза записана

подъ № 5795-мъ іероглифа хуанъ (皇). Этотъ послѣдній іероглифъ занимаетъ въ сочиненіи восьмидесятое мѣсто, а пототу нумеръ рупертовой пайцзы, переведенный на прямой счетъ, будетъ 795,795-й. Представляется весьма интереснымъ вопросомъ, какимъ образомъ можетъ являться такая громадная нумерація; но отвѣчать на это намъ приходится лишь по догадкамъ. Если бы разсматриваемый нами документъ былъ выданъ какимъ либо банкирскимъ домомъ, то руководствуясь собственными наблюденіями, мы не затруднились бы признать въ этой нумераціи весьма обычное явленіе: въ Китаѣ не мало банкирскихъ конторъ и торговыхъ домовъ, операціи которыхъ такъ велики, что они въ теченіе года исписываютъ свою нумерацію не 80, а 800 іероглифовъ Цянь-цзы-вэн'я; но предположить, чтобы казенное учрежденіе, и при томъ такое незначительное какъ конюшенный приказъ, выпускало бы чуть ни по милліону нумеровъ въ годъ, довольно трудно. Въ этомъ случаѣ намъ кажется всего болѣе вѣроятною догадка, высказанная тѣмъ же г. Леонтьевскимъ, что въ китайскихъ казенныхъ учрежденіяхъ нумерація бумагъ ведется послѣдовательнымъ счетомъ отъ времени основанія оныхъ тою или другою династіею.

Дальнѣйшее отличіе минусинской пайцзы отъ рупертовой состоитъ въ наименованіи должности занимаемой лицомъ, которому была выдана пайцза. По тексту минусинской пайцзы видно, что она принадлежала лицу, занимавшему должность юнъ-ши (勇 士); а рупертова — сяо-сы (小 厮). Опредѣлить точно значеніе этихъ должностей довольно трудно, такъ какъ это опредѣленіе должно всецѣло зависить отъ того времени, къ которому мы отнесемъ происхожденіе самой пайцзы. При династіи Юань (元) титулъ юнъ-ши *юнъ* (勇) по буквальному переводу значитъ — храбрый, мужественный; *ши* 士 — чиновникъ) носили тѣлохранители государя, или царскіе стражники. При династіи Минъ (明), равно какъ и при первыхъ государяхъ, настоящей династіи Цинь (清) титулъ *юнъ* давался отличившимся особою смѣлостію во время императорскихъ охотъ, облавъ и т. п. Въ послѣднее время именемъ *юнъ* (勇) называется каждый солдатъ, служащій въ наемныхъ, не штатныхъ войскахъ, обыкновенно формируемыхъ въ Китаѣ при случаяхъ грозящей Имперіи опасности, а по минованіи надобности снова распускаемыхъ. Такъ какъ мы полагаемъ, что настоящія пайцзы, относятся къ періоду династіи Юань (元), то и думаемъ, что минусинская пайцза была выдана одному изъ стражниковъ, или тѣлохранителей государя, служащихъ при императорскомъ дворцѣ.

Что касается должности сяо-сы (小 厮), то значеніе ея въ періодъ династіи Юань (元) для насъ неизвѣстно. По буквальному переводу «сяо-сы значитъ «низшій служитель» и въ настоящее время этимъ именемъ прозы»

ваются люди, исполняющіе самыя черныя работы: они чистятъ нечистоты и употребляются на самую унизительную дѣятельность; этимъ же именемъ называются теперь между прочимъ и прислужники евнуховъ. Вполнѣ ли соотвѣтствовало въ періодъ юаньской династіи названіе сяо-сы тому понятію, которое соединяется съ нимъ теперь, мы утверждать не можемъ; но достовѣрно, что выдача пайцзъ даже такимъ низшимъ служителямъ не представляетъ собою ничего удивительнаго, — это практикуется и до настоящаго времени. Извѣстно, что китайскіе богдоханы всегда проводили жизнь въ совершенномъ удаленіи отъ своего народа: мѣстопребываніе ихъ въ Пекинѣ искони вѣковъ находилось въ такъ называемомъ «запретномъ городѣ», за ворота котораго, безъ особаго дозволенія, никто не смѣлъ ступать подъ страхомъ смертной казни. Вотъ почему весь дворъ богдохана, всѣ его министры и евнухи, всѣ чиновники разныхъ степеней вплоть до послѣдняго стражника, равно какъ и вся личная прислуга этихъ царедворцевъ, словомъ всѣ, живущіе въ запретномъ императорскомъ городѣ, получаютъ пайцзы, какъ знакъ на безпрепятственный входъ въ этотъ городъ и пребываніе въ немъ. Живя въ Пекинѣ, мы не разъ видали эти знаки, привѣшенными къ поясамъ: у современныхъ китайцевъ они называются — «яо-пай» (腰 牌).

Г. Леонтьевскій, описывая рупертову пайцзу, пріурочивалъ ее къ настоящей династіи и объяснялъ въ ней все изъ обычаевъ, усвоенныхъ при дворѣ современныхъ маньчжурскихъ богдохановъ; когда же на очередь выступилъ вопросъ, какимъ образомъ могла попасть въ далекія сибирскія степи пайцза, которая не могла быть и употребляема внѣ столицы, то онъ составилъ довольно невѣроятное предположеніе о томъ, что знакъ этотъ могъ быть утерянъ китайцемъ, а потомъ найденъ и утаенъ какимъ нибудь монголомъ, отъ монгола могъ попасть къ буряту и т. д. Теперь, когда подобный знакъ попадается намъ уже во второй разъ, такое объясненіе должно показаться еще болѣе сомнительнымъ. Ужели въ самомъ дѣлѣ всѣ эти, относительно важные знаки, такъ какъ ими гарантируется вѣдь безопасность богдохана, такъ легко теряются китайцами, находятся непремѣнно монголами, а отъ нихъ попадаютъ опять таки въ бурятскія степи? Но дѣло въ томъ, что *пайцзы эти безъ сомнѣнія не принадлежатъ настоящей династіи*; это неоспоримо доказывается наименованіемъ того присутственнаго мѣста, которымъ онѣ выданы. Императорскій конюшенный приказъ, будучи учрежденъ настоящею Дайциньскою династіею, получилъ у ней названіе «шанъ-сы-юань» (上 駟 院). И такъ, если бы эти пайцзы были выданы при одномъ изъ дайциньскихъ императоровъ, то конюшенный приказъ былъ бы титулованъ на нихъ именно этимъ названіемъ, а онъ между тѣмъ на

обѣихъ пайцзахъ именуется «юй-ма-цзянь» (御馬監). Такъ какъ это послѣднее названіе конюшенный приказъ носилъ при юаньской (монгольской) династіи, то ко времени ея мы и относимъ происхожденіе настоящихъ пайцзъ. Весьма возможно, что названіе юй-ма-цзянь усвоялось конюшенному приказу и при другихъ, болѣе раннихъ династіяхъ; но допустить, что означенныя пайцзы были выданы именно при юаньской династіи насъ побуждаетъ еще и то, что на ряду съ такимъ допущеніемъ мы легко объяснимъ себѣ и настоящее нахожденіе этихъ знаковъ въ предѣлахъ Сибири. Извѣстно, что изгнанные изъ Китая монгольскіе императоры вмѣстѣ съ своимъ дворомъ бѣжали изъ Пекина на сѣверъ Гоби и поселились сначала по рр. Керулэну и Онону, а черезъ два года послѣ сего перекочевали на западъ и заняли мѣста по Толѣ, Орхону и Селенгѣ, т. е. не подалеку отъ границъ настоящаго Минусинскаго округа. Понятно, что вмѣстѣ съ этимъ передвиженіемъ юаньскихъ царедворцевъ отличительные знаки ихъ достоинства легко могли быть перенесены ими къ границамъ Сибири, а потому нѣтъ ничего удивительнаго, если теперь эти пайцзы находятся здѣсь подъ землею и не менѣе вѣроятно, что со временемъ мы будемъ имѣть у себя десятки подобныхъ знаковъ.

На основаніи же всего вышеизложеннаго мы приходимъ къ заключеніямъ:

1) Что настоящая минусинская пайцза, какъ и пайцза, принадлежавшая Руперту, представляетъ собою знакъ, который выдавался царедворцамъ китайскаго богдохана во свидѣтельство ихъ званія и на свободное пребываніе ихъ при дворцѣ и вообще вблизи особы императора.

2) Обѣ эти пайцзы по своему происхожденію принадлежатъ къ періоду правленія въ Китаѣ династіи Юань (1279—1368) и, по всей вѣроятности, относятся къ самымъ послѣднимъ годамъ ея правленія.

3) Настоящая минусинская пайцза, какъ то можно предполагать по находящейся на ней надписи, а равно и по металлу, изъ котораго она сдѣлана (бронза), была выдана императорскому стражнику низшаго разряда; тѣмъ не менѣе лицо это, равно какъ и принадлежавшая ему пайцза, должны были считаться по своему рангу выше личности и (мѣдной) пайцзы сяо сы, извѣстныхъ намъ благодаря пріобрѣтенію Руперта.

4) Нумеръ минусинской пайцзы менѣе нумера, которымъ помѣчена рупертова пайцза и это, при извѣстномъ условіи, можетъ свидѣтельствовать о томъ, что минусинская пайцза древнѣе рупертовой.

Преосвященный Порфирій о грузинскихъ древностяхъ.

(Читано въ Засѣданіи Восточнаго Отдѣленія И. Р. Арх. Общ. 21 мая 1885 г.).

Покойный іерархъ, какъ русскій паломникъ по св. мѣстамъ Востока, былъ въ XIX вѣкѣ тѣмъ, чѣмъ въ XVIII в. былъ В. Г. Барскій, а по учености онъ далеко превосходилъ всѣхъ своихъ предшественниковъ, путешествовавшихъ по православному Востоку. Въ религіи, какъ и наукѣ, у покойнаго не было «ни Еллина, ни Іудея»: ни въ разговорѣ, ни въ трудахъ своихъ никогда не высказывалъ религіознаго или національнаго антагонизма и нетерпимости къ другимъ не православнымъ вѣроисповѣданіямъ и національностямъ, а охотно отдавалъ должное ихъ заслугамъ на пользу христіанства на Востокѣ. Но, занимаясь главнымъ образомъ *православнымъ* Востокомъ, онъ интересовался преимущественно прошлою судьбою православныхъ народовъ, наиболѣе потрудившихся на пользу церкви, письменности и искусства христіанскаго Востока. Его особенною любовью пользовался греческій православный міръ. Грековъ онъ считалъ лучшими хранителями памятниковъ старины, чѣмъ латинянъ, которые, по его словамъ, часто и въ ущербъ старинѣ подновляютъ и передѣлываютъ свои постройки. Значеніе покойнаго іерарха, какъ ученаго заключается, по моему, не столько въ его критикѣ, которая обыкновенно вращается въ сферѣ богословской, ни даже въ его обширной эрудиціи и знакомствѣ съ первоисточниками, но главнымъ образомъ въ его необыкновенномъ дарѣ *открывать* и *собирать* рѣдкіе письменные и вещественные памятники старины. Чутье и умѣніе этого замѣчательнаго собирателя и открывателя было поистинѣ изумительно. На Аѳонѣ, въ Іерусалимѣ и на Синаѣ и теперь еще ходятъ среди монаховъ самые легендарные разсказы о томъ какъ покойный любилъ «копаться» въ башняхъ церквей, чердакахъ старыхъ домовъ, сырыхъ и темныхъ подвалахъ и даже въ задѣланныхъ стѣнахъ, и находилъ тамъ памятники письменные и веществен-

ные, которыхъ существованія не подозрѣвали сами обитатели этихъ монастырей. Нерѣдко онъ самъ не ясно сознавалъ цѣну и значеніе находимыхъ и открываемыхъ имъ предметовъ, а смутно предугадывалъ и предчувствовалъ ихъ важность для науки и искусства. Такъ преосвященный разсказывалъ мнѣ, что, увидѣвъ въ библіотекѣ Синайскаго монастыря въ 1850 г. грузинскую папирусную псалтирь, не зная ни ея содержанія, ни на какомъ языкѣ она написана, ни того къ какому вѣку она относится, — сказалъ библіотекарю: «храните эту рукопись, такого сокровища у васъ нѣтъ»!

Послѣ греческой церкви и греческой старины, покойнаго археолога интересовала больше всего судьба грузинской церкви и грузинской старины на Востокѣ. Въ своихъ занятіяхъ по археологіи и исторіи христіанскаго Востока покойный часто касался грузинскихъ древностей, и всегда относился къ нимъ съ большою любовью и большимъ вниманіемъ, отдавая дань глубокаго уваженія прошлому грузинскаго народа, его благочестію, трудамъ и заботамъ о письменности, искусствѣ и поддержаніи православной церкви въ св. мѣстахъ Востока. Не зная грузинскаго языка, покойный однако былъ хорошо знакомъ съ грузинскою историческою и археологическою литературою въ переводахъ, а также и съ иностранною, — греческою, русскою, западно-европейскою, — литературой о грузинской старинѣ на Востокѣ. Особенно много свѣдѣній онъ извлекъ изъ греко-византійскихъ авторовъ о грузинскихъ древностяхъ, слѣды которыхъ онъ находилъ въ Ѳессаліи, на Аѳонѣ, въ Константинополѣ, Трапезундѣ, Сиріи, Палестинѣ и на Синаѣ.

Труды покойнаго археолога: Исторія Аѳона, Кіевъ, 1877 г., Путешествіе по Аѳонскимъ монастырямъ, Кіевъ 1877 г., и Путешествіе на Синай, 1856 г., содержатъ въ себѣ драгоцѣнныя свѣдѣнія о грузинской старинѣ на Востокѣ. Путешествія по Палестинѣ и Сиріи также должны были обогатить грузинскую церковную археологію, для чего собрано было покойнымъ множество матерьала.

Въ «Указателѣ актовъ, хранящихся въ обителяхъ Св. Горы Аѳонской», Журн. Мин. Н. Пр. 1847 г., ч. LV, перечислены до 30-ти актовъ прямо, или косвенно касающихся грузинскихъ древностей на Аѳонѣ и въ другихъ мѣстахъ Византіи; нѣкоторые изъ нихъ писаны, или подписаны самыми грузинами: замѣчательнѣйшіе изъ нихъ по древности: 982 - 984 гг. Іоанна Ивира, основателя Иверскаго монастыря на Аѳонѣ, далѣе актъ о сдѣлкѣ св. Евфимія † 1028 г., 2-го настоятеля Иверскаго монастыря, со славянами солунскими 1008 г., дарственная запись о владѣніяхъ Иверскаго монастыря 1304 г., хрисовулъ имп. Андроника 1283 г. и др.

Порфирію же принадлежитъ переводъ *пяти* посланій Іерусалимскаго патріарха Досиѳея къ грузинскимъ царямъ и католикосу конца XVII и на-

чала XVIII (1706 г.) в. подъ заглавіемъ: «Посланія Іерусалимскаго патріарха Досиѳея въ Грузію. Извлечены изъ дѣлового кодекса, хранящагося въ библіотекѣ Святогробскаго подворья въ Константинополѣ и переведены съ ново-греческаго языка на русскій архим. Порфиріемъ Успенскимъ во св. Градѣ». Напечатаны съ комментаріями извѣстнаго грузинскаго археолога Платона Іоселіани въ русскомъ прибавленіи грузинскаго журнала «Духовный Вѣстникъ» за май мѣсяцъ 1866 г. стр. 1-26.

Въ коллекціи рукописей преосв. Порфирія находящейся теперь въ Имп. Публичной библіотекѣ въ С.-Петербургѣ, нашлись также два драгоцѣнные и древнѣйшіе памятника грузинской письменности: это папирусная минея праздничная найденная имъ въ Саввинскомъ монастырѣ, близь Мертваго моря, и два листа изъ папирусной грузинской псалтири, хранящейся на Синаѣ, — оба памятника VII—VIII в. Хотя до 1883 года преосвященный и не зналъ, что эта минея *грузинская*, такъ что на трехъ томикахъ этого памятника и теперь красуется: «Codex aethiopicus papyraceus», тѣмъ не менѣе честь спасенія ея отъ забвенія, а быть можетъ и отъ уничтоженія принадлежитъ покойному.

Грузинскія надписи также обращали на себя вниманіе покойнаго археолога. Онъ ихъ, обыкновенно, срисовывалъ и довольно искуссно и разборчиво. Часть этихъ надписей въ подлинникѣ и съ переводомъ встрѣчается въ упомянутыхъ выше его Путешествіяхъ, другая часть ихъ была напечатана съ переводомъ и комментаріями въ грузинскомъ «Духовномъ Вѣстникѣ» за мѣсяцъ ноябрь 1865 г. подъ заглавіемъ: «О грузинскихъ надписяхъ Аѳона, Іерусалима и другихъ мѣстъ православнаго Востока». Въ октябрѣ 1883 г. покойный прислалъ мнѣ для перевода и комментарія одну грузинскую надпись съ архіерейской палицы, хранящейся въ г. Тулѣ; въ ней поименованы царь Георгій и царица Тамара, вѣроятно XVII в., а въ декабрѣ того же года я получилъ отъ преосвящ. *девять* грузинскихъ надписей съ св. мѣстъ Востока для сличенія съ моими снимками. Часть этихъ надписей уже извѣстна въ печати.

Наконецъ, художественныя произведенія грузинскаго церковнаго искусства также занимали преосвященнаго Порфирія. Рисуя недурно, зная исторію иконографіи и христіанскаго строительнаго искусства, покойный старался съ точностью опредѣлить достоинство, эпоху и происхожденіе разсматриваемыхъ имъ памятниковъ живописи и архитектуры по признакамъ самыхъ художественныхъ произведеній, какъ-то, на основаніи ихъ стиля, въ связи съ историческими свѣдѣніями и преданіями объ нихъ. Въ такомъ духѣ онъ разсуждалъ объ Иверской иконѣ Божьей Матери, — святынѣ одинаково высокочтимой на Аѳонѣ, въ Грузіи какъ и въ Россіи, — въ своихъ Путешествіяхъ по Аѳону, а въ «Чтеніяхъ Общества любителей Духовнаго Просвѣщенія»

за мѣсяцъ мартъ 1879 г. помѣстилъ: «Новое слово объ Аѳоноиверской иконѣ Божьей Матери». Окончательный выводъ этихъ разсужденій у Порфирія сводится къ тому, что какъ *грузинскій* ликъ Богородицы, такъ и характеръ живописи иконы, равно, наконецъ, и самое Сказаніе о явленіи этой иконы на Аѳонѣ *грузину* о. Гавріилу и о нахожденіи ея у грузинъ съ самого основанія Иверской обители на Аѳонѣ — все это, по Порфирію, ясно говоритъ за *грузинское* происхожденіе этой иконы. Въ декабрѣ же 1883 г. я получилъ отъ покойнаго статью подъ заглавіемъ: «О грузинскихъ иконахъ въ Синайскомъ монастырѣ». Часть этой статьи вошла въ составъ моего Путешествія на Востокъ, другая часть предлагается здѣсь вниманію читателей какъ образчикъ художественно-археологическихъ соображеній покойнаго въ последніе годы его жизни. Статья изложена въ видѣ письма ко мнѣ:

«Москва», 1 — 5 декабря 1883 г.

Возлюбленный о Господѣ Александръ Антоновичъ!

Много благодарю Васъ за русскій переводъ грузинской написи на Тульской палицѣ и за комментарій ея. Тотъ и другой я сообщилъ по принадлежности, и просилъ г. Троицкаго отвѣчать на мои археологическіе вопросы объ этой палицѣ, и прислать мнѣ два фотографическіе оттиска ея не малаго размѣра: одинъ для Васъ, а другой для меня, такъ какъ я занимаюсь собираніемъ матеріаловъ для исторіи церковнаго вышиванья на востокѣ и западѣ. Подождемъ того, что намъ нужно. Авось, узнаемъ что нибудь по больше и по точнѣе....

Изъ всѣхъ старыхъ иконъ, расколотыхъ и изуродованныхъ, письма греческаго, абисинскаго, индѣйскаго и проч., укрытыхъ въ башнѣ надъ папертью соборнаго храма Синайской обители, я (въ 1850 г.) выбралъ для себя только пять иконъ грузинскихъ, именно, 1) Деисисъ, т. е. моленіе Богоматери и Предтечи предъ Господомъ І. Христомъ о помилованіи грѣшниковъ, 2) Крещеніе Христово въ Іорданѣ, 3) Св. великомученика Ѳеодора Тирона и Ѳедора Стратилата, 4) Св. Петра и Арсенія и 5) трехъ святыхъ на обломкѣ живописныхъ святцовъ; да въ отдѣльной церквицѣ Св. первомученника Стефана видѣлъ древнюю икону Св. великомученика Георгія, и на прозрачной бумагѣ нарисовалъ только стоящаго передъ нимъ царя Багратіона (не священнаго). Съ этихъ-то шести образовъ представляю Вамъ копіи, изъ коихъ четыре — фотографическія, не очень удачно напечатаны по той причинѣ, что машина не воспроизводитъ цвѣта желтый и золотистый. Такъ какъ фотографія и прориси даютъ лишь тусклые безжизненные образа, то я считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о Синаегрузинскихъ находящихся у меня иконахъ, и о времени появленія ихъ.

1) Деисисъ написанъ на тонкой дскѣ какого то дерева грузинскаго. Моя прорись сдѣлана въ натуральную величину этой иконы, кромѣ боковыхъ краевъ дски. Фонъ ея — золотистъ съ красноватымъ отливомъ. На самой срединѣ изображенъ I. Христосъ въ ростъ, стоящій на красной подушкѣ. Около головы его едва видно тусклозолотистое сіяніе, *съ золотистымъ же крестомъ четыреконечнымъ*: признакъ большой древности иконы, или подражанія древнѣйшимъ живописцамъ. Написи IC XC нѣтъ. Волнистые къ концамъ волосы Христа орѣховаго цвѣта, съ обычнымъ проборомъ ихъ поверхъ чела, запущены за плечи: признакъ времени греческихъ царей Андрониковъ и Палеологовъ, XIV вѣка. Чело его не высоко, черныя брови несоюзны и дугообразны, глаза кругловаты и смотрятъ влѣво, носъ прямъ и длиненъ, ланиты румяны, усы къ низу, уста хороши, ягодица подъ нижнею губою гола, борода коротка и немножко раздвоена; вообще, лице Христа бѣло, длинновато и благообразно. *Хитонъ* (срачица) на немъ — багрянъ съ золотистыми штрихами, обозначающими складки; а *иматій* (накидка на хитонъ), синяго цвѣта, спущенъ съ лѣваго плеча подъ правую руку и наложенъ на лѣвую руку, съ которой красиво спускается по лѣвому бедру. Господь десницею благословляетъ, какъ *вседержитель*, поднявши вверхъ персты указательный и средній, и поджавши и сложивши вмѣстѣ прочіе персты, а шуйцею держитъ у персей своихъ большое, закрытое, Евангеліе въ золотомъ переплетѣ, унизанномъ дорогими камнями и жемчужинами. *Оно обрѣзомъ своимъ обращено къ благословляющей, точнѣе, повелѣвающей десницѣ Господа: знакъ, что изображенъ Судія, обладающій живыми и мертвыми.* Стопы Христа обнажены; узенькіе ремешки на нихъ поддерживаютъ кожанныя подошвы. — Направо отъ него изображена Пресвятая Матерь его, въ ростъ, въ темносинемъ хитонѣ и въ багряномъ омофоріонѣ съ золотистыми штрихами на немъ, безъ трехъ звѣздочекъ на челѣ и раменахъ. Голова Ея слегка наклонена, чело закрыто омофоріономъ, брови прямы и несоюзны, глаза, удлиненные, приподняты къ верху, потому что Она смотритъ на Сына своего и смиренно умоляетъ Его; орлиный носъ длиненъ и закругленъ къ низу, ланиты румяны, уста обрисованы хорошо; вообще лице Ея, уже не молодое, выразительно и величаво, но не миловидно. Обѣ ручки Ея приподняты и обращены ко Христу; персты, средній, безъимянный и мизинецъ, соединены въ знакъ исповѣданія Ею Св. Троицы, а остальныя два означаютъ два естества во Христѣ, божеское и человѣческое. Она предстоитъ предъ Божественнымъ Судіею и умоляетъ Его миловать грѣшниковъ. Надъ головою Ея написано $\overline{\text{МР}}$ $\overline{\text{ΘΥ}}$. — Налѣво отъ Господа молитвенно предстоитъ предъ Нимъ св. Іоаннъ Предтеча. Надъ головою его видна греческая, *отвѣсная* стенографическая надпись: IΩ̃ ο ΠΡ т. е. Ἰωάννης ὁ Πρό-

δρομος. Голова его слегка наклонена; волосы на ней съ торчащими сосочками, орѣховаго цвѣта, спущены по плечамъ; морщинистое чело невысоко, брови прямы и несоюзны, носъ длиненъ и закругленъ къ низу, какъ у Приснодѣвы; ланиты худощавы, но съ румянцомъ, усы къ низу, нижняя губа удлинена, борода, орѣховаго же цвѣта, немного всклокочена. Одежда на Предтечѣ монашеская; хитонъ цвѣта горючей сѣры какъ у древнихъ монаховъ, длиненъ; на него накинута короткая, монашеская же мантія. Обѣ руки его приподняты и обращены ко Христу. Стопы обнажены.

Эта, икона, по мнѣнію моему, написана грузинскимъ живописцомъ въ XIV вѣкѣ, быть можетъ, въ Константинопольскомъ монастырѣ Іоанна Предтечи, принадлежавшемъ грузинамъ. Ибо всѣ изображенія на ней, кромѣ грузинскихъ обличій, воспроизведены по византійски, а *монашеская* одежда на Предтечѣ внушаетъ, что икона написана подъ вліяніемъ монашества.

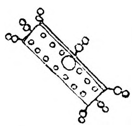
II. Икона, на которой изображено Крещеніе Господне, весьма замѣчательна по многопредметности своей и по удачному расположенію событій, бывшихъ послѣ крещенія І. Христа. Вышина и ширина ея, кромѣ краевъ, небольше моей прориси, а фонъ — золотистъ съ красноватымъ отливомъ. Вся она — мало глубже всѣхъ краевъ дски на которой написана, дски тонкой, выпиленной изъ какого то дерева. Эту икону на двѣ части раздѣляетъ Іорданъ, текущій между высотами и горами, чѣмъ ближе къ устью своему, тѣмъ шире. Тамъ, гдѣ эта рѣка становится разливанною, стоитъ Христосъ весь обнаженный, въ водѣ по грудь близь лѣваго берега, слѣдовательно у Виѳаварской привыси что̀ за Іорданомъ, гдѣ по Іоанну, крестилъ Предтеча (гл. 1, 28), а не на сторонѣ горъ Іудеи. Глава его окружена сіяніемъ, а на нее сверху струится золотистый нетонкій лучъ свѣта изъ кружка, въ которомъ видѣнъ голубь парящій неподвижно. Волосы крещаемаго пущены за плечи: цвѣта они — орѣховаго. Лице его благоговѣйно; правая рука покоится на правомъ бедрѣ ноги, откинутой въ сторону, а лѣвая почти невидна. Предтеча наклонно стоитъ на самомъ краю Виѳаварской привыси надъ берегомъ Іордана, и держитъ правую руку свою на самомъ темени Крещаемаго, а лѣвую приподнялъ къ верху въ молитвенномъ настроеніи души. По этому же настроенію и голова его, окруженная сіяніемъ поднята къ верху, откуда струится лучъ св. Духа. Онъ одѣтъ въ хитонъ и *мантію*, а не въ волосяную рубашку. Позади Христа и предтечи на обоихъ берегахъ Іордана стоятъ на колѣнахъ и прямо многочисленные сонмы ангеловъ. Передніе изъ нихъ держатъ на своихъ ручкахъ одежды для Крещаемаго. Ихъ головки и лица, окруженныя сіяніемъ, нарисованы изящно. Крылья у нихъ золотыя, сапожки красные. Подъ Христомъ въ разливанномъ Іор-

данѣ видѣнъ деревянный помостъ, удерживаемый у боковъ его двумя рослыми мущинами. А на этомъ помостѣ стоитъ архіерей, безъ митры, въ крестчатомъ саккосѣ и читаетъ Евангеліе, держа въ правой рукѣ своей шестиконечный золотой крестъ. Около него справа и слѣва стоятъ три оглашенные съ возженными свѣчами, а спереди и сзади держатся на водѣ плашмя, мущина сзади, и женщина спереди, тотъ весь нагой, а эта прикрытая одеждою, которая однако не много отстала отъ нея вверху. Поодаль отъ помоста (на лѣво отъ зрителя) у Іудейскаго берега въ водѣ торчитъ черноволосый, крупнолицый, не старый мущина, безъ роговъ, съ золотымъ кувшиномъ въ лѣвой рукѣ: это миѳологическій производитель воды. Надъ нимъ начертана надпись: ὁ Ἰορδάν. Выше архіерея, у ногъ Христа, въ Іорданѣ одинъ человѣкъ весь нагой бросается въ эту рѣку, а другой плаваетъ въ ней; на берегахъ же Іудеи и Заіорданья стоятъ двѣ матери, одѣтыя и накрытыя красными платками: первая, что̀ на право отъ зрителя, приближаетъ къ себѣ только что окрестившагося и вышедшаго изъ воды сынка ея, а вторая, супротивъ ея, отсылаетъ въ Іорданъ свою доченьку. Задомъ къ сей женщинѣ стоитъ мущина, или одѣвающійся послѣ крещенія или скидывающій съ себя одежду для крещенія. — Выше Предтечи и ангеловъ изображены три искушенія Христа отъ діавола. Сперва темный духъ этотъ, высунувшій огненный языкъ свой, подаетъ ему два хлѣбца, держа ихъ на обѣихъ рукахъ своихъ; потомъ возводитъ его на кровлю Іерусалимскаго храма и приглашаетъ броситься внизъ, такъ какъ на лету поддержатъ-де его ангелы; при этомъ изображеніи помѣщены слова изъ Евангелія Матѳея (4, 5. 6.) καὶ ἔστησεν αὐτοῦ ἐπὶ τὸ πτερύγιον τοῦ ἱεροῦ. καὶ λέγει αὐτῷ. εἰ υἱὸς εἶ τοῦ θεοῦ βάλε σε αυτὸν κάτω: *и постави его на крилѣ церковнѣмъ, и глагола ему*: *аще сынъ еси Божій*, *верзися низу*; наконецъ діаволъ съ высокой горы показываетъ Христу всю славу міра, означенную золотою чашкою, золотымъ головнымъ уборомъ, золотыми деньгами и двумя золотыми сапогами. Выше сего послѣдняго изображенія Христосъ возвращается изъ пустыни: ему предшествуютъ два служащіе ему ангела; въ рукакъ своихъ они держатъ красные посошки. На правой сторонѣ Іордана, съ высокой горы сходитъ Христосъ, держа свитокъ въ десницѣ, а у подошвы этой выси стоитъ Предтеча, одѣтый по монашески, и правою рукою, поднятою высоко, указывая Мессію многочисленнымъ слушателямъ своимъ, говоритъ имъ: Ἴδε ὁ ἀμνὸς τοῦ θεοῦ, се агнецъ Божій (Іоанн. 1, 29). А они въ одно мгновеніе ока поворотились и быстро пошли къ Мессіи. Этотъ мгновенный поворотъ всей толпы народа могъ придумать только такой живописецъ, который искренно вѣровалъ въ силу божества І. Христа, привлекавшую всѣ добрыя сердца. Въ сей толпѣ видны старцы, мужи и юноши. Всѣ

они одѣты одинаково, но въ разноцвѣтныхъ хитонахъ и хламидахъ. На Христѣ же всюду гдѣ онъ изображенъ, хитонъ золотой, а *иматій* темноцвѣтный. Эта икона, высокаго письма, по мнѣ, была написана въ цареградскомъ монастырѣ Предтечи, принадлежавшемъ грузинамъ, написана во второй половинѣ 13 вѣка, подъ вліяніемъ монашества, одѣвшаго Предтечу въ иноческія одежды. Ранѣе она не могла появиться, во первыхъ, потому, что такъ изображать крещеніе Господне, какъ оно изображено на моей иконѣ, придумалъ цареградскій живописецъ Павелъ Хитросъ въ 1200 году, и тогда *въ присутствіи нашего Новгородскаго богомольца*, впослѣдствіи архіепископа Антонія, историровалъ такимъ образомъ одну изъ крещаленъ Цареграда, во вторыхъ, потому, что въ 1204 году Царьградъ взятъ былъ латинами и оставался въ ихъ власти до 1261 года: время, неудобное для искусствъ изящныхъ! «Ту же (у св. Софіи) и крестильница видна, и написанъ въ ней «Христосъ, во Іорданѣ крестится отъ Іоанна, со дѣяніемъ написанъ: и какъ «Іоаннъ. училъ народы, и какъ младыя дѣти металися во Іорданъ и людіе. «То же все Павелъ Хитрый писалъ *при моемъ животѣ*, и нѣту таково письмени». (Путешествіе Новгородскаго архіепископа Антонія въ Царьградъ. Спб. 1872 г. стр. 92, 93. Изданіе Павла Савваитова).

III. Очень хороша икона двухъ святыхъ великомучениковъ Ѳеодора Тирона и Ѳеодора Стратилата. Она написана, какъ и двѣ первыя, яичными или восковыми красками на дскѣ въ 4 вершка длиною и шириною, косвенно растрескавшейся на срединѣ. Фонъ этой иконы — золотистъ съ красноватымъ отливомъ. Оба великомученика, немного нагнувшіеся, стоятъ другъ противъ друга, и благоговѣйно и молитвенно смотрятъ вверхъ на явившуюся имъ Богоматерь, которая въ рукахъ своихъ держитъ приготовленныя имъ награды. Вокругъ головъ ихъ едва, едва видны вѣнцеобразныя сіянія. Оба они схожи лицами, какъ близнецы. Одинакова у нихъ стрижка кудрявыхъ волосъ въ видѣ скуфьи; одинаковы и чело и брови и круглые, хорошіе, глаза, и носы закругленные къ низу, и уста, а бороды разнятся: у Тирона борода густа и немного клинообразна, а у Стратилата порѣже и съ тремя въ низу раздѣльными прядями, или сосками. У обоихъ ихъ одинаково сложены обѣ руки и воздѣты къ Богоматери для принятія отъ Нея наградъ. Оба они одѣты въ панцыри, на которые накинуты мантіи, застегнутыя на правомъ плечѣ такъ, что правая сторона тѣла у обоихъ ихъ открыта. У Тирона поддевка подъ панцыремъ — красная, а у Стратилата желто-сѣрая; у того на лѣвомъ плечѣ виденъ золотой крестъ звѣздообразный, а у этого нѣтъ такого креста; у перваго золотые узоры на панцырѣ, какъ бы гребни, не походятъ на панцырные узоры на второмъ; а поручи съ золотистыми полосками у обоихъ одинаковы. На Тиронѣ мантія сѣро-желто-

вата, а на Стратилатѣ красновата. На обоихъ ихъ надра́ги (штаны) багрянаго цвѣта, съ золотыми продольными позументами запущены въногавицы; но у Стратилата на надраги нашиты золотыя четыреугольныя бляхи безъ *гэжиць*, какъ у Тирона. Ногавицы у сего великомученика желты съ красноватыми поперечными перевязями желтыми. Между обоими ими стоятъ два щита, два меча, и два копья. На первомъ желтоватомъ, сердцевидномъ, щитѣ въ вогнутой срединѣ его нарисованы, красная птица съ длиноватою шеею, и какія то витушки, а на широкомъ ободѣ словно буквы SS ·ф· и знакъ ·О·. Второй щитъ черенъ; на верхней части его, которая одна и видна за первымъ щитомъ, блеститъ золотая звѣзда. Мечи, которыхъ однѣ рукоятки видны изъ за щитовъ, оба древніе, римскіе. Копья насажены на древки краснаго цвѣта. Богоматерь надъ великомучениками изображена въ омофоріонѣ — погрудная. Она распростерла свои ручки въ обѣ стороны, и держитъ въ нихъ не вѣнки и не вѣнцы побѣдные, а какія то особенныя, ни на



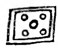
какихъ иконахъ не виданныя мною, повязки. Онѣ унизаны круглыми жемчужинами и большимъ краснымъ рубиномъ на срединѣ; а къ обоимъ концамъ ихъ прикрѣплены двусоставные изъ жемчужинъ же рожки. Эти повязки не греческія, а или *ассирійскія*, *или грузинскія*. Къ повязкѣ, что̀ надъ Тирономъ, вмѣсто срединнаго жемчужнаго кружка справа прикрѣпленъ круглый рубинъ. У головки Богоматери начертаны слова: МР ΘV. А надъ головами великомучениковъ читаются на́писи:

(ⲁ) ΘЄΟΔΟΡΟϹ — (ⲁ) ΘЄΟΔΟΡΟϹ

Ο ϹΤΡΑΤΙΛΑΤΗϹ — Ο ΤΙΡΩΝ

И эта икона, высокаго письма, по мнѣ, написана грузиномъ въ Константинополѣ въ 13 вѣкѣ, потому что фонъ, пошибъ и колоритъ ея такіе же, какъ и на образѣ Крещенія Господня, и потому что въ началѣ указаннаго вѣка нашъ Новгородецъ, архіепископъ Антоній, видѣлъ въ Цареградѣ въ Влахернѣ мощи св. Ѳеодора Стратилата и при нихъ *щитъ и мечь его*. Шиты и мечи изобразилъ и цареградскій грузинъ у обоихъ святыхъ Ѳеодоровъ.

IV. На четвертой у меня досчатой иконѣ, длиною въ 5 вершковъ, шириною въ 4, на золотистомъ фонѣ, къ сожалѣнію, въ позднее время покрытомъ олифою, написаны яичными или восковыми, красками два святые іерея въ ростъ, именно, Петръ и Арсеній, въ полномъ іерейскомъ облаченіи. Они

стоятъ одинъ противъ другаго, и немного нагнувшись, молятся Спасителю, который изображенъ надъ ними. Вокругъ головъ ихъ круглый вѣнецъ обозначенъ краснымъ тоненькимъ ободкомъ. Обѣ онѣ острижены такъ, что макушки ихъ голы, а сѣдые волосы выше чела образуютъ собою терновый вѣнецъ Христовъ, Corona Christi. Старческія бѣлыя лица обоихъ іереевъ этихъ благообразны, какъ живыя. Чело, брови и глаза очень хороши, ланиты и губы румяны (румянецъ — знакъ побѣды надъ страстями), сѣдоватыя бороды густы и немного клинообразны. Пріятно смотрѣть на эти лица. У обоихъ іереевъ обѣ руки воздѣты горѣ въ молитвенномъ настроеніи душъ ихъ. На рукахъ три перста, средній, безъимянный и мизинецъ, соединены въ знакъ исповѣданія св. Троицы, а остальные персты означаютъ исповѣданіе двухъ Естествъ во Христѣ, божескаго и человѣческаго. На рукахъ видны поручи шитые золотомъ. Оба іерея одѣты въ фелони, епитрахили и подризники. На Петрѣ фелонь — бѣла съ слабымъ отливомъ желтизны, а подризникъ цвѣта сиреневаго; на Арсеніѣ же фелонь цвѣта сиреневаго, а подризникъ желтоватъ; епитрахили на обоихъ ихъ двусоставны, длинныя до ступней, съ красными витушками у концовъ, вышиты золотомъ узорчато, съ нашивками на нихъ трехъ матерчатыхъ квадратиковъ  унизанныхъ четырьмя крупными жемчужинами и среди ихъ рубиномъ. Надъ головами этихъ святыхъ читаются, не отвѣсныя, написи греческія: Ο ΑΓΙ^{ΟC} ΠΕΤΡΟC Ο ΑΓΙΟ^{C} ΑΡCΕΝΙΟC. Буквы тутъ крупны. Написаны онѣ киноварью. Выше этихъ написей изображенъ Іисусъ Христосъ, погрудный, въ полукругѣ небеснаго цвѣта. Волосы его пущены за плечи; лице, немного обращенное къ Петру, благообразно, съ румянцомъ; чело, брови, глаза, уста вырисованы хорошо; усы къ низу; бородка мала. Спаситель обѣими руками благословляетъ обоихъ іереевъ: перстосложеніе у Него архіерейское, именословное. Хитонъ и *иматій* на немъ — одинаковаго цвѣта оливковаго. На правой рукѣ у плеча видна буква **И**, написанная киноварью. Это, какъ я думаю, начальная буква имени живописца, Николая или Никандра, или Никиты. Не знаю когда жили грузинскіе святые Петръ и Арсеній. А изображены они, по мнѣ, въ XIV вѣкѣ, если не въ началѣ XV в. Вѣнцы вокругъ головъ ихъ, обозначенные лишь красными ободками, а не золотомъ, понуждаютъ меня полагать, что икона ихъ написана позднѣе иконъ свв. Тироновъ и Крещенія Господня»...

Изъ этого краткаго перечня трудовъ по грузинской археологіи преосв. Порфирія видно какъ они разнообразны, и что покойный затрогивалъ груз. старину съ разныхъ сторонъ: исторія груз. церкви, сношенія Грузіи съ патріархами Востока и императорами Византіи, паломничество грузинъ

въ св. мѣста Востока, постройки возводимыя и содержимыя ими тамъ, памятники письменные, эпиграфическіе, художественные и т. п., все привлекало къ себѣ вниманіе этого замѣчательнаго труженика и по всѣмъ этимъ отраслямъ грузинскихъ древностей покойнымъ собрано много драгоцѣнныхъ свѣдѣній, которыя съ благодарностью будутъ приняты къ свѣдѣнію и руководству всѣми интересующимися грузинскою стариной.

А. Цагарели.

Арабскія сказанія о пораженіи Романа Діогена Алп-Арсланомъ.

I.

Ибн-ал-Атиръ.

«Исторія азіатскихъ походовъ героическаго, но несчастнаго императора прекрасно изложена спутникомъ, секретаремъ и совѣтникомъ его, Михаиломъ Атталіотой[1]), но это конечно не лишаетъ извѣстнаго значенія и разсказы восточныхъ авторовъ, армянскихъ, сирійскихъ, арабскихъ и персидскихъ.

Что касается спеціально до арабскихъ и персидскихъ авторовъ, то мы къ сожалѣнію до сихъ поръ не располагаемъ ни однимъ современнымъ источникомъ для интересующаго насъ періода и вообще для исторіи первыхъ Сельджукидовъ[2]). Позднѣйшая компиляція Ибн-ал-Атира конечно очень драгоцѣннна, но не можетъ замѣнить первоисточниковъ, тѣмъ болѣе, что Ибн-ал-Атиръ обыкновенно умалчиваетъ объ источникахъ, которыми онъ пользовался. При такомъ положеніи дѣла первой задачей будетъ изслѣдовать какими сочиненіями *могъ* пользоваться Ибн-ал-Атиръ. Я имѣлъ уже случай высказать предположеніе[3]), что въ изложеніи пораженія Романа Діогена багдадскій историкъ пользовался между прочимъ

1) *В. Г. Васильевскій*, въ статьѣ «Варяго-русская и варяго-англійская дружина въ Константинополѣ», глава X (Журн. Мин. Нар. Пр. ч. 178, отд. 2, Мартъ 1875, стр. 116).—*Короткую характеристику* Атталіоты читатель найдетъ у *Скабалановича*, Византійское Государство и церковь въ XI в. Спб. 1884 стр. X — XII.

2) Ср. замѣчанія *Sachau*, въ статьѣ «Zur Geschichte und Chronologie von Khwârizm» Wien 1873, II, p. 28 (= Sitzungsber. d. histor. phil. Classe der k. Akad. d. Wiss. bd. LXXIV, p. 312).

3) См. *Императоръ Василій Болгаробойца*, Спб. 1883, стр. 331—332.

исторіей Сельджукидовъ, составленной извѣстнымъ секретаремъ Саладина, Имâд-эд-диномъ Исфаганскимъ. Дальнѣйшему разъясненію этого вопроса посвящена настоящая замѣтка. Приведемъ прежде всего разсказъ Ибн-ал-Атира, отмѣтивъ предварительно тотъ фактъ, что о первыхъ походахъ Романа въ Азію Ибн-ал-Атиръ [1]) довольствуется слѣдующимъ весьма краткимъ замѣчаніемъ подъ 462-мъ годомъ (20 Окт. 1069 — 8 Окт. 1070 г.).

«Въ этомъ году царь грековъ прибылъ изъ Константинополя въ Сирію съ большимъ войскомъ и осадилъ городъ Манбиджъ (Іераполь) и ограбилъ его и убилъ жителей его и разбилъ Махмуд-ибн-Сâлих-ибн-Мирдâса, Бени-Килâбъ и Ибн-Хассâна ат-Тâи и бывшихъ съ ними обоими арабовъ. Потомъ царь грековъ ушелъ и вернулся въ свои страны и не могъ долѣе остаться по причинѣ сильнаго голода (въ Сиріи)».

За то онъ намъ даетъ [2]) подъ слѣдующимъ 463 годомъ (9 окт. 1070 — 28 сент. 1071) подробный разсказъ:

«О выступленіи царя грековъ въ Хелатъ и о взятіи его въ плѣнъ». «Въ этомъ году выступилъ Романъ, царь грековъ, во главѣ 200,000 человѣкъ грековъ, франковъ, арабовъ, рýсовъ, баджнâковъ (печенѣговъ), грузинъ и другихъ полчищъ тѣхъ странъ. И пришли они съ большими припасами и въ великолѣпномъ снаряженіи и устремился онъ (*царь грековъ*) въ мусульманскія страны и дошелъ до Малâзкерда [3]), что въ Хелатской области. И дошла вѣсть объ этомъ до султана Алп-Арслана, когда онъ, вернувшись изъ Халеба, находился въ городѣ Хувейѣ, въ Азербейджâнѣ. И узналъ онъ о громадномъ числѣ войскъ царя грековъ и не было ему никакой возможности собрать (*всѣ*) свои войска, такъ какъ они были далеки, а врагъ близокъ. И отправилъ онъ поэтому обозъ свой, съ своей женой и (*визиремъ*) Низâм-ал-мюлькомъ въ Хамаданъ, и пошелъ самъ съ тѣми войсками, которыя у него были подъ рукой, — а было ихъ 15,000 всадниковъ — и шелъ весьма скоро. И сказалъ онъ имъ: я поборюсь за Божье дѣло мужественно; если я останусь цѣлымъ, то это — милость всевышняго Бога, а если умру мученической смертью, то мой сынъ Меликшахъ будетъ моимъ наслѣдникомъ». И пошли они впередъ. И когда онъ приблизился къ непріятелю, то выслалъ противъ него авангардъ. И встрѣтилъ его авангардъ подъ Хелатомъ начальника рýсовъ [4]) съ пятью приблизительно тысячами грековъ. И сразились они и были рýсы обращены въ бѣгство, а ихъ начальникъ взятъ въ плѣнъ и приведенъ къ султану. И велѣлъ онъ ему отрѣзать носъ

---

1) ed. Tornberg X, 40.

2) Ibid. стр. 44.

3) Или Манâзкерда (т. е. *Манцикерта* грековъ).

4) Или русскаго отряда. Оба перевода филологически одинаково возможны.

и послалъ всю добычу къ Низа̂м-ал-мюльку и приказалъ ему отправить ее въ Багдадъ. И когда обѣ арміи приблизились другъ къ другу, султанъ послалъ къ царю грековъ, требуя отъ него перемирія. И сказалъ ему *царь грековъ*: «не будетъ перемирія, развѣ только въ Рейѣ». И встревожился султанъ этимъ (*отвѣтомъ*). И сказалъ ему его има̂мъ и законовѣдъ, Абу-Наср-Мухаммед-ибн-Абд-ал-Мелик-ал-Буха̂ри ал-Ханафи: ты сражаешься за вѣру, побѣду которой и возвышеніе которой надъ всѣми другими религіями, обѣщалъ самъ Богъ, и я надѣюсь, что всевышній Богъ предназначилъ твоему имени эту побѣду. И такъ, сразись съ ними въ день пятницы послѣ полудня въ тотъ часъ, когда проповѣдники стоятъ на каѳедрахъ, ибо они (*тогда*) помолятся о побѣдѣ борцовъ за вѣру и молитва непремѣнно будетъ услышана». И когда наступилъ тотъ часъ, онъ (*султанъ*) совершилъ съ ними молитву. И плакалъ султанъ и заплакали всѣ, потому что онъ плакалъ, и помолился онъ и вмѣстѣ съ нимъ помолились и они. И сказалъ онъ имъ: «кто желаетъ уйти, пусть уйдетъ, ибо здѣсь нѣтъ султана, который приказывалъ бы или запрещалъ». И бросилъ онъ лукъ и дротикъ и взялъ мечъ и палицу и своею рукой связалъ въ узелъ хвостъ своей лошади и его войска сдѣлали то-же самое. И надѣлъ онъ бѣлое платье и надушился и сказалъ: «если я буду убитъ, то это пусть будетъ моимъ саваномъ». И двинулся онъ на грековъ и двинулись они на него. И когда онъ приблизился къ нимъ, онъ сошелъ съ лошади и повергъ свое лице ницъ въ пыль и плакалъ и долго молился. Потомъ онъ сѣлъ на лошадь и понесся, и понеслись вмѣстѣ съ нимъ его войска и очутились мусульмане (*вдругъ*) среди нихъ (*грековъ*), ибо скрывала ихъ отъ нихъ пыль. И убивали мусульмане ихъ столько, сколько хотѣли. И ниспослалъ имъ Богъ побѣду и обратились греки въ бѣгство и было ихъ убито несмѣтное число, такъ что земля была усѣяна тѣлами убитыхъ. И былъ взятъ въ плѣнъ царь грековъ. Его взялъ въ плѣнъ одинъ изъ рабовъ Гухера̂ина. Онъ хотѣлъ его убить, не зная кто онъ. И сказалъ ему тогда одинъ бывшій при царѣ рабъ: не убивай его, ибо онъ — царь. Этого самаго раба Гухера̂инъ представлялъ (*когда-то*) Низа̂м-ал-мюльку (*для внесеніи въ списки воиновъ*), но тотъ отвергъ его, считая его слишкомъ жалкимъ. И похвалилъ его Гухера̂инъ, но Низа̂м-ал-мюлькъ сказалъ (*въ шутку*): «онъ пожалуй приведетъ намъ царя грековъ плѣннымъ». И вышло именно такъ! И когда рабъ взялъ царя въ плѣнъ, то привелъ его къ Гухера̂ину и тотъ пошелъ къ султану и извѣстилъ его о взятіи царя въ плѣнъ. И повелѣлъ (*султанъ*) привести его, и когда онъ былъ приведенъ, султанъ Алп-Арсланъ ударилъ его три раза своею рукой и сказалъ ему: «развѣ я не посылалъ къ тебѣ за перемиріемъ, а ты отказался»? И сказалъ (*царь*): «избавь меня отъ упрековъ и сдѣлай со мной что хочешь». И сказалъ султанъ: «что намѣревался ты сдѣлать со мной, еслибъ ты меня взялъ въ плѣнъ?» Онъ

сказалъ: «я сдѣлалъ бы тебѣ зло». Султанъ сказалъ: «а что ты думаешь, какъ я поступлю съ тобой»? Онъ сказалъ: «ты или убьешь меня или провезешь позорно по мусульманскимъ землямъ на показъ или-же—но это весьма невѣроятно—простишь меня и примешь отъ меня деньги и поставишь меня своимъ намѣстникомъ (*въ греческихъ земляхъ*)». Султанъ сказалъ: «я имѣю въ виду именно это». И установилъ онъ выкупъ за него въ 1,500,000 динаровъ и (*выговорилъ еще*), что онъ долженъ ему посылать войска греческія, когда онъ только потребуетъ, и отпуститъ всѣхъ (*мусулманскихъ*) плѣнныхъ, находящихся въ странахъ грековъ. На этихъ условіяхъ было дѣло рѣшено. И помѣстилъ онъ его въ палатку и послалъ ему 10,000 динаровъ на расходы по снаряженію въ путь, и отпустилъ на служеніе ему многихъ патриціевъ, а на другой день онъ надѣлъ на него почетное платье. И сказалъ царь грековъ: «гдѣ сторона халифа»? И была она ему указана: тогда онъ всталъ и обнажилъ свою голову и указалъ на землю въ знакъ своей покорности. И заключилъ султанъ съ нимъ перемиріе на 50 лѣтъ и отправилъ его въ его страны и отправилъ съ нимъ войско, которое и доставило его въ безопасное мѣсто. И провожалъ его самъ султанъ на разстояніи одного фарсаха. И когда до грековъ дошла вѣсть объ этой битвѣ, то Михаилъ напалъ на государство и захватилъ всѣ страны. И когда царь Романъ прибылъ въ крѣпость Докею, дошла до него вѣсть объ этомъ. Тогда онъ надѣлъ шерстяное платье и объявилъ, что онъ постригается въ монахи и послалъ къ Михаилу, чтобы извѣстить его о томъ, что было условлено съ султаномъ и велѣлъ сказать ему: «если тебѣ угодно исполнить то, что было условлено, (*то-сдѣлай*), а если угодно тебѣ уклониться (*то-уклонись*)». И отвѣтилъ ему Михаилъ, что онъ одобряетъ условленное и просилъ его посредничества и заступничества у султана въ этомъ дѣлѣ. И собралъ Романъ всѣ деньги, которыя были у него — а было ихъ 200,000 динаровъ — и послалъ ихъ султану вмѣстѣ съ золотымъ подносомъ, на которомъ было драгоцѣнныхъ камней на 90,000 динаровъ и поклялся, что онъ больше не можетъ собрать. Потомъ Романъ овладѣлъ областями и странами армянъ. И прославили поэты султана и очень много воспѣвали эту побѣду.

Бар. В. Розенъ.

Предварительныя замѣтки о нѣкоторыхъ персидскихъ нарѣчіяхъ [1]).

Если изъ Исфагана черезъ мостъ Морнунъ выѣхать по дорогѣ въ Неджеф-абадъ, то на разстояніи почти трехъ фарсаховъ безпрерывно тянутся на право и налѣво красиво раскинутыя деревеньки: Неджнунъ, Парунъ, Зеррунъ, Кухунъ, Лядунъ, Судунъ, Ренунъ, Хизюнъ, Перишунъ, Бенесбаунъ. Три послѣднія изъ нихъ носятъ общее названіе «Сэ-дэ»—سه‌ده, т. е. три деревни. Селенія эти, орошаемыя рѣченкой Джугердеръ, которую отводятъ изъ Зендеруда, довольно большія; къ сожалѣнію я не могъ точно узнать численности населенія, потому что на мой вопросъ: сколько приблизительно въ Сэ-дэ жителей? — постоянно слѣдовалъ чисто персидскій отвѣтъ: «Много (بسيار). Сколько тысячъ....! چندان هزار هزار. Деревни эти имѣютъ свои мечети; одна Бенесбаунъ, состоящая изъ пяти кварталовъ محله, имѣетъ ихъ въ каждомъ по одной. Есть также свой *имам-задэ*, Сейидъ-Мухаммедъ, пользующійся въ окрестностяхъ большою извѣстностью, такъ что въ праздничные дни на могилу его стекается — опять таки по персидскому счету — до 60,000 поклонниковъ! Сэдейцы не гнушаются суевѣріями. Такъ они вѣрятъ, что вслѣдствіе какой-то сверхъестественной силы громадный камень недалеко отъ нихъ упалъ съ вершины горы, съ страшной быстротой ринулся внизъ, но остановился какъ разъ на срединѣ горы (كمر),

---

1) Магистръ перс. словесности В. А. Жуковскій съ Мая 1883 г. находится въ Персіи, куда онъ былъ командированъ по ходатайству Факультета восточныхъ языковъ. Занимаясь собираніемъ разныхъ лингвистическихъ матеріаловъ В. А. Жуковскому удалось изслѣдовать между прочимъ нѣсколько совершенно еще неизвѣстныхъ мѣстныхъ говоровъ Исфаганской провинціи, и объ одномъ изъ нихъ, именно о *сэдейскомъ* нарѣчіи, онъ прислалъ въ Факультетъ довольно подробный грамматическій очеркъ съ приложеніемъ текстовъ, который онъ по возвращеніи безъ сомнѣнія издастъ цѣликомъ. Изъ введенія къ этому очерку мы сообщаемъ здѣсь нѣкоторыя предварительныя замѣтки, дополняя ихъ кое-гдѣ изъ писемъ В. А. Жуковскаго, адресованныхъ лично намъ. (Прим. Ред.)

какъ бы повисъ на воздухѣ: любовь Алія остановила его на полпути, — почему камень этотъ извѣстенъ теперь подъ именемъ سنك عشق على «Камень любви Алія». Говорили мнѣ также, что лѣтъ пятнадцать тому назадъ была въ Сэ-дэ какая-то чудотворная книга, только не Коранъ; — всякій кто проходилъ подъ нею — ее держали два человѣка — избавлялся отъ настоящихъ и будущихъ болѣзней, и не только правовѣрный, но даже кяфиръ въ образѣ напр. армянина. За это взималось отъ двухъ *шай* (3 коп.) до.... сколько дастъ десница вѣрующаго. Такими пустяковыми поборами владѣлецъ книги составилъ себѣ довольно приличный капиталъ. Куда потомъ дѣлась книга — неизвѣстно; только теперь о ней ничего не слышно.

Занятіе Сэдейцевъ, какъ и крестьянъ большей части окрестныхъ деревень, составляетъ воздѣлываніе кальяннаго табака, терьяка, и хлопка (جوزق, كلوزه). Послѣдній въ сыромъ видѣ или въ видѣ веревокъ (تَنْف) везутъ въ городъ и каждое воскресенье въ Джульфу на базаръ. Среди исфаганцевъ сразу можно отличить жителя Сэ-дэ, не по какимъ нибудь наружнымъ признакамъ—какъ напр. одежда, головной уборъ и пр. а по особенному говору и по тѣмъ насмѣшкамъ, которыми преслѣдуетъ его плутоватый исфаганецъ, насмѣшкамъ пересыпаннымъ оборотами, принаровленными къ сэдейскому нарѣчію. Извѣстный во всемъ Исфаганѣ люти Керимъ, скончавшійся въ прошломъ году, потѣшаясь надъ сэдейцами, составилъ на ихъ языкѣ нѣсколько скабрезныхъ таснифовъ (تصنيف), которые теперь съ удовольствіемъ распѣваютъ сэдейцы. Даже Ленджунцы, давнымъ давно извѣстные своимъ дурнымъ произношеніемъ и коверканнымъ выговоромъ, и тѣ не оставляютъ сэдейцевъ въ покоѣ. Сэдейцы равнодушно переносятъ эти насмѣшки и сами сознаются, что языкъ ихъ несовершенный и ни для кого непонятный. Для выраженія этого они употребляютъ общеизвѣстную какъ среди персовъ, такъ и среди турокъ, поговорку «Турокъ не видавшій воды» تركآب نديده, ترك صو گورمش и говорятъ что زبان‌ما ترك آب نديده است Несмотря на такое заявленіе сэдейцевъ, языкъ ихъ въ нашихъ глазахъ конечно заслуживаетъ вниманія: Три деревеньки, составляющія незначительную горсть персидскаго населенія, имѣютъ свой собственный языкъ, настолько самостоятельный, что женщины по большей части невыходящія за предѣлы своихъ деревень, не понимаютъ чисто персидской рѣчи за исключеніемъ нѣкоторыхъ словъ общихъ обоимъ языкамъ. Мужчины же, имѣя частое сообщеніе съ жителями города и другихъ селеній, почти всѣ свободно владѣютъ персидскимъ языкомъ, хотя и говорятъ на немъ съ нѣкоторымъ акцентомъ. Еще бóльшій интересъ пріобрѣлъ для меня этотъ языкъ, когда

дальнѣйшія изслѣдованія мнѣ показали, что сэдейское нарѣчіе не стоитъ совершенно особнякомъ, а имѣетъ довольно близкую родню. Къ ней принадлежитъ напр. нарѣчіе *Кешэ*. Кешэ — одна изъ 72 деревень расположенныхъ вокругъ *Натенза* (въ 14 фарсахахъ или 85 верстахъ отъ Исфагана, въ горахъ). — Это нарѣчіе, говоря по персидски, доводится братомъ сэдейскому, но не роднымъ, скажемъ по нашему, а двоюроднымъ, потому что будучи сходно съ нимъ въ общемъ, въ частностяхъ имѣетъ свои особенности, которыя мною тщательно отмѣчены. Замѣчательно то, что насколько сэдеецъ пренебрежительно отзывается о своемъ языкѣ, настолько кешеецъ, который мнѣ давалъ первыя свѣдѣнія объ этомъ нарѣчіи, восторгался своимъ. Онъ убѣждалъ меня, что изучивъ нарѣчіе Кешэ, я въ состояніи буду понимать всѣ нарѣчія, какія только существуютъ въ Иранѣ, мало того, на Кавказѣ, въ Россіи, наконецъ въ Френгистанѣ. Онъ пренаивно упрашивалъ меня говорить съ нимъ по русски, вразумляя меня, что послѣ трехъ, четырехъ разъ онъ начнетъ понимать. Такое убѣжденіе сложилось не совсѣмъ даромъ: 72 деревни говорятъ въ сущности на одномъ и томъ-же нарѣчіи, хотя каждая имѣетъ свои особенности, не на столько, впрочемъ рѣзкія, чтобы мѣшать жителямъ одной деревни довольно свободно понимать жителей другой. Шагъ отъ 72 деревень до всего Ирана конечно великъ, но для перса, даже не крестьянина, вполнѣ мыслимъ. Со словъ очень симпатичнаго старика кешейца я записалъ очень много народныхъ произведеній: вирши, которые слагаются въ Исфаганѣ, доходятъ до Кешэ и поются на мѣстномъ нарѣчіи и наоборотъ.

Другое нарѣчіе, *Кохрудское*, оказалось родственнымъ кешейскому, хотя опять таки не лишено своихъ особенностей. Родство сказывается главнымъ образомъ въ тождествѣ (приблизительномъ, не безъ исключній) построенія глагольныхъ формъ и глагольныхъ корней. Корни другихъ словъ, въ особенности названій предметовъ первой необходимости, а также членовъ рода и семьи, на соотвѣтствующіе корни кешейскаго нарѣчія не похожи. Кстати можно замѣтить, что собака называется *«исба»*. Кохрудійцы, которые приходятъ въ Исфаганъ, всѣ безъ исключенія чарвадары. Сваливъ вьюки, они потомъ рыщутъ нѣсколько дней по базару, подыскивая тяжести для перевозки въ Кашанъ-Кумъ-Тегеранъ, причемъ поиски эти непремѣнно совершаются толпою сотоварищей. Мнѣ только послѣ немалыхъ трудовъ удалось залучить одного изъ этихъ интересныхъ горцевъ. Пришлось пустить въ дѣло хитрость. Отправленный мною на базаръ человѣкъ увѣрилъ одного изъ кохрудійцевъ, что мнѣ нужны мулы для перевозки вьюковъ въ Тегеранъ. Тотъ на эту удочку попался, немедленно же явился ко мнѣ и хотя съ первыхъ же словъ былъ разочарованъ, тѣмъ не менѣе остался у

меня. Онъ оказался моимъ знакомымъ, однимъ изъ тѣхъ, съ которымъ я пріѣхалъ въ Исфаганъ. Когда по окончаніи перваго сеанса онъ получилъ отъ меня приличный *ан'амъ* и приказаніе вновь явиться на слѣдующій день, онъ разсыпался въ благодарностяхъ и просилъ извинить, что до сихъ поръ онъ не пришелъ ни разу освѣдомиться о «моихъ благородныхъ обстоятельствахъ». Матеріалы кохрудскаго нарѣчія мною собраны по одному шаблону съ сэдейскимъ и кешейскимъ и тексты для образца взяты одни и тѣ-же. На кохрудскомъ нарѣчіи у меня есть еще пѣснь о голодовкѣ 1870 г. сложенная въ *Кохрудѣ*.

Въ *Рудештскомъ* булюкѣ оказалось также свое нарѣчіе, принадлежащее къ той-же группѣ. Оно болѣе тяготитъ къ *Сэдэ* нежели къ *Кохруду* и *Кешэ*. Моимъ учителемъ былъ уроженецъ одной изъ деревень рудештскаго булюка, именно деревни *Кяфронъ*. Кяфронецъ этотъ пришелся мнѣ очень по вкусу. Это былъ нетолько человѣкъ толковый и грамотный, который удовлетворялъ быстро всѣ мои разспросы, но онъ и не такъ былъ лѣнивъ какъ большая часть персовъ и съ большой охотой исполнялъ порученія, которыя я на него возлагалъ. Такъ въ началѣ онъ аккуратно приносилъ мнѣ свои произведенія — онъ самъ поэтъ и какъ таковой имѣетъ прозвище (тахаллус) مصباح, т. е. «свѣточь» — а потомъ его стараніями всплыли наружу стихи и другихъ мѣстныхъ поэтовъ, которые мною тщательно записываются. Онъ-же наконецъ обѣщалъ мнѣ, списавшись съ одно-сельчанами, добыть мнѣ до *2-хъ аршинъ газелей!* И онъ дѣйствительно сдержалъ свое слово. У меня уже въ рукахъ[1]) болѣе 900 рудештскихъ стиховъ въ русской транскрипціи и въ оригиналѣ. Они принадлежатъ перу четырехъ поэтовъ, *Бесмель, Ризванъ, Тали* и *Мисбâхъ*. Всѣ они уроженцы одной и той-же деревни Кяфронъ, простые крестьяне. Все записанное, какъ текстъ, интересно въ филологическомъ отношеніи, а произведенія двухъ первыхъ любопытны также съ точки зрѣнія изящества: часть описательная очень хороша, кисть яркая. Переводъ не всегда дается легко, потому что плеоназмовъ много. Когда поставщикъ текстовъ окончательно истощится, я принимаюсь за составленіе перевода всего собраннаго и рудештскаго словарика, чтобы, возвратившись въ Петербургъ, располагать почти готовымъ матеріаломъ для печатанія. Между записанными мною кяфронскими текстами есть также и разсказъ о «голодовкѣ». По пятамъ этой отрасли народныхъ произведеній я слѣдую неотступно, потому что она имѣетъ несомнѣнный глубоко-историческій интересъ, какъ картина разныхъ пунктовъ

---

1) Эти слова относятся къ 19 маю 1885 г.

Ирана въ извѣстную эпоху. Мои старанія въ этомъ направленіи были небезуспѣшны: Кяфронскій текстъ голодовки въ моей коллекціи — шестой.

Самый фактъ существованія этихъ рудештскихъ произведеній очень интересенъ: изъ упомянутыхъ нарѣчій только одно рудештское оказалось имѣющимъ собственную литературу. Всѣ мои поиски за пѣснями народнаго сэдейскаго творчества до сихъ поръ оказались тщетными. Весь сэдейскій матеріалъ имѣющійся въ моихъ рукахъ не представляетъ ничего оригинальнаго, своеобразнаго и есть ни болѣе, ни менѣе какъ передѣлка книжныхъ персидскихъ произведеній. Особенною любовью сэдейцевъ пользуются четверостишія *Баба Тáгира Лури* (другія его прозвища — «*Урьянъ*» т. е. «Голышъ» и «Кухи т. е. «горецъ»). — Не смотря однако на всѣ увѣренія сэдейцевъ, что они не имѣютъ своихъ пѣсенъ, я не потерялъ окончательно надежды найти ихъ. Эту надежду главнымъ образомъ во мнѣ поддерживаютъ женщины, вообще большія любительницы пѣнія. Сэдейскія женщины, не зная персидскаго языка, едвали могутъ довольствоваться персидскими пѣснями, хотя бы передѣланными.

В. Жуковскій.

Примѣчаніе редактора.

Въ Британскомъ музеѣ хранятся три рукописи (Add. 7829, 7826, и 23, 554) на *Гуранскомъ* нарѣчіи. Описывая ихъ, *Dr. Rieu* [1]), даетъ короткій грамматическій очеркъ самого нарѣчія [2]). Оказывается, что есть между нимъ и сэдейскимъ нарѣчіемъ нѣкоторое сходство какъ въ грамматическомъ, такъ и въ лексическомъ отношеніяхъ. Отъ глагола کردن будущее время напр. будетъ.

по гурански	*по сэдейски*	по перс.
بکرو или بکرون	بَکران	بکنم
بکری	بکری	بکنی
بکرو	بکرو	بکند
بکری или بکریم	بکریم	بکنیم
بکردی	بکرید	بکنید
بکران	بکرند	بکنند

1) Catalogue of the Persian manuscripts in the British Museum, vol. II. p. 728—34.

2) «Гуранами называютъ жителей восточнаго или персидскаго Курдистана, столицу котораго, *Сину*, посѣтилъ Ричъ въ августѣ 1820 г.» *Rieu*, l. c.

Одной изъ самыхъ замѣчательныхъ особенностей гуранскаго нарѣчія г. *Рьё* считаетъ слѣдующую: Въ прошедшемъ (past) дѣйствующее лицо выражается большею частью сокращеннымъ личнымъ мѣстоименіемъ, которое прибавляется либо къ самому глаголу либо къ одному изъ предшествующихъ словъ [1]).

Такъ напр. فرمودی = فرمات, گفتند = واتشان, او گفت = واتش, مجنون‌را بردند = مجنونشان برد, چند طعنه شنودم = چند تانم شنفت, جاه گرفتم = جام کرت и т. д.

Въ сэдейскомъ нарѣчіи г. Жуковскій отмѣтилъ подобное-же явленіе 1) въ глаголѣ داشتن имѣть, который «въ praeteritum сокращенныя формы личныхъ мѣстоименій имѣетъ не въ началѣ [2]), а въ концѣ, такъ что онъ спрягается

Ед. ч. 1 л.	داتم	М. ч.	داتمون
2 л.	داتت		داتدون
3 л.	داتوی или داتا или دات		داتیون

и 2) въ слѣдующемъ правилѣ, которымъ г. Жуковскій заканчиваетъ въ своемъ очеркѣ главу о сэдейскомъ глаголѣ:

«Существенную особенность представляетъ глаголъ дѣйствительный въ формахъ, которыя имѣютъ сокращенныя личныя мѣстоименія, когда стоитъ съ дополненіемъ. Въ такихъ случаяхъ мѣстоименныя формы отъ глагола отдѣляются и присоединяются непосредственно къ дополненію. Напр.

نونم گنه — я желаю хлѣба

آوت برتا — ты налилъ воды

خبری وراشنفت — онъ слышалъ извѣстіе

اشتباهمون بکته بو — мы сдѣлали ошибку (смѣшали)

کاغذدون اگته بو — вы взяли бумагу.

کبابیون بخوتو — они съѣли жаркое.

---

1) l. c. p. 730 « . . . the ground-form of the past remains uninflected, and the subject is expressed by the enclitical forms of the pronouns which are appended either to the past itself, or to some preceding word.

2) Какъ другіе сэдейскіе глаголы.

Примѣрами лексическаго сходства могутъ служить: въ обоихъ нарѣчіяхъ вмѣсто گفتن является другой корень; گو = واچ (гур.) = بَوَا (сэд.). Онъ сказалъ — по *гур.* وات, по *сэд.* — بیوات. Вм. شنید въ *гур.* شنفت, *сэд.* وَيَرْشْنْفْتْ.—Дальнѣйшія изслѣдованія покажутъ насколько эти сопоставленія существенны. Было-бы въ высшей степени желательно, чтобы г. Жуковскому удалось встрѣтиться съ какимъ-нибудь *гураномъ*, такъ какъ матеріалы у г-на *Ръё* были исключительно рукописные.

МЕЛКІЯ ЗАМѢТКИ И ИЗВѢСТІЯ.

Первое русское посольство въ Хератѣ.

853-й годъ гиджры (= 24 февраля 1449 — 13 февраля 1450 г. по Р. X.) ознаменованъ важнымъ въ лѣтописяхъ Средней Азіи событіемъ: воцареніемъ или, выражаясь витіеватымъ слогомъ персидскаго историка *Абдеррезака Самаркандскаго*[1]), «восходомъ солнца знамени султанскаго и дѣломъ восшествія на престолъ владычества и міродержавія» (طلوع آفتاب رايت سلطانى وعزم استعلاء بر سرير سلطنت وجهانبانى) одного изъ многочисленныхъ правнуковъ знаменитаго Тимура, мирзы султана *Абусаида* (сына Мухаммеда и внука Мираншаха), который съ тѣхъ поръ 20 лѣтъ самовластно распоряжался судьбами Мавераннехра и Хорасана и постоянно враждовалъ и воевалъ съ своими родичами и сосѣдями[2]).

Въ числѣ разныхъ посольствъ, являвшихся къ нему въ теченіе этого времени, тотъ-же Абдеррезакъ упоминаетъ о послахъ русскаго «падишаха» (т. е. Великаго князя Іоанна III), прибывшихъ къ Абусаиду въ Хератъ въ 869 году гиджры (= 3 сент. 1464 — 23 авг. 1465 г.), слѣдовательно за два года до древнѣйшаго, извѣстнаго намъ до сихъ поръ, русскаго посольства въ Азію Василія Папина, ѣздившаго, какъ мы знаемъ по словамъ купца Никитина[3]) въ Шемаху къ Ширваншаху Феррухъ-Іессару. Вотъ

1) Автора извѣстной лѣтописи مطلع السعدين ومجمع البحرين († въ 887 году гиджры = 1482 г. по Р. X.), разсмотрѣнію которой пок. Катрмеръ посвятилъ обширную статью въ XVI-мъ томѣ Not. et Extr. des manuscrits, стр. 1—514.

2) Довольно подробную характеристику его царствованія сообщаютъ D'Herbelot въ своей Bibliothèque Orientale (въ статьѣ Abou-Said) и Deguignes въ своей Histoire générale des Huns etc. To. IV, p. 84—94.

3) См. изслѣдованіе Срезневскаго: Хоженіе за три моря Аѳанасія Никитина. (Спб. 1856).

что гласитъ это къ сожалѣнію слишкомъ краткое извѣстіе: درین ایام پادشاه ولایت ارس ایلچیان بدرگاه همایون فرستاد واظهار محبّت وارادت نمود وآنحضرت عنایت بسیار شامل احوال ایشان ساخته رعایت فرمود[1], т. е. «въ эти дни (869-го года, когда Абусаидъ находился въ Хератѣ) государь земли Русской прислалъ пословъ къ высочайшему двору, съ выраженіемъ любви и желанія. Его величество (Абусаидъ), съ большимъ вниманіемъ отнесшись къ дѣламъ ихъ (пословъ), оказалъ (имъ) почетъ». За неимѣніемъ данныхъ трудно сказать, что побудило Великаго князя отправить посольство къ Абусаиду и принадлежитъ-ли починъ въ этомъ дѣлѣ самому Іоанну или это посольство было съ его стороны только отвѣтомъ на присылку въ Россію посла Абусаидомъ. Послѣдній могъ заискивать расположенія и дружбы русскаго государя, чтобы найти въ немъ надежнаго союзника противъ Золотоордынскихъ хановъ, которые издавна претендовали на право владѣнія Адзербейджаномъ (одною изъ областей, завоеванныхъ Абусаидомъ) и могли противодѣйствовать усиленію Абусаидовой власти въ Средней Азіи. Будемъ надѣяться, что со временемъ въ дѣлахъ бывшаго Посольскаго Приказа отыщутся документы, которые послужатъ къ разъясненію причинъ какъ этого посольства, такъ и отправки въ 1475 году русскаго посла Марко въ Тавризъ къ врагу Абусаида, Узунъ-Хасану, лишившему его въ 1468 году не только престола, но и жизни.

В. Тизенгаузенъ.

Орѳографія слова آلاف.

Въ арабскихъ рукописяхъ слово آلاف послѣ числительныхъ отъ 3—10 весьма часто пишется безъ втораго *элифа* (الف). Въ самомъ фактѣ опущенія элифа, выражающаго долготу звука *а*, конечно ничего нѣтъ страннаго: въ древнемъ, т. наз. куфійскомъ, письмѣ оно даже общее правило и впослѣдствіи также крайне часто замѣчается въ нѣкоторыхъ собственныхъ и нарицательныхъ именахъ, какъ извѣстно всѣмъ и каждому. Но въ словѣ آلاف вслѣдствіе опущенія его въ текстахъ писанныхъ безъ гласныхъ знаковъ, получается крупная грамматическая ошибка, когда такому الف предшествуетъ одно изъ числительныхъ. Поэтому издатели арабскихъ текстовъ обыкновенно пишутъ آلاف, хотя бы въ рукописяхъ и стояло постоянно الف. Ни-

---

1) По двумъ рукописямъ Азіятскаго Музея № 574 и № 574[a].

жеслѣдующія выписки изъ 2 древнихъ ар. сочиненій показываютъ, что незачѣмъ измѣнять «неправильную» орѳографію этого слова, когда она въ данной рукописи сколько-нибудь послѣдовательно проведена.

1) Изъ соч. عمدة الكتّاب *Абу Джа'фар-Ахмед-ибн-Мухаммеда*[1]); рук. Бодлеянской библіотеки въ Оксфордѣ, Cod. Marsh 338, f. 90^a:

...من الاصطلاح القديم كتبهم اربعة درهم بغير الف وكذلك اربعة دننير وكذلك اربعة الف بالحذف لكثرة استعمالهم ايّاه وانه لا يُشْكِل فان قلت عنده دراهم اودنانير او الاف فالالف لا غير لئلّا يُشْكِل وكتبوا له اربعة دكاكين بالالف لانه لا يكثر استعمالهم ايّاه

2) Изъ соч. كتاب الكتّاب *Ибн-Дуруставейхи*[2]), рук. Бодлеянск. библ. Cod. Laud. 127, f. 34^a:

ومن ذلك حذف الالف من الآلَف جمع الف اذا كان العدد مضافا اليها لانّ ما قبل العدد يُوضح المعنى وذلك ثلثة الفٍ واربعة الفٍ الى العشرة فان لم يُضَفْ اليها العدد اثبتت فيها اللام (الالف :sic, чит) فكتبت هى الالوف (чит. الالاف) التى تعرف وهذه آلافك لئلّا تلتبس بالواحد فان كانت الالاف جمع اِلفٍ الذى هو اليف واُضيفت الاعداد اليها لم يجز فيها الحذف لانّها لم تكثر كثرة العدد،

и нѣсколько ниже, л. 48^a:

وقد تختصر كتّاب الرسائل والْحسبان الحروف فيخترمونها ويستدلّون بطائفة تبقى منها ككتبهم سم الله بغير باء ولا سين الّا خطّا وميما وكحذفهم يا الجميع (l. الجمع) فى العدد وغيره واجتزائهم منها بطائفة من نون الجمع فى مثل عشرن وثلثن وفى التثنية فى حال النصب والجرّ وكاجتزائهم عن الدال والراء فى .. اهم بنقطتين واستغنائهم عن الهاءات المشقوقة وغيرها ببعض جهات صورها وكوضعهم الكاف على صورة اللام وقد عرف ذلك من كان له ادنى حظ من الكتابة وجميع ذلك انما يجوز فى خط كتّاب الدواوين، خاصّة ومن نحا نحوهم فى كتب المراسلات والاحسن اثبات ذلك كله على وجهه وعلى ما يستحقّه

Бар. В. Розенъ.

---

1) ابو جعفر احمد بن محمد النحوى. Рук. писана въ 607 гг. и имѣетъ 265 л.

2) Умеръ въ тридцатыхъ годахъ 4-го вѣка, или (по другимъ) въ 347. См. *Fihrist.* ed. *Flügel-Rödiger* I, ٦٣ и II, p. 36 и *Nicoll-Pusey*, Catal. Codd. mscr. or. Bibl. Bodl. II, 347—349.

Археологическія открытія въ Семирѣченской области.

Въ № 44 газеты «Восточное обозрѣніе» (отъ 14 Ноября 1885 г.) читаемъ нижеслѣдующее письмо д-ра Пояркова:

«Въ 14 верстахъ на югъ отъ села Большаго Токмака у предгорья Александровскаго хребта есть старая заброшенная крѣпость, въ рединѣ ея высокая башня изъ прекраснаго жженаго кирпича. Башня эта теперь частію отъ времени разрушена, а частію разобрана жителями окрестными на постройку печей и проч. Въ крѣпости сохранились слѣды построекъ, которыя входятъ въ землю. Частію и эти постройки разобраны и разрушены киргизами и русскими. Кто построилъ эту крѣпость и башню, старожилы не знаютъ, а башня въ техническомъ и архитектурномъ отношеніи положительно недурная вещь и притомъ изящная; жаль, что она скоро совсѣмъ разрушится. Въ верстахъ $1^1/_2$, или около того, на югъ отъ крѣпости ближе къ Александровскому хребту мною найдены въ трехъ мѣстахъ камни съ изображеніемъ креста и съ надписью, на языкѣ для меня и для здѣшнихъ туземцевъ неизвѣстномъ. Замѣчательно, что крестъ-то нашъ русскій, даже съ тѣми же варіантами. Изображеніе креста съ православной точки зрѣнія замѣчательно правильно. Пока я нашелъ болѣе 20 камней, думаю, что найду и больше. На всѣхъ найденныхъ камняхъ есть крестъ, надписи же не на всѣхъ; на нѣкоторыхъ камняхъ надписи отъ времени стерлись; въ этомъ же мѣстѣ найденъ камень, изображающій нашъ русскій котокъ, которымъ молотятъ хлѣбъ, только нѣсколько менѣе объемомъ. Я думаю, что на камняхъ съ крестомъ окажется цѣлая литература! только къ какому вѣку и народу она принадлежитъ, пока Богъ вѣдаетъ. Азія вѣдь страна чудесъ. Въ крѣпости и около нея находятъ крестьяне прекрасную, прочную и полированную глиняную посуду. Уже я досталъ. Вы, кажется, желали и обращали мое вниманіе на каменныхъ бабъ, — нашелъ и ихъ, въ количествѣ четырехъ; двѣ теперь у крестьянина Кирьянова селенія Малаго Токмака, а двѣ еще въ ущельѣ, въ лѣсу. Всѣ эти бабы найдены въ одной мѣстности. Бабы изъ ущелья этою осенью (можетъ быть, и на этой недѣлѣ даже) я перевезу къ себѣ. Крестьянинъ также ихъ уступаетъ, только мнѣ перевозить дорого, и я не знаю, что съ ними буду дѣлать. Вообще необходимо дѣлать въ этихъ мѣстахъ раскопки, есть четыреугольные курганы».

Прим. Ред. Еще раньше появленія приведенной статьи Имп. Археологическая Коммиссія получила отъ своего корреспондента, Н. Н. Пантусова, извѣстіе о найденномъ близъ города Пишпека древне-христіанскомъ кладбищѣ съ массою надгробныхъ камней, на которыхъ имѣются кресты и

надписи на неизвѣстномъ языкѣ. Затѣмъ были присланы имъ же въ Коммиссію и три надгробныхъ камня, съ которыхъ Коммиссіей были сняты фотографическіе снимки. Нынѣ г. Пантусовъ прислалъ въ Археол. Общество особую статью объ этой интересной археологической находкѣ. Въ этой статьѣ упоминается также о кладбищѣ близъ Токмака, которое по всей вѣроятности тожественно съ тѣмъ, которое посѣтилъ д-ръ Поярковъ. Статья г-на Пантусова къ сожалѣнію была получена Обществомъ слишкомъ поздно, чтобы быть напечатана въ настоящемъ выпускѣ; но она войдетъ въ слѣдующій выпускъ. Мы надѣемся, что въ томъ-же выпускѣ будемъ въ состояніи представить также и статью проф. Д. А. Хвольсона, которому были переданы на разсмотрѣніе какъ снимки приложенные къ статьѣ г. Пантусова, такъ и снимки, переданные въ Вост. Отдѣленіе проф. Г. С. Дестунисомъ, который получилъ ихъ изъ г. Вѣрнаго отъ Преосв. Неофита. — Надписи оказываются, какъ и предполагаетъ г. Пантусовъ, писанными на сирійскомъ языкѣ и слѣдовательно принадлежатъ Несторіанцамъ. Эти смѣлые и неутомимые піонеры христіанства играли, какъ извѣстно, весьма важную роль въ исторіи цивилизаціи Средней Азіи и памятники относящіеся къ нимъ поэтому представляютъ громадный интересъ для науки.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

1. Сборникъ матеріаловъ по этнографіи, издаваемый при Дашковскомъ Этнографическомъ Музеѣ. Вып. I подъ ред. В. Ѳ. Миллера. М. 1885. 8⁰, стр. V. 205.

2. Свѣденія о Мишаряхъ протоіерея Е. А. Малова. Этнографическій очеркъ. Каз. 1885. 8⁰. стр. 91. (Приложеніе къ IV тому Протоколовъ засѣданій совѣта и общихъ собраній членовъ общества археологіи, исторіи и этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ за 1880—81)[1]).

Не безъ причины сдѣлано замѣчаніе, что у насъ посвящается слишкомъ мало труда на изученіе языковъ и быта нашихъ инородцевъ. Съ тѣмъ бо́льшимъ удовольствіемъ мы привѣтствуемъ названныя выше книги, въ которыхъ содержатся драгоцѣнные матеріалы, способствующіе расширенію и углубленію нашихъ свѣдѣній.

«Цѣль «Этнографическаго Сборника», говорится въ предисловіи, «содѣйствовать собиранію и обнародованію этнографическихъ данныхъ, преимущественно изъ быта инородцевъ Россіи и сосѣднихъ съ нею славянскихъ народовъ». Лежащій передъ нами 1-й выпускъ вышелъ весьма разнообразнымъ и интереснымъ, въ особенности потому что «авторы четырехъ статей принадлежатъ сами къ тѣмъ народностямъ, которыя они описываютъ». Оставляя въ сторонѣ статьи I (Б. Н. Боева. Къ брачному праву Болгаръ) и V (Ѳ. Я. Трейланда Крестинные обряды Латышей), какъ не относящіяся уже къ Востоку, посвятимъ остальнымъ тремъ нѣсколько словъ.

1) Въ томъ-же томѣ (прилож. II) есть еще статья «о Мишаряхъ въ Чистопольскомъ уѣздѣ Казанской губерніи В. Казаринова. (12 стр.).

Вторая статья: С. В. Кокіева «Записки о бытѣ Осетинъ. 1» еще не окончена. Въ ней авторъ подробно описываетъ устройство осетинскаго жилища (двухъ типовъ: «галуаны» съ башнею и простой одноэтажный домъ съ дворомъ), домашнюю утварь Осетинъ, ихъ музыкальные инструменты, одежду, вооруженіе, пищу; далѣе земледѣліе, скотоводство и народную медицину, и связанные со всѣмъ этимъ народные обычаи и вѣрованія. Пріятное впечатлѣніе производитъ глубокая любовь автора къ своему рыцарскому народу, но въ то же время онъ не скрываетъ, что наша цивилизація все болѣе и болѣе проникаетъ въ горы и ущелья Осетіи, подчиняя древніе патріархальные нравы своему не всегда благотворному вліянію. Въ слѣдующей статьѣ В. Ѳ. Миллеръ знакомитъ читателя съ четырьмя новыми «Осетинскими сказками» изъ нартовскаго цикла, записанными отчасти имъ самимъ, отчасти С. А. Тукевымъ съ устъ Дигорцевъ, очень занимательными по содержанію. Кстати, не могу не указать на не упомянутую еще въ восточныхъ библіографіяхъ статью, помѣщенную въ Извѣстіяхъ Кавказскаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества VIII, 1. 1883, стр. 161 сл. подъ заглавіемъ: «Названія растеній и животныхъ на осетинскихъ нарѣчіяхъ» (тагаурскомъ, туалтскомъ и дигорскомъ), потому что здѣсь находятся достовѣрные образцы столь мало извѣстнаго еще втораго нарѣчія. Въ IV статьѣ: Г. А. Халатіанца «Общій очеркъ армянскихъ сказокъ» видно поразительное богатство армянской народной словесности. Но если авторъ почти вездѣ находитъ слѣды древнихъ индоевропейскихъ преданій, связи армянскихъ сказокъ съ сказками Славянъ и Нѣмцевъ, то невольно рождается вопросъ, не проще-ли объяснять указанное имъ столь удивительное сходство тѣмъ, что — разумѣется только отчасти — европейскія редакціи древнихъ сказокъ посредствомъ устнаго преданія или даже переводовъ нашли себѣ обратный путь на востокъ, къ Армянамъ? Но на этотъ вопросъ онъ, безъ сомнѣнія, обратитъ вниманіе при обѣщанномъ изданіи «Народныхъ армянскихъ сказокъ», и намъ остается только пожелать полнаго успѣха новому предпріятію Дашковскаго Музея и умѣлому его редактору.

Брошюра отца Е. Малова посвящена татарамъ-мухаммеданамъ (мещерякамъ), живущимъ въ губерніяхъ рязанской, тамбовской, пензенской, нижегородской, симбирской, саратовской и самарской, которые въ внѣшнемъ видѣ, въ одеждѣ и въ языкѣ довольно рѣзко отличаются отъ казанскихъ татаръ. Изложивъ вкратцѣ характеръ этихъ особенностей и исчисливъ деревни, принадлежащія Мишȧрямъ, авторъ сообщаетъ собранные имъ разсказы Казанцевъ о Мишаряхъ и послѣднихъ о первыхъ; разсказы весьма забавны, преимущественно когда приводятся образцы мишарскаго говора, наполненнаго русскими словами и фразами. Къ сожалѣнію, тексты напеча-

таны не совсѣмъ удовлетворительно въ филологическомъ отношеніи. Въ концѣ помѣщенъ разборъ прежнихъ свѣдѣній объ этомъ племени, краткій глоссарій, и путевыя замѣтки мухаммеданина С. А., посѣтившаго весною сего года одну мишарскую деревню нижегородской губерніи, въ татарскомъ подлинникѣ съ переводомъ. Изъ списка словъ, доставленнаго этимъ татариномъ о. Е. Маловъ сообщаетъ еще нѣсколько дополненій къ своему глоссарію. Тутъ поражаетъ своею неожиданностью и невѣроятностью мишарская форма سیپوك *сипукъ*, которая будто бы соотвѣтствуетъ татарскому *сейфуллахъ*. Не есть-ли тутъ просто неправильное чтеніе سیپوك вм. سیپول или سیپولا (*сипулъ*, *сипулà*)? **К. З.**

3. Самоучитель сартовскаго языка. Чтеніе, письмо и грамматика сартовскаго языка. Сочиненіе З. А. Алексѣева, съ участіемъ А. Вышнегорскаго. Ташкентъ 1884. 8°. 74 стр. и 5 табл. прописей. Цѣна 2 руб. 75 коп. (!).

Извѣстно, что характерныя черты отдѣльныхъ тюркскихъ нарѣчій далеко еще не опредѣлены съ достаточною точностью, и поэтому мы съ большимъ любопытствомъ взялись за чтеніе этого сочиненія, занимающагося мало извѣстнымъ пока нарѣчіемъ. Но что оказалось? Вмѣсто того, чтобы, руководясь системою той или другой изъ извѣстныхъ татарскихъ грамматикъ, изложить по возможности точно и подробно отличительныя особенности сартовскаго нарѣчія, авторы посвятили 22 стр., т. е. болѣе четвертой части своей тоненькой книжки, описанію арабской азбуки, и по нѣсколько строкъ опредѣленію понятій имени, мѣстоименія и т. д. Грамматика сама не лишена нѣкоторыхъ достоинствъ, но 1) слова должны были бы транскрибироваться вездѣ, а не только въ началѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, и 2) примѣровъ приведено такое незначительное число, что учащійся не въ состояніи составить себѣ яснаго понятія о сартовскомъ предложеніи. Сочинители, довольно хорошо знакомые съ обще-тюркской грамматикою, имѣли, кажется, въ виду учить этому нарѣчію людей еще вовсе не знающихъ по татарски, но мы сомнѣваемся, удастся-ли кому-либо выучиться по этому «Самоучителю» до пониманія самой простой сартовской фразы, или пользоваться этой книгою съ лингвистической цѣлью. Для того и другаго нужны тексты съ транскрипціею и грамматическимъ разборомъ, и мы совѣтовали бы всякому, кто берется за составленіе Самоучителя по какому-нибудь татарскому нарѣчію, тщательно изучить сперва «Алтайскую Грамматику». **К. З.**

4. Туркестанскій сборникъ сочиненій и статей, относящихся до Средней Азіи вообще и Туркестанскаго края въ особенности, составляемый по порученію г. туркестанскаго военнаго генералъ-губернатора М. Г. Черняева В. И. Межовымъ. Томы 151—300. Систематическій и азбучный указатели сочиненій и статей на русскомъ и иностранномъ языкахъ. Спб. 1884. 166 стр. 4⁰.

Этотъ второй систематическій и азбучный указатель къ «Туркестанскому Сборнику» содержитъ заглавія 1397 нумеровъ книгъ, статей и брошюръ на разныхъ языкахъ. Онъ долженъ быть, точно такъ-же какъ и первый, настольной книгой всякаго занимающагося Средней Азіей, ея прошлымъ или настоящимъ. Будемъ надѣяться, что заслуженному нашему библіографу удастся продолжать эти труды, которые приносятъ столь очевидную и громадную пользу.

В. Р.

---

5. Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Т. XXI. 1885. вып. 3.

Обращаемъ вниманіе нашихъ археологовъ на помѣщенную въ этомъ выпускѣ стр. 162—177 статью г. Д. Л. Иванова «по поводу нѣкоторыхъ туркестанскихъ древностей». Съ двумя таблицами рисунковъ. Г. Ивановъ описываетъ слѣдующіе памятники: 1) *Ахыръ-ташъ*, 2) *Ташъ-Ахыръ*, 3) *Каменныя бабы*, 4) *Надгробные камни*, 5) *Айна-ташъ*, 6) *Пещеры*, 7) *Ташкентскій курганъ*.

В. Р.

---

6. Сборникъ свѣдѣній о Кутаисской губерніи. Выпускъ первый. Кутаисъ. Губернская типо-литографія. 1885. 211 стр. 16⁰.

Изъ статей этого сборника имѣютъ историческій или археологическій интересъ: 1) Шафранова «Образованіе Ріонской низменности въ теченіи историческаго періода: Матеріалы для древней географіи Кольхиды. стр. 1—64. 2) «Описаніе поѣздки врача Батумскаго округа Жилинскаго по ущелью Чороха, стр. 105—113 (церковь въ *Мама-Цминдѣ* съ множествомъ отлично сохранившихся греческихъ надписей, стр. 108) и 3) статья г. Шафранова «Гаенатскій монастырь», стр. 132—149.

---

7. Объ Адамѣ по ученію Библіи и по ученію Корана. Разговоры протоіерея Евѳимія Малова съ ученымъ муллой. Казань. 1885. V+241+III стр. 8⁰.

Въ Казани, какъ извѣстно, уже давно ведется весьма энергическая духовная борьба съ мусульманствомъ. Борьба эта заслуживаетъ гораздо больше вниманія и сочувствія со стороны всей нашей образованной публики, чѣмъ ей обыкновенно удѣляется, ибо тутъ идетъ дѣло о весьма важныхъ государственныхъ интересахъ. Заботясь о спасеніи душъ своихъ мусульманскихъ согражданъ, казанскіе миссіонеры и ревнители православія не только исполняютъ свою христіанскую обязанность, но работаютъ также и въ пользу дѣла великой политической важности, т. е. духовнаго сліянія инородческихъ элементовъ нашихъ восточныхъ губерній съ господствующею народностью. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что это сліяніе никогда не будетъ достигнуто, пока мусульманство будетъ держаться въ народныхъ массахъ такъ крѣпко, какъ до сихъ поръ: оно произойдетъ само собой, коль скоро авторитетъ ислама будетъ поколебленъ въ глазахъ мухаммеданской толпы. Намъ лично кажется, что эта цѣль вѣрнѣе и скорѣе можетъ быть достигнута распространеніемъ среди мусульманъ общерусскаго образованія, привлеченіемъ молодежи въ русскія школы и тому подобными мѣрами, чѣмъ полемикой о Коранѣ и мусульманской догматикѣ съ учеными муллами; но мы охотно признаемъ, что мы лично не знакомы съ мѣстными условіями и потому не можемъ считаться вполнѣ компетентными въ этомъ дѣлѣ. Задача во всякомъ случаѣ весьма и весьма не легкая, но вмѣстѣ съ тѣмъ столь заманчивая, что она невольно привлекаетъ къ себѣ все новыя и новыя силы. Однимъ изъ центровъ борьбы съ исламомъ является естественно Казанская Духовная Академія и въ ея дѣятельности замѣчается особенное оживленіе съ 1873 г. Начиная съ этого года особой коммиссіей при Академіи издается «*Миссіонерскій противомусульманскій сборникъ*», котораго уже вышло 17 выпусковъ. Исходя изъ совершенно правильнаго принципа, что для борьбы съ какимъ бы то ни было противникомъ прежде всего необходимо основательное знакомство съ его силами, коммиссія не задалась мыслью издавать *исключительно* полемическіе трактаты, а старалась по возможности содѣйствовать ознакомленію съ исламомъ путемъ научнаго изслѣдованія. Вотъ за это направленіе коммиссія заслуживаетъ полной признательности также и тѣхъ, которые посвятили себя изученію мусульманской исторіи и литературы независимо отъ какой-бы то ни было практической миссіонерской или политической цѣли. При тѣсной связи между наукой и жизнью, при громадномъ взаимномъ вліяніи ихъ другъ на друга въ наше время, намъ однако кажется, что нѣсколько бо́льшее общеніе между представителями «кабинетной» и «прикладной» науки весьма желательно для обѣихъ сторонъ. Обмѣнъ мыслей тутъ можетъ быть очень плодотворенъ: ученый спеціалистъ найдетъ указанія, въ какомъ направленіи ему

приходится работать, чтобы найти то, чего въ большинствѣ случаевъ у него нѣтъ, т. е. *читателей*, а практикъ, можетъ быть, найдетъ указанія на такіе факты и соображенія, которые въ пылу борьбы легко могли ускользнуть отъ его вниманія. Вотъ почему мы рѣшились представить на судъ читателей нѣсколько мыслей и замѣчаній о книгѣ о. протоіерея Е. Малова, заглавіе которой нами выписано выше, и которая, если и не входитъ прямо въ число выпусковъ противо-мусульманскаго сборника [1]), все-же принадлежитъ къ нему по духу и по цѣли, съ которой она написана.

Скажемъ прежде всего, что мы *вполнѣ* раздѣляемъ высказанное въ предисловіи (стр. II) мнѣніе «что мухаммеданство поражать не такъ легко какъ, быть можетъ, воображаютъ нѣкоторые» и что (стр. III) «не въ совершенномъ и свободномъ знаніи восточныхъ языковъ, а преимущественно арабскаго языка, можетъ быть большая трудность для православнаго миссіонера». Дѣйствительно, поражать мусульманство очень трудно, и трудно потому именно, что мухаммеданская богословская наука даетъ защитнику ислама въ руки весьма сильное оружіе. Эта наука — цѣлое громадное зданіе, весьма солидно построенное, скрѣпленное цементомъ крайне искусной діалектики. Оно построено было не разомъ, а сооружалось исподволь въ теченіи болѣе чѣмъ тысячелѣтней жизни ислама среди ожесточенной умственной борьбы и подъ весьма различными иновѣрными и иноземными вліяніями. Для того, чтобы потрясти это зданіе въ его основѣ, недостаточно одного изученія Корана и указыванія противнику на мнимыя или дѣйствительныя противорѣчія въ немъ: нужно глубокое знакомство съ мусульманской экзегетической, догматической и апологетической литературой, чтобы поражать противника его-же оружіемъ. Другихъ пораженій онъ никогда не признаетъ. *Убѣдить* его окончательно вамъ можетъ быть и тогда не удастся; но вы непремѣнно заставите его уважать ваши знанія, признать въ васъ *силу*, а это дастъ вамъ авторитетъ и, *при извѣстныхъ обстоятельствахъ*, *можетъ быть* поможетъ вамъ подорвать авторитетъ «ученаго» *муллы*, въ глазахъ массы, а это самое главное. Мусульманская же наука зиждется на знаніи арабскаго языка — «этимологія отецъ науки, а синтаксисъ ея мать», говорятъ сами арабы — и основательное изученіе его поэтому должно быть первою заботою человѣка, готовящагося къ миссіонерской противомусульманской дѣятельности. Изученіе это никоимъ образомъ не должно ограничиться только штудированіемъ какихъ-нибудь европейскихъ грамматикъ и христоматій и затѣмъ чтеніемъ Корана и десятка

1) Въ нашемъ экземплярѣ по крайней мѣрѣ нѣтъ прямаго указанія на принадлежность книги къ «Сборнику».

обыкновенно читаемыхъ сочиненій, а должно непремѣнно обнимать также и туземную арабскую грамматическую литературу. Ссылаться въ спорѣ съ «ученымъ муллой» на «Опытъ арабской грамматики» Навроцкаго или «Словарь къ Арабской христоматіи и Корану» В. Ѳ. Гиргаса, какъ это дѣлаетъ о. протоіерей Маловъ (стр. 40, 36 и др.) не ведетъ ни къ чему, потому что мулла никогда не признаетъ этихъ почтенныхъ ученыхъ за авторитеты въ вопросахъ арабскаго языка. Намъ скажутъ, что задача станетъ слишкомъ уже трудной: литературы *кораническая*, *хадиса*, *усу̂лей*, *фикха*, *ака̂ида* и т. д. и т. д. слишкомъ обширны; ихъ не одолѣешь. Это совершенная правда, но противникъ долженъ бороться съ тѣми же затрудненіями какъ и вы. Вы-же имѣете передъ нимъ громадное преимущество, располагая всѣми открытіями и результатами современной науки, лучшимъ методомъ изученія и болѣе глубокимъ взглядомъ. — Бесѣды ведутся о. Е. Маловымъ по отлично обдуманному плану и ведутся весьма искусно. Заручившись согласіемъ «ученаго муллы» вести систематическія бесѣды на первый разъ объ Адамѣ, Авраамѣ, Моvсеѣ и Давидѣ, о. протоіерей доказываетъ своему собесѣднику словами Корана, что Адамъ совершилъ тяжкій грѣхъ многобожія, ослушанія волѣ Божьей, что поэтому теорія мусульманской догматики о безгрѣшности пророковъ совершенно произвольна и противорѣчитъ ясному ученію Корана о грѣховности всѣхъ людей, не исключая и пророковъ, и что слѣдовательно человѣкъ никоимъ образомъ не можетъ спасаться подъ руководствомъ *однихъ пророковъ*, какъ учатъ мусульмане, а нуждается въ иномъ руководителѣ и Спасителѣ [1]). Мимоходомъ бесѣда касается еще и многихъ другихъ очень важныхъ вопросовъ, н. пр. объ антропоморфизмѣ, свободѣ воли и предопредѣленіи, о происхожденіи зла, — вопросовъ, которые волновали умы человѣчества сотни и тысячи лѣтъ вездѣ, гдѣ только пробуждалась сколько-нибудь умственная, жизнь. Но они въ «Бесѣдахъ объ Адамѣ» конечно являются на сцену лишь случайно и собесѣдники въ концѣ концовъ всегда возвращаются опять, согласно уговору, къ вопросу объ Адамѣ и его грѣховности. О. Е. Маловъ совершенно убѣжденъ, что послѣ прочтенія его книги мусульмане *должны* признать за нимъ полную побѣду и отказаться отъ излюбленныхъ ими догматовъ о непогрѣшимости пророковъ и пр. Но изъ возраженій муллы совсѣмъ невидно, чтобы доказательства о. протоіерея произвели на него особенный эффектъ. Уступая въ нѣкоторыхъ неважныхъ частностяхъ, мулла все-таки стоитъ твердо на своемъ, и къ немалому удивленію своего

---

1) Ср. стр. 240—241.

противника — о. протоіерей самъ признается въ этомъ (стр. 60) съ искренностью, дѣлающей ему великую честь — объявляетъ прехладнокровно «*пустяками*» именно то доказательство грѣховности Адама, на которое о. протоіерей расчитывалъ какъ на особенно сильное. Если бы о. Евѳимій, приготовляясь къ бесѣдѣ съ муллой, предварительно просмотрѣлъ нѣкоторые комментаріи къ Корану, то онъ никакъ не увлекся бы надеждой на *доказательную силу* стиховъ 189—190 седьмой суры Корана, или пустилъ бы ихъ въ ходъ только при извѣстныхъ условіяхъ. Изъ тефсира Бейдавія[1]), который вѣроятно извѣстенъ и муллѣ, по крайней мѣрѣ по имени (*тефсйр-ал-казы*), онъ узналъ бы гораздо болѣе серьезное объясненіе пресловутыхъ стиховъ и, можетъ быть, не назвалъ бы этого мѣста «*важнымъ для православнаго миссіонера*» (стр. 61). Оно важно конечно, въ нашихъ глазахъ, но для мусульманина начитаннаго въ экзегетической литературѣ оно не можетъ имѣть никакого особеннаго значенія и строить на немъ всю аргументацію или главную часть ея — *рисковано*, когда имѣешь дѣло съ человѣкомъ болѣе ученымъ нежели казанскій мулла. Чтеніе *тефсировъ*, особенно болѣе подробныхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно ввело бы о. протоіерея въ тѣ «хитросплетенія» мусульманскія, на которыя онъ не рѣдко жалуется и такимъ образомъ помогло бы ему предугадывать возраженія и подготовлять свои опроверженія на нихъ. Затѣмъ слѣдовало бы разузнать, какія сочиненія этой категоріи пользуются особеннымъ авторитетомъ у даннаго противника, какія изъ нихъ онъ самъ читалъ и о какихъ онъ слышалъ какъ объ особенно авторитетныхъ. Узнавши это, можно было бы не рѣдко разрушать или по крайней мѣрѣ колебать авторитетъ прочитаннаго муллой сочиненія цитатой изъ другаго, ему извѣстнаго только по наслышкѣ, но признаваемаго имъ за вполнѣ правовѣрное и важное. Тефсйръ Бейдавія (или Бейзавія البيضاوى) н.пр. вѣроятно извѣстенъ муллѣ какъ одинъ изъ самыхъ лучшихъ; цитуетъ же онъ *тефсиръ Мавâкибъ* (стр. 61) и придаетъ ему очевидно большое значеніе. Изъ него именно онъ приводитъ легенду объ Абдуль-Харисѣ. Бейдавій ее тоже приводитъ, но прибавляетъ въ концѣ: وامثال ذلك لا تليق بالانبياء. Намъ кажется, что подобное порицаніе легенды, исходящее отъ такого правовѣрнаго ученаго какъ Бейдавій, скорѣе убѣдило бы муллу въ нелѣпости ея, чѣмъ краснорѣчивыя слова о. Е. Малова на стр. 66, хотя въ нихъ сказано тоже самое. Вѣдь въ подобныхъ спорахъ большею частью не самый аргументъ важенъ, а важенъ автори-

1) Въ изданіи Флейшера ч. I, стр. 355, строка 4—13.

тетъ лица, отъ имени котораго онъ приводится. Рекомендуемъ о. Е. Малову, кромѣ Бейдавія, еще Кешшâфъ Замахшари, тефсîръ Джелалейнъ и особенно большой тефсîръ Фахреддина Рази مفاتيح الغيب, изданный въ Булакѣ въ 1278, въ 6 томахъ, и тефсîръ Исмаила Хакки روح البيان, изд. тамъ же въ 1287 г. также въ 6 томахъ. Въ обоихъ онъ найдетъ богатый матеріалъ для филологической и діалектической аргументаціи. Вѣдь всѣ догматы нынѣшняго правовѣрнаго ислама установлены только послѣ долгой и упорной борьбы, какъ уже замѣчено было выше. Доводы за и противъ съ точки зрѣнія мусульманской экзегетики и догматики должны быть до нѣкоторой степени извѣстны христіанскому богослову, ведущему споры съ ученымъ мусульманиномъ; иначе толкованіе имъ стиховъ Корана никогда не будетъ признано сколько-нибудь правильнымъ и онъ рискуетъ быть обвиненнымъ въ непониманіи Корана и арабскаго языка. Ср. напр. стр. 28, прим. Въ послѣднее время замѣчается и на востокѣ усиленная дѣятельность по части издаванія текстовъ. Печатаются не только позднѣйшія богословскія сочиненія, но и болѣе древнія, относящіяся ко временамъ догматической борьбы. Ихъ-то и слѣдуетъ изучать по преимуществу, ибо въ нихъ находятся аргументы противниковъ многихъ нынѣ признанныхъ догматовъ, аргументы несравненно болѣе сильные, чѣмъ всѣ тѣ, которые придумываются на основаніи одного Корана, безъ знакомства съ остальными источниками мусульманской догматики. Не слѣдуетъ, далѣе, допускать, чтобы ученый мулла указывалъ ученому миссіонеру на такія сочиненія, какъ Иткâнъ, (стр. 137), на такіе факты, какъ существованіе преданій отмѣняющихъ слова самого Корана (стр. 133). Все это должно быть *хорошо* извѣстно миссіонеру и *безъ* муллы. Иткâнъ и Тавзîхъ[1]) توضيح должны быть настольными книгами для него *наряду* съ Кораномъ.

Сильно поражаетъ насъ затѣмъ еще то, что о. протоіерей повидимому не пользуется конкордансами къ Корану. Почему ему нужно было (стр. 128) признаться, что онъ искалъ въ Коранѣ выраженій فَتَنَّا и فَغَفَرْنَا въ примѣненіи къ Соломону и Давиду, но «еще не нашелъ ихъ», когда такъ легко было найти и то и другое помощью справки въ конкордансѣ Флюгеля или Казембека? Зачѣмъ, далѣе, о. Е. Маловъ не воспользовался этимологическимъ промахомъ муллы, производившемъ слово انسان отъ корня نسى, чтобы ему доказать, что онъ, мулла, самъ не особенно силенъ въ

---

1) Послѣдняя даже издана подъ наблюденіемъ I. Ѳ. Готвельда въ Казани и поэтому общедоступна. Выписка, приводимая о. Е. Маловымъ на стр. 148 находится на стр. 416 упомянутаго изданія.

арабскомъ языкѣ. Стоило бы только предъявить муллѣ Камŷсъ (съ турецкимъ переводомъ) или Сихâхъ, и онъ угомонился бы безъ всякого сомнѣнія. Равнымъ образомъ по поводу 14-го стиха 13-ой главы Корана и разсужденій муллы о суффиксѣ въ словѣ بحمده (стр. 33) не мѣшало бы требовать доказательствъ того, что слово رعد *женскаго* рода; мы увѣрены, что мулла не былъ бы въ состояніи привести ихъ. Когда споръ ведется на чисто-филологической почвѣ, то попадаются какъ у православнаго миссіонера, такъ и у муллы иногда доводы, возбуждающіе невольную улыбку. Таковы напр. на стр. 40 разсужденія о предлогѣ من. О. Е. Маловъ несомнѣнно правъ, когда онъ говоритъ, что من не имѣетъ значенія «внутри», но мулла тѣмъ не менѣе тоже совершенно правъ, говоря, что въ данномъ мѣстѣ слѣдуетъ перевести съ г. Саблуковымъ «мы садились тамъ на сѣдалища». О. протоіерей весьма неправильно цитуетъ слова كنّا نقعد منها безъ слѣдующаго за ними مقاعد и переводитъ затѣмъ: «(мы) *сидѣли внѣ его*: منها *изъ него*, т. е. внѣ неба». Все это, пожалуй, и не особенно важныя сами по себѣ вещи, но онѣ пріобрѣтаютъ нѣкоторое значеніе, потому что могутъ дать поводъ мулламъ дѣлать миссіонерамъ не совсѣмъ неосновательные упреки въ недостаточно полномъ знаніи арабскаго языка, а между тѣмъ избѣгать такихъ промаховъ не трудно.

Заключительная глава книги «о грѣхѣ Адама по ученію Корана» представляетъ въ научномъ отношеніи самую интересную часть ея. Такія изслѣдованія весьма полезны и остается только желать, чтобы они были произведены по возможно большему числу *догматическихъ* вопросовъ. За ними должны слѣдовать подобныя-же разысканія о различныхъ вопросахъ по ученію *сунны*, по ученію догматиковъ различныхъ эпохъ до новѣйшаго времени, и такимъ образомъ создастся со временемъ *исторія важнѣйшихъ мусульманскихъ догматовъ*, исторія внутренней духовной жизни ислама, которая прольетъ много свѣта на одинъ изъ интереснѣйшихъ эпизодовъ въ исторіи развитія человѣческой мысли. Западная наука можетъ по справедливости гордиться капитальными трудами по этой части Кремера, Дози, Штейнера, Гольдцигера, Спитты, Мерена, Сольсбёри, Хаутсмы, Снука, Креля и др., но сдѣлано пока все-таки еще немного сравнительно съ тѣмъ, что еще остается и всё еще ощущается большой недостатокъ въ систематическихъ монографіяхъ въ указанномъ направленіи. Далеко еще не выясненъ, н. пр. вопросъ о зависимости мусульманской догматики отъ христіанской догматической и полемической литературы. *A priori*, понятно, можно считать подобную зависимость весьма вѣроятной [1]), но въ каждомъ отдѣль-

---

1) Ее принимаетъ отчасти и о. Е. Маловъ (стр. 239).

номъ случаѣ самый фактъ зависимости и степень ея должны быть доказаны ясно и неопровержимо путемъ *историческимъ*. Отъ души желаемъ, чтобы Казанская Духовная Академія трудами своихъ почтенныхъ дѣятелей, настоящихъ и будущихъ, пришла на помощь оріенталистамъ-мірянамъ въ разрабатываніи этихъ вопросовъ. Богословское образованіе вообще, и знакомство съ твореніями св. отцовъ церкви въ особенности служатъ лучшимъ подспорьемъ при подобныхъ изслѣдованіяхъ.

В. Р.

---

8. Indogermanische Grammatiken. Bd. II. Anhang 2. Die Wurzeln, Verbalformen u. primären Stämme der Sanskrit-Sprache. Ein Anhang zu seiner indischen Grammatik von W. D. **Whitney**, A. d. Englischen übers. von H. Zimmer. Lpz. Breitkopf & Härtel. 1885. pp. XV. 252. M. 6. (Тоже на англійскомъ яз. тамъ-же).

Этотъ новый трудъ знаменитаго автора есть въ высшей степени полезное и пріятное дополненіе къ изданной имъ въ 1879 г. санскритской грамматикѣ. Въ немъ исчисляются въ алфавитномъ порядкѣ всѣ корни санскритскаго языка, отъ которыхъ до сихъ поръ найдены въ текстахъ формы глагольныя и первообразно-именныя, съ точнымъ обозначеніемъ, къ какому изъ литературныхъ періодовъ принадлежитъ приведенная форма. По изложеннымъ въ предисловіи причинамъ авторъ ограничился обозначеніемъ шести періодовъ: ведическаго, брâхманическаго, упанишадскаго, сӯтрскаго, эпическаго и классическаго. Сверхъ того, тѣ формы, которыя упоминаются одними грамматиками, но не отысканы еще въ литературѣ, прибавлены въ скобкахъ. Благодаря такому практичному распредѣленію матеріала, въ нѣсколькихъ строкахъ возможно было представить полный обзоръ всей исторіи и развитія даннаго корня въ обоихъ направленіяхъ, глагольномъ и именномъ, между тѣмъ какъ до сихъ поръ необходимо было долго рыться въ словаряхъ, чтобы набирать всѣ потомки одного корня. Тамъ и сямъ въ краткихъ словахъ указывается на связь нѣкоторыхъ корней между собою или на сомнительность принятой до сихъ поръ этимологіи, но отъ сравненія съ родственными языками авторъ удержался принципіально, по принятому имъ и въ своей грамматикѣ правилу. Тѣмъ не менѣе, при важности скр. языка для сравнительной филологіи индоевропейскихъ языковъ, высокая польза этого труда не ограничится одними санскритистами, но онъ безъ сомнѣнія станетъ важнымъ пособіемъ и для сравнительныхъ филологовъ. Въ концѣ книги находятся подробные списки глагольныхъ основъ, распредѣленныхъ по системамъ, классамъ и второобраз-

нымъ склоненіямъ, реэстръ корнямъ въ алфавитномъ порядкѣ вызвуковъ, и дополненія, въ которыхъ исправлены также нѣкоторыя неловкости перевода (apparently — augenscheinlich вм. wahrscheinlich).

К. З.

---

9. Actes du sixième congrès international des orientalistes, tenu en 1883 à Leide. Quatrième partie[1]). Leide, E. J. Brill. 1885. IV + 235 + + 195 + 313 p. 8°.

Этотъ томъ трудовъ 6-го съѣзда оріенталистовъ, происходившаго въ Лейденѣ въ 1883 г., содержитъ статьи по 3-ьей, 4-ой и 5-ой секціямъ, т. е. по *египтологіи*, по отдѣламъ: *крайняго востока* и *полинезійскому*. Спеціалисты найдутъ не мало интереснаго матеріала въ статьяхъ и изслѣдованіяхъ, помѣщенныхъ въ этомъ изданіи.—Въ отдѣлѣ египтологіи заслуживаетъ вниманія всѣхъ археологовъ замѣтка Dr. Eisenlohr «Die Anwendung der Photographie für Monumente und Papyrusrollen», въ которой доказывается необходимость хорошихъ *фотографическихъ* изданій важнѣйшихъ памятниковъ и кромѣ того даются нѣкоторыя техническія указанія, не лишенныя, какъ намъ кажется, практическаго значенія.—Въ отдѣлѣ *крайняго востока* обращаетъ на себя вниманіе весьма длинная и интересная статья о *буддійскихъ панихидахъ по умершихъ въ Амоѣ* (Buddhist masses for the dead at Amoy by J. J. M. de Groot), которую самъ авторъ называетъ «этнологическимъ этюдомъ». G. Schlegel доказываетъ, что для переводовъ съ китайскаго языка голландскій языкъ представляетъ такія удобства, съ которыми другіе европейскіе языки соперничать не могутъ. C. de Harlez даетъ въ переводѣ нѣсколько страницъ изъ одного манчжурскаго сочиненія (Dergi Hese Jakôn Gôsa de Wasimbuhangga, extraits traduits par—), которыя для *нашихъ* синологовъ едва-ли представятъ что-нибудь новое или интересное. Тоже самое придется сказать и о довольно поверхностномъ разборѣ Айно-русскаго словаря г. Добротворскаго (Rapport sur le dictionnaire Aïno-Russe de Dobrotvorski par A. Lesouëf), который помѣщенъ вслѣдъ за статьей г. de Harlez. Слѣдующая статья принадлежитъ перу г. Léon de Rosny и занимается вопросомъ великой важности, именно о письменахъ, которыми были писаны древнѣйшіе памятники японской литературы. Послѣдняя статья этого отдѣла наконецъ «Some notes on the Huns» by Henry H. Howorth, представляетъ новую попытку рѣшенія вопроса о Гуннахъ и

---

1) Первая часть вышла въ 1883 г.; она содержитъ отчетъ о самомъ съѣздѣ и протоколы засѣданій. 2-ая и 3-ья часть (арійская и семитская секціи) обѣщаны къ концу 1885 года.

отличается всѣми тѣми достоинствами и недостатками, которые вообще присущи сочиненіямъ неутомимаго автора «Исторіи Монголовъ».

5-ая секція, *полинезійская*, открывается замѣткой, читанной на съѣздѣ г. van der Lith'омъ «Sur l'importance du «Livre des merveilles de l'Inde». Арабская книга «о чудесахъ Индіи» — сборникъ разсказовъ объ индійскихъ и китайскихъ моряхъ и странахъ, составленный неизвѣстнымъ авторомъ въ десятомъ вѣкѣ. Разсказы эти авторъ слышалъ отъ арабскихъ, персидскихъ и другихъ моряковъ и они имѣютъ, не смотря на всю фантастичность многихъ изъ нихъ, несомнѣнный интересъ для исторической географіи индійскаго архипелага и странъ крайняго востока, интересъ, который прекрасно подтверждается нѣкоторыми удачно выбранными примѣрами въ статьѣ г. Фан-дер-Лита. Этотъ же ученый представилъ съѣзду и самый текстъ[1]) всей «книги чудесъ», напечатанный (по рукописи г. Шефера) съ приложеніемъ французскаго перевода ея, сдѣланнаго Марселемъ Девикомъ Послѣдній былъ уже напечатанъ раньше, въ 1878 г., но является здѣсь въ значительно исправленномъ видѣ. Съ нетерпѣніемъ ждемъ обѣщаннаго втораго тома, который будетъ содержать подробное введеніе, оцѣнку географическаго значенія сборника и филологическія объясненія и замѣчанія г. де Гуе.

Остальныя статьи 5-ой секціи посвящены почти исключительно языкамъ малайско-полинезійскимъ и мальгашскому (I. Pijnappel — о корняхъ малайскаго языка, A. C. Vreede — о корняхъ яванскаго языка, H. Kern — объ отношеніи мафорскаго языка къ малайско-полинезійскимъ[2]), A. Marre — о родствѣ мальгашскаго языка съ яванскимъ и малайско-полинезійскими). F. B. Matthes сообщаетъ интересныя въ этнографическомъ отношеніи свѣдѣнія объ обычаяхъ жителей Южнаго Целебеса (Einige Eigenthümlichkeiten in den Festen und Gewohnheiten der Makassaren und Buginesen) и Th. Ch. L. Wijnmalen наконецъ, въ статьѣ «Frédéric de Houtman comme philologue» даетъ оцѣнку заслугъ автора перваго малайскаго словаря, вышедшаго въ Амстердамѣ въ 1603 г.

В. Р.

---

10. Annales auctore Abu Djafar etc. At-Tabari quos ediderunt J. Barth, Th. Nöldeke, P. de Jong, E. Prym, H. Thorbecke, S. Fraenkel,

---

1) كتاب عجايب الهند ou Livre des merveilles de l'Inde, texte arabe... par P. A. van der Lith. Trad. franç. par. L. Marcel Devic... Leide. E. J. Brill 1883. Весьма цѣнны также приложенные къ книгѣ снимки съ 4 картинокъ драгоцѣнной иллюстрированной рукописи Харирія, принадлежащей г. Шеферу.

2) Эти 3 статьи — на голландск. яз.

J. Guidi, D. H. Müller, M. Th. Houtsma, S. Guyard, V. Rosen et M. J. de Goeje. I, v (ed. P. de Jong), II, iv, (ed. J. Guidi), III, vii (ed. M. J. de Goeje). Lugd. Bat. E. J. Brill. 1885.

Въ теченіи 1885 г. изданіе важнѣйшаго арабскаго историка подвинулось значительно впередъ. Вышло 3 выпуска. *Первая* серія, обнимающая доисламскую исторію и время Мухаммеда, доведена до начала 8-го года гиджры, *вторая*, заключающая въ себѣ исторію Омеядовъ, — до 96-аго г. гиджры, т. е. до вступленія на престолъ Сулеймана, сына Абд-ал-Мелика, и *третья*, исторія Аббасидовъ, окончена вполнѣ. Есть полное основаніе надѣяться, что черезъ 3—4 года все изданіе будетъ доведено до конца и такимъ образомъ, благодаря главнымъ образомъ неутомимой энергіи г. де Гуе въ сравнительно короткое время (1-ый выпускъ вышелъ въ 1879 г.) будетъ наконецъ осуществлена завѣтная мечта нѣсколькихъ ученыхъ поколѣній. Полное изданіе Табари вызоветъ несомнѣнно множество спеціальныхъ изслѣдованій, которыя положатъ твердое основаніе для истинно-научной, отвѣчающей современнымъ требованіямъ, исторіи халифовъ. Нельзя не выразить при этомъ желанья, чтобы по окончаніи изданія Табари, было предпринято изданіе *всѣхъ*, безъ исключенія, сохранившихся — ихъ къ сожалѣнію очень не много — историческихъ сочиненій предшествовавшихъ большой компиляціи Табари. Нѣкоторыя изъ нихъ уже изданы (Беладзори, Якӯби), одно — исторія Абу-Ханифы Динавери — печатается нынѣ пр. В. Ѳ. Гиргасомъ, но остаются еще м. пр. весьма значительные отрывки большой книги Табакâт-Ибн-Са'да, хранящіеся въ Готѣ и въ частной коллекціи барона А. Кремера, исторіи Багдада Ибн-Аби-Тâгира Тайфӯра (въ Британскомъ музеѣ), генеалогическое сочиненіе Белâдзори. Дальнѣйшіе розыски въ библіотекахъ обнаружатъ) быть можетъ, еще другіе подобные драгоцѣнные остатки древней арабской исторической литературы.

В. Р.

11. Die **Mufaddalîjât.** Nach den Handschriften zu Berlin, London und Wien auf Kosten der deutschen morgenländischen Gesellschaft herausgegeben und mit Anmerkungen versehen von H. Thorbecke. 1-stes Heft. Lpzg. 1885. F. A. Brockhaus. 104 + ٥٩ pp.

Изъ весьма значительнаго числа сборниковъ древне-арабскихъ, доис-

ламскихъ стихотвореній до насъ дошли лишь весьма немногіе. Была напр. масса сборниковъ, содержавшихъ пѣсни отдѣльныхъ племенъ: до насъ дошелъ только одинъ сборникъ пѣсенъ Гудзейлитовъ. Въ извѣстной степени вознаграждаетъ насъ за эту утрату большая компиляція Китâб-ал-Агâни, составленная въ первой половинѣ 4-го вѣка г., но именно она и даетъ намъ настоящее мѣрило для оцѣнки величины этой утраты. Драгоцѣнные остатки болѣе древней эпохи поэтому заслуживаютъ всего нашего вниманія и всѣ арабисты конечно будутъ весьма благодарны г-ну Торбеке за его превосходное изданіе одного изъ важнѣйшихъ памятниковъ этой категоріи, сборника древнихъ касыдъ, составленнаго по приказанію халифа ал-Мансӯра знаменитымъ филологомъ ал-Муфаддалемъ для наслѣдника халифскаго престола, ал-Махдія. Ал-Муфаддаль выбралъ для своего царственнаго ученика первоначально 30 (по другимъ 80) піэсъ, но къ нимъ потомъ присоединены были еще многія другія по выбору другаго, не менѣе извѣстнаго ар. филолога, ал-Асмаія. Ср. Ahlwardt, Verzeichniss arab. Hdschr. d. k. Bibl. zu Berlin etc. 1871, p. 180, Fihrist, ed. Flügel-Roediger I, ٦٨, Flügel, d. grammatischen Schulen der Ar. p. 142—43. Весьма любопытная замѣтка о происхожденіи сборника находится въ كتاب النوادر Абу Али ал-Кâли (рук. Аз. музея № 161 стараго катал.) л. 76^a—76^b, гдѣ мы читаемъ слѣдующее:

قال ابو على وقرأت على ابى الحسن على بن سليمان الاخفش فى المفضّليات قصيدة عبد يغوث بن وقاص الحارثى وكان أسر يوم الكُلاب اسرته التيم وقال ابو الحسن على بن سليمان حدثنى ابو جعفر محمد بن الليث الاصبهانى قال املى علينا ابو عكرمة الضّبّى المفضّليات من اولها الى آخرها وذكر ان المفضّل اخرج منها ثمانين قصيدة للمهدى وقريت بعد على الاصمعىّ فصارت ماية وعشرين وقال ابو الحسن اخبرنا ابو العباس ثعلب ان ابا العالية كان (sic) الانطاكى والسدرى (sic) وعافية بن شبيب وهولاء كلّهم بصريّون من اصحاب الاصمعى كلّهم اخبروه انهم قرؤا عليه المفضليات ثم استقرّؤا الشعرآء فاخذوا من كلّ شاعر خيار شعره وضمنوه الى المفضليات وسألوه عما فيه مما اشكل عليهم من معانى الشعر وغريبه فكثرت جدّا وقال ابو عكرمة مرّ ابو جعفر المنصور بالمهدى وهو ينشد المفضّل قصيدة المسيّب التى اولها * ارحلت من سلمى بغير متاع * فلم يزل واقفا من حيث لم يشعر حتى استوفى سماعها ثم صار الى مجلس له وامر باحضارهما فحدث المفضّل بوقوفه واستماعه لقصيدة المسيّب واستحسانه ايّاها وقال له لو عمدت الى اشعار الشعرآء المعللين (чит. المقلّين) فاخترت لفتاك لكل شاعر اجود ما قال لكان ذلك صوابا ففعل المفضّل

Проф. Торбеке въ слѣдующихъ выпускахъ разберетъ всѣ вопросы относящіеся къ происхожденію сборника, къ отношенію другъ къ другу рукописей и пр. Тутъ-же будутъ приложены также переводъ и объясненія. Въ первомъ выпускѣ напечатаны первыя 42 піэсы съ критическими къ нимъ примѣчаніями, которыя при всей краткости весьма важны и столько-же свидѣтельствуютъ о громадной эрудиціи издателя, сколько о его замѣчательномъ критическомъ тактѣ.

В. Р.

---

12. Chrestomathie persane à l'usage des élèves de l'école spéciale des langues orientales vivantes, publiée par Ch. Schefer. Tome second. Paris. Ernest Leroux. 1885. 292+٢٨٠ p. 8°.

Этотъ второй томъ персидской хрестоматіи г. Шефера не уступаетъ первому, вышедшему въ прошломъ году. Мы въ немъ находимъ цѣлый рядъ интереснѣйшихъ текстовъ, а именно: 1) извлеченіе изъ «исторіи рода Бармекидовъ», составленной около 762 г. (1360—61) Абд-ал-Джелилемъ изъ Езда. 2) р. ٥٥—١٠٤ извлеченія изъ 6-ой книги «Тарîх-и-илчи-и-Низâмшâха», составленной въ концѣ десятаго вѣка г. (16 по Р. Хр.) *Хур-шâхомъ*. Въ нихъ трактуется исторія послѣднихъ независимыхъ князей Ширвана, Гиляна, Мазандерана, Рустемдара и сейидовъ Хезар-Джериба. Хур-шâхъ самъ бывалъ въ нѣкоторыхъ изъ этихъ областей и былъ очевидцемъ большей части разсказываемыхъ имъ событій. 3) р. ١٠٥—١٩٩ извлеченія изъ «Тарîхи-Джихâн-Кушâи *Атâ-Мелика Джувейни*, обнимающія время отъ начала войны Мухаммеда Хорезмшаха съ Джингизханомъ до взятія послѣднимъ Нишабура. 4) р. ١٧١—١٩٩. Извлеченія изъ *Мерзбâн-намэ*, сочиненія по характеру нѣсколько напоминающаго *Калилю* и *Димну*. Авторъ его, *Саʿд-ал-Веравîни*, жилъ въ концѣ 6-го вѣка гиджры; онъ утверждаетъ въ своемъ предисловіи, что его книга — передѣлка древняго сочиненія, написаннаго на табаристанскомъ нарѣчіи и носившемъ то-же самое заглавіе. Какъ бы то ни было, это во всякомъ случаѣ любопытный памятникъ персидской литературы 6-го вѣка и заслуживаетъ всего нашего вниманія. До сихъ поръ онъ былъ извѣстенъ только по короткой замѣткѣ ак. Дорна о петербургской рукописи (Catalogue etc. p. 406—407); г. Шеферъ даетъ намъ кромѣ текста нѣкоторыхъ главъ весьма подробный разборъ всего сочиненія на стр. 194—208. 5) р. ٢٠١—٢٣٨ цѣлый рядъ документовъ, дипломовъ и писемъ, дающій прекрасный матеріалъ для ознакомленія съ персидскимъ канцелярскимъ слогомъ различныхъ эпохъ (начиная со временъ сельджукида Меликшаха до Надиршаха). Очень жаль, что г. Шеферу не былъ извѣстенъ сборникъ документовъ, грамотъ и писемъ, хранящійся въ здѣшнемъ институтѣ вост. яз. Изъ него можно было

бы выбрать нѣсколько очень важныхъ и въ историческомъ отношеніи документовъ сельджукидской эпохи. 6) р. ۲۲۹—۲۸۰ Стихотворенія; между ними есть нѣсколько піэсъ изъ весьма рѣдкаго дивана *Катрâна* († 465 = 1072), затѣмъ изъ *Феррухи*, *Авиценны*, *Рудеки* и нѣкоторыхъ другихъ. Отличный алфавитный указатель приложенъ также и къ этому 2-му тому. Съ внѣшней стороны изданіе не оставляетъ желать ничего лучшаго. Тексты, помѣщенные какъ въ первомъ томѣ, такъ и во второмъ, почти всѣ представляютъ значительныя затрудненія, а подробныя примѣчанія издателя исключительно посвящены разъясненію разныхъ историческихъ, географическихъ и историко-литературныхъ вопросовъ, почему они при всемъ ихъ научномъ интересѣ немного способствуютъ пониманію текстовъ. О пользѣ подобныхъ *христоматій* можно много спорить съ точки зрѣнія педагогической, но для науки вообще этотъ новый трудъ неутомимаго и заслуженнаго директора парижской школы живыхъ восточныхъ языковъ составляетъ не менѣе драгоцѣнное пріобрѣтеніе, чѣмъ прежнія его многочисленныя работы. Но еще бо̀льшее право на признательность всѣхъ любителей и цѣнителей мусульманскихъ литературъ пріобрѣлъ бы г. Шеферъ, если бы онъ рѣшился напечатать каталогъ своей безподобной коллекціи арабскихъ, персидскихъ и турецкихъ рукописей. Любезность, съ которой онъ дозволяетъ ученымъ пользоваться этими сокровищами, какъ извѣстно, выше всякой похвалы, но тѣмъ не менѣе полное представленіе о научномъ значеніи всего собранія мы получимъ только, когда узнаемъ въ точности какія сочиненія въ немъ заключаются, т. е. когда будетъ изданъ хотя бы короткій каталогъ. Да будетъ намъ позволено выразить надежду, чтобы таковой появился въ недалекомъ будущемъ.

В. Р.

---

13. Die **Scheibaniade.** Ein özbegisches Heldengedicht in 76 Gesängen von Prinz Mohammed Salih aus Charezm. Text, Uebersetzung und Noten von Hermann Vambéry. Auf Kosten des Uebersetzers gedruckt in d. k. k. Hof-und Staatsdruckerei in Wien. In Commission bei Friedrich Kilian. Budapest. 1885. XXI + 468 p.

Въ императорской вѣнской придворной библіотекѣ хранится джагатайская рукопись, которая по описанію Флюгеля (Die ar. pers. u. türk. Hdschr. etc. II, p. 323 № 1156) содержитъ историческую поэму, посвященную подвигамъ узбекскихъ хановъ. Г. Вамбери предлагаетъ нынѣ полное изданіе этой рукописи съ переводомъ, примѣчаніями и введеніемъ. Оказывается, что вся поэма (до 4500 стиховъ) воспѣваетъ подвиги одного лишь Шейбани-хана за время отъ 905 — 911 гиджры. Авторъ называетъ себя (въ XV-ой пѣснѣ, стр. 34 и сл. и ср. введеніе г-на Вамбери) *Мухаммед-Са-*

лихомъ, сыномъ *Нӯр-Са̀йда*, и сообщаетъ намъ тутъ-же, что «когда на его отца обрушилось несчастье волею Аллаха и изъ его рукъ ушли страны Хорезмъ, Хива и Кетъ» онъ (авторъ) послѣ долгаго скитанія и различныхъ приключеній наконецъ попалъ къ *Шейбāни-хāну*, который его обласкалъ и принялъ къ себѣ на службу. Въ воздаяніе за милости хана нашему автору пришла мысль сочинить *месневи* о подвигахъ своего благодѣтеля и вотъ этому обстоятельству мы и обязаны настоящей поэмой. *Мухаммед-Сāлихъ*, котораго Вамбери на основаніи приведеннаго нами стиха, называетъ *принцемъ*[1]), сопровождалъ *Шейбāни-хāна* на всѣхъ его походахъ, описываетъ слѣдовательно событія какъ очевидецъ и поэтому конечно можетъ считаться первостепеннымъ источникомъ для описываемой имъ эпохи. Цѣнность его увеличивается еще тѣмъ, какъ справедливо замѣчаетъ издатель, что большая часть нашихъ свѣдѣній объ узбекскомъ героѣ основывается на показаніяхъ авторовъ, жившихъ подъ властью Тимуридовъ, заклятыхъ враговъ узбековъ. Мы поэтому усердно рекомендуемъ нашимъ знатокамъ и ревнителямъ джагатайскаго языка и средне-азіатской исторіи новый памятникъ. Имъ же мы предоставляемъ оцѣнку достоинствъ перевода[2]) и самого изданія, за которое во всякомъ случаѣ г. Вамбери заслуживаетъ полной признательности. Текстъ напечатанъ на четныхъ страницахъ, переводъ на нечетныхъ. Въ концѣ приложены примѣчанія, въ числѣ которыхъ есть м. пр. одно (31-ое), содержащее нѣсколько рискованную теорію о происхожденіи имени *Оксусъ*. Опираясь на встрѣчающееся будто бы у Мухаммед-Сāлиха названіе Аму-Дарьи — اوكوز (Öküz, Ögüz)[3]), г. Вамбери утверждаетъ, что именно это-то имя и слышали греки временъ Александра и передѣлали его въ Ὦξος! Изъ этого факта затѣмъ вытекаетъ съ несомнѣнностью (mit Bestimmtheit), что еще во время Александра Македонскаго на обоихъ берегахъ Аму-Дарьи жило значительное тюркское населеніе. Такимъ образомъ тюрки появились въ этихъ мѣстахъ гораздо раньше, чѣмъ обыкновенно думаютъ, т. е. раньше 6-го вѣка по Р. Хр. Эту свою теорію ученый авторъ самъ называетъ (Vorrede, XII) «замѣчательнымъ открытіемъ въ исторіи распространенія тюркскаго народа». **В. Р.**

---

1) Самъ г. Вамбери впрочемъ сомнѣвается въ умѣстности этого титула (Vorrede, p. XV).

2) Въ текстѣ встрѣчается довольно много мѣстъ трудныхъ и весьма сомнительныхъ, что впрочемъ совершенно понятно при существованіи только одной рукописи поэмы.

3) Стр. 70,2. Къ сожалѣнію нѣтъ указателя, который облегчилъ бы рѣшеніе вопроса, дѣйствительно-ли вездѣ Аму-Дарья разумѣется подъ этимъ именемъ. На стр. 202 Аму-Дарья названъ Джейхӯномъ, что самъ издатель впрочемъ отмѣчаетъ какъ исключеніе (прим. 102). Съ Öküz, Ögüz Вамбери также составляетъ имя *Узбой*, правильно будто бы произносимое *Öüz-boj*).

ПОПРАВКА.

Сохраненіемъ описанной выше (стр. 1—7) китайской пайдзы мы обязаны усердію извѣстнаго собирателя древностей Минусинскаго края, члена-сотрудника Археологическаго Общества, Н. И. Мартьянова, который пріобрѣлъ ее на свои средства сначала для Минусинскаго музея, но потомъ согласился уступить ее Археологической Коммиссіи съ тѣмъ условіемъ, чтобы Минусинскому музею былъ высланъ точный гальвано-пластическій слѣпокъ съ этой пайдзы.

В. Тизенгаузенъ.

Золотой кладъ изъ динаровъ Патанскихъ Султановъ Индіи.

Мѣстность Волжской Булгаріи, издавна извѣстная интересными находками по части восточной нумизматики, не оскудѣла ими еще и понынѣ. Въ этомъ отношеніи она, по истинѣ, можетъ быть признана неистощимой, ибо почва древнихъ городовъ: *Булгара* (село Успенское Бо̀лгары) и *Биляра* (пригородъ Билярскъ) — досѐлѣ ежегодно доставляетъ извѣстное количество различныхъ монетъ, которыя въ теченіи лѣтняго времени обнаруживаются на поверхности земли послѣ каждаго проливнаго дождя и собираются ребятишками. Полевыя, огородныя и другія земляныя работы также, иногда, доставляютъ подобныя находки.

Преимущественно монеты бываютъ находимы по одиночкѣ; но иногда встрѣчаются и въ кладахъ. Находки послѣдняго рода, большей частью, дѣлались не въ районѣ, занимаемомъ древними городищами, а внѣ его въ окрестностяхъ и иногда въ значительномъ отдаленіи. Очень можетъ быть, что такіе факты находятся въ связи съ древнимъ кочевымъ образомъ жизни, ибо на многихъ мѣстахъ намъ извѣстныхъ, гдѣ были сдѣланы интересныя находки, накакихъ наземныхъ признаковъ древняго обитанія не существуетъ. Вѣроятно, въ этомъ случаѣ, то обстоятельство, что зарытые капиталы остались въ землѣ, слѣдуетъ объяснить тѣмъ, что владѣльцы ихъ не могли въ послѣдствіи найдти мѣста, гдѣ ихъ спрятали. Можетъ быть многіе изъ кладовъ были не мирно нажитые капиталы, а частью военной добычи или результатомъ грабежей и иныхъ хищеній; но въ нѣкоторыхъ случаяхъ, быть можетъ, слѣдуетъ на нихъ смотрѣть какъ на добровольныя обѣтныя жертвы, связанныя съ религіозными вѣрованіями. Что касается до тѣхъ монетъ, которыя бываютъ находимы по одиночкѣ, то присутствіе ихъ въ

почвѣ можетъ быть объясняемо отчасти случайной потерей ихъ, а также древнимъ обычаемъ разбрасыванія монетъ въ народную толпу, иногда значительными массами, при разныхъ торжественныхъ случаяхъ, при чемъ, въ общей суматохѣ, вѣроятно значительное число монетъ затаптывалось въ землю и терялось.

Восточныя монеты, которыя находятся въ почвѣ Казанской губерніи, бываютъ обыкновенно серебряныя и мѣдныя. Къ наиболѣе древнимъ принадлежатъ такъ называемые *арабскіе диргемы*, которые бывали здѣсь находимы и по одиночкѣ и въ кладахъ. Здѣсь встрѣчаются монеты *халифскія*, *тагиридскія*, *буидскія* и *саманидскія*. Иногда попадаются по одиночкѣ и саманидскіе *фельсы* [1]). Болѣе поздняя эпоха владычества Джучидовъ оставила въ почвѣ здѣшняго края значительный слѣдъ въ видѣ неисчерпаемаго количества джучидскихъ *диргемовъ* и *пуловъ*, изъ которыхъ многіе были чеканены въ здѣшнихъ мѣстахъ и преимущественно въ Булгарѣ. Диргемы этой эпохи попадаются тоже по одиночкѣ и въ кладахъ, и между ними не рѣдко встрѣчаются диргемы другихъ Чингизидовъ, современныхъ съ ними. Пулы обыкновенно находятъ по одиночкѣ; но мнѣ извѣстенъ одинъ случай находки пуловъ и въ кладѣ [2]).

Необыкновенную рѣдкость въ здѣшнемъ краѣ составляютъ находки *золотыхъ* монетъ. Это происходитъ оттого, что въ древнѣйшую эпоху торговыхъ сношеній Булгаровъ Волжскихъ съ Азіей, употреблялись исключительно серебряныя деньги. Арабскій географъ Якутъ въ своемъ «Географическомъ словарѣ», въ статьѣ о Бухарѣ, говоритъ положительно, что «жители Бухары во времена Саманидовъ производили торговлю посредствомъ диргемовъ, *не употребляя* (для того) *динаровъ*: золото принималось у нихъ какъ товаръ и вообще какъ движимое имущество» [3]).

Извѣстно, что Волжскіе Булгары служили только посредниками той обширной торговли, которая въ средніе вѣка производилась между Европой и

---

1) Въ наукѣ установилось мнѣніе, что мѣдныя куфическія монеты въ современную имъ эпоху не выходили изъ азіатскихъ предѣловъ и всѣ такія монеты, хранящіяся въ европейскихъ минц-кабинетахъ были найдены въ Азіи и лишь въ позднѣйшее время были вывозимы оттуда пріѣзжими купцами. Но я имѣю въ своемъ собраніи нѣсколько экземпляровъ саманидскихъ фельсовъ, найденныхъ въ почвѣ древнихъ городовъ Булгара и Биляра. Я думаю, что фактъ нахожденія ихъ здѣсь долженъ быть объясняемъ въ томъ смыслѣ, что саманидскіе фельсы, хотя бы и въ ограниченномъ числѣ, заходили въ Волжскую Булгарію съ караванами, въ эпоху имъ современную, а не позднѣе (н. пр. въ эпоху Джучидовъ); но весьма вѣроятно, что они не играли, при этомъ, никакой роли во внѣшней торговлѣ.

2) Этотъ кладъ былъ найденъ неподалеку отъ гор. Булгара въ урочищѣ, носящемъ названіе *«Ага-Базаръ»*.

3) См. въ Трудахъ Вост. Отд. Имп. Арх. Общ. ч. I, Спб. 1855 г. изслѣдованіе В. Е. Тизенгаузена «О Саманидскихъ монетахъ», стр. 14.

Азіей, и городъ Булгаръ служилъ складочнымъ мѣстомъ товаровъ, откуда арабскія деньги, черезъ посредство новгородскихъ купцовъ, передавались на прибрежья Балтійскаго моря и далѣе, въ европейскія страны. Этотъ путь торговаго движенія обозначается находками кладовъ съ куфическими монетами, состоящими обыкновенно изъ диргемовъ цѣльныхъ и разрѣзанныхъ или разломанныхъ на части. Отсутствіе въ кладахъ динаровъ совершенно гармонируетъ съ извѣстіемъ Якута. Въ странѣ Волжской Булгаріи, обитатели которой не только по происхожденію, но и по образу жизни, по обычаямъ и религіи были близки къ обитателямъ средней Азіи, до сихъ поръ еще не встрѣчалось находки ни одного динара изъ древнѣйшей эпохи, тогда какъ золотыя ювелирныя издѣлія, несомнѣнно восточнаго происхожденія, неоднократно уже были находимы въ кладахъ. Должно припомнить, что въ кладахъ и отдѣльно встрѣчаются иногда диргемы пробитые, т. е. очевидно служившіе какъ предметы убранства. Еслибы динары, хотя какъ товаръ, были привозимы въ Булгаръ для того чтобы служить предметами убранства, то безъ сомнѣнія они должны бы были здѣсь встрѣчаться хотя бы и въ весьма ограниченномъ числѣ; однако же доселѣ даже и пробитаго динара, изъ этой эпохи, не было найдено ни одного. Изъ этого конечно слѣдуетъ заключать, что можетъ быть золото въ издѣліяхъ и отчасти, какъ товаръ, въ слиткахъ, въ эпоху Саманидовъ привозилось изъ средней Азіи, въ Волжскую Булгарію, но въ чеканеной монетѣ никогда.

Въ эпоху Джучидовъ въ обращеніи находились только серебряныя и мѣдныя деньги. Золото-ордынскіе ханы не чеканили динаровъ, ибо доселѣ неизвѣстно ни одной золотой монеты, которая бы съ неоспоримой достовѣрностью могла быть приписана этой династіи [1]).

До сего времени изъ золотыхъ восточныхъ монетъ въ Волжской Булгаріи, насколько то мнѣ извѣстно, были находимы исключительно лишь *динары патанскихъ султановъ Индіи*. Но до какой степени рѣдки такія находки можно судить по тому, что до нынѣшняго года, въ теченіи почти тридцатилѣтняго собиранія мною монетъ, находимыхъ въ этой мѣстности, я могъ добыть всего только четыре экземпляра. Я не имѣю лично никакихъ свѣдѣній о томъ, чтобы за этотъ періодъ времени были сдѣланы еще подобныя находки и думаю, что едва ли онѣ могли пройдти, миновавъ меня, безъ того, чтобы я вовсе ничего о нихъ не зналъ. Я имѣлъ возможность узна-

---

1) Динары, описанные академикомъ Френомъ въ Rec. p. 296—297, №№ 5—9, по годовымъ датамъ относящіеся къ этой эпохѣ всѣ безъименны и чеканены въ Харизмѣ. Описывая ихъ, онъ выражаетъ сомнѣніе относительно ихъ пріуроченія. Фрагментъ найденный въ Булгарѣ и описанный у П. С. Савельева въ «Неизд. джуч. мон.», № 523 также подлежитъ еще большому сомнѣнію.

вать о всѣхъ замѣчательныхъ находкахъ; а въ здѣшнемъ краѣ такъ рѣдко попадаются золотыя монеты, что каждая подобная находка равняется событію и не можетъ оставаться въ строгой тайнѣ, ибо счастливецъ находчикъ самъ не утерпитъ, чтобы не проговориться о ней своимъ односельцамъ.

Кажется, что до раскопокъ, произведенныхъ въ мѣстности, занятой развалинами древняго города Сарая, въ 1843—1849 годахъ, не было вовсе извѣстно о возможности находить патанскіе динары на мѣстахъ прежнихъ городовъ золотоордынскаго ханства, ибо о происхожденіи экземпляровъ подобныхъ монетъ, хранящихся въ минцъ-кабинетѣ Имп. Академіи Наукъ, описанныхъ академикомъ Х. Д. Френомъ въ 1826 году [1]) никакихъ свѣдѣній не встрѣчается. Сарайскія раскопки въ 1849 году доставили 18 экземпляровъ патанскихъ динаровъ и съ того времени сдѣлалась извѣстной возможность находить ихъ на почвѣ прежняго улуса Джучи. В. В. Григорьевъ, описывая наиболѣе замѣчательные экземпляры изъ этой находки, высказалъ справедливую догадку, что и академическіе экземпляры патанскихъ динаровъ должны быть такого же *домашняго* происхожденія, т. е. что и они были найдены на русской почвѣ [2]).

Находки патанскихъ динаровъ вообще еще такъ рѣдки у насъ, что было бы желательно о каждой изъ нихъ имѣть возможно точныя и подробныя свѣдѣнія для того, чтобы знать какъ они обыкновенно встрѣчаются: по одиночкѣ или группами, т. е. *кладами*, и въ которомъ изъ этихъ видовъ они попадаются чаще. Это можетъ быть очень важно для соображенія о той роли, какую они могли играть въ улусѣ Джучи.

Въ отчетѣ о раскопкахъ А. В. Терещенко никакихъ подробностей о находкѣ динаровъ не сообщается и упомянуто лишь то, что въ 1849 году было найдено ихъ 18 штукъ [3]); но въ описаніи этихъ монетъ у В. В. Григорьева встрѣчается выраженіе: «въ описываемомъ *кладѣ*» [4]). При отсутствіи точныхъ извѣстій объ обстоятельствахъ находки этихъ динаровъ, остается неизвѣстнымъ, въ какомъ смыслѣ это выраженіе было употреблено авторомъ, т. е. имѣлъ ли онъ положительныя свѣдѣнія о томъ, что монеты были найдены одновременно вмѣстѣ, или же случайно употребилъ выраженіе «*въ... кладѣ*», лишь по своему соображенію, видя передъ собой груду золотыхъ монетъ, которыя описывалъ?

---

1) Rec. p. 176—178.

2) См. 2-й т. Записокъ Спб. Арх. Нум. Общ. 1850 г. В. В. Григорьева «Монеты афган. султ. Индіи, найд. въ разв. Сарая», стр. 351.

3) См. тамъ-же, стр. 409—410, «Археолог. поиски въ развал. Сарая».

4) Тамъ-же, стр. 348.

Въ VI томѣ Извѣстій Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества встрѣчается еще сообщеніе о находкѣ близь древняго города Булгара *клада* патанскихъ динаровъ, сдѣланной въ началѣ шестидесятыхъ годовъ текущаго столѣтія [1]). Въ этомъ сообщеніи упомянуто, что одна изъ монетъ этой находки досталась В. К. Савельеву, а двѣ другія попали ко мнѣ. Но я покупалъ мои экземпляры по одиночкѣ въ разное время и о находкѣ цѣлаго клада такихъ монетъ мнѣ не было извѣстно. — Одинъ изъ моихъ динаровъ былъ купленъ даже черезъ посредство самого В. К. Савельева, какъ найденный въ Булгарѣ въ 50-хъ годахъ.

Первый, извѣстный мнѣ, *кладъ* патанскихъ динаровъ былъ найденъ лишь въ лѣто текущаго 1884 года и такъ какъ я имѣлъ возможность получить его почти въ полномъ составѣ и подробно узнать всѣ обстоятельства находки, то это и побудило меня составить подробное описаніе этого интереснаго клада.

Въ недалекомъ разстояніи отъ села Успенскаго, занимающаго городище древняго знаменитаго въ лѣтописяхъ Исторіи города Булгара, находится деревня *Тенишево*, лежащая на пути отъ с. Успенскаго къ пароходной пристани, извѣстной подъ именемъ Спасскаго Затона, построенной при рукавѣ р. Волги, носящемъ названіе *Чертыкъ*. Неподалеку отъ дер. Тенишево, въ луговой дачѣ, принадлежащей къ этому селенію находится небольшое глубокое озеро, изъ котораго незначительный истокъ впадаетъ въ волжскій *Чертыкъ*. Во время весеннихъ разливовъ эта мѣстность заливается волжскими водами и, слѣдовательно, не представляетъ возможности для постояннаго обитанія.

Въ послѣднихъ числахъ мая 1884 года, послѣ спада воды весенняго разлива, на берегу этого озера играли малолѣтніе крестьянскіе мальчики. Одинъ изъ нихъ замѣтилъ въ береговомъ пескѣ какой-то желтый металлическій кружекъ, блестѣвшій на солнцѣ: онъ поднялъ его и позвалъ къ себѣ другого мальчика, своего товарища, которому показалъ свою находку. Они рѣшили поискать въ пескѣ еще находокъ и вскорѣ первому мальчику, дѣйствительно, удалось открыть въ пескѣ еще пять штукъ такихъ же желтыхъ металлическихъ кружковъ; но его товарищъ, замѣтивъ удачу, закричалъ: «чуръ по поламъ!»—Это считается равносильнымъ формальному договору о раздѣлѣ добычи и потому первый мальчикъ, который собственно и открылъ весь *кладъ*, подчинился обычаю и раздѣлилъ находку съ товарищемъ по поламъ такъ, что каждый получилъ на свою долю по три кружка. Дальнѣйшіе ихъ

---

1) См. Извѣстія Имп. Русск. Арх. Общ., т. VI, отд. 2, стр. 151—152, В. Е. Тизенгаузена «Находка монетъ патанскихъ султановъ Индіи близь древняго Булгара».

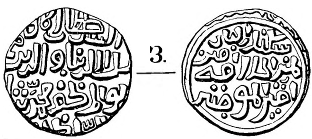
o иски не имѣли успѣха; но третій мальчикъ, узнавъ объ находкѣ, сталъ также искать и ему посчастливилось найдти еще одинъ желтый металлическій кружекъ.

Не имѣя ни малѣйшаго понятія о значеніи сдѣланнаго открытія, дѣти относились къ своимъ находкамъ, какъ къ простымъ игрушкамъ. Истина обнаружилась только тогда, когда они возвратились въ деревню и старшіе увидѣли въ ихъ рукахъ эти игрушки. Конечно произошелъ переполохъ: драгоцѣнныя находки были тотчасъ же отобраны у ребятъ и пошли разспросы: что? какъ ?гдѣ?—Шутка-ли? — Цѣлый золотой кладъ! Едвали не вся деревня поголовно бросилась гурьбой на мѣсто находки, вооруженная заступами и лопатами, подъ предводительствомъ ребятишекъ, которые должны были указать счастливое мѣсто. Очень понятно, что въ воображеніи толпы рисовались груды золота; но дѣйствительность обманула ожиданія. Въ одинъ мигъ указанное мѣсто и чуть ли не всѣ берега озера были обслѣдованы и перекопаны: землю и песокъ просѣвали черезъ рѣшета; но ничего не нашли. Такимъ образомъ вся находка резюмируется семью экземплярами монетъ. Вѣсть о ней тотчасъ же разнеслась по сосѣдству и вскорѣ двѣ монеты, изъ числа найденныхъ, были доставлены ко мнѣ въ Казань. Желая составить себѣ точное понятіе о составѣ этого замѣчательнаго клада, я старался собрать всѣ найденныя монеты и успѣлъ пріобрѣсти еще три изъ нихъ, именно тѣ самыя, которыя достались на долю главнаго виновника открытія, мальчика Павла. Остальныя двѣ монеты ко мнѣ не попали. Одна изъ нихъ была куплена богатымъ казанскимъ татариномъ, который въ то время находился на богомольи въ Бо̀лгарахъ; мнѣ удалось, потомъ, разъискать ее здѣсь въ Казани: я видѣлъ ее и мнѣ предлагали даже ее купить; но назначали такую баснословную цѣну, что покупка оказалась невозможной. Въ видѣ утѣшенія мнѣ остался рисунокъ съ нея, который я успѣлъ сдѣлать пока она находилась въ моихъ рукахъ. Это та самая монета, которая была найдена послѣдней изъ клада, третьимъ мальчикомъ. Изъ трехъ монетъ, которыя купилъ для меня мой бо̀лгарскій агентъ, къ сожалѣнію одинъ экземпляръ онъ продалъ какому-то пріѣзжему господину въ Спасскомъ Затонѣ. Я сожалѣю объ этомъ потому, что мнѣ не удалось видѣть этой монеты и такимъ образомъ я не могу имѣть точнаго представленія объ этомъ кладѣ, который теперь кажется нѣсколько страннымъ.

По разсмотрѣніи всѣ шесть золотыхъ монетъ оказались динарами патанскихъ султановъ Индіи: два изъ нихъ чеканены отъ имени Ала эд-дина Мухаммеда шаха, Секендеръ эс-Сани, царствовавшаго съ 695 по 715 г. г. (= 1295 — 1315 Хр. л.). Остальные четыре относятся къ царствованію Мухаммеда I, сына Тоглукъ шаха, т. е. къ періоду 725 — 752 г. г.

(= 1324 — 1350 Хр. л.). Слѣдовательно динары этого клада принадлежатъ, по своему чекану, султанамъ двухъ разныхъ династій и раздѣлены значительнымъ промежуткомъ времени. Сравнивая эти динары съ прежде-описанными у Х. Д. Френа, В. В. Григорьева и Э. Томаса я нашелъ небольшія различія, которыя побудили меня сдѣлать рисунки съ наиболѣе интересныхъ экземпляровъ, отличающихся, сверхъ того, еще и величиной своихъ металлическихъ кружковъ, значительно превосходящихъ діаметромъ тѣ, которые были описаны В. В. Григорьевымъ. Обыкновенно монетные кружки расплющивались такъ, что не могли равняться размѣрами со штемпелями, вслѣдствіе чего легенды отбивались не вполнѣ. Это происходило, вѣроятно, отъ неаккуратности монетныхъ мастеровъ; но отъ этого, въ нумизматическомъ отношеніи, монеты теряютъ много интереса. Въ новомъ кладѣ нѣкоторые экземпляры отличаются, напротивъ, замѣчательной аккуратностью технической стороны монетнаго дѣла и полнотой легендъ.

1.



Л. Надпись:

السلطان الاعظم	т. е.	«Султанъ верховный
علا الدنيا و الدين		Ала эд-дунья в'эд-динъ
(ا) بو المظفر محمّد شا (ه)		Абуль Музафферъ Мухаммедъ шахъ
السلطان		Султанъ».

О. Въ кругломъ полѣ, обведенномъ грубымъ ободкомъ изъ черты, надпись:

سکندر الثانی	т. е.	«Секендеръ (Александръ) второй
يمين الخلا فة امين		Десница Халифата, опора
امير المومنين		Повелителя правовѣрныхъ».

За ободкомъ видны слѣды круговой надписи, содержавшей обозначеніе мѣста чеканки и годовой даты. Въ остаткахъ буквъ, изъ которыхъ видна

только нижняя половина, можетъ быть содержится: ....وتسعين ,ثمان т. е. .... «девяносто восемь» (?)

Вѣсъ: 2 зол. 53 дол.

Динаръ этотъ выбитъ 14-мъ, по порядку царствованія, патанскимъ султаномъ Ала эд-динъ Мухаммедъ шахомъ, присвоившимъ себѣ почетное прозвище *втораго Александра* (Македонскаго). Онъ царствовалъ съ 695 по 715 гг. (= 1295—1315 Хр. л.). Нашъ экземпляръ динара походитъ на описанный Френомъ въ Rec. p. 176, № 1; но отличается отъ него тѣмъ, что на О. имѣетъ круговую легенду, о чемъ тамъ не упоминается; поэтому вѣроятно академическій экземпляръ слѣдуетъ считать неполнымъ.

2

Динаръ, во всемъ сходный съ предъидущимъ; но отбитъ не такъ удачно: монетный кружекъ толще, но меньшаго діаметра и легенды не вполнѣ умѣстились, вслѣдствіе чего на Л. вовсе не достаетъ послѣдней строки съ словомъ السلطان. На О. остатокъ круговой легенды видѣнъ только съ лѣвой стороны и кажется содержитъ начало и окончаніе надписи: .... ضرب (?) وستمية, т. е. «*шестьсотъ и чеканъ*. . .» (?) Если сопоставить это число годовой даты съ тѣми, которыя повидимому находятся на предъидущемъ экземплярѣ, то получится полное число годовой даты 698 гг., когда были выбиты эти динары. Такая дата не представляетъ анахронизма, ибо Ала эд-динъ Мухаммедъ шахъ, какъ выше сказано, царствовалъ съ 695 по 715 гг.

Вѣсъ: 2 зол. 60 дол.

Если точно динары эти чеканены въ 698 г. (= 1298 Хр. л.), въ такомъ случаѣ они принадлежатъ къ числу еще неизданныхъ, ибо въ монографіи Э. Томаса (The Chronicles of the Pathan kings of Dehli), описаны подобные этимъ динары, но изъ годовъ 704, 709, 711 гиджры. Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что въ описаніи типа этихъ динаровъ у Э. Томаса встрѣчается небольшая неточность и нѣкоторое различіе съ описаніемъ Х. Д. Френа. Такъ, въ легендѣ на Л. динара 709 года (p. 168, № 168) въ первой строкѣ слово السلطان у Э. Томаса не сопровождается эпитетомъ الاعظم, тогда какъ въ описаніи академическаго экземпляра у Френа и на

двухъ нашихъ динарахъ это слово ясно читается. Въ монографіи Э. Томаса не приложенъ рисунокъ описаннаго имъ динара и потому можно бы думать, что описаніе сдѣлано по неполному экземпляру, на кружкѣ котораго легенда штемпеля вышла не вполнѣ. Но, оказывается, что та же самая неточность вкралась у него и въ описаніе диргемовъ тогда, какъ на рисункѣ его № 57, Tab. III слово الاعظم ясно читается. На О. динара, во второй строкѣ напольной легенды, послѣднее слово Э. Томасъ читаетъ ناصر, тогда какъ на двухъ нашихъ экземплярахъ начертаніе этого слова болѣе походитъ на امين, какъ оно и было прочитано Френомъ на академическомъ экземплярѣ (Rec. p. 176, № 1). Описанные у Э. Томаса динары всѣ чеканены въ Дегли; вѣроятно и наши экземпляры биты тамъ же.

3

Л. Въ полѣ, окруженномъ фигурной рамкой, надпись:

ضرب هذا الدّينار	т. е. «Чеканенъ этотъ динаръ
(sic) الخليفتى فى الدّهلى شور	Халифатскій въ Дегли, мѣсяцы
(sic) سنة احدى واربعر وسبعا	года семьсотъ сорокъ перваго» (=1340, 1 по Хр. л.).

О. Въ полѣ окруженномъ такой же фигурной рамкой, надпись:

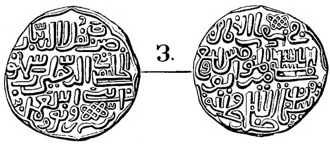
(sic) فى ز※مان الاسام	т. е. во вре※мя имама
المستكفى الله (sic) امير المومنين ابو (sic) ربيع	Эль Мустекфи билляхъ — повелителя правовѣрныхъ — аби-Рабиэ
و(?) سليمان خلد الله خلافته	и (?) Сулеймана да длитъ вѣчно Аллахъ Халифатъ его».

Вѣсъ: 2 зол. 54 доли.

Этотъ динаръ, выбитый Мухаммедомъ I, сыномъ Тоглукъ шаха, очень близко походитъ на описанный въ Rec. p. 177, № 4; но съ небольшими различіями. Такъ на Л. شهور начертано здѣсь неправильно شور; числительное اربعين тоже начертано очень сжато, а «*одинъ*» напротивъ пра-

вильно: احدى. На О. титулъ الا مام здѣсь начертанъ неправильно الاسام, какъ упомянуто Френомъ при описаніи динара 742 года (Rec. p. 177—178, № 5); а въ послѣдней строкѣ слово الله здѣсь начертано правильно. Изъ всего сказаннаго видно, что нашъ динаръ составляетъ варіантъ № 4, Rec. p. 177. Онъ отличается также величиной своего кружка, которая почти совершенно равнялась діаметру штемпелей, вслѣдствіе чего легенды могли отбиться вполнѣ и съ окружающими поля фигурными рамками. На О. штемпель ударилъ не съ разу и оттого легенды не такъ чисто отчеканились какъ на Л.

4



3.

Л. Въ полѣ, окруженномъ такой же рамкой, какъ на предъидущемъ, надпись:

ضرب هذا الدينار	т. е. «Чеканенъ этотъ динаръ
الخليفتى فى الدهلى شهور	Халифатскій въ Дегли мѣсяцы
سنة اثنى واربعو (sic) سبعمايه	года семьсотъ сорокъ втораго». (=1341, 2 Хр. л.).

Здѣсь вся легенда начертана совершенно правильно, за исключеніемъ числительныхъ *«сорокъ»* и *«два»*, которые вырѣзаны слишкомъ сжато: а اربعو вмѣсто و اربعين и اثنى вм. اثنتين.

О. Въ такомъ же полѣ надпись:

فى زمان الامام	т. е. «Во время имама
المستكفى بالله امير المومنين ابو (sic) و (sic) بيع	Эль-Мостекфи билляха повелителя правовѣрныхъ Аби Рабиэ
و (?) سليمان خلد الله خلافته	и (?) Сулеймана да длитъ вѣчно Аллахъ Халифатъ его».

Здѣсь замѣчаются неправильности въ начертаніи нѣкоторыхъ словъ во второй строкѣ: ابو вм. ابى и وبيع вм. ربيع, и въ третьей строкѣ передъ

именемъ «*Сулейманъ*» здѣсь также какъ и на предъидущемъ динарѣ находится лишнее و (?).

Вѣсъ: 2 зол. 53 дол.

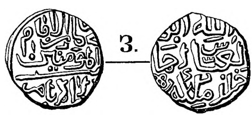
Этотъ, прекрасно отчеканенный, динаръ того же султана Мухаммеда I, соотвѣтствуетъ описанному Френомъ въ Rec. p. 177—178, № 5; но составляетъ его варіантъ. На О. титулъ الامام начертанъ здѣсь совершенно правильно и при числительномъ اثنين нѣтъ ه; кромѣ того въ имени халифа «*билляхъ*» начертано тоже правильно بالله, а не الله, какъ на академическомъ экземплярѣ. По этимъ особенностямъ нашего динара видно, что онъ составляетъ промежуточный варіантъ между № 5 и № 5*a*, Rec. По величинѣ монетнаго кружка этотъ экземпляръ равенъ съ предъидущимъ.

5

Динаръ сходный съ предъидущимъ и того же 742 года; но другихъ штемпелей. На О. слово «*билляхъ*» здѣсь вырѣзано بلله вмѣсто بالله. Діаметръ кружка этого экземпляра менѣе предъидущаго; но монетная пластинка толще.

Вѣсъ: 2 зол. 54 дол.

6



3.

Л. Надпись:

فى زمان الامام	т. е.	«Во время имама
امير المومنين		Повелителя правовѣрныхъ
الحاكم بامر		Эль-Хакимъ Би-амри».

О. Надпись:

الله ابو	т. е.	«Аллахъ Абу-ль
العبّاس احمد		Аббасъ Ахмедъ
خلد ملكه ر*		Да длится вѣчно царствіе его».

На Л. слѣва примѣтенъ остатокъ ободка изъ черты, окружавшаго поле монеты.

Вѣсъ: 2 зол. 57 дол.

Этотъ динаръ, чеканенный тѣмъ же султаномъ Мухаммедомъ I, сходенъ съ описаннымъ у В. В. Григорьева (Мон. афган. султ. Индіи стр. 337, № IV и Таб. VII, 4); но представляетъ другіе штемпеля, вырѣзанные грубѣе. При гораздо меньшемъ діаметрѣ монетнаго кружка, сравнительно съ вышеописанными, онъ однако же сохраняетъ полный свой вѣсъ, ибо онъ отбитъ толще. Этотъ экземпляръ тотъ самый, который былъ купленъ казанскимъ татариномъ, о чемъ было упомянуто выше.

Вотъ всѣ динары этой находки, за исключеніемъ седьмаго экземпляра, который исчезъ безслѣдно. Странная обстановка, при которой найдено это небольшое собраніе динаровъ, также, какъ и самый его составъ приводятъ въ недоумѣніе о томъ, какимъ образомъ могли попасть въ это мѣсто монеты. Строго говоря, подъ названіемъ *клада* должно подразумѣвать умышленное зарываніе въ какомъ либо мѣстѣ извѣстной цѣнности капитала, который помѣщался на нѣкоторое время въ землю, какъ въ надежную кладовую, съ тѣмъ, чтобы въ послѣдствіи владѣлецъ могъ снова воспользоваться своей собственностью. Въ большей части случаевъ монеты, или драгоцѣнныя вещи, такимъ образомъ предаваемыя землѣ, обыкновенно помѣщались въ глиняные или металлическіе *сосуды*, или же въ *мѣшки* изъ кожи, холста и пр. Здѣсь ничего подобнаго не найдено и золотыя монеты оказались какъ бы разбросанными на этомъ мѣстѣ. Если капиталъ, который представляетъ собою это собраніе динаровъ былъ умышленно *схороненъ* тутъ, то надо согласиться, что мѣсто было выбрано безъ всякаго соображенія, ибо песчаная почва, по своей зыбучести, представляла мало гарантіи къ сбереженію опущенныхъ въ нее золотыхъ монетъ, которыя своей тяжестью могли быть увлечены на дно песчаной дюны и, не будучи ни во что завернуты, могли растеряться въ пескѣ при обратномъ ихъ добываніи. Кромѣ того еще не извѣстно, не стояли ли въ эпоху, къ которой относятся динары, вòды теперешняго озера выше, нежели въ настоящее время, ибо извѣстно, что общій уровень водъ въ волжскомъ бассейнѣ, съ истребленіемъ лѣсовъ значительно понизился. Въ такомъ случаѣ песчаный берегъ озера, гдѣ обнаружились динары, могъ быть, въ то отдаленное время, еще постоянно покрытъ водой и, если это дѣйствительно было такъ, то какимъ образомъ можетъ быть объясненъ тотъ фактъ, что динары попали въ воду? — Должно ли предполагать здѣсь случайную потерю, или умышленное сокрытіе?

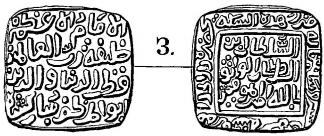
Въ прежнія времена существовалъ обычай, еще и понынѣ существующій въ нѣкоторыхъ странахъ Востока, носить золотыя деньги на себѣ, зашитыми въ кожаный поясъ. Если обладатель нашихъ патанскихъ динаровъ тоже придерживался этого обычая, то его поясъ могъ случайно разорваться въ то время, когда онъ, почему либо, находился на этомъ озерѣ и часть

динаровъ, заключавшихся въ поясѣ могла упасть въ воду. Въ такомъ случаѣ это была бы просто *потеря*, а не *кладъ*. Но, съ другой стороны мы знаемъ что въ минуты паническаго страха, или по другимъ побужденіямъ люди иногда умышленно прятали наиболѣе цѣнные предметы своего имущества въ воду колодцевъ и озеръ; слѣдовательно, найденная въ пескѣ коллекція динаровъ могла быть и *кладомъ*, умышленно опущеннымъ въ воду. Очевидно здѣсь представляется широкое поле для предположеній.

Если принять эту находку какъ кладъ, составлявшій собственность одного лица, то трудно объяснить, какъ этотъ капиталъ образовался, ибо въ кладѣ встрѣтились монеты лишь двухъ царствованій раздѣленныхъ десятилѣтнимъ промежуткомъ, а по времени чеканки самые ихъ динары раздѣлены промежуткомъ не менѣе тридцати лѣтъ. Судя по сравнительной рѣдкости находокъ въ Россіи патанскихъ динаровъ, невозможно допустить, чтобы они могли имѣть какое либо отношеніе къ монетной системѣ Джучидовъ, не чеканившихъ золотыхъ денегъ. — Какое же значеніе могли они имѣть въ Золотой Ордѣ? — Если они были привозимы для того, чтобы употреблять ихъ, какъ панделоки, для убранства наряда богатыхъ и знатныхъ женщинъ, то мы замѣчали бы на монетахъ и признаки такого употребленія, т. е. онѣ были бы пробиты, или же къ нимъ были бы придѣланы ушки, какъ н. пр. это замѣчается на многихъ куфическихъ диргемахъ въ кладахъ. Но этого однакоже не встрѣчалось еще, сколько мы знаемъ, ни на одномъ изъ доселѣ найденныхъ патанскихъ динаровъ. Судя по цѣнности каждой такой золотой монеты, онѣ не могли быть доступны для простаго класса народа, ибо въ то время и одинъ такой динаръ представлялъ собой значительную сумму. Слѣдовательно они могли быть достояніемъ или только самихъ хановъ, или же и другихъ владѣтельныхъ особъ въ Ордѣ. Но, допустивъ такое предположеніе, для насъ все таки остается невыясненной та роль, какую могли играть золотыя монеты въ ханской казнѣ. Можетъ быть ихъ хранили только, какъ куски золота, имѣвшіе опредѣленный вѣсъ и смотрѣли на нихъ какъ на драгоцѣнный матеріалъ, который, въ случаѣ надобности можно было передѣлывать въ драгоцѣнные предметы убранства и утвари. Однакоже этотъ драгоцѣнный матеріалъ въ Золотой Ордѣ, вѣроятно, не исключительно добывался изъ патанскихъ динаровъ, ибо судя по тому блеску и расточительности на золото и позолоту, которыми окружали себя и свое жилище ханы, какъ это видно н. пр. изъ описанія Ибнъ-Батутой ханской ставки Узбека и великолѣпія города Сарая, находки динаровъ по сіе время представляются, все таки, очень рѣдкими и не изобильными. По нашимъ личнымъ наблюденіямъ, ихъ чаще находили по одиночкѣ, нежели группами или кладами.

Въ дополненіе къ описанному кладу, имѣя въ виду сравнительную рѣдкость находокъ этихъ драгоцѣнныхъ монетъ, считаю не лишнимъ помѣстить здѣсь описаніе собранныхъ мною ранѣе, найденныхъ въ разное время по одиночкѣ, патанскихъ динаровъ, съ обозначеніемъ мѣстъ нахожденія, какъ о томъ мнѣ было сообщено при покупкѣ ихъ.

7



Динаръ четыреугольной формы, боковыя стороны котораго не прямолинейны, а нѣсколько дугообразно выгнуты къ наружи и углы скруглены.

.І. Въ квадратной рамкѣ изъ черты, надпись:

الأمامْ الأعظمْ	т. е.	«Имамъ верховный
خليفة ربّ العالمين		Намѣстникъ божій
قطب الدنيا والدين		Котбъ эд-дунья в'эд-динъ
ابو المظفر مُباركشاه		Абуль Музафферъ Мубарекъ шахъ».

О. Въ полѣ, обведенномъ квадратной рамкой изъ черты, легенда:

السّلطان ابن	т. е.	«Султанъ сынъ
السلطان الو اثق		Султана эль-Васикъ
بالله امير المومنين		биллахъ, повелитель правовѣрныхъ».

За рамкой вокругъ поля расположена слѣдующая надпись:

ضرب هذه السكة || بحضرة دار الخلا || فة في سنة ثمان || عشرو سبعماية

т. е. «Чеканена эта монета августѣйшаго мѣстопребыванія Халифата (т. е. Дегли) въ годъ семьсотъ восемнадцать» (= 1318 Хр. л.). За круговой легендой вторая квадратная рамка изъ черты.

Вѣсъ: 2 зол. 54 доли.

Этотъ динаръ былъ найденъ въ лѣто 1863 года въ селѣ Петропавловскомъ (Кузнечиха тожъ) Спасскаго уѣзда Казанской губерніи, двумя крестьянами на гумнѣ, при постановкѣ овина. Монета была доставлена ко мнѣ въ октябрѣ того же года. Село Петропавловское, очевидно, занимаетъ мѣстность древняго булгаро-татарскаго селенія, ибо тамъ нерѣдко находятъ разныя древнія вещи, сходныя съ тѣми, какія бываютъ находимы на городищахъ Булгарскомъ и Билярскомъ.

Динаръ этотъ выбитъ 16-мъ патанскимъ султаномъ, Котбъ эд-динъ Мубарекъ шахомъ I, сыномъ Ала эд-динъ Мухаммедъ шаха. Онъ царствовалъ не долго, съ 716 по 720 г. г. (= 1316—1320 Хр. л.). Изъ числа его динаровъ по описаніямъ извѣстны только два. Первый изъ нихъ, находившійся въ коллекціи Неѣлова въ Казани, быть можетъ тоже найденный въ Спасскомъ уѣздѣ, былъ описанъ въ 1823 году академикомъ Френомъ въ сочиненіи «Numi Kufici ex variis museis selecti», гдѣ и помѣщено изображеніе этого динара (Tab. XXI, 56). Къ сожалѣнію экземпляръ оказался неполнымъ и круговая надпись не могла быть прочитанной вполнѣ; время его чеканки 720 г. г. (=1320 Хр. л.), а мѣсто, гдѣ онъ былъ выбитъ, казалось Френу подлежащимъ большому сомнѣнію. Другой экземпляръ былъ описанъ у Э. Томаса въ «The chronicles of the Pathan Kings of Dehli etc.» 1871. — Этотъ выбитъ въ 718 г. г.; но мѣсто чеканки на немъ читается «*Кутбъ-абадъ*» (p. 179, № 142). Судя по остаткамъ буквъ на Неѣловскомъ экземплярѣ кажется, что и тамъ тоже стояло «Кутбъ-абадъ». На нашемъ экземплярѣ круговая надпись допускаетъ возможность полной дешифровки и мѣсто чеканки читается «*Даръ эль хилафé*». У Э. Томаса мы не находимъ динара съ этимъ мѣстомъ чеканки; но у него описанъ диргемъ, чеканенный въ «Даръ эль хилафé» (p. 181, № 146), штемпеля котораго совершенно сходны съ штемпелями нашего динара, за исключеніемъ годовой даты, которая на диргемѣ 717 г. г. (= 1317 Хр. л.). Такимъ образомъ оказывается что нашъ динаръ принадлежитъ къ числу еще неизданныхъ.

8

Л. Въ фигурной рамкѣ надпись:

ا لله
الحاكم
بامر

т. е. «Ель Хакимъ Би-амри Ллахъ».

О. Въ такой же рамкѣ:

احمد
العبّاس
ابو

т. е. «Абуль-Аббасъ-Ахмедъ».

Вѣсъ: 2 зол. 56 дол.

Этотъ динаръ былъ найденъ въ мѣстности города Булгара, лѣтомъ 1860 года и въ августѣ того же года купленъ мною у мѣнялы въ Казани. Монета выбита Мухаммедомъ I, сыномъ Тоглука, отъ имени пятаго Египетскаго халифа Эль-Хакима II (741 — 753 г. г.). Подобные этому динары уже были ранѣе описаны Френомъ (Rec. p. 178, № 6) и Григорьевымъ, № 3 (Таб. VII, 3); отъ нихъ нашъ экземпляръ отличается лишь большей грубостью рѣзьбы штемпелей.

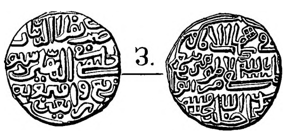
9

Динаръ того же Мухаммеда ибнъ Тоглука, чеканенный въ Дегли въ 741 г. г. сходный съ описаннымъ мною выше (См. № 3), найденнымъ въ кладѣ; но отличается отъ него меньшимъ діаметромъ кружка, вслѣдствіе чего легенды не могли умѣститься и нѣкоторыя слова не вышли.

Вѣсъ: 2 зол. 56 дол.

Этотъ динаръ былъ купленъ мной въ 1862 году, чрезъ посредство В. К. Савельева, какъ найденный въ окрестностяхъ села Успенскаго (Бѳлгары) въ 50-хъ годахъ текущаго столѣтія.

10



3.

Л. Въ полѣ, окруженномъ фигурной рамкой, надпись:

ضرب هذا الدينار
الخليفتى فى الدّهلى سهور
سنة (ا) ربع واربعين وسبعماية

т. е. «Чеканенъ этотъ динаръ Халифатскій въ Дегли мѣсяцы года семьсотъ сорокъ четыре».
(=1343, 4 Хр. л.).

О. Въ такомъ же полѣ:

في ❖ زمان الامام	т. е. «Во ❖ время имама
المستكفى بالله امير الموين (sic) ابو (sic) بيع	Эль Мостекфи билляхъ повелителя правовѣрныхъ 'Аби Рабиэ
سليمان خلد الله خلافته	Сулеймана да длитъ Аллахъ вѣчно Халифатъ его».

Здѣсь въ начертаніи нѣкоторыхъ словъ встрѣчаются неправильности, которыя нельзя оставить безъ вниманія. Такъ, на Л. числительное годовой даты سبعماية начертано связно съ предшествующей و такъ: وسعمية. На О. المومنين начертано الموين, а ابى ربيع, какъ и на вышеописанныхъ, начертано ابو ربيع.

Вѣсъ: 2 зол. 57 дол.

Этотъ динаръ битъ тѣмъ же султаномъ Мухаммедомъ, сыномъ Тоглука, отъ имени третьяго египетскаго халифа Эль Мостекфи билляха; но мы встрѣчаемся здѣсь съ нумизматическимъ анахронизмомъ, ибо халифъ этотъ занималъ престолъ халифата съ 701 по 736 г. г., когда былъ низложенъ, и умеръ въ 740 году, слѣдовательно имя его, встрѣчающееся на динарахъ 741, 742, 743 и 744 годовъ гиджры представляетъ анахронизмъ. Это обстоятельство объясняется тѣмъ, что до 743 года, по свидѣтельству историка Феришт̀е, не существовало у индійскихъ султановъ прямыхъ сношеній съ Египтомъ и только въ 743 году Мухаммедъ ибнъ-Тоглукъ шахъ рѣшился отправить первое посольство въ Египетъ, гдѣ въ то время халифомъ находился эль-Хакимъ Биамри Ляхъ Абуль Аббасъ Ахмедъ II, сынъ эль Мустекфи билляха. Эти анахронизмы уже были указаны и объяснены В. В. Григорьевымъ и имъ же былъ описанъ экземпляръ динара сходный съ нашимъ, чеканенный въ Дегли въ томъ же 744 г. г. Но нашъ экземпляръ оказывается болѣе полнымъ и штемпеля его вырѣзаны съ большей правильностью, такъ что чтеніе надписей представляетъ нѣкоторыя отличія противъ описанія В. В. Григорьева[1]).

Нашъ экземпляръ находился прежде въ коллекціи В. К. Савельева и о немъ упоминалъ В. Е. Тизенгаузенъ въ своей замѣткѣ о находкѣ патанскихъ динаровъ въ мѣстности развалинъ древняго города Булгара, помѣщенной въ VI томѣ Извѣстій Имп. Русскаго Арх. Общ. Отд. 2. стр. 151

1) См. «Монеты афган. султ. Индіи, найд. въ разв. Сарая», стр. 337, № II и Таб. 2 VII

— 152. Мною этотъ динаръ былъ купленъ, послѣ смерти В. К. Савельева, у его наслѣдниковъ въ 1883 году вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими монетами изъ его собранія восточныхъ монетъ. При покупкѣ мною этого динара на пакетѣ, его заключавшемъ, не оказалось никакой отмѣтки относительно происхожденія монеты и мѣстность, гдѣ она была найдена, оставалась бы неизвѣстной, если бы изъ вышеприведенной замѣтки В. Е. Тизенгаузена не было намъ извѣстно ранѣе, что В. К. Савельевъ считалъ ее найденной въ мѣстности гор. Булгара.

Находки золотыхъ монетъ повсемѣстно составляютъ большую рѣдкость, а у насъ въ Россіи еще несравненно большую по причинамъ о которыхъ было изложено выше. Доселѣ, сколько извѣстно, восточныя золотыя монеты, кромѣ динаровъ патанскихъ, еще не были находимы въ Россіи. Самые эти динары кажется исключительно попадались только въ Поволжьи, по близости значительныхъ городовъ Золотой Орды. В. В. Григорьевъ полагалъ, что этотъ фактъ можетъ указывать на то, что «сношенія между подданными Джучидовъ и сѣверо-западной Индіи были довольно часты» [1]). Тоже мнѣніе высказалъ въ своей замѣткѣ и В. Е. Тизенгаузенъ [2]). Съ своей стороны мы находимъ, что справедливость такихъ догадокъ можетъ быть подтверждена и историческимъ свидѣтельствомъ, которое объясняетъ намъ причину и поводъ этихъ сношеній. Ибнъ-Батута Магриби, посѣтившій страну Кипчаковъ при ханѣ Узбекѣ, сообщаетъ о существованіи здѣсь въ его время значительной торговли съ Индіей *лошадьми*. Онъ говоритъ, что лошадей въ Кипчакѣ *«чрезвычайно много и стоятъ онѣ бездѣлицу*... Бываетъ ихъ у одного Тюрка по (нѣсколько) тысячъ... Лошади эти развозятся въ страны индійскія и бываетъ ихъ въ караванѣ по шести тысячъ, а иногда и болѣе или менѣе такъ, что на каждаго торговца (приходится) по 100 и по 200 (коней)... Купецъ нанимаетъ для каждыхъ 50 изъ нихъ (лошадей) по пастуху, который приставленъ къ нимъ и пасетъ ихъ, какъ овецъ; онъ называется у нихъ *улакши»* [3]). Видно, что торговля эта была довольно прибыльна, ибо на мѣстѣ въ Кипчакѣ цѣна отличному коню не превосходила 50 — 60 *диргемовъ тамошнихъ*, т. е. джучидскихъ, — сумма, равнявшаяся одному динару магрибскому [4]). По своей внутренней, металлической стоимости, каждый джучидскій диргемъ можетъ равняться 10—15 нашихъ серебряныхъ копѣекъ, слѣдовательно цѣна отличной Кипчакской лошади на

1) См. тамъ-же, стр. 351.

2) Извѣстія Имп. Русск. Арх. Общ. т. VI, Отд. 2, стр. 152.

3) См. В. Е. Тизенгаузена «Сборникъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи Золотой Орды» т. I, 1884 г., стр. 286.

4) Тамъ-же.

мѣстѣ не восходила выше 5 р. — 7 р. 50 к. Но въ Индіи цѣна на этихъ лошадей вдругъ возрастала чрезвычайно высоко, такъ что *дешевый* конь продавался тамъ за 25 *динаровъ* магрибскихъ. По разсчету Ибнъ-Батуты 50 — 60 *диргемовъ* джучидскихъ равнялись одному магрибскому динару; слѣдовательно въ Индіи цѣна на лошадь возрастала въ 25 разъ (!?)— Правда, что его разсчетъ не совсѣмъ удобопонятенъ; но всетаки онъ положительно удостовѣряетъ, что торговцамъ оставался *большой барышъ* [1]). Это несомнѣнно должно было такъ быть, ибо въ большей части пути проходили караваны съ табунами лошадей, животныя продовольствовались подножнымъ кормомъ; но съ другой стороны, налоги, которые должны были выплачиваться по прибытіи въ Индійскіе предѣлы, представляются чрезмѣрно высокими. Упоминая о большой тягости налоговъ, Ибнъ-Батута сообщаетъ, что *царь Индіи султанъ Мухаммедъ* значительно уменьшилъ чрезмѣрность налоговъ [2]). Конечно здѣсь рѣчь идетъ о султанѣ Мухаммедѣ, сынѣ Тоглукъ шаха, который царствовалъ съ 725 по 752 г. г. и слѣдовательно былъ современникомъ хановъ Узбека и Джанибека I, и динары котораго всего чаще встрѣчаются въ странѣ прежней Золотой Орды.

Такимъ образомъ въ этой торговлѣ лошадьми, производившейся въ весьма значительныхъ размѣрахъ, вѣроятно слѣдуетъ видѣть главную причину частыхъ сношеній страны Кипчака съ Индіей и тотъ путь, которымъ приходили въ наше отечество патанскіе динары, обнаруживаемые случайными находками.

А. Лихачевъ.
Д. чл. И. Р. Арх. Общ.

Казань.
Декабрь 1884 г.

---

1) Тамъ-же, стр. 287.
2) Тамъ-же.

Христіанское кладбище близь города Пишпека (Семирѣченской Области) въ Чуйской долинѣ.

На землѣ Кара-Киргизъ Аламединской волости близь Пишпека, главнаго города Токмакскаго уѣзда Семирѣченской Области, неподалеку отъ арыка (оросительной канавы) Джелаиръ, найдены во множествѣ разбросанными камни съ надписями и крестами.

Эта мѣстность древняго христіанскаго кладбища съ надгробными камнями находится въ 10-ти верстахъ отъ г. Пишпека и расположена по арыку Джелаиръ (который вытекаетъ съ правой стороны рѣчки Аламедина) верстахъ въ двухъ-трехъ отъ предгорій Александровскаго хребта, по дорогѣ въ Соляную щель, и приблизительно въ 250 саженяхъ отъ юго-восточной границы земельнаго надѣла крестьянъ Аламединскаго селенія. Она представляетъ нѣсколько волнистую наклоненную къ Сѣверо-Востоку возвышенность, падающую двумя незначительными террасами, и окаймлена съ Ю. В. и С. В. неглубокимъ логомъ; направленіе арыка также сѣверовосточное.

Кладбище это занимаетъ пространство въ три десятины; тянется длинной полосой къ Ю. З. (въ длину 120 саженъ а въ ширину 60).

Въ настоящее время бо̀льшая часть кладбища распахивается окрестными жителями и ежегодно засѣвается хлѣбными злаками; остаются нераспахиваемыми лишь нѣкоторыя трудно доступныя для орошенія пространства, выражающія отдѣльныя возвышенности на подобіе незначительныхъ курганчиковъ, вѣроятно служившихъ семейными усыпальницами, на которыхъ теперь въ собранномъ видѣ лежатъ по нѣсколько камней съ надгробными надписями. Вообще же, въ настоящее время, мѣстность эта только и можетъ быть принята за кладбище, по незначительнымъ курганчикамъ и въ безпорядкѣ разбросаннымъ надгробнымъ камнямъ, которые, для очистки

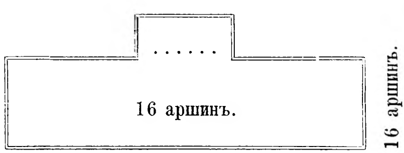
подъ посѣвы мѣста, земледѣльцами частію снесены въ небольшія кучки, частію по одиночкѣ выброшены на возвышенныя мѣста, а многіе изъ нихъ запаханы и находятся подъ верхнимъ слоемъ земли и не указываютъ мѣста водруженія ихъ.

Эти надгробные камни, а равно и надписи на нихъ, не представляютъ опредѣленной формы и величины; камни всѣ состоятъ изъ необдѣланныхъ валуновъ твердой горной породы, отшлифованныхъ водою. Какъ замѣтно, преимущество давалось діориту и брались валуны разной величины, но по большей части валуны удобные для переноски, небольшіе — вѣсомъ около пуда — болѣе или менѣе продолговатой формы, и на нѣкоторыхъ валунахъ, гдѣ существуютъ надписи, замѣтна грубая искуственная отшлифовка-обдѣлка, съ цѣлію придать имъ ровную поверхность для письма. Большинство же валуновъ не обдѣланы рукою человѣческою; довольствовались одною отшлифовкою природы посредствомъ воды. Встрѣчается много валуновъ гранитныхъ синеватаго цвѣта; сѣрыхъ песчанниковъ мало. Привезены, по всей вѣроятности, изъ горныхъ рѣчекъ. На всемъ кладбищѣ находится только два большаго размѣра валуна, состоящія изъ брекчія, которые отъ продолжительнаго времени лежанія погрузились на всю свою толщину въ землю. Одинъ изъ этихъ валуновъ удалось добыть изъ земли и перевернуть. На этомъ валунѣ выдолбленъ крестъ, но никакой надписи не найдено. Ширина валуна около 1 аршина, длина около 5 четвертей, а толщина около $^3/_4$ аршина.

Положеніе камней по направленію креста опредѣляетъ и положеніе изголовья: изголовье оказывается къ западу; тутъ же въ изголовьи, какъ замѣтно, лежали надгробные камни. Нѣкоторыя могилы по поверхности выкладывались жженымъ кирпичемъ (квадратной формы), въ замѣнъ плитъ.

Признаки бывшихъ могилъ на нераспаханныхъ мѣстахъ выражаются маленькими курганчиками, гдѣ помѣщается по нѣсколько могилъ въ рядъ, и длинными насыпями. По раскопкѣ выяснилось, что существовали правильные ряды для могилъ.

Остатковъ ограды или рва кругомъ кладбища не замѣтно. Признаковъ церкви или часовни также не существуетъ, если не считать за эти признаки двухъ глиняныхъ развалинъ слѣдующей формы:



Если признать маленькій квадратъ за алтарь, то, пожалуй, можно сказать, что это были двѣ церкви; но въ этомъ случаѣ смущаетъ направленіе алтарей, такъ: у одной—алтарь обращенъ къ Ю.-В., а у другой—къ Ю.-З. Обращенная къ Ю.-З. длиннѣе указанной выше на 5 аршинъ.

Топографическое опредѣленіе всѣхъ могилъ безъ раскопки сдѣлать не мыслимо, но описаніе и планъ двухъ раскопанныхъ могилъ прилагается ниже [1]).

Къ сказанному нужно прибавить, что на мѣстѣ камни лежатъ обращенными надписями и крестами вверхъ. Лежатъ они на ровной мѣстности въ безпорядкѣ въ одиночку, а на болѣе возвышенныхъ пунктахъ — кучами и не много углублены въ землю; изъ посланныхъ въ Императорскую Археологическую Коммисію камней одинъ № 2-й найденъ въ ямѣ, подобной провалившейся могилѣ, и глубоко вросшимъ въ землю.

Изъ камней этого кладбища препровождены мною 2 камня съ надписями и изображеніями креста (первый вѣсомъ 37 фунт. и имѣетъ въ длину $7^{7}/_{8}$ вершк., въ ширину $6^{1}/_{4}$ верш., второй вѣсомъ 22 фунта) въ Императорскую Археологическую Коммисію, куда предназначается къ отправленію и третій, вѣсящій болѣе пуда (1 пуд. 1 фун.);

Два переданы Епископу Туркестанскому и Ташкентскому Неофиту;

Три отправлены въ Западно-Сибирскій отдѣлъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества;

Одинъ — въ Казанское Общество Исторіи, Археологіи и Этнографіи.

На всемъ пространствѣ, занятомъ кладбищемъ, насчитано 611 надгробныхъ камней, но это далеко не всѣ, такъ какъ бо̀льшая часть находится въ землѣ и подъ травой и обнаружить ихъ возможно лишь путемъ раскопки.

На нѣкоторыхъ камняхъ надписи и изображенія креста только съ одной стороны (верхней) каждаго валуна — въ срединѣ; изображенія же и надписи съ двухъ сторонъ (верхней и нижней) встрѣчаются весьма рѣдко. На нѣсколькихъ камняхъ выбиты только одни кресты безъ надписей. Кресты не всѣ одинаковой формы и величины; то же замѣчаніе относится и къ надписямъ, какъ все наглядно видно по прилагаемымъ тринадцати рисункамъ, снятымъ съ камней въ натуральную величину: на однихъ камняхъ надписей больше, на другихъ меньше; иныя же и со всѣмъ безъ надписей. Величина знаковъ различная: на большихъ камняхъ крупнѣе, на малыхъ — мельче. Древность надписей также различна: однѣ отчетливы, другія выбиты менѣе

---

[1]) Впервые наткнулся на это кладбище межевщикъ Семирѣченскаго Областнаго Правленія, Г. Андреевъ, отводившій земельный надѣлъ крестьянамъ сел. Аламединскаго.

четко, нѣкоторыя же надписи сгладились. Кромѣ надписей и крестовъ, существуютъ и другія украшенія: малые крестики, якоря...

Что касается мѣстности, на которой найдены камни, то изъ наиболѣе явственныхъ признаковъ слѣдуетъ упомянуть о небольшомъ насыпномъ возвышеніи въ видѣ равнобедреннаго треугольника, вершина коего отсѣчена, и о четырехъ небольшихъ буграхъ.

Судя по другимъ мѣстамъ, можно предполагать, что слѣды построекъ (насыпныхъ) сглажены не временемъ, а уничтожены запашками.

Слѣды древнихъ построекъ (насыпные валы) встрѣчаются окрестъ во многихъ мѣстахъ или отдѣльными четыреугольниками или по нѣсколько вмѣстѣ, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ насыпи по угламъ или по рединѣ или раздѣлены на нѣсколько клѣтокъ. По старымъ арыкамъ встрѣчаются длинныя насыпи, при которыхъ находились мельницы.

Въ полуверстѣ на Сѣверъ и Сѣверо-Востокъ отъ кладбища начинаются слѣды древнихъ построекъ, типъ которыхъ встрѣчается во многихъ мѣстахъ Чуйской долины, съ крѣпостями. На остаткахъ древнихъ построекъ около кладбища, за исключеніемъ жженаго кирпича квадратной формы, ничего не находилось, но въ другихъ мѣстахъ Чуйской долины, на остаткахъ этого типа, на поверхности, находили бусы, деньги, кувшины и прочее. Сверхъ всего этого на семъ пространствѣ встрѣчаются карагачевыя (вязъ) рощицы и отдѣльныя деревья. Впрочемъ, карагачи отъ кладбища находятся далеко: одна группа только корневыхъ побѣговъ вышиною въ 3—4 арш. находится на С.-В. отъ кладбища (въ одной верстѣ) а другая—съ рослыми экземплярами верстахъ въ 3—4-хъ почти по тому же направленію. Карагачи эти нужно принять за искуственное насажденіе, такъ какъ въ дикомъ состояніи эта порода деревьевъ здѣсь не встрѣчается. Всѣ эти знаки весьма плохо сохранились; теперь они по большей части запаханы или засажены таломъ (ивой), такъ что довольно трудно составить себѣ опредѣленное понятіе о древней картинѣ сей мѣстности.

Относительно усѣяннаго этими надгробными камнями пространства у мѣстныхъ жителей, каракиргизъ кочевниковъ, нельзя было, при распросахъ, ничего добыть: никакихъ легендъ не существуетъ. Карагачъ, по ихъ словамъ, самъ выросъ, а про камни они и не слыхали. Одно только знаютъ и помнятъ, что когда-то здѣсь жили калмыки...

Подобное же древнее христіанское кладбище въ Чуйской долинѣ существуетъ близь гор. Токмака (въ 12-ти верстахъ къ горамъ), въ недальнемъ разстояніи отъ древней башни Бураны; на камняхъ этого кладбища тоже изображены кресты. Башня Бурана находится противъ города Токмака къ горамъ, и такимъ образомъ разстояніе между Бураною и описаннымъ выше Аламединскимъ или Пишпекскимъ кладбищемъ составитъ около 50 верстъ.

Киргизы говорятъ также, что встрѣчаются большіе каменные памятники съ крестами по рѣкѣ Чу значительно ниже города Пишпека, въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ отъ послѣдняго. Въ той мѣстности есть много слѣдовъ древней осѣдлости.

Видъ письменъ, выбитыхъ на камняхъ — походитъ съ перваго разу на монгольскія. Впрочемъ, ни въ Семирѣчьѣ, ни въ Илійскомъ краѣ еще не удалось никому толково дешифрировать и прочесть эти надписи и едва-ли удастся. Разбиралъ ихъ въ Кульджѣ одинъ калмыцкій лама, но ни къ чему опредѣленному пока еще не пришелъ; однако же онъ фантазируетъ, что въ надписяхъ не слѣдуетъ видѣть непремѣнно слѣды христіанства, потому что на надписи № 1-й ясно читается будто бы извѣстная буддійская молитва «Омъ ма Хомъ».

О дешифратахъ надписей этихъ ламою ничего не рѣшаемся сообщить здѣсь, ибо полнаго толку добиться пока нельзя, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ проблескиваетъ здравый смыслъ. Въ слабой надеждѣ добиться чего-нибудь болѣе путнаго, снимки съ камней отправлены съ проживающими въ Кульджѣ католическими миссіонерами въ горы къ калмыкамъ, на верховья рѣки Или.

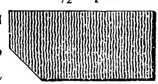
Мнѣ же лично сдается, что эти надписи представлютъ Уйгурскія письмена, столь усердно розыскиваемыя оріенталистами. Письмена *Уйгурскія*, возникшія изъ передѣлки Сирійской азбуки (Эстрангело) занесены въ глубь Азіи христіанами несторіанскаго толка.

По «Исторіи Сѣверныхъ Дворовъ» мы знаемъ, что искусство письма извѣстно было въ Гаочанѣ (Уйгуріи) уже въ V вѣкѣ по Р. Х. и что у жителей этой страны были тогда въ употребленіи письмена двоякаго рода: китайскія и особыя отъ китайскихъ, какія-то свои, «варварскія». Послѣднія, по всей вѣроятности, были тождественны съ тѣми, которыя употреблялись Уйгурами и позже, въ XIII столѣтіи, являясь передѣлкою, — какъ сказано выше — изъ сирійской азбуки Эстрангело, занесенной въ Уйгурію несторіанами.

Эти мѣстныя письмена служили не только для домашняго и общественнаго обихода, но для литературныхъ произведеній на родномъ языкѣ.

О существованіи у Уйгуровъ исторической литературы имѣются положительныя свидѣтельства. Авторы *Джами-Эттеварихъ*, *Тарихи-Джеганъ-Кюшай* (мусульманскія сочиненія) и *Су-гунъ-цзянь-лу* (китаецъ) упоминаютъ о существованіи «Уйгурскихъ книгъ» и брали изъ нихъ свѣдѣнія [1]).

Съ цѣлью сколько нибудь подробно изслѣдовать кладбище, приступлено было къ раскопкѣ могилы [2]). Для этого пришлось выбрать могилу на возвышенномъ мѣстѣ, съ надгробнымъ камнемъ такой величины, который не могъ быть перенесеннымъ въ другое мѣсто однимъ человѣкомъ, и который по этому, безъ сомнѣнія, указывалъ на настоящее мѣсто водруженія его. Камень этотъ лежалъ на боку и былъ погруженъ собственною тяжестью на $^2/_3$ своей толщины въ землю. Отъ камня по направленію къ Востоку, подъ дерновымъ слоемъ, лежали плашмя два ряда квадратной формы жженыхъ кирпичей (въ 49 квадр. вершк. каждый кирпичъ). Подъ кирпичами, на глубинѣ 5 четвертей, обнаружился склепъ изъ сырцоваго саманнаго [3]) кирпича, уложеннаго на ребро подъ угломъ приблизительно 45°. Этотъ склепъ былъ выложенъ только до половины длины ямы, т. е. отъ ногъ до половины туловища человѣка; къ изголовью-же кирпичный сводъ замѣнилъ мельничный жерновъ (камень), который былъ плашмя положенъ на толстыхъ доскахъ можжевеловаго дерева (сгнившихъ теперь).



Форма сырцоваго кирпича склепа.

Положеніе скелета было ногами къ Востоку съ отклоненіемъ почти на 3° къ С.-В. Глубина могилы $2^1/_2$ арш., ширина въ изголовьи 5-ть четвертей, ширина у ногъ $^3/_4$ арш.

Черепъ скелета лицомъ былъ повернутъ къ сѣверу. Кисть правой руки лежала надъ тазомъ; лѣвая же рука была согнута къ головѣ и кисть ея находилась подъ черепомъ. Вообще поза этого скелета представляла какъ-бы спящаго человѣка съ подложенною подъ голову рукою. Въ склепѣ встрѣчались сгнившія еловыя доски, но судя по безпорядочному положенію

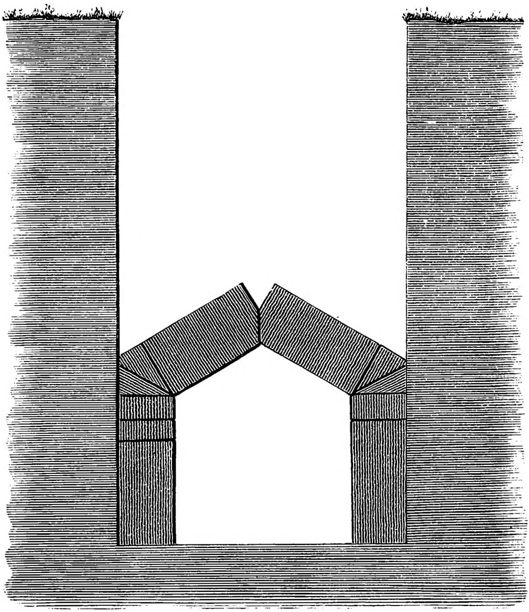
---

1) Восточн. Туркестанъ, В. В. Григорьева, вып. II стр. 103—350.

2) Раскопка могилы поручена была мною ученому садовнику Пишпекскаго казеннаго сада, А. М. Фетисову.

3) *Саманный* — сырцовый кирпичъ съ примѣсью соломы (*саманъ* по тюркски).

ихъ, это не былъ гробъ, а лишь доски положенныя кое гдѣ, съ боковъ, сверху и снизу скелета.



Общій видъ поперечнаго разрѣза могилы и склепа.

Вслѣдствіе нѣкоторой уродливости нижней челюсти добытаго черепа, пришлось разрыть еще одну могилу для извлеченія втораго экземпляра черепа.

Раскопка второй могилы была сдѣлана отступя на двѣ сажени къ югу отъ первой. Здѣсь присутствіе могилы выразилось такъ-же, какъ и при открытіи первой могилы, т. е. подъ дерновымъ слоемъ земли лежали по длинѣ могилы жженые кирпичи, указывавшіе направленіе и очертаніе могилы. Вмѣстѣ съ кирпичами въ западномъ концѣ могилы надъ изголовьемъ найдены три надгробныхъ камня, погрузившіеся подъ дерновый слой. На такой же глубинѣ, какъ и въ первой могилѣ, встрѣтился сводъ изъ сырцовыхъ кирпичей. Подъ сводомъ, вся полость склепа была наполнена рыхлой землей (также какъ и въ первой могилѣ) и на такой же глубинѣ лежали

кости. Вмѣстилище для трупа было устроено иначе, чѣмъ въ первой могилѣ; а именно: яма была выкопана шириною въ 5 четвертей аршина и въ $2^3/_4$ аршина длиною; за тѣмъ, на глубинѣ 2-хъ аршинъ съужена уступами по обѣимъ сторонамъ могилы; на днѣ съуженной плоскости продѣлано было въ твердомъ грунтѣ вмѣстилище для трупа, которое въ восточномъ концѣ имѣло ширину 3 вершка, въ западномъ же концѣ (въ изголовьи) $^3/_4$ аршина. Въ такое узкое вмѣстилище трупъ вѣроятно втискивали силою. Положеніе скелета было ногами почти къ востоку; руки лежали вытянутыми по бокамъ скелета; голова лицомъ была обращена къ сѣверу. По открытіи могилы, оказалось, что она имѣла еще два, по бокамъ, могильныхъ отдѣленія, выдолбленныхъ въ твердомъ суглинкѣ, въ которыхъ также лежало по одному покойнику [1]). Средній скелетъ имѣлъ въ длину 2 арш. $6^1/_2$ вершк. Изъ скелетовъ же лежащихъ въ боковыхъ отдѣленіяхъ одинъ имѣетъ въ длину 2 арш. $2^1/_2$ вершк., а другой 2 арш. 2 вершка. Положеніе костей послѣднихъ двухъ скелетовъ указывало, что кисти рукъ были сложены надъ тазами, а головы обращены были лицемъ къ верху. Въ этой могилѣ ни какихъ признаковъ дерева или одежды или украшеній не замѣчено, за исключеніемъ двухъ сердоликовыхъ бусъ, [2]) найденныхъ въ одномъ изъ боковыхъ отдѣленій могилы между костями грудной клѣтки

Судя по устройству описываемой могилы, нужно полагать, что она представляетъ семейную усыпальницу.

Поперечный разрѣзъ этой могилы представленъ здѣсь (на стр. 82) отдѣльнымъ чертежемъ. Устройство этой усыпальницы заставляетъ обдумать нѣкоторыя обстоятельства, именно: одновременно-ли были погребены эти три трупа или въ разное время, такъ какъ надъ обоими боковыми отдѣленіями цѣлость грунта не была нарушена и поэтому, чтобы выдолбить сказанныя боковыя углубленія, нужно было спуститься на дно ямы, въ которой лежалъ уже средній трупъ.

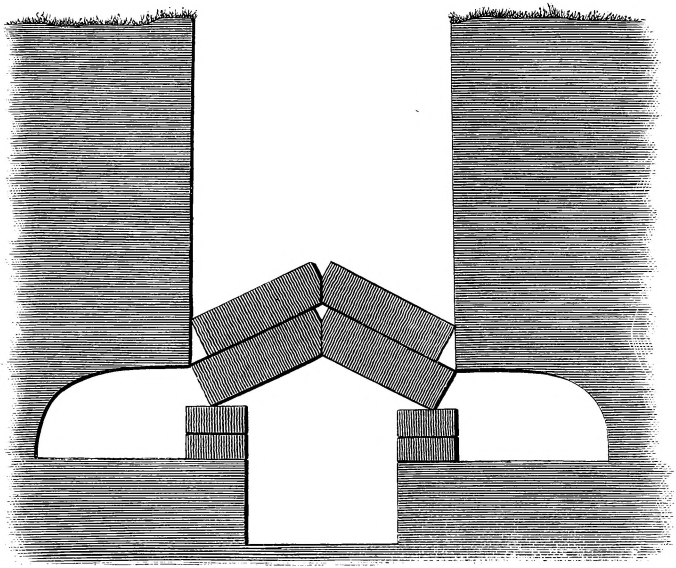
Изъ этого описанія видно, что 1) надгробные камни ставились надъ изголовьями могилъ, но на какую сторону были обращены надписями, положительно сказать, по недостаточности добытыхъ свѣдѣній, нельзя. Если же судить по надгробному камню первой могилы, какъ по одному изъ болѣе надежныхъ для этого вывода, то приходится придти къ заключенію, что камни надписями были обращены къ западу; 2) вмѣсто плитъ поверх-

---

1) У таранчей и другихъ тюркскихъ народностей существовалъ и существуетъ обычай класть въ одну могилу по нѣсколько близкихъ родственниковъ. Такая могила называется *шамё*.

2) Посылаются при этомъ.

ности могилъ покрывались жженымъ кирпичемъ квадратной формы на подобіе теперешняго сартовскаго кирпича; 3) нужно принять, что покойники



Поперечный разрѣзъ могилы со склепомъ № 2.

клались ногами къ востоку (хотя только съ небольшимъ отклоненіемъ къ С.-В., какъ это показалъ компасъ при изслѣдованіи могилъ); 4) въ строгомъ смыслѣ правила для положенія рукъ къ покойникамъ, какъ видно, не примѣнялось; вѣроятно это зависѣло отъ усмотрѣнія погребателей; хотя, между прочимъ, вслѣдствіе химическаго процесса разложенія труповъ или дѣйствія газовъ, въ могилѣ могло произойти измѣненіе положенія рукъ сравнительно съ тѣмъ, какое было дано покойнику первоначально при погребеніи; однако этого не допускаетъ думать положеніе скелета первой могилы, въ которомъ лѣвая рука была согнута къ головѣ и кисть ея находилась подъ головой; а поэтому, какъ бы ни дѣйствовалъ процессъ химическаго разложенія, въ такомъ тѣсномъ помѣщеніи, подобнаго чуда съ рукою совершиться не могло, если она не была такъ положена самими погребателями.

Что же касается до череповъ, [1]) относительно обращенія ихъ лицомъ къ сѣверу, то это еще недопускаетъ сдѣлать заключеніе, что въ обычаѣ было такъ класть трупы; ибо изъ четырехъ череповъ два были лицомъ обращены къ сѣверу, а два были обращены къ верху и поэтому если первые и представлялись въ такомъ положеніи, то это могло произойти въ могилѣ, или вслѣдствіе химическаго процесса разложенія, или отъ того, что послѣ окончательнаго разложенія мускуловъ и кожи, черепъ самъ собою могъ свалиться въ сѣверную сторону и принять сказанное положеніе. Во всякомъ случаѣ, къ положительному заключенію относительно послѣдняго можно будетъ придти только при посредствѣ дальнѣйшихъ раскопокъ, которыя въ свою очередь дадутъ такое количество череповъ и костяковъ, по которымъ безъ особыхъ затрудненій можно будетъ ученымъ опредѣлить племенное происхожденіе древнихъ христіанъ, заселявшихъ Чуйскую долину.

Но если приступать къ изслѣдованіямъ сего кладбища, то необходимо не медлить этимъ дѣломъ, такъ какъ многіе памятники видимо уже не находятся надъ могилами, а съ теченіемъ времени всѣ камни небольшой величины, а слѣдовательно и лежащія на мѣстахъ легко могутъ быть также, при разныхъ обстоятельствахъ, сброшены на свободныя отъ могилъ мѣста или совсѣмъ унесены — и тѣмъ затруднить изслѣдователей.

Н. Пантусовъ.

г. Вѣрный.
14 Декабря 1885.

---

1) Изъ трехъ добытыхъ череповъ — два, къ сожалѣнію раскрошились въ дорогѣ по пути отъ кладбища въ Пишпекъ, ибо были почти со всѣмъ сгнившими. Вслѣдствіе этого посылается только одинъ черепъ и скелетъ къ нему.

Предварительныя замѣтки о найденныхъ въ Семирѣченской области сирійскихъ надгробныхъ надписяхъ.

Ссылаясь на статью Н. Н. Пантусова, въ которой подробно указывается, гдѣ и какъ были найдены эти надписи, я прямо приступаю къ описанію и объясненію ихъ.

Я имѣлъ пока въ своемъ распоряженіи слѣдующіе матеріалы, весьма незначительные въ сравненіи съ массой открытыхъ памятниковъ:

1) *Три надписи въ подлинникѣ.* Снимокъ съ нихъ приложенъ къ нашей статьѣ. Двѣ изъ этихъ надписей вырѣзаны на двухъ сторонахъ *одного* простого неотесаннаго и невыровненнаго валуна, *третья* на такомъ-же невыровненномъ повидимому разсѣченномъ на двое камнѣ. Разборъ надписей, очень не глубоко вырѣзанныхъ, значительно затрудняется тѣмъ обстоятельствомъ, что не легко бываетъ иногда отличать шрамы и углубленія на камнѣ отъ письменъ. — Оба камня находятся въ Имп. Эрмитажѣ.

2) *Тринадцать* разнаго достоинства *фотографическихъ* снимковъ съ *шестнадцати* надписей, которые я получилъ черезъ г. Академика В. В. Радлова отъ редактора «Восточнаго Обозрѣнія», Н. М. Ядринцева. Изъ этого числа *девять* снимковъ съ 11 надписей сняты съ камней на открытомъ докторомъ Поярковымъ кладбищѣ близь *Токмака* (см. выше, стр. 33 и 78). Надписи разобранныя нами ниже, за №№ III, XV, XIX—XXI, происходятъ изъ Токмакскаго кладбища, остальныя изъ Пишпекскаго.

Четыре изъ этихъ снимковъ довольно удовлетворительны и могли быть разобраны безъ затрудненія. Одна надпись, въ 11 строкъ, содержащая много тюркскихъ собственныхъ именъ, очень стерта, такъ что я могъ прочитать только нѣкоторыя мѣста; ср. ниже № XXII. На другомъ изъ этихъ снимковъ, (надпись содержитъ 6 строкъ), который я велѣлъ значительно увеличить, письмена едва видны даже при помощи весьма сильной лупы, такъ что я могъ разобрать только немногія слова. Остальные снимки содержатъ очень короткія, частью разрушенныя вѣроятно уже на самыхъ камняхъ

надписи. Большая часть ихъ не представляетъ особенной важности, такъ что я пять изъ нихъ оставилъ совершенно въ сторонѣ.

3) *Восемь* очень плохихъ копій [1]), сдѣланныхъ отъ руки людьми не знающими сирійскихъ письменъ; онѣ поэтому не имѣютъ никакой цѣнности въ палеографическомъ отношеніи и представляютъ большія затрудненія для разбора.

Разборъ всѣхъ вообще надписей былъ сопряженъ съ разными затрудненіями, казавшимися вначалѣ непреодолимыми. *Первое* заключается въ самомъ характерѣ письменъ. Всѣ наши надписи принадлежатъ несторіанамъ и писаны сирійско-несторіанскими письменами болѣе поздняго типа. Они разнятся довольно сильно какъ отъ древне-сирійскаго письма—такъ называемаго *эстрангело*, — такъ и отъ употребительнаго въ нашихъ печатныхъ изданіяхъ такъ называемаго *яковитскаго*. Болѣе древнія несторіанскія рукописи читаются довольно легко; нѣсколько труднѣе читать менѣе древнія рукописи, потому что въ нихъ письмена начинаютъ переходить въ курсивныя и являются совершенно новыя формы для нѣкоторыхъ буквъ. Въ нашихъ-же надписяхъ встрѣчаются такія формы, которыхъ я нигдѣ раньше не находилъ. Въ *сирійскихъ* словахъ можно было по связи опредѣлить звуковое значеніе этихъ неизвѣстныхъ формъ, но въ тюркскихъ словахъ и собственныхъ именахъ это было мнѣ чрезвычайно трудно. Кромѣ того въ нашихъ надписяхъ встрѣчаются двѣ буквы, которыя совсѣмъ не принадлежатъ сирійскому алфавиту, а вѣроятно заимствованы изъ арабскаго. Такъ какъ одна изъ этихъ буквъ встрѣчается только въ *тюркскихъ* именахъ собств. и въ *тюркскихъ* же словахъ, то опредѣленіе звуковаго ея значенія было весьма трудно.

Другое затрудненіе заключалось именно въ многочисленныхъ, встрѣчающихся въ нашихъ надписяхъ *тюркскихъ*, именахъ собственныхъ и нарицательныхъ. Не зная тюркскихъ языковъ [2]) и не ожидая встрѣтить *тюркскія* слова въ *сирійскихъ* надписяхъ, я въ началѣ не мало затруднялся какъ чтеніемъ такъ и объясненіемъ большаго числа совершенно мнѣ неизвѣстныхъ словъ, которыя я находилъ въ надписяхъ. Только при помощи академика В. В. Радлова мнѣ удалось уразумѣть смыслъ многихъ (но впрочемъ не всѣхъ) тюркскихъ выраженій и вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлить звуковое значеніе упо-

---

1) Я получилъ собственно 13 такихъ копій, но *три* изъ нихъ сдѣланы съ доступныхъ мнѣ, выше упомянутыхъ подлинниковъ, а *двѣ* тожественны съ двумя изъ имѣвшихся у меня фотографическихъ снимковъ.

2) Встрѣчающимися ниже объясненіями тюркскихъ собственныхъ именъ я частью обязанъ своимъ почтеннымъ товарищамъ. Другія объясненія я придумалъ самъ при помощи тюркско-татарскаго словаря Будагова. Если существуютъ люди, которые объясняютъ ассиро-вавилонскія клинообразныя надписи при помощи словаря Фюрста, то безъ сомнѣнія не грѣхъ объяснять нѣкоторыя тюркскія имена при помощи словаря Будагова.

мянутой выше буквы, встрѣчающейся только въ тюркскихъ именахъ собственныхъ и нарицательныхъ. При помощи того же ученаго наконецъ мнѣ удалось также правильно понять и объяснить казавшійся мнѣ въ началѣ совершенно загадочнымъ способъ *датированія*, употребленный въ нашихъ надписяхъ.

Дѣло въ томъ, что при указаніи даты въ нашихъ надписяхъ большею частью стоятъ прежде всего слова ܒܫܢܬ *«въ году»*. За нимъ слѣдуетъ число, выраженное либо словами (именами числительными), либо буквами, имѣющими числовое значеніе; за этимъ вполнѣ понятнымъ указаніемъ даты часто слѣдуетъ еще разъ слово ܫܢܬ «годъ», послѣ котораго однакоже стоитъ не число, а или слово, казавшееся мнѣ въ началѣ совершенно непонятнымъ, или-же сирійское, само по себѣ вполнѣ понятное, слово, именно названіе животнаго, какъ-то «заяцъ», «лошадь», «пѣтухъ» и т. п. Иногда встрѣчается такое сирійское названіе животнаго и за нимъ: ܛܘܪܟܐܝܬ т. е. «по тюркски» такъ и такъ. Я зналъ, правда, что турки и монголы употребляли двѣнадцатилѣтній циклъ, въ которомъ каждый годъ обозначался именемъ особаго животнаго, но я *во первыхъ* не зналъ тюркско-монгольскихъ названій этихъ животныхъ и во *вторыхъ* я не ожидалъ подобнаго способа датированія въ *сирійскихъ христіанскихъ* надписяхъ, въ которыхъ при томъ вездѣ, гдѣ вообще есть дата, прежде всего читается указаніе года по общеупотребительной у несторіанъ Селевкидской эрѣ. Только когда я узналъ тюркскія названія животныхъ 12 лѣтняго цикла, я понялъ, что непонятныя мнѣ до тѣхъ поръ слова, слѣдующія за словомъ ܛܘܪܟܐܝܬ *«по тюркски»*, представляютъ именно эти тюркскія названія годовъ 12 лѣтняго цикла, и что *сирійскія* имена животныхъ, стоящія за словомъ ܫܢܬ *«годъ»*, не что иное какъ сирійскій переводъ — не всегда впрочемъ вѣрный — тюркскихъ именъ животныхъ упомянутаго цикла.

При этомъ оказалось далѣе, что при такомъ второмъ указаніи даты, по тюркскому способу, данное имя животнаго 12 лѣтняго цикла въ нашихъ надписяхъ показано или только по тюркски или только по сирійски, или-же на обоихъ языкахъ. Въ двухъ надписяхъ, представляющихъ эти имена на обоихъ языкахъ, тюркскія названія переведены на сирійскій яз. *неправильно*, что конечно затруднило разборъ [1]).

---

1) Животныя 12 лѣтняго цикла у *ал-Бируни* الآثار الباقيه ed. *Sachau* p. ٧٠, читаются такъ: 1) سچقان *сиджкâн*, т. е. мышь, 2) اود *од*. т. е. волъ, 3) بارس *барс*, т. е. тигръ, 4) تفشخان *тефшихâн*, т. е. заяцъ, 5) لو *лу*, т. е. драконъ, 6) ييلان *илâн*, т. е. змѣя, 7) يونت *іôнт*, *іунат*, т. е. лошадь, 8) قوى *куй*, т. е. баранъ, 9) ييچين *бйчûн*, т. е.

Не смотря на то, что такимъ образомъ найденъ ключъ къ уразумѣнію многихъ казавшихся совершенно загадочными особенностей этихъ сирійско-тюркскихъ надписей, всё таки въ нихъ къ сожалѣнію остаются, какъ мы увидимъ ниже, еще нѣкоторые неясные и темные пункты. Но я надѣюсь, что всѣ эти еще не разрѣшенные вопросы разъяснятся вполнѣ удовлетворительно и съ пользой для науки тогда когда весь богатый матеріалъ, теперь еще находящійся такъ далеко, сдѣлается доступнымъ ученому міру.

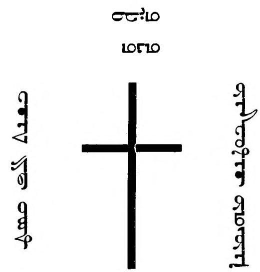
За тѣмъ я приступаю къ сообщенію самыхъ текстовъ надписей, которые я переведу и объясню настолько, насколько мнѣ это будетъ возможнымъ. Я начну съ надписей датированныхъ и затѣмъ перейду къ недатированнымъ. Необходимо однакоже предпослать еще слѣдующее:

На каждомъ надмогильномъ камнѣ мы видимъ по кресту разнообразной формы. Надпись находится то на двухъ сторонахъ креста, то на трехъ, то на всѣхъ четырехъ. Такъ какъ *порядокъ*, въ которомъ слѣдуетъ читать строки не всегда можетъ быть указанъ съ полной достовѣрностью, то я нѣкоторыя надписи, въ которыхъ именно возможны какія-нибудь сомнѣнія на этотъ счетъ, сперва приведу такъ, какъ онѣ размѣщены на камняхъ, а затѣмъ уже буду ихъ транскрибировать въ горизонтальныхъ, слѣдующихъ другъ за другомъ строкахъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ я этого не сдѣлаю, такъ какъ изъ моего перевода видно будетъ въ какомъ порядкѣ я читаю строки подлинника.

обезьяна, 10) تغوق *тагук*, т. е. курица, 11) ايت *эйт* или *ит*, собака, 12) تونكز *тонгуз*, т. е. свинья.—*У Олугъ-бека* (Prolégomènes, éd. Sédillot p. 11) нѣкоторыя имена звучатъ нѣсколько иначе, а именно: 1) كسكو *кеску*, 2) اوط *от*, 4) طوشقان *тушкâн*, 5) لوى *луй*, 7) يوند *йунад*, 9) پيچين *пîчîн*, 10) داقوق *дâкук* и 12) طنغوز *тонгуз*.

№ I.

(По копіи, сдѣланной отъ руки).



Порядокъ, въ которомъ должны читаться строки, здѣсь не совсѣмъ внѣ сомнѣнія. Обыкновенно надписи начинаются на верху, надъ крестомъ, переходятъ затѣмъ на лѣвую сторону отъ него и потомъ уже на правую. Такое расположеніе строкъ однакоже здѣсь не идетъ, и такъ какъ датированныя надписи большею частью начинаются съ даты, то мы строки располагаемъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

ܒܫܢܬ ܐ̄ܠܦ ܩܣܛ (1

ܗܢܘ (2

ܩܒܪܗ (3

ܡܢܓܩܘܛܢܫ ܡܗܝܡܢܐ (4

«*Въ году 1169-омъ* (селевкидской эры = 858 [1]). *Это—могила Менгкутенеша, вѣрующаго*».

---

1) Нельзя опредѣлить, слѣдуетъ-ли при переводѣ годовъ селевкидской эры—которая была общепринята у несторіанъ — на христіанскіе вычитать 311 или 312 лѣтъ. Такъ какъ начало года по этимъ двумъ эрамъ падаетъ не на одинъ и тотъ же мѣсяцъ, то дѣло

Имя собственное Менгкутенешъ, которое встрѣчается еще и въ нѣсколько измѣненной, повидимому болѣе новой, орѳографіи, въ надписи № XIV (отъ 1649=1338 г.) — происхожденія чисто тюркскаго. Оно составлено изъ словъ منكو «вѣчный» и طنش, «спокойный».

Мы укажемъ, ниже, на важность этой надписи, изъ которой явствуетъ, что еще въ первой половинѣ 9 вѣка между несторіанами тѣхъ странъ были христіане тюркскаго происхожденія и что такимъ образомъ христіанство еще въ тѣ времена нашло себѣ доступъ у тюркскихъ народовъ.

Въ этой какъ и во всѣхъ другихъ приводимыхъ ниже надписяхъ весьма странно употребленіе мѣстоим. суффикса 3 л. ܗ безъ слѣдующаго ܝ

№ II.

(По фотографическому снимку).

ܒܫܢܬ ܐܪܟܒ (1

ܛܠܝܐ ܬܟܝܢ (2

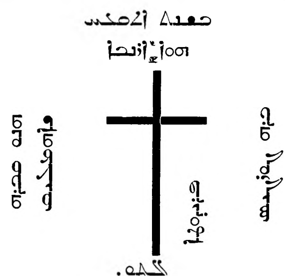
«*Въ году 1222* (=911). *Мальчикъ Текйн*».

Чтеніе перваго слова первой строки сомнительно, и поэтому я не могу ручаться за то, что я правъ, принимая слѣдующую группу буквъ за числовыя. Но мой переводъ второй строки не подлежитъ сомнѣнію.

Текйн — тюркское собственное имя встрѣчающееся весьма часто.

№ III.

(По фотографическому снимку; см. табл. № 1).



остается сомнительнымъ, когда въ надписи не указанъ мѣсяцъ. Въ многочисленныхъ приводимыхъ у *Ассемани* несторіанскихъ датахъ этотъ ученый, на сколько я помню, всегда при переводѣ на христіанскую эру, вычитаетъ 311 лѣтъ изъ селевкидскихъ. Изъ встрѣчающихся въ нашихъ надписяхъ двойныхъ датъ (по селевкидской эрѣ и по 12 лѣтнему циклу) также явствуетъ, что при переводѣ селевкидской эры на христіанскую слѣдуетъ вычитать только 311 лѣтъ.

7*

Порядокъ строкъ безъ сомнѣнія слѣдующій:

1) ܒܫܢܬ ܐܦܥܚ
2) ܗܘܐ ܐܪܢܒܐ
3) ܗܢܐ ܩܒܪܗ
4) ܕܫܐܗܡܠܟ
5) ܦܪܝܘܕܘܛܐ
6) ܒܪܗ ܕܓܝܘܪܓܝܣ
7) ܐܠܛܘܨ

«*Въ году* 1578 (= 1267) — *это заяцъ* — (т. е. годъ зайца, 4-ый годъ тюркскаго 12-лѣтняго цикла); *это могила Шахмалыка Періодевта* [1]), *сына Дживарджиса* (Георгія) *Алтуца*».

Значеніе слова *Алтуц* мнѣ неизвѣстно. Это повидимому собственное имя.

№ IV.

(По копіи, сдѣланной отъ руки).

1) ܒܫܢܬ ܐܠܦ
2) ܘܫܬܡܐܐ
3) ..ܒܢܐ ܐܘܛ ܐܙܝܕ
4) ܓܝܘܪܓܝܣ ܒܫܝܫܐ
5) ܢܦܫ ܒܪܬܐ ܣܪܝܢ
6) ܢܝܚܘܬܐ

Первыя двѣ буквы третьей строки въ плохой лежащей предо мной копіи совершенно неудобочитаемы, вслѣдствіе чего всё слово остается непонятнымъ. Но имѣя въ виду, что слѣдующее слово безъ всякого сомнѣнія читается ܐܘܛ «*ôт*» (= *волъ*, по тюркски), что этимъ обозначается годъ *вола*, второй годъ тюркскаго цикла, и что наконецъ 1600-ой годъ (= 1289) дѣйствительно соотвѣтствуетъ «году вола» этого цикла, то предшествующее

1) Санъ періодевта, περιοδευτής, упоминается уже въ канонахъ Лаодикійскаго собора въ IV в. Періодевты посѣщали отъ имени епископовъ областныя церкви для ревизіи и вообше замѣняли *хорепископовъ* наблюдая за церковными дѣлами вообще. Должность эта сохранилась подъ тѣмъ-же именемъ въ византійской церкви до позднѣйшихъ временъ. См. Monatsberichte d. Akad. d. Wiss. in Berlin за 1881 г. Berlin 1882, стр. 180 и сл. и Z. d. d. morg. Ges. т. 36, стр. 348 и сл. Объясненіемъ труднаго слова ܦܪܝܘܕܘܛܐ (такъ въ фотографич. снимкѣ) я обязанъ профессору Нёльдеке.

непонятное слово по всей вѣроятности слѣдуетъ принять за невѣрный сирійскій переводъ слова «*ôт*». Мы говоримъ «невѣрный переводъ» потому что неудобочитаемое слово ни коимъ образомъ не можетъ быть прочитано ܬܘܪܐ *таурô*, какъ называется волъ по сирійски. Мы встрѣтимъ ниже еще примѣры подобной невѣрной сирійской передачи названій животныхъ тюркскаго цикла.

Въ группѣ буквъ слѣдующихъ за ܐܘܕ, предпослѣдняя буква сомнительна. Слово ܐܝܪܕ — тюркское ايردى *былъ*. Замѣчательно что въ этой надписи отсутствуетъ стереотипная формула ܗܢܘ ܩܒܪܗ или ܗܢܐ ܗܘ ܩܒܪܗ «*это могила..*», которую мы читаемъ на всѣхъ другихъ надписяхъ.

Послѣднее слово (6-ая строка) въ копіи весьма неясно, но мое чтеніе мнѣ тѣмъ не менѣе кажется несомнѣннымъ.

Перевожу я эту надпись такъ:

«*Въ году* 1600 (=1289).... (это) *былъ* (годъ) *вола* (т. е. 2-ой годъ цикла); *Дживарджисъ* (Георгій), *священникъ*, *настоятель церкви*, *прославленный*.

№ V.

(По копіи, сдѣланной отъ руки).

Порядокъ строкъ:

(1 ܒܫܢܬ . ܐ . ܬ . ܪ ܗܘܐ [ܐܘܕ]

(2 ܗܢܘ ܩܒܪܗ

(3 ܡܣܚܘܬ ܩܫܐ

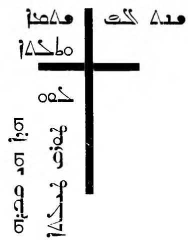
«*Въ году* 1600 (=1289). *Это* (годъ) [*вола*]. *Это могила священника Масхута*».

За словомъ ܗܘܐ должно было, по аналогіи съ другими надписями, стоять слово ܐܘܕ «*ôт*».

Масхут можетъ быть или тюркскимъ или семитскимъ именемъ собственнымъ, такъ какъ корень ܡܫܟܚ имѣется въ арамейскихъ нарѣчіяхъ.— Несторіане еще донынѣ священниковъ часто называютъ «*каша́*» вмѣсто правильнаго «*кашиша́*.

№ VI.

(По подлиннику, находящемуся въ эрмитажѣ; см. табл. № 2).



Я полагаю что строки этой надписи должны читаться въ слѣдующемъ порядкѣ:

1) ܦܢܠ ܟܠܒ ܦܠܛܝܐ[ܐ]
2) ܘطܠܬܐ
3) ܠܘܘ
4) ܗܢܐ ܩܒܪܗ
5) ܬܘܪܟܝ ܬܠܬܐ

ܦܠܛܝܐ въ нашихъ надписяхъ часто пишется вмѣсто ܦܠܛܝܐܐ. — Я не сомнѣваюсь въ томъ, что слѣдующее за этимъ слово — числительное имя *три*. На это указываютъ слѣдующія за нимъ слова, изъ которыхъ явствуетъ, что годъ этотъ по тюркски называется «*луу*» т. е. «*драконъ*».

Годъ *луу*, т. е. дракона — пятый годъ 12 лѣтняго цикла и соотвѣтствуетъ 1603 году селевк. эры. Другіе года XVII-го вѣка этой эры, соотвѣтствующіе году дракона, т. е. года 15, 27, 39, 51, 63, 75, 87, 99, тутъ ни какъ не подходятъ. — Неизвѣстно только, почему вмѣсто перваго ܬ въ числительномъ поставлена арабская буква ط. Я предполагаю, что несторіане временъ этой надписи больше уже не произносили числительнаго «*три*» ܬܠܬ, а подобно ново-сирійцамъ *приблизительно* какъ ܬܠܬ. Поэтому они быть можетъ и писали вмѣсто сирійскаго ܬ арабское ط, дабы такой орѳографіей указать на то, что произносимый ими звукъ не вполнѣ соотвѣт-

ствуетъ сирійскому ܓ̰. Мы увидимъ ниже еще одинъ примѣръ подобнаго введенія арабской буквы въ сирійскій алфавитъ: наши несторіане именно употребляютъ арабское ڭ для выраженія звука, не соотвѣтствующаго ни сирійскому ܟ, ни ܩ. Возможно, впрочемъ, что эта странная буква не что иное какъ сирійское ܓ съ лигатурою; она похожа на ܓ въ 4-ой таблицѣ каталога сир. рукоп. Рейта (Wright). — Что-же касается буквы ܐ въ концѣ числительнаго ܛܠܬܐ, то его слѣдуетъ признать просто за грамматическій промахъ рѣзчика.

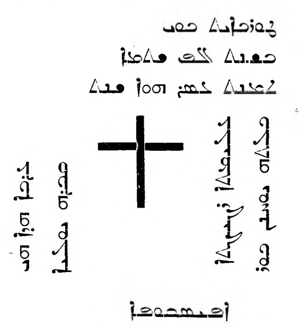
Годъ дракона у Бируни носитъ названіе «*лу*». По тюркски драконъ собственно называется «*луй*», но у *Будагова* приводится уйгурская форма «*луу*».

Не легко объяснить 5-ую строку. ܓ̰ܝܠܬܐ ܓ̰ܘܪܟ не можетъ значить «*тюркскій языкъ*», — что дало бы хорошій смыслъ —, ибо имя тюрковъ всегда пишется на ܟ, ڭ, никогда на ܩ, ق. По этому остается только признать въ словѣ ܓ̰ܘܪܟ личное собственное имя. Что-же касается до слова ܓ̰ܝܠܬܐ, то это — или простая *ошибка рѣзчика* вм. ܓ̰ܠܝܬܐ «*дѣвица*», или вѣрное изображеніе произношенія автора надписи, который, какъ истый тюркъ, не выговаривалъ въ началѣ слова двухъ согласныхъ подъ рядъ и произносилъ *тйлтô* вм. *тлйтô*. — Надпись такимъ образомъ должна быть переведена слѣдующимъ образомъ:

«*Годъ* 1603 (=1292). *Луу* (Драконъ, т. е. годъ 1603 — годъ дракона, пятый 12 лѣтняго цикла). «*Это — могила дѣвицы Тӯрк.*».

№ VII.

(По фотографическому снимку; см. табл. № 3).



Хотя первая, верхняя строка не находится на надлежащемъ мѣстѣ и

по аналогіи съ многими другими надписями должна бы была стоять за первымъ словомъ первой строки на лѣво отъ креста, я всётаки удерживаю порядокъ строкъ подлинника, но перевожу уже такъ, какъ того требуетъ смыслъ.

1) ܬܘܪܟܝܐܝܬ ܟܘܝ
2) ܒܫܢܬ ܐܠܦ ܫܬܡܐ[ܐ]
3) ܬܡܢܝܬ ܥܣܪ ܗܘܐ ܫܢܬ
4) ܕܟܪܐ ܗܕܐ ܗܘ
5) ܩܒܪܗ ܕܝܘܠܝܐ
6) ܒܬܘܠܬܐ ܫܦܝܪܬܐ
7) ܟܠܬܐ ܕܝܘܚܢܢ ܟܘܪ[=]
8) ܐܦܝܣܩܘܦܐ

«*Въ году 1618* (1307); *это—годъ барана, по тюркски—куй. Это—могила Іюліи, миловидной дѣвицы, невѣсты хорепископа Юханана* (Іоанна)».

Странно что слово *куй* здѣсь написано ܟܘܝ (= کوی), тогда какъ по тюркски оно пишется قوی.

Изъ этой надписи видно, что даже между высшимъ несторіанскимъ духовенствомъ были люди женатые. То-же самое впрочемъ говорятъ о несторіанскомъ духовенствѣ также и католическіе миссіонеры XIII-го вѣка. Но здѣсь мы видимъ въ добавокъ, что несторіанскіе священники женились даже *послѣ* возведенія въ высшій духовный санъ.

№ VIII.

(По фотографическому снимку; см. табл. № 4).

Такъ какъ *факсимиле* этой надписи приложено къ нашей статьѣ, и такъ какъ порядокъ строкъ тутъ вполнѣ ясенъ, то мы представимъ здѣсь строки прямо по порядку.

1) ܫܢܬ ܐܠܦ ܫܬܡܐ
2) ܬܫܥܝܢ ܫܒܥ ܗܘܐ ܫܢܬ
3) ܐܬܠܠܐ ܬܘܪܟܝܐܝܬ ܠܘܘ
4) ܗܢܘ ܩܒܪܗ ܫܠܝܚܐ ܡܫܡܫܢܐ
5) ܬܡܝܡܐ ܘܡܦܪܫܢܐ ܘܐܢܗܪ
6) ܠܟܠܗܘܢ ܒܢ̈ܝ·ܬܐ ܒܢܘܗܪܐ
7) ܒܪܗ ܦܛܪܘܣ

8) ܡܦܫܩܢܐ
9) ܦܟܝܗܐ ܕܫܘܒܚܬܐ
10) ܪܡ ܩܠܗ ܐܝܟ ܫܝܦܘܪܐ
11) ܡܪܢ ܢܚܠܛ ܠܪܘܚܗ ܢܗܝܪܬܐ
12) ܥܡ ܟܐܢܐ ܘܐܒܗܬܐ
13) ܢܬܡܛܐ ܟܠ ܙܗܝܪܬܐ (ч. ܙܗܝܪܘܬܐ)

«*Годъ 1627* (1316); *это — годъ затмѣнія, по тюркски луу* (драконъ). *Это — могила Шелйхâ, славнаго экзегета и проповѣдника, который просвѣтилъ всѣ монастыри свѣтомъ, сына экзегета Петра. Прославленъ мудростью* (былъ онъ), *его голосъ былъ громокъ какъ труба. Господь нашъ да соединитъ его просвѣтленный духъ съ праведниками и отцами; да достанется ему всякій блескъ*».

Изъ этой надписи видно, что показанія католическихъ миссіонеровъ XIII вѣка о мнимомъ невѣжествѣ несторіанскаго духовенства не согласны съ истиной.

Въ 3-ей строкѣ замѣчательно, что тюркское слово *луу* (драконъ) не переведено соотвѣтствующимъ сирійскимъ словомъ ܬܢܝܢܐ, а темнымъ словомъ ܐܬܠܝܐ, которое по сирійскимъ лексикографамъ означаетъ солнечное или лунное затмѣніе.

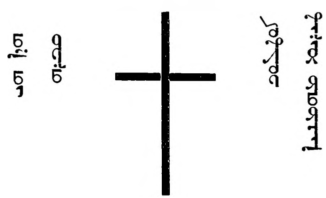
10-я строка вѣроятно подражаніе Исаіи 58, 1 и Откров. Іоанна, 1, 10.

Въ 13-ой строкѣ вѣроятно пропущенъ предл. ܒ предъ ܟܠ.

№ IX.

(По копіи, сдѣланной отъ руки).

ܒܫܢܬ ܐܠܦ
ܘܬܫܥܐ ܥܣܪܝܢ ܫܒܥ
ܗܘܐ ܦܢܐ ܫܡܫܢܐ



Такъ какъ порядокъ строкъ тутъ внѣ всякого сомнѣнія, то мы прямо даемъ переводъ:

«*Въ году* 1629 (1318); *это годъ лошади* (7-ой годъ 12 лѣтн. цикла). *Это — могила Кутлук-Тирима, вѣрующаго.*

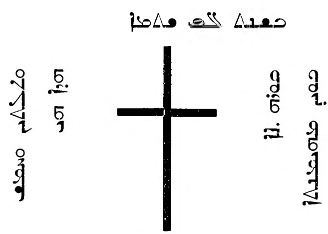
Кутлук — тюркское имя собственное, довольно часто встрѣчающееся въ нашихъ надписяхъ (см. № XV, XIX, XXI и XXII) и въ переводѣ значитъ «*счастливый*». Первое *к* въ этомъ имени вездѣ въ нашихъ надписяхъ выражается арабскимъ ك. Вмѣсто втораго *к* въ нѣкоторыхъ надписяхъ стоитъ (№ XIX и XXII) сирійское ܓ *г*. — Въ этой надписи равно какъ и въ №№ XV и XXI второе *к* пишется ܟ, а не ܟ, [1]), вѣроятно для того, чтобы указать, что буква эта должна быть произнесена *к*, а не *х*. Подобнымъ способомъ поступаютъ крымскіе караимы, которые часто пишутъ въ концѣ нееврейскихъ собственныхъ именъ כ и פ вм. ך и ף, чтобы указать, что въ данномъ имени эти буквы произносятся какъ *к* и *п*, а не какъ *х* и *ф*.

Имя *Кутлук* въ соединеніи съ *Тирим*, которое могло-бы значить: счастливый *Тирим*», встрѣчается также въ недатированной надписи № XXI.

Въ оригиналѣ ошибочно ܛܘܗܡܢܢܐ вм. ܛܘܗܡܢܐ.

№ X.

(По фотографическому снимку).



Здѣсь порядокъ строкъ также внѣ всякого сомнѣнія.

«*Въ году 1635* (1324). *Это—могила .лâ-Куида* (*или Куира*), *вѣрующей*»

Въ снимкѣ имя собственное вышло весьма не отчетливо и чтеніе поэтому весьма сомнительно.

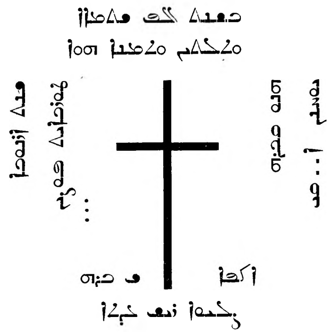
ܩܘܪܐ вмѣсто ܩܒܪܐ — согласно съ новосирійскимъ произношеніемъ *б* (ܒ) какъ *в*. «*Габріэл*» н. пр. переходитъ сперва въ «*Гавріэл*», затѣмъ въ «*Гауріэл*» и наконецъ въ «*Гуріэл*».

---

1) Конечная форма ܟ.

№ XI.

(По копіи, сдѣланной отъ руки).



Порядокъ строкъ — слѣдующій:

1) ܒܫܢܬ ܐܠܦ ܘܫܬܡܐܐ
2) ܘܬܠܬܝܢ ܘܬܡܢܝܐ ܗܘܐ
3) ܫܢܬ ܐܪܢܒܐ
4) ܬܘܪܟܐܝܬ ܦܘܟܝܢ
5) . .
6) ܗܢܐ ܩܒܪܗ
7) ܝܘܚܢܢ ܐ . . ܟܝ
8) ܐܟܦܐܫ ܒܪܗ
9) ܕܨܠܝܒܐ ܪܫ ܥܕܬܐ

«*Въ году* 1638 (1327), *это* — (годъ) *зайца, по тюркски Пучйн,* . . . *то могила Юханана А . .кі Акпâша, сына Цалйвы, настоятеля церкви».*

Авторъ этой надписи сдѣлалъ промахъ въ указаніи года 12 лѣтняго цикла. Если годъ 1629-ый соотвѣтствуетъ году *лошади*, то дѣйствительно 1638-ой долженъ былъ соотвѣтствовать году *зайца*, но не вѣрно что *арнуба* (заяцъ) по тюркски будетъ *пучйн*, ибо это послѣднее слово—очевидно тожественное съ پيچين (*пîчйн*) — означаетъ *обезьяну*. Годъ-же обезьяны — *девятый* годъ цикла и соотвѣтствуетъ годамъ 1631-ому и 1643-ому. Годъ *зайца* по тюркски называется طوشقان *тушкâн*, или تفشخان *тефшихâн*, по монгольски *туулай*.

Изъ всего этого можно заключить, что несторіане не вполнѣ освоились съ именами годовъ цикла. Есть въ нашихъ надписяхъ еще и другіе подобные-же недосмотры въ указаніи соотвѣтствія годовъ селевкидской эры съ годами 12 лѣтняго цикла, равно какъ и въ переводѣ на сирійскій языкъ именъ этихъ годовъ, см. № IV, XII и XIII.

Подъ словомъ ܦܘܪܝܢ въ лежащей предъ нами, вообще говоря дурной копіи, видны еще какіе-то знаки, которые я не могу разобрать и которые быть можетъ изображаютъ лишь шрамы или трещины на камнѣ.

Вторая и третья буквы въ словѣ слѣдующемъ за словомъ «*Юханана*» (строка 5) въ копіи не поддаются чтенію. — Имя ܨܠܝܘܐ — очевидно болѣе новая форма извѣстнаго и общеупотребительнаго сирійскаго имени ܨܠܝܒܐ, *Цалиба*, съ замѣной *б* — звукомъ *в* (см. выше, по поводу № X).

№ XII.

(По подлиннику находящемуся въ Эрмитажѣ; см. табл. № 5).

Расположеніе строкъ на камнѣ видно изъ приложенной къ нашей статьѣ таблицы (№ 5).

Хотя лишь немногія буквы этой надписи сомнительны, но пониманіе ея все таки трудно. Нельзя даже указать съ достовѣрностью въ какомъ порядкѣ слѣдуетъ расположить строки. Въ видѣ попытки мы ихъ расположимъ слѣдующимъ образомъ:

(1 ܐܠܟܣܢ ܗܘܐ
(2 ܩܠܬ ܠܪܡܟܐ ܬܘܪ (=)
(3 ܕܐܠܬ ܬܐ ܟܐܘܣ
(4 ܗܘܢ ܡܒܪܗ
(5 ܫܠܐ ܪܐ ܢܘܟ
(6 ܐܫܢܘ (=)
(7 ܟܢܐ
(8 ܡܐܪܐܟ ܬܒܝܢ
(9 ܬܟܢܬܐ ܡܪܢܫ
(10 ܬܟܢܐ ܡܘܐܪܐܢܘ
(11 ܡܘܫܘܪܥܢ
(12 ܟܢܟܠܐ ܐܠܢ (ܐܠܢ ?)

Стр. 1—3. Слово ܐܠܟܣܢ — число, т. е. 1644 (1333). Но странно, что въ этой надписи равно какъ и въ слѣдующей ему не предшествуютъ

слова ܒܫܢܬ *«въ году»*. 1644-ой годъ (= 1333) соотвѣтствуетъ тому году 12 лѣтняго цикла, который назывался годомъ *курицы*. Это имя здѣсь правильно передается въ древне-тюркской формѣ ܬܓܐܟܘ *тагаку*. У *Бируни* оно звучитъ تغوق, у *Улугбека* داقوق. По сирійски оно переведено невѣрно черезъ ܬܪܢܓܠܐ = *пѣтухъ* вмѣсто ܬܪܢܓܠܬܐ = *курица*.

Стр. 10. Странная буква, которая здѣсь слѣдуетъ за ܗܘܐ могла быть соединенное ܘ и ܝ, причемъ хвостъ послѣдней, можетъ быть по недостатку мѣста, наклоненъ былъ внизъ. Во всякомъ же случаѣ существованіе ܝ *и* здѣсь сомнительно.

Стр. 11. Третья съ конца буква скорѣе могла бы быть ܣ чѣмъ ܒ. Но едвали христіанинъ могъ носить имя *Мусурман*.

Стр. 12. Значеніе двухъ послѣднихъ буквъ совершенно сомнительно.

Слѣдующій переводъ предлагается лишь въ видѣ попытки:

«[Въ году] 1644 (1333); *это* [годъ] *пѣтуха, по тюркски тагаку. Это могила Сандаюка, ученика Пацак-текйна, молодой дѣвицы Марьям, мальчика Пуава*(*иа*)*гу*(?), *Мусуркана* и *Ликта-атай*(?)».

№ XIII.

(По подлинному камню въ Эрмитажѣ; см. табл. № 6).

Эта надпись находится на другой сторонѣ того-же камня, на которомъ читается предшествующая и представляется почти столь же трудно объяснимой.

Строки слѣдуютъ здѣсь по всей вѣроятности расположить въ слѣдующемъ порядкѣ.

ܐܠܦܫܡܗ ܗܘܐ (1

ܫܢܬ ܣܝܟܟܢ ܛܘܪܟܝܬ (2

ܣܝܟܐܢ (3

ܗܢܐ ܩܒܪܗ (4

ܣܢ ܕܪ (?) ܝܘܟܐܝ (5

Смыслъ этой надписи долженъ быть:

«(Въ году) 1645 (1334); *это—годъ мыши, по тюркски Сицкан. Это—могила Сан-дар* (?) *Юкая.*

Стр. 3. ܣܝܟܐܢ соотвѣтствуетъ سيچقان у *Бируни*. Годъ мыши—*первый* 12 лѣтняго цикла. Но это указаніе не можетъ быть вѣрно, ибо, если годъ 1644 соотвѣтствуетъ году *курицы*, т. е. 10-му году цикла, то 1645 годъ долженъ отвѣчать 11-му году, т. е. году *собаки* (по тюркски ايت,

эйт). Такимъ образомъ мы также и здѣсь видимъ, что въ нашихъ надписяхъ указанія соотвѣтствія между годами селевкидской эры и годами 12 лѣтняго цикла не всегда согласны съ дѣйствительностью. (Ср. выше, № XI).

№ XIV.

(По копіи, сдѣланной отъ руки).

Такъ какъ порядокъ, въ которомъ слѣдуетъ читать строки этой надписи, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, то мы ее и приводимъ прямо, строка за строкой.

1) ܫܢܬ ܐܬܪܡܛ
2) ܗܘ ܩܒܪܗ
3) ܕܢܣܛܘܪܝܣ
4) ܩܫܐ (вмѣсто ܩܫܝܫܐ)
5) ܒܪܗ ܡܢܟܘܬܢܫ
6) ܡܗܝܡܢܐ ܡܫܘܡܫܡܬܐ

«*Въ годъ* 1649 (1338). *Это — могила священника Несториса* (Несторія), *сына Менкутенеш, вѣрующаго,*»...

Объ имени *Менгутенеш*, которое въ № I написано *Менгкутенеш* см. выше, стр. 89.

Послѣднее слово, которое имѣетъ видъ сирійскій, безъ сомнѣнія скопировано не вѣрно и я не въ состояніи отгадать правильное чтеніе.

№ XV.

(По фотографическому снимку).

Эта надпись по видимому была вырѣзана на камнѣ очень не глубоко, такъ что на полученномъ мною фотограф. снимкѣ (съ котораго я велѣлъ сдѣлать значительно увеличенный другой фотогр. снимокъ) даже при помощи сильной лупы можно различать только слабые слѣды буквъ. Надпись состоитъ изъ пяти строкъ, расположенныхъ правильно, одна подъ другой.

Первая строка почти безъ сомнѣнія читается, ܫܢܬ ܐܠܦ ܘܫܬܡܐܐ.

Строка 2-я и 3-я не ясны, но кажется что слѣдуетъ ихъ читать

ܘܬܠܬܝܢ ܘܚܡܫ ܒ[ܫܢܬ ܐܠ] ܩܘܠܢ

4-я и 5 безъ сомнѣнія читаются

ܗܢܐ ܩܒܪܐ ܟܗܢܐ ܝܘܠܝ ܩܘܬܠܘܓ.

«*Въ году* 1635 (?); *по тюркски сицкан* (?) (т. е. годъ Мыши, 1-ый 12-лѣтняго цикла). *Это могила священника Іолй-Кутлука.*

Тюркское собственное имя *Іолй-Кутлук* значитъ: «*тотъ, путь котораго счастливъ*».

№ XVI.

(По копіи, сдѣланной отъ руки).

Эта надпись находится на право и на лѣво отъ креста въ вертикальномъ направленіи. Читается такъ:

1) ܗܢܐ ܩܒܪܐ
2) ܟܘܡܘܫ ܡܗܝܡܢܬܐ

«*Это могила вѣрующей Кюмюш*».

Кюмюш по тюркски значитъ *серебро* и употреблено здѣсь какъ жен. собственно имя.

№ XVII.

(По копіи, сдѣланной отъ руки).

Эта надпись также вырѣзана въ вертикальномъ направленіи на право и на лѣво отъ креста. Она читается такъ:

1) ܗܢܐ ܩܒܪܐ
2) ܐܝܡܢܓܘ ܛܠܝܐ

«*Это-могила мальчика Айманգу*».

Айманգу — тюркское собственное имя, можетъ быть составленное изъ اى, *ai*, (*луна*) и منكو *менгу*, (*вѣчный*).

№ XVIII.

(По копіи, сдѣланной отъ руки).

Эта надпись вырѣзана въ вертикальномъ направленіи надъ крестомъ и на право и на лѣво отъ него. Она читается такъ:

1) ܗܢܐ ܩܒܪܐ
2) ܛܠܝܬܐ
3) ܟܘܫܬܐܢܝ

Лежащая предо мной копія этой надписи весьма плоха, такъ что вѣрность предложенной мною транскрипціи сомнительна.

Третья буква 2-ой *строки* можетъ быть — ܒ; *пятая*, противъ правила, не связана съ предъидущей и поэтому можетъ быть и не ܒ, а другая какая нибудь. За послѣдней буквой въ копіи находится слегка загнутая на лѣво черта, которая могла бы быть принята за ܕ (*d*) или ܦ (*p*) еслибъ имѣла надъ собой или подъ собой точку. Но возможно также и то, что черта явилась только вслѣдствіе поврежденія камня.—*Третья* буква *третьей* строки быть можетъ должна читаться ܟ (*x*).

Перевести слѣдуетъ такъ:

«*Это — Могила Толутана Куштанаца*» (или *Кухтанаца*).

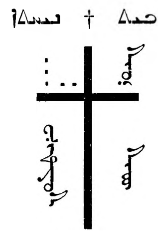
Толутана по мнѣнію академика В. В. Радлова могло бы быть женскимъ собств. именемъ со значеніемъ «*полная жемчужная раковина*».

Второе имя, не имѣющее тюркской этимологіи, не есть-ли, быть можетъ, сирійская транскрипція имени *Constantia*?

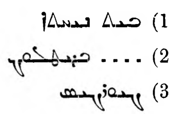
№ XIX.

(По фотографическому снимку).

На этомъ камнѣ находятся два креста: одинъ маленькій, на верху, а другой большой, внизу. Очень неясная на снимкѣ надпись расположена слѣдующимъ образомъ.



Т. е.



Двѣ послѣднія буквы первой строки едва видны, но тѣмъ не менѣе едвали сомнительны.

Первыя три или четыре буквы 2-ой строки совершенно стерты. Въ слѣдующемъ словѣ внѣ сомнѣнія только буквы ܬܠܘܓ. — Переводъ:

«*Домъ покоя... Керитлуга Дживарджиса* (Георгія.)»

№ XX.

(По фотографическому снимку).

Эта надпись, писанная архаическими письменами, — на половину разрушена. Разобрать еще можно слѣдующее:

1) ܗܢܐ [ܩܒܪܗ]
2) ܓܝܘܪ[ܓܝܣ]
3) ܩܫܝ[ܫܐ]
4) ܩܒܝ . ܐ (или ܩܒܝܚܐ)

«*Это* [*могила*] *Дживарджиса* (Георгія) *священника Кбі . а*»...(?). Я не знаю, какъ дополнить послѣднее слово.

№ XXI.

(По фотографическому снимку).

Эта надпись состоитъ изъ трехъ строкъ, изъ которыхъ одна совершенно неразборчива за исключеніемъ немногихъ буквъ. Остальныя двѣ строки сохранились довольно хорошо и читаются такъ:

1) ܗܢܐ ܩܒܪܗ
2) ܩܘܬܠܘܩ ܛܝܪܝܡ

«*Это могила Кутлук Тирима*». Ср. выше, № IX и XV.

№ XXII.

(По фотографическому снимку).

Эта надпись состоитъ изъ 11 длинныхъ строкъ, но снимокъ сдѣланъ очень плохо. Такъ какъ надпись, на сколько можно судить, состоитъ преимущественно изъ тюркскихъ именъ собственныхъ и нарицательныхъ, которыхъ правильную форму мнѣ отгадать очень трудно, то я не могу разобрать ее вполнѣ.

Первая строка, которая очевидно содержала дату, отломана. Первое слово второй строки явственно читается ܐܠܟܣܢܕܪܘܣ: т. е. *Александросъ.* Это слово безъ сомнѣнія составляло конецъ одной даты, которая гласила: въ такомъ-то году по Александрѣ, т. е. по селевкидской эрѣ. Этотъ способъ выраженія года у несторіанъ встрѣчается часто. — Изъ остальной части надписи я здѣсь приведу тѣ слова, чтеніе которыхъ мнѣ кажется болѣе или менѣе вѣроятнымъ.

1) ܐܠܟܣܢܕܪܘܣ ܟܐܪܫܐܟ
2) ܡ.ܢ ܐܠܛܝ ܝܘܙ ܟܪܟ ܫܐܩܙ
3) ܐܝܪܕܝ. ܩܘܬܠܘܓ ܝܠ. ܐܘܠܐ
4) ... ܟܘܬܠܘܓ ܬܘܡ . ܒܐܝܓ . ܢܘܬܫܙ ..
5) ܒܘܬܝܪܢܫ. ܡܘܡܢܝ ܡܥܙ .. ܢܝ ܒܘܫ .
6) ܬܘܟܘܬܠܡ ܘܠܝܢ ܒܐܪܡܝܫ
7) ܒܢ .. ܟܘܬܠܘܓ ܐܟܡܫܠܓ
8) ܡܪܝ ܝܘܚܢܢ ܡ. ܢ ܐܬܐ ܟ... ܢܢ
9) ܐܘܢ...ܢܝܫܬܘܪܝܓ ܬܝܩ ܚܐܪܝܢ
10) ܒܐܪܕܝ ܡܘܢ ܒܘ.ܘ...ܢ ܐܪܘܢ ܦܠܐ ܒܘܦܐ
11) ܐܘܠܝ ܢܘܫܐ ܐܬܐ ܟܐܪܘܒܫܢ ܒܢܠܟܘܢ ܐܘܢ...

Само собой разумѣется, что было бы безцѣльно дать переводъ этой надписи, въ которой, кромѣ 2 сирійскихъ словъ въ 8-ой строкѣ «*Мар-Юханан*», есть только тюркскія слова и тюркскія собственныя имена, либо сохранившіяся вполнѣ, либо только отчасти. — Объ имени *Кутлук* или *Кутлуг* см. выше № IX, стр. 96[1]).

Не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, что найденныя въ Семирѣчьѣ надписи принадлежатъ несторіанамъ. Католическіе миссіонеры XIII вѣка, равно какъ и Марко Поло, знаютъ только о христіанахъ-*несторіанахъ* въ этихъ мѣстахъ.

---

1) Весьма желательно имѣть лучшую копію именно этой надписи или самый оригиналъ. Очень можетъ быть, что тутъ мы имѣемъ цѣлую надпись на тюркскомъ языкѣ. Вторая строка по крайней мѣрѣ даетъ поводъ къ подобному предположенію, ибо мы въ ней явственно видимъ число 1648, выраженное по тюркски такъ: م[ن]ك التى يوز كرك ساقز (=قرق سكز). Въ 3-ьей стр. первое слово можетъ быть = ايردى (*былъ*), а третье — يل = годъ [*Прим. ред.*].

Здѣсь не мѣсто подробно распространяться о значеніи несторіанъ во всемірной исторіи. Распространеніе ими христіанскаго ученія и христіанской цивилизаціи въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ Азіи, на югѣ и на сѣверѣ, особенно-же на сѣверѣ-востокѣ, — фактъ довольно извѣстный. Но мы все-таки считаемъ полезнымъ напомнить здѣсь вкратцѣ нѣкоторые главные моменты ихъ дѣятельности и притомъ указать на фактъ ранняго распространенія христіанства между тюркскими народами сѣверо-восточной Азіи.

Послѣ того какъ въ 431 г. по Р. Х. ученіе Несторія было предано анаѳемѣ, его приверженцы, вытѣсняемые изъ византійской имперіи, нашли себѣ пріютъ на востокѣ, въ Сиріи и особенно въ Персіи. Несторіане усердно занимались наукою: они толковали Св. Писаніе, изучали прежнія толкованія и вмѣстѣ съ тѣмъ принадлежали также отчасти къ усерднымъ ревнителямъ греческой литературы. Главную свою школу они имѣли въ *Эдессѣ*, столицѣ царя *Авгара*, куда христіанство проникло еще очень рано. Здѣсь они между прочимъ переводили на сирійскій языкъ и комментировали сочиненія Аристотеля, Иппократа, Галена и многія другія греческія сочиненія по математикѣ, астрономіи, риторикѣ и проч.

Но уже въ 489 г. Эдесская школа была закрыта по приказанію императора Зенона. Изгнанные оттуда несторіане воскресили ее въ государствѣ Сасанидовъ, именно въ *Нисибѣ* и *Джондайсапурѣ* и тамъ она нѣсколько столѣтій была настоящей академіей богословскихъ и мірскихъ наукъ.

Несторіанскіе ученые равно какъ и высшія духовныя лица пользовались большимъ уваженіемъ при сасанидскомъ дворѣ и нерѣдко персидскіе государи посылали ихъ въ Византію съ дипломатическими порученіями.

Подобную-же роль они играли при дворѣ халифовъ, которые смотрѣли на патріарха несторіанъ — съ 762-го года патріаршій престолъ былъ перенесенъ въ Багдадъ — какъ на главу всего восточнаго христіанства. Многіе несторіане состояли при халифахъ въ качествѣ врачей или секретарей. Весьма выдающееся положеніе занимали между прочимъ въ теченіи болѣе 200 лѣтъ члены несторіанскаго рода *Бохтьешу*. — Когда у первыхъ аббасидскихъ халифовъ возникло стремленіе знакомить мусульманъ съ греческою наукою, то это стремленіе было осуществлено преимущественно при помощи несторіанъ. Ученые несторіане были посылаемы въ Византію для собиранія греческихъ рукописей, ученые несторіане переводили на арабскій языкъ цѣлый рядъ греческихъ сочиненій, либо съ существовавшихъ уже сирійскихъ переводовъ, либо прямо съ греческаго, и тѣмъ самымъ больше всего содѣйствовали ознакомленію любознательныхъ мусульманъ съ греческой наукою. Короче, ученые несторіане были почти единственными представителями греческой цивилизаціи въ теченіи почти

300 лѣтъ, со времени изгнанія наукъ изъ византійской имперіи, т. е. съ VI вѣка до начала IX. Своими переводами и комментаріями они и позже еще значительно содѣйствовали ознакомленію прежде всего мусульманъ и черезъ нихъ также и европейскихъ средневѣковыхъ народовъ съ греческой наукой, которая безъ этихъ переводовъ осталась-бы весьма мало или, быть можетъ, совсѣмъ неизвѣстной средневѣковой Европѣ.

Но гораздо грандіознѣе была ихъ миссіонерская дѣятельность, какъ сама по себѣ, такъ и по своимъ послѣдствіямъ. Мы находимъ эпископіи несторіанъ на островѣ Сокоторѣ и въ Индіи, въ странахъ прилегающихъ къ черному и каспійскому морямъ, въ Туркестанѣ, въ западныхъ, сѣверныхъ и сѣверовосточныхъ провинціяхъ Китая. Еще около 334 г. упоминается первый Мервскій епископъ, другой въ 410 году. Въ 420 году Мервская эпископія возводится въ митрополію, изъ чего мы можемъ заключить, что въ Мервѣ и его окрестностяхъ жило уже много христіанъ. Мервскій епископъ *Θеодоръ*, жившій около 540 г., извѣстенъ какъ авторъ многихъ сочиненій, а одинъ изъ его преемниковъ, *Илья* (около 660), написалъ между прочими сочиненіями комментаріи на различныя книги Св. Писанія и очень цѣнимую исторію церкви.

По нѣкоторымъ извѣстіямъ *Ахай* (около 411) и *Шилâ* (около 503) учредили митрополіи въ *Гератѣ*, *Китаѣ* и *Самаркандѣ*; другіе приписываютъ учрежденіе этихъ митрополій патріарху *Салибзахъ* (около 714)[1]).

Въ пользу ранняго распространенія христіанства среди восточныхъ тюрковъ говоритъ также и слѣдующее извѣстіе у *Θеофилакта и Θеофана*[2]): У восточно-тюркскихъ плѣнныхъ, отправленныхъ *Нарсесомъ* около 581 г. къ императору *Маврикію*, на лбу видѣнъ былъ крестъ, изображенный черными точками. Когда ихъ спросили объ его происхожденіи и значеніи, они отвѣтили, что во время свирѣпствовавшей когда-то у нихъ чумы христіане, жившіе среди нихъ, или по другой версіи, христіанскіе ихъ соплеменники, посовѣтовали имъ начертать дѣтямъ крестъ на лбу. Изъ этого показанія явствуетъ, что еще въ VI вѣкѣ были христіане между восточными тюрками, христіанство-же могло быть занесено къ нимъ лишь несторіанами.

---

1) Свѣдѣнія заключающіяся въ извѣстномъ сирійско-китайскомъ памятникѣ въ *Си-нган-фу* о введеніи христіанства въ Китаѣ въ 635 г. и о большомъ распространеніи его въ Китаѣ благодаря покровительству разныхъ китайскихъ императоровъ, оставлены мною пока въ сторонѣ, такъ какъ подлинность этого памятника, несмотря на сильную защиту его французскимъ ученымъ *Потье*, многими оспаривается; ср. *Pauthier*, de la réalité et l'authenticité de l'inscription nestorienne de Si-ngan-fou etc. въ «Annales de philosophie chrétienne», *IV* s., t. *XV* и *XVI*, 1857 и *его-же* «Inscription syro-chinoise de Si-ngan-fou, monument nestorien, élevé en Chine l'an 781 de notre ère et découvert en 1625.» Paris 1858.

2) *Theophylact.* Hist. V, 10, стр. 225 и *Theophanes*, Chronogr. ad. a. M. 6081 (= 581) I, p. 411 Боннскаго изданія.

Почтенный мой коллега, *В. Д. Смирновъ*, обратилъ мое вниманіе на слѣдующее обстоятельство: *Сельджукъ*, основатель сельджукидской династіи, до своего обращенія въ исламъ состоявшій, около 930 г., на службѣ у одного тюркскаго князя въ нынѣшней *киргизской степи*, имѣлъ, между прочими, сына *Михаила*. Такъ какъ мусульмане никогда не носили этого имени, которое употребительно было только у христіанъ, то мы имѣемъ полное право заключить, что христіанство около указаннаго времени проникло въ киргизскую степь, на западъ отъ Байкальскаго озера. И мы дѣйствительно находимъ извѣстіе, что несторіанскій патріархъ *Тимоѳей* (778—820) обратилъ въ христіанство *хакана* тюрковъ и другихъ тюркскихъ царей. — Подробныя извѣстія мы имѣемъ объ обращеніи большаго и могущественнаго тюркскаго племени *Кераитовъ* (на сѣверо-востокъ отъ Кульджи)[1]) около 1007 г. Цари этого племени владѣли большимъ государствомъ и ихъ могущество по всей вѣроятности дало поводъ къ возникновенію распространенныхъ въ средневѣковой Европѣ разсказовъ о царствѣ «*Попа Іоанна*». Оно пало подъ ударами *Чингисхана*. Но многія представительницы царственныхъ родовъ этого христіанскаго народа попали въ число женъ Чингисхана и его сыновей и въ этомъ-то положеніи онѣ, благодаря своему уму и сравнительно бóльшему образованію, имѣли не малое вліяніе на дѣла управленія. Онѣ открыто исповѣдывали христіанство, имѣли церкви и часовни съ колоколами, и по мѣрѣ возможности покровительствовали христіанамъ и христіанской вѣрѣ. Католическіе миссіонеры XIII вѣка упоминаютъ еще и о другихъ большихъ тюркскихъ племенахъ, обращенныхъ въ христіанство несторіанскаго исповѣданія, именно о *Нейманахъ* и о *Меркизахъ*, жившихъ на сѣверо-востокъ отъ Семирѣчья до Байкальскаго озера. *Марко Поло* равно какъ и упомянутые уже католическіе миссіонеры при дворѣ *Кублай-хана* въ *Ханбалыкѣ* (нынѣшнемъ Пекинѣ) часто встрѣчались съ несторіанами, которые были самыми ревностными противниками католическихъ миссіонеровъ.

Въ одномъ дошедшемъ до насъ спискѣ несторіанскихъ митрополій, относящемся къ IX вѣку, мы находимъ между прочимъ слѣдующія имена: *Мервъ*, *Гератъ*, *Самаркандъ*, *страны тюрковъ*, *Кашгаръ*, *Тангутъ* и *Ханбалыкъ* (т. е. Пекинъ). При этомъ еще замѣчается, что каждому митрополиту было подчинено отъ 6—12 епископовъ. Изъ всего этого явствуетъ, что несторіане распространили христіанство между прочимъ и въ нынѣшнемъ Туркестанѣ, въ западномъ и сѣверномъ Китаѣ и между тюркскими племенами почти до Амура. Само собою разумѣется, что они въ значительной

1) Вполнѣ *точно* нельзя съ достовѣрностью опредѣлить мѣстопребываніе *Кераитовъ*. Но они жили по всей вѣроятности въ сосѣдствѣ съ Тангутомъ, точнѣе, на сѣверъ отъ него

мѣрѣ способствовали смягченію нравовъ этихъ полудикихъ народовъ и распространенію среди нихъ образованія [1]). Мы знаемъ положительно, что могущественное тюркское племя *Уйгуровъ* въ X вѣкѣ заимствовало свои письмена прямо у несторіанъ и что изъ этихъ письменъ затѣмъ образовались различныя письмена монгольскія и манчжурское. Только благодаря этому у всѣхъ этихъ народовъ могла образоваться литература.

Въ виду большаго значенія, которое такимъ образомъ имѣли несторіане во всемірной исторіи, становится понятнымъ, что подлинные, документальные памятники, свидѣтельствующіе объ ихъ пребываніи въ столь отдаленныхъ краяхъ, представляютъ громадный интересъ, но тутъ есть еще и другія причины, увеличивающія цѣнность замѣчательнаго открытія сдѣланнаго въ Семирѣчьѣ. Дѣло въ томъ, что понынѣ извѣстны *лишь очень немногія* сирійскія надписи и всѣ онѣ притомъ найдены въ передней Азіи, особенно въ Месопотаміи, т. е. въ исконномъ обиталищѣ сирійцевъ. Открытіе сирійскихъ надписей въ столь далекихъ странахъ Азіи — неожиданный и крайне пріятный сюрпризъ для ученаго міра. Наши надписи представляютъ поэтому весьма значительный палеографическій интересъ; для семитской филологіи онѣ важны благодаря встрѣчающимся въ нихъ замѣчательнымъ грамматическимъ формамъ и оборотамъ рѣчи. Но больше всего значенія онѣ имѣютъ для исторіи распространенія христіанства въ средней и сѣверо-восточной Азіи: разсказамъ несторіанъ объ обращеніи ими въ христіанство разныхъ народовъ многіе не придавали подобающаго значенія, считали ихъ мало достовѣрными или крайне преувеличенными. Изъ открытыхъ-же нынѣ памятниковъ явствуетъ, что несторіанамъ дѣйствительно удалось обратить въ христіанство разные тюркскіе народы еще въ VIII вѣкѣ, ибо тюркскія личныя собственныя имена встрѣчаются уже въ двухъ древнѣйшихъ изъ объясненныхъ нами выше надписей, относящихся къ годамъ 858 и 911, и едва-ли можно предположить, что эти христіане тюркской народности были первыми.

Къ крайнему своему сожалѣнію я долженъ однакоже замѣтить, что доступные пока эпиграфическіе матеріалы, которые легли въ основаніе настоящей замѣтки, крайне скудны и недостаточны для дальнѣйшихъ изслѣдованій. Въ *палеографическомъ* отношеніи сдѣланныя отъ руки копіи не имѣютъ никакой цѣнности и даже большая часть бывшихъ въ моемъ распоряженіи фотографическихъ снимковъ, вслѣдствіе ихъ неясности, не вездѣ удовлетво-

1) О *Яхбалâхѣ*, бывшемъ митрополитомъ тангутскимъ, и назначенномъ въ 1281 г. несторіанскимъ патріархомъ, прямо говорится, что онъ по происхожденію былъ *тюркъ* изъ племени *Хатай*.

ряетъ требованіямъ. *Филологическій*-же и *историческій* матеріалъ, заключающійся въ объясненныхъ мною надписяхъ, еще слишкомъ незначителенъ и вслѣдствіе сомнительности чтеній многихъ словъ не настолько достовѣренъ, чтобы можно было на немъ основывать важные историческіе выводы безъ всякого риска; это относится даже и къ упомянутымъ столь важнымъ двумъ древнѣйшимъ датамъ. *Я считаю по этому безусловно необходимымъ, чтобы со всѣхъ найденныхъ въ Семирѣчьѣ надгробныхъ камней съ надписями были доставлены сюда хорошіе фотографическіе снимки* или *кальки* или-же, что было-бы еще лучше, и тѣ и другіе. Камни должны быть пронумерованы, тѣ-же самые номера поставлены также и на снимкахъ и калькахъ. Тогда можно было бы получить болѣе отчетливое понятіе о научномъ значеніи всѣхъ этихъ памятниковъ и въ случаѣ необходимости нѣкоторые камни, особенно выдающіеся по тѣмъ или другимъ причинамъ, могли бы быть доставлены сюда.

У насъ къ сожалѣнію только весьма немногіе въ состояніи разбирать и объяснять эти надписи. Я имѣю честь принадлежать къ этимъ немногимъ и почелъ-бы своею обязанностью посвятить нѣсколько лѣтъ обрабатыванію и обнародованію ихъ на пользу науки. Но для этого, повторяю, *необходимо, чтобы были доставлены сюда непремѣнно механическимъ способомъ сдѣланные снимки. Только здѣсь они могутъ быть подвергнуты тщательному и всестороннему изслѣдованію, только здѣсь имѣются всѣ средства необходимыя для изданія ихъ согласно требованіямъ современной науки* [1]) *и достоинству центра русскихъ ученыхъ силъ; здѣсь наконецъ какъ снимки, такъ и нѣкоторые важнѣйшіе камни, послужатъ лучшимъ украшеніемъ нашихъ археологическихъ музеевъ.*

Д. Хвольсонъ.

С.-Петербургъ, Май, 1886 г.

Примѣчаніе къ таблицѣ. *Верхняя* надпись на *лѣвой* сторонѣ обозначена въ нашей статьѣ № 1, *верхняя* надпись на *правой* сторонѣ — № 2; двѣ *среднія* обозначены: *лѣвая* — № 3, *правая* — № 4; двѣ *нижнія* обозначены: *лѣвая* — № 5, *правая* — № 6.

---

1) Въ томъ видѣ напримѣръ какъ издается французской академіей «Corpus inscriptionum semiticarum.

2

3

4

5

6

Существуютъ-ли въ Средней Азіи поддѣлки древностей?

Вопросъ этотъ занималъ меня съ практической стороны: не попасться бы въ обманъ при покупкѣ древностей, какъ у частныхъ лицъ, такъ и на базарахъ Туркестанскаго края, обманъ тѣмъ болѣе возможный, что восточныя древности еще очень мало изслѣдованы.

Что поддѣлывать, для кого поддѣлывать и кто могъ бы поддѣлывать?

Поддѣлка болѣе или менѣе удачная, или просто фальсификація, возможна при двухъ главныхъ условіяхъ: при умѣньи поддѣлывать и при широкомъ, выгодномъ сбытѣ поддѣланныхъ вещей. Что касается до перваго условія, то при полнѣйшемъ упадкѣ искусства въ Средней Азіи, упадка поразительнаго, при отсутствіи чутья и вкуса къ изящному у туземцевъ, поддѣлка древностей невозможна. Мнѣ приходилось обращаться съ заказами къ лучшимъ мастерамъ серебряныхъ и золотыхъ дѣлъ (заргерамъ) съ предложеніемъ сдѣлать мнѣ ту или другую вещь по стариннымъ образцамъ, съ обѣщаніемъ за то хорошаго вознагражденія; но всякій разъ получалъ отвѣтъ, что такъ они сдѣлать не могутъ, или, что нѣтъ у нихъ такихъ инструментовъ, какіе имѣлись прежде. И это при вѣрномъ и хорошемъ вознагражденіи за трудъ. Мало того: они говорятъ, что древнія вещи не хороши, что теперь-де дѣлаютъ несравненно лучше и удивляются, что кому-то нужны и кто-то интересуется древностями, особенно если онѣ, эти древности, не изъ благородныхъ металловъ. Недавно у сартовъ города Ташкента возникла мысль поднести Туркестанскому генералъ-губернатору два кумгана (кувшина) мѣстной работы. Работали, конечно, лучшіе мастера, обильно изукрасили свое произведеніе бирюзой и поднесли. Много разъ приходилось мнѣ слышать отъ туземцевъ объ этихъ диковинныхъ кумганахъ, являвшихся въ ихъ глазахъ верхомъ совершенства; а благодаря любезному пріему, оказанному мнѣ генералъ-губернаторомъ, ген. адъют. Н. О. Розен-

бахомъ, — и видѣть ихъ. И что же? Безобразнѣе, аляповатѣе этихъ кумгановъ съ претензіями на вычурность, я ничего больше не видалъ въ Туркестанскомъ краѣ.

Итакъ — умѣнья поддѣлывать тамъ нѣтъ, и туземцы удивляются тому, что можно что-то поддѣлывать.

Но быть можетъ существуетъ другая причина для поддѣлокъ — выгодный сбытъ ихъ? На это могу отвѣтить, что сбыта нѣтъ и для настоящихъ древностей. Мѣдныя вещи найденныя въ землѣ случайно или при какихъ нибудь работахъ поступаютъ обыкновенно мѣдникамъ въ ломъ.

И мнѣ нерѣдко удавалось находить прекрасныя вещи въ грудѣ всякаго хлама. Въ г. Бухарѣ я пріобрѣлъ одинъ мѣдный сосудъ (неизвѣстнаго еще пока назначенія) съ рисунками и куфическими надписями, который былъ отданъ хозяиномъ мѣднику для обращенія въ ступку, такъ какъ онъ не зналъ, что дѣлать съ этою древностью. Серебро и золото поступаетъ обыкновенно къ заргерамъ.

Во время моихъ поѣздокъ по кишлакамъ (селеніямъ) жители приносили мнѣ свои находки и отдавали за то, что я самъ имъ дамъ. И когда я давалъ имъ нѣсколько болѣе стоимости матеріала, изъ котораго сдѣлана вещь, мой пріятель и спутникъ во время разъѣздовъ, ташкентскій сартъ Акрамъ Аскаровъ, всегда говорилъ при этомъ, что я порчу народъ.

Что-же касается до Русскихъ въ краѣ, то они въ настоящее время древностями, кромѣ двухъ-трехъ, мало интересуются или интересуются не настолько, чтобы пріобрѣтать ихъ.

Возможна-ли, спрашивается, поддѣлка древностей при такихъ условіяхъ? Рѣшительно не возможна.

До сихъ поръ я съ умысломъ не упоминалъ о монетахъ. Поддѣлка ихъ самая благодарная и довольно распространенная, только не въ Средней Азіи. Одно время русскіе тамъ очень увлекались монетами, не рѣдко увлекались до наивности. Не имѣя, за весьма рѣдкими исключеніями, никакихъ понятій о восточной нумизматикѣ, закупали они всякій монетный хламъ, разсчитывая выгодно сбыть свои пріобрѣтенія въ Россіи. Многимъ пришлось въ этомъ разочароваться, и монетная горячка прошла очень скоро.

Надо, впрочемъ, замѣтить, что русская администрація въ краѣ обращала вниманіе на сохраненіе древнихъ памятниковъ вообще и монетъ въ частности. За послѣдніе нерѣдко платились, по мѣстному, весьма значительныя деньги, напримѣръ: за золотыя греко-бактрійскія по 100—150 руб. Дѣлалось это съ цѣлію показать туземцамъ, что подобныя монеты имѣютъ и другую цѣну кромѣ цѣнности металла и что изъ находокъ монетъ можно

сдѣлать болѣе выгодную аферу, чѣмъ продать заргеру на подѣлки. Но и эта пора миновала.

Нѣкоторые туземцы (купцы или заргеры) продолжаютъ еще по старой памяти собирать древности въ надеждѣ сбыть кому либо изъ русскихъ (я пріобрѣлъ въ Самаркандѣ три коллекціи монетъ и разныхъ другихъ древностей). Въ Ташкентскій музей поступаютъ, какъ кажется, только находки сдѣланныя на казенной землѣ, да частныя приношенія, а на пріобрѣтенія путемъ покупки, на сколько мнѣ извѣстно, особо назначенной суммы не отпускается.

Въ настоящее время древнія монеты даже у заргеровъ продаются почти что по вѣсу металла, дороже прочихъ цѣнятся греко-бактрійскія монеты. Эти послѣднія носятъ у туземцевъ названіе *Доку-Юнусъ*[1]). Монеты съ куфическими надписями, всѣ безъ различія, называются *Санджари*, по имени султана Санджара, очень популярнаго въ Средней Азіи. Мѣстные ученые читать эти монеты теперь не могутъ. Шейбанидскія монеты, а равно и монеты Астраханской династіи называются *Абдуллахански ми* по имени самаго замѣчательнаго изъ Шейбанидовъ, Абдуллы-хана. Кромѣ того туземцы еще различаютъ тимуридскія монеты.

Поддѣлкой монетъ въ Туркестанскомъ краѣ никто не занимается. Никто объ этомъ мнѣ не сообщалъ, ни изъ русскихъ, ни изъ туземцевъ, которые вообще были со мной очень откровенны, и самъ я поддѣланныхъ монетъ не видалъ. И нѣтъ надобности поддѣлывать, не для кого.

Но если не поддѣлываютъ на мѣстѣ, то могутъ завозить фальшивыя монеты изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ этимъ занимаются и гдѣ это выгодно? т. е. поюжнѣе Средней Азіи, гдѣ богачи англичане платятъ хорошія деньги за

---

1) Съ именемъ Доку-Юнусъ связана у среднеазіатцевъ легенда о спящихъ въ одной пещерѣ отрокахъ, которые проснулись черезъ 300 лѣтъ и пошли на базаръ за хлѣбомъ со своими монетами. Ихъ монетъ, на которыхъ находилось изображеніе царя, никто не хотѣлъ брать, такъ какъ онѣ перестали уже обращаться. Тутъ и объяснилось, что отроки эти проспали 300 лѣтъ. Теперь всѣ монеты *съ изображеніями людей* (что у мусульманъ не дозволяется) и называются безразлично *Доку-Юнусы*.

[Христіанская легенда о семи спящихъ отрокахъ весьма популярна на всемъ мусульманскомъ востокѣ благодаря XVIII-ой *сурѣ* Корана, и имена ихъ, равно какъ и ихъ вѣрной собаки, до сихъ поръ служатъ талисманами спасающими отъ разныхъ бѣдъ. Въ *мусульманской* литературѣ имя царя, отъ преслѣдованій котораго спасались отроки, обыкновенно пишется دقيانوس. Монета, приписываемая ему, будетъ по этому называться دقيانوسى, по средненазіатскому произношенію, отмѣченному авторомъ, *Доку-Юнусы*. — О разныхъ варіантахъ легенды у христіанъ и мусульманъ см. *Koch*, die Siebenschläferlegende, ihr Ursprung und ihre Bedeutung, eine mythologisch-litteraturgeschichtliche Studie. Leipzig, C. Reisner. 1883 и *J. Guidi*, Testi orientali inediti sopra i sette dormienti di Efeso. Roma, 1885 (отдѣльный оттискъ изъ мемуаровъ корол. академіи dei Lincei). — Прим. ред.].

монеты, какія-бы онѣ ни были, не всегда оцѣнивая ихъ историческое значеніе, что доступно только знатокамъ, а таковыхъ вездѣ немного [1]). Но зачѣмъ-же повезутъ въ Среднюю Азію товаръ не имѣющій тамъ сбыта? Зачѣмъ тысячи верстъ везти вещи изъ мѣста, гдѣ хорошо платятъ, въ другое, гдѣ заплотятъ лишь за одинъ металлъ? И не только не вывозятъ изъ Индіи въ Среднюю Азію монеты (ужъ если везти, то только золотыя, а мѣдь и серебро не окупятъ труда), но происходитъ явленіе совершенно обратное: золото оттягивается въ Индію изъ Средней Азіи.

Не такъ давно еще, всѣ города Туркестанскаго края, всѣ значительныя селенія были наполнены афганцами и индѣйцами, которые, занимаясь ростовщичествомъ, между прочимъ скупали и золото, въ видѣ-ли монетъ, въ видѣ-ли разныхъ издѣлій. Они такъ опутывали туземное населеніе Туркестана своими денежными операціями, раззоряли его до послѣдней нитки, что не рѣдко вызывали волненія среди своихъ должниковъ. Мировые судьи были завалены исками индѣйцевъ, возникали жалобы и со стороны потерпѣвшихъ сартовъ. Вмѣшательство русской администраціи для устраненія этого зла сдѣлалось неизбѣжнымъ. Благодаря энергичнымъ мѣрамъ К. П. Кауфмана, число этихъ благодѣтелей значительно посократилось; но только сократилось, а не вывелось. Въ торговыхъ и оживленныхъ пунктахъ сидятъ они по прежнему, имѣя свои караванъ-сараи, по прежнему занимаются ростовщичествомъ (а иногда тайно курятъ водку) и скупаютъ золото, которое отправляютъ въ Индію. Купить у нихъ золотыя монеты, на сколько мнѣ извѣстно, нѣтъ возможности. И я не знаю, пріобрѣлъ-ли отъ нихъ кто-нибудь что-либо подобное? Я самъ не пропускалъ ни одного ростовщика въ посѣщенныхъ мною городахъ и селеніяхъ. Сперва обращался я къ нимъ просто на всякій случай, а потомъ, заинтересовавшись ихъ отвѣтами — а отвѣчали они иногда прямо, что монетъ у нихъ нѣтъ, а чаще: «нѣтъ-ли у васъ, мы сами купимъ» — продолжалъ обращаться уже постоянно. Тоже самое повторилось со мною и въ Бухарѣ. Значитъ: если-бы индѣйцы или афганцы привозили съ собою древнія монеты, фальшивыя или настоящія — все равно, они непремѣнно торговали-бы ими; а этого явленія въ Туркестанскомъ краѣ не наблюдается.

---

1) И относительно поддѣлокъ надо замѣтить, что монеты новаго типа не сочиняются, а изготовляются формы съ готовой уже монеты и по нимъ отливаютъ такъ сказать facsimile, иногда изъ другаго металла. Въ Европѣ для этой цѣли служитъ гальванопластика. Если поддѣлка сдѣлана мастерски, хотя по снятой формѣ это бываетъ очень трудно—тѣмъ или другимъ штрихомъ фальшь обнаружитъ себя—то наиболѣе вѣрнымъ средствомъ распознать подлинную монету отъ фальшивой должно служить, какъ мы думаемъ, сравненіе пробъ металла обѣихъ.

Тѣ древнія монеты, которыя тамъ циркулируютъ, исключительно добываются изъ земли: или путемъ случайныхъ находокъ или путемъ кладоискательства. Другаго источника не существуетъ.

Но надо замѣтить, что въ торговомъ дѣлѣ надувательства очень обыкновенны. Самъ часто попадаешься, надо и другаго надуть. Случается надувательство и при продажѣ монетъ, но какое? Торговецъ вызолотитъ серебряную монету и старается сбыть за настоящее золото. Вотъ какой невинный, или, лучше сказать, наивный способъ поддѣлки монетъ въ Средней Азіи; до другаго, посерьезнѣе, туземцы еще не додумались, да при настоящихъ условіяхъ и думать о томъ имъ нѣтъ надобности.

Конечно, могутъ быть и бываютъ случайности всякаго рода; при постоянныхъ сношеніяхъ народовъ между собою могутъ проникнуть поддѣлки и въ Западный Туркестанъ, но во всякомъ случаѣ онѣ, если только находятся тамъ, должны представлять такое рѣдкое исключеніе, которое никоимъ образомъ не можетъ идти въ счетъ. Надо пробыть значительное время на мѣстѣ, прослѣдить такъ, какъ я прослѣдилъ, пути добыванія и распространенія древностей, чтобы сказать съ полною увѣренностію, что *вообще* поддѣльныхъ древностей въ Туркестанскомъ краѣ нѣтъ.

Н. Веселовскій.

МЕЛКІЯ ЗАМѢТКИ И ИЗВѢСТІЯ.

О мечети Алишаха въ Тебризѣ.

Въ арабской лѣтописи Бедреддина Элайни († въ 855 г. гиджры = 1451 г. по Р. Х.), извѣстной подъ названіемъ عقد الجمان «*Нитка жемчужинъ*», при перечисленіи разныхъ знаменитостей (اعيان), умершихъ въ 724 году (= 1324 г. по Р. Х.), упоминается также о смерти *Таджеддина Абульхасана Алишаха Тебризскаго*, бывшаго великимъ везиремъ при хулагуидскомъ султанѣ Олджайту и сынѣ его, султанѣ Абусаидѣ. Въ некрологѣ этого сановника — замѣчательнаго, между прочимъ, тѣмъ, что, не смотря на свое высокое званіе, не умѣлъ ни читать, ни писать, и что изъ 14 хулагуидскихъ везирей одинъ только умеръ естественною смертью — находится небольшая, но интересная, въ археологическомъ отношеніи, замѣтка о большой мечети, которую Алишахъ построилъ въ своемъ родномъ городѣ Тебризѣ. Заслуживая вниманія уже потому, что сравнительно она довольно богата такими подробностями, на которыя мусульманскіе писатели обыкновенно довольно скупы, замѣтка эта любопытна еще и въ томъ отношеніи, что свидѣтельствуетъ о рѣдкой наблюдательности молодаго египетскаго чиновника, отправленнаго съ посольствомъ мамелюкскаго султана Эльмеликъ-Эннасыра въ 722 году къ хану Абусаиду [1]) въ Тебризъ или Тавризъ, главный городъ Адзербейджанской области, бывшій въ то время столицею монгольскихъ властителей Персіи. Послѣднимъ этотъ городъ и обязанъ былъ какъ тогдашнимъ цвѣтущимъ состояніемъ своимъ, такъ и тѣми обширными постройками, развалины которыхъ еще до сихъ поръ возбуждаютъ вниманіе путешественниковъ.

---

1) Объ этомъ посольствѣ см. мой Сборникъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи Золотой Орды, т. I, стр. 387, примѣч.

Вотъ что говоритъ упомянутая замѣтка:

وانشأ جامعًا بتبريز وبناه ببناء لا يقدر احد ان يبنى مثله وبنى بجانبه حمّامين من
اغرب ما يكون وقال صاحب النزهة لمّا سافر الامير ايتمش المحمّدى الى ابى سعيد فى
الرسليّة كان معه دواداره وهو شبّ حسن ذكى ذكاء مفرطا وكان يكتب مليحا ولمّا رحلوا
(دخلوا чит.) تبريز ورأى هذا الجامع كتب صفته واتى به الى القاهرة فنقلت منه وهو انه
لما اراد ان يبنى هذا الجامع ركب واخذ معه المهندسين واشار ببناء هذا الجامع بباب من
ابواب تبريز يعرف بباب خربندا وامر ان يكون هندسته وسعته وعلوه على منوال ايوان
كسرى وزاد فيه عن (? فى чит.) علوه عشرة اذرع وكذلك فى سعته وعمل فى وسطه بحرة
(بحيرة ?) سعتها ماية وخمسون ذراعًا ولها اربعة اركان وفى وسطها مثمّنة مركّبة على مصطبة
مربعة كلّ ربع منها على صورة سبع يقلب منه الماء الى البحرة وفى وسطها فوارتان يصعد
منهما ماء عظيم على قلّة المياه فى التبريز (sic) وفى البحرة اربعة مراكب وجميع جوانب
البحرة مرخّم برخام يسمى الموت (sic) والزم الوزير المعمار ان يعمل فى كلّ ربع منه رواق
وبين كلّ رواقين عمودان من العمر المثمّنة قطعة واحدة وقواعدها لون اليشم وطول كلّ
عمود اثنى عشر ذراعا ونيف وعلى كلّ عمود طاقة معقودة وجميعها منقوشة بالذهب
فيه مأذنتان علو كلّ واحدة سبعون ذراعا فى عرض خمسة وفى كلّ شباك مايتا
اكره جميعها معظمة منقوشة بالذهب والفضّة والقبلة التى يصلى فيها الامام قبّة وقايمتان
من النحاس الاندلسى مرصّعة منقوشة بصنعة مفتخرة بالذهب والفضّة وعمل على كلّ
باب من ابواب الجامع وهى اربعة ابواب سوقا ودكاكين وعلّق فيه انواع القناديل
بسلاسل من النحاس المنقوش بالذهب والفضّة قال صاحب النزهة ونقل لى مجد الدين
السلامى ان الوزير لمّا شرع فى عمارة هذا الجامع على هذا الوجه قلت له يا مولانا
هذا يريد اموالا بغير حساب فقال يا مجد الدين قاعدة ملوك المغل اذا انعموا
على وزيرهم اخذ المال ثم القتل فصرف المال فى وجه يبقى ذخيرة عند الله عز
وجلّ [1])

«Онъ (Алишахъ) соорудилъ въ Тебризѣ соборную мечеть и возвелъ такую постройку, какой подобной никто (другой) не въ состояніи построить [2]). Рядомъ съ нею онъ построилъ двѣ изъ удивительнѣйшихъ бань, какія только существуютъ (въ мірѣ). Авторъ сочиненія «Услада» [3]) сообщаетъ слѣдую-

---

1) Изъ рукописи нашего Азіятскаго музея, (т. IV, fol. 402, r.), о которой см. соч. барона В. Р. Розена, Notices sommaires etc. № 177.

2) См. *Abulfeda*, Annal. Musl. V. 358—361, гдѣ между прочимъ подъ 722 годомъ сказано также: «Онъ (Алишахъ) построилъ соборъ, которому подобный нигдѣ не встрѣчается, но онъ умеръ до окончанія его. Это тотъ самый, который уладилъ дружбу между мусульманами и татарами».

3) Т. е. Ибндукмакъ († въ 790 = 1388 году).

щее: когда эмиръ Итмышъ Эльмухаммеди поѣхалъ посломъ къ Абусаиду, то при немъ былъ девадаръ (дьякъ) его, молодой, красивый и чрезвычайно смѣтливый человѣкъ, умѣвшій хорошо писать. Пріѣхавъ въ Тебризъ и увидѣвъ эту мечеть, онъ составилъ описаніе ея, которое и привезъ съ собою въ Каиръ; и изъ него я списалъ слѣдующее: вознамѣрившись построить эту мечеть, онъ (Алишахъ) сѣлъ на лошадь, взялъ съ собою архитекторовъ, велѣлъ (имъ) построить эту мечеть при однихъ изъ воротъ Тебризскихъ, извѣстныхъ подъ названіемъ «Воротъ Харбенды» [1]), и приказалъ, чтобы архитектура и объемъ и вышина ея (мечети) были по образцу «чертога Хосроева» [2]), съ добавленіемъ вышины на 10 локтей и ширины на столько-же. По срединѣ ея онъ устроилъ четыреугольный водоемъ, шириною въ 150 локтей, а посреди его *осьмиугольникъ* [3]), поставленный на четыреугольную эстраду, каждая сторона которой изображала льва, извергавшаго изъ себя воду въ бассейнъ. По срединѣ его (осьмиугольника?) находились два фонтана, изъ которыхъ, не смотря на маловодіе въ Тебризѣ, сильно била вода. Въ бассейнѣ находились 4 лодки. Всѣ бока бассейна были обложены мраморомъ, который называется аламутъ [4]). Везирь заставилъ архитектора помѣстить на каждой изъ четырехъ сторонъ ея (мечети) портикъ, а между всѣми портиками по двѣ колонны изъ цѣльныхъ *осьмигранныхъ* кусковъ пальмоваго дерева, съ фундаментами яшмоваго цвѣта. Каждая колонна имѣла слишкомъ 12 локтей длины; надъ всѣми колоннами (были сдѣланы) арки, соединенныя между собою и всѣ украшенныя золотомъ. На ней (мечети) были двѣ башни, каждая вышиною въ 70, шириною въ 5 локтей. Во всѣхъ рѣшетчатыхъ окнахъ было по 200 круглыхъ стеколъ, которыя всѣ были большія, украшенныя золотомъ и серебромъ. Кибла (южная сторона мечети), въ которой имамъ совершаетъ молитву,(представляла) сводъ надъ двумя колоннами изъ андалусской мѣди, разукрашенный и расписанный, съ удивительнымъ искусствомъ, золотомъ и серебромъ. У каждой изъ дверей мечети, а ихъ всѣхъ четыре, онъ устроилъ рынокъ и лавочки. Повѣсилъ онъ въ ней (мечети) разные свѣтильники на мѣдныхъ цѣпочкахъ, украшенныхъ золотомъ и серебромъ. Авторъ «Услады» разсказываетъ (еще слѣдующее): передавалъ

1) Харбенда было, какъ извѣстно, прозвище хана Олджайту.

2) Славившагося въ древности дворца въ Ктесифонѣ или Мадаинѣ, имѣвшаго будто бы 300 локтей длины, 120 локтей ширины и 100 локтей вышины. Ср. Barbier de Meynard, Dictionnaire géogr. p. 66—67.

3) Вѣроятно осьмиугольное возвышеніе; ниже говорится еще объ *осьмигранныхъ* колоннахъ. Считаю не лишнимъ обратить вниманіе спеціалистовъ на эту осьмиугольность, которая въ восточной архитектурѣ по видимому играетъ нѣкоторую роль (извѣстны напр. осьмиугольные куполы въ мечетяхъ Меккской и Іерусалимской) и подала *Хаммеру* поводъ замѣтить: «Die Acht ist vorzüglich die architectonische Zahl, deren Triumphdom die auf achteckiger Flur sich erhebende Kuppel» (Gemäldesaal II, 265).

4) Вмѣсто الموت не слѣдуетъ-ли читать المرمر «мраморъ»?

мнѣ Меджеддинъ Эсселами [1]), что когда везирь (Алишахъ) приступилъ къ постройкѣ этой мечети на упомянутый ладъ, то я (Эсселами) сказалъ ему: сударь нашъ, вѣдь это потребуетъ несмѣтныхъ денегъ! Онъ-же (Алишахъ) отвѣтилъ: о Меджеддинъ, у царей монгольскихъ обычай, что когда они хотятъ облагодѣтельствовать своего везиря, то (сперва) отбираютъ (у него) имущество, а потомъ убиваютъ (везиря) и расходуютъ имущество (его) такъ, что оно остается сокровищемъ при Аллахѣ всевышнемъ [2]).»

Извѣстный *Ибнбатута*, посѣтившій Тебризъ вскорѣ послѣ постройки мечети Алишаховой, сообщаетъ объ устройствѣ ея только слѣдующее: «снаружи ея, направо отъ обращающагося къ киблѣ (т. е. на югъ), находится медресе, а налѣво — скитъ. Дворъ ея выложенъ мраморомъ, а стѣны «кашаномъ» (цвѣтными глазированными изразцами), похожимъ на «зелидоръ» [3]). Ее прорѣзаетъ протокъ водный и въ ней (растутъ) разныя деревья, виноградныя лозы и жасминъ» [4]).

Объ Алишаховой мечети мимоходомъ упоминаетъ при описаніи Тебриза авторъ персидской географіи «Услада сердецъ», Хамдуллахъ Казвини [5]). Онъ говоритъ, что внутренняя площадь ея [6]) имѣла 250 локтей въ длину и столько-же локтей въ ширину, что внутри ея находилась большая эстрада (صفّهٔ بزرك), превосходившая дворецъ Хосроя въ Мадаинѣ, что на ея положено было много усиленныхъ трудовъ (تكلّفات) и употреблено несмѣтное количество мрамора, но что, вслѣдствіе поспѣшности, съ которою строили мечеть, она потомъ обрушилась [7]).

По словамъ *И. Н. Березина* (Путеш. по сѣв. Персіи, стр. 73), мечеть Алишаха обращена въ подзорную башню.

В. Тизенгаузенъ.

---

1) Посланникъ хана Абусаида, ѣздившій въ Египетъ. См. *Hammer*, Gesch. der Ilchane II, 302; *D'Ohsson*, Hist. des Mong. IV, 650.

2) Этому-же Алишаху городъ Сельмасъ (въ Адзербейджанѣ) обязанъ своею стѣною (см. *Barbier de Meynard*, Dict. géogr. p. 315), а городъ Султаніе — множествомъ красивыхъ зданій (*Quatremère*, Hist. des Mong. p. XXII).

3) Испан. azulejo. Кромѣ арабск. лексикона *Дози* (I, 598) см. еще *Defrémery*, Voyages d'Ibn Batoutah dans la Perse et l'Asie Centrale (Paris, 1848), стр. 70, и *Karabacek*, въ Oesterr. Monatsschr. f. d. Or. 1884, стр. 288.

4) Ibn Batoutah (Париж. изд.), II, 130.

5) *Березинъ*, Путеш. по сѣв. Персіи: примѣч. стр. 26 и 45—46; *Barbier de Meynard*, Dict. geógr. p. 132—133; جهان نما (изд. Константиноп.), стр. ٣٨٠—٣٨١.

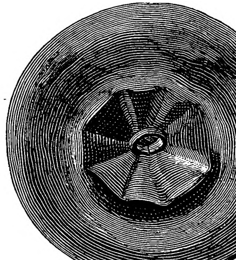
6) صحنش. Проф. *Березинъ* перевелъ это словомъ куполъ.

7) При завоеваніи Тебриза турецкимъ султаномъ Мурадомъ въ 1635 году мечеть Алишаха была раззорена и отъ нея уцѣлѣлъ только куполъ. Ср. Wien. Jahrb. der Liter. Bd. VII (1819), стр. 242, гдѣ свѣдѣніе это *Хаммеромъ* сообщено со словъ Хаджи Хальфы. Это не помѣшало *Хаммеру* сказать въ 1843 году, въ Gesch. d. Ilchane II, 290: «Alischah ward an der von ihm gebauten grossen Moschee zu Tebris bestattet, welche *noch heute* die grösste und schönste der Stadt».

Монетный кладъ найденный въ Тульской губерніи.

Князь С. С. Абамелекъ-Лазаревъ передалъ мнѣ на разсмотрѣніе небольшой кладъ татарскихъ монетъ VIII вѣка гиджры = XIV-го столѣтія нашего лѣтосчисленія, найденный въ 1884 году въ имѣніи его Крапивинкѣ, Тульской губерніи, Крапивинскаго уѣзда. Кладъ этотъ, заключавшійся въ мѣдной, по-видимому слегка посеребренной кубышкѣ, прикрытой крышкою (см. рисунокъ), состоитъ изъ слѣдующихъ 148 сер. монетъ, вѣсомъ въ $16^1/_2$ золотниковъ. Главную долю (81 экз.) составляютъ монеты Тохтамыша 773—792 годовъ гиджры, чеканенныя въ Ордѣ (на нѣкоторыхъ она названа «Великой», на другихъ «Новой»), въ г. *Крымъ* (=*Солчанъ*), *Азакъ*, (на одномъ экземплярѣ къ имени города прибавленъ эпитетъ «Богохранимый»), въ Гюлистанѣ, Нов. Сараѣ и Харезмѣ. На 14 экземплярахъ Тохтамышевыхъ монетъ находятся позднѣйшія надчеканки изъ числа тѣхъ, которыя изображены въ соч. покойнаго Савельева (Монеты *джучидскія*, *джагатайскія*, *джалаиридскія* и др., обращавшіяся въ Золотой Ордѣ въ эпоху Тохтамыша, табл. V, A 1—3, d, e, f, g, h).

Затѣмъ въ кладѣ находятся 3 монеты Узбека, изъ которыхъ одна чек. въ Сараѣ «Богохранимомъ», въ 722 году (другіе 2 безъ имени монетнаго двора и безъ годовъ), 10 монетъ Джанибека 743—747 годовъ, чеканенныхъ въ Нов. Сараѣ и Гюлистанѣ, въ томъ числѣ 3 экз. съ позднѣйшими надчеканками (ibid. табл. V, a 2 и e), 3 монеты Бирдибека 759—760 годовъ, чек. въ Гюлистанѣ, 2 мон. Абдуллаха, изъ которыхъ одна безъ года, съ позднѣйшимъ нечеткимъ штемпелемъ, а другая чек. въ Ордѣ въ 770 году, 1 мон. Пуладъ-хана, безъ года и имени монетнаго двора, 1 монета Мухаммедъ-хана безъ года, чек. въ Ордѣ, 1 джагатаидская монета съ именемъ Суюргатмыша и Тимура, чек. въ Самаркандѣ въ 784 году, и наконецъ 46 экз. подражаній золотоордынскимъ монетамъ.—Прилагаемый рисунокъ показываетъ 1) кубышку и 2) крышку ея въ $^3/_4$ натуральной величины.



В. Тизенгаузенъ.

Археологическія открытія въ Семирѣченской области.

Въ газетѣ «Восточное Обозрѣніе (№ 5-й отъ 30 Января 1886) мы читаемъ на стр. 10—11 слѣдующее:

Мы сообщали о весьма любопытныхъ и заслуживающихъ вниманія открытіяхъ доктора Пояркова близь Токмака. Нынѣ уважаемый нашъ сотрудникъ прислалъ намъ фотографическіе снимки съ открытыхъ имъ древностей. Во-первыхъ, докторомъ Поярковымъ близь Токмака въ ущельѣ Кагаты, въ Александровскомъ хребтѣ, найдено 8 каменныхъ бабъ, изъ числа которыхъ двѣ находились у крестьянина селенія Малаго Токмака, Кирьянова. Большинство найденныхъ бабъ въ Кагатинскомъ ущельѣ были зарыты въ землю по шею и болѣе и обращены на востокъ; баба, принадлежавшая крестьянину Кирьянову, найдена имъ въ Кагатинской щели при раскапываніи земли и была вся зарыта въ землю. Близь нѣкоторыхъ находятся курганы. Большинство каменныхъ изваяній прекрасно сохранились. Новооткрытыя каменныя бабы принадлежатъ къ двумъ типамъ: однѣ представляютъ неправильную фигуру эллиптическаго булыжника, на верху котораго изваяно или рельефно высѣчено лицо, — лицо часто неправильной формы, грубой работы, на которомъ однако, отчетливо сдѣланы усы, само лицо безбородое. Такой первообразъ бабъ и изваяній встрѣчается въ видѣ плитъ съ изображенною головою, въ Алтаѣ и на Енисеѣ. Видно, что это—древнѣйшая форма памятниковъ, когда самое искусство обдѣлки камня было не развито, и народъ совершенно довольствовался подобной фигурой, дѣлая тщательно только одну голову. Одна баба изъ числа этихъ, тоже зарытая въ землю, представляетъ переходную форму, на животѣ видны сложенныя руки, а подъ головою выведено бороздою подобіе плечъ и шеи. Другой высшій типъ бабъ представляютъ двѣ вывезенныя крестьяниномъ и найденныя въ землѣ. Это—изваянія, изображающія уже цѣлую фигуру обдѣланную ниже пояса. Всѣ эти три фигуры съ чашами въ рукахъ. Одна держитъ чашу обѣими руками, двѣ другихъ держатъ правою рукою чашу, а лѣвою поддерживаютъ мечъ на боку. Мечъ или подобіе кривой сабли съ рукояткой и двумя кольцами на ножнахъ; на поясѣ одной изъ фигуръ видны украшенія. Подобныя же бабы совершенно такого же вида съ чашей и мечемъ находятся въ Алтаѣ. Подобіе ихъ мы видимъ на Кемчикѣ. Несомнѣнно, такимъ образомъ, что токмакскія и исыкъ-кульскія изваянія принадлежатъ тому же народу, который шолъ изъ сѣверной Монголіи, располагался въ вершинахъ Енисея, въ Алтаѣ, перешолъ къ Исыкъ-Кулю, проникъ въ Киргизскую степь на югѣ Акмолинской области и, вѣроятно, перешолъ въ южную Россію.

Благодаря собраннымъ коллекціямъ бабъ въ Монголіи (Потанинымъ), на Кемчикѣ (Адріановымъ), открытымъ давно изваяніямъ въ Минусинскомъ округѣ, въ Алтаѣ (Радловымъ, Потанинымъ, Ядринцевымъ) и открываемымъ нынѣ на Исыкъ-Кулѣ, близъ Токмака и въ Киргизской степи, мы можемъ уже прослѣдить путь и передвиженіе древняго народа. Какому народу принадлежали эти изваянія, доселѣ не опредѣлено. Когда-то ихъ считали гуннскими, но мнѣніе это разбито. Рубруквисъ ихъ видѣлъ у комановъ, иные приписываютъ постановку надгробныхъ камней дулгасцамъ (древнимъ тюркамъ гіунъ-ну и тукюю). Изваянія доказываютъ, что они принадлежали народу, имѣвшему уже оружіе и, вѣроятно, воинственному. Обычай постановки бабъ близь могильниковъ имѣетъ связь съ древнимъ культомъ обожанія предковъ и зарываніемъ изображеній въ землю. Даже во внутренней Россіи находили каменныхъ бабъ, зарытыхъ въ курганы. Одно изъ токмакскихъ открытій подтверждаетъ это мнѣніе. Вообще, новая открытая г. Поярковымъ коллекція—богатый археологическій вкладъ, освѣщающій распространеніе древняго культа близь озера Исыкъ-Куля до Токмака. Сравненіе бабъ будетъ весьма поучительно.

Китайская пушка, хранящаяся въ С.-Петербургскомъ Артиллерійскомъ музеѣ.

Лѣтъ пятьнадцать тому назадъ въ С.-Петербургскій Артиллерійскій Музей была доставлена изъ Оренбурга въ числѣ нѣсколькихъ другихъ орудій небольшая пушка. Время и обстоятельства появленія ея въ Россіи остаются для насъ довольно темными: по одному извѣстію она была захвачена русскими войсками отъ китайцевъ во время нашего занятія Кульджи; по другому — была взята въ Хивѣ, при нашихъ движеніяхъ противъ Худояръ хана. Какъ бы то ни было, но изъ Оренбурга этотъ трофей нашихъ побѣдъ явился подъ именемъ бухарской пушки и съ этимъ названіемъ стоитъ онъ и до нынѣ въ стѣнахъ Артиллерійскаго Музея.

Пушка эта оказывается однако не бухарскою, а китайскою, въ чемъ вполнѣ удостовѣряютъ насъ вырѣзанныя на ней китайскія надписи. Какъ по своему устройству такъ и по значенію, которое имѣла эта пушка въ Китаѣ и которое свидѣтельствуется текстомъ сохранившихся на ней надписей, пушка эта представляетъ собою довольно интересный образецъ китайскихъ орудій. По металлу она является кованною изъ желѣза и обтянутою сверху мѣдью. На дульномъ концѣ ея находится небольшая мушка, назначенная для прицѣла; по бокамъ выкованы двѣ цапфы, при посредствѣ которыхъ пушка держится на станинахъ своего лафета, — но дельфиновъ

на ней нѣтъ; запалъ находится въ четырехугольной углубленной раковинѣ; винградъ желѣзный съ прорушиной; длина пушки отъ дула до торели = $48\frac{1}{2}$ дюймамъ, а вся она длиною 54 дюйма; вѣсъ пушки приблизительно пудовъ 20; калибръ—3 дюйма. Пушка утверждена на лафетѣ, который является въ видѣ двухъ-колеснаго станка самой аляповатой работы. По видимому, подъ него приспособлена обыкновенная китайская арба постановкою двухъ деревянныхъ станинъ, на которыхъ собственно и покоится пушка. Колеса станка съ желѣзными шинами, по обычаю, усѣянными громадными гвоздями; оси также деревянныя, такъ что вообще весь этотъ приборъ не отличается особенною прочностью.

А между тѣмъ какую роль играла эта пушка въ Китаѣ! Нѣтъ сомнѣнія, что она не разъ участвовала въ сраженіяхъ и, можетъ быть, благодаря ей, китайскія войска не разъ покрывали себя славою побѣдителей. Все это дѣлается для насъ яснымъ изъ тѣхъ, хотя и не многосложныхъ, но краснорѣчивыхъ надписей, которыя на ней начертаны.

Эти надписи являются здѣсь въ двухъ отдѣленіяхъ: одна надпись выше,—другая ниже; притомъ первая надпись начертана іероглифами меньшаго размѣра, а послѣдняя крупнѣе. Первая верхняя надпись тянется почти на половину всего орудія и заключается въ трехъ строкахъ. Двѣ крайнія строки начинаются на линіи одинаковой высоты: одна, правая строка здѣсь начертана китайскими іероглифами, а на другой — лѣвой тѣже самыя слова находятся въ маньчжурскомъ переводѣ и вырѣзаны маньчжурскими буквами. По своему содержанію обѣ строки заключаютъ въ себѣ ничто иное, какъ отличительный титулъ, подъ которымъ была извѣстна въ Китаѣ эта пушка. Присутствіе на ряду съ китайскимъ текстомъ текста маньчжурскаго свидѣтельствуетъ намъ о томъ, что эта пушка была казенная, а не частная. Третья, срединная строка помянутой первой надписи, начертанная китайскими іероглифами того же размѣра, заключаетъ въ себѣ нумеръ пушки. Вторая надпись начинается непосредственно тамъ, гдѣ оканчивается первая. Срединная строка ея заключаетъ въ себѣ повтореніе того же отличительнаго титула пушки; но все это во 1-хъ начертано здѣсь іероглифами большаго размѣра, а во 2-хъ отличительный титулъ пушки раздѣленъ здѣсь (по всей вѣроятности для симметричности надписи) на двѣ части: первые два іероглифа начертаны въ строкѣ горизонтальной, а послѣдніе три въ строкѣ вертикальной. По бокамъ этой, самой крупной надписи находится еще по двѣ строки. На двухъ строкахъ правой стороны вырѣзаны годъ первоначальной выковки пушки и имя мастера, сдѣлавшаго ее, а на лѣвой — годъ поновленія пушки и имя мастера, поновлявшаго ее. Так. обр. всѣ эти надписи представляются на пушкѣ въ слѣдующемъ видѣ:

Проявляющая воинственность, великая, чудесная пушка.

Іероглифа «Шэнъ» № 8-й.

Проявляющая воинственность, великая, чудесная пушка

Это значитъ:

彰武大神炮

神字第八[1]號

[illegible]

Проявляющая воинственность,

Въ счастливое утро 7-й луны 23-го года Цянь луна

соорудилъ ремесленникъ Го-чанъ (изъ фамиліи) Чжу.

великая, чудесная пушка.

Въ счастливый день 9-й луны 28-го года Дао-гуана

снова поправилъ ремесленникъ Тянь-синъ (изъ фамиліи) У.

乾隆二十三年七月穀旦

匠人朱國正創造

彰武

大神炮[1]

道光二十八年九月吉日

匠人吳天興重修

1) Въ подлинникѣ эти іероглифы начертаны прописными знаками.

Приступая за симъ къ объясненіямъ этихъ надписей, должно прежде всего въ порядкѣ самыхъ надписей обратить вниманіе на титулъ, данный пушкѣ. Титулованныя орудія вообще не составляютъ рѣдкости на востокѣ; но въ Китаѣ, сообразно значенію самыхъ титуловъ имѣются и особыя постановленія относительно ихъ раздачи. Такимъ образомъ одни изъ титуловъ, даваемыхъ орудіямъ, суть ничто иное, какъ прямое наименованіе государственныхъ чиновъ, напр. цзянь-цзюнь (將 軍) «предводитель арміи», да-цзянь-цзюнь (大 將 軍) «великій предводитель арміи» и проч.; другіе титулы состоятъ изъ пышныхъ и величественныхъ похвалъ орудію, не имѣющихъ впрочемъ никакого техническаго значенія въ языкѣ оффиціальномъ, таковы напр. титулы: «проявляющій воинственность», «возбуждающій храбрость», «умиротворитель пограничныхъ странъ» и пр. Первые титулы имѣетъ право давать орудіямъ только императоръ, вторые раздаются главно-начальствующими арміи и даже отдѣльныхъ частей арміи. Во время пребыванія моего въ Китаѣ, счастливый случай доставилъ мнѣ возможность узнать и записать въ свой дневникъ примѣры тѣхъ и другихъ пожалованій. Въ Пекинѣ, въ императорскомъ городѣ, доселѣ еще хранится въ богатѣйшемъ, обитомъ желтою шелковою матеріею футлярѣ ружье, извѣстное подъ титулованнымъ прозваніемъ «да-цзянь-цзюнь-пао» (大 將 軍 炮). Исторію этого ружья китайцы передаютъ въ слѣдующемъ разсказѣ. Въ 18-е лѣто правленія Цзя-цина (嘉 慶), сотвѣтствующее 1814 г. нашего лѣтосчисленія, въ Китаѣ вспыхнуло возстаніе извѣстнаго мятежника Линъ-цина. Заговоръ былъ составленъ такъ осторожно и всѣ подготовленія къ возстанію велись такъ тихо, что даже накануне урочнаго дня никто изъ правителей Китая не думалъ о возможности катастрофы. Это было лѣтомъ. Императоръ Цзя-цинъ, по обычаю, находился въ своей лѣтней резиденціи — Жэ-хо и спокойно предавался увеселеніямъ. Какъ вдругъ въ одно утро онъ былъ пробужденъ страшнымъ шумомъ. Мятежники цѣлою толпою окружили императорскій дворецъ, нѣкоторые изъ нихъ уже проникли во дворъ, другіе взобрались на кровли дворцовыхъ зданій и отсюда стрѣляли въ дворцовую стражу и въ царскихъ тѣлохранителей. Пока собрались войска, расположенныя въ окрестностяхъ Жэ-хо, царедворцамъ приходилось отстаивать богдохана своими силами. Тогда Мянь-нинъ (будущій китайскій императоръ Дао-гуанъ, а въ то время только наслѣдникъ престола) схватилъ бывшее у него ружье и самъ повелъ находившихся при дворцѣ солдатъ на защиту своего царственнаго родителя. Изъ этого ружья Мянь-нинъ убилъ будто бы до 30 мятежниковъ, пока не пришли цѣлыя колонны войскъ изъ окрестностей и не прогнали окончательно эту, набросившуюся на дворецъ толпу. Вслѣдъ за симъ

императоръ пожаловалъ этому ружью титулъ «да-цзянь-цзюнь», т. е. великій предводитель арміи; титулъ, — который вмѣстѣ съ тѣмъ составляетъ и названіе высшаго чина въ строевыхъ войскахъ Китая.

Разсматриваемая нами пушка имѣетъ титулъ втораго разряда, т. е. не имѣющій никакого значенія въ терминологіи чиновныхъ ранговъ и слѣдовательно титулъ этотъ могъ быть пожалованъ ей какимъ либо главнокомандующимъ. Принимая во вниманіе, что пушка эта отлита въ 1759-мъ году и что въ это время, равно какъ и въ послѣдующіе за симъ годы, Китайцы постоянно вели войны въ своемъ западномъ краѣ, необходимо предположить, что она отличилась въ одной изъ битвъ Китайцевъ съ Чжунгарами, или Хуй-хуйцами, за что и получила свое громкое имя «проявляющей воинственность, великой, чудесной, (или даже чудотворной) пушки».

Способъ нумераціи, которымъ обозначенъ нумеръ, значащійся на пушкѣ, я уже имѣлъ случай объяснять въ своей статьѣ «о китайской пайцзѣ, отысканной въ Минусинскомъ округѣ въ 1884 г.» (см. Зап. Вост. Отд. И. Р. Арх. Общ. I, стр. 3—5); но изъ какого именно сочиненія взятъ іероглифъ «шэнъ» (神), подъ 8-мъ нумеромъ котораго числилась эта пушка, — мнѣ не извѣстно.

Относительно происхожденія и исторіи этой пушки можно замѣтить слѣдующее: Первоначальная выковка ея, какъ показываетъ надпись, была закончена, въ добрѣйшее утро 7 луны 23-го года правленія Цянь-луна, каковой годъ соотвѣтствуетъ 1759-му году нашего лѣтосчисленія; а поправка ея, по словамъ той же надписи, была произведена въ счастливый день 9-й луны 28-го года правленія Дао-гуана, т. е. въ 1849 году. Такъ какъ желѣзную пушку довольно трудно, да и никогда не стоитъ перековывать снова, то надо предполагать, что эта поправка состояла въ томъ, что на пушку наложенъ былъ тотъ слой мѣди, которымъ она представляется теперь обтянутою. Не будетъ ничего удивительнаго и намъ кажется почти несомнѣннымъ, что если поднять этотъ слой мѣди, то подъ нимъ окажется другая надпись, современная самой выдѣлкѣ пушки; хотя мы и думаемъ, что эта надпись не дастъ намъ ничего новаго и не выяснитъ вопроса хотя бы о томъ, гдѣ именно была выкована пушка. Въ объясненіе этого послѣдняго вопроса мы можемъ сказать только, что до половины настоящаго столѣтія въ Китаѣ имѣлось только два постоянныхъ пушечныхъ завода, — одинъ въ Пекинѣ, а другой въ Мукденѣ. По мимо сего Китайцы въ періодъ войнъ на западѣ (т. е. въ Чжунгаріи и въ Восточномъ Туркестанѣ) не рѣдко устраивали заводы въ различныхъ мѣстахъ, въ которыхъ на скоро приготовляли орудія въ потребномъ для военныхъ дѣйствій количествѣ. Само собою разумѣется,

что пушки, приготовлявшіяся на постоянныхъ заводахъ, т. е. въ Мукденѣ и Пекинѣ, должны были быть выше по своимъ качествамъ и отличаться большею прочностью и чистотою въ отдѣлкѣ; но рѣшать на этомъ основаніи вопросъ о принадлежности пушки постояннымъ заводамъ или же временнымъ мы предоставляемъ уже спеціалистамъ артиллерійскаго дѣла.

А. Позднѣевъ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

14. Первый періодъ китайской исторіи (до императора Цинь-ши-хуанди). — Сергѣй Георгіевскій. С.-Петербургъ. Литографировано по способу Алисова. — Печатня А. Григорьева. — 1885 г. 321 стр. больш. 8°.

Книга г. Георгіевскаго является первою попыткою пополнить существенный пробѣлъ въ нашей литературѣ по востоку—отсутствіе на русскомъ языкѣ исторіи Китая. Авторъ раздѣлилъ свое сочиненіе на шесть главъ, изъ которыхъ въ первыхъ четырехъ онъ излагаетъ собственно фактическую исторію Китая до временъ Цинь-ши хуанди, а въ двухъ послѣднихъ знакомитъ насъ съ характеромъ китайскихъ историческихъ первоисточниковъ и наконецъ сообщаетъ свой взглядъ относительно развитія внутренней жизни древняго Китайскаго народа.

Мы не знаемъ, предназначалъ ли г. Георгіевскій свой трудъ для всѣхъ вообще образованныхъ людей, или же только для спеціально занимающихся востокомъ и даже, пожалуй, еще спеціальнѣе — Китаемъ и сопредѣльными ему странами дальняго востока; но намъ кажется, что ему не удалось удовлетворить ни тѣхъ, ни другихъ. Для первыхъ изложеніе исторіи Китая въ книгѣ г. Георгіевскаго покажется неудовлетворительнымъ по своей сжатости, спутанности и, по видимому, отсутствію системы; вторые будутъ недовольны этимъ изложеніемъ за его краткость, понимаемую какъ опущеніе событій первостепенной важности, а еще болѣе за его догматичность въ повѣствованіяхъ, — особливо при передачѣ тѣхъ фактовъ, въ разсказѣ о которыхъ самые китайскіе первоисточники допускаютъ массу варіантовъ. Выражаемъ это мнѣніе вовсе не съ цѣлью уронить достоинство книги, тѣмъ болѣе, что каждому извѣстна трудность совмѣстить въ краткомъ историческомъ очеркѣ все необходимое, сохранивъ и равномѣрность частей и стройность системы. Достоинства труда г. Георгіевскаго очевидны каж-

дому, знакомому съ европейской литературой по этому предмету. Мы можемъ говорить о его краткости, указывать на опущеніе дѣйствительно весьма важныхъ событій; но тѣмъ не менѣе древняя китайская исторія изложена у г. Георгіевскаго все таки съ бо́льшею полнотою фактическаго содержанія, нежели во всѣхъ другихъ, написанныхъ на европейскихъ языкахъ исторіяхъ Китая, каковы напр. исторіи Малья, Дюгальда, Потье, Гюцлафа и др. Въ самомъ дѣлѣ, г. Георгіевскій выводитъ передъ нами гораздо большее число дѣйствующихъ лицъ и указываетъ большее число фактовъ; онъ отводитъ только меньше мѣста для изложенія хода военныхъ кампаній и битвъ, да для цитированія діалоговъ и монологовъ китайскихъ героевъ, каковые діалоги и монологи въ большинствѣ случаевъ, конечно, вымышлены позднѣйшими китайскими историками. Словомъ, авторъ очевидно захотѣлъ совершенно отбросить весь легендарный составъ китайской исторіи и обратилъ свое вниманіе исключительно на то, чтобы тщательнѣе обработать и представить читателямъ одни лишь голые факты. Въ этой обработкѣ мы съ особеннымъ удовольстіемъ отмѣчаемъ то, что въ историческомъ изслѣдованіи г. Георгіевскаго при всѣхъ собственныхъ именахъ поставлены китайскіе іероглифы. Такой постановки нѣтъ ни въ одной изъ европейскихъ исторій Китая, хотя безъ нея не мыслимо и ясное пониманіе исторіи. Еще важнѣе то, что при каждомъ изложенномъ фактѣ у г. Георгіевскаго указаны даты, что опять таки далеко не всегда встрѣчается въ трудахъ европейцевъ. Наконецъ особенную заслугу работы нашего автора должно видѣть въ томъ, что въ ней всѣ древнія географическія названія городовъ, урочищъ и поселеній всегда указываются съ опредѣленіемъ ихъ положенія по современнымъ картамъ Китая (чего также точно мы не встрѣчаемъ, по крайней мѣрѣ съ такою выдержанностію, въ европейскихъ исторіяхъ Китая). Это пріурочиваніе древнихъ мѣстностей къ современнымъ, безъ сомнѣнія, стоило автору громаднаго и кропотливаго труда и является непреложнымъ свидѣтельствомъ обширности его знаній.

При такихъ исключительныхъ достоинствахъ работы, при такой массѣ положеннаго на нее труда, еще прискорбнѣе становятся его недостатки, которые, мы не сомнѣваемся въ томъ, могли быть вполнѣ обойдены авторомъ. Кажется въ высшей степени странною та догматичность въ изложеніи событій, которую допускаетъ въ своей книгѣ г. Георгіевскій, не смотря на то, что въ древней Китайской исторической литературѣ существуетъ масса варіацій и въ разсказахъ о ходѣ событій, и во взглядахъ на ихъ обстановку, причины и значеніе. На стр. 111-й разсказывается напримѣръ, что, въ 602-мъ году князья Цзиньскій, Вэйскій, Сунскій, Лускій, Цаоскій и Чженскій, составили коалицію противъ Чускаго Чжуана.

Чжуанъ уклонился отъ столкновенія, но, не желая распускать своихъ войскъ, напалъ на удѣлъ *Шу-ляо* и покорилъ его. Авторъ очевидно слѣдуетъ въ данномъ случаѣ толкованіямъ Цзо-цю-мин'а и считаетъ *Шу-ляо* за одинъ удѣлъ. Но вѣдь у Китайцевъ есть и другія толкованія, которыя признаютъ *Шу* за одинъ удѣлъ, а *Ляо* за другой. Въ Тунъ-цзянь-ганъ-му прямо говорится, что *Шу* и *Ляо* суть названія для двухъ отдѣльныхъ княжествъ [illegible] 1), причемъ *Ляо* полагается, какъ и значится у г. Георгіевскаго, въ уѣздѣ Лу-цзянъ, департамента Лу-чжоу-фу; а *Шу* лежало якобы къ сѣверу отсюда; сообщается также, что оба эти княжества были родственны удѣлу Лю. Спрашивается теперь, отчего же авторъ вѣритъ Цзо-цю-мин'у и отвергаетъ толкованія другихъ? Объяснить это было бы вполнѣ необходимо тѣмъ больше, что эти вторыя толкованія кажутся гораздо правдоподобнѣе, ибо они послѣдовательнѣе. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ можно объяснить, руководствуясь Цзо-цю-мин'омъ, то обстоятельство, по которому Чжуанъ направился именно на *Шу-ляо*, а не въ какую либо другую сторону? А по толкованіямъ Ганъ-му оно выходитъ очень просто. Дѣло въ томъ, что Чускій князь не задолго передъ симъ подчинилъ себѣ удѣлъ *Лю*, и что же было для него естественнѣе, какъ не докончить сполна это подчиненіе присоединеніемъ и родственныхъ *Лю* удѣловъ?

Мы взяли этотъ примѣръ главнымъ образомъ въ силу того, что въ немъ ясно можно видѣть, откуда именно заимствовалъ свои свѣдѣнія авторъ; въ другихъ частяхъ книги добраться до этого довольно трудно, такъ какъ г. Георгіевскій, хотя и указалъ вообще на сочиненія, служившія ему источниками, однако же нигдѣ не ставитъ цитатъ, обозначающихъ откуда именно беретъ онъ извѣстіе о томъ или другомъ событіи. Само собою разумѣется, что этотъ способъ изданія совершенно мѣшаетъ возможности прослѣдить, справедливо ли наконецъ передаетъ книга г. Георгіевскаго извѣстія источниковъ, на основаніи которыхъ она составлена.

Это, по нашему мнѣнію, два основные и одинаково проходящіе чрезъ всю книгу недостатка. Въ частности разсмотрѣнный г. Георгіевскимъ періодъ китайской исторіи долженъ быть раздѣленъ на двѣ части, изъ коихъ первая — отъ временъ міросозданія и эпохи перваго человѣка на землѣ до временъ Чжоуской династіи — должна быть названа легендарною; а вторая — отъ первыхъ императоровъ Чжоуской династіи до Цинь-ши-хуанди, — можетъ почитаться историческою, ибо сказанія о событіяхъ, входящихъ въ со-

---

1) Тунъ-цзянь-ганъ-му. Цз. 18-я Л. 6-й толков. Ду-ши.

ставъ ея, въ большей своей части обосновываются на памятникахъ, современныхъ самымъ событіямъ, или, по крайней мѣрѣ, близкихъ ко временамъ событій.

Авторъ признаетъ самъ, что онъ до минимума сократилъ разсказы объ этомъ первомъ, легендарномъ періодѣ. Это конечно не было бы важно, если бы самое сокращеніе было произведено не въ ущербъ дѣлу; но мы не можемъ не замѣтить, что сокращенія, произведенныя авторомъ, отозвались весьма невыгодно и для дѣла послѣдующихъ изысканій, и наконецъ въ самомъ изложеніи книги Изъ легендъ вполнѣ осмысленныхъ и разумныхъ сообщаются какіе-то коротенькіе отрывки, въ силу чего и самыя легенды не могутъ уже уяснить реальную сущность дѣла, а представляются жалкими разсказами о незаслуживающихъ никакого вниманія чудесахъ. На стр. 13-й разсказывается напр., что Хуанъ-ди, вступивъ на престолъ, повелъ войну противъ мятежника Чи-ю. «При Чжоу-лу должна была произойти битва. Дѣйствуя чарами, Чи-ю покрылъ землю столь густымъ туманомъ, что начальники отдѣльныхъ частей Хуандіевой арміи не въ состояніи были опредѣлять мѣстоположенія и двигались, сами не зная куда. Чтобы имѣть возможность оріентироваться, *Хуанъ-ди устроилъ колесницу, которая сама собою направлялась на югъ»*... и эта колесница помогла ему правильно распоряжаться движеніемъ войскъ. Неизвѣстно, откуда заимствовалъ авторъ этотъ разсказъ, ибо цитатъ у него, по обычаю, не поставлено; но что же можно вывести изъ такой побасенки, которая весь ходъ дѣла приписываетъ какой то баснословной, чудесной колесницѣ? Между тѣмъ, стоитъ разсмотрѣть это преданіе по другимъ, болѣе подробнымъ разсказамъ и окажется, что дѣло тутъ вовсе не въ колесницѣ. Яснѣе, — по этимъ разсказамъ видно, что въ колесницѣ Хуанъ-ди стояла чаша, на вершинѣ которой были начертаны іероглифы крысы и лошади. Подъ этими іероглифами находилась игла, показывающая четыре главныя страны свѣта, что и давало Хуанъ-ди возможность направлять свои войска въ потребную сторону. Не трудно догадаться, какой имѣетъ смыслъ это преданіе. Оно свидѣтельствуетъ намъ, что уже во времена Хуанъ-ди Китайцы имѣли понятіе о компасѣ, или по крайней мѣрѣ о магнитной матеріи. При этомъ я не только не настаиваю, но даже не хочу говорить о дѣйствительномъ существованіи Хуанъ-ди; важно для насъ только извѣстіе о ходѣ развитія знаній въ Китаѣ.

Вообще въ разсужденіи о легендахъ мы совершенно согласны съ замѣчаніемъ автора на 229-й стр. его труда, что «баснословія не могутъ еще откидываться какъ негодный для исторіи матеріалъ только потому, что они имѣютъ форму баснословій»; оттого и думаемъ, что ему совершенно излишне

было оправдываться въ томъ, что онъ началъ изложеніе исторіи Китая за три милліона лѣтъ (стр. 201). Что изъ того, что въ сказаніяхъ встрѣчаются чудеса и несообразности, что легенды въ разсказѣ и жизни различныхъ государей, по видимому, повторяютъ однѣ и тѣ же событія? Все дѣло въ томъ, какъ излагать легенды и какъ ихъ разсматривать. Нѣтъ сомнѣнія, что если говорить такъ кратко, какъ это дѣлаетъ г. Георгіевскій, то толку отъ легендъ добиться трудно. Различные государи научаютъ людей пользоваться огнемъ, строить жилища, шить одежду и пр. Фу-си полагаетъ начало земледѣлію и Шэнъ-нунъ полагаетъ начало земледѣлію. При Хуанъ-ди изобрѣтается музыка и при Шао-хао изобрѣтается музыка (этотъ послѣдній фактъ у г. Георгіевскаго совсѣмъ опущенъ). Все это такъ, да какая музыка изобрѣтается при Хуанъ-ди и какая при Шао-хао? При Хуанъ-ди, какъ говорится въ сочиненіи на стр. 15-й, Юнъ-юань (собственно Жунъ-юань, ибо іероглифъ 榮 въ этомъ собственномъ имени читается *жунъ*, а не *юнъ*) изобрѣлъ 12 гармоническихъ колоколовъ и тогда добавляетъ Тунъ-цзянь-ганъ-му, «пять тоновъ были приведены въ согласіе». При Шао-хао была изобрѣтена музыка, которую намѣчали по теченію планетъ, приписывая особый тонъ каждой. Очень можетъ быть, что это та самая музыка, которая была извѣстна у Египтянъ и очевидно, что это не изобрѣтенія, а совершенствованія, прослѣдить и изучить которыя было бы весьма поучительно ради познанія законовъ человѣческаго развитія вообще.

Далѣе краткость въ изложеніи событій того же легендарнаго періода ведетъ автора и къ заключеніямъ, какъ кажется, не совсѣмъ то правильнымъ, или по крайней мѣрѣ одностороннимъ и не полнымъ. Напр. на стр. 32-й говорится, что преемникъ Юя «Ци созвалъ владѣтельныхъ лицъ имперіи и правителей областей на сеймъ въ столицу. Владѣтель мѣстности *Ху* неявился по приглашенію государя и открыто сдѣлался мятежникомъ». Спрашивается, зачѣмъ былъ этотъ сеймъ, чѣмъ онъ былъ вызванъ и о чемъ на немъ разсуждали? Въ чемъ состоялъ мятежъ владѣтеля Ху? Въ томъ ли, что по призыву своего государя онъ не явился въ столицу, или въ чемъ другомъ? Ни на одинъ изъ этихъ вопросовъ нѣтъ отвѣта, а между тѣмъ они представляютъ собою большую важность. Дѣло въ томъ, что Ци былъ первымъ изъ императоровъ, вступившимъ на китайскій престолъ не по выбору, а преемствуя это званіе отъ своего отца. По Тунъ-цзянь-ганъ-му сообщается, что «въ третьемъ году своего правленія Ци долженъ былъ вести войну съ фамиліей *Ху*, которая настаивала на томъ, чтобы не пресѣкать древняго обычая избранія на императорскій престолъ. Императоръ одержалъ побѣду и съ этого времени избирательныя права удѣльныхъ

князей совершенно пресѣклись. Отсюда надо выводить то, что наслѣдственность императорскаго званія не была у Китайцевъ слѣдствіемъ естественнаго хода событій, что государи перестали быть избирательными не потому что въ ту пору не было уже нужды въ полководцахъ и людяхъ съ личнымъ дарованіемъ, какъ утверждаетъ то авторъ на стр. 270-й, а что эта наслѣдственность была пріобрѣтена сильнымъ княжескимъ родомъ путемъ борьбы. Не слѣдуетъ забывать, что при Тай-канѣ, сынѣ Ци, *И*, князь удѣла Цюнъ, дѣлалъ попытку возвести на престолъ брата Тай-канова—Чжунъ-кана, безъ сомнѣнія, съ тою цѣлью, чтобы потомъ самому овладѣть престоломъ. При слабоумномъ Чжунъ-канѣ онъ и дѣйствительно добивался этого и произвелъ смуты. Слѣдовательно, на императорскій престолъ смотрѣли въ ту, переходную пору какъ на достояніе сильнаго.

Обращаясь къ изложенію въ книгѣ г. Георгіевскаго періода Чжоуской династіи, мы замѣчаемъ здѣсь краткость не только въ развитіи разсказа, но и въ полномъ опущеніи событій и событій первостепенной важности. Возьмемъ для примѣра со стр. 79-й царствованіе Ли-вана. За все время его 36 лѣтняго правленія г. Георгіевскій, упомянувъ о походахъ на инородцевъ, говоритъ только о томъ, что объятый корыстолюбіемъ Ли-ванъ поставилъ Юнъ-и-гуна смотрителемъ своего дворца, что Юнъ-и-гунъ самыми непозволительными средствами вымогалъ у народа деньги и послѣдній возропталъ и рѣшился силою добиваться освобожденія отъ его притѣсненій. Но все это были вѣдь домашніе дрязги удѣла Чжоу, а что же дѣлалось въ это время съ цѣлымъ Китаемъ въ его другихъ удѣльныхъ княжествахъ? На это нѣтъ никакого отвѣта, хотя пора эта была временемъ, когда совершились громадныя событія. Такъ въ 12-мъ году правленія Ли-вана въ удѣлѣ *Вэй* сдѣлался княземъ Цинъ-хоу, который ввелъ у себя свое лѣтосчисленіе. Въ 14-мъ году въ удѣлѣ Цао взошелъ на престолъ *Си*, который также ввелъ у себя свое лѣтосчисленіе; за симъ точно такія же перемѣны произошли во владѣніяхъ Ци, Сунъ, Цзинь, Цинь и Чу. Вѣдь это извѣстно, что введеніе своего лѣтосчисленія и непризнаніе государственнаго календаря въ Китаѣ равносильно непризнанію власти; такимъ образомъ отказавшись признавать лѣтосчисленіе, помянутые удѣлы объявили себя самостоятельными. Въ силу пропусковъ такого рода событій по г. Георгіевскому невозможно и опредѣлить, съ какого же времени начинаетъ падать въ Китаѣ династія Чжоу во первыхъ, а во вторыхъ по тѣмъ же причинамъ у автора являются подъ часъ и не совсѣмъ вѣрныя толкованія. Такъ:

На стр. 105 заявляется, что въ 622-мъ году Цинь'скій князь «Му напалъ на удѣлъ *Жо* и положилъ конецъ его самостоятельному существованію». Но какова была исторія этого удѣла г. Георгіевскій не выясняетъ;

хотя у Цзо-цю-мина онъ могъ найти, что удѣлъ Жо первоначально былъ въ зависимости отъ удѣла Чу, затѣмъ взбунтовался и передался на сторону Цинь. У Цинь'цевъ Жо'сцамъ опять таки не пожилось и они снова переходятъ подъ протекторатъ Чу. Въ 622-мъ году «князь Му вошелъ въ Жо», то есть занялъ его обратно, а не положилъ конецъ его самостоятельному существованію. Жо, очевидно, и до сего времени никогда не существовалъ самостоятельно. И на такихъ то свѣдѣніяхъ г. Георгіевскій обосновалъ цѣлую теорію происхожденія и уничтоженія мелкихъ удѣловъ, схему поглощенія которыхъ сильнѣйшими и изложилъ на стр. 249—255.

Мы думаемъ, что большинство такого рода взглядовъ составилось у г. Георгіевскаго отъ того, что онъ придавалъ слишкомъ много значенія и вѣры китайскимъ толкователямъ исторіи, въ ущербъ довѣрію къ дѣйствительнымъ историческимъ первоисточникамъ. Это пристрастіе его къ толкователямъ несомнѣнно, а иначе мы совершенно не можемъ объяснить, какимъ образомъ въ самомъ изложеніи хода событій въ книгѣ г. Георгіевскаго замѣчается большая путаница. Беремъ для примѣра со стр. 97—98 изложеніе событій 656—652 гг.

«Въ 656-мъ году Ци'скій Хуань собралъ князей удѣловъ Сунъ, Лу, Чэнь, Вэй, Чжэнъ, Сюй и Цао на сеймъ въ мѣстечко Шоу-чжи и провозгласилъ Сяна преемникомъ императора.

Въ 654 году Ци'скій Хуань собралъ князей тѣхъ же удѣловъ вторично на сеймъ въ Тао и здѣсь съ согласія государя, представителемъ котораго явился одинъ изъ придворныхъ чиновниковъ, было утверждено рѣшеніе перваго сейма и закрѣплено клятвою. Такъ какъ Чжэнскій князь удалился съ сейма, не заключивъ клятвы, то Ци'скій Хуань съ войсками удѣловъ Лу, Сунъ, Чэнь, Вэй и Цао сдѣлалъ вторженіе въ удѣлъ Чжэнъ и осадилъ городъ Синь-чэнъ. Вскорѣ осада была снята, потому что Чжэнскій князь не находилъ нужнымъ сопротивляться и указалъ обстоятельства, оправдывавшія его образъ дѣйствій.

Послѣ этого въ 653-мъ году въ мѣстечкѣ Нинъ-у, еще разъ былъ заключенъ клятвенный договоръ между князьями Ци'скимъ, Лу'скимъ, Чэньскимъ (Куанемъ, сыномъ князя правителя) и Чжэнскимъ (Хуа, сыномъ князя правителя)».

Неоспоримо, конечно, что первымъ и несомнѣннымъ источникомъ для всего этого періода должно быть признано китайское лѣтописное сочиненіе Чунъ-цю (春 秋) и вотъ подлинная выписка того мѣста изъ этого сочиненія, которое излагаетъ ходъ представленныхъ событій, въ текстѣ и дословномъ его переводѣ.

五年夏
公及齊侯宋公陳侯衛侯
鄭伯許男曹伯會王世子
于首止
秋八月諸侯盟于首止鄭
伯洮歸不盟
六年夏公會齊侯宋公陳
侯衛侯曹伯低鄭圍新城
七年秋七月公會齊侯宋
公陳世子欵鄭世子華盟
于甯毋
八年春王正月公會王人
齊侯宋公衛侯許男曹伯
陳世子欵盟于洮鄭伯乞盟

Это значитъ: 5-й годъ. Лѣто. Гунъ, Ци'скій хоу, Сунскій гунъ, Чэньскій хоу, Вэйскій хоу, Чжэнскій бо, Сюйскій пань и Цао'скій бо съѣхались съ наслѣдникомъ императора въ Шоу чжи.

Осень. 8-я луна. Удѣльные князья заключили клятву въ Шоу-чжи. Чжэнскій бо удалился (съ сейма) не заключивъ клятвы. (Такъ какъ 5-й годъ правленія Си-гунъ соотвѣтствуетъ 655-му году до Р. X., то слѣдовательно и княжескій сеймъ въ Шоу-чжи былъ въ 655-мъ, а не въ 656-мъ году,— это во первыхъ; а во вторыхъ съ этого же сейма въ Шоу-чжи ушелъ и Чжэнскій князь, а не съ сейма въ Тао 654-го года; таковаго сейма, какъ мы увидимъ, никогда и не бывало).

6-й годъ (654). Лѣто. Гунъ, соединившись съ Ци'скимъ хоу, Сунскимъ гуномъ, Чэньскимъ хоу Вэйскимъ хоу, и Цао'скимъ бо, отправился войною на Чжэнъ и осадилъ Синь-чэнъ.

7-й годъ (653). Осень. 7-я луна. Гунъ, съѣхавшись съ Ци'скимъ хоу, Сунскимъ гуномъ, Чэньскимъ наслѣднымъ принцемъ Куань и Чжэнскимъ наслѣднымъ принцемъ Хуа, заключилъ (съ ними) клятву въ Нинъ-у. (Такимъ образомъ хотя дата г. Георгіевскаго относительно сейма въ Нинъ-у и совпадаетъ съ датою Чунъ-цю, но самыя событія у него все таки перепутаны. Нинъ-у'скій сеймъ былъ до времени окончанія войны съ Чжэньцами, а не тогда, когда осада съ города Синь-чэнъ была снята. Тунъ-цзянь-ганъ-му говоритъ объ этомъ болѣе подробно и сообщаетъ, что присутствовавшіе на сеймѣ въ Нинъ-у князья, именно указывая на бѣдствія войны и города Синь-чэна, убѣждали Чжэн'скаго наслѣдника не упорствовать. Тотъ согласился отъ имени отца и договоръ о прекращеніи военныхъ дѣйствій былъ заключенъ).

8-й годъ (652). Весна. Первая луна Вана. Гунъ, съѣхавшись съ посломъ Вана, Ци'скимъ хоу, Сунскимъ гун'омъ, Вэйскимъ хоу, Сюйскимъ нань, Цао'скимъ бо и Чэньскимъ наслѣднымъ принцемъ Куань, заключилъ (съ ними) клятву въ Тао. Чжэнскій бо просилъ клятвы». (Очевидно, что сеймъ въ Тао былъ позже сейма въ Нинъ-у, а не раньше его, какъ говоритъ г. Георгіевскій, и что на этомъ сеймѣ въ Тао, Чжэнскій бо именно и примирился съ требованіями князей, а не заявилъ на немъ впервые о своемъ нежеланіи подчиниться этимъ требованіямъ. Тунъ-цзянь-ганъ-му добавляетъ при этомъ, что Чжэнскій бо просилъ клятвы на сеймѣ въ Тао именно потому, что онъ не заключилъ этой клятвы въ Шоу-чжи, а между тѣмъ теперь эта клятва была болѣе чѣмъ когда либо необходима. На сеймѣ въ Тао Сянъ-ванъ 襄王 былъ объявленъ императоромъ, а по умершемъ императорѣ Хуй-ванѣ 惠王 былъ объявленъ трауръ. Это послѣднее извѣстіе толкователей довольно подозрительно, такъ какъ по другимъ памятникамъ оказывается, что сеймъ въ Тао былъ въ 1-й лунѣ 652 года, а Хуй-ванъ умеръ только въ 12-й лунѣ того же года. Г. Георгіевскій не выясняетъ этихъ противорѣчій и просто говоритъ, что императоръ Хуй-ванъ умеръ въ 652-мъ году).

Здѣсь наталкиваемся мы еще на ту особенность въ изданіи г. Георгіевскаго, что всѣхъ китайскихъ императоровъ и владѣтельныхъ князей онъ называетъ въ своемъ сочиненіи не иначе какъ ихъ посмертными именами. Для пониманія исторіи это конечно безразлично, но на ряду съ симъ получаются иногда курьезныя вещи. Такъ, на стр. 102-й, въ разсказѣ о приглашеніи Цзинь'цами Чунъ-эрл'а, авторъ говоритъ, что, получивъ это приглашеніе, «Чунъ эрлъ охотно согласился, прибылъ въ цзиньскую столицу и, усвоивъ себѣ имя Вэнь, занялъ въ 634-мъ году престолъ своего отца». Но вѣдь Вэнь есть посмертное имя Чунъ-эрл'а, которое было дано ему только въ 628-мъ году, послѣ его смерти и, по толкованію Цзо-цю-мин'а, за то, что онъ былъ человѣколюбивъ, дѣятеленъ и мудро правилъ своимъ государствомъ. Какимъ же это образомъ самъ-то Чунъ-эрлъ въ 634-мъ году усвоилъ себѣ имя Вэнь?!

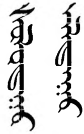
Не смотря на такого рода промахи, работа г. Георгіевскаго представляетъ отраднѣйшее явленіе русской литературы по востоку. Авторъ вполнѣ доказалъ ею свое обширное знакомство съ европейской литературой по избранному имъ предмету изслѣдованія, но самое это изслѣдованіе онъ несомнѣнно произвелъ на основаніи многотомныхъ, историческихъ памятниковъ китайскихъ. Мы говорили уже, что полнотою фактическаго содержанія трудъ г. Георгіевскаго, въ изложенномъ имъ періодѣ, превосходитъ всѣ другія, написанныя на европейскихъ языкахъ исторіи Китая; но за

симъ онъ не ограничивается еще однимъ изложеніемъ фактовъ. Въ V главѣ своего труда г. Георгіевскій указалъ намъ характеръ китайскихъ историческихъ первоисточниковъ и выяснилъ способы пользованія ими для европейца-историка, желающаго излагать фактическую исторію древняго Китая. Здѣсь же, и при томъ единственно въ разсматриваемомъ трудѣ, приведены въ систематическомъ видѣ воззрѣнія на древнюю исторію Китая знаменитѣйшихъ европейскихъ синологовъ. Въ VI главѣ своей книги г. Георгіевскій представляетъ намъ собственныя воззрѣнія на жизнь древняго Китая: указываетъ первоисходные пункты, путь и завершеніе развитія всѣхъ сторонъ внутренней жизни китайскаго народа. Совершенно оригинальный взглядъ его состоитъ въ томъ, что въ первый періодъ китайской исторіи совершался двоякій процессъ: единство (въ отношеніи этнографическомъ, лингвистическомъ, матеріально-культурномъ, территоріально-административномъ въ отношеніи государственнаго строя, формъ внутреннеполитической жизни народа, религіи, нравственности, письменности, философскаго мышленія) постепенно переходило въ многообразіе, а это послѣднее возводилось опять къ единству (но съ инымъ содержаніемъ).

А. Позднѣевъ.

15. Русско-калмыцкій словарь, составленъ по приказанію главнаго попечителя Калмыцкаго народа. Астрахань. 1885. 120 стр. въ 32°.

Книжечка съ такимъ, дышащимъ канцелярщиною заглавіемъ, тѣмъ не менѣе представляетъ собою высокій интересъ для филологической науки. По объему она заключаетъ въ себѣ всего только 120 стр. въ 32-ю долю листа. Составитель ея, несомнѣнно, какой нибудь калмыкъ, служащій переводчикомъ при Главномъ управленіи Калмыцкаго народа въ Астрахани и очевидно человѣкъ съ самымъ ограниченнымъ европейскимъ образованіемъ. При такихъ условіяхъ намъ нечего ожидать отъ его словаря полноты и опредѣленности. Какъ словарь, книжечка имѣетъ въ себѣ гораздо больше недостатковъ, чѣмъ достоинствъ, и первымъ изъ этихъ недостатковъ должно считать то, что расположеніе словъ предложено въ ней не по алфавиту, какъ это принято во всѣхъ европейскихъ словаряхъ, а по порядку предметовъ; отъ этого не только многія слова, подверженныя различному толкованію, повторяются, смотря по ихъ значенію, въ различныхъ отдѣлахъ, но часто одно и тоже слово попадается вдвойнѣ подъ разными грамматическими формами; такъ напр. глаголы въ формѣ причастія буд. врем.

трактуются какъ существительныя ( упущеніе. — Стр. 35) и проч. Мы однако съ удовольствіемъ извиняемъ всѣ эти недостатки составителю словаря, такъ какъ именно благодаря отсутствію научной подготовки онъ и сохранилъ намъ въ своемъ изданіи всѣ тѣ особенности въ языкѣ и письменности астраханскихъ калмыковъ, которыя замѣчаются у нихъ въ настоящее время въ различіе отъ литературнаго Калмыцкаго языка.

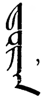
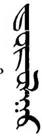
Волжскіе Калмыки отдѣлились отъ своихъ зюнгарскихъ сородичей еще въ 1628-мъ году и съ тѣхъ поръ вообще видались съ ними не часто, при чемъ свиданія эти происходили не иначе, какъ чрезъ немногочисленныя посольства. Понятно, что такого рода общенія не препятствовали развитію языка Волжскихъ Калмыковъ въ особое, отличное отъ зюнгарскаго нарѣчіе. Съ 1771 года, т. е. съ достославной эпохи бѣгства Калмыковъ, даже и такого рода незначительная связь ихъ съ Зюнгаріею прекращается вовсе. По преданію, Калмыки, возвратившіеся съ Волги въ свои родныя кочевья, унесли съ собою и почти всѣ, первоначально принесенные ими памятники калмыцкой литературы, такъ что на Волгѣ осталась только самая незначительная часть переводныхъ и оригинальныхъ произведеній калмыцкой письменности; такимъ образомъ Волжскіе Калмыки лишились возможности даже и изучать правила своей письменности. Предоставленные самимъ себѣ, они начали теперь писать такъ, какъ кажется болѣе правильнымъ пишущему и совершенно не знаютъ законовъ своего правописанія. Все это ясно проглядываетъ въ словарѣ, такъ какъ одни и тѣже слова пишутся здѣсь различно, напримѣръ:

Платье на стр. 12 пишется , а на стр. 13-й .

Верхній—на стр. 13-й , а на стр. 16-й .

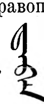
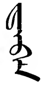
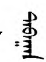
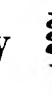
Дождь—на стр. 26-й а на стран. 27-й .

Сокъ на стр. 7 , а на стр. 32-й .

Воля, *желаніе* — на стр. 35-й , а на стр. 36-й , и отсюда на стр. 112 производный глаголъ ;

Законъ на стр. 40-й а на стр. 46 и т. д.

Все это должно соотвѣтствовать современному Зюнгарскому и литературно - калмыцкому , , , , , , .

Этотъ произволъ въ начертаніи словъ настолько видоизмѣняетъ письменную рѣчь Астраханскихъ Калмыковъ, что у современнаго Зюнгарца, если бы прочиталъ онъ нѣкоторыя слова по правописанію Астраханскихъ Калмыковъ, несомнѣнно, должно было бы произойти смѣшеніе понятій. Такъ напр. слово — «холмъ» — согласно астраханско-калмыцкому правописанію, какъ то свидѣтельствуетъ словарь на стр. 22, является въ формѣ  (дабāнъ); но слово , соотвѣтствующее литерат.-монгольскому , у Зюнгаровъ обозначаетъ «перевалъ черезъ гору»; слово же «холмъ» произносится въ ихъ языкѣ и пишется у нихъ (добȍ),что соотвѣтствуетъ монгольскому .

Главнѣйшее отличіе въ нарѣчіи Волжскихъ Калмыковъ отъ зюнгарскаго и литературнаго языка состоитъ прежде всего, какъ это можно видѣть изъ словаря, въ усиленной наклонности Волжскихъ Калмыковъ къ ассимиляціи гласныхъ звуковъ въ каждомъ словѣ. Такимъ образомъ они говорятъ и пишутъ вм. стр. 4; вм. стр. 12; вм. стр. 15; вм. стр. 36; вм. и проч.

Не менѣе ясно можно наблюдать въ ихъ рѣчи выбрасываніе гласныхъ какъ въ слогахъ срединныхъ такъ и конечныхъ. При этомъ можно, кажется, постановить закономъ, что у Волжскихъ Калмыковъ выбрасываніе гласныхъ бываетъ въ короткихъ среднихъ слогахъ въ томъ случаѣ, если предъ этою выбрасываемою гласною и послѣ нея до ближайшей гласной находится только по одной согласной. Напримѣръ (цастай) вм. (цасутай) стр. 7; вм. стр. 50; вм. стр. 51; вм. стр. 55; вм. стр. 107; вм. стр. 35 и проч.

На оборотъ, конечная гласная слова теряется, повидимому, только тогда, когда въ слогѣ, который предшествуетъ новообразующемуся конеч-

ному бываютъ двѣ согласныя буквы. Напр. (куртэль) вм. (куртэлэ) вм. стр. 17, и др.

Разсматривая слова, заключенныя въ новоизданномъ калмыцкомъ словарѣ въ отношеніи ихъ происхожденія, не трудно замѣтить, что у Волжскихъ Калмыковъ сохранилось не мало словъ, очевидно заимствованныхъ у Китайцевъ. Таковы слова рѣдька, — кит. 蘿 蔔; тыква, —кит. (瓜) умывальникъ кит.) 盆).

Также точно въ рѣчь Калмыковъ привзошло и много словъ татарскихъ, а еще болѣе русскихъ. Слова эти или были усвоены Калмыками всецѣло или же въ переводѣ. Не рѣдко обнаруживается при этомъ, что воспринявши русское слово, Калмыки въ тоже время забывали свое родное. Такъ понятіе — «разливъ» (прибыль воды) они выражаютъ теперь, несомнѣнно заимствовавъ отъ русскихъ, словами хотя для обозначенія этого понятія у Калмыковъ было, а у Зюнгаръ еще и сохранилось доселѣ, особое слово — ; понятіе — чиновникъ — выражается теперь словами т. е. «человѣкъ, имѣющій чинъ», хотя въ калмыцкомъ языкѣ есть для этого особое слово — .

Таковы особенности языка и письменности Волжскихъ Калмыковъ насколько мы замѣтили ихъ при самомъ поверхностномъ разсмотрѣніи вышедшаго словаря. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ достоинъ болѣе серіознаго изученія и, можетъ быть, мы еще возвратимся къ нему какъ къ богатому источнику для изученія фонетики и отчасти морфологіи калмыцкаго языка.

А. Позднѣевъ.

16. Творенія Иннокентія Митрополита Московскаго. Книга первая. Москва 1886. VI + 307 стр. 8°.

Г-нъ Барсуковъ, почтенный авторъ прекраснаго жизнеописанія великаго русскаго миссіонера, предпринялъ трудъ, первый томъ котораго изданъ нынѣ, и можно смѣло надѣяться, что въ послѣдующихъ томахъ этого изданія, всѣ интересующіеся русскимъ дѣломъ на Востокѣ найдутъ для себя много поучительнаго и любопытнаго. Изданіе предпринято на иждивеніе графа С. Д. Шереметева, и, безъ всякого сомнѣнія, всѣ кому дорога повѣсть о русскихъ дѣяніяхъ въ Азіи скажутъ ему спасибо за это.

И. М.

17. Сибирскій Сборникъ. Приложеніе къ Восточному Обозрѣнію. 1886. Книга I. Спб. 1886. VII + 216 стр. 8°.

Редакція «Восточнаго Обозрѣнія» задумала прекрасное дѣло: знакомить русское общество съ обширными русскими владѣніями на Востокѣ. Участіе въ изданіи такихъ знатоковъ востока, какъ напр. Г. Н. Потанина, одного изъ нашихъ талантливыхъ путешественниковъ и наблюдателей, или А. М. Позднѣева, извѣстнаго монголиста, ручается за интересъ и солидность литературнаго предпріятія. Первая книга за текущій годъ составлена очень занимательно и представляетъ очень разнообразный матеріалъ для чтенія. Отмѣчаемъ, напр., любопытную статью самого редактора. Въ концѣ книги приложена тщательно составленная библіографія по Сибири.

И. М.

18. Московскій Публичный и Румянцевскій Музей. Нумизматическій кабинетъ. Выпускъ III. Каталогъ восточныхъ монетъ. Москва 1886. 8°. (тип. Гербека) 155 стр. съ I фотог. табл.

Два года тому назадъ Московскій Публичный и Румянцевскій Музей приступилъ къ изданію каталоговъ своихъ довольно уже богатыхъ нумизма-

тическихъ коллекцій, по почину директора его Дашкова и благодаря безвозмездно предложившимъ свое содѣйствіе московскимъ нумизматамъ А. М. Подшивалову и В. К. Трутовскому. Въ настоящее время вышелъ уже третій выпускъ этого каталога, составленный В. К. Трутовскимъ, обнимающій описаніе восточныхъ монетъ собранія музея, достигающихъ числа 4980 экземпляровъ. Въ основаніе этой коллекціи, какъ видно изъ предисловія автора, легло собраніе восточныхъ монетъ основателя музея, гр. Румянцева, состоявшее изъ 753 экземпляровъ. Этой коллекціи уже въ 1825 году былъ сдѣланъ рукописный каталогъ знаменитымъ Х. М. Френомъ, но съ тѣхъ поръ, къ сожалѣнію, многія монеты Румянцевскаго собранія, преимущественно золотыя, успѣли уже утратиться, а потому въ каталогъ г. Трутовскаго не вошли. О дальнѣйшихъ приращеніяхъ музея въ предисловіи автора не говорится, но въ виду того, что въ собраніи его отсутствуютъ вполнѣ монеты династій царствовавшихъ въ отдаленныхъ отъ Россіи странахъ, напр. Аглебидовъ, Мамелюковъ, Фатимидовъ и др. африканскихъ султановъ, но за то находятся въ громадномъ количествѣ монеты, обыкновенно находимыя въ Россіи (аббасидскія, саманидскія, джучидскія, гирейскія и пр.) легко видѣть, что дальнѣйшее пополненіе коллекцій Румянцевскаго музея производилось покупкою кладовъ, находимыхъ въ Россіи, а не пріобрѣтеніемъ какихъ либо иностранныхъ коллекцій. Самую выдающуюся часть всего собранія составляютъ пять золотыхъ монетъ *Фетхъ Али Шаха*, необычайной величины, переданныя по повелѣнію Императора Николая I музею изъ числа монетъ полученныхъ Россіею по туркманчайскому договору 1828 г. Онѣ изображены на приложенной таблицѣ фототипіею.

Описанныя въ каталогѣ монеты, за исключеніемъ сассанидскихъ и нѣсколькихъ неопредѣленныхъ, но во всякомъ случаѣ относящихся къ до-мусульманскому періоду, принадлежатъ различнымъ мухаммеданскимъ династіямъ, изъ которыхъ многія представлены монетами почти всѣхъ своихъ государей. Каталогъ составленъ весьма тщательно, со ссылками на тѣ сочиненія, въ которыхъ издана каждая описанная въ немъ монета и напечатанъ весьма хорошо; арабскія легенды переданы спеціально отлитымъ для этого изданія шрифтомъ, который если и уступаетъ въ красотѣ лучшимъ шрифтамъ Парижа, Оксфорда или Константинополя, то ни чѣмъ не хуже употребляемыхъ въ типографіяхъ Академіи Наукъ и Казанскаго университета. Не можемъ однако-же не указать автору, что онъ оказалъ-бы значительную услугу восточной метрологіи, сообщивъ вѣсъ описанныхъ имъ монетъ, по крайней мѣрѣ, серебряныхъ. Слабую сторону труда г. Трутовскаго составляетъ отсутствіе какой-бы то ни было обще-принятой

системы транскрипціи арабскихъ и другихъ восточныхъ собственныхъ именъ, постоянно встрѣчающихся при описаніи монетъ. Такъ авторъ арабскій членъ ال передъ лунными буквами пишетъ то *эль* (стр. 27), то *эл* (29, 32—33), то *ул* (80) то, наконецъ *улъ* (134). Передъ солнечными-же онъ иногда сливается съ предъидущимъ словомъ (Бедред-динъ, 78; Котбуд-динъ, 79; Абдуръ-Рахманъ, 12) иногда-же стоитъ отдѣльно (Неджм-уд-динъ, 75; Хусамъ-ед-динъ, 76; Гарунъ-ар-Рашидъ, 21), но въ обоихъ случаяхъ мѣняетъ гласныя безъ всякого на то основанія; иногда-же онъ очевидно пропущенъ, напр. въ словахъ بكوفة (13, 14) вм. بالكوفة, ببيار (43) вм. بالبيار. Буквы с и з весьма часто въ транскрипціи смѣшиваются, напр. г. Трутовскій пишетъ Хозрой (3) вм. Хосрой, Сендиды (139) вм. Зендиды. Сійяриды (63) вм. Зійяриды, Эдризиды (35) вм. Эдрисиды. Такое же смѣшиваніе буквъ ح и ه, вполнѣ различныхъ по представляемымъ имъ въ арабскомъ алфавитѣ звукамъ, замѣтно въ именахъ طاهر, переписываемомъ то Тагеръ (28), то Тахиръ (36), بها = Беха (66) вм. Бега, طهماسب = Тахмаспъ (135, 137) вм. Тагмаспъ, مشهد = Мешхедъ (139) вм. Мешгедъ и на оборотъ حيدر передаваемомъ Гайдеръ (127) вм. Хайдеръ, حسين = Гуссейнъ (36) вм. Хосейнъ, حسن = Гассанъ (62) вм. Хасанъ, محمد = Могаммедъ (14) вм. Мохаммедъ, حميد = Гамидъ (132) вм. Хамидъ. Въ одномъ мѣстѣ (66) мы находимъ даже букву غ переданную черезъ х въ словѣ بيغاتكين = Бехатегинъ вм. Бегатегинъ. Также часто попадается въ трудѣ г. Трутовскаго невѣрное передаваніе словъ имѣющихъ *тешдидъ*. Мы находимъ постоянно Моиз (63) вм. Моизз, Мутеввекиль (33) вм. Мутевеккиль. За то въ словахъ, гдѣ его не должно быть, авторъ его употребляетъ и пишетъ Аббассъ (14), Гуссейнъ (36, 63, 136), Эммадъ (78), Хуссамъ (76), Гассанъ (62), Массъудъ (77) вм. Аббасъ, Гусейнъ, Эмадъ, Хусамъ, Гасанъ, Масъудъ. Не менѣе удивительно и то, что, исправляя въ «errata» ничтожныя сравнительно типографскія ошибки, авторъ оставляетъ безъ вниманія такія грубыя опечатки каковы напечатанныя крупнымъ шрифтомъ въ заглавіяхъ отдѣловъ имена собственныя Зулаткафъ (2) вм. Зульактафъ, Килидждъ (74) вм. Килиджъ, Эммад-дунья (78) вм. Эмад-ед-дунья, Шейбадиды (126) вм. Шейбаниды и проч. Нѣсколько ошибокъ, вѣроятно типографскихъ, встрѣчается также въ названіяхъ городовъ чекана, напр. بختّن вм. بالختّل (41), بتونكتا يلاق вм. بتونكت ايلاق (46). Совершенно не понятна для насъ транскрипція слова بن = бн (14, 77) употребленная впрочемъ только въ нѣкоторыхъ случаяхъ, и не имѣющая никакого основанія.

Если мы обратимся теперь къ разсмотрѣнію переводовъ, сдѣланныхъ авторомъ съ арабскаго языка на русскій, то увидимъ, что они тоже не

всегда удачны. Такъ, между прочимъ, Джелаль-ед-динъ (87) не значитъ «слава религіи» какъ переводитъ этотъ султанскій титулъ г. Трутовскій, а «величіе вѣры». Слова فلوس عدلية на монетѣ № 3833 переведены «*фельсъ истинный*» откуда читатель, не знакомый съ арабскимъ языкомъ, можетъ заключить, что онѣ ставились на монетѣ для удостовѣренія ея неподдѣльности, на самомъ-же дѣлѣ это выраженіе слѣдуетъ перевести «*фельсъ точности*» т. е. фельсъ точнаго законнаго вѣса. На монетѣ № 3857 фраза ياقاضي حاجات переведена: «О ты заботящійся о всѣхъ нуждахъ!» тогда какъ она значитъ: «О ты распорядитель дѣлъ» (arbiter rerum). Еще менѣе точно переведена извѣстная фраза, постоянно слѣдующая въ арабскихъ текстахъ послѣ упоминанія о Мухаммедѣ صلى الله عليه وسلم стоящая на м. № 3820. Г. Трутовскій переводитъ ее «Молитва Бога (?!) надъ нимъ и привѣтъ» вм. «да благословитъ его Богъ и да спасетъ его». Легенду الجنيد بن خلد عامل الامام на м. № 110, слѣдуетъ переводить не «Эль-Джанейдъ, сынъ Халеда, *намѣстника Имама*» а «*Эль-Джонейдъ, сынъ Халеда, намѣстникъ имама*». Наконецъ намъ остается еще указать автору на его неточный переводъ легенды на м. № 337 ولى الدولة = «*другъ государства*» вм. «*правитель государства*», переводъ тѣмъ болѣе не вѣрный, что послѣднее выраженіе на востокѣ часто имѣетъ значеніе прямо противоположное первому.

Въ заключеніе настоящей рецензіи, замѣтимъ еще, что диргемъ, описанный подъ № 77, не былъ битъ халифами «Гишамомъ и Валидомъ II» равно какъ другой диргемъ № 78 «Валидомъ II, Іезидомъ II и Ибрагимомъ», такъ какъ всѣ эти халифы вмѣстѣ не царствовали, а наслѣдовали одинъ другому: по этому союзъ *и* слѣдуетъ въ обоихъ случаяхъ замѣнить союзомъ *или*, а имя халифа Іезида II замѣнить именемъ Іезида III, которому одному только изъ Іезидовъ можно приписывать диргемъ 126 года, въ которомъ онъ царствовалъ нѣсколько мѣсяцевъ между халифами Валидомъ и Ибрагимомъ.

А. М.

7 Апрѣля 1886,
С.-Петербургъ.

19. Туркестанъ. Геологическое и орографическое описаніе по даннымъ собраннымъ во время путешествій съ 1874 по 1880 г. И. В. Мушкетова. Томъ первый. Въ двухъ частяхъ. Съ приложеніемъ общей геологической карты Туркестанскаго бассейна, 42 гравюръ въ текстѣ, двухъ литографированныхъ таблицъ и одной хромолитографіи. СПБ. 1886. XXVI + 742 стр. больш. 8⁰.

Не смотря на строго спеціальный, судя по заглавію, характеръ, ка-

питальный трудъ И. В. Мушкетова заслуживаетъ также полнаго вниманія и нашихъ оріенталистовъ интересующихся Средней Азіей. *Первая* часть лежащаго предъ нами 1-го тома дастъ въ 8 главахъ, стр. 1—311, весьма полезный историческій обзоръ изслѣдованій Туркестана съ древнѣйшихъ временъ до 1884 г., причемъ авторъ останавливается особенно на трудахъ новѣйшаго времени, съ 40-хъ годовъ.—Во второй части (стр. 316—718) мы находимъ описаніе наблюденій автора въ Аральскомъ или Туранскомъ бассейнѣ: глава IX-ая содержитъ путевыя замѣтки отъ Оренбурга до Самарканда, X-ая посвящена г. Самарканду, XI-ая и XII-ая западнымъ предгоріямъ Тянь-шаня, XIII-ая Ферганской долинѣ, XIV-ая западнымъ предгоріямъ Памиро-Алая, XV-ая и XVI-ая долинѣ Аму-Дарьи отъ Термеза до Петро-Александровска, XVII-ая и XVIII-ая Кызылкумамъ и XIX-ая наконецъ содержитъ «заключеніе», дающее «общіе выводы объ исторіи происхожденія Туранскаго бассейна, объ условіяхъ происхожденія новѣйшихъ осадковъ въ немъ и процессахъ переживаемыхъ имъ въ настоящее время».

Оріенталисты должны быть особенно благодарны автору за то, что онъ по мѣрѣ возможности обращалъ вниманіе также и на древности, находимыя или находящіяся въ описываемыхъ имъ мѣстностяхъ. Отмѣтимъ особенно главу о Самаркандѣ, въ которой сообщаются весьма интересныя подробности. См. н. пр. стр. 396 и сл. о древнихъ надгробныхъ камняхъ съ надписями, относящимися по отзывамъ мѣстныхъ знатоковъ къ X, XI и XII вѣкамъ. Если бы между ними дѣйствительно были надписи 10-го вѣка по Р. Хр., то онѣ представляли бы большую важность для арабской палеографіи, но къ сожалѣнію переводъ древнѣйшей изъ этихъ надписей, отъ 300 г. гиджры, сообщенный на стр. 397, внушаетъ сомнѣнія насчетъ искусства мѣстныхъ знатоковъ, сомнѣнія еще усиливаемыя скромностью переводчика, который къ своему переводу прибавляетъ: «я не выдаю своего чтенія за вѣрное; быть можетъ нѣкоторыя слова означаютъ совершенно иное» (sic).—Автору, какъ неоріенталисту, разумѣется трудно было при передачѣ восточн. собственныхъ именъ избѣгнуть нѣкоторыхъ недоразумѣній: онъ пишетъ н. пр. подъ вліяніемъ транскрипціи своихъ источниковъ *Маккадази* и *Эдризи*, вм. *Мокаддаси* и *Эдриси*, стр. 58, и др., *Хуссейнъ* (стр. 398) но *Гассан-куля* (стр. 92) вм. *Хусейнъ* и *Хасан-куля*, *Назръ-Улла*, вм. *Насруллахъ* (стр. 369) и т. п.; непонятное «менху» въ переводѣ надписи на стр. 397 очевидно описка вм. «шейху». На стр. 578 говорится о гробницѣ «*Термеза*» и замуравленной комнатѣ, гдѣ «по народному повѣрью сидитъ самъ Термезъ». Тутъ повидимому идетъ рѣчь объ уроженцѣ города Термеза [1]), прosла-

1) Арабы произносили «*Тирмизъ*».

вившемся составленіемъ одного изъ шести канонических сборниковъ преданій и извѣстномъ всему мусульманскому міру подъ именемъ *Термези*, т. е. *Термезца*, (✝въ 279 г. г. = 892), хотя опять таки сомнительно, чтобы надпись[1]), находящаяся нынѣ на гробницѣ, дѣйствительно принадлежала именно этому Термезцу, а не какому нибудь другому, позднѣйшему святому. — Первый томъ заканчивается двумя превосходными указателями (личныхъ и географическихъ собств. именъ). — Усердно рекомендуя нашимъ оріенталистамъ чтеніе «*Туркестана*» г. Мушкетова, мы въ заключеніе позволимъ себѣ обратить вниманіе ученаго автора на вышедшее въ 1881 году описаніе путешествія супруговъ *Блёнтъ*[2]) въ центральную Аравію, которое, быть можетъ, ускользнуло отъ вниманія геологовъ, интересующихся *барханными* типами. Во второмъ томѣ помѣщена на стр. 242—245 замѣтка объ одномъ сильно поразившемъ путешественниковъ въ арабск. пустынѣ явленіи, которое представляетъ разительное сходство съ средне-азіатскими *барханами* изъ красноватаго песка.

В. Р.

20. Сборникъ свѣдѣній о Кутаисской губерніи. Вып. второй. Кутаисъ. 1885. 221 стр. 16°.

Этотъ выпускъ содержитъ, какъ и первый, нѣсколько статей и замѣтокъ небезинтересныхъ въ археолог. отношеніи, именно, стр. 91—113 «*Отрывокъ изъ путешествія по Имеретіи. М. Е Майсурова*, и стр. 208—221 *Мухурскій замокъ*, но онѣ обѣ повидимому — лишь передѣланы (съ указаніемъ источника) изъ статей, напечатанныхъ въ газетѣ *Кавказъ* за 1851 г. и поэтому едва-ли имѣютъ самостоятельное научное значеніе.

В. Р.

21. Извѣстія восточно-сибирскаго отдѣла Имп. Р. Геогр. Общ. Т. XV. №№ 5—6, 1884 года. Иркутскъ 1885. 80 стр. 4°.

Содержитъ, кромѣ протоколовъ отдѣла и метеорологическихъ таблицъ, X—XIII-ыя главы поѣздки въ Монголію въ 1883 г. Я. П. Дуброва и крайне любопытную по своей богатой фантастичности и образности языка якутскую сказку *Юрюнгъ-Іоланъ*, часть I-ая, въ переводѣ и съ примѣчаніями Н. Горохова. Какъ самая сказка такъ и примѣчанія къ ней представляютъ богатый матеріалъ для лингвиста, этнографа и изслѣдователя сказочной литературы. **В. Р.**

---

1) Всѣ надписи сняты г. Ляпуновымъ, говоритъ авторъ. Гдѣ находятся эти копіи?

2) *Lady Anne Blunt*, A pilgrimage to Nejd etc. London 1881.

22. То-же. Т. XVI, № 1, 2 и 3, 1885 года. Иркутскъ 1886. 327 стр. 8⁰.

Содержитъ 1) Краткій отчетъ о геологическихъ экскурсіяхъ, совершенныхъ на средства В. С. О. И. Р. Г. О. въ 1883 и 1884 г. г. В. Златковскаго. 2) Поѣздка въ Монголію Я. П. Дуброва, главы XIV—XXII. Обращаемъ вниманіе археологовъ на описаніе китайскихъ городищъ въ долинѣ рѣки Буксой, которое читается на стр. 24—29[1]).—3) Естественно-историческія наблюденія и замѣтки сдѣланныя на пути отъ г. Иркутска до села Преображенска на р. Нижней Тунгускѣ, И. Д. Черскаго, стр. 238—309. На стр. 274 и сл. авторъ говоритъ о добытыхъ имъ издѣліяхъ (изъ нефрита) неолитическаго обитателя долины рѣки Нижней Тунгуски, но таблица, на которой они срисованы въ натуральную величину, отсутствуетъ въ нашемъ экземплярѣ. — Среди «разныхъ извѣстій» отмѣтимъ замѣтку г. Нестерова «могила Карабаяна», стр. 319—20, съ рисунками.

В. Р.

23. Свѣдѣнія о памятникахъ грузинской словесности. А. А. Цагарели. Вып. первый. Съ палеографическою таблицею. СПБ. 1886. LIV+96+56 стр. 8⁰.

Глубокое убѣжденіе въ крайней необходимости приведенія въ извѣстность, путемъ каталогизаціи, всѣхъ сохранившихся памятниковъ восточныхъ литературъ, и искреннее сочувствіе ко всякимъ работамъ этого рода побуждаютъ насъ сказать нѣсколько словъ о новой книгѣ А. А. Цагарели, первый выпускъ которой лежитъ передъ нами. Она содержитъ 1) Введеніе, въ которомъ говорится о матеріалахъ для разработки исторіи грузинской литературы, *бывшихъ* извѣстными до 70-хъ годовъ и *сдѣлавшихся* извѣстными благодаря, главнымъ образомъ, трудамъ автора, въ послѣднее десятилѣтіе, дается обзоръ и короткая характеристика разныхъ періодовъ развитія грузинской письменности, оригинальной и переводной, и грузинскаго печатнаго дѣла. 2) *Описаніе* книгъ духовнаго содержанія изъ коллекцій кн. Грузинскаго, Дадіановской, Аѳонской и др. 3) *Каталогъ* аѳонской груз. коллекціи, составленный авторомъ въ 1883 г. и 4) *три приложенія* (груз. текстъ каталога грузинск. аѳонскихъ рукописей, составленнаго въ 30-хъ годахъ текущаго столѣтія, груз. текстъ книги Пѣсни Пѣсней по списку Аѳонской Библіи 978 г., и палеографическая таблица).

---

1) Упомянутые въ описаніи чертежи и планы «приложенные для ясности», въ нашемъ экземплярѣ къ сожалѣнію не находятся.

Не нужно быть знатокомъ грузинскаго языка, чтобы видѣть, что тутъ собрано множество новыхъ фактовъ, но оцѣнку всего ихъ значенія мы предоставимъ конечно спеціалистамъ. Но мы не можемъ не выразить сожалѣнія по поводу того, что авторъ не заблагоразсудилъ дать намъ *полные* переводы тѣхъ очевидно весьма важныхъ записей, которыя находятся въ нѣкоторыхъ изъ описанныхъ имъ аѳонскихъ древнихъ рукописей. На стр. 90 н. пр. (№ 69) цитуются записи на одномъ кодексѣ, 977 г., дающія «интересныя историческія свѣдѣнія о Торникіѣ, строителѣ Иверскаго монастыря на Аѳонѣ». «Въ этихъ записяхъ», читаемъ мы нѣсколько ниже (стр. 91) «говорится впервые, м. пр. о походѣ и пораженіи Варда Склира Торникіемъ». Что говорится? и какъ говорится? Мы думаемъ, что *византинисты сказали бы автору большое спасибо, если-бы онъ потрудился перевести всѣ подобныя записи*, представляющія несомнѣнное значеніе для византійской исторіи.

Въ заключеніе позволимъ себѣ обратить вниманіе автора на одну ошибку допущенную имъ на стр. XXXII: «.....*древне-персидская литература*, читаемъ мы тамъ, *въ которой національная исторіографія начинается историко-эпическою поэмою Шах-намэ*». Та персидская литература, къ которой принадлежитъ *Шах-намэ*, обыкновенно называется *ново-персидской*, и въ ней за долго до Шах-намэ существовали подробныя историческія сочиненія, какъ мы весьма опредѣленно знаемъ изъ арабскихъ историковъ. Сошлемся для краткости только на введеніе Нёльдеке къ его переводу исторіи Сассанидовъ по лѣтописи *Табари*.

Эта маленькая поправка казалась намъ необходимой въ виду довольно рѣзкаго приговора автора надъ попытками оцѣнки значенія грузинской исторической литературы со стороны ученыхъ, не знающихъ грузинскаго языка (стр. XXXIII и XXXIV). Съ высказанными тамъ мыслями мы никакъ не можемъ согласиться безъ весьма существенныхъ оговорокъ: при существованіи надежныхъ переводовъ и комментаріевъ *историкъ*, даже не знающій ни единой буквы даннаго языка, имѣетъ полное и неотъемлемое право и даже обязанность судить о достоинствѣ этихъ переведенныхъ историческихъ памятниковъ. Сдѣланныя на основаніи *этого* матеріала *обобщенія* могутъ впослѣдствіи, по открытіи новыхъ памятниковъ, оказаться не вполнѣ вѣрными, но воздерживаться отъ всякихъ обобщеній до приведенія въ извѣстность *всѣхъ* сохранившихся памятниковъ, тоже невозможно. Во избѣжаніе вредныхъ послѣдствій отъ присущаго всякому человѣку, а слѣдовательно и филологу, пристрастія къ излюбленному имъ предмету занятій, даже желательно, чтобы историческіе результаты добытые филологами-спеціалистами отъ времени до времени провѣрялись и обсуждались истори-

ками съ другой, болѣе широкой точки зрѣнія. И если подобная провѣрка, подобный разборъ, сдѣланы будутъ съ должной осмотрительностью и внимательностью, то они не только не вызовутъ ни чьей улыбки, но даже заслужатъ полной благодарности. За примѣрами ходить приходится не далеко: достоинство и значеніе нѣкоторыхъ арабскихъ[1]) историковъ были гораздо лучше освѣщены историками, не знавшими по арабски, чѣмъ арабистами.

В. Р.

24. Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Томъ сорокъ первый. Спб. 1884. XXII+558+82 стр. больш. 8°.

Одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ русской исторіи составляетъ отраженіе исконныхъ, многовѣковыхъ соприкосновеній нашего отечества съ азіатскими ордами, изъ коихъ наиболѣе видное мѣсто принадлежитъ, безъ сомнѣнія, нашимъ бывшимъ поработителямъ, татарамъ. Не смотря на многіе почтенные труды, касавшіеся и этой стороны нашего былого-прошлаго, все же еще довольно остается вопросовъ историческихъ и бытовыхъ, требующихъ дальнѣйшей разработки и изслѣдованія. Въ нашемъ языкѣ, оффиціальномъ и обыденномъ, не мало элементовъ, ведущихъ свое происхожденіе изъ татарскаго источника, а такое явленіе не могло быть дѣломъ простой случайности: оно находится въ тѣсной связи съ фактами жизни и исторіи; а потому наиболѣе надежнымъ средствомъ уразумѣнія этихъ фактовъ будетъ обращаться къ вышеназванному источнику. Татарское племя, господствовавшее надъ русскимъ народомъ, давно сошло со сцены, занявъ второстепенное, подчиненное относительно этого народа, положеніе. Вмѣстѣ съ этимъ время поглотило не мало памятниковъ прошлой жизни и исторіи татарской. У самихъ татаръ менѣе чѣмъ гдѣ-либо сохранилось такихъ памятниковъ, во всякомъ случаѣ несравненно менѣе чѣмъ въ произведеніяхъ дѣловой и литературной письменности русскихъ. Къ числу послѣднихъ принадлежатъ оффиціальные документы, вошедшіе въ составъ сорокъ перваго тома Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Правда, что и раньше кое-что изъ содержащагося въ этомъ томѣ матеріала было извѣстно по отрывочнымъ выдержкамъ въ трудахъ Карамзина, Вельяминова-Зернова и другихъ ученыхъ изслѣдователей, но по этимъ отрывкамъ нельзя было представить себѣ такой полной картины отношеній московскаго государства къ послѣдней отрасли Золотой Орды, къ Ордѣ

---

1) Ограничиваюсь указаніемъ на *арабскихъ* авторовъ потому, чтобы быть совершенно обезпеченнымъ отъ обвиненія въ томъ, что «разсуждаю съ большою развязностью о предметахъ, совершенно выходящихъ изъ сферы моей компетентности» (стр. XXXIV).

крымской въ періодъ 1474—1505 годовъ, какая раскрывается предъ нами въ цѣлой, если можно такъ выразиться, оффиціальной эпопеѣ, заключающейся въ названномъ томѣ Сборника. Подлинными документами переписки великокняжескаго двора съ крымско-ханскою канцеляріею рѣшаются нѣкоторые частные вопросы, доселѣ остававшіеся нерѣшенными и темными, напримѣръ объ окончательномъ утвержденіи Менглы-Герая I на ханствѣ, о конечной судьбѣ его брата и соперника Нуръ-Даулета. Съ помощію ихъ довольно ясно опредѣляется политическая роль Оттоманской Порты, взявшей въ свои руки верховенство надъ остатками нѣкогда могущественнаго государственнаго тѣла, принадлежавшаго родственному туркамъ племени татарскому, съ цѣлію эксплоатаціи этихъ остатковъ въ своихъ собственныхъ политическихъ разсчетахъ. Тутъ мы находимъ въ русскихъ переводахъ памятники первыхъ сношеній московскаго государства съ Турціей (№ 50), турецкіе подлинники которыхъ на всегда и безвозвратно утрачены, если только они не откроются когда-нибудь въ непочатыхъ архивахъ Блистательной Порты. Нѣтъ бѣды въ томъ, что документы, вошедшіе въ сорокъ первый томъ Сборника, нѣсколько однообразнаго характера, что и естественно, такъ какъ они принадлежатъ къ одной категоріи дипломатическихъ грамотъ. Зато опредѣленность тона переписки сносившихся между собою сторонъ, со временемъ должна будетъ совершенно измѣнить установившійся въ ученой и учебной исторической литературѣ взглядъ на Крымское ханство какъ на грозную, могущественную силу, съ которой надо было серьезно бороться московскому государству для полнаго обезпеченія своей политической независимости. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, приписать простой только формальной вѣжливости тѣ мало что дружественныя, а, можно сказать, заискивающія обращенія членовъ царствовавшей въ Крыму татарской династіи и другихъ важныхъ и вліятельныхъ тамъ по положенію своему лицъ къ великому князю московскому, у котораго многія татарскія особы ханскаго рода, какъ мужчины такъ и женщины, подолгу проживали то въ почотномъ плѣну (см. № 6), то просто въ гостяхъ (см. напр. № 42 и № 100). При грозномъ, притязательствующемъ на господство, какъ обыкновенно думаютъ, отношеніи Крымскаго юрта къ Москвѣ едва-ли мыслимы были сношенія по предметамъ частнаго, семейнаго свойства (№ 9 и 100), или частно-дѣловаго характера, связаннаго съ извѣстнаго рода взаимными и любезными услугами (Ibidem). Самое слово *дань*, которымъ принято именовать тѣ подачки, которыя снисходительно покровительственно дѣлались московскимъ дворомъ вельможеству Крымскаго юрта, должно быть совершенно оставлено: такъ мало признаковъ притязательной требовательности въ тонѣ ханскихъ грамотъ, въ которыхъ ханы и ихъ родичи печалуются

в. князю московскому на свои стѣсненныя денежныя обстоятельства и просятъ, клянчатъ (не даромъ и самое слово *клянча* татарскаго же происхожденія) объ оказаніи имъ матеріальнаго пособія. Наконецъ множество татарскихъ собственныхъ именъ въ русской передѣлкѣ могутъ представлять довольно любопытный матеріалъ для чисто филологическихъ наблюденій надъ фонетическою природою русскаго языка, какъ она проявляется въ своеобразныхъ видоизмѣненіяхъ и искаженіяхъ словъ татарской формаціи. Въ этихъ видахъ, намъ кажется, было бы лучше, если бы къ существующимъ указателямъ, личныхъ именъ и географическихъ, кстати уже присоединялся указатель всѣхъ словъ, заимствованныхъ русскими отъ татаръ, которыхъ не мало оказывается въ изданномъ томѣ Сборника; да и въ тѣхъ указателяхъ лучше бы не дѣлать сокращеній, въ видѣ пропуска именъ прилагательныхъ, произведенныхъ отъ собственныхъ именъ существительныхъ, какъ, напримѣръ, *бурской* (стр. 409), *мазярской*, *лятцкой* (265). Равнымъ образомъ не слѣдуетъ на будущее время пропускать и самыхъ собственныхъ именъ, какъ пропущено, напр., интересное имя *Кудайдатъ* (стр. 416, Нобосъ *Кудайдатовъ* сынъ, 524 Неболсу *Кудайдатова*). Между тѣмъ слова *Ареизъ* (правильнѣе: *реисъ*=«капитанъ корабля 409) и *Кервасара* (правильнѣе: каравапъ-сарай»=постоялый дворъ и складочный магазинъ для товаровъ), изъ коихъ первое помѣщено въ указателѣ собственныхъ именъ личныхъ, а второе — географическихъ, собственно говоря, не совсѣмъ-то по праву занимаютъ отведенныя имъ мѣста въ указателяхъ. Такимъ образомъ сорокъ первый томъ Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, обязываетъ всѣхъ, интересующихся тою стороною русской исторіи, какою она соприкасается съ нашимъ отечественнымъ орьентализмомъ, къ самой глубокой признательности и благодарности этому обществу и тѣмъ лицамъ, которые приняли на себя почтенный трудъ редактированія напечатанныхъ въ немъ документовъ, съ Г. Ѳ. Карповымъ во главѣ. Остается только желать, чтобы дѣло не остановилось на 1505 году, и чтобы мы въ недалекомъ будущемъ имѣли удовольствіе видѣть продолженіе этого во всѣхъ отношеніяхъ прекраснаго предпріятія.

В. С.

25. Dr. **W. Solf**, Die Kaçmîr-Recension der Pañcâçikâ. Kiel. 1886. XXVI + 34 стр. 8°.

Новое тщательное изданіе извѣстной индійской поэмы съ переводомъ и критическимъ изслѣдованіемъ объ ея различныхъ изводахъ заслуживаетъ полнаго вниманія всѣхъ любителей индійской поэзіи. Для русскихъ читателей индійская пѣсня угнетенной любви можетъ имѣть особливый интересъ:

Панчâçикâ, если не по своей искусственной формѣ, то по содержанію напоминаетъ наши пѣсни о «молодцѣ и королевнѣ». (См. Гильфердингъ №№ 155, 162, 263 и т. д.) или былины о «князѣ Волконскомъ и Ванѣ Клюшниченкѣ». (См. пѣсни собранныя Кирѣевскимъ. В. 5, стр 128 и сл.).

И. М.

26. C. Bendall, A journey of Literary and Archeological Research in Nepal and Northern India, during the winter of 1884—85. Cambridge 1886. VIII + 100 стр. 8°.

Извѣстный авторъ обстоятельнаго и прекраснаго описанія буддійскихъ рукописей въ Кембриджской университетской библіотекѣ зимою 1884 - 85 г. совершилъ очень интересную поѣздку съ археологическою цѣлью въ Непалъ и въ Сѣверную Индію. Нынѣ изданное описаніе его путешествій и разысканій, несомнѣнно, прочтется всѣми спеціалистами съ большимъ удовольствіемъ. Изслѣдователи буддизма, конечно, не безъ нѣкоторой грусти должны будутъ убѣдиться, въ томъ, что г. Бендалю не удалось, послѣ тщательныхъ поисковъ д-ра Д. Райта, найти въ Непалѣ ни одной буддійской рукописи, нынѣ неизвѣстной или не находящейся въ какомъ либо изъ Европейскихъ книгохранилищъ. Новинкою, хотя отчасти уже извѣстною, слѣдуетъ какъ кажется, признать тотъ комментарій на Пражнâ пâрамиту, о которомъ г. Бендаль говоритъ на стр. 20 своей книги: называя авторомъ сочиненія *Haricandra*, онъ считаетъ самое сочиненіе за тождественное съ находящимся въ Калькуттѣ и описаннымъ Ражендралальмитрою. (Doubtless the same as the commentary at Calcutta). Оба сочиненія имѣютъ, дѣйствительно, одно и тоже заглавіе, но въ калькуттской рукописи, судя по имѣющемуся у насъ списку, имя автора другое: Devîprâsada. — Для отысканія неизвѣстныхъ ученому міру буддійскихъ сочиненій на санскритскомъ языкѣ, какъ кажется, слѣдуетъ теперь попытать счастье не въ Большой долинѣ, а въ другихъ мѣстахъ Непала. Г-нъ Бендаль, впрочемъ, вывезъ оттуда много драгоцѣнныхъ, старинныхъ рукописей и его палеографическія розысканія представляютъ прекрасное дополненіе къ прежнимъ, уже по достоинству оцѣненнымъ. — Книга издана прекрасно и фотографіи надписей, сдѣланныя авторомъ, имѣютъ немаловажное научное значеніе.

И. М.

27. Das Aegyptische Todtenbuch der XVIII bis XX Dynastie, aus verschiedenen Urkunden zusammengestellt und herausgegeben von Eduard

Naville, Berlin, Verl. v. A. Asher und C⁰. 1886. 2 bd. 1-er Bd. Text und Vignetten. CCXII Pl. — 2-ter Bd. Varianten. 448 pag.

На второмъ международномъ конгрессѣ оріенталистовъ въ Лондонѣ въ 1874 г. было, по предложенію извѣстнаго берлинскаго египтолога Лепсіуса, поручено женевскому египтологу Навилю составить и критически издать полный сборникъ всѣхъ религіозныхъ текстовъ, входившихъ во времена наибольшаго процвѣтанія ѳивскихъ династій (XVIII до XX дин.), въ составъ священнѣйшей книги древнихъ египтянъ, такъ называемой «книги мертвыхъ». Принятый съ готовностью трудъ этотъ теперь добросовѣстно доведенъ Навилемъ до конца, и вотъ, результатомъ его стараній на дняхъ появились въ свѣтъ два прекрасно исполненныхъ толстыхъ тома in-folio, изданныхъ подъ заглавіемъ: Das Aegyptische Todtenbuch и т. д. Для составленія этихъ двухъ томовъ Навилю пришлось объѣздить и осмотрѣть не только главнѣйшіе египетскіе музеи Европы, какъ-то: Лейденскій, Британскій, Луврскій, Туринскій, Флорентійскій и другіе, но и въ самомъ Египтѣ, кромѣ рукописей Булакскаго музея, еще сравнить до него никѣмъ еще не изданные довольно пространные списки «книги мертвыхъ», встрѣчающіеся на стѣнахъ нѣкоторыхъ ѳивскихъ гробницъ.

Судя по перечню, приложенному къ I-ому тому, Навилю удалось такимъ образомъ ознакомиться съ 77 рукописными экземплярами «книги мертвыхъ» временъ ѳивскихъ династій. Изъ всего этого числа 67 экземпляровъ приходятся на европейскіе музеи, а остальные на Египетъ.

Въ первомъ томѣ своего изданія, Навиль по фотографіямъ съ оригиналовъ издалъ факсимиле отдѣльныхъ главъ «книги мертвыхъ», выбирая изъ обширнаго собраннаго имъ матеріала для каждой главы наиправильнѣйшую и наиполнѣйшую редакцію, а иногда и нѣсколько хорошихъ редакцій данной главы. Такимъ образомъ первый томъ составляетъ какъ бы сводный полный экземпляръ «книги мертвыхъ» въ 186 главъ, въ такой редакціи, которая можетъ быть принятой за основную при изученіи этой священной книги древнихъ египтянъ. Съ изданной въ первомъ томѣ, основной редакціей «книги мертвыхъ», Навиль далѣе сравнилъ всѣ прочія извѣстныя ему редакціи «книги мертвыхъ» временъ ѳивскихъ династій и добытые такимъ способомъ варіанты вмѣстѣ съ повтореннымъ еще разъ основнымъ текстомъ издалъ во второмъ томѣ. Каждая страница въ этомъ второмъ томѣ раздѣлена на большее или меньшее число вертикальныхъ колонокъ, судя по количеству извѣстныхъ редакцій одной и той-же главы, причемъ въ первой колонкѣ помѣщается пословно раздѣленный текстъ основной редакціи, а въ остальныхъ колонкахъ — варіанты.

Для египтологовъ трудъ Навиля чрезвычайно важенъ. Во первыхъ, онъ

даетъ несравненно болѣе древній и болѣе правильный текстъ «книги мертвыхъ» въ сравненіи съ тѣмъ довольно позднимъ текстомъ, который еще въ 1842 году изданъ былъ Лепсіусомъ по одному туринскому папирусу, и который одинъ служилъ какъ нѣкогда Бёрчу такъ и недавно (въ 1882) Піеррэ при ихъ переводахъ «книги мертвыхъ».

Во вторыхъ, изъ изданія Навиля содержащаго въ себѣ съ варіантами текстъ 186-ти главъ, мы знакомимся болѣе чѣмъ съ двумя десятками новыхъ, до сихъ поръ еще почти незамѣченныхъ главъ, не вошедшихъ въ составъ туринскаго папируса, который ихъ содержитъ лишь 165.

Наконецъ сами варіанты до крайности поучительны: съ одной стороны они опредѣляютъ въ иныхъ случаяхъ вѣрное чтеніе нѣкоторыхъ до сихъ поръ еще не разобранныхъ знаковъ и словъ, а съ другой стороны, по нимъ нерѣдко интересно бываетъ прослѣдить, какъ иногда небольшая ошибка попавшая въ священную книгу, вслѣдствіе-ли простой описки или недослышки писавшаго подъ диктовку древняго писца, давало дальнѣйшему переписчику, равно какъ и нынѣ разбирающему эти тексты, поводъ къ двоякому толкованію ихъ.

В. Г.

28. Замѣтка объ изданіяхъ Pâli Text Society и литературѣ по Джайнизму.

Journal of the Pâli Text Society. London 1882. VIII + 128. 1883. XVI + 160. 1884. XVI + 173.

1. The Buddhavaṃsa and the Cariyâ-Piṭaka ed. by the Rev. R. Morris. pt. I, text. London, 1882. XX + 103.

2. The Âyâraṃga Sutta of the Çvetâmbara Jains ed. by H. Jacobi. pt. I, text. London 1882. XVI + 139.

3. The Thera- and Therî - Gâthâ (stanzas adscribed to elders of the Buddhist order of recluses) ed. by H. Oldenberg and R. Pischel. London 1883. XV + 221.

4. The Puggala-Paññatti pt. I, text ed. by the Rev. R. Morris. London 1883. XV + 94.

5. The Aṅguttara-Nikâya ed. by the Rev. R. Morris. pt. I. Ekanipâta and Dukanipâta London 1883. XII + 128.

6. The Sutta-Nipâta ed. by v. Fausböll. pt. I, text. London 1884 (printed Copenhagen). XIX + 209.

7. The Saṃyutta-Nikâya of the Sutta-Piṭaka, pt. I. Sagâtha-vagga ed. by L. Feer. London 1884. XVI + 258.

Въ 1881 г. въ Англіи, главнымъ образомъ по почину извѣстнаго изслѣдователя Буддизма и Палійской литературы Р. Дэвидса (Rhys Davids), было основано подъ названіемъ Pâli Text Society общество, поставившее себѣ цѣлью издать не напечатанные до сихъ поръ палійскіе памятники, присоединивъ къ нимъ по возможности и Джайнскіе. Ученые всѣхъ странъ охотно откликнулись на призывъ и полезное международное научное

предпріятіе стало скоро на твердую почву. Среди подписавшихся членовъ явилось не мало цейлонскихъ Буддистовъ-монаховъ, оказавшихъ уже дѣятельное содѣйствіе и деньгами и присылкою рукописей.

Для свѣдѣній о ходѣ дѣла, печатанія мелкихъ статей, замѣтокъ и текстовъ, а также для описанія неизвѣстныхъ еще въ печати коллекцій па̂лійскихъ рукописей было рѣшено издавать журналъ — Journal of the Pâli Text Society, три тома котораго за года 1882, 1883, 1884 лежатъ уже передъ нами. Вотъ вкратцѣ ихъ содержаніе:

Т. I. 1882. Отчетъ о дѣлахъ общества. Письма нѣкоторыхъ цейлонскихъ Буддистовъ-подписчиковъ. Списки рукописей разныхъ коллекцій.

Т. II. 1883. Отчетъ о дѣлахъ общества. Перепечатка двухъ статей Эльвиза (Alwis) изъ малодоступнаго цейлонскаго журнала Colombo Observer: 1. Buddhism. 2. On the Pâli language (обѣ статьи по желанію цейлонскихъ подписчиковъ). М. Мюллеръ: прекрасный некрологъ молодаго японца Буддиста Kenjiu Kasawara, пріѣхавшаго въ Англію вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Bunyiu Nanjio изучать Санскритъ для лучшаго пониманія священныхъ Буддійскихъ книгъ. Стихотвореніе Buddha, (авторъ Benson) которое, безъ всякаго ущерба для изданія, могло-бы и не быть напечатано. Нѣсколько замѣтокъ Бендалла о Mahâvagga. Два небольшихъ текста — небольшой компендіумъ Винаи: Khuddasikkhâ и Mûlasikkhâ (изданы Е. Мюллеромъ). Списки разныхъ коллекцій па̂лійскихъ рукописей.

Т. III. 1884. Отчетъ о дѣлахъ общества. Три небольшихъ текста: 1. Философскаго содержанія Abhidhammatthasaṅgaha. 2. Небольшое стихотворное произведеніе, въ 98 строфахъ излагающее основы ученія Буддизма Tela Kaṭâha gâthâ. 3. Исторія зуба Будды, Dâṭhâvaṃsa (транскрипція латинскимъ шрифтомъ изданія Кума̂ра Сва̂ми свѣреннаго съ изданіемъ въ Коломбо 1882). Замѣтки Морриса по разнымъ вопросамъ касательно па̂лійскихъ текстовъ. 4. Pañcagatidîpanam ed. Feer [1]). Ко всѣмъ томамъ приложенъ списокъ членовъ-подписчиковъ. Изъ изданныхъ до сихъ поръ обществомъ текстовъ одинъ только Âyâraṃga sutta — о немъ мы скажемъ дальше — Джайнскій, остальные всѣ Буддійскіе.

Buddhavaṃsa and Cariyâ-Piṭaka pt. I text; [2]) ed. Morris. London 1882 (посвящено извѣстному ученому Буддисту Субху̂ти). 1. Buddhavaṃsa заключаетъ въ себѣ исторію 24 Буддъ, предшественниковъ Будды Гаутамы въ послѣднія 12 калпъ. 2. Cariyâ Piṭaka разсказываетъ въ стихахъ о прежнихъ перерожденіяхъ Будды. Часть изъ этихъ разсказовъ

---

1) Переводъ напечатанъ въ Annales du Musée Guimet. V, pp. 514—28.

2) Вторая часть будетъ заключать варьянты и выдержки изъ комментарія.

отождествлена Моррисомъ съ Джâтаками (по изданію Фаусбёлля); тоже самое будетъ нетрудно сдѣлать и съ остальными, когда будетъ напечатано больше текстовъ. Оба сочиненія входятъ въ составъ Kshudrakanikâya. Относительно самого изданія уже Ольденбергъ въ своей критической замѣткѣ [1]) отмѣтилъ нѣкоторую небрежность исполненія. Жаль также, что нѣтъ указателя.

Thera- and Therî- Gâthâ ed. Oldenberg and Pischel. London 1883. Собраніе стиховъ приписываемыхъ разнымъ древнимъ монахамъ и монахинямъ; текстъ изданъ съ варіантами и указателемъ именъ авторовъ и авторшъ (составленъ Пишелемъ). Эти два сборника входятъ тоже въ составъ Kshudrakanikâya.

Puggala Paññatti pt. I. text; ed Morris. London 1883. Ученіе о личностяхъ; тутъ разбирается вопросъ о 10 личностяхъ (dasa puggala) т. е. лицахъ достигшихъ разныхъ степеней совершенства. Текстъ этотъ первый напечатанный изъ Abhidharma и поэтому важенъ. Къ книгѣ приложенъ указатель. Обѣщано полное изданіе комментарія.

Anguttara Nikâya. pt. I. ed. Morris. London 1883. Текстъ первыхъ двухъ Nipâta съ выдержками изъ комментарія и съ примѣчаніями. Это, какъ замѣчаетъ Ольденбергъ (l. c.), приблизительно восьмая часть всего. Къ манерѣ изданія относится выше сказанное о Buddhavaṃsa.

Sutta Nipâta. pt. I. text. ed. Fausböll. London 1884. Собраніе діалоговъ и проповѣдей Будды. Текстъ этотъ два раза уже былъ переведенъ [2]). Изданъ онъ съ обычною тщательностью Фаусбёлля и снабженъ двумя указателями: собственныхъ именъ и параллельныхъ мѣстъ въ другихъ сочиненіяхъ. Вторая часть будетъ заключать примѣчанія съ выдержками изъ комментарія и словарь, который явится цѣнной подготовительной работой къ предполагаемому Пâлійскому словарю [3]).

Saṃyuttanikâya pt. I. Sagâtha vagga ed. Feer. London 1884. Изданный томъ составляетъ приблизительно седьмую часть всего. Въ концѣ книги приложены три указателя: собственныхъ именъ, сӯтръ и гâтхъ.

Джайнскій текстъ изданный Обществомъ Âyâraṃga Sutta мы оставили подъ конецъ, чтобы, говоря о немъ, коснуться и литературы по Джайнизму. Необыкновенное сходство Буддизма и Джайнизма въ преданіяхъ и ученіи съ одной стороны и незнакомство съ подлинными текстами съ дру-

1) Liter.-Bl. f. Or. Phil. I, 50—55. 1883.

2) S. N. translated by Coomâra Swâmy. London 1874.—by Fausböll. Sacred Books of the East, vol. X.

3) J. of the P. T. S. 1884. XIII—XIV.

гой, естественно должны были породить на первыхъ-же порахъ различіе во мнѣніяхъ по отношенію къ происхожденію секты. Различіе это осталось впрочемъ и теперь, когда нѣкоторые тексты напечатаны, а другіе стали доступнѣе, попавъ въ Европейскія библіотеки; окончательно вопросъ вырѣшится конечно только когда будетъ напечатано гораздо болѣе значительное число Джайнскихъ текстовъ; желательно-же это въ интересахъ не одного только Джайнизма, но и Буддизма и всей вообще исторіи Индіи.

Господствовавшія и господствующія мнѣнія можно раздѣлить на двѣ группы: одни ученые считаютъ Джайнизмъ только сектою отдѣлившеюся отъ Буддизма, другіе-же признаютъ его самостоятельное происхожденіе.

Представителемъ перваго мнѣнія явился Вильсонъ,[1]) относившій отдѣленіе Джайнизма отъ Буддизма ко времени послѣ Р. Х., колеблясь между первыми вѣками и 8 и 9 вѣкомъ; къ нему присоединились Лассенъ[2]), Бенфей[3]) и другіе, съ разногласіями только въ хронологіи. За второе мнѣніе стояли Кольбрукъ[4]) и Стевенсонъ[5]). Калпасӯтра переведенная Стевенсономъ была первымъ Джайнскимъ текстомъ сдѣлавшимся общимъ достояніемъ; со времени ея и до 70-хъ годовъ, когда собственно началось настоящее основательное изученіе Джайнизма появилось только два памятника, изданные въ выдержкахъ Веберомъ[6]). Веберъ какъ въ первомъ своемъ трудѣ о Джайнахъ, такъ и въ послѣдующихъ[7]) держится Вильсоновскаго

---

1) Wilson. Sanscrit-English Dictionary. Calcutta, 1819. Preface; id. Mackenzie Collection, Calcutta 1828; id. Select works (ed. Rost) 12 v. London 1862—1871. I, 276—347: перепечатка старой статьи (1832 г.).

2) Indische Alterthumskunde. Bonn. 1843—1862. 4 voll. Касающееся Джайновъ, IV, 755 sqq. перевелъ Jas. Burgess. Papers on Çatruñjaya. III, IV. Ind. Ant. II, 193 sqq., 258 sqq.

3) Статья Indien въ Ersch und Gruber Allgemeine Encyclopädie.

4) Colebrooke. On Indian Sectaries. Transact. R. A. S. I, 549 sqq. (Перепечатано въ Miscell. Essays. London 1873. I, 402 sqq.). Въ болѣе раннемъ сочиненіи о Джайнахъ Кольбрукъ сообщалъ лишь фактическія свѣдѣнія, не рѣшая вопроса о происхожденіи: Colebrooke. Observations on the sect of Jains, Asiatic Researches. IX, 287—322. (Перепечатано въ Essays. II, 171 sqq.) Статья эта составлена на основаніи собственныхъ, непосредственно и книжнымъ путемъ собранныхъ свѣдѣній и по статьѣ Mackenzie, Account of the Jains въ As. Res. IX, 244—86: Данныя сообщенныя Джайнами. Выдержки изъ дневниковъ Mackenzie и Buchanan'а.

5) Stevenson. The Kalpasûtra and Nava Tatva etc. translated from Mâgadhi. London 1848. (Orient Transl. Commitee)

6) A. Weber Ueber das Çatruñjaya Mâhâtmyam. Leipzig, 1858. (Abhh. f. d. Kunde d. Morgld. I, 4.) id. Ueber ein Fragment der Bhagavatî. Abhh. der Berl. Akad. 1865, 367—444. 1866, 155—352. Надо замѣтить впрочемъ, что уже въ 1847 г. въ Петербургѣ былъ изданъ синонимическій словарь (Hemacandra Abhidhânacintâmaṇi hgg. v. Böhtlingk u. Rieu), заключающій нѣкоторыя данныя по Джайнизму.

7) A. Weber. Ueber den auf d. Königl. Bibl. zu Berlin befindlichen Codex d. Sûryaprajñapti. Ind. Stud. X, 254—316. Berlin, 1868.

взгляда, только относитъ отдѣленіе Джайнизма отъ Буддизма къ болѣе ранней эпохѣ. Слѣдующій за тѣмъ издатель Джайнскаго текста, Виндишъ[1]), (1874) не высказывается ни за, ни противъ.

Поборниками стараго мнѣнія Кольбрука, но уже на основаніи тщательнаго изученія текстовъ, явились Бюлеръ и Якоби. Первый изъ нихъ пожертвовалъ въ Берлинскую библіотеку[2]) до 100 Джайнскихъ рукописей и купилъ для нея до 300 въ бытность свою въ Индіи[3]). Благодаря этому явилась полная возможность изучать Джайнизмъ уже по текстамъ и въ Европѣ. Самъ Бюлеръ никакого большаго сочиненія о Джайнахъ не написалъ, но въ цѣломъ рядѣ отчетовъ о собранныхъ имъ рукописяхъ и въ разныхъ статьяхъ разъяснилъ не мало темныхъ вопросовъ. Якоби больше всѣхъ писалъ о Джайнизмѣ[4]) и въ предисловіяхъ къ Калпасӯтрѣ и къ переводу Âчâрâнгасӯтры весьма ясно и убѣдительно высказалъ мысль о самостоятельномъ происхожденіи Джайнизма, даже предшествовавшемъ Буддизму. Изъ другихъ ученыхъ занимающихся Джайнизмомъ назовемъ Лей-

---

Id. Ueber den Kupakshakauçikâditya d. Dharmasâgara. Sitz.-Ber. d. Berl. Akad. 1882. II, 793—814. Полемическое Джайнское сочиненіе: «Солнце для совъ лжеученія».

Id. Ueber die heiligen Schriften der Jaina. Ind. Stud. XVI, 213—479 (1883). XVII, 1—90 (1885). Обстоятельнѣйшее изслѣдованіе на основаніи не только печатнаго но и рукописнаго матерьяла.

1) Windisch. Hemacandra's Yogaçâstra. Z. D. M. G. XXVIII, 185—262 и 678 съ указателемъ.

2) Жертвовать онъ началъ съ конца 60-хъ годовъ.

3) Списокъ этихъ рукописей помѣщенъ Клаттомъ въ Z. D. M. G. XXXIII, 478—83. Подробный каталогъ приготовляется Веберомъ.

4) Jacobi. Die Çobhana Stutayas des Çobhana Muni. Z. D. M. G. XXXII, 509—34.

Id. The Kalpasûtra of Bhadrabâhu ed. with introduction, notes and prâkṛt-saṃskṛt glossary. Leipzig 1879. (Abhh. f. d. Kunde d. Morgld. VII, 1). (Важная рецензія этого изданія была помѣщена Ольденбергомъ въ Z. D. M. G. XXXIV, 748—57).

Id. Das Kâlakâchârya Kathânakam. Z. D. M. G. XXXIV, 247—318. XXXV, 675—9. Выдержки изъ этого памятника помѣщены въ J. B. B. R. A. Society. IX, 139 sqq. (Bhâo-Dâji) и Abhh. d. Berl. Akad. 1877. p. 7. anm. (Weber)).

Id. Ueber Kâlâçoka-Udâyin Z. D. M. G. XXXV, 667—74.

Id. Zwei Jaina Stotra. Ind. Stud. XIV, 356 sqq.

Id. Âyâraṃga Sutta pt. I, text. London, 1882. (Pâli Text Society).

Id. Âcârâṅga Sûtra and Kalpasûtra translated. Oxford 1884. (Sacred Books of the East XXII).

Id. Ueber die Entstehung der Çvetâmbara u. Digambara Sekten Z. D. M. G. XXXVIII, 1—42. XL, 92—98.

Id. On Mahâvîra and his predecessors. Ind. Ant. IX, 158—63.

Во время пребыванія своего въ Индіи Якоби составилъ прекрасную коллекцію санскритскихъ рукописей, преимущественно Джайнскихъ. Списокъ этихъ рукописей онъ далъ въ Z. D. M. G. XXXIII, 693—97.

манна [1]), Варрена [2]), Райса [3]), Клатта [4]). О языкѣ, на которомъ написано большинство Джайнскихъ памятниковъ, т. н. Джайнскомъ прâкритѣ, писалъ Е. Мюллеръ [5]). Кромѣ того въ рецензіи на Варрена Nirayâvaliyâsuttam [6]) Якоби помѣстилъ весьма существенную замѣтку объ орѳографіи Джайнскихъ рукописей; и наконецъ въ предисловіи къ Âyâramga Sutta, къ которой мы теперь переходимъ, помѣщенъ краткій грамматическій очеркъ Джайнскаго прâкрита [7]).

Âyâramga Sutta p. I. text; ed. Jacobi. London 1882. Эта сӯтра первая изъ одинадцати ангъ [8]); говоритъ она объ (âcâra) поведеніи и состоитъ собственно изъ двухъ частей, причемъ первая, по изслѣдованію Якоби, древнѣе второй. Текстъ снабженъ обстоятельнымъ предисловіемъ, главнымъ образомъ грамматическаго содержанія. Вторая обѣщанная часть будетъ заключать въ себѣ глоссарій наиболѣе трудныхъ и важныхъ словъ съ ихъ санскритскими прототипами и объясненія комментаторовъ (см. Preface p. XVI).

---

1) Leumann. Das Aupapâtika Sûtra. 1-er Theil. Leipzig, 1882. (Введеніе и §§ 1—38 текста. Полный текстъ съ прâкрито-санскритскимъ словаремъ напечатанъ имъ-же въ Abhh. f. d. Kunde d. Morg. VIII, 2. 1883).

Id. Zwei weitere Kâlakalegenden. Z. D. M. G. XXXVII, 493 sqq.

Id. Die alten Berichte von den Schismen der Jaina. Ind. Stud. XVII, 91—135.

Id. Beziehungen der Jaina-Literatur zu anderen Literaturzweigen Indiens. Actes du VI. Congrès internat. des Orientalistes à Leide. 3-me pt. 1885 pp. 467—564.

2) Warren. Over de godsdienstige en wijsgeerige begrippen der Jainas. Zwolle, 1875. (Я этого сочиненія подъ руками не имѣлъ.)

Id. ed. Nirayâvaliyâsuttam. Amsterdam, 1879. (На нее прекрасная рецензіи Якоби; см. ниже.)

3) Lewis Rice. Jain inscriptions at Çravana Beḷgoḷa. Ind. Ant. II, 265, 322.

Id. Bhadrabâhu and Çravana Beḷgoḷa. Ind. Ant. III, 153.

Id. A Jaina-Vaischnava compact. Ind. Ant. XIV, 233—35. add. ib. 292.

4) Klatt. Dhanapâla's Ṛshabhapañcâçikâ. Z. D. M. G. XXXIII, 445—477.

Id. Extracts from the historical records of the Jaina. Ind. Ant. XI, 245—56. 293—94.

Укажемъ тутъ-же на главу «Jainism» въ прекрасномъ популярномъ трудѣ: Barth. The religions of India. London, 1882. (Trübner. Oriental Series. Переводъ съ французскаго оригинала въ Encyclopédie des Sciences religieuses, 1879.) Бартъ впрочемъ вмѣстѣ съ Веберомъ считаетъ Джайнизмъ сектою Буддизма.

5) E. Müller. Beiträge zur Grammatik des Jainaprâkṛt. Berlin 1876.

6) Z. D. M. G. XXXIV, 178—183.

7) Кромѣ того объ этомъ нарѣчіи можно найти свѣдѣнія (грамматическія, лексическія) въ разныхъ вышеупомянутыхъ книгахъ и статьяхъ и въ грамматикахъ: Hemacandra's Grammatik der Prâkṛtsprachen ed. Pischel. I—II. Halle, 1877—1880 и Chaṇḍa. Prâkṛtalakshanam ed. Hoernle. fasc. I. Calcutta, 1880. (Bibl. Ind. N. S. № 447.)

8) Названіе части священныхъ книгъ Списокъ всѣхъ священныхъ книгъ см. у Jacobi, Kalpasûtra. Introduction, p. 14. Тутъ приведенъ списокъ составленный Бюлеромъ, отличающійся нѣсколько отъ списка Râjendralâlamitra (см. Klatt Z. D. M. G. XXXIII, 478). Ко всему вышесказанному надо прибавить, что сужденія о Джайнахъ и до сихъ поръ составляются почти исключительно по свѣдѣніямъ и текстамъ Джайнской секты Çvetâmbara, — о другой-же сектѣ Digambara мы знаемъ чрезвычайно мало

Замѣтка эта о литературѣ по Джайнизму конечно не предъявляетъ притязаній на безусловную полноту: въ ней не названы разныя сочиненія и статьи о Джайнахъ первой половины этого столѣтія, теперь имѣющія почти только историческій интересъ, не упомянуты также и нѣкоторыя новѣйшія статьи, частью просто по недосмотру, частью за слабостью самихъ статей. Намъ хотѣлось только въ хронологическомъ порядкѣ развитія вопроса свести наиболѣе важное.

Сергѣй Ольденбургъ.

Бозбендъ.

(بازوبند)

Амулеты, какъ предохранительное средство отъ сглазу и спасительное отъ всякихъ бѣдъ, играютъ въ жизни мусульманина важную роль. Особенно почитаются въ качествѣ амулетовъ молитвы, такъ какъ онѣ, врачуя тѣло, спасаютъ въ тоже время и душу. Достаточно имѣть молитву постоянно при себѣ, чтобы обезпечить себѣ въ будущей жизни мѣсто въ раю. Достаточно грамотному человѣку прочитать нѣкоторыя молитвы извѣстное число разъ, чтобы обрѣсти великія блага на этомъ свѣтѣ и на будущемъ. Здѣсь, на землѣ, никакіе враги не въ силахъ будутъ причинить ему ни малѣйшаго зла, никакое *джоду̀* (колдовство) не подѣйствуетъ, демоны не подступятся къ человѣку, оградившему себя молитвой, на полѣ брани стрѣла не коснется его, если тигръ нападетъ — обернется въ лисицу. Тамъ, на небѣ, вычеркнется изъ списка дѣяній его 70,000 грѣховъ и впишется столько же добрыхъ дѣлъ; ангелы будутъ прославлять его. Неграмотному довольно носить молитву на себѣ, чтобы сподобиться такихъ же благополучій. Даже Али (شاه مردان مرتضى على), по преданіямъ, постоянно имѣлъ при себѣ молитву (مناجات نامه), чтобы отгонять враговъ и одерживать побѣды надъ невѣрными. И чѣмъ молитвъ больше, тѣмъ лучше, тѣмъ надежнѣе ихъ защита. Благочестивому мусульманину рекомендуется постоянно увеличивать свой молитвенникъ, которому даютъ видъ свитка въ нѣсколько сажень длиною при ширинѣ до двухъ вершковъ. Такой свитокъ скатывается въ трубочку и вкладывается въ кожаный футляръ и называется *бозбендъ* (правильнѣе — *бозубендъ*), т. е. «браслетъ», «запястье», такъ какъ предназначается для ношенія на

запястьѣ руки, гдѣ впрочемъ не носится по неудобству во время работы, а надѣвается на шнуркѣ на шею. Маленькія молитвы иногда прямо зашивають въ одежду.

Въ г. Самаркандѣ былъ мнѣ сообщенъ, для просмотра, мѣстнымъ судебнымъ слѣдователемъ М. Н. Султановымъ одинъ бозбендъ, съ котораго я снялъ копію. Этотъ свитокъ замѣчателенъ тѣмъ, что въ немъ, кромѣ молитвъ, помѣщено объясненіе ихъ благодѣтельныхъ свойствъ и главнымъ образомъ молитвы пророку. Много пересмотрѣлъ я бозбендовъ, но подобныхъ предисловій не встрѣчалъ ни разу. Сказывали мнѣ ученые туземцы, что существуетъ книга *Делоилю-ль Хейротъ* دلائل الخيرات, т. е. «Указаніе богоугодныхъ дѣлъ», гдѣ помѣщены разныя молитвы съ объясненіями ихъ важности и достоинствъ; но оттуда ли взято предисловіе, о которомъ говоримъ, не могу я сказать положительно, такъ какъ мнѣ не удалось достать этой книги. 1)

Длина нашего свитка 8 аршинъ, ширина 2 вершка. Предисловіе составлено на таджицкомъ нарѣчіи, молитвы, какъ водится, на арабскомъ. Бозбендъ былъ въ нѣсколькихъ рукахъ; имя перваго владѣльца стерто и вмѣсто него поставлено другое: این بازبند یوسف بای بن بردی آقسقال, т. е. этотъ бозбендъ принадлежитъ Юсуф-баю, сыну Бирди Аксакала. Приводимъ предисловіе, въ текстѣ съ переводомъ, какъ обращикъ религіознаго суевѣрія мусульманъ Средней Азіи. Текстъ я выписываю со всѣми неправильностями. Онъ можетъ служить хорошимъ обращикомъ таджицкаго нарѣчія.

بسم الله الرحمن الرحيم

خاصيّت درود اکبر يعنى صلوات کبير روايت کرده‌اند حضرت ابا بکر صديق رضى الله عنه [کفتند که من شنيدم] از رسول اکرم صلى الله عليه و سلم که هر که اين صلوات را در عمر خود يکبار خواند يا نوشته با خود نکاهدارد آتش دوزخ بر تن او حرام کردد و اکر دو بار خواند صد ساله نماز او قضا شده باشد کفارة شود و حضرت عمر رضى الله عنه کفتند که من شنيدم از رسول اکرم صلى الله عليه و سلم که هر که اين صلوات را

1) Это несомнѣнно извѣстное сочиненіе *ал-Джузули* دلايل الخيرات وشوارق الانوار فى ذكر الصلاة على النبى المختار, которое много разъ издавалось на востокѣ. См. о немъ Flügel, въ каталогѣ рукоп. Импер. Вѣнск. библ. III, 146, Pertsch, d. arab. Hdschr. d. Hzgl. Bibl. zu Gotha № 807 и пр. Предисловіе, напечатанное ниже, тамъ не находится. [Прим. ред.]

بخواند یا باعتقاد تمام با خود دارد چنان باشد که هزار ساله عبادت در راه خدایتعالی کرده باشد و هزار کرسنهٔ درویش را طعام داده باشد و هزار حج کرده باشد و حضرت عثمان رضی الله عنه کفتند که من شنید یم (sic) که هرکه این صلوات را باخلاص تمام بخواند یا با خود نکاهدارد از شر شیطان و از مرك مفاجات و از تلخ جان کندن در امان حق سبحانه و تعالی باشد و حضرت علی رضی الله عنه کفت که هر ان بندهٔ که این صلوات را بخواند یا با خود دارد از زبان بدکویان و بدخواهان در امان حق سبحانه و تعالی باشد و در هر خانهٔ که این صلوات باشد دزد راه نیابد خیر و برکت در ان خانهٔ پیدا شود و اکر در آتش افتد یا در آب کار نکند تیر و ملتیق و نیزه و هیچ چیز بر آنکس نرسد و در وقت مردن ایمان بسلامت برد و اورا عذاب کور نباشد و باز پیغمبر صلی الله علیه و سلم کفتند که والله والله والله اکر بر سر سینهٔ مرده مانند عذاب قبر نباشد و اکر عذاب کنند من ضامن باشم فردای روز قیامت بر سر قبر او حاضر شوم انشا الله تعالی جای او در بهشت عنبر سرشت باشد در همسایه کی حضرت عیسی وحضرت موسی علیه السلام باشد و هرکه این صلوات را بیند نوشته اکر نکیرد منکه پیغمبرم ازوی بیزارم فردای قیامت دشمن خواهد بود هرکه شك آرد کافر کردد نعوذ بالله من الذالك (sic) آورده‌اند که در شهر بغداد عورتی بود او پسریداشت بغایت صاحب جمال بود امّا مادر بر پسر عاشق شده بود و هیچ وقتش را نمی یافتیکه روز مادر پسر را دید که خمر خورده‌است مست ولا بعقل شده افتاده بود مادرش وقت را غنیمت یافت با پسر جماع کرد بعد از چند وقت او دختر زایید و از شرم مردم آن دختر را بحاجیان بخشید حاجی آن دختر را کرفته بشهر خود رفت چند روز میپرورید آن دختر بالیغ شده وقتی بود که آنجوان بجهت حج کردن رفته بود ایتفاق با پدر و دختر ملاقات افتاد حاجی آنجوان را پسنده کرد آن دختر را بآنجوان داد جوان دختر را کرفته بشهر خود آورد مادرش دید دختر را واز غم بیمار شد با عورت همسایه از اوّل تا بآخیر واقعه را بیان کرد و خود او از اندوه بمرد جوان مردهٔ مادر را دفن کرده آمده فغان میکرد آن عورت همسایه با جوان کفت که ای جوان آن دختریکه در خانهٔ خود آوردهٔ زاییدهٔ مادر تو است و از تو حاصل شده است جوان این سخن را شنیده آه از جکر کشید و نعرهٔ بر آورد و کفت هر کاریکه کرد مادرم کرده است کفته زار زار بکریست و خاك بر سر میکرد و غلامان را فرمود تا بل و کلند

بردارید تا رفته کور مادر را باز کنیم و بیرون آریم و بسوزیم چون اوّل کلند بر کور زدند آواز آمد که چه مطلبی ای نور دیدهٔ من پسر حیران شد باز کلند بر کور زدند همین آواز آمد در حال کلند را از دست بماند و بخواب شد مادر را در خواب دید که در بهشت بر بالای تختی نشسته است و حوران کرد او استاده و خدمت او میکردند و بسیار کل و ریاحین بر کرد تخت او دمیده مادر را پرسید که ای مادر این چنین کناهیکه کرده بودی این درجه را بچه عمل یافتی مادر جواب داد و کفت که من کناه عظیم کرده بودیم اما هر شب جمعه صلوات کبیر میخواندیم و با خود همراه بکور آورده‌ام خدای تعالی کناه من را از من درکذشت بلطف و کرم خود آن صلوات را تو ام (هم .BM) بخوان تا نجات یابی بکرم حق سبحانه و تعالی و باز پیغمبر صلی الله علیه و سلم فرمودند که هر که این صلوات را بخواند یا با خود دارد از دنیا ایمان بسلامت برد و اورا عذاب کور نباشد چون پسر این فضیلت‌هارا شنید کور مادر را محکم کرد و علمای بغداد از بزرکی ایندعا و ولایتها را خبر کردند هر که را ایندعا باشد یا باوی در کور بمانند تن او در کور نپوسد و نریزد بفرمان خدایتعالی همچون تازه بماند تا روز قیامت و اکر کسی را حاجتی پیش آمده باشد یا در دست ظالمی کرفتار شده باشد یا در بند بود یا اورا بسته باشند بعد از نماز خفتن شب جمعه یا شب پنجشنبه دو رکعت نماز کذارد بکسی سخن نکند هر حاجتیکه داشته باشد از خدایتعالی بخواند بیابد انشا الله تعالی و اکر خواندن نتواند شفیع آرد و در زیر بالین خود سر ماند حضرت رسول علیه السلام را بخواب بیند و از جملهٔ رنجها خلاصی یابد انشا الله تعالی و هر که این صلوات را بیند نوشته اکر نکیرد و در خوانده جهد نکند از جملهٔ منافقان باشد فردای قیامت بیزار کور بردارد رویش سیاه باشد و داغ لعنت در پیشانی او نهاده باشد خلق عرصات پرسند که این کدام شیطانست و یا فرعون فرشتکان کویند که این نه شیطانست و نه فرعون این یکی از دشمنان پیغمبرست که این صلوات را حرمت نداشت بزبان اقرار و بدل افکار بوده است در طلب مال و نعمت مشغول شده‌است و مرك را فراموش کرده‌است بعد از ان فرمان آید بر جبریل علیه السلام که این عاصی بد بخت از من و از رسول من بیزار شده‌است پیش از همهٔ بدوزخ بریدش ایدوستان خدا زینهار زینهار که وقت آخیر الزمانست خویشتن را در تلاوت کلام سبحانی و حلاوت طاعت بدارید و این صلوات کبیر معظم و مکرم را عزت و

بزرگداريد و پيوسته در خواندن اين صلوات جهد نماييد تا از جملهء دوستان پيغمبر صلى الله عليه و سلم باشيد زينهار شك نياريد هركه شك آرد كافر گردد نعوذاً بالله من الزالك درود معظم و مكرم اين است

بسم الله الرحمن الرحيم

اللهم صلى على محمد سيد المرسلين وآل محمد اللهم صلى على محمد سيد المومنين وآل محمد الخ

Во имя Бога милостиваго, милосердаго!

Такъ разсказываютъ про свойство высочайшей молитвы, то есть великаго славословія.[1]) Хазратъ Абу-Бекръ Сиддыкъ (Правдивый) — да будетъ доволенъ имъ Господь — сказывалъ: я слышалъ отъ благороднѣйшаго изъ пророковъ (да будетъ надъ нимъ благословеніе Божіе и миръ), что всякій, кто въ теченіи жизни своей прочитаетъ эту молитву одинъ только разъ или при себѣ хранить будетъ, огонь ада не коснется тѣла человѣка того; а два раза прочтетъ, то хотя бы сто лѣтъ не совершалъ намаза — отпустится ему. Хазратъ Омаръ — да будетъ доволенъ имъ Господь — сказывалъ: слышалъ я отъ благороднѣйшаго изъ пророковъ (да будетъ надъ нимъ благословеніе Божіе и миръ), что всякій, кто эту молитву прочтетъ или съ истинною вѣрою при себѣ будетъ имѣть — это все равно, какъ бы тысячу лѣтъ стоялъ онъ на молитвѣ Всевышнему Богу и накормилъ тысячу голодныхъ бѣдняковъ и совершилъ тысячу хаджей. Хазратъ Османъ — да будетъ доволенъ имъ Господь — передавалъ: слышалъ я, что всякій, кто съ полной искренностью прочитаетъ эту молитву или станетъ при себѣ хранить, то избавитъ его Богъ Всесвятой и Всевышній отъ козней дьявола, отъ насильственной смерти и отъ болѣзненнаго (собственно: горькаго) разставанія души съ тѣломъ. Хазратъ Али — да будетъ доволенъ имъ Господь — сказывалъ, что Богъ Всесвятой и Всевышній спасетъ отъ злорѣчивыхъ и злонамѣренныхъ людей всякаго раба своего, который прочитаетъ эту молитву или при себѣ будетъ имѣть. И если въ какомъ домѣ будетъ находиться эта молитва, воръ дороги туда не найдетъ; благодать и изобиліе водворятся тамъ. И если [человѣкъ] въ огонь попадетъ или въ воду, ничего съ нимъ не случится; ни стрѣла, ни пуля, ни пика и ничто другое не коснется человѣка того. И во время кончины получитъ увѣренность въ спасеніи и не

1) Молитвъ Мухаммеду двѣ: малая и большая.

испытаетъ онъ мученій въ могилѣ.[1]) Еще говорилъ пророкъ (да будетъ надъ нимъ благословеніе Божіе и миръ): ей Богу, ей Богу, ей Богу! если положить (молитву) на грудь покойника, избавится онъ отъ мукъ въ могилѣ, если же станутъ мучить, я сдѣлаюсь отвѣтчикомъ: въ день воскресенія явлюсь я къ могилѣ его и, если пожелаетъ Всевышній Богъ, отведется ему мѣсто въ раю благоухающемъ амброй вмѣстѣ съ Хазратомъ Исой и Хазратомъ Мусой — да будетъ надъ ними миръ! Всякій кто эту молитву увидитъ, пусть спишетъ, а если не учинитъ этого, то я, пророкъ, разсержусь на него и въ день воскресенія сдѣлается онъ врагомъ (мнѣ). Кто усомнится, уподобится невѣрнымъ — да упасетъ насъ Богъ отъ этого.

Разсказываютъ, что въ городѣ Багдадѣ жила женщина, имѣвшая сына необыкновеннаго красавца. И влюбилась мать въ своего сына, только никакъ не могла улучить удобнаго момента. Но однажды увидала, что сынъ пилъ вино, опьянѣлъ до потери сознанія и свалился. Тутъ мать воспользовалась благопріятнымъ случаемъ и учинила съ сыномъ связь. Черезъ нѣсколько времени родилась у нея дочь, которую, вслѣдствіе стыда передъ народомъ, подарила она хаджамъ. Взялъ (одинъ) хаджи дѣвочку и прибылъ съ нею въ свой городъ. Нѣкоторое время онъ ее воспитывалъ и она сдѣлалась взрослою. Вышло такъ, что тотъ молодой человѣкъ отправился совершать хаджъ и случайно встрѣтился съ отцомъ и дочерью. Хаджѣ понравился мòлодецъ и отдалъ онъ ему дѣвицу; а тотъ взялъ ее и привелъ въ свой городъ. Какъ увидала мать дочь свою, съ горя сдѣлалась больной. Разсказала она одной своей сосѣдкѣ всѣ обстоятельства дѣла отъ начала до конца и сама съ тоски померла. Похоронилъ мòлодецъ свою мать и, придя домой, плакалъ. Сосѣдка же сказала молодцу: о, молодецъ! эта дѣвица, которую ты въ домъ свой привелъ, рождена твоею матерью и происходитъ отъ тебя. Какъ услыхалъ мòлодецъ эти слова, вздохъ вырвался изъ груди его и сталъ онъ вопить и произнесъ: все что случилось, есть дѣло матери моей, и началъ сильно рыдать, и посыпалъ голову землею. Затѣмъ позвалъ двухъ служителей и отдалъ приказъ: возьмите кирку и китмень, пойдемъ, разроемъ могилу матери, вынемъ ее оттуда и предадимъ сожженію. Какъ только мòлодецъ ударилъ разъ китменемъ въ могилу матери раздался оттуда голосъ: «что тебѣ надобно, свѣтъ очей моихъ»? Сынъ изумился. Снова ударилъ онъ китменемъ въ могилу, и тотъ же послышался голосъ. Моментально выпалъ китмень изъ рукъ молодца и онъ заснулъ. И видитъ сонъ: мать его возсѣдаетъ въ раю на верху трона, кругомъ нея стоятъ гуріи и ей прислужи-

---

1) Два ангела, Мункаръ (منكر) и Накиръ (نكير), подвергаютъ въ могилѣ допросу умершихъ.

ваютъ; много розъ и райхоновъ выросло вокругъ трона ея. Тогда спросилъ онъ мать свою: «о, матушка! какимъ образомъ ты, учинившая такой грѣхъ, достигла подобнаго положенія?» Мать въ отвѣтъ сказала: «тяжкій грѣхъ совершила я, но за то всякую ночь пятницы я читала великую молитву и съ собою унесла въ могилу и Всевышній Богъ по благости своей и милосердію простилъ мое прегрѣшеніе. Ты также читай эту молитву, да обрящешь спасеніе по милосердію Бога Всесвятаго и Всевышняго. Да кромѣ того, пророкъ (да будетъ надъ нимъ благословеніе и миръ) приказывалъ: всякій кто эту молитву читаетъ или при себѣ имѣетъ, переселится изъ этого міра спокойно и благополучно и не будетъ ему мукъ въ могилѣ». Когда сынъ выслушалъ эти достоинства (молитвы), зарылъ могилу матери. Знаменитые же улемы багдадскіе оповѣстили объ этой молитвѣ во всѣхъ областяхъ, что всякій, у кого будетъ находиться эта молитва или съ кѣмъ ее въ могилу положатъ, тѣло человѣка того не предастся тлѣнію и не разсыпится, по соизволенію Всевышняго Бога, а такъ чистымъ и сохранится до дня воскресенія. И если кого постигнетъ нужда или попадетъ онъ въ руки тирана, или въ темницу заключенъ будетъ или закованъ будетъ, то пусть послѣ намаза *Хуфтенъ* въ ночь пятницы или четверга совершитъ намазъ въ два ряката, ни съ кѣмъ ни говоря ни слова, — и какая бы ни была у него нужда, онъ, если у Всевышняго Бога попроситъ, будетъ удовлетворенъ, если Богу будетъ угодно. Если же кто читать не умѣетъ, пусть прибѣгнетъ къ заступнику, положитъ подъ свою подушку: тогда увидитъ онъ во снѣ хазрата пророка (да будетъ надъ нимъ благословеніе Божіе) и отъ всѣхъ напастей получитъ избавленіе, если Богу будетъ угодно. Пусть всякій, увидавши эту молитву, ее спишетъ; буде не спишетъ и къ прочтенію старанія не приложитъ, сдѣлается однимъ изъ «толпы лицемѣровъ», и въ день воскресенія, когда отвергнутый встанетъ онъ изъ могилы, лицо его будетъ чернымъ и печать проклятія запечатлится на лбу его. Люди долины[1]) спросятъ: это кто такой — чортъ или фараонъ? Ангелы отвѣтятъ: Нѣтъ, это не чортъ и не фараонъ, это одинъ изъ враговъ пророка, не оказывавшій почитанія этой молитвѣ: на словахъ онъ ее признавалъ, а въ сердцѣ отвергалъ, ревностно занятъ былъ стяжаніемъ имущества и благостыни, а о смерти забылъ. Затѣмъ послѣдуетъ отъ Бога такое повелѣніе Гавріилу (да будетъ надъ нимъ миръ): этого злосчастнаго бунтовщика отвергнутаго мною и пророкомъ моимъ прежде всѣхъ ввергни въ адъ! О, друзья Бога! Берегитесь: близка кончина временъ; читайте священное слово (т. е. Коранъ),

1) Т. е. Іосафатовой долины, гдѣ будетъ совершаться страшный судъ.

возчувствуйте сладость богоугодныхъ дѣлъ и эту молитву великую, возвышенную и славную блюдите въ уваженіи и почтеніи и старайтесь постоянно читать ее, чтобы сдѣлаться друзьями пророка (да будетъ надъ нимъ благословеніе Божіе и миръ). Берегитесь сомнѣнія: кто усомнится, сдѣлается невѣрнымъ, да упасетъ насъ Господь отъ этого! Эта величайшая и благодѣтельная молитва слѣдующая —

Во имя Бога милостиваго, милосердаго!

Боже нашъ, благослови Мухаммеда, главу посланниковъ, и родъ Мухаммеда! Боже нашъ, благослови Мухаммеда, главу правовѣрныхъ и родъ Мухаммеда! И т. д.

Н. Веселовскій.

Къ исторіи развитія буддизма въ Забайкальскомъ краѣ.

Во время моей поѣздки по Забайкалью, случай доставилъ въ мои руки небольшую связку бумагъ, писаныхъ бурятскимъ текстомъ. То были разнаго рода письма, записки, росписки и т. п. бумажки, на первый разъ казавшіяся ровно ничего не значущими; къ тому же нѣкоторыя изъ нихъ были начаты и недописаны, другія полуразорваны, третьи уже поистерлись отъ времени. Словомъ, я оставилъ у себя эту пачку бумагъ едва ли не потому, что видѣлъ въ нихъ нѣчто бытовое, а по части быта для насъ является чистою находкою каждый клочекъ, писаный монгольскимъ текстомъ. Въ данномъ случаѣ я былъ однако награжденъ судьбою очень щедро. Разбирая содержаніе попавшихъ ко мнѣ писемъ и группируя ихъ въ одно цѣлое въ хронологическомъ порядкѣ, я увидалъ, что они представляютъ собою цѣлый эпизодъ изъ минувшей жизни Бурятъ и чрезвычайно картинно рисуютъ нѣкоторыя стороны бурятской общественной жизни, а особливо отношеніе этихъ инородцевъ къ буддизму и къ Монголіи, являющейся, какъ извѣстно, митрополіею буддизма для Бурятъ. Намѣреваясь теперь обнародовать эту нечаянную находку, я считаю необходимымъ предпослать изложенію ея краткій общій очеркъ развитія буддизма у Бурятъ, такъ какъ при этомъ, по моему мнѣнію, будетъ гораздо легче понять представляемые документы въ ихъ настоящемъ свѣтѣ.

Когда появился буддизмъ въ Забайкальи, сказать очень трудно. Съ населеніемъ забайкальскихъ степей мы познакомились впервые черезъ нашихъ казаковъ около 1648 г., т. е. въ первое же полустолѣтіе послѣ того, какъ буддизмъ былъ объявленъ господствующею вѣрою въ Халхѣ. Кочевавшіе тогда въ Забайкальи номады носили имя Тунгусовъ и исповѣдывали шаманскую вѣру. Тѣже казаки упоминаютъ однако о кумирняхъ, ламахъ и

ихъ богослуженіи, хотя мы и думаемъ, что едвали можно почитать эти кумирни за кумирни обращенныхъ въ ламаизмъ Тунгусовъ, — скорѣе они принадлежали Монголамъ. Сами Буряты въ своихъ лѣтописяхъ говорятъ, что они переселились въ Забайкалье, исповѣдуя шаманизмъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ утверждаютъ и то, что нѣкоторые изъ нихъ уже и тогда признавали ламство и что вмѣстѣ съ простолюдинами изъ Монголіи перекочевали въ настоящую Читинскую область и ламы. Очевидно, что въ первое время, по переходѣ Бурятъ въ наши забайкальскія степи, буддизмъ если и былъ извѣстенъ Бурятамъ, то имѣлъ у нихъ очень небольшое значеніе и число ламскихъ поклонниковъ въ ихъ средѣ было весьма не велико. Собственно усиленное развитіе буддизма, по преданіямъ Бурятъ, началось со времени прихода въ бурятскія кочевья 150 ламъ изъ Тибета. Событіе это относится къ 1712-му году. Новоприбывшіе ламы поселились между селенгинскими и хоринскими родами, и вскорѣ своею проповѣдью, а еще больше медицинскою дѣятельностью пріобрѣли себѣ полное расположеніе Бурятъ. Бурятскіе старшины расписали этихъ иноземцевъ по отдѣльнымъ родамъ своей общины и, желая закрѣпить ихъ за собою, подали прошеніе на высочайшее имя, въ которомъ ходатайствовали о предоставленіи помянутымъ ламамъ правъ и преимуществъ, присвоиваемыхъ духовенству. Трудно сказать, имѣло ли бы это единичное ходатайство Бурятъ значеніе у русскаго правительства, но успѣшному окончанію этого дѣла много способствовалъ Графъ Сава Владиславичъ Рагузинскій, ознакомившійся съ буддизмомъ въ періодъ своего пребыванія на востокѣ для установленія государственной границы между Россіею и Китаемъ. Рагузинскій первый захотѣлъ поставить у насъ ламаизмъ на легальную почву и бурятскія лѣтописи всецѣло приписываютъ ему инипіативу учрежденія въ бурятскихъ степяхъ ламской іерархіи. Изъ числа ламъ тибетцевъ онъ намѣтилъ въ главные ламы для селенгинскихъ родовъ — Наванъ-пунцука, а для хоринскихъ — дарханъ, нансу Лубсанъ-шараба. Все это дѣло окончилось уже въ 1741-мъ году, когда высочайшимъ указомъ императрицы Елисаветы Петровны у Бурятъ было учреждено 150, такъ называемыхъ, комплектныхъ ламъ, при чемъ они были освобождены отъ податей, тѣлеснаго наказанія и вообще получили права, присвояемыя духовенству въ Россіи. Одновременно съ симъ, по мысли Рагузинскаго и даже безъ просьбы Бурятъ, были утверждены и помянутые главные ламы съ званіемъ ширѣтуевъ. Духовная власть сосредоточилась такимъ образомъ въ однихъ рукахъ, а это, какъ извѣстно, имѣетъ громадное вліяніе на всѣхъ и у всѣхъ инородцевъ. Русское правительство опредѣлило дѣятельность и значеніе ширѣтуевъ, придало имъ такую силу, какой они никогда не знали даже въ Монголіи и Тибетѣ. Бурятамъ-простолюдинамъ оставалось только

повиноваться поставленнымъ надъ ними властямъ, ибо въ противномъ случаѣ имъ предстояла опасность попасть подъ кару новосоставленнаго закона. Ставъ подъ защиту русскаго закона, буддизмъ естественно началъ рости съ удвоенной силой. Какъ видимое доказательство справедливости этихъ словъ мы можемъ представить то, что по оффиціальнымъ свѣденіямъ правительства въ 1756 г. въ бурятскихъ степяхъ было уже не 150, а 324 ламы. Одновременно съ этимъ усиленіемъ буддизма крѣпла и связь Бурятъ съ Монголіею. Преемникъ Наванъ-пунцука въ званіи главнаго Ламы — Заяевъ получилъ свое начальное образованіе въ Монголіи и закончилъ его въ Тибетѣ; бывшій при немъ ширѣтуемъ лама Ахалдаевъ воспитывался въ Ургѣ. Въ 1767 году Заяевъ былъ отправленъ отъ бурятскихъ родовъ въ Москву для участія въ «Комиссіи по составленію новаго Уложенія». Здѣсь онъ представился императрицѣ Екатеринѣ II-й и поднесъ ей описаніе своего путешествія въ Тибетъ. Императрица милостиво приняла этого бурята, пожаловала ему пожизненную пенсію въ 50 р. въ годъ, золотую медаль и званіе «Ханбоъ ламы всѣхъ бурятскихъ и тунгусскихъ родовъ». Само собою разумѣется, что этимъ титуломъ Екатерина только ставила Заяева первымъ между настоятелями буддійскихъ монастырей, находившихся въ кочевьяхъ Бурятъ и Тунгусовъ; но какъ истый буддійскій лама, Заяевъ, возвратившись въ Забайкалье, воспользовался этими наградами по своему. Онъ объявилъ, что медаль дана ему за усердіе въ изученіи и проповѣди буддизма, и что отнынѣ шаманство уже не имѣетъ права на свое существованіе въ Забайкальи: императрица-де повелѣваетъ быть всякому Буряту и Тунгусу буддистомъ, а не другаго какого либо исповѣданія, почему и пожаловала ему, Заяеву, титулъ «Хамбо-ламы *всѣхъ* бурятскихъ и тунгусскихъ родовъ». Теперь ламы еще сильнѣе начали распространять буддизмъ и открыто преслѣдовать шаманство: они жгли, вѣшали, рубили и грабили шаманистовъ, когда же въ народѣ поднялось волненіе, то Русскіе должны были сами разслѣдовать дѣло о медали Заяева. Было однако уже поздно и дѣло это, окончившееся въ 1772-мъ году, выяснило только, что Буряты считаютъ своихъ ламъ числомъ не 324, а 617.

Съ этого времени правительство начало уже обращать вниманіе на усиленіе ламства въ Забайкальи; хотя, къ несчастію, тогдашнее иркутское начальство, очевидно, не имѣя ни малѣйшаго понятія объ этой вѣрѣ, заботилось не о дѣйствительномъ ограниченіи ламства, а главнѣйше объ исправномъ сборѣ государственныхъ налоговъ. Въ предписаніи отъ 13-го марта 1773 года на имя Хоринскаго тайши, Бурятамъ дозволялось въ каждомъ родѣ имѣть свой дацанъ и узаконенное, штатное число духовенства, остальные же хотя и могли посвящаться въ ламы, однако наравнѣ съ простолю-

динами должны были вносить подати. Само собою разумѣется, что такое распоряженіе не только не стѣсняло буддистовъ, но еще давало имъ большій просторъ. Много ли значило уплатить 70, 80 коп., а между тѣмъ въ этомъ должны были найти спокойствіе обѣ стороны! И дѣйствительно буддисты начали чувствовать себя еще привольнѣе и буддизмъ еще развилистѣе распустилъ свои вѣтки. Въ томъ же 1773-мъ году былъ построенъ Ходонскій деревянный дацанъ (храмъ) и въ него былъ привезенъ первый «Юмъ» изъ Монголіи. Въ 1783 году основана Тугнуйская хурѣ (монастырь). Въ 1795 г. построился Анинскій дацанъ, а какъ на постройку его не было испрошено разрѣшенія, то храмъ этотъ въ первое время числился «молитвеннымъ домомъ» хоринскаго тайши. Въ 1806-мъ году былъ воздвигнутъ, новый, и уже каменный Анинскій дацанъ, на постройку котораго въ первый разъ было собрано съ народа 33,162 р. а потомъ еще 12,103 рубля. Въ 1811 году построился каменный же Агойскій дацанъ и на него было израсходовано 49,630 р. Въ 1821-мъ году былъ впервые построенъ Цугельскій дацанъ, гдѣ началось настоящее изученіе Цанита. Отсюда начали расходиться уже дѣйствительно ученые ламы и вскорѣ ученіе Цанита было перенесено и въ монастыри Гусино-озерскій и Анинскій. Пропорціонально этому увеличенію числа монастырей увеличивалось конечно и число ламства: по оффиціальнымъ свѣденіямъ 1822-го года у Бурятъ оказалось уже 2,532 ламы при 19 монастыряхъ. Только съ этого времени начали у насъ повидимому понимать значеніе ламства, заговорили о тяжести для народа этой массы безбрачнаго духовенства и начали заботиться о дѣйствительномъ ограниченіи числа его. И вотъ результатъ ряда этихъ ограниченій въ ихъ хронологической послѣдовательности.

Въ 1825 г. Управленіе Восточной Сибири положило признать штатными только 20 кумирень и при нихъ 293-хъ ламъ, остальныя же кумирни, равно какъ и вся остальная масса ламъ обращались въ сверхштатныхъ; впрочемъ въ томъ же году составленъ былъ новый штатъ, по которому Бурятамъ допускалось имѣть 516 ламъ.

Со вступленіемъ на престолъ Императора Николая Павловича было приступлено къ составленію новыхъ положеній относительно Бурятъ, исповѣдывающихъ буддизмъ; для разъясненія обстоятельствъ съ этою цѣлью были командированы въ Восточную Сибирь сначала Баронъ фонъ-Капштадтъ, а потомъ Сенаторъ графъ Толстой. Послѣдній, представивъ свой проектъ, предлагалъ значительно сократить число ламъ, такъ напримѣръ, изъ числа хоринскихъ восьми дацановъ онъ въ одномъ только ходонскомъ опредѣлялъ 20 ламъ, а въ остальныхъ число ихъ, по его мнѣнію, не должно было превышать 15. Вслѣдъ за симъ откомандировывалась съ цѣлью изслѣдованій еще

цѣлая масса чиновниковъ мѣстнаго, иркутскаго управленія, хотя дѣятельными изъ этихъ изслѣдователей были очень не многіе. Еще далѣе начали требовать свѣденій и справокъ отъ тайшей и родоначальниковъ, отъ ханбо ламы и ширѣтуевъ. А между тѣмъ уходили годы и даже цѣлые десятки лѣтъ; пока собирались справки и производились изслѣдованія, буддизмъ по старому росъ и ламы пожалуй даже еще бойчѣе завербовывали бурятскую молодежь въ свои монастыри. Въ 1842-мъ году иркутское начальство снисходя къ просьбамъ Бурятъ допустило у нихъ существованіе 34-хъ кумиренъ съ 580-ю ламами, остальныя же капища приказало уничтожить. Замѣчательно, что въ томъ же году по собраннымъ свѣденіямъ, число ламъ оказалось 5,545 душъ т. е. масса ихъ въ то самое двадцатилѣтіе, когда изыскивались средства къ ограниченію буддизма, производились ревизіи и всякаго рода разслѣдованія, увеличилась больше чѣмъ вдвое. Въ слѣдующемъ 1845-мъ году, по свѣденіямъ, собраннымъ въ степяхъ совѣтникомъ Главнаго Управленія Восточной Сибири Безносиковымъ, оказалось, что у однихъ только Хоринцевъ считалось 4,653 ламы. Эта масса должна была буквально поразить правительство. Затребовали справки отъ ханбо ламы, вѣдавшаго бурятское духовенство. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что ханбо-лама въ своемъ отвѣтѣ долженъ былъ уменьшить дѣйствительное число, но и то что было сообщено имъ уже было достаточно вѣско. Въ донесеніи отъ 30-го января 1846 г. за № 45-мъ ханбо лама отвѣчалъ, что всего въ его вѣдомствѣ насчитывается 34 дацана (монастыря), 144 отдѣльныхъ храмовъ и 4509 ламъ. По сообщеніи обо всемъ этомъ въ Петербургъ, министерствомъ Внутреннихъ дѣлъ былъ командированъ въ бурятскія степи камеръ-юнкеръ графъ Левашевъ, который, осмотрѣвъ на мѣстѣ положеніе дѣлъ, представилъ докладъ, легшій въ основу новыхъ положеній о бурятскомъ ламайскомъ духовенствѣ. Положенія эти удостоились высочайшаго утвержденія 13-го марта 1853 г. Они установляли у Бурятъ 34 дацана, 280 ламъ и 35 такъ называемыхъ учениковъ вѣры, т. е. подготовлявшихся къ принятію ламскаго званія. Ко времени обнародованія этого положенія относится первый изъ находящихся у насъ документовъ. Это писанное къ одному монгольскому хутухтѣ письмо, въ которомъ Буряты печалуются на свою жалкую судьбу, ради красы составляютъ разнаго рода небылицы и наконецъ просятъ хутухту помочь ихъ горю своею молитвою. Представляемъ точный текстъ и переводъ этого любопытнаго документа, вполнѣ увѣренные въ томъ, что онъ самъ по себѣ укажетъ теперь нашимъ читателямъ суть дѣла.

[illegible]

ПЕРЕВОДЪ.

У златокружной стопы святаго вачжра-дары, хамбо, йогацзари, драгоцѣннаго ламы

всѣ принадлежащіе къ желтому ученію и 34-мъ дацанамъ сѣверныхъ странъ Русскаго Императора, чтобы только не явиться съ пустыми руками, подносятъ мандалъ и просятъ о слѣдующемъ:

По случаю составленія новыхъ положеній относительно исповѣдуемой

[illegible]

далѣе письмо оборвано; въ припискѣ къ нему еще находятся слѣдующія строки:

[illegible]

нами желтой вѣры и быта хувараковъ (-духовенства), отъ нашего святаго государя былъ командированъ господинъ, камеръ-юнкеръ Сергѣй Левашевъ. Обревизовавъ наши сѣверные 34 дацана, (онъ составилъ) положенія желтой вѣры; сверхъ того и завѣдующіе государственными дѣлами русскіе сановники, представивъ совокупныя соображенія, желтую вѣру нашу теперь хоть и не уничтожили въ основѣ совершенно и явно, но очевидность желанія ихъ по нѣкоторомъ (времени) сократить и затемнить ее слѣдуетъ изъ того, что они въ каждомъ дацанѣ, чтобы только не былъ онъ пустымъ, дѣлаютъ

по пяти ламъ, да и тѣхъ, говорятъ, заберутъ въ далекія русскія страны и до тѣхъ поръ, пока не окончатъ они изученія русскихъ книгъ, не дозволятъ имъ изучать священныя книги нашей нарочито важнѣйшей вѣры; говорятъ, что будутъ дѣлаться ламами послѣ того, какъ изучатъ книги относительно установленныхъ обычаевъ русскихъ. Если это такъ, то намѣреніе русскихъ исполнится въ томъ случаѣ, если вовсе не будетъ производства ламъ, такъ какъ (буряты), вслѣдствіе обширности (русскаго) обученія, будутъ учить русскія книги до конца жизни, и, прошедши ихъ, уже не будутъ имѣть возможности изучать свои священныя книги. Прежнія церковныя достоинства шанцзобы, цорчжи и прочія должности уничтожили, воспретили совершенно принятіе духовнаго званія изъ за благочестія и, если попадется такое лицо, то обоимъ и посвятившемуся и посвятившему будутъ рубить головы. Приказано запретить изученіе буддійскихъ, богословскихъ наукъ, и даже живущимъ въ степяхъ прихожанамъ приглашать (ламъ) для чтенія номовъ. Считая желтую вѣру ниже и хуже чѣмъ поклонниковъ вѣры онгоновъ (-шаманства), они (т. е. русскіе) унижаютъ ее. Сверхъ того сокращая ламъ и восхваляя шаманство, они думаютъ, что, заставивъ послѣдователей желтой вѣры исповѣдывать шаманизмъ, въ концѣ концовъ принудятъ ихъ войти въ вѣру русскую.

Поэтому то ради укрощенія гибели вѣры и хувараковъ и ради постепеннаго возвышенія вѣры будды, ламства и мудрости пониманія (основъ вѣры), ввѣряемъ себя милосердому покровительству ламы вачжра дары и, окончивъ мольбу отъ всего сердца, чтобы только не явиться съ пустыми руками, приносимъ въ мандалъ слѣдующія вещи: одинъ хадакъ-ванланъ; серебряные часы; зрительную трубу; 180 ко̀ралловъ; два желтыхъ соболя; 4 аршина сукна; вмѣстѣ съ 26 аршинами бархату..... (далѣе оторвано)

Въ припискѣ: «Здѣсь молясь тремъ драгоцѣнностямъ мы отслужили гурумъ (молебствіе). За симъ, относительно обстоятельствъ совершенія тамъ (т. е. въ Монголіи) монастыря и богослуженія, мы написали и послали въ особомъ письмѣ, написанномъ по тибетски. Думаемъ, что если какъ слѣдуетъ совершить эти молебствія и постараться съ благоговѣніемъ и вѣрою, то (русскіе) будутъ не въ состояніи сдѣлать такое великое зло для вѣры.»

Настоящее письмо уже въ достаточной степени показываетъ, въ какомъ возбужденномъ состояніи находились Буряты вслѣдствіе изданія новыхъ положеній о буддистахъ. Необходимо впрочемъ замѣтить, что одинъ этотъ документъ еще не въ состояніи выяснить намъ истиннаго положенія дѣла. Судя по нему, можно предположить, что Буряты простодушно довѣряли всѣмъ, носившимся въ то время по степямъ слухамъ (какъ напр. о назначеніи смертной казни самовольно посвятившимся въ ламы, о вос-

прещеніи вызывать ламъ въ степь для совершенія религіозныхъ требъ, о вызовѣ готовящихся къ принятію ламскаго званія въ Россію для полученія образованія и пр.) и запуганные этими предполагаемыми новшествами, искали спасенія отъ нихъ только у Будды, да у его земныхъ представителей—гэгэновъ. Но на дѣлѣ это было далеко не такъ. Другой документъ свидѣтельствуетъ намъ, что Бурятамъ до мельчайшихъ подробностей были извѣстны не только всѣ дѣйствія, но и намѣренія русскаго правительства и что если передъ своими монгольскими собратіями пѣли они жалобныя пѣсни, то у себя дома они давно уже составили планъ какъ обойти всѣ эти новшества и что предпринять противъ этихъ нововведеній. Совладать со всѣмъ этимъ бурятамъ было очень не трудно именно въ силу того, что наши администраторы не имѣли ни малѣйшаго понятія о буддизмѣ. О льготахъ для построенія новыхъ храмовъ Буряты напримѣръ и не хлопотали; они хорошо знали, что ни одинъ изъ русскихъ чиновниковъ не знаетъ, что такое буддійскій храмъ и не съумѣетъ отличить его отъ простой буддійской молельни, или отъ часовни: въ народѣ еще живо было преданіе о томъ, что цѣлый анинскій монастырь чуть ни двадцать лѣтъ числился у мѣстной администраціи молельной хоринскаго тайши, да и теперь на глазахъ Бурятъ было раскинуто по степи 144 буддійскихъ храма, которые у русскихъ считались не болѣе какъ часовнями. И такъ безпокоиться было не о чемъ, можно было настроить еще сотню такихъ храмовъ и увѣрить начальство, что все это простыя домовыя молельни. Гораздо труднѣе для Бурятъ было спасти свое духовенство. Русскіе въ это время уже привыкли отличать духовную особу отъ свѣтской: они знали, что всѣ ламы обязаны брить свои головы, что высшія степени буддійскаго духовенства должны носить платье желтаго цвѣта, а низшія — краснаго цвѣта. Обойти первую примѣту еще была возможность: ламы выяснили и себѣ и народу, что можно не брить волосы, а стричь ихъ подъ гребенку (въ монголо-буддійскихъ постановленіяхъ относительно снятія волосъ съ головы стоитъ глаголъ *кэрчиху*, что значитъ «срѣзать», — срѣзать бритвою или ножницами, это оказалось все равно); но какъ было поступить съ одеждою? Красные халаты составляютъ дѣйствительно особенность ламъ *низшаго* ранга и слѣдовательно большинства, а между тѣмъ обстоятельство это было извѣстно русскому чиновничеству, и стало быть ни одинъ лама не могъ укрыться отъ него. Тогда Буряты порѣшили на общемъ совѣтѣ сдѣлать представленіе русскому правительству, что красный цвѣтъ костюма есть національный цвѣтъ бурятскаго платья, а потому-де употребленіе его должно предоставить волѣ каждаго. Вообще подобныхъ вопросовъ возбуждалась цѣлая масса; всѣ они вызывали собою народныя собранія, послѣ которыхъ посылались просьбы, дѣлались пред-

ставленія, откомандировывались депутаціи изъ выборныхъ людей для личныхъ объясненій съ губернаторами, генералъ-губернаторомъ и пр. По всѣмъ городамъ и присутственнымъ мѣстамъ, начиная съ иркутскаго главнаго управленія и оканчивая послѣднею канцеляріею засѣдателя полицейскаго правленія, у Бурятъ были подкуплены мелкіе чиновники и писцы, которые были обязаны извѣщать бурятскихъ родоправителей и главу бурятскаго

духовенства обо всемъ, что дѣлалось и предпринималось начальствомъ. Доставляемые такимъ образомъ слухи потомъ переписывались и разсылались по всей степи въ видѣ импровизированныхъ газетъ. Одинъ изъ №№ такой газеты подъ названіемъ «соносбури», т. е. слухи, находится теперь въ нашихъ рукахъ и для характеристики этой эпохи бурятской жизни равно какъ и самаго этого изданія мы представляемъ его здѣсь въ текстѣ и переводѣ.

ПЕРЕВОДЪ.

Слухи:

Хоринскіе: голова Гонбо Вачировъ, Дугаръ чжабъ Вачировъ, Баатай Тархаевъ съ товарищами пришли и разсказывали слѣдующее:

Касательно отъѣзда въ Иркутскъ: 10-го сентября собирались въ Хоринской степной думѣ и постановили, чтобы оттуда, выяснивъ обстоятельства, отправились Ринчинъ Номтоевъ и Гомбо Вачировъ. Дѣло ихъ во 1-хъ въ томъ, чтобы (испросить разрѣшеніе) носить для всѣхъ платье, не отличающееся отъ (платья) штатныхъ ламъ; а во 2-хъ (испросить) совершеннаго отдѣленія отъ перекрестившихся, съ тѣмъ чтобы послѣдніе были перечислены въ земское вѣдомство.

На возвратномъ пути Синельникова главный лама съ товарищами ѣхали вслѣдъ за нимъ до Нохойской станціи съ тѣмъ, чтобы доложить о дѣлахъ вѣры, но не могши догнать его, остановились. Ширѣту Анинскаго дацана, сопровождая Синельникова, испрашивалъ разрѣшенія во 1-хъ чтобы помимо штатныхъ всѣ другіе имѣли право носить платье какого бы то ни было цвѣта (хоть бы и краснаго); а во 2-хъ чтобы дозволено было безпрепятственно изучать священныя книги на тибетскомъ и монгольскомъ языкахъ. Синельниковъ, говорятъ, сказалъ: «Вѣдь (всѣ) ваши, которые ходятъ безъ косы, — ламы?!! И, изучать книги своей вѣры и на своемъ языкѣ (вамъ) не воспрещено!

Касательно дѣла, представленнаго Дитмару: Оно было на разсмотрѣніи у совѣтника Скрильникова. Послѣдній вмѣстѣ съ совѣтникомъ Савенко, соображаясь съ положеніями, на своемъ совѣщаніи хотя будто бы и сговорились, что не воспрещается инородцамъ носить какое бы то ни было платье, тѣмъ не менѣе приказа объ этомъ ничего нѣтъ. Хотѣли было получить копію, но такъ какъ дѣло это въ рукахъ у совѣтника, то не было возможности.

Приказомъ Синельникова совѣтникъ Семеновъ, получивъ 250 р. дорожныхъ прогоновъ, отправляется въ степь срокомъ на три мѣсяца, чтобы разслѣдовать о ламахъ (проживающихъ) сверхъ штата, и о противузаконныхъ поступкахъ ламъ штатныхъ. Дѣло это онъ получилъ 10-го сентября; но, когда онъ отправится и въ какую сторону — неизвѣстно.

По приказу Генералъ-губернатора, исправникомъ дано подтвержденіе главному тайшѣ, что всѣ штатные ламы, которые будутъ дѣйствовать противузаконно и тѣ люди, которые будутъ исполнять ламскія обязанности (очевидно дѣло идетъ о самовольно принявшихъ ламство), согласно 27-го параграфа новыхъ положеній, будутъ отсылаемы на поселеніе въ Якутскую

область. Объ этомъ слышали отъ письмоводителя исправника. Относительно поѣздки совѣтника Семенова слышали отъ Тарба Намчжилова.

Помощникъ исправника Муромовъ застрѣлился, а на мѣсто его говорятъ будетъ г. Федоровъ. По поводу самоубійства его, говорятъ, нѣтъ ничего особеннаго.

Объ иркутской поѣздкѣ въ настоящее время нѣтъ ничего положительнаго. Не будетъ ли она задержана поѣздкою Семенова? Хотя и намѣревались (кто?) сдѣлать вторичный докладъ по своему дѣлу, представленному генералу Дитмару, но, побоявшись предшествовавшаго обстоятельства, остановились.

Дѣло захваченнаго здѣсь курбинскаго лацаба и его товарищей передано въ вѣденіе земскаго засѣдателя, но еще не окончено.

Дѣло о Заруна'скомъ штатномъ (ламѣ) Сойцоронъ Морхонаевѣ, который былъ захваченъ на степи въ своей юртѣ, разслѣдуютъ земскій засѣдатель съ хоринскимъ тайшею, депутатомъ и ухэрскимъ миссіонеромъ. Бывшихъ съ нимъ маленькихъ хувараковъ отдали подъ надзоръ въ юртахъ, а двухъ постарше, говорятъ, привлекли къ слѣдствію. Объ этомъ ходятъ большіе слухи.

Уже одинъ № этой газеты можетъ свидѣтельствовать намъ, какъ зорко слѣдили Буряты за ходомъ событій и какъ своевременно могли они предпринимать и дѣйствительно предпринимали всякія мѣры въ противодѣйствіе нововведеніямъ, вносимымъ въ ихъ жизнь русскимъ законодательствомъ и отдѣльными постановленіями мѣстнаго начальства. Благодаря этой зоркости черезъ нѣсколько лѣтъ жизнь Бурятъ снова потекла своею обычною колеею. По прежнему вели они свои сношенія съ Монголіей, по прежнему переходили монгольскую границу и свободно проживали цѣлые года въ халхаскихъ монастыряхъ, а монгольскіе ламы въ свою очередь бродили по бурятскимъ степямъ, ратуя о дѣлахъ вѣры и собирая съ Бурятъ обильныя подаянія. Проф. Васильевъ, припоминая событія изъ своей жизни въ Пекинѣ, разсказываетъ, что въ одно время его буквально осаждали тамъ монгольскіе ламы съ распросами, какъ бы пробраться имъ въ нашу благословенную Россію. Дѣло въ томъ, что въ Пекинѣ въ ту пору пронесся слухъ, будто въ нашихъ бурятскихъ степяхъ проживаютъ такіе щедрые милостынедатели, что отъ нихъ простой проходимецъ, назвавшійся хубилганомъ, увезъ добычу на 50 верблюдахъ, навьюченныхъ серебромъ, кораллами, дорогими мѣхами, сукнами и шелковыми матеріями. Въ этомъ нѣтъ, конечно, ничего удивительнаго и нижеслѣдующая росписка свидѣтельствуетъ, что въ бурятскія степи являются ламы и подальше чѣмъ изъ Пекина.

[illegible]

ПЕРЕВОДЪ.

Казначейству Мухэ уяни храма Золотаго ганчжура, находящагося въ странѣ У-тай

почтенные милостынедатели Берцынскаго дацана: Ширѣту лама, гэлунъ Лубсанъ-чойпилъ-дорчжи, гэлунъ Лубсанъ-самданъ, гэлунъ Лубсанъ-дамба, гэлунъ Лубсанъ-дорчжи, гэцуль Лубсанъ-наванъ, гэцуль Лубсанъ-домдокъ-дорчжи, гэнинъ Лубсанъ-норбо, гэнинъ Чжигмитъ, гэнинъ Шакдар-цэренъ-чжамсаранъ-гомбо и лама Ямпилъ-дарсоронъ, руководствуясь истиннымъ благочестіемъ и вѣрою, взяли ганчжуръ тараланъ и поднесли на сто ланъ скота: четыре лошади, изъ которыхъ одна — иноходецъ, пять быковъ и одну четырех-годовалую корову; всего по числу десять скотинъ. Желая впослѣдствіи еще большихъ приношеній, приняли эту росписку. По силѣ этой сдѣланной добродѣтели во всѣхъ и въ каждомъ перерожденіи да возрождаются они нераздѣльно со святымъ гэгэномъ ламы Маньчжушри.

Всеобщаго правителя 9-й годъ 1-й осенней луны 15-го числа (это соотвѣтствуетъ августу мѣсяцу 1870-го года).

Росписка эта была дана съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ этикета великихъ буддійскихъ обителей. Она написана на квадратномъ клокѣ желтаго шелковаго атласа, каковой цвѣтъ, какъ цвѣтъ религіозный, свидѣтельствовалъ о святости приношенія; самое употребленіе атласа вмѣсто бумаги очевидно было расчитано и било на эффектъ; росписка скрѣплена тремя монастырскими печатями, съ начертанными на нихъ письменами монгольскаго и китайскаго алфавитовъ, — что какъ будто бы напоминаетъ о пожалованіи монастырю этихъ печатей сыномъ неба — великимъ повелителемъ срединнаго государства.

Гораздо проще ведется дѣло у Бурятъ съ сосѣдящею имъ Халхою и это конечно обусловливается прежде всего близостью и болѣе частыми сношеніями. Монгольскіе ламы постоянно бродятъ по степямъ Забайкалья, въ свою очередь и бурятскіе то и дѣло являются въ Монголію, то для изученія номовъ, то для поклоненія тамошнимъ святынямъ, то просто на празднества и торжественныя церемоніи. Изъ монгольскихъ монастырей Буряты болѣе часто посѣщаютъ Ургу, Эрдэни-цзу, Амуръ баясхуланту и нѣкоторыя другія прославленныя обители аймака Тушѣту хана; что же касается Сэцэнъ-хановскаго аймака и особливо сѣверныхъ границъ его, соприкасающихся бурятскимъ кочевьямъ, то Буряты здѣсь могутъ быть названы «своими». Въ Сэцэнъ-хановскомъ аймакѣ они имѣютъ даже своихъ гегеновъ покровителей, изъ которыхъ самою большею популярностію пользуются у нихъ Хухэнъ-хутухту и Ганчжорва гэгэнъ. Можно сказать, что ни одно событіе и предпріятіе изъ жизни религіозной не проходитъ въ этомъ аймакѣ безъ участія Бурятъ. Во время моего пребыванія на Керуленѣ въ ставкѣ бэйсэ, тамъ строился новый храмъ; Буряты, какъ истинные ревнители благочестія, пожертвовали въ этотъ храмъ желѣзо и стекла, — предметы первой дороговизны въ Монголіи. Совершаются приглашенія къ такого рода пожертвованіямъ уже совсѣмъ просто. Мы имѣемъ у себя образецъ такого приглашенія въ письмѣ Ганчжорва гэгэна къ ширѣтую гуновскаго дацана. Оно представляетъ собою форму дружескаго письма, писаннаго на простомъ клочкѣ бумажки, и, по обычаю всѣхъ гэгэновъ, утвержденнаго двумя малыми гэгэновскими печатями, приложенными на первой и на послѣдней строкѣ посланія. Вотъ оно въ точномъ своемъ текстѣ и переводѣ.

[illegible]

ПЕРЕВОДЪ.

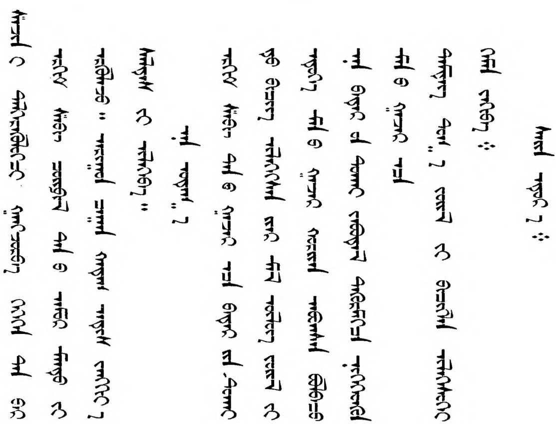
Отъ Ганчжорва гэгэна послано къ Лубсанъ чоймпилу, верховному ученику, милостынедателю и ширѣтую обители дацанъ Чойнхоръ линъ.

Обстоятельство таково: Я, гэгэнъ, стремясь къ увеличенію блага будды а равно пользы и довольства многихъ одушевленныхъ существъ, вознамѣрился пріобрѣсти изображенія 1000 буддъ благихъ временъ, всѣ одинаковыя, величиною въ локоть, сдѣланныя изъ красной мѣди и позолоченыя. Цѣна каждаго изъ нихъ 15 ланъ чистаго серебра. Нынѣ, чтобы ты пробудилъ въ ученикахъ различныхъ мѣстностей и въ милостынедателяхъ сочувствіе къ этому моему сооруженію, объявилъ и внушилъ имъ воздвигнуть нѣсколько бурхановъ, я поручилъ Рабчжамбѣ Иши-чжансан'у доставить тебѣ снурочки съ рукъ будды и подарки. Думаю, что вами будетъ тщательно оказана помощь по (вашему) благоговѣнію».

Къ какому времени относится это посланіе въ самомъ текстѣ не обозначается, а потому и опредѣлить его въ точности невозможно. Намъ достовѣрно извѣстно только то, что пріобрѣтеніе 1000 бурхановъ въ монастырѣ

Ганчжорва гэгэна было совершено въ 1876 году, слѣдовательно приблизительно въ эту пору было писано и настоящее письмо.

Просматривая всѣ представленные документы, мы невольно замѣчаемъ выражающееся въ нихъ тяготѣніе Бурятъ къ Монголіи, тяготѣніе о которомъ всегда говорятъ такъ много и которое при томъ всегда выставляется причиною обѣдненія Бурятъ. Говорятъ, что Монголія съ ея ламами и монастырями поглощаетъ массу бурятскаго достатка, а слѣдовательно и русскихъ богатствъ. Возражать противъ этого мы не будемъ, но съ нашей стороны было бы весьма несправедливо не указать другаго сорта документовъ, изъ которыхъ наоборотъ видно, что и Буряты въ свою очередь пользуются сборами съ Халхасовъ. Текстъ и переводъ слѣдующаго письма того же Ганчжорва гэгэна вполнѣ подтверждаетъ сказанное.



ПЕРЕВОДЪ.

Распространитель вѣры Ганчжорва гэгэнъ,
освѣдомляясь о здоровьи почтеннаго ученика Чойпила, присылаетъ бѣлый хадакъ, благословеніе и святой снурочекъ.

Вслѣдствіе письма, которое при настоящемъ случаѣ было послано отъ почтеннаго ученика относительно сбора подаяній на храмъ, теперь здѣсь хоть и собраны, скотъ и вещи, но только по совершенномъ окончаніи этого сбора, я пошлю все за разъ, описавъ и число (вещей) и (ихъ) примѣты.

Въ счастливый день.

И такъ подобно тому какъ Монголы посылали за сборомъ подаяній къ Бурятамъ, Буряты также точно посылали своихъ сборщиковъ въ Монголію; отсюда естественно слѣдуетъ, что если въ нашей литературѣ мы и встрѣчаемся съ массою фактовъ, свидѣтельствующихъ объ эксплуатаціи нашихъ Бурятъ данниками китайскаго богдохана, то выводы изъ этихъ фактовъ отнынѣ должны подлежать значительному ограниченію, ибо, насколько намъ помнится, доселѣ никто и никогда не говорилъ еще о томъ, что и Буряты также точно находятъ для себя помощь въ Монголіи. Удовлетворительное рѣшеніе вопроса объ эксплуатаціи Бурятъ, получится слѣдовательно только тогда, когда мы пріобрѣтемъ свѣдѣнія и безпристрастно разберемъ, что даютъ Буряты въ Монголію и что получаютъ онѣ нея. Для насъ пока остается одинъ неоспоримый фактъ, это фактъ тѣсной связи Бурятъ съ Монголіею. Мы конечно склонны думать, что отъ этой, повидимому, взаимной помощи остаются въ барышахъ всегда Монголы; это обусловливается, частію бо̀льшимъ богатствомъ и зажиточностію Бурятъ, частію обиліемъ халхаскихъ монастырей, частію наконецъ процвѣтаніемъ буддизма въ Монголіи, въ силу котораго Буряты благоговѣютъ предъ монголо-халхаскими монастырями не только потому, что они являются старѣйшими буддійскими обителями, но и потому, что они имѣютъ въ себѣ много такихъ святынь, которыя совершенно не доступны для монастырей бурятскихъ. Народъ, стоящій на низшей степени развитія, совершенно безотчетно влечется къ этому загадочному для него міру святынь и безсознательно преклоняется предъ его таинственною высотою. Это чувство еще больше поддерживается у бурятъ ихъ собственными ламами. Отсюда, можно положительно сказать, что съ одной стороны вліяніе ламства, а съ другой полнѣйшее невѣжество громаднаго большинства Бурятъ въ пониманіи того, что такое представляютъ собою Монголія и Монголы, служатъ основною причиною тяготѣнія Бурятъ къ Монголамъ, а за симъ являются и исходною точкою, на которой зиждется эксплуатація Бурятъ Монголами. Сами бурятскіе ламы теперь уже хорошо понимаютъ характеръ не только монгольскихъ, но даже и тибетскихъ своихъ собратій. Собственный горькій опытъ постоянно научаетъ ихъ осторожности, а вмѣстѣ съ симъ показываетъ и то, что въ странахъ святыни живутъ точно такіе же грѣшные люди. Мы имѣемъ у себя подлинникъ письма одного бурятскаго ламы, которое писалъ онъ своимъ сородичамъ изъ Тибета: въ свѣденіяхъ и совѣтахъ, составляющихъ содержаніе этого письма нельзя не видѣть очень много знаменательнаго:

ПЕРЕВОДЪ.

Омъ-сости! Если есть въ средѣ вашей люди, намѣревающіеся для обученія придти сюда, въ Тибетъ, хорошо, если бы они пришли поскорѣе. Вообще, было бы очень хорошо, если бы приходили, по возможности, ниже пятьнадцатилѣтняго возраста. Такъ какъ молодой возрастъ способнѣе къ перенесенію климатическихъ перемѣнъ, къ изученію священныхъ книгъ, къ усвоенію монастырскихъ обычаевъ и всего такого, то молодой человѣкъ и хорошъ. Тѣмъ не менѣе если будетъ и человѣкъ ниже тридцатипятилѣтняго возраста, онъ можетъ учиться. Человѣку большихъ лѣтъ жить (въ ученьи) не возможно и причина этого въ томъ, что какъ ни велико ученіе цанита, но все его должно затвердить и читать безъ запамятованія. А какъ у человѣка пожилыхъ лѣтъ память ослабѣваетъ, то онъ не будетъ въ состояніи затвердить все, поэтому то и говорится, что не нужны пожилые люди. Кто придетъ, долженъ приходить, упрочивъ свое содержаніе. Если въ состояніи, то и тысяча ланъ не будетъ много; тѣмъ не менѣе если придетъ человѣкъ, имѣющій содержаніе свыше двухъ сотъ ланъ, то перебиваясь и ухищряясь онъ можетъ прожить здѣсь нѣсколько лѣтъ; но хорошо жить нельзя. Кромѣ серебра другихъ какихъ бы то ни было вещей брать не нужно. Если есть дома хоть одинъ квадратъ шелковой матеріи, нужно взять его; за всѣмъ тѣмъ покупать откуда нибудь не нужно. Такъ какъ шелковыя матеріи, хадаки и тому подобныя вещи здѣсь дешевы, то и брать ихъ нѣтъ надобности. Отъ дома до Тибета въ промежуточномъ пути необходимыя продовольствія и подводы таковы: Если идти срединою, черезъ Китай, то до Пекина средства переѣзда легки, а въ пищу живой скотъ, — хорошо. За Пекиномъ до Андо если будетъ тысяча ланъ, нужно двѣ подводы, а съ 500, 600-ми ланъ можно и на одной хорошей подводѣ. Отъ Андо до Тибета если будетъ тысяча ланъ, можно на четырехъ вьючныхъ подводахъ, а съ 500, 600-ми ланъ, можно и на трехъ. Въ дорогѣ должно заботливо присматривать и беречь свое продовольствіе. Прежде я расходовалъ безъ бережливости и съ большимъ изобиліемъ; а потому теперь, порѣшивъ свои припасы, мучаюсь безъ товарища. Если своего не пожалѣешь, то чужое кто будетъ жалѣть. Въ настоящее время не найдешь товарища добраго, у котораго не было бы черныхъ намѣреній, а потому и должно думать о себѣ самому.

Во всѣхъ дѣлахъ счастіе и святость!

А. Позднѣевъ.

Арабскія сказанія о пораженіи Романа Діогена Алп-Арсланомъ.

II.

Имâд-эд-динъ Исфаганскій.

Секретарь Саладина, Имâд-эд-динъ Исфаганскій, принадлежитъ къ той школѣ арабскихъ историковъ, которые, подъ вліяніемъ персидской риторической исторіографіи, полагали, что ходъ событій непремѣнно долженъ излагаться *краснорѣчиво*. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ это требованіе — несомнѣнный шагъ впередъ. Оно доказываетъ пробужденіе новаго взгляда на задачи исторіографіи: рядомъ съ первой и главной задачей всякаго историческаго сочиненія, т. е. передачей историческихъ фактовъ, выступаетъ и вторая: изложеніе этихъ фактовъ въ изящной формѣ. Если бы арабы обладали бо̀льшими творческими силами, то именно изъ этой школы могли бы выйти арабскіе историки-художники, арабскіе Геродоты, Ѳукидиды, Тациты. Но къ сожалѣнію *краснорѣчіе* понималось слишкомъ узко: краснорѣчіе для арабскихъ писателей, начиная со временъ аббасидовъ, т. е. со времени духовной побѣды персидскаго элемента, состояло въ нагроможденіи метафоръ, въ употребленіи рѣдкихъ словъ, большинству читателей безъ объясненія непонятныхъ, въ погонѣ за риѳмами и созвучіями, ласкающими ухо, но затрудняющими пониманіе, въ обиліи никому не нужныхъ каламбуровъ. Не смотря на все это, подобныя сочиненія — авторы которыхъ обыкновенно принадлежали къ классу чиновному, къ кâтибамъ, и потому имѣли доступъ къ многимъ матеріаламъ, закрытымъ для простыхъ смерт-

ныхъ — имѣютъ для насъ часто большое значеніе и пренебрегать ими отнюдь не слѣдуетъ, особенно, когда они являются единственными сохранившимися современными данной эпохѣ источниками. Таковы, напримѣръ, извѣстная исторія Махмуда Газневидскаго, Тарӣх-и-Ямӣни, составленная ал-Утби, исторія взятія Іерусалима Саладиномъ и исторія Сельджукидовъ нашего Имâд-эд-дина. Послѣдняя, озаглавленная авторомъ نصرة الفترة وعصرة الفطرة, написана слогомъ, показавшимся слишкомъ выспреннимъ самимъ арабамъ, и вотъ нашелся ученый, нѣкто ал-Фатх-ибн-Мухаммед-ал-Бондâри ал-Исфагâни, который, спустя около 100 лѣтъ послѣ ея составленія рѣшился передѣлать ее, имѣя въ виду облегчить ея пониманіе при помощи нѣкотораго упрощенія слога. Эта передѣлка ал-Бондâри дошла до насъ въ двухъ экземплярахъ: 1) въ рукописи Бодлеянской библіотеки въ Оксфордѣ Cod. Laud (B) 113 [1]) и 2) въ рукоп. Парижской Національной библіотекѣ Anc. f. № 767 A, которую я обозначу буквою *P*. Оба эти списка весьма древни и даютъ текстъ очень удовлетворительный. *O* списанъ въ 725 (1325) г. Въ началѣ онъ неполонъ и предисловіе въ немъ придѣлано подложное. *P* списанъ съ автографа ал-Бондâри въ 660 (1262) г. Подлинное же сочиненіе Имâд-эд-дина до сихъ поръ извѣстно только въ одномъ экземплярѣ, Cod. Paris. Bibl. Nat. Supplém. ar. № 772. Списокъ — новый, начала нашего столѣтія или конца прошлаго. Я его обозначу буквой *J*. Ал-Бондâри въ своемъ предисловіи обѣщаетъ, что онъ сохранитъ *всѣ* историческія черты, *всѣ* факты и даже лучшіе перлы краснорѣчія Имâд-эд-дина. Если позволено судить о всемъ сочиненіи по помѣщаемому ниже отрывку, то ал-Бондâри дѣйствительно сдержалъ свое обѣщаніе: именно этотъ отрывокъ, списанный мною съ *O*, и сличенный съ *P*, былъ для меня сличенъ еще и съ *J* профессоромъ Торбеке — за что я приношу ему здѣсь свою искреннюю благодарность — и при этомъ оказалось, что дѣйствительно ал-Бондâри не пропустилъ ничего существеннаго, а ограничился лишь весьма незначительнымъ измѣненіемъ нѣкоторыхъ фразъ. Сочиненіе Имâд-эд-дина войдетъ цѣликомъ въ предпринятый д-ромъ Хаутсма въ Лейденѣ сборникъ текстовъ относящихся къ исторіи разныхъ сельджукидскихъ династій, [2]) въ виду чего я здѣсь ограничусь нижеслѣдующими замѣчаніями, сдѣланными на основаніи Оксфордскаго экземпляра передѣлки ал-Бондâри.

---

1) Я ее обозначаю буквой *O*.

2) Recueil de textes relatifs à l'histoire des Seldjoucides par M. Th. Houtsma. Vol. I. Histoire des Seldjoucides du Kermân par Muhammed Ibrahîm. Lugd. Bat. ap. E. J. Brill. 1886. Ср. въ этомъ сочиненіи стр. IX—X.

Имâд-эд-динъ составилъ свою исторію въ 579 г.[1]) (1183/84) и ведетъ разсказъ съ возникновенія сельджукидской династіи до 575 г. (1179/80). Начиная съ царствованія Меликшаха, т. е. съ 472 года (1079/1080), онъ основывается главнымъ образомъ на персидскомъ сочиненіи везиря Нуширвâна, которое онъ цѣликомъ принялъ въ свое. Вотъ что мы читаемъ въ *O*, fol. 40^b; قال الامام عماد الدين محمد بن محمد بن حامد الكاتب الاصفهانى رحمه الله ولمّا كان الكتاب الذى صنّفه انوشروان الوزير عرّبته وهذّبته وقد انتهيت فى هذا الموضع الى مفتتحه وصلتُ هذه الجملة التى ذكرتُها به و جعلتها طريقا الى دخول بابه لكنّى عند انقضاء ايام كلّ سلطان اوردت حوادث تجدّدت فى عصره واخلّ انوشروان بذكره ومن هاهنا تقع بما بدأ به البدايةُ ويَكْمُلُ بتعريبه والاعراب العناية والكتاب هو بسم الله الرحمن الرحيم ايام السلطان جلال الدنيا و الدين ابى الفتح ملكشاه بن الب ارسلان يمين امير المومنين الخ

т. е. «Говоритъ имамъ Имâд-эд-динъ Мухаммед-ибн-Хâмид-ал-Кâтиб-ал-Исфагâни, да помилуетъ его Богъ: такъ какъ я перевелъ на арабскій языкъ и усовершенствовалъ книгу, сочиненную везиремъ Ануширвâномъ, и такъ какъ я теперь (въ изложеніи событій) дошелъ до того времени, съ котораго начинается эта книга, то я все разсказанное до сихъ поръ присоединилъ къ ней и сдѣлалъ какъ бы дорогой ведущей къ ея дверямъ. Но послѣ изложенія царствованія каждаго султана я скажу еще о такихъ событіяхъ происходившихъ въ его время, о которыхъ не упоминаетъ Ануширвâнъ. И здѣсь начинается начало его книги и (такимъ образомъ) завершатся мои старанія о переводѣ ея. Вотъ оно: «Во имя Бога, всемилостиваго и всемилосерднаго. Царствованіе султана Джелâл-эд-дунья ва-д-дин-Абу-л-Фатх-Меликшâха» и пр.

Согласно данному обѣщанію Имâд-эд-динъ тщательно отмѣчаетъ извѣстія, которыхъ онъ не нашелъ въ книгѣ Ануширвâна, равно какъ и тѣ случаи, когда онъ не согласенъ съ изложеніемъ дѣла у своего предшественника. [2])

Просматривая рукопись въ Оксфордѣ въ 1875 г. я къ сожалѣнію не

1) Это явствуетъ изъ *O*, f. 107^b, гдѣ говорится о везирѣ Адуд-эд-дин-ибн-Камâл-ал-мюлькѣ, и гдѣ Имâд-эд-динъ замѣчаетъ, что этотъ везирь «до сего времени, т. е. до 579 года, продолжаетъ свою добродѣтельную жизнь» قال عماد الدين وهو [اى عضد الدين بن كمال الملك الوزير] الى اليوم من سنة ٥٧٩ حسن السير

2) Ср. н. пр. *O*, f. 52^b и 63^a внизу قال الامام عماد الدين عاد الحديث الى تعريب كتاب انوشروان, f. 104^b قال عماد الدين لم يكن كما ذكر и пр.

отмѣтилъ, сказано-ли въ ней, до какого года доведена книга Ануширвâна; но едвали она доходила дальше тридцатыхъ годовъ 12-го вѣка: Ануширвâнъ этотъ, сынъ Хâлида, былъ назначенъ товарищемъ везиря (نائب الوزير) при султанѣ Баркіарокѣ и игралъ довольно видную роль при немъ и его ближайшихъ преемникахъ. Султанъ Масъудъ отставилъ его отъ должности везиря въ 530 г. (1135/36) и съ тѣхъ поръ онъ уже не является болѣе на сценѣ, а остатокъ дней своихъ проводитъ въ Багдадѣ.[1]) Онъ безъ сомнѣнія имѣлъ полную возможность знать явную и закулисную сторону дѣлъ и событій и его сочиненіе, персидскій подлинникъ котораго къ сожалѣнію до сихъ поръ еще не найденъ, должно быть признано первоклассным источникомъ для исторіи Сельджуковъ отъ Меликшâха приблизительно до тридцатыхъ годовъ 6-го вѣка (1135—1145). Имâд-эд-динъ съ своей стороны былъ очевидцемъ событій примѣрно съ 549 (1154/55)[2]) и доводитъ разсказъ до 575 г. (1179/80). Отбытіе его въ Сирію и паденіе значенія сельджукидскаго султаната побудили его, какъ онъ самъ сообщаетъ въ концѣ книги, ограничиться въ послѣдней ея части изложеніемъ только главныхъ событій не вдаваясь во всѣ подробности.[3]) Тѣже самыя причины очевидно побудили его вообще прекратить повѣствованіе о дальнѣйшихъ судьбахъ Сельджукидовъ.

Изъ вышесказаннаго явствуетъ вся важность сочиненія Имâд-эд-дина для данной эпохи: это — *древнѣйшій до сихъ поръ извѣстный источникъ* и близостью, по времени, къ событіямъ нѣсколько превосходитъ даже недавно пріобрѣтенную Британскимъ музеемъ исторію Сельджукидовъ Садр-эд-дина Абу-л-Хасан-Алія ал-Хусейни,[4]) изъ которой благодаря любезности профессора Райта (W. Wright) я приведу ниже нѣсколько отрывковъ.

1) См. Ibn-al-Athir XI, 29.

2) Ср. *O.* л. 297*ᵇ*.

3) *O*, л. 247*ᵃ* قال الامام عماد الدين رحمه الله وقد كنت اوثر ان انهى هذا الكتاب الى آخره بشرح حادثة كلّ عام و الانتهاء فيه الى كلّ مرام لكنه بغيبتى الى الشام و تباعدى عن معرفة صروف تلك الايّام اقتصرت على ما عرفته من الجُمَل واستغنيت بها عن ذكر المفصّل ولانّ السلطنة فى تلك الايّام وهنت وهانت وبانت اسباب اختلالها و ظهرت اسرار وهائها و هانت وما تمكّن وزير من سيرة سارّة ومبرّة بارّة حتى انوه بذكره و انبّه وفيما انشأته من محاسن الايام الناصريّة كفايه ولكلّ موفّق الى هُداه هداية تم الكتاب الخ

4) См. пока Houtsma, l. c. p. X.

Разсказъ объ интересующемъ насъ эпизодѣ — пораженіи Романа Діогена — Имâд-эд-динъ сообщаетъ къ сожалѣнію безъ указанія своего источника: современныхъ этому важному событію мусульманскихъ сказаній мы до сихъ поръ не имѣемъ. Существуетъ правда, полуисторическое, полуэтическое сочиненіе знаменитаго везиря Низâм-ал-мюлька, но судя по довольно подробному описанію его у Rieu, Catal. of the Pers. mscripts in the Br. Mus. II, p. 444, тамъ ничего о нашемъ эпизодѣ не содержится.

О первыхъ походахъ Романа въ Сирію Имâд-эд-динъ, какъ и Ибн-ал-Атиръ, замѣчаетъ лишь вскользь подъ 462 г. (1069/70), что въ этомъ году[1]) греческій императоръ («собака грековъ») пришелъ со своими полчищами въ Манбиджъ, ограбилъ его и затѣмъ ушелъ назадъ во свояси. О битвѣ же подъ Хелатомъ и плѣненіи Романа мы у него читаемъ слѣдующее:[2])

ذكر خروج ملك الروم وكسره وقسره واسره قال وبلغ السلطان خروج ارمانوس ملك الروم فى جمع لا يحصى عدده ولا يحصر مدده فلما سمع هذا الخبر أَغَذَّ السير الى اذربيجان فسمع[3]) ان متملّك الروم اخذ على سمت خلاط[4]) وكان السلطان فى خواصّ جنده فلم ير ان يعود الى بلاده ليجمع عساكره ويستدعى من الجهات للجهاد قبائل الدين وعشائره فسيّر[5]) نظام الملك وزيره وخاتون زوجته الى تبريز مع اثقاله وبقى فى خمسة عشر الف فارس من نُخَب رجاله ومع كلّ واحد فرس يركبه وآخر يجنبه والروم فى ثلثماية الف ويزيدون[6]) ما بين روميّ وروسيّ وغزّيّ وقفجاقى وكرجى و ابخازى وخزرى وفرنجى وارمنى وراى السلطان انه ان تمهّل[7]) لحشد الجموع ذهب الوقت وعظم بلاء البلاد وثقلت اعباء العباد فركب فى نخبته و توجّه فى عُصبته وقال انا احتسب *عند الله[8]) *وان سُعدتُ بالشهادة ففى حواصل الطيور الخُضْر من حواصل النسور الغُبر

1) *O*, f. 25^{b}.

2) *O*, f. 27^{b}—32^{a}. *P*, f. 28^{a}—32^{a}; чтеніями *J* (подлиннаго сочиненія Имâд-эд-дина) я обязанъ, какъ уже было замѣчено, любезности проф. Торбеке. Они мною не переводятся, такъ какъ служатъ лишь къ «украшенію» фразы, не прибавляя ничего къ смыслу ея.

3) *OJ* اذ سمع

4) *J* بلاط (sic) بيلاطه واستكثر من اصناف العسكر واخلاطه

5) *O* فيسيّر

6) *P* om. *J* add. لم يرودُون (sic) ما يريدون

7) *O* تاهّب

8) *P* فى سبيل الله

رَمْسی وان نُصِرْتُ فما اسعدنی وانا اُمْسِی ویومی خیرٌ من اَمْسِی [1]) ثم توکّل علی الله وسار بهذه العزیمة الماضیة القویّة *و الصریمة الصارمة الرویّة [1]) وکان متملّك الروم قد قدّم[2]) مقدّمین من الروس فی عشرین الف فارس ومعهم عظیمهم الاصلب وصلیبهم الاعظم وخالطوا بلاد خلاط یالبلاء والسلب والسبا [1]) فخرج الیهم عسکر خلاط ومقدّمهم صنداق[3]) الترکی *فصبّ صُبْحَ البیض علی لیل النقع المظلم و خاض الی العزّ مُشَمِّرًا نار الحریق المتضرّم و[4]) قتل منهم خلقا کثیرًا وقاد قائدهم فی القَیْد اسیفا اسیرا فامر السلطان بجدع انفه و ارجاء حتفه وذلك فی یوم الثلثآء رابع ذی القعدة سنة ثلاث وستین واربعمایة وعجّل الصلیب السلیب الی نظام الملك لیعجّل انفاذه الی دار السلام مبشّرًا بسلامة الاسلام وتلاحق عسکر الروم ونزل علی خلاط محاصرا واهلها واثقون بالله الذی لم یزل لدینه ناصرا ونزل متملّك الروم علی منازکرد فی انصار نصرانیّته وعمداء معمودیّته فانزعج سُکّانها وتزعزعت ارکانها وعلموا انه[5]) لیست لهم بما نزل بهم طاقة وانّ دماءهم لا شكّ بسیوف الکفر مهراقة فخرجوا بامان وسلّموا البلد فبیّتهم تلك اللیلة عند بلاطه تحت احتیاطه فلما بکّر یوم الاربعاء سیّرهم باسرهم فی اسر واردفهم بعسکر مُجْرٍ[6]) وخرج لیشیّعهم بنفسه وهو فی جماعة حُماته وخُمْسه ووافق ذلك وصول[7]) اوائل العسکر السلطانی ووقعت العین فی العین واجتمعت علی المجالدة اجادل الجمعین *وجری الخیل وحرف السَیْل وانجرّ من الارض علی السماء الذیل[8]) وصحّت علی الروم کسرةُ اردَتْهم و صدفتهم عن مقصدهم وصدّتهم فانعکسوا الی مجثهم فی مخیّمهم و انکشفوا بما تمّ من عُرْس الاسلام بماتمهم وشرعت[9]) المنازکردیّة یتسلّلون فقتل الروم منهم من ادرکه اجله ونجا الباقون وعرف الروم انهم للموت ملاقون وعاد متملّکهم الی مضاربه وبات تلك اللیلة والکوسات تَصْرُخ و البوقات تنفخ و لمّا اصبحوا بُکرة یوم الخمیس وصل السلطان الب ارسلان ونزل علی النهر ومعه من المقاتلة الاتراك خمسة عشر الف فارس لا یعرفون سوی القتل و القهر وکلب الروم نازل بین خلاط ومنازکرد فی

1) *P* om.

2) *O* add. روساء

3) Sic *O*; *P* صفداق, *J* صداق

4) *P* om.

5) *P* انهم

6) *P* مُجْرٍ *O* مُجرّ

7) *P* فُصولَ

8) *P* om.

9) *O* وسرعت, *J* وشرع

موضع يعرف بالزهرة وهو فى مايتى الف فارس من ذوى القلوب المدلهمّة والوجوه المكفهرّة وبين العسكرين فرسخ *وبين بحرَيِ التوحيد والتثليث برزخ[1] فارسل الب ارسلان رسولا وحمّله سؤالًا وسولا ومقصوده ان يكشف سِرّهم ويتعرّف امرهم ويقول للملك ان كنت ترغب فى هدنة اتممناها وان كنت تزهد فيها توكّلنا على الله فى العزيمة[2] وصمّمناها[3] فظنّ انّه انما ارسله[4] عن خَوَرٍ فابى واستكبر ونبا وتعسّر واجاب بانّى سوف اجيب عن هذا الراى بالرىّ[5] فاغتاظ[6] السلطان وارتفعت بينهما المخاطبة وانقطعت المواصلة ولبثوا يوم الخميس والخميسان يعبّيان *ولداعى المنون يُلَبّيان[7] والشمس تشكو حَرًّا ما تصاعد اليها من زفرات الأحقاد وكانما شعاعها دَمٌ اراقته على الافاق وخزات[8] تلك الصِعاد والطلايع على المطالع والمنايا على الثنايا والعزم السلطانىّ الى اللقاء مشرئبّ وللمضاء مستتبّ فقال له فقيهه وامامه ابو نصر محمّد بن عبد الملك البخارى الحنفى انك تقاتل عن دين الله الذى وَعَدَنا[9] باظهاره فالْقهم[10] يوم الجمعة بعد الزوال والناس يدعون لك على المنابر فلما اصبحوا يوم الجمعة ارتجّت[11] الارض بالضجاج وارْتجت السماء بالعجاج وقد لقحت الحرب العوان بالمهنّدة الذكور والمسوّمة الفحول والكماة الحُماة يحمون حمى الحمام ويحومون حول الذحول[12] ووقعت الطوالع فى الطوالع وقُرِعت القواطع بالقواطع وغَنَّت الظُبَى ورقصت المُرّان ومال القنا وجالت[13] الفرسان ودارت الكؤوس وطارت الرؤوس وما فتيت الفتيان تجور وتجول و الخرصان تصوب وتصول الى ان دنا وقت الزوال ودان لِمِقَة الدين مقت النزال وصَدَحت اعواد المنابر بالخطباء وصدقت نيّات اهل الجمعة للمجاهدين فى اخلاص الدعاء فنزل الب ارسلان

---

1) *P* om.

2) *P* الغزيمة *OJ* العزمة

3) *O* وضمنّاها

4) *O* راسله

5) *O* add. و انتهى عن النُهَى الى غاية الغىّ

6) *O* فاطّط, *J* فغاظ

7) *O* om.

8) *P* وَخراب

9) *O* وعد

10) *O* فالقَهم

11) *P* hic et mox ارتّجت

12) *P* الدُخُولَ

13) *P* وجال

عن فرسه وشدّ للحزم حزامه واحكم سرجه ولجامه ثم ركب جواده وثبّت فؤاده وقوّى قلبه وسوّى قلبه وفرّق اصحابه اربع فرق كلّ فرقة فى كمين *وراح وله من الروح الامين مُجِيرٌ امين [1]) ولما علم انّ الكمين مكين وان الضمير شاهد بما يشهده من النصر ضمين تلقّى بوجهه الحُرّ حرّ الحرب واستحلى طعم الطعن وضرب [2]) الضرب وحمل متملّك الروم بجمعه واخذ ببصر الدهر وسمعه واقبل كالسيل يطلب القرار والليل يسلُبُ النهار وثبتت [3]) لهم خيل الاسلام ثم وثبت وجالت وما وجلت واستجرّت الروم الى ان صار الكمين من ورائها ووقفت المنون بازائها ثم خرج من خلفها وذوو الاقدام من قدّامها ووقعت نار البيض فى *خلفاء هامها [4]) فاذنت بانهزامها وانكسرت كسرة لا تقبل جَبْرًا فطائفة لم تثبت للقتال ولم تصبر وطائفة ثبتت فقُتلت صبْرًا فما نجت من اولائك الالوف آحاد وما سلمت [5]) من اعداء الاسلام اعداد ومُلِكَ المَلِكُ *وقيد وقيذًا [6]) واُسر ولم يجد له معينا ولا معيذا وركب المسلمون اكتافهم وقتل الآحاد آلافهم وطُهِّرت الارض من خبثهم [7]) وفُرشت بجثثهم وصارت الوهادُ باشلآء القتلى اكمًا [8]) و المروت من قِصَد القنا اجمًا قال وكانت [9]) مع الروم ثلثة الاف عجل تنقل الاحمال وتحمل الاثقال ومن المنجنيقات التى تحملها منجنيق واحد [10]) هو اعظمها واثقلها له [11]) ثمانية اَسْهُم ويمدّ فيها الف ومايتا رجل و يحمله [12])ماية عجل يرمى حجرا وزنه بالرطل الكبير الخلاطى قنطار وكانه جبل [13]) فى الجوّ مطار قال وشملها باسرهم القتل والاسر و بقيت اموالهم منبوذة بالعرا لا تُرام ومعروضة لا تسام وسقطت قِيَمُ الدوابّ والكراع والسلاح والمتاع حتى بيعت [14]) بسدس دينار

---

1) *P* om.

2) *P* om. ضرب

3) *O* وثبت *P* وبهتت

4) *O* حلفاءها *PJ* حلفاء هامها

5) *O* سلم

6) *O* وقيِّد وقيد وقيدا

7) *J* جثثهم

8) *P* آجاما

9) *O* وكان

10) *OJ* om.

11) *P* لها

12) *O* يحملها

13) *OJ* add. له

14) *O* بيع

اثنتا عشر خوذة وبدينار ثلثة[1]) ادراع ومن عجيب ما حكى فى اسر الملك انه كان لسعد الدولة كوهرايين مملوك اهداه لنظام الملك فردّه عليه ولم ينظر اليه فرغّبه فيه كثيرا فقال نظام الملك وما يراد منه عسى ان ياتينا بملك الروم اسيرا وذكر ذلك استهزاءً به واستصغارا لقدره *واحتقارًا لامره[2]) فاتّفق وقوع متملّك الروم يوم المصافّ فى اسر ذلك الغلام ووافق تصديق قول النظام[3]) وخلع السلطان عليه وقال له اقترح من العطاء ما اعطيك فطلب بشارة غزنة قال ورحل[4]) السلطان الى[5]) اذربيجان بملكه واَيْده والملك فى قيده وصيده وهو اسيف جهْده واسير جهله ولا يحيق المكر السيّئ الّا باهله فانه خرج فى نيّته فتح الدنيا وحتف الدين وقهر السلاطين ونصر الشياطين ثم ذلّ بعد العزّ وهان وتعرّض للابتذال كلّ ما صان ثم تعطّف عليه السلطان واحضره بين يديه وقال له اخبرنى بصدقك فى قصدك وما الذى قَدَّرْتَ لو قَدَرْت فقال كنت احسب انى احبس من اسرته منكم مع الكلاب وجعلته فى السبايا والاسلاب وان اخذتك ماسورًا اتّخذت لك وقد ساء جوْرى ساجورًا فقال السلطان قد عثرت على *شرّ سرّك[6]) فما ذا بك الان نصنع ونحن منك بما نويته فينا لا نقنع فقال انظر عاقبة فساد نيّتى و العقوبة[7]) التى جرّتها الىّ جريرتى فرقّ له قلب الب ارسلان وارسله وفكّ قيده ووصله وافرج عنه معجّلًا وسرّحه مبجّلا ولما انصرف الملك ارمانوس مانوسا[8]) رمى ناسُه اسمه ومحوا من الملك رسمه وقالوا هذا من عداد الملوك ساقط وزعموا ان المسيح عليه ساخط ،

---

1) O ثلث
2) O om.
3) O نظام الملك
4) O ودخل
5) O om.
6) O سرّ شرّك
7) P والعثرة O والعبره
8) P مَانُوسًا J مايوسا

Повѣствованіе о выступленіи царя грековъ и объ его пораженіи и покореніи и плѣненіи.

«И дошла до султана (Алп-Арслана) вѣсть о выступленіи Романа, царя грековъ, съ ратью несмѣтною, съ войскомъ безчисленнымъ. И когда онъ услышалъ эту вѣсть, онъ поспѣшилъ въ Адербиджанъ. И узналъ онъ, что самозванецъ грековъ пошелъ по направленію къ Хелâту. И находился султанъ среди избранныхъ своихъ войскъ, почему и не счелъ нужнымъ вернуться въ свои земли, чтобы собрать (всѣ) свои дружины и созвать со всѣхъ сторонъ на священную войну племена и колѣна (приверженцевъ) истинной вѣры. И отправилъ онъ Низâм-ал-мюлька, своего везиря, и Хâтунъ, свою супругу, въ Тебризъ, вмѣстѣ съ обозомъ, а самъ остался съ 15,000 всадниковъ изъ отборнѣйшихъ воиновъ. При каждомъ всадникѣ были двѣ лошади: одна верховая, а другая запасная. Греки же были числомъ до 300,000 и болѣе; то были и греки (рŷм) и рŷсы и гуззы и кифчаки и курджи (грузины) и абхазы и хазары и фиренджи (франки) и армяне. И понялъ султанъ, что время уйдетъ, если онъ замѣшкается для призыва (всѣхъ) своихъ войскъ, и что велико будетъ бѣдствіе его земель и тяжело бремя рабовъ Божіихъ. И поѣхалъ онъ поэтому со своими избранниками, выступилъ со своею дружиною и сказалъ: «Душа моя удовлетворяется (рѣшеніемъ) Бога: если я сподоблюсь мученической смерти, то перейду въ зобы зеленыхъ (райскихъ) птицъ, изъ зобовъ сѣрожелтыхъ коршуновъ, — а если удостоюсь побѣды, то какъ счастливъ буду я, когда окажется вечеромъ, что мое «сегодня» лучше чѣмъ мое «вчера». Потомъ, возложивъ свою надежду на Бога, онъ отправился въ путь съ этимъ намѣреніемъ твердымъ, рѣшительнымъ, съ этимъ рѣшеніемъ крѣпко обдуманнымъ. Самозванецъ грековъ между тѣмъ успѣлъ уже отправить впередъ военачальниковъ изъ рŷсовъ съ 20,000 всадниковъ; при нихъ находился также крѣпчайшій ихъ глава и главнѣйшій ихъ крестъ. [1]) И они посѣтили земли Хелатскія горемъ, грабежемъ и полоненіемъ. И выступило противъ нихъ войско Хелатское и глава его, С-н-дâк, [2]) турка; онъ разлилъ зарю мечей по ночи мрачной пыли и (стремясь) къ славѣ окунулся (въ бой), раздувая пламя пылавшаго пожара, и убилъ великое множество ихъ и повелъ

1) Тутъ непереводимая игра словъ въ текстѣ. Но тѣмъ не менѣе *можетъ быть*, что авторъ намекаетъ на присутствіе въ русскомъ отрядѣ какой нибудь особенно чтимой святыни.

2) или С-ф-дâк.

вождя ихъ въ оковахъ, опечаленнымъ, плѣннымъ. И приказалъ султанъ отрѣзать ему носъ и отложить его казнь. Это происходило во вторникъ четвертаго числа мѣсяца Зу-л-Каʿды 463-го года.[1]) Крестъ-же захваченный онъ послалъ Низâм-ал-мюльку, чтобы тотъ его доставилъ поспѣшно въ Дâр-ас-Салâмъ (Багдадъ) съ радостною вѣстью о спасеніи ислâма. И собралась армія грековъ и подошла къ Хелату для осады, а жители его уповали на Бога, который не переставалъ помогать своей религіи.[2]) И подошелъ самозванецъ грековъ къ Манâзкерду среди сподвижниковъ своего христіанства и опоръ своего крещенія.[3]) Тогда вздрогнули жители его и потряслись опоры ихъ и поняли они, что не устоять имъ противъ угрожающей имъ силы и что кровь ихъ неизбѣжно будетъ пролита мечами невѣрія. Поэтому они вышли прося пощады и сдали городъ. И помѣстилъ онъ (царь грековъ) ихъ на эту ночь около своей палаты подъ собственнымъ наблюденіемъ. А когда наступила середа,[4]) онъ всѣхъ ихъ отправилъ въ плѣнъ, а за ними двинулъ войско погоняющее (ихъ), и вышелъ самъ провожать ихъ среди толпы тѣлохранителей своихъ и храбрецовъ своихъ. И вотъ съ этимъ совпало прибытіе авангарда султанскаго войска: и встрѣтились они глазъ на глазъ и сцѣпились для сѣчи соколы обѣихъ сторонъ и понеслась конница и нахлынулъ потокъ и потянулась пыль отъ земли до неба — и вышло для грековъ пораженіе, которое ихъ погубило и отвратило отъ ихъ намѣренія и отклонило. Тогда они вернулись въ свое логовище, въ лагерь, пораженные ликованіемъ ислама по причинѣ ихъ горя. Манâзкердійцы же поспѣшили утечь, и греки убили тѣхъ изъ нихъ, коихъ смертный часъ насталъ; остальные спаслись. И поняли греки, что они обречены на смерть, и вернулся самозванецъ ихъ въ свою палатку и провелъ ночь среди грома барабановъ и гласа трубъ. На другое утро, въ четвергъ, прибылъ султанъ Алп-Арсланъ и остановился у рѣки; при немъ было 15,000 всадниковъ изъ тюркскихъ воиновъ, не знавшихъ ничего кромѣ боя и побѣды; собака же грековъ находилась между Хелâтомъ и Манâзкердомъ въ мѣстности называемой *Загра*, среди 200,000 чел. богатырей съ черными сердцами и мрачными лицами. И (такъ) оба войска раздѣлялъ фарсахъ, — а моря̂ единобожія и троебожія раздѣляетъ барзахъ.[5]) И послалъ Алп-Арсланъ посланца, возло-

1) По таблицамъ Вюстенфельда 4-ое число Зу-л-Каʿды соотвѣтствуетъ середѣ 3 августа 1071.

2) Это значитъ, что Хелатъ не сдавался.

3) Опять игра словъ безъ всякого внутренняго смысла.

4) Число къ сожалѣнію не показано. Но едва-ли это было только однимъ днемъ позже уничтоженія русскаго отряда т. е. 5-го Зу-л-Каʿды; это было вѣроятно гораздо позже.

5) Т. е. пропасть. Барзахомъ собственно называется время отъ смерти до воскресенья мертвыхъ.

жилъ на него вопросъ и запросъ — а цѣль его была раскрыть ихъ тайну и разузнать ихъ положеніе — и повелѣлъ сказать царю: «желаешь ты перемирія — мы его заключимъ, не желаешь его — мы, возложивъ надежду на Бога, примемъ рѣшеніе и приведемъ его въ исполненіе». Тотъ подумалъ, что онъ (султанъ) вступилъ въ переговоры лишь по слабости своей и поэтому отказалъ, возгордившись; почелъ дѣло неудобнымъ для себя въ тупости своей и отвѣтилъ: «Я отвѣчу на это предложеніе въ Рейѣ».[1]) И разсердился султанъ и прекратились между ними переговоры и пресѣклись сношенія. И весь день четверга они провели въ поставленіи обѣихъ армій въ боевой порядокъ и приготовленіи себя къ призыву смерти. И само солнце томилось отъ жара возносившихся къ нему стоновъ ненависти и лучи его казались кровью имѣющей разлиться по горизонту изъ ранъ нанесенныхъ тѣми копьями.[2]) Соглядатаи на своихъ постахъ (высматривали врага) а смерть за горами (поджидала свои жертвы). Сердце султана жаждало столкновенія, алкало быстраго рѣшенія, но ему сказалъ его богословъ и имамъ Абу Наср-Мухаммед-ибн-Мухаммед-ибн-Абд-ал-меликъ ал-Бухâри ал-Ханафи: «Ты вѣдь сражаешься за вѣру Бога, которую онъ намъ обѣщалъ поддерживать: такъ сразись съ ними въ день пятницы послѣ заката солнца, когда за тебя молятся на каѳедрахъ». И когда наступила пятница, земля затряслась отъ гула, небо заволоклось отъ пыли: верблюдица войны зачала отъ индійскихъ мечей, отъ отмѣнныхъ жеребцовъ. И герои-хранители охраняли пастбище смерти,[3]) кружили, алкая мести; стрѣлы попадали въ стрѣлы, мечи ударялись о мечи; лезвія пѣли, дротики плясали, копья колыхались, всадники гарцовали, чаша смерти обходила ряды, головы слетали съ плечъ. И не переставали молодцы отступать и наступать, пики спускаться и подниматься, пока не приблизилось время заката солнца. И подчинилась ненависть борьбы любви къ религіозному постановленію и заговорило дерево каѳедръ устами проповѣдниковъ и искреннее усердіе въ молитвѣ пятничнаго собранія не уступало усердію борцовъ за вѣру. И сошелъ Алп-Арсланъ со своей лошади, препоясался для рѣшенія, крѣпко прикрѣпилъ сѣдло и узду, затѣмъ сѣлъ на благороднаго коня, укрѣпилъ сердце свое, выровнилъ центръ (арміи своей) и раздѣлилъ воиновъ своихъ на четыре отряда. Каждый изъ нихъ онъ расположилъ въ засадѣ. Затѣмъ успокоился подъ надежной охраной «надежнаго духа» (т. е. архангела Гавріила). И

---

1) *О* прибавляетъ: и (этимъ отвѣтомъ) удалился отъ благоразумія до крайняго предѣла заблужденія.

2) Т. е. копьями обѣихъ армій.

3) Т. е. преграждали тѣмъ, которыхъ они защищали, доступъ къ пастбищу смерти и тѣмъ спасали ихъ отъ смерти.

когда онъ узналъ, что засада крѣпко устроена и что эти (пока) невидимые[1]) увидятъ побѣду, которую увидитъ онъ самъ, и обезпечатъ ее, то онъ самъ благородный свой ликъ подставилъ зною битвы, восхищаясь вкусомъ копьеметанія и ударовъ мечей. И понесся самозванецъ грековъ со своими полчищами, затмилъ взоры вѣка, заглушилъ слухъ его, и ринулся впередъ какъ разливъ потока, когда онъ ищетъ себѣ новаго русла, какъ мракъ ночи, когда онъ похищаетъ день. Конница ислама твердо выдержала натискъ. Затѣмъ она тронулась и поскакала, но не изъ страха, и увлекла за собою грековъ, такъ что позади ихъ оказалась засада, а предъ ними предстала смерть. Потомъ въ тылу у нихъ появилась засада, а спереди показались храбрецы. И упалъ огонь мечей на крѣпкіе черепа ихъ и возвѣстилъ объ обращеніи ихъ въ бѣгство и сломлена была сила ихъ безповоротно. Часть ихъ не отважилась на сопротивленіе и не выдержала (напора); другая часть стояла твердо и была уничтожена. И такъ отъ *этихъ* тысячъ не спаслись даже единицы, а отъ враговъ ислама (вообще) не уцѣлѣло много. Властитель же ихъ самъ оказался во власти (мусульманъ), и былъ закованъ въ цѣпи и отведенъ полуживымъ; былъ взятъ, не нашедши себѣ ни помощи, ни защиты. Мусульмане преслѣдовали ихъ по пятамъ: единицы ихъ убивали тысячи тѣхъ. И очищена была земля отъ ихъ гадости и устлана тѣлами ихъ. И груды тѣлъ убитыхъ превратили низменности въ холмы, скошенныя копья[2]) ихъ обратили голыя степи въ камышникъ. У грековъ были три тысячи повозокъ, для передвиженія обозовъ и перенесенія тяжестей; въ числѣ камнометныхъ машинъ (манганиковъ), которыя они везли съ собою, была одна, особенно громадная и тяжелая. Она имѣла восемь подпоръ,[3]) ее натягивали 1200 человѣкъ, а возили ее сто повозокъ. Она метала камень вѣсомъ въ сто ратловъ большаго Хелатскаго вѣса, камень казавшійся горой летящей по воздуху. И такъ, всѣхъ ихъ поразила смерть либо плѣнъ, имущество же ихъ осталось частью разбросаннымъ по степи, никому не нужнымъ, частью предлагалось на продажу, не возбуждая торга. Понизилась цѣна на лошадей верховыхъ и вьючныхъ, на оружіе и всякое добро, такъ что продавались 12 шлемовъ за $^1/_6$ динара и 3 латы за одинъ динаръ. Къ удивительнымъ эпизодамъ разсказываемымъ по поводу взятія въ плѣнъ царя грековъ принадлежитъ и слѣдующій: У Саʿд-ад-даулы Гухерâина былъ невольникъ, котораго онъ подарилъ Низâм-ал-мюльку. Тотъ послалъ его ему назадъ, не взглянувъ даже на него. Но Саʿд-ад-даула продолжалъ

1) Игра техническимъ значеніемъ въ грамматикѣ словъ ضمير и ظاهر.
2) Древки копій были изъ камыша. Ихъ было, говоритъ авторъ, такъ много брошено, что степь имѣла видъ камышника.
3) Или частей?

сильно рекомендовать его. Тогда Низâм-ал-мюлькъ сказалъ: да чего-же можно отъ него требовать? Развѣ что онъ намъ приведетъ царя грековъ плѣннымъ! Онъ сказалъ это, смѣясь надъ нимъ и выражая этимъ свое низкое мнѣніе о его способностяхъ и свое презрѣніе къ его (восхваляемымъ Саʿд-ад-даулой) качествамъ. И вотъ случилось такъ, что въ день битвы самозванецъ грековъ былъ взятъ въ плѣнъ именно этимъ молодцомъ и такимъ образомъ оправдались слова Низâм-ал-мюлька.[1]) Султанъ наградилъ его почетнымъ халатомъ и сказалъ ему: требуй себѣ награды, которую я тебѣ могъ бы дать. Тотъ потребовалъ себѣ права оповѣстить Газну объ этомъ радостномъ событіи. И отправился султанъ въ Азербиджанъ въ своей власти и силѣ, а царь (находился) при немъ подъ его властью, въ его оковахъ, удрученный горемъ, благодаря (ложно направленному) усердію, полоненный благодаря собственной глупости. И губитъ преступное хитросплетеніе только того, кто его придумываетъ: ибо онъ выступилъ намѣреваясь завоевать міръ и сокрушить истинную вѣру, побѣдить султановъ и поддержать шейтановъ.[2]) Но потомъ, несмотря на все свое величіе, былъ униженъ и смирился, и было предоставлено расточенію все что онъ охранялъ столь ревниво. Затѣмъ султанъ сжалился надъ нимъ и велѣлъ его призвать къ себѣ и сказалъ ему: «Скажи мнѣ чистосердечно, чего ты хотѣлъ, и что бы ты сдѣлалъ, еслибъ одержалъ побѣду?» Царь отвѣтилъ: «я полагалъ плѣнныхъ изъ вашей среды запереть вмѣстѣ съ собаками, среди захваченныхъ женщинъ и награбленной добычи. А еслибъ я тебя захватилъ въ плѣнъ, то я надѣлъ бы на тебя—такъ жестока была моя злоба—ошейникъ». Султанъ сказалъ: «Вотъ я écникъ теперь въ злостныя твои намѣренія; что-же мы теперь сдѣлаемъ съ тобою, такъ какъ намъ по отношенію къ тебѣ не довольно того, что ты намъ готовилъ?» Тотъ сказалъ: «Пріими во вниманіе конецъ моихъ преступныхъ плановъ и тотъ урокъ, который навлекъ на меня мое увлеченіе». Тогда сердце Алп-Арслана сжалилось надъ нимъ и онъ отправилъ его, снявъ его оковы и одаривъ его, и освободилъ его поспѣшно и отпустилъ съ почетомъ. Но когда царь Романъ возвратился (къ своимъ) какъ пріятель (султана), то собственный его народъ забылъ имя его и (собственные подданные) стерли слѣдъ его со (скрижалей) царства. Они говорили: онъ исключенъ изъ числа царей, и утверждали, что Мессія противъ него разгнѣванъ».

Бар. В. Розенъ.

---

1) Сказанныя въ шутку.
2) Т. е. чертей.

Буддійскій символъ вѣры.

Въ концѣ старыхъ и новыхъ рукописей, на печатяхъ и металлическихъ доскахъ, находимыхъ внутри древнихъ ступъ весьма часто попадается двустишіе на санскритскомъ языкѣ или на пâли. Содержаніе этого двустишія, а также и его метрическая форма, давно уже останавливали на себѣ вниманіе Европейскихъ ученыхъ. [1]) Въ немъ, безъ сомнѣнія, мы имѣемъ очень древнюю редакцію буддійскаго символа. Но основы ученія выражены словами, допускающими различныя толкованія и, по всей вѣроятности, текстъ двустишія не дошелъ до насъ неискаженнымъ. И въ Непалѣ, и на Югѣ, на Цейлонѣ или въ Бирмѣ, каждый вѣрующій буддистъ знаетъ стихъ: «*ye dharmâ* или *ye dhammâ* и т. д.», но Непалецъ въ этихъ словахъ ищетъ не тотъ смыслъ, во что вѣритъ и что исповѣдуетъ Цейлонецъ буддистъ или Бирманецъ. — На югѣ современные буддисты, понимаютъ двустишіе согласно съ истолкованіемъ Буддхагхоши; для нихъ смыслъ стиховъ таковъ: «тѣ явленія, вѣрятъ они, что возникли изъ причинъ, причину тѣхъ разъяснилъ Татхâгата, (т. е. Буддха или вѣщій) и уничтоженіе ихъ изложилъ великій подвижникъ.» И смыслъ этихъ загадочныхъ словъ ближе толкуется такъ: «явленія, возникшія изъ причины» т. е. пять скандхъ или пять аггрегатовъ, составляющіе физическаго и духовнаго человѣка и возникшіе изъ причины. Этимъ словами выражается первая святая истина о скорби. — Вѣщій изложилъ ихъ причину, т. е. разъяснилъ вторую святую истину о

1) См. *Burnouf*, Le Lotus de la bonne Loi, стр. 522 и сл. *Kern*, Buddhismus, I, 364 и сл.

началѣ скорби. Онъ же разсказалъ о томъ, какъ скорбь уничтожается, т. е., объяснилъ третью святую истину объ уничтоженіи скорби. Изъ этихъ же словъ выводится и четвертая святая истина о пути къ уничтоженію скорби. Если говорится объ уничтоженіи скорби, то само собою разумѣется, что говорится и о средствѣ къ уничтоженію, т. е., о пути или четвертой святой истины.» [1])

Таково истолкованіе двустишія, приписываемое Буддхагхошѣ. Очевидно онъ ищетъ въ стихахъ краткое формулированіе ученія о четырехъ святыхъ истинахъ, того ученія, которое лежитъ въ основѣ древняго Буддизма. Вѣщій, по его толкованію, объяснилъ начало явленій, возникшихъ изъ причины, иными словами разсказалъ откуда пошла міровая скорбь, какъ она кончается и какой путь ведетъ къ этому концу.

Широкое и отвлеченное значеніе словъ въ стихахъ допускало различное толкованіе; вмѣстѣ съ развитіемъ буддійской доктрины истолкователи вкладывали въ слова новое содержаніе, прибѣгали къ очевиднымъ натяжкамъ и даже поправкамъ въ текстѣ. Образчики всего этого находятся въ ниже помѣщенномъ текстѣ.

Въ небольшомъ текстѣ а̂рјаврттаṃ [2]) предлагается троякое объясненіе двустишія; и во всѣхъ трехъ въ отличіе отъ па̂лійской редакціи, сейчасъ приведенной, принято любопытное чтеніе: вм. *hetum* (вин. пад.) подставлено *hetuḥ* (им. пад.); смыслъ стиха совершенно измѣняется отъ замѣны одной буквы другой. Но истолкователи не остановились на этой поправкѣ: они пошли дальше и стали коментировать не только слова, но и буквы словъ.

Такъ въ первомъ истолкованіи экзегеза начинается разъясненіемъ словъ «*ye dharmâḥ* (тѣ явленія).» Буквою *y*, говоритъ комментаторъ, обозначается вѣтеръ, буквою *a* луна, буквою *i* страсть. (*y* + *a* + *i* = *ye* тѣ). Явленія имѣющія своею сущностью вѣтеръ, луну, страсть, возникли изъ причины. Въ великой пустотѣ, въ пространствѣ безъ основы возникъ вѣтеръ, космическая причина, луна, причина страсти; потому что луна радуетъ людей страстью и проч. — Затѣмъ въ духѣ безъ основы возникла страсть.

---

1) Mahâvagga-aṭṭhakathâ, л. 36 (рукопись) ye dhammâ hetuppabhavâ 'ti hetuppabhavâ nâma pañca khandhâ. ten 'assa dukkhasaccaṃ dassesîti. tesaṃ hetuṃ tathâgato âhâ 'ti tesaṃ hetuṃ nâma samudayasaccaṃ taṃ ca tathâgato âhâ 'ti dasseti. tesaṃ ca yo nirodho 'ti tesam ubhinnam saccânaṃ yo appavatti nirodho taṃ ca tathâgato âhâ 'ti attho ten 'assa nirodhasaccam dasseti. maggasaccaṃ pan 'ettha sarûpato adassitaṃ pi nayato dassitaṃ hoti. nirodhe hi vutte tassa sampâpako maggo vutto 'va hoti.

2) Для изданія текста мы пользовались двумя списками: 1) К. рукописью кембриджской университетской библіотеки. См. *Bendall*, Catalogue, стр. 14. — 2) N. рукопись, писанная въ Катманду рукою извѣстнаго пандиты Çрӣ-Гуна̂нды. О немъ см. *D. Wright*, History of Nepal, Preface. Собственность издателя. Въ обѣихъ рукописяхъ текстъ мѣстами сильно искаженъ

Эта страсть есть причина развитія. Развитіе же есть рожденіе, старость, смерть. Страсть есть причина этого. Всѣ эти возникли изъ причины. Отъ движенія возникъ вѣтеръ, отъ вѣтра огонь, отъ огня вода, отъ земли вода, отъ Сумеру земля, отъ неба Сумеру. Сумеру есть причина боговъ. Боги причина безсмертія... Причина всѣхъ этихъ Татхâгата. Какъ пришелъ такъ и ушелъ, (таковъ смыслъ слова татхâгата «такъ ушедшій») словно облако въ пространствѣ. Этихъ явленій космическихъ, возникшихъ изъ причины движенія—уничтоженіе, убіеніе, т. е., святой законъ, имѣющій своею сущностью покой опредѣленно татхâгата изложилъ. «Невѣдѣніе и проч. явленія, возникшія изъ причины уничтоживъ, я исполняю святой законъ, ведущій къ освобожденію, святой осьмичленный путь и проч., исполняйте и вы». Такъ сказалъ великій подвижникъ, вождь подвижниковъ, Царь Çâкійскій. [1])

Во второмъ толкованіи повторяется также, что причина явленіи Татхâгата и разсказывается что Вайрочана создалъ пять татхâгатъ, они пять бодхисаттвъ. Затѣмъ возникло космическое движеніе и т. д.

Въ третьемъ вм. *dharmâh* читается *adharmâh* грѣшныя явленія — какъ причина ихъ, такъ и уничтоженіе ихъ Татхâгата.

Въ заключеніи этихъ краткихъ толкованій авторъ говоритъ, что первый стихъ, т. е. «тѣ явленія, что возникли изъ причины, причина тѣхъ Татхâгата» — былъ произнесенъ самимъ Çâкjамуни, второй-же, т. е., «и разъяснилъ ихъ уничтоженіе, такъ говорилъ великій подвижникъ» былъ сочиненъ учениками.

Во всѣхъ этихъ умствованіяхъ неоткрываются какіе либо новые факты въ развитіи буддійской доктрины. Эти космогоніи гораздо подробнѣе и яснѣе излагаются въ другихъ буддійскихъ сочиненіяхъ, но любопытно, однакоже, что вѣрующій умъ попытался отыскать эти теоріи въ стихахъ, на первый взглядъ, неимѣющихъ ничего общаго съ ними.

Было бы весьма интересно узнать, какъ въ настоящее время толкуется этотъ символъ вѣры Монголами, Бурятами и другими сѣверными буддистами.

---

1) Срв. *B. H. Hodgson*, Essays. I, 111 и сл.

ये धर्मा हेतुप्रभवा हेतुस्तेषां तथागतः।
ह्यवदत्तेषां यो निरोध एवंवादी महाश्रमणः॥

ये धर्माः। यकारेण वायुः। अकारेण चन्द्रः। इकारेण कामः। वायुचन्द्रकामात्मका धर्माः। हेतुप्रभवाः। महाशून्ये। आकाशे। अनाधारे वायुरुत्पन्नः। सांसारिकहेतुः। चन्द्रो ऽपि कामहेतुः। कामादिभिर्जनाह्लादकत्वात्। ततो ऽनाधारे मनसि काम उत्पन्नः। प्रवृत्तिहेतुः। प्रवृत्तिर्नाम जन्मजरामृत्युः। तस्य हेतुः। ते सर्वे हेतुप्रभवाः। प्रवृत्तिनिमित्ततो वायुरुत्पन्नः। वायुहेतुतो ऽग्निः। तद्धेतुतो जलं। पृथ्वीहेतुतो जलं। सुमेरुहेतुतो पृथ्वी। स्वर्गहेतुतो सुमेरुः। देवहेतुः सुमेरुः॥ अमृतहेतुः देवाः। मृत्यु° अमृत° जन्महे° मृत्युचक्रभ्रमहेतु° मृत्यु° तेषां हेतुस्तथागतः। यथा येन प्रकारेण आगतस्तथा तेन प्रकारेण गतस्तथागतः। आकाशे मेघवत्। तेषां प्रवृत्तिहेतुभवानां धर्माणां सांसारिकाणां यो निरोधो बन्धनं निवृत्त्यात्मकं यत्तत्सद्धर्मं हि निश्चितमवदत्। अविद्यादिकान् हेतुप्रभवान् धर्मां निरुध्य आर्याष्टाङ्गादिकं मोक्षप्रापकं सद्धर्मं चराम्यहं चरथ यूयमिति वा। महाश्रमणः श्रमणनायकः। शाक्यराट्॥ एववादी। इत्थं वक्तुं शीलः। इत्येकः पक्षः॥ १॥

यद्वा हेतुस्तेषां तथागतइति। तेषां हेतुभवानां सांसारिकाणां धर्माणामपि तथागतो बुद्धः। यतो निवृत्त्यात्मकः सम्यकसंबुद्धो महाविरोचनः। विशिष्टरोचिः पुञ्जः। दग्धवर्तिकानलेन[1])। प्रवृत्तिधर्मेच्छुः पञ्चज्ञानात्मकांस्तथागतां निर्मितवान्। तैरपि समन्तभद्रादयः पञ्चात्मजा मानसा बोधिसत्त्वा निर्मिताः। ततः पद्मपाणिनामा बोधिसत्त्वः त्रिगुणाभिज्ञः पञ्चात्मकः सन्ब्रह्मादयो निर्मिताः। ततः संसारप्रावृत्तिरागता। तस्मात्तथागत एवहेतुः। इति द्वितीयः पक्षः॥ २॥

यद्वा। ये धर्माः। अकारप्रश्लेषात्। हिंसा लोभाद्याः पापाः। ते ऽपि हेतुप्रभवाः क्रोधप्रभवा हिंसा। मनसोच्छा विघातमूला क्रोधमूला मनोरथविघातिनी। इत्यादयो ऽधर्माः हेतुसंभवाः। तेषां हेतुस्तथागतः। तथा पूर्वप्रकारेणैवागतः[2])। तेषामधर्माणां निरोधः। बन्धनं। दशाकुशलनिबन्धनमवदन्महाश्रमणः। यस्तथागतस्तथताक्रमेणागतः[2])। तथता नाम शून्यताज्ञानं तं विचार्य लौकिकं लोकोत्तरं ज्ञानमवाप्य पारमितादिक्रमतो बोधिमालभ्य गत इति मोक्ष इति तथागतः। इति तृतीयः पक्षः॥ ३॥

---

1) K. — N. °का नूतेन — 2) K. — N. выпущено.

ये धर्मा हेतुप्रभवा हेतुस्तेषां तथागतः।
ह्यवदत्तेषां यो निरोध एवंवादी महाश्रमणः ॥

प्रवृत्तिनिवृत्त्यात्मकत्वादियं येधर्मागाथा। लौकिकलोकोत्तरेषु मङ्गलामङ्गलकार्येषु सर्वत्र योजनीया ॥ प्रवृत्तिनिवृत्तिधर्मफलप्रदत्वात्। प्रवृत्तिनिवृत्तिहेतुभूतत्वाच्च ॥ अथ च तद्व्याख्यानं विस्तरतया न शक्नोमि। यद्व्याख्यानमष्टसाहस्रिकाखण्डे ऽपि पञ्चविंशत्यादिलत्नाभगवतीखण्डेष्वपि[1]) तस्याः प्रवृत्तेर्निवृत्तेश्चैव व्याख्यातत्वात्संक्षेपतयैव व्याख्यातं ॥ ये धर्मा हेतुप्रभवा हेतुस्तेषां तथागतः। इति पूर्वार्धं शाक्यसिंहेनोक्तं। ह्यवदत्तेषां यो निरोध एवंवादी महाश्रमणः। इत्युत्तरार्धं शिष्याणामुक्तिरिति।

॥ आर्यावृत्तं ॥ शुभम् ॥

И. Минаевъ.

---

1) Читай °रत्ना°.

Замѣтка Элькалькашанди о Грузинахъ.

Между множествомъ любопытныхъ свѣдѣній, заключающихся въ обширной арабской энциклопедіи *Шихабеддина Элькалькашанди* († въ 1418 году) صبح الاعشى فى كتابة الانشاء [1]), находится слѣдующая не безъинтересная замѣтка о сношеніяхъ мамлюкскихъ султановъ съ Грузіею въ XIV-мъ вѣкѣ, объ отношеніяхъ послѣдней къ Хулагуидамъ, правившимъ въ то время Персіею, и о грузинскомъ монастырѣ Св. Креста въ Іерусалимѣ.

(fol. 60*r*—61*r*) المقالة الرابعة... الطرف الخامس... المقصد الاوّل فى المكاتبة الى ملوك الكفار ببلاد الشرق وجملة من بها من ملوك النصارى المكاتبين عن هذه المملكة مملكتان الاولى مملكة الكرج من النصارى الملكية قال فى التعريف ويقال فى المسلمين الكرد وفى النصارى الكرج قال وموقع هذه بين بلاد الروم وبين بلاد ارمينية وهى

1) О разнообразномъ научномъ интересѣ, который представляетъ эта энциклопедія, свидѣтельствуютъ извлеченныя изъ нея извѣстія, изданныя Вюстенфельдомъ: Die Geographie und Verwaltung von Aegypten, Göttingen, 1879. 4°, Амари Trattato stipolato da Giacomo di Aragona col sultano di Egitto il 29 gennaio 1293. Roma, 1883, 4°, и De'titoli che usava la cancelleria de'sultani di Egitto nel XIV secolo scrivendo a'reggitori di alcuni stati italiani; Roma 1886. 4°, Croверомъ: Extraits de l'ouvrage d'el Qalqachandy въ Mémoires de l'Acad. des sciences, belles-lettres et arts de Marseille за 1885 и 1886 года (два отд. оттиска in 8°) и мною въ Сборникѣ матеріаловъ, относящихся къ исторіи золотой Орды, т. I, стр. 395 — 416. Къ указаннымъ въ послѣднемъ рукописнымъ экземплярамъ ея, хранящимся въ Оксфордѣ, Кембриджѣ и Готѣ, слѣдуетъ еще добавить рукопись, принадлежащую библіотекѣ Египетскаго хедива въ Каирѣ (см. Zeitschr. der Deut. Morg. Ges. Bd. XXX, стр. 315). Сообщаемый здѣсь отрывокъ о Грузинахъ извлеченъ мною изъ Кембриджскаго экземпляра (№ 10), и свѣренъ съ Каирскою рукописью, варіанты которой весьма обязательно сообщены мнѣ нынѣшнимъ директоромъ библіотеки хедива, д-ромъ Vollers'омъ и обозначены въ примѣчаніяхъ буквою *K*.

بلاد جليلة ومملكة مفخمة وكانها مقتطعة من البلادين ولها ملك قايم وبها ملك دايم وامّها مدينة تفليس وسلطان بيت هولاكو بمملكة ايران يحكم عليها ويبالغه[1]) تصل اليها الآ انه لا يطغى[2]) بها سيله ولا يجوس خلال ديارها للحرب المضرمة خيله وانما له بها تومان اتّخذه سدادًا لثغرها وقيامًا بامرها منزلهم فسيح بواديها اهل حلّ وترحال وتنقل من حالٍ الى حالٍ قال واخر من كان له فى هذه البلاد سمعة واقبلت بها للمهابة صرعة الشيخ محمود بن جوبَان وكان باسلًا لا يطاق ورجلًا مرّ المذاق ولما جرت الكاينة لابيه لاذ بالسلطان ازبك قان ثم لم تطل له مدّة ولا تفرجت له حلق شدّة واتاه اجله وما استطاع ردّه ثم قال وعسكر الكرج صليبة دين الصليب واهل البأس والنجدة وهم للعساكر الهولاكوهية عتاد وذخر ولهم بهم وثوق وعليهم اعتماد سيما لاولاد جوبان وبنيه وبقايا مخلفيه لسالف احسان جوبان اليهم ويد مشكورة كانت له عندهم وكان صديقًا للمكهم برطلما يغرس عنده الصنايع ويسترعيه الودايع فكان اخصّ خصيص به واصدق صديق له يدعوه للمهمّ[3]) ويستصرخ به فى الملمّ ويعدّه ردْأً لعسكره ومزيلاً لمنكره وعقبَ ذلك بان قال وبرطلما المذكور عهدى به متى يرزق من اجلّ ملوك النصرانية واعرق انسان بنى[4]) المعمودية وقد كان كاتب الابواب السلطانية بسبب كنيسة المصلبة وان يرفع عنها الايدى المتغلبة فبرزت الاوامر المطاعة باعادتها عليهم وكانت قد اخذت منهم وهى بظاهر القدس الشريف واتّخذت مسجدًا وعزّ هذا على طوايف العلماء والصلحاء وان لم يعمل هذا سدى قيل انه كان يحسّن لجوبَان قصد البلاد ويذل[5]) له عليه الطارف[6]) والتلاد وذكر ان رسم المكاتبة اليه ادام الله تعالى بهجَة الحضرة العلية حضرة الملك الجليل الهمَام الباسل الضرغام السميدع الكرار الغضنفر المتخت المتوج العالم فى ملّته العادل فى رعيته بقية الملوك الاغريقية (sic) سلطان الكرج ذخر ملك البحار والخلج حامى حمى[7]) الفرسان وارث ابايه فى الاسرّة والتيجان سياج بلاد الروم وايران سليل اليونان خلاصَة ملوك السريَان بقية ابنا التخوت والتيجان معز النصرانية مويد العيسوية مسيح الابطال المسيحية معظم البيت المقدس بعقد النيّة عماد بنى المعمودية ظهير الباب بابا رومية موادّ المسلمين خالصَة الاصدقاء المقربين صديق الملوك والسلاطين وهذا دعاء اورده فى التثقيف يليق به وهو وحمى ملكه بودّه لا بجنده وبوفايه بعهده لا بجيشه وبنده وبما عندنا من سجَايا الاحسَان لا بما يظنّ انه من عنده وبما فى راينا المودى لا بما[8])

---

1) وبرا لغه (K.) — 2) Такъ правильно, вм. ينبغى рук., Лейденск. и Лонд. экземпляры «Таарифа». — 3) Рук. اليهم. Я принялъ чтеніе Лейден. и Лонд. рук. «Таарифа». — 4) Я бы предложилъ читать فى. *В. Р.* — 5) Рук. يدل. — 6) Такъ правильно К. вм. الطارق другихъ рукоп. — 7) Въ Лейд. и Лонд. рукоп. «Таарифа» нѣтъ слова حمى. — 8) Опущено بما (K.).

يقدح النار من زنده وربما قيل مصافى المسلمين بدل موادّ المسلمين امّا فى التثقيف
فقد ذكر ان للكرج ملكين احدهما صاحب تفليس المقدّم ذكره وذكر انه[1]) اسمه اذ
ذاك داوذ الثانى الحاكم بسخوم وابخاس وهما مدينتان على جانب بحر القرم من
الجانب الجنوبى كما تقدم ذكره فى الكلام على المسالك والممالك فى الجانب الشمالى
وسمّى صاحبها اذ ذاك ديادان (sic) قال ورسم المكاتبة الى كلّ منهما فى قطع النصف
اطال الله تعالى بقآء حضرة الملك الجليل المكرم الخطير الباسل الهمام المقدس الروحانى
فلان عزّ الامّة المسيحية كنز الطايفة الصليبية فخر دين النصرانية ملك ابخاز[2])
والكرج والجرجان صديق الملوك والسلاطين وتعريف كلّ منهما ملك الكرج ثم قال
وقد ذكر القاضى المرحوم شهاب الدين بن فضل الله فى المكاتبة المذكورة من التغيرات
ما لاحاجة الى ذكره لان ما ذكرته هو المستقرّ فى المكاتبة الية الى اخر الوقت قلت وذلك
لانه فى زمن المقرّ الشهابى بن فضل الله كان مرعى الجانب بمالاة التتر وانضمامه الى
جوبان كما تقدّمت الاشارة اليه فكانت المكاتبة اليه اذ ذاك اعلى وافخم فلما زالت
دولة التتر من ايران وخمدت قسورتهم انحطت رتبة المكاتبة الى ملك الكرج عن هذه
الرتبة ثم قد تقدّم فى المسالك والممالك فى الكلام على مدينة تفليس انها من اقليم
ارّان وانها كانت قد فتحها المسلمون ثم غلب عليها الكرج وملكوها فلو (чит. فقد ?)
عبر عن صاحبها بتملّك تفليس كما كان يعبر عن المستولى على سيس من الارمن بتملّك
سيس [وعن] المستولى على قبرس بتملّك قبرس ٬

Рѣченіе 4-ое... Статья 5-ая... Положеніе 1-ое. О перепискѣ (египетскихъ султановъ) *съ государями невѣрія въ странахъ Востока.* Государствъ, гдѣ находятся цари христіанскіе, которымъ пишется отъ этого (т. е. египетскаго) государства, всего два. Первое (изъ нихъ) *государство Грузинское* (состоящее) изъ христіанъ мелькитскихъ, (второе — царство Армянское). Въ *Таарифѣ* [3]) сказано: у мусульманъ оно (Грузинское государство) называется *Курдъ*, у христіанъ — *Курджъ*; (еще тамъ) сказано: лежитъ оно между землями Румскими и землею Армянскою; она (Грузія) страна великая и государство могущественное и какъ-бы отрѣзана отъ тѣхъ двухъ странъ. Въ ней власть твердая и пребываетъ въ ней всегда царь. Столица ея городъ Тифлисъ. Она находится подъ (верховною) властью султана

1) Прибавл. كان (К.) — 2) الحار (К.)

3) Т. е. въ соч. Ибнфадлаллаха Эломари († въ 1348 году), озаглавленномъ: التعريف فى المصطلح الشريف. См. упомянутый Сборн. Т. I, стр. 207.

Хулакуида (царствующаго) въ государствѣ Иранскомъ. Ярлыки (т. е. указы) его доходятъ до нея, но только потокъ его (султана) не разливается на нее и конница его не вторгается во внутрь ея для войны разжигающей[1]). Есть у него (султана) въ ней (Грузіи) всего только одна тьма (10,000 человѣкъ), для огражденія предѣловъ ея и для управленія ею. Страна ихъ (Грузинъ) обширна, а жители ея народъ кочевой, переѣзжающій съ мѣста на мѣсто. Послѣднимъ, говоритъ онъ (авторъ «Таарифа»), о которомъ была слава въ этой землѣ и гибель котораго случилась тамъ, былъ шейхъ Махмудъ, сынъ Джубана[2]). Это былъ храбрецъ небывалый и человѣкъ, горькій на вкусъ[3]). Когда случилось (извѣстное) приключеніе съ отцомъ его, то онъ (Махмудъ) бѣжалъ къ (Золотоордынскому) султану Узбекхану, но не долго онъ прожилъ и не облегчилась его горькая судьба[4]); настигъ его конецъ его и не могъ онъ отвратить его[5]). Далѣе говоритъ онъ (авторъ «Таарифа»): войско грузинское твердо держится вѣры креста и состоитъ изъ людей мужества и отваги. Войскамъ хулакуидскимъ оно служитъ опорою и поддержкою. Они (хулакуидскія войска) довѣряютъ имъ (Грузинамъ) и полагаются на нихъ[6]). Особенно довѣряютъ имъ сыновья Джубана, да внуки его и прочее потомство его по причинѣ прежнихъ благодѣяній, оказанныхъ имъ (Грузинамъ) Джубаномъ и достойнаго благодарности покровительства, которое они находили у него. Онъ (Джубанъ) былъ искреннимъ другомъ царя ихъ Барталема[7]), и (своими услугами ему какъ бы)

---

1) Эти метафоры значатъ просто, что султанъ не принимаетъ никакихъ мѣръ крутыхъ противъ Грузіи. Его указы доставляются въ Грузію — и только. *Прим. Ред.*

2) Джубанъ, какъ извѣстно, былъ везиремъ хулакуидскаго султана Абусаида и по настоянію послѣдняго, тяготившагося опекою его, задушенъ въ 728 году гиджры (= 1327 г. по Р. Х.). См. D'Ohsson, Hist. des Mong. IV, 667, 681; Hammer, Gesch. der Ilchane II, стр. 229. Weil, Gesch. d. Chal. IV, 327.

3) Т. е. опасный для своихъ враговъ.

4) Вм. تفرجت въ Лейденской и Лондон. рукоп. «Таарифа» стоитъ انفرجت. [Оба чтенія одинаково хороши. Буквальный переводъ будетъ: не раздвинулись кольца бѣды (охватившія его) *Прим. Ред.*].

5) Онъ правилъ Грузіею и былъ казненъ въ Тебризѣ, кажется въ томъ-же (728) году. См. D'Ohsson, Hist. des Mong. IV, 700. Hammer, Gesch. d. Ilch. II, 295, 297, 307.

6) О Грузинахъ, находившихся въ войскахъ хулакуидскихъ, см. Abulfeda, Ann. Musl. V, стр. 58 и 162; Hammer, Gesch. d. Ilchane I, 295, 312, 346; II, 127; Weil, Gesch. d. Chal. IV, 126. 128. 238.

7) Т. е. Варѳоломея; слѣдуетъ-ли читать: Багратида или Брцкинвале (Brtsqinwalé; le Brillant), какъ прозывался Георгій V, сынъ Дмитрія Преданнаго, воцарившійся въ Грузіи въ 1299 году? Вотъ что говорится о немъ, между прочимъ, въ грузинской исторіи Вахушта: «Dès que le roi Giorgi (V) eut appris la mort du qaen (т. е. хулакуидскаго султана Олджайту или Харбенды, умершаго въ 1316 году) et l'installation de son successeur Mousaïth (= Абусаидъ), il alla à l'ourdo Son arrivée fit plaisir à Tchophan (= Джубанъ), qui l'accueillit avec toute l'affection d'un père pour son fils et lui donna la Géorgie entière... (Hist. de la Géorgie, trad. par M. Brosset, I, 643). Или это то же лицо, о которомъ говорится ниже на страницѣ 213 въ прим. 2-мъ?

посѣялъ благодѣянія и довѣрилъ депозиты[1]). Онъ (Джубанъ) былъ любимѣйшій изъ любимцевъ его и искреннѣйшій изъ друзей его. Онъ (царь) звалъ его (Джубана) къ себѣ въ важныхъ дѣлахъ и взывалъ къ нему о помощи въ затруднительныхъ случаяхъ; онъ считалъ его опорою войска своего и устранителемъ бѣдствій своихъ. За симъ онъ (авторъ Таарифа) еще говоритъ: Барталему этого я помню, когда ему посылались подарки[2]), какъ одного изъ славнѣйшихъ царей христіанскихъ и какъ самаго закоренѣлаго человѣка (въ христіанствѣ) изъ людей крещеныхъ. Онъ вошелъ въ переписку съ дворомъ султанскимъ (египетскимъ) относительно (Іерусалимской) церкви (Св.) Креста[3]), прося, чтобы ее изъяли изъ рукъ завладѣвшихъ (ею мусульманъ). И

---

1) Плоды посѣянныхъ благодѣяній и довѣренные капиталы вмѣстѣ съ процентами затѣмъ получили его потомки въ видѣ преданности имъ грузинъ.

2) متى يرزق. Я невполнѣ увѣренъ въ правильности перевода этихъ словъ.

3) Такъ называетъ ее и авторъ исторіи Іерусалима Муджиреддинъ († въ 1521 году). См. Hist. de Jérusalem et d'Hébron, trad. sur le texte arabe par H. Sauvaire (p. 173), гдѣ мы находимъ слѣдующее: «L'église de Sainte Croix (El-Mousallabeh), propriété de la communauté des Géorgiens... à l'extérieur de Jérusalem, du côté de l'ouest .. fut enlevée aux chrétiens sous le règne d'El Malek en-Nâser Mohammad, fils de Qélâoun, et on y fit un Masdjed. Toutefois, en l'année 705 (Comm. 24 juillet 1305), une ambassade du roi de Géorgie et des envoyés du seigneur de Constantinople étant arrivés auprès du Lieutenant (*Nâïb*) du dit El Malek en-Nâser, demandèrent qu'on leur rendit l'église. A force d'instances et de supplications, elle fut restituée et remise à leurs ambassadeurs».

Эльмакризи († въ 1442 г.) говоритъ въ своемъ كتاب السلوك, подъ 705-мъ годомъ: «Un ambassadeur de l'empereur de Constantinople arriva (au Caire), accompagné d'un ambassadeur (du roi) des Kurdjs (Géorgiens) qui apportait un présent et une lettre dans laquelle le prince réclamait l'ouverture de l'église appelée Mousalliah (чит. Mousallabah), située à Jérusalem, pour que les Kurdjs pussent s'y rendre en pèlerinage. Il assurait que ces peuples resteraient soumis au Sultan et le seconderaient toutes les fois qu'il aurait besoin de leur secours. On donna l'ordre d'ouvrir l'église; ce qui fut exécuté. Les ambassadeurs furent congédiés avec une réponse (Quatremère, Hist. des sult. Mamlouks, II 2, p. 255).

Въ лѣтописи Элайни († въ 1451 г.), значится по этому предмету слѣдующее (см. рукоп. Азіят. Муз. т. IV, fol. 238 v): وفيها (يعنى فى سنة ٧٠٥) وصل رسل من جهة ملك الكرج الى القسطنطينية لاجل الابواب الشريفة فجهز الاشكرى معهم رسولا من عنده وارسلهم فوصلوا فى البحر الى الاسكندرية ثم الى مصر برسالة يسألون فيها ان يعاد اليهم كنيسة معروفة بهم بالقدس الشريف تسمّى المُعَلية (sic) كانت قد اخذت منهم منذ مدّة وبنى فيها مسجد ومأذنة فاعيدت اليهم وقال ابن كثير وكان الشيخ خضر انتزعها منهم فى الدولة الظاهرية فجعلها زاوية فاعيدت عليهم بمقتضى فتاوى العلمآء واذن لهم فى الاستوا فى الركوب وكانوا قبل ذلك يركبون عرضا من ناحية واحدة '

т. е. «въ 705 году прибыли въ Константинополь, на пути къ высочайшему двору (египетскому), послы отъ царя грузинскаго. Ласкарисъ (императоръ византійскій Андроникъ II) снарядилъ съ ними посла отъ себя и отправилъ ихъ. Они пріѣхали моремъ (сперва) въ

вышли указы, повелѣвшіе возвратить имъ (Грузинамъ) ее, хотя она уже была захвачена ими (мусульманами); находилась она за стѣнами Іерусалима и была обращена въ мечеть [1]). Это (возвращеніе церкви христіанамъ) огорчило массу книжниковъ и благочестивцевъ [2]), хотя оно и не было произведено необдуманно. Говорятъ, что онъ (царь грузинскій) побуждалъ Джубана къ завладѣнію странами (грузинскими) [3]) и сулилъ ему за это всевозможныя богатства. Онъ (авторъ Таарифа) говоритъ далѣе, что форма переписки (египетскаго султана) съ нимъ (царемъ Грузіи) была такая: «да продлитъ Аллахъ блескъ его величества, государя именитаго, славнаго, отважнаго, безстрашнаго, могущественнаго, неусыпнаго борца, льва, обладателя престола и короны, вѣдателя своей религіи, справедливца къ под-

---

Александрію, потомъ въ Мысръ (Каиръ), съ грамотою, въ которой просили о томъ, чтобы онъ (султанъ) возвратилъ имъ извѣстную подъ ихъ именемъ (т. е. «грузинской») въ Іерусалимѣ церковь, называемую «Эльмуадделія» (чит. «Эльмусаллаба» т. е. Крестную или Св. Креста). Она была отнята у нихъ нѣсколько времени тому назадъ и въ ней была построена мечеть съ башнею для муэддзина. Она была возвращена имъ. Ибнкесиръ († въ 1373 г.) говоритъ: въ царствованіе Эззахирево (т. е. египетскаго султана Эльмеликъ-Эззахира Бейбарса, правившаго съ 1260 по 1277 годъ) шейхъ Хыдръ отнялъ ее у нихъ (христіанъ) и она была возвращена имъ согласно приговорамъ улемовъ. Позволено было имъ (также) ѣздить верхомъ, свѣсивъ ноги по обѣ стороны; до этого времени они ѣздили бокомъ, (спустивъ обѣ ноги) съ одной стороны» (см. Weil, Gesch. d. Chal. IV, 269). Это-же свѣдѣніе повторено у Элайни еще разъ подъ 710 годомъ (fol 280, r), гдѣ церковь названа الكنيسة المصلبة.

1) Церковь св. Креста, съ находящимся при ней монастыремъ лежитъ, какъ извѣстно, на разстояніи 2—$2^1/_2$ часовъ ѣзды къ З. отъ Іерусалима. Подробный обзоръ свѣдѣній о ней см. у Тоблера: Topographie von Jerusalem II, 726 — 741. Ср. Brosset, Hist. de la Géorgie, Additions p. 197—203, гдѣ перечисляются и фресковыя изображенія, находившіяся на стѣнахъ ея. Въ одномъ изъ придѣловъ ея архим. Леонидъ въ 1858 году видѣлъ «*груду грузинскихъ рукописныхъ книгъ, оставленныхъ на жертву сырости, червей и зеленыхъ скорпіоновъ*». См. Чтен. Моск. Общ. Ист. и Древн. за 1871, кн. I, отд. II, стр. 8 — 9.

2) См. между прочимъ мой Сборникъ, I, 524. Считаю нелишнимъ указать еще на одно интересное, но неразъясненное до сихъ поръ извѣстіе о грузинскомъ царѣ دوداسوطا بن كلمارى (?), который въ 671 или 682 г. г. (1272 или 1282) ѣздилъ въ Іерусалимъ и былъ заключенъ въ Египтѣ въ темницу по распоряженію мамлюкскаго султана Калавуна. См. Quatremère, Hist. des sult. Maml. I, 2, p. 118 и II, 1, p. 56, (гдѣ сказано: «C'était le plus puissant allié des infidèles, l'ennemi le plus acharné des Musulmans, *le plus grand auxiliaire des Tatars.*»), Brosset, De l'état relig. et polit. de la Géorgie въ Bull. scient. V, 240 и Hist. de la Géorgie, I, 596 — 597, Weil, Gesch. d. Khal. IV, 156; ср. выше, стр. 211, прим. 7. Объ уваженіи Грузинъ къ Іерусалимскимъ святынямъ свидѣтельствуетъ также сообщаемое Ибншеддадомъ извѣстіе о томъ, какъ они въ 588 г. (1192—3) предлагали султану Саладину 200.000 динаровъ за захваченный мусульманами въ 583 году, крестъ, на которомъ былъ распятъ Спаситель, и просили того-же султана о возвращеніи имъ отнятыхъ у нихъ Іерусалимскихъ святыхъ обителей. См. Rec. des hist. des crois., III, 299, 345.

3) [Мнѣ кажется, что это мѣсто значитъ только, что царь побуждалъ Джубана вообще къ завоевательной политикѣ. *Прим. Ред.*]

даннымъ своимъ, лучшаго изъ царей Лазійскихъ [1]), султана Грузинъ, сокровища царства морей и проливовъ, защитника заповѣднаго мѣста витязей, унаслѣдовавшаго отъ предковъ своихъ престолы и короны, охраны странъ румскихъ и иранскихъ, потомка Іонянъ, эссенціи царей сирійскихъ, отборнѣйшаго изъ обладателей престоловъ и коронъ, прославителя христіанъ, подпоры религіи Іисусовой, помазанника героевъ мессіянскихъ, рѣшеніемъ своимъ возвеличившаго домъ священный (т. е. Іерусалимъ), опоры крещенныхъ, пособника папы, папы римскаго, друга мусульманъ, прекраснѣйшаго изъ близкихъ друзей, искреннѣйшаго друга царей и султановъ».

Заздравное пожеланіе, приличествующее ему (царю грузинскому), приведено въ «Таскифѣ» [2]) такое: «да охраняется царство его любовью къ нему, а не ратью его, его вѣрностью договорамъ, а не войскомъ и полчищами его, врожденною намъ склонностью къ благодѣяніямъ, а не тѣми (качествами и подвигами), которые приписываются ему, нашимъ проницательнымъ сужденіемъ (требующимъ его поддержки), а не тѣмъ чѣмъ онъ высѣкаетъ огонь изъ своего огнива [3])». Вмѣсто словъ «друга мусульманъ» говорится иногда «искренне преданнаго мусульманамъ». Въ «Таскифѣ» говорится: (выше) уже было упомянуто, что у Грузинъ два царя: одинъ изъ нихъ владѣетъ Тифлисомъ, — о немъ (также) было сказано выше — и имя его тогда было Давидъ; другой правитъ Сухумомъ и Абхасомъ — это два города на берегу Крымскаго моря съ южной стороны, какъ объ этомъ сказано (выше) въ главѣ о путяхъ и государствахъ сѣверной стороны — и назывался онъ тогда Дадіаномъ. Каждому изъ нихъ пишется на полулистѣ такимъ образомъ: «да продлитъ Аллахъ жизнь его величества, государя славнаго, великодушнаго, именитаго, отважнаго, храбраго, священнаго, духовнаго, N. N., славы народа мессіянскаго, сокровища націи крестоносной, гордости вѣры христіанской, царя Абхазцевъ, Грузинъ и Джурдджанцевъ, друга царей и султановъ». Прозваніе каждаго изъ нихъ было (такое): «царь Грузинъ». Затѣмъ сказано (въ «Таскифѣ»): покойный кади Шихабеддинъ Ибнфадлаллахъ [4]) отмѣтилъ еще разныя измѣненія въ формѣ переписки, но ихъ нѣтъ надобности упоминать здѣсь, такъ какъ то, что̀ я

---

1) Вмѣсто الاغريقية (= греческихъ) я читаю اللازقية. [Эта поправка кажется мнѣ ненужной. Называть христіанскаго царя «лучшимъ изъ греческихъ царей» — простая вѣжливость со стороны мусульманскаго властителя. О генеалогической правдѣ египетскія канцеляріи очень мало заботились. *Прим. ред.*]

2) Т. е. въ соч. Эльмухибби: تثقيف التعريف بالمصطلح الشريف, составляющемъ дополненіе къ «Таарифу». См. Сборн. матер. относ. къ ист. Зол. Орды I, 331.

3) Т. е. не его мѣрами и стараніями, какъ бы они ни были обдуманы и хороши.

4) Т. е. Эломари. См. мой Сборникъ I, стр. 207.

привелъ, осталось въ такомъ-же видѣ до послѣдняго времени». Я же (Элькалькашанди) говорю: (въ *Таскифѣ* сказано) это потому, что во время почтеннѣйшаго Эшшихаби Ибнфадлаллаха онъ (царь грузинскій) пользовался (еще) почетомъ, благодаря расположенію къ нему Татаръ и приверженности его къ Джубану, какъ объ этомъ сказано было выше. Вслѣдствіе этого въ перепискѣ съ нимъ употреблялись эпитеты болѣе громкіе и почетные, но когда царство Татаръ пресѣклось въ Иранѣ и силы ихъ погасли, то переписка (султана египетскаго) съ царемъ грузинскимъ сошла съ этой (прежней) степени. Въ главѣ о путяхъ и государствахъ уже сказано о городѣ Тифлисѣ, что онъ принадлежитъ къ Арранскому «климату», что его завоевали мусульмане, но что (потомъ опять) одолѣли его и овладѣли имъ Грузины (въ 624 году). Владѣльца его (Тифлиса) называютъ присвоившимъ себѣ власть надъ Тифлисомъ, точно также какъ армянскаго правителя Сиса называютъ присвоившимъ власть надъ Сисомъ и правителя Кипра присвоившимъ власть надъ Кипромъ»[1]).

Слѣдующая затѣмъ глава объ Арменіи (مملكة الارمن), составленная также по «Таарифу» и «Таскифу», содержитъ извѣстныя уже свѣдѣнія о томъ, что страна эта при халифахъ называлась بلاد الثغور والعواصم, что она была подвластна то Сельджукамъ, то Хулакуидамъ, то султанамъ мамлюкскимъ, которымъ одно время платила ежегодную дань свыше 1.200.000 дирхемовъ, наложенную на нее намѣстникомъ Исентимуромъ Элькурджи, что при мамлюкскомъ султанѣ Мохаммедѣ, сынѣ Калавуна, армянскій властитель (كبير) Млихъ, сынъ Леона, (مليح بن لاون), отнялъ у Мамлюковъ земли, лежащія за рѣкою Джайханомъ, съ столичнымъ городомъ Аясомъ, но что въ 776 году гиджры, при султанѣ Шаабанѣ, Арменія снова была завоевана мамлюками. Изъ царей армянскихъ упоминаются Леонъ V, сынъ Ошина (ليفون بن اوشين), и Константинъ, сынъ Хетума (كستندين بن هيتوم). Замѣтивъ, что у Армянъ царь назывался تكفور (арм. *тагаворъ*), и что одинъ изъ царей ихъ «государь родовитый изъ сыновей царскихъ, производилъ свой родъ отъ дома Константинова» (ملك عريق من ابناء الملوك يزعم ان اصله من البيت القسطنطيني), *Элькалькашанди* говоритъ, со словъ «Таарифа»: وعندهم نظر فى دعواهم ذلك اذ كان اهل ذلك البيت هم صليبة الروم ومعتقدهم معتقد الملكانية والبيت التكفورى ارمن ومعتقدهم معتقد اليعاقبة او ما يقاربه وبين المعتقدين بعد عظيم وبون نآءٍ ' т. е. «у нихъ (Армянъ) спо-

1) Большая часть свѣдѣній, сообщаемыхъ въ замѣткѣ Элькалькашанди, значится также въ араб. соч. ديوان الانشاء, рукопись котораго находится въ Парижской Національной библіотекѣ (anc. fond. arabe № 1573, fol. 281*v* — 282*r*).

рятъ о такомъ притязаніи ихъ, такъ какъ люди изъ этого дома (Константинова) чистые греки, и вѣра ихъ вѣра Мелькитовъ, домъ же Такфуровъ армянскій и вѣра ихъ вѣра Якобитовъ или близко подходящая къ этому (исповѣданію), а между послѣдователями (этихъ двухъ сектъ) большая разница и огромное несходство» [1]).

В. Тизенгаузенъ.

---

1) Эльмухибби, сообщая въ 3-ьей главѣ своего «Таскифа» форму переписки мамлюкскихъ султановъ съ «государями невѣрныхъ» говоритъ: واكبر ملوك الكفار الباب وهو عندهم بمنزلة القان عند التتار т. е. «величайшій изъ государей невѣрныхъ папа; онъ у нихъ (невѣрныхъ) имѣетъ такое-же значеніе, какъ ханъ у Татаръ».

Это однако же нисколько не мѣшало «повелителямъ правовѣрныхъ» при перепискѣ съ папой ублажать его слѣдующими пышными эпитетами: ضاعف الله تعالى بهجة الحضرة السامية الباب الجليل القديس الروحانى الخاشع العامل بابا رومية عظيم الملة المسيحية قدوة الطوايف العيسوية مملّك الملوك النصرانية حافظ التخوت والتيجان ملاذ البطاركة والاساقفة والقسوس والرهبان تالى الانجيل معرّف طايفته التحريم والتحليل صديق الملوك والسلاطين ‘ «да возвеличитъ Аллахъ всевышній блескъ его величества именитаго, папы славнѣйшаго, святѣйшаго, духовнаго, смиреннаго, трудолюбца, папы римскаго, старѣйшины религіи мессіянской, образца народовъ Іисусовыхъ, повелителя царей христіанскихъ, охранителя престоловъ и коронъ, убѣжища патріарховъ, епископовъ, священниковъ и монаховъ, послѣдователя евангелія, указывающаго народу своему, что̀ запрещено и что̀ дозволено, искренняго друга царей и султановъ.»

Несторіанскія надписи изъ Семирѣчья[1]

№ XXIII — XXVIII.

Императорская археологическая коммиссія недавно получила еще три камня съ надписями и нѣкоторые фотографическіе снимки[2]). Мы здѣсь сообщаемъ текстъ ихъ съ переводомъ и объясненіемъ. Для бо́льшаго удобства при ссылкахъ мы ихъ обозначаемъ номерами XXIII — XXVIII.

№ XXIII.

(По фотографическому снимку).

ܒܫܢܬ ܐ ܬܩܦܕ (1

ܗܢܐ ܩܒܪܐ (2

ܦܐܙܪܡܢܓܘ ܦܪܝܕܘܛܐ (3

ܡܗܝܡܢܐ ܡܟܝܟܐ (4

«*Въ году 1584* (и 1273). *Это — могила періодевта Пацермангу, вѣрующаго, смиреннаго*».

Строка 2. Здѣсь стоитъ ܩܒܪܐ, безъ суффикса, вмѣсто ܩܒܪܗ другихъ надписей.

Стр. 3. Третья буква сомнительна. — ܦܪܝܕܘܛܐ сирійскій эквивалентъ греческаго περιοδευτής; ср. выше, № VI и тамъ-же прим. 1.

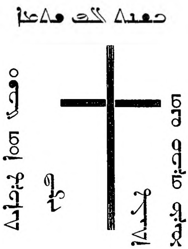
---

1) См. выше, стр. 84—109.

2) Послѣдніе были доставлены Д. В. Городецкимъ.

№ XXIV.

(По подлинному камню находящемуся въ Имп. Археолог. Коммиссіи).



Порядокъ строкъ слѣдующій:

ܒܫܢܬ ܐܠܦ ܘܫܬܡܐ (1
ܘܫܒܥ ܗܘܐ ܬܘܪܟܝܬ (2
ܦܓܝܢ (3
ܗܢܘ ܩܒܪܗ ܕܛܠܝܬܐ (4
ܡܪܝܡ (5

«*Въ году* 1607 (1296); *это по тюркски обезьяна* (т. е. годъ обезьяны, 9-й годъ 12 лѣтняго цикла). *Это — могила молодой дѣвицы Марьямъ* (Маріи).

Стр. 2. ܬܘܪܟܝܬ вмѣсто обыкновеннаго ܬܘܪܟܐܝܬ.

Стр. 3. Нельзя сказать, стоитъ-ли въ надписи ܦܓܝܢ или ܦܝܓܝܢ, такъ какъ вся надпись вырѣзана довольно неясно. Ср. выше № XI, гдѣ это самое словъ написано ܦܘܓܝܢ. Арабы и персы пишутъ بيجين и پيچين. Но кромѣ указаннаго пункта наше чтеніе всей надписи не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію.

№ XXV.

(По подлинному камню, находящемуся въ Имп. Археолог. Коммиссіи).

ܒܫܢܬ ܐܠܦ (1
ܘܫܬܡܐ ܬܡܢܝܢ (2
ܐܪܒܥ ܗܘܐ (3

4) ܫܢܬ ܛܘܪܐ (sic)

5) ܗܢܘ ܩܒܪܗ

6) ܩܘܛܠܘܓ ܩܫܐ

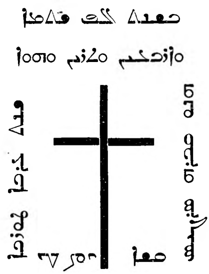
«*Въ году* 1624 (1313); *это — годъ быка* (2-ой годъ 12 лѣтняго цикла). *Это — могила священника Кутлуга*».

Стр. 4. ܛܘܪܐ по ошибкѣ вм. ܬܘܪܐ.

Стр. 6. Объ имени *Кутлугъ* и его орѳографіи ср. выше, въ примѣчаніяхъ къ № IX.

№ XXVI.

(По фотографическому снимку).



Порядокъ строкъ слѣдующій:

1) ܒܫܢܬ ܐܠܦ ܘܫܬܡܐܐ

2) ܘܐܪܒܥܝܢ ܘܬܪܝܢ ܘܗܘܐ

3) ܫܢܬ ܕܟܪܐ ܛܘܪܟܐ

4) ܠܗ ܩܘܝ

5) ܗܢܘ ܩܒܪܗ ܣܪܓܝܣ

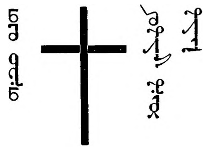
6) ܩܫܐ

«*Въ году* 1642 (1331); *это — годъ барана* (4-ый 12 лѣтняго цикла), *по тюркски — Куй. Это — могила священника Сергиса* (Сергія)».

Стр. 4. О словѣ ܩܘܝ = قوى см. выше № VII.

№ XXVII.

(По фотографическому снимку).



«*Это — могила мальчика Кутлуг-Терима*».

Стр. 2. Орѳографія имени *Кутлуг* здѣсь другая чѣмъ въ остальныхъ надписяхъ; ср. выше примѣчанія къ № IX стр. 96 (24). — ܩܘܬܠܓ здѣсь ясно написано съ *однимъ* ܘ (*послѣ* ܩ); ср. выше № IX и XXI.

№ XXVIII.

(По подлинному камню, находящемуся въ Импер. Археолог. Коммиссіи).

ܗܢܐ ܩܒܪܗ (1

ܐܠܟܣܢܕܪܘܣ (2

ܛܠܝܐ (3

«*Это — могила мальчика Александра*».

На одномъ фотографическомъ снимкѣ весьма ясно читается дата: 1580 (=1269). Остальную часть надписи я, за неясностью начертаній, не могъ разобрать.

Оставшееся мнѣ непонятнымъ слово въ концѣ надписи № XIV по несомнѣнно правильной коньектурѣ проф. *Нельдеке* слѣдуетъ читать ܡܝܬ ܒܡܘܬܢܐ т. е. *онъ умеръ отъ чумы*».

Къ сказанному выше стр. 106 (34) прим. 1 о сирійской надписи въ Си-нган-фу прибавлю слѣдующее:

Въ самое новѣйшее время былъ сдѣланъ на мѣстѣ новый эстампажъ съ этой надписи, и изъ него явствуетъ 1) что старый снимокъ сдѣланный въ 17 вѣкѣ — неполонъ и 2) что памятникъ этотъ несомнѣнно неподдѣльный. Это мнѣ сообщилъ проф. *Геллеръ* (Heller) въ Инсбрукѣ, который занимается новымъ изданіямъ полнаго текста памятника и читалъ рефератъ о немъ на происходившемъ осенью сего года съѣздѣ оріенталистовъ въ Вѣнѣ. — Ср. еще Götting. Gel. Anzeigen за 1886, № 18, 718 и сл.

Д. Хвольсонъ.

Прим. Ред. Во избѣжаніе недоразумѣній считаемъ нелишнимъ замѣтить, что *всѣ* камни, которые были доставлены въ С.-Петербургъ, принадлежатъ Импер. Археологической Коммиссіи, и находятся въ настоящее время въ Имп. Эрмитажѣ лишь потому, что самая Коммиссія теперь помѣщается въ зданіи Эрмитажа.

МЕЛКІЯ ЗАМѢТКИ И ИЗВѢСТІЯ.

Кульджинская монетная находка [1]).

Присланныя г. Успенскимъ джагатайскія монеты, относящіяся къ 650 — 723 годамъ гиджры (= 1252 — 1323 г. по Р. Х.), принадлежатъ къ числу рѣдчайшихъ и интереснѣйшихъ. Между прочимъ онѣ дали возможность пріурочить двѣ серебр. монеты, которыя въ Френовыхъ Nov. Supplem. ad Recensionem I, p. 397, № 37 и 38 (тамъ помѣщены и снимки съ нихъ) включены издателемъ ихъ, пок. акад. Дорномъ, въ разрядъ «неизвѣстныхъ», хотя Френъ уже догадывался, что вторая изъ нихъ (№ 38) должна быть джагатайская.

Для окончательнаго разъясненія вопроса оставалось только разобрать непрочтенное ими слово المالع, которое находится на оборотной сторонѣ ея. Если мнѣ удалось разгадать его, то я этимъ отчасти обязанъ тому обстоятельству, что зналъ, что доставленныя г. Успенскимъ монеты (въ числѣ ихъ находились двѣ такія-же серебр. монеты, какія находились въ рукахъ Френа), найдены въ Кульджѣ, принадлежащей къ раіону бывшаго джагатайскаго ханства. Лѣтнею резиденціею джагатайскихъ хановъ былъ, какъ извѣстно, городъ *Алмалыкъ* [2]). Это-то имя и заключается въ упомянутой надписи, которую я читаю المالقى, т. е. «*Алмалыкскій*» (юртъ).

Подтвержденіемъ правильности этого чтенія служатъ 3 мѣдныя монеты (изъ числа присланныхъ г. Успенскимъ), на которыхъ читается: (sic) ضرب (sic) هذه السكة باالما لقى (*выбитъ этотъ чеканъ въ Алмалыкскомъ* (юртѣ), и большая серебряная монета съ *уйгурскими* надписями, на которой

---

[1]) См. Протоколъ засѣданія 9 сентября 1886 г., стр. XV.

[2]) المالق или المالیق (также المالغ или المالیغ), близь рѣки Или, въ 14-ти дняхъ пути на З. отъ Бишбалыка. См. D'Ohsson, Hist. des Mong. II, 107. Quatremère, Hist. des Mong. p. 146 — 147 и Not. et Extr. XIII, p. 224 — 225.

также находится невполнѣ сохранившееся имя «...*малыкъ*» (по чтенію В. В. Радлова и А. М. Позднѣева). Эта послѣдняя монета до сихъ поръ оказывается, сколько мнѣ извѣстно, единственною въ своемъ родѣ и служитъ новымъ доказательствомъ, что уйгурскій языкъ употреблялся тогдашними монгольскими ханами не только для дипломатической переписки и важнѣйшихъ правительственныхъ актовъ, но и при чеканкѣ монетъ.

Подробное объясненіе всѣхъ 12 экземпляровъ Кульджинской находки, съ разрѣшенія Вост. Отдѣленія, будетъ помѣщено мною въ описаніи замѣчательныхъ джагатайскихъ монетъ, привезенныхъ Н. И. Веселовскимъ изъ прошлогодней поѣздки его въ Туркестанскій край.

В. Тизенгаузенъ.

Китайскія зеркала, найденныя въ г. Кульджѣ.

Въ январѣ минувшаго 1885 г. въ музей Императорской Археологической Коммиссіи были присланы Н. Н. Пантусовымъ найденные въ городѣ Кульджѣ три металлическихъ кружка, извѣстные у насъ подъ общимъ именемъ зеркалъ. При ближайшемъ разсмотрѣніи ихъ оказывается, что предметы эти принадлежатъ несомнѣнно китайской націи и суть одни изъ представителей китайскаго быта. Въ частности:

Зеркало № 1-й сдѣлано изъ желтой мѣди и по формѣ представляетъ собою кругъ, величиною 5,4 дюйма въ поперечномъ діаметрѣ. Въ срединѣ круга, на лицевой сторонѣ онаго, припаяно мѣдное ушко, назначенное какъ будто для того, чтобы кругъ можно было привѣшивать; по четыремъ сторонамъ этого ушка выбито четыре китайскихъ іероглифа.

鸞

鳴　　和

鳳

«Луань фынъ хэ минъ» т. е. «(Птички) Луань и Фынъ поютъ согласно» (= гармонируя другъ съ другомъ).

Луань — это китайская миѳическая птичка (фениксъ), появленіе которой знаменуетъ собою счастіе. По вѣрованіямъ китайцевъ, она живетъ и летаетъ всегда попарно, — самецъ съ самкой; оттого и въ литературѣ китайской самецъ и самка этой птицы являются нераздѣльными. Луань (鸞)

будетъ означать самца, Фынъ (鳳) — означаетъ самку. Бываютъ еще случаи, что самка этой птицы называется *хуанъ*, (凰) и въ такомъ случаѣ словомъ *фынъ* (鳳) будетъ выражаться понятіе самца. Въ Кань-си цзы дянѣ мы находимъ поэтому поводу еще слѣдующее объясненіе: «Луань это священная птица. (Духъ) Чи-шенъ (赤 神) есть ея воплощеніе. Порода ея таже что и Фынъ-хуанъ (鳳 凰). Преобладающій цвѣтъ ея перьевъ красный; но помимо того каждое ея перышко заключаетъ еще въ себѣ и всѣ пять цвѣтовъ. Какимъ образомъ происходитъ это удивительное соединеніе — неизвѣстно. Формою тѣла она походитъ на фазана (山 雞), а въ пѣніи ея слышится гармонія пяти звуковъ. Водится эта птичка въ горахъ Нюй-чуань шань (女 牀 山), т. е. горы кровати дѣвушки».

Луань-фынъ составляютъ у Китайцевъ эмблему супружескаго счастія; поэтому необходимо предположить, что разсматриваемое нами зеркало представляетъ собою или свадебный подарокъ, или же предметъ, входящій въ составъ выдаваемаго за невѣстой приданаго. Къ этому заключенію насъ приводитъ еще и то обстоятельство, что подобнаго рода надписи мы нерѣдко видали въ Пекинѣ выставленными на дверяхъ домовъ, гдѣ готовится свадьба.

2-е Зеркало совершенно такое же по внѣшнему виду и только нѣсколько меньшее по объему (4,6 д. въ поперечномъ діаметрѣ), носитъ на себѣ слѣдующую надпись:

百

圓　　團

壽

«Бо шоу туань юань», т. е. неразлучіе (въ теченіе) долгихъ лѣтъ.

Зеркало это, по всей вѣроятности, представляетъ собою такъ же привѣтственный подарокъ, принесенный, по общему обычаю Китайцевъ, какому нибудь старцу въ день его 70-ти или 90 лѣтняго юбилея членами его семьи.

3-е Зеркало по формѣ подобно двумъ первымъ, но отличается отъ нихъ во 1-хъ своею величиною (4,9 дюйма въ поперечномъ діаметрѣ); во 2-хъ тѣмъ, что въ срединѣ его круга нѣтъ 4-хъ-угольнаго ушка, а есть такое же четырехугольное отверстіе и наконецъ въ 3-хъ тѣмъ, что на немъ нѣтъ надписей, а есть изображеніе двухъ драконовъ, по обычаю, играющихъ луною. Какое именно было назначеніе этого зеркала я не могу удостовѣрять съ точностью; но мнѣ приходилось видѣть нѣчто подобное на особаго рода дуй-цзахъ, приносимыхъ въ подарокъ по случаю того же празднованія долголѣтія. Нужно замѣтить, что у Китайцевъ въ большомъ обычаѣ приносить въ подарокъ свитки (бумажные, или шелковые, наконецъ и изъ

другой какой нибудь матеріи), на которыхъ начертаны какія либо изрѣченія, заимствованныя или изъ классическихъ книгъ, или изъ какихъ либо замѣчательнѣйшихъ философовъ. Въ дни празднованія юбилеевъ долголѣтней жизни, родственницы юбиляра непремѣнно уже дарятъ ему такой свитокъ съ вышитыми на немъ шелкомъ іероглифами. Свитки эти, будучи развѣшаны на стѣнѣ, имѣютъ видъ картинъ и называются въ такомъ случаѣ «Чжанъ-шоу» (幛壽). Для прикрѣпленія ихъ къ стѣнѣ и употребляются запонки въ родѣ настоящаго зеркала, при чемъ запонка съ изображеніемъ драконовъ полагается всегда въ срединѣ. Отверстіе, находящееся въ срединѣ зеркала, было, какъ я полагаю, именно предназначено для вколачиванія гвоздя.

А. Позднѣевъ.

Новооткрытая рукопись Ибн-Хордадбэха.

До новѣйшаго времени была извѣстна только одна рукопись книги «путей и странъ» Ибн-Хордадбэха. По этой единственной и въ добавокъ очень посредственной рукописи, хранящейся въ Бодлеянѣ въ Оксфордѣ, Барбье де Мейнаръ издалъ и перевелъ этотъ драгоцѣннѣйшій памятникъ арабской географической литературы въ 1865 г. Несмотря на всѣ старанія издателя, текстъ его представляется въ искалѣченномъ и очевидно очень сокращенномъ видѣ. Въ Іюлѣ текущаго года мы получили циркуляръ фирмы Брилль въ Лейденѣ съ предложеніемъ подписаться на новое изданіе Ибн-Хордадбэха, предпринятомъ профессоромъ де Гуе. Изъ приложенной къ циркуляру замѣтки знаменитаго голландскаго оріенталиста мы узнаемъ, что шведскому арабисту графу Ландбергу удалось разыскать въ Египтѣ довольно древнюю и хорошую рукопись Ибн-Хордадбэха, которая особенно важна еще тѣмъ, что содержитъ, по всей вѣроятности, полное сочиненіе, а не сокращенную редакцію, какъ оксфордскій экземпляръ. По свидѣтельству г-на де Гуе въ новооткрытой рукописи описаніе византійской имперіи гораздо полнѣе, въ концѣ книги прибавлено описаніе торговаго пути въ Китай, не находящееся въ изданіи, и кромѣ того въ ней читаются многія отдѣльныя свѣдѣнія, опущенныя сократителемъ. Понятно, что есть также не мало хорошихъ чтеній въ сравненіи съ печатнымъ изданіемъ. Г. де Гуе приводитъ одинъ примѣръ: въ извѣстномъ, много обсуждавшемся и въ нашей ученой литературѣ, мѣстѣ о русскихъ купцахъ въ изданіи читается (стр. 116 текста, 264 перевода): وان شاؤوا ساروا فى سفن نهر الصقالبة, что

въ буквальномъ переводѣ значитъ «*а когда они хотятъ, то ходятъ на судахъ рѣки славянъ*». Сомнѣваясь въ исправности текста, де Гуе, еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда мы съ нимъ переписывались по поводу этого мѣста, предлагалъ мнѣ читать вм. سفن рукописи — تنيس и перевести «.....*то ходятъ по Танаису, рѣкѣ славянъ*». Я тогда отвергъ эту остроумную коньектуру. Она мнѣ казалась слишкомъ смѣлой, такъ какъ мнѣ не было извѣстно ни одного мѣста, въ которомъ Донъ у арабовъ писался تنيس вм. طنايس. Но открытая теперь рукопись вполнѣ подтверждаетъ догадку г. де Гуе, ибо въ ней стоитъ именно تنيس и всякое сомнѣніе становится уже невозможнымъ.

Владѣлецъ рукописи, хорошо понимая цѣнность ея, требовалъ за нее баснословной суммы. Фирма Брилль рѣшилась заплатить ее, но была вслѣдствіе этого принуждена объявить, что она можетъ предпринять изданіе только, если найдется 120 подписчиковъ, готовыхъ уплатить по 50 германскихъ марокъ за экземпляръ. Подписка шла очень туго, не смотря на то, что де Гуе обѣщалъ приложить французскій переводъ; можно было опасаться, что интересное и полезное изданіе не состоится. Но на международномъ съѣздѣ оріенталистовъ въ Вѣнѣ графъ К. Ландбергъ заявилъ, что онъ купилъ у фирмы Брилль драгоцѣнную рукопись и принесъ ее въ даръ Импер. Корол. Придворной Библіотекѣ въ Вѣнѣ съ тѣмъ условіемъ, чтобы она была предоставлена въ полное распоряженіе профессора де Гуе на все время необходимое для приготовленія изданія. Такимъ образомъ теперь есть полная надежда, что мы въ скоромъ времени получимъ исправное изданіе и надежный переводъ этого важнаго памятника.

Бар. В. Розенъ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

29. Краткая исторія Кокандскаго ханства. — Составилъ В. Наливкинъ. Казань 1886. IV + 215 стр. 8⁰.

Давно чувствовался недостатокъ въ исторіи Коканскаго ханства и пополненіе этого недостатка прямо лежало на нашей обязанности. Правда, были у насъ распросныя свѣдѣнія о событіяхъ въ этомъ ханствѣ, но мы не знали можно-ли вполнѣ на нихъ полагаться. Требовалось, по занятіи ханства, поискать мѣстныхъ источниковъ, въ видѣ-ли лѣтописей, въ видѣ-ли разныхъ ярлыковъ, вакуфныхъ документовъ, и т. п. Такіе документы дѣйствительно нашлись, а рукописей историческаго содержанія оказалось даже пять. В. П. Наливкинъ, основательно изучившій мѣстные языки и занимающій въ настоящее время должность преподавателя этихъ языковъ въ учительской семинаріи въ Ташкентѣ, задумалъ на основаніи этихъ данныхъ, съ прибавленіемъ еще устныхъ преданій, изложить исторію Коканскаго ханства новѣйшаго времени. Такой трудъ не могъ не возбудить въ насъ самаго живаго интереса въ виду тѣхъ открытій и разъясненій, которыхъ слѣдовало ожидать отъ туземныхъ источниковъ. Къ сожалѣнію, «Краткая исторія» произвела въ насъ не малое разочарованіе. Мы убѣдились только, что наши прежнія свѣдѣнія о судьбахъ Коканскаго ханства, за исключеніемъ нѣкоторыхъ частностей, были вѣрны; но затѣмъ, что было темно раньше, почти такимъ-же темнымъ осталось и теперь. Произошло это потому, надо полагать, что только въ нынѣшнемъ столѣтіи появились въ Коканѣ свои лѣтописцы, а что имѣло мѣсто въ прошломъ, о томъ они не знали, да повидимому и знать не желали. Такое, по крайней мѣрѣ, производитъ на читателя впечатлѣніе трудъ г. Наливкина. Что-же касается до самой исторіи ханства, то изложена она безъ соблюденія необходимыхъ научныхъ требованій,

даже самыхъ элементарныхъ. Мы не встрѣчаемъ въ краткой исторіи Коканскаго ханства не только цитатъ изъ рукописей намъ совершенно еще неизвѣстныхъ, но даже и ссылокъ на нихъ, за исключеніемъ двухъ-трехъ случаевъ, и если-бы Н. Н. Пантусовъ не издалъ одну изъ мѣстныхъ лѣтописей, «Тарихи Шахрохи» мы не имѣли-бы и понятія о характерѣ ихъ.

Обстоятельное изложеніе событій ханства начинается съ конца прошлаго столѣтія. Эта исторія не сложна: она вся состоитъ въ непрерывныхъ войнахъ, какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ, т. е. вполнѣ безотрадна. И не смотря на то, ханство росло довольно быстро. Занимая въ концѣ прошлаго столѣтія только Ферганскую долину, въ началѣ нынѣшняго оно распространило власть свою до Ура-тюбе на юго-западѣ, до нынѣшняго Форта Перовскаго (коканская крѣпость Акъ-Мечеть) на западѣ, и пріобрѣло сильное вліяніе на нашихъ киргизовъ; на сѣверѣ границею ханства была рѣка Чу. На востокѣ, однако, пришлось остановиться у естественной границы, быть-можетъ, вслѣдствіе борьбы съ Бухарскимъ ханствомъ, борьбы отвлекавшей главное вниманіе хановъ на югъ; но всетаки ханы засматривались на Восточный Туркестанъ и были весьма небезгрѣшны въ тѣхъ смутахъ, которыя производили въ этой странѣ Ходжи.

Изложивъ довольно подробно военную исторію ханства, г. Наливкинъ вовсе не касается культурнаго состоянія страны, хотя для него это было доступнѣе, чѣмъ для кого другаго. Слѣдовало бы полагать, что обстоятельства не могли способствовать развитію ханства и неуклонно вели его къ упадку. А между тѣмъ въ ханствѣ процвѣтаетъ литература, Коканъ обращается въ значительный торговый центръ. Какъ примирить такія несообразности? А г. Наливкинъ, вѣроятно могъ бы объяснить намъ это явленіе. Оканчивается исторія бѣгствомъ Худояра Хана въ Россію.

Не смотря на всѣ недостатки, трудъ г. Наливкина является всё таки полезнымъ пріобрѣтеніемъ для Исторіи Средней Азіи.

Н. В.

30. Исламъ, его происхожденіе и сущность по сравненію съ христіанствомъ. Опытъ историко-апологетическаго изслѣдованія. **Н. Боголюбскаго** (нынѣ священника города Самары). Самара. Типографія М. Грана. 1885. 292 стр. 8°.

Книга г. Боголюбскаго раздѣляется на 3 отдѣла. Въ *первомъ* авторъ послѣ краткаго введенія (гл. 1-ая, стр. 3 — 41), трактующаго объ Аравіи и арабахъ до ислама, даетъ обзоръ исторіи Мухаммеда (гл. 2-ая, стр. 42 — 106) и оцѣнку «значенія личныхъ, умственныхъ и нравствен-

ныхъ качествъ Мухаммеда въ дѣлѣ происхожденія, развитія и распространенія ислама». *Второй* отдѣлъ (стр. 133 — 261) посвященъ Корану, его внѣшнимъ и внутреннимъ достоинствамъ, его отношеніямъ къ Св. Писанію, способу передачи въ немъ библейскихъ событій и Богооткровенныхъ догматовъ (гл. 1-ая, стр. 133 — 178), изложенію его догматическаго (гл. 2-ая, стр. 179 — 223) и нравственно-практическаго (гл. 3-ая, стр. 223 — 261) ученія. Отдѣлъ *третій*, наконецъ, (стр. 262 — 92) говоритъ о христіанствѣ, его основателѣ, его священныхъ книгахъ и его ученіи.

Мы ограничимся нѣкоторыми замѣчаніями о 2 первыхъ отдѣлахъ, которые, судя уже по объему, представляются главными. Авторъ довольно хорошо знакомъ съ европейской литературой предмета, кромѣ новѣйшей, но онъ не отдаетъ себѣ яснаго отчета въ сравнительныхъ достоинствахъ и недостаткахъ цитуемыхъ имъ книгъ. Ссылаться напр. на Коссена де Персеваля, Шпренгера, Нёльдеке и рядомъ съ трудами этихъ серьезныхъ ученыхъ выписывать длинныя цитаты изъ *Вашингтона Ирвинга*[1]) значитъ не понимать разницы между научнымъ изслѣдованіемъ и романомъ. Нечего и говорить, что при подобныхъ неясныхъ представленіяхъ о значеніи различныхъ европейскихъ сочиненій, сужденія автора объ арабскихъ писателяхъ-источникахъ весьма ошибочны; ср. стр. 111, гдѣ Абуль-Фида названъ «авторитетнымъ біографомъ Мухаммеда». — Г. Боголюбскій очевидно арабскаго языка совсѣмъ не знаетъ: по этому онъ обязанъ былъ по крайней мѣрѣ вдвое внимательнѣе относиться къ арабскимъ выраженіямъ, встрѣчающимся въ книгахъ, которыми онъ пользовался, во избѣжаніе такихъ чудовищныхъ недоразумѣній, какія находятся у него въ замѣткахъ о такъ называемыхъ «свиткахъ Авраама» صحف ابراهيم, упоминаемыхъ въ Коранѣ. Нашъ авторъ весьма упорно называетъ ихъ *когофами* (стр. 31, 65), недоглядѣвъ *седиля* въ транскрипціи *çohof* у Шпренгера. Ср. еще транскрипцію *Раманъ* вм. *Рахманъ*, стр. 86 и сл. и т. п. Мы уже не станемъ распространяться о томъ, что г. Боголюбскій не различаетъ гипотезъ, высказываемыхъ отдѣльными изслѣдователями отъ установленныхъ наукой и общепризнанныхъ истинъ. Это — общее свойство всѣхъ компиляторовъ, не обладающихъ необходимыми для критики источниковъ свѣдѣніями. Гораздо лучше держаться одного хорошаго и авторитетнаго сочиненія, чѣмъ по чисто субъективнымъ впечатлѣніямъ выбирать одну какую нибудь гипотезу. Въ данномъ случаѣ г. Боголюбскій поступилъ бы благоразумнѣе, ограничившись въ историческомъ отдѣлѣ своей книги простымъ переводомъ популярнаго сочиненія Нёльдеке «Das Leben

1) См. напр. фантастическія рѣчи и разговоры Мухаммеда и Корейшитовъ, стр. 97 и 103 или мнимоглубокомысленныя разсужденія стр. 110.

Muhammed's» (Hannover 1863) [1]. Второй отдѣлъ страдаетъ прежде всего полнымъ несоотвѣтствіемъ съ заглавіемъ всей книги. Авторъ намъ обѣщаетъ изслѣдованія объ исламѣ и даетъ намъ только разсужденія о Коранѣ, что далеко не одно и тоже. Въ примѣчаніи къ стр. 133 авторъ вполнѣ безуспѣшно старается оправдать свою точку зрѣнія. Было бы совершенно безцѣльно указывать разные болѣе или менѣе крупные промахи, допущенные авторомъ въ предѣлахъ, которые онъ самъ себѣ поставилъ. Поверхностное пониманіе имъ «сущности» ислама и его вліянія ясно обрисовывается на каждомъ шагу. Совершенно достаточно отмѣтить его тирады о крайнемъ фатализмѣ, который будто-бы «всегда вливалъ разъѣдающій и смертоносный ядъ въ духовное существо мохаммеданина» [2], дѣлалъ его безучастнымъ къ добру и злу, равнодушнымъ ко всему окружающему и пр. и пр. — Резюмируя все сказанное, мы должны къ сожалѣнію признать книгу г. Боголюбскаго совершенно несоотвѣтствующей своей цѣли. Это тѣмъ болѣе жаль, что популярное, но вмѣтѣ съ тѣмъ основательное изложеніе біографіи Мухаммеда, его ученія и дальнѣйшихъ судебъ основанной имъ религіи несомнѣнно составляетъ *desideratum* въ русской литературѣ и вѣроятно было бы встрѣчено съ большимъ сочувствіемъ образованной публикой.

В. Р.

31. Образцы народной литературы сѣверныхъ тюркскихъ племенъ. Собраны В. В. Радловымъ. Часть V. Нарѣчіе дикокаменныхъ Киргизовъ. СПБ. 1885. XXVI + 599 стр. 8⁰. — Proben der Volkslitteratur der nördlichen türkischen Stämme, gesammelt und übersetzt von Dr. W. Radloff. V Theil. Der Dialect der Kara-Kirgisen. St. P. 1885. XXVIII + 603 p. p. 8⁰.

Этотъ пятый томъ капитальнаго труда В. В. Радлова содержитъ образцы народной литературы Кара-Киргизовъ, живущихъ «на сѣверныхъ склонахъ Тянь-Шаня по р. Текесу, къ югу отъ озера Иссыкъ-Куля, въ долинахъ р. Чу, вдоль главнаго хребта; по направленію къ Кашгару и къ западу до г. Кокана и р. Таласа».

Образцы эти состоятъ изъ ряда эпическихъ эпизодовъ, которые издатель раздѣлилъ на три группы: *Первая* (стр. 1 — 371) озаглавлена имъ Манас, по имени богатыря, который въ ней является въ большей или меньшей мѣрѣ главнымъ героемъ. *Вторая* группа (стр. 372 — 529), Joloi Кан,

---

1) Я нарочно указываю именно на это сочиненіе потому, что оно очевидно *могло* быть доступно нашему автору.

2) См. стр. 192 — 194.

всецѣло посвящена описанію подвиговъ и жизни этого богатыря. *Третья* группа (стр. 530—593) Эр-Тöштюк даетъ намъ эпическій пересказъ сказки объ Ер-Тöштюкѣ, помѣщенной въ IV томѣ Образцовъ. Кромѣ этихъ большихъ пѣсенъ въ 5-омъ томѣ помѣщены еще нѣсколько мелкихъ пьесъ (стр. 590—602) элегическаго характера, названныхъ въ русск. предисловіи стр. XXVI довольно неудачно «плачевными» пѣснями. Въ предисловіи даются весьма важныя замѣтки и соображенія объ условіяхъ эпическаго творчества вообще и у Кара-Киргизовъ въ особенности, причемъ затрогивается также и «Гомеровскій вопросъ». Намъ кажется, что всѣ занимающіеся изученіемъ произведеній народнаго творчества прочтутъ это предисловіе съ великой для себя пользой и съ большимъ интересомъ. Прочитавъ же его, они непремѣнно заглянутъ и въ переводъ самыхъ пѣсенъ, чтобы провѣрить, на сколько возможно, положенія высказанныя въ предисловіи, и—мы убѣждены въ томъ—искренно поблагодарятъ издателя-переводчика какъ за переводы такъ и за предисловіе. Но именно въ виду большаго значенія этого тома не только для тюркской филологіи, но и для изученія народной поэзіи вообще, значенія, обезпечивающаго ему обширный кругъ читателей неспеціалистовъ, мы находимъ нужнымъ высказать здѣсь нѣсколько замѣчаній, съ которыми, какъ намъ кажется, согласится всякій, кто просмотритъ новый трудъ почтеннаго академика съ нѣкоторымъ вниманіемъ.

Переводъ пѣсенъ на нѣмецкій языкъ сдѣланъ стихами. В. В. Радловъ рѣшился на это подъ вліяніемъ содержанія пѣсенъ и живости ихъ изложенія, какъ онъ самъ говоритъ въ предисловіи, стр. II. «Переводя эти пѣсни стихами» продолжаетъ онъ, «я всячески старался не отступать отъ текстовъ, такъ что стихи перевода соотвѣтствуютъ, съ весьма незначительными исключеніями, стихамъ оригинала». Трудность задачи предстоявшей переводчику понятно увеличилась весьма значительно благодаря этому добровольно принятому на себя обязательству и мы нисколько не удивляемся, что «это-то обстоятельство и замедлило нѣсколько изданіе пятаго тома, тексты котораго уже въ 1876 году были совершенно готовы для печати». Переводить стихами поэтическія произведенія восточныхъ литературъ по нашему крайнему разумѣнію—дѣло весьма рискованное и въ большинствѣ случаевъ безполезное. Хорошій, точный, прозаическій переводъ всегда будетъ гораздо полезнѣе во всѣхъ отношеніяхъ. Нуженъ огромный поэтическій талантъ, чтобы сдѣлать переводъ стихами способнымъ вызвать въ читателѣ эстетическое наслажденіе, и мы во всей нѣмецкой[1]) литературѣ, столь бо-

1) Нѣмецкіе оріенталисты всегда отличались какою-то страстью переводить стихами.

гатой переводами восточныхъ произведеній, могли бы указать только на переводы Рюккерта какъ на соотвѣтствующіе до извѣстной степени всѣмъ требованіямъ. Не отрицая въ В. В. Радловѣ нѣкотораго поэтическаго таланта, мы всё-же находимъ, что его переводъ не производитъ желаемаго впечатлѣнія. Слишкомъ часто замѣчаются слѣды усилій, которыя дѣлаетъ переводчикъ, чтобы втиснуть содержаніе киргизскаго стиха въ рамки нѣмецкаго, слишкомъ уже трудно понятны мѣстами эти тяжелые трохеи. Переводчикъ, столь глубоко проникшій во всѣ тайны тюркской рѣчи, невольно заразился духомъ ея и повидимому совсѣмъ забылъ, что тюркская конструкція совершенно не подходитъ къ нѣмецкой или вообще къ индоевропейской. Этого вполнѣ достаточно, чтобы отбить всякую охоту переводить тюркскіе стихи нѣмецкими такъ, чтобы стихи текста и перевода соотвѣтствовали другъ другу. Спеціалистъ не нуждается въ этомъ, а неспеціалистъ только напрасно теряетъ время, распутывая и разгадывая тюркско-нѣмецкіе періоды. Между тѣмъ эти произведенія народнаго творчества *кочеваго* народа уже сами по себѣ представляютъ для культурнаго человѣка, хотя бы онъ и всю жизнь занимался изученіемъ народной поэзіи, столько страннаго и труднаго, что, право, незачѣмъ затруднять пониманіе ихъ еще мудренымъ расположеніемъ нѣмецкихъ словъ и сжатымъ нерѣдко до невозможности способомъ выраженія. Для того, кто, пробѣгая бѣгло всю книгу, желаетъ получить только общее понятіе о духѣ этой поэзіи, объ этомъ любопытнѣйшемъ *эпосѣ въ зародышѣ*, если позволено такъ выразиться, всѣ указанные недостатки болѣе или менѣе исчезаютъ подъ вліяніемъ радостнаго чувства, которое доставляетъ это вниканіе въ тайны эпическаго народнаго творчества, это наблюденіе за ростомъ и развитіемъ эпоса. Но когда останавливаешься на частностяхъ, когда стараешься отдавать себѣ отчетъ въ смыслѣ и значеніи каждаго стиха, каждаго выраженія, каждой поэтической картины, тогда встрѣчаешь слишкомъ часто шероховатости, неясныя или даже совсѣмъ темныя мѣста, и невольно является мысль, что переводчикъ сдѣлалъ бы гораздо лучше, употребивъ хотя бы пятую часть времени, ушедшаго на сложеніе болѣе или менѣе удачнаго трохаическаго стиха, на составленіе *прозаическаго* перевода и сотни, другой, коротенькихъ примѣчаній, которыя, право, были бы не лишни во множествѣ случаевъ. Эта мысль привяжется тѣмъ сильнѣе, что вѣдь прозаическій переводъ нисколько не повредилъ бы и общему впечатлѣнію и интересныя въ отношеніи къ «эпическому вопросу» черты пѣсенъ выступили бы съ неменьшей рельефностью и въ такомъ переводѣ. Другія же, болѣе мелкія, но тѣмъ не менѣе очень характерныя черты эпическаго, да и всякого народнаго творчества, какъ напр. постоянство эпитетовъ, при всемъ стараніи переводчика, должны по необходи-

мости сглаживаться подъ давленіемъ метрическихъ требованій: одинъ разъ для стоящаго въ текстѣ эпитета нѣтъ мѣста въ переводѣ, другой разъ приходится вставить эпитетъ, гдѣ его нѣтъ въ текстѣ, третій разъ нужно замѣнить выразительное, точное выраженіе пѣвца блѣднымъ, неопредѣленнымъ прилагательнымъ только потому, что болѣе подходящее и поэтическое не укладывается въ данный трохаическій стихъ. Выигрываетъ-ли отъ всего этого пресловутая «живость изложенія», которая и побудила переводчика къ сложенію его трохеевъ, это большой вопросъ. Но несомнѣнно одно, что отъ перевода назначеннаго не для эстетическаго наслажденія, а для научнаго изслѣдованія, нужно прежде всего требовать возможной точности и ясности. Это требованіе тѣмъ болѣе умѣстно въ нашихъ пѣсняхъ, что записываніе ихъ было сопряжено съ разными затрудненіямя, которыя, какъ признаетъ самъ В. В. Радловъ, сдѣлали невозможной вполнѣ точную передачу ихъ. Поэтому «стихи мною записанные» читаемъ мы въ предисл. XIX, нѣм. изд. XX «потеряли во многихъ отношеніяхъ» («so haben denn die aufgeschriebenen Verse viel an Frische verloren»). Дальнѣйшее разжиженіе ихъ (sit venia verbo!) не вполнѣ точнымъ переводомъ конечно не желательно. Пояснимъ всё сказанное немногими примѣрами, взятыми на удачу.

Кого не поразитъ конструкція въ стихахъ 1336 — 39 (стр. 46 перевода, 45 текста)?

«Wenn, den Jagdhund, der am Leitseil,
«Deinen Falken auf der Faust,
«Auf den Weg du dich gemacht hast,
«Auf der Hand der weisse Falke,
«Wenn du fliegen liess'st den Falken, etc.

или, ст. 73 — 80 (стр. 3 перевода, 3 текста)

«Als Jakyp die Worte hörte,
«Nahm 'nen Pässer[1]) er, 'nen bunten,
«Bracht ihn her und sattelt ihn,
«Dessen Kragen Gold, die Aermel Kupfer,
«Seinen vogeläug'gen Panzer,

---

1) Это слово, если оно можетъ быть и встрѣчается въ нѣм. литературѣ, во всякомъ случаѣ крайне рѣдкое; г. Радловъ имъ почти вездѣ замѣняетъ общеизвѣстное «Passgänger», которое неудобно для размѣра; послѣднее тѣмъ не менѣе встрѣчается иногда, но стихъ вслѣдствіе этого конечно выходитъ не важный (см. н. пр. стр. 396, ст. 815—16).

«Mit dem Passgänger, der Stute,
«Uebernachtete die Nacht er.

«Der mit Golde reich verzieret,
«Der mit Silber wohl geschmücket,
«Diesen Panzer zog er an.

Трудно понять безъ нѣкоторыхъ разъясненій стихи въ родѣ слѣдующихъ (ст. 287—92, стр. 15):

«Lass für diese Welt und's Jenseits
«Uns das Beste jetzt erforschen,
«Für die rothe Seel', die haargleich,
«Kulkuldabat kualdat,
«Lass des Koran's Red' erkennen,
«Lass uns jetzo Moslim werden.

Что значатъ здѣсь оставленныя безъ перевода варварскія слова? Намъ кажется, что не всякій сразу отгадаетъ, что они должны изобразить подражаніе звукамъ языка Корана [1]). Примѣчаніе тутъ было бы крайне нужно.

Уклоненія ради размѣра отъ точности въ передачѣ эпитетовъ, разумѣется, встрѣчаются весьма часто, не смотря на видимую заботливость и внимательность переводчика.

Возьмемъ тѣ-же самые стихи приведенные выше (т. е. 1336—37, стр. 46 перевода, 45 текста). Въ нихъ слова *собака* и *соколъ* сопровождаются эпитетомъ *бѣлый* (ak). То-же самое напр. на стр. 396 перевода, стихъ 816, 820, 847, гдѣ пропущенъ эпитетъ *бос* (сѣрый), который наоборотъ, прибавленъ тамъ-же, стихъ 825, гдѣ его нѣтъ въ текстѣ и замѣненъ эпитетомъ «бѣлый» въ стихѣ 842. Въ послѣднемъ мѣстѣ впрочемъ не размѣръ виноватъ. См. еще эффектное мѣсто въ элегіи на смерть Јантая, гдѣ шесть стиховъ сряду начинаются словомъ *ak* (стр. 591—92, ст. 53—58) и гдѣ въ переводѣ (стр. 596) эпитетъ два раза пропущенъ. Въ другихъ мѣстахъ являются самодѣльные эпитеты; см. напр. стихъ 1731 стр. 193 (стр. 191 текста) Stieg auf seinen gelben Schecken Alman Bet, *der Heldenfreund* [2]) или на стр. 1, ст. 3: Böjön Kan's, *des Fürsten*, Sohn. — Словомъ «bunt», весьма блѣднымъ и неопредѣленнымъ г. Радловъ немного злоупотребляетъ; «bunte Wolken» (стр. 398 перевода, ст. 898 = стр. 395 текста) «den bunten Bart» (стр. 598, ст. 3 = стр. 594, ст. 3 текста), «'nen bunten

---

1) Они встрѣчаются еще разъ нѣсколько выше, стр. 13, стихъ 217 и также передъ словами «lass des Korans Red' erkennen». Они, можетъ быть, испорчены изъ арабскихъ словъ, составляющихъ начало 112-ой суры Корана «кул ху аллаху ахад». Впрочемъ это только предположеніе и мы были бы рады узнать мнѣніе г. Радлова на этотъ счетъ.

2) Сар'аланы міндї деіт, сар'ала мініп Алман Бет.

Pässer» (стр. 3, ст. 74 перевода и текста). Въ первомъ случаѣ въ текстѣ стоитъ *кӧк ала*, во второмъ *ала*, въ третьемъ *ала баш.*— Представьте себѣ киргизскаго богатыря-дикаря, который вдругъ видитъ предъ собою прелестную дѣвицу: красота ея ему буквально *не въ терпежъ*, въ чемъ онъ весьма просто ей и признается, въ объясненіе имѣющихъ слѣдовать за этимъ признаніемъ дѣйствій; вложите ему въ уста тривіально-сентиментальныя слова (стр. 399, ст. 909 = текстъ стр. 395)

«*Kann die Herrlichkeit kaum fassen*

которыя должны передать энергичное выраженіе подлинника

«*Кылыҕыңа кантiп чыдаiн?* (= какъ мнѣ терпѣть твою красоту?)

— и вы получите прекрасный образчикъ «разжиженія» народной киргизской пѣсни, достигнутаго единственно благодаря страсти къ сложенію трохеевъ. Мы взяли на удачу первыя попавшіяся намъ страницы; не трудно было бы привести еще много такихъ примѣровъ, но это было бы вполнѣ безцѣльно. Само собою разумѣется, что В. В. Радлову ровно ничего не стоило бы избѣгнуть всѣхъ такихъ недосмотровъ, если бы онъ не увлекся идеей перевода стихами. Переводя прозой, онъ выигралъ бы массу времени и это время могло бы быть употреблено съ величайшей пользой для науки м. пр. на окончательное приготовленіе къ печати его громадныхъ лексикографическихъ матеріаловъ, изданіемъ которыхъ онъ достойнымъ образомъ увѣнчалъ бы свои труды, посвященные сѣвернымъ тюркскимъ племенамъ.

Въ заключеніе мы позволимъ себѣ сказать еще нѣсколько словъ о русской редакціи предисловія. Становится положительно досаднымъ за автора, когда видишь, какъ искажаются его умныя и вѣскія мысли благодаря неумѣлости переводчика или небрежности корректора. Иногда въ русской редакціи стоитъ прямо противуположное тому, что читается въ нѣмецкой. Ср. н. пр. стр. XXVI нѣмецкаго предисловія: Sie sind nicht die Schöpfungen des Individuums, sondern das im Volke Entstandene, das aus der Periode der ächten Epik Geschöpfte, die Bausteine, aus denen der Dichter sein Epos geschaffen. Это передается по русски такъ (стр. XXV): *Они являются созданіями отдѣльной личности по твореніямъ народа, взятыя изъ періода истинной эпики, они составляютъ матеріалъ, изъ котораго поэтъ создалъ свой эпосъ.* Нѣсколько выше, на стр. XXV нѣм. предисловія: «Der Culturmensch kann aber nur dann das Fühlen und Denken des Volkes zu einem solchen Gesammtbilde vereinigen, wenn dem ganzen Volke dieses Gesammtbild in Theilbildern noch vorschwebt», и пр. По русски (стр. XXIV)

Культурный человѣкъ съ своей стороны можетъ только тогда соединить всѣ чувствованія и стремленія народа въ одно цѣлое, когда въ отдѣльныхъ личностяхъ еще живетъ эта общая картина въ отдѣльныхъ эпизодическихъ начертаніяхъ и пр. Стр. XXIV: «Wir können somit aus der Entstehung des finnischen Epos so viel für die Entstehung des Epos überhaupt sehen, dass das Abfassen eines Epos nur ein Mann unternehmen kann, der selbst ein Volksdichter, ein epischer Sänger seiner Zeit ist. Ist die wahre epische Zeit verstrichen, wie bei den Finnen, so bedarf es zu der Verfassung einer jahrelang unter Mitwirkung vieler Gehülfen ausgeführten sorgfältigen Sammlung von kleinen Episode-Liedern, bis die Fülle des Materials dem Sänger einen Einblick in das Ganze giebt. Steht aber der Verfasser der ächten epischen Periode der Volkspoesie näher, d. h. ist das Bewusstsein vom Gesammtbilde des Epos in jedem einzelnen Gliede des Volkes noch lebendig, so muss der Verfasser ein berühmter Aöde sein, der, noch ehe er den Entschluss fasst das Epos niederzuschreiben, in sich selbst eine möglichst umfangreiche Masse von Theil-Bildern verarbeitet hat». По русски (стр. XXII—XXIII): «*Мы можемъ изъ возникновенія финскаго эпоса заключить о возникновеніи эпоса вообще, что составлять эпосъ можетъ только человѣкъ, который самъ народный пѣвецъ своего времени. Если настоящій эпическій періодъ миновалъ, какъ у Финновъ, то понадобится для составленія его собраніе множества маленькихъ эпизодныхъ пѣсенъ, которое исполнимо только при содѣйствіи многихъ соучастниковъ и въ теченіе многихъ лѣтъ, тогда только избытокъ матеріала способствуетъ пѣвцу вникнуть въ общій эпосъ. Если же напротивъ того составитель эпоса стоитъ ближе къ настоящей эпикѣ, т. е. если сознаніе объ эпосѣ живетъ еще въ каждомъ членѣ общества, тогда составителемъ долженъ быть извѣстный аидъ, принявшій въ себя до начала составленія большое число частицъ картинъ и эпизодовъ*».

Такихъ мѣстъ, положительно неудобныхъ въ академическомъ изданіи, въ предисловіи не мало. Мы надѣемся, что В. В. Радловъ намъ въ ближайшемъ будущемъ дастъ новое исправленное изданіе этого предисловія, расширенное въ томъ направленіи, на которое онъ самъ указываетъ на стр. XXVI.

В. Р.

32. Jacob (G.), Der Bernstein bei den Arabern des Mittelalters. Berlin. 1886, 12 стр. 8°

---

33. Его-же, Welche Handelsartikel bezogen die Araber (?) des Mittelalters aus den nordisch-baltischen Ländern? Leipzig. 1886, 41 стр. 8°.

Обѣ брошюры г. Якоба составляютъ отрывки изъ подготовляемаго имъ большаго спеціальнаго изслѣдованія «Ueber den arabisch-baltischen Handel» и касаются неоднократно уже разсматривавшагося и въ русской литературѣ (съ наибольшею подробностью пок. П. С. Савельевымъ) вопроса о торговыхъ сношеніяхъ, которыя въ VII — XII вѣкахъ нашего лѣтосчисленія происходили между западомъ Азіи и сѣверо-востокомъ Европы и документально засвидѣтельствованы какъ письменными извѣстіями, такъ и въ особенности множествомъ открытыхъ въ Россіи и прибалтійскихъ странахъ кладовъ съ серебряными сассанидскими, табаристанскими (или испегбедскими) и такъ называемыми куфическими монетами. Монеты эти чеканены въ земляхъ, которыя сначала входили въ составъ восточнаго халифата, но впослѣдствіи по большей части отторгнулись отъ него, такъ что означенная торговля въ строгомъ смыслѣ не можетъ быть названа исключительно *арабскою*.

Останавливаясь главнымъ образомъ на извѣстіяхъ, которыя сообщаютъ объ этой торговлѣ нѣкоторые арабскіе писатели (Истахри, Ибнхаукаль, Мукаддеси, Якуби, Ибнхордадбе, Масуди и др.), г. Якобъ перечисляетъ слѣдующіе предметы, вывозившіеся изъ Россіи на Востокъ: 1) невольниковъ и невольницъ; 2) мамонтовые клыки; 3) рогатый скотъ; 4) мѣха: лисицъ, соболей, горностаевъ, куницъ, хорьковъ, бѣлокъ, выдръ, бобровъ и зайцевъ; 5) рыбій клей; 6) медъ и воскъ; 7) березу (خلنج; не кленъ-ли это?), тополь и орѣхи; 8) зерновой хлѣбъ; 9) золото, серебро, мѣдь и свинецъ; 10) мечи, латы, стрѣлы и мѣховыя шапки. — Соображенія, высказанныя авторомъ относительно названій разныхъ пушныхъ звѣрей, весьма правдоподобны, но требуютъ все-таки еще дальнѣйшей провѣрки, для которой, между прочимъ, необходимъ возможно полный сводъ извѣстій о мѣхахъ, упоминаемыхъ восточными писателями. Кстати замѣчу, что не слѣдуетъ ли подъ именемъ ببر разумѣть *веверицу*, а не *бобра*, который обыкновенно называется قندس или قندز?

Что касается балтійскаго янтаря, который до сихъ поръ также считался однимъ изъ главныхъ предметовъ тогдашней азіятско-европейской торговли, то вывозъ его, по мнѣнію г. Якоба, былъ гораздо незначительнѣе, чѣмъ обыкновенно полагаютъ, во 1-хъ потому, что въ Самландѣ, главной прибалтійской мѣстности, гдѣ произведеніе это добывается, найдено сравнительно мало куфическихъ монетъ, а во 2-хъ потому, что Аравитяне, получая янтарь изъ Финикіи, Сициліи и Испаніи, не нуждались въ балтійскомъ янтарѣ. Ошибка прежнихъ изслѣдователей происходила, говоритъ онъ, оттого, что подъ словомъ عنبر они разумѣли янтарь (ambre jaune), тогда какъ оно означаетъ амбру (ambre gris), янтарь же назывался либо كاهربا и

كاهروا, либо مصباح الروم, قرن البحر и شمع. На это считаю нелишнимъ замѣтить, что въ извѣстномъ спискѣ фатимидскихъ сокровищъ, упоминаемомъ въ соч. Макризи (كتاب المواعظ, Булак. изд. I, стр. 408 — 411), значится нѣсколько сдѣланныхъ изъ عنبر'а вещей, которыя едва-ли позволяютъ сомнѣваться въ томъ, что подъ этимъ словомъ должно разумѣть не амбру, а янтарь. Такъ это понималъ и пок. Катрмеръ, издавшій французскій переводъ Макризіеваго описанія въ своихъ Mémoires sur l'Egypte II, 368 — 375. Были-ли эти издѣлія изъ *балтійскаго* янтаря—это конечно другой вопросъ. Затѣмъ г. Якобъ, вѣроятно по недоразумѣнію, приписываетъ пок. Савельеву мнѣніе, что «такой драгоцѣнный товаръ, какъ янтарь, одинъ только могъ привлечь *на сѣверъ* огромныя массы *арабскихъ* (!) монетъ», прибавляя, что «мнѣніе это неправильно, потому что и мѣха были въ чрезвычайно высокой цѣнѣ». Савельевъ вовсе не высказывалъ такого мнѣнія, а напротивъ того утверждалъ (Мухам. Нум. стр. LXXVI), что «*главную статью вывода составляли пушистые мѣха, которыми всегда такъ богата была Россія*»; относительно же янтаря замѣтилъ, (тамъ-же, стр. LXXXIII) что «только дорогія произведенія природы могли привлечь такіе *огромные капиталы Азіи къ песчаному поморію нынѣшней Пруссіи. Янтарь — главное звѣно, связывавшее Волжскую Булгарію съ Западомъ*» [1]).

Несправедлива также догадка г. Якоба, что «прекращеніе привоза куфич. монетъ (въ XI вѣкѣ) объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что въ то время скандинавскіе государи стали чеканить собственную монету, противъ которой арабскія деньги не могли болѣе удержаться въ балтійской торговлѣ». Привозъ куфич. монетъ прекратился, какъ извѣстно, потому, что самая торговля наша съ Востокомъ пресѣклась или затормозилась на долгое время отчасти вслѣдствіе внутреннихъ смутъ, происходившихъ тогда въ средне-азіятскихъ странахъ, отчасти по другимъ, до сихъ поръ еще не вполнѣ разъясненнымъ причинамъ, пріостановившимъ въ тоже время привозъ въ Россію и византійскихъ и германскихъ и англосаксонскихъ монетъ.

Относительно обращавшихся у насъ куфическихъ монетъ (диргемовъ) не могу не коснуться еще интереснаго, затронутаго уже гр. И. И. Толстымъ (Русск. Допетров. Нумизм. Вып. 2-ой, стр. 13, прим.) вопроса: какъ назывались металлическія цѣнности, въ обиліи обращавшіяся на Руси съ древнѣйшихъ временъ? «Неужели до насъ дошли якобы названія какихъ-то лоскутковъ, цѣнность и курсъ которыхъ иногда точно опредѣлимы,

1) Это же самое сказано въ нѣмецкомъ переводѣ отрывка изъ соч. Савельева (помѣщ. въ Эрмановомъ Arch. f. wiss. Kunde von Russl. Bd. VI, 94 и 98), на который ссылается г. Якобъ.

и не дошли названія диргемовъ, англосаксонскихъ монетъ, кусковъ серебра, отрубленныхъ отъ гривенъ, разрѣзанныхъ монетъ, и т. д.? Неужели предки наши, въ противуположность всѣмъ другимъ народамъ, находили разные мѣха или куски кожи болѣе удобнымъ средствомъ для оцѣнки всего, чѣмъ металлъ, съ употребленіемъ котораго были издавна знакомы»?

Дѣйствительно немыслимо, чтобы напр. для куфич. монетъ, обращавшихся у насъ въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій въ такомъ громадномъ количествѣ, не установилось въ народѣ опредѣленныхъ терминовъ, которые затѣмъ должны были перейти и въ наши письменные памятники. Вѣроятнѣе всего, что онѣ у насъ, подобно многимъ другимъ денежнымъ терминамъ нашимъ, удержали свое восточное, слегка измѣненное названіе.

Отсутствіе стариннаго слова, которое хотя бы нѣсколько напоминало извѣстное спеціальное названіе серебряной монеты того времени, *диргемъ*, заставляетъ меня думать, что онѣ назывались у насъ другимъ, болѣе общимъ именемъ, которымъ на востокѣ обозначаются вообще наличныя деньги, т. е. словомъ نقد *накд* (во множ. نقود *нукуд*[1]); نقدا *накдан* = чистоганомъ), по созвучію прямо напоминающимъ наше *нагата* или *ногата*, для котораго до сихъ поръ все еще не пріискано соотвѣтственное толкованіе. Подъ этимъ-же названіемъ въ XIII — XV вѣкахъ обращалась, можетъ быть, и золотоордынская серебряная монета, которая по величинѣ и по вѣсу была гораздо менѣе диргема, почему и цѣнность тогдашней *ногаты* оказывается значительно меньшею противъ прежней. Высказываю все это пока въ видѣ догадки, требующей конечно дальнѣйшей разработки и болѣе вѣскихъ доводовъ.

В. Т.

34. Compendium libri Kitâb al-Boldân auctore Ibn al-Fakîh al-Hamadhâni quod edidit, indicibus et glossario instruxit **M. J. de Goeje.** Lugd. Bat. ap. E. J. Brill 1885 (= Bibliotheca geographorum arabicorum, ed. M. J. de Goeje, pars V). — LXVII + 365 pp. 8⁰.

Ибн-ал-Факîхъ ал-Хамадâни написалъ въ концѣ 3-го вѣка гиджры (около 290 = 903 года) «книгу странъ» которая, по словамъ *Фигриста*, обнимала около 1000 листовъ и была скомпилирована изъ разныхъ сочине-

---

1) Въ изданномъ въ Бейрутѣ (въ 1870 году) арабскомъ словарѣ محيط المحيط, составленномъ отчасти по основаніи другихъ, болѣе древнихъ лексиконовъ, значится, между прочимъ: وربما سميت الدراهم بالنقود ايضا «нерѣдко диргемы называются также *нукуд*». См. *Dozy*, Supplém. aux dictionn. arabes, II, 709.

ній, преимущественно-же изъ *Джейханія*. Она служила однимъ изъ главнѣйшихъ источниковъ Якута, который ее цитуетъ очень часто и еще чаще вѣроятно пользуется ею, не цитуя ея. Въ подлинникѣ она до насъ не дошла, или по крайней мѣрѣ до сихъ поръ не найдена. Но сохранились три списка сокращенія сдѣланнаго нѣкіимъ Абу-л-Хасан-Али-ибн-Джаʿфаромъ *ал-Шейзари* въ началѣ 5-го вѣка гиджры (около 1028 года) и вотъ это-то сокращеніе теперь издано профессоромъ *де Гуе* въ 5 томѣ его библіотеки арабскихъ географовъ, съ указателемъ, глоссаріемъ и предисловіемъ. *Ибн-ал-Факйхъ* рѣзко отличается отъ другихъ древнихъ арабскихъ географовъ нѣкоторыми особенностями, которыя чрезвычайно мѣтко охарактеризовалъ еще *Мукаддаси*[1]). Онъ не даетъ систематическаго описанія странъ, ихъ границъ и подраздѣленій, а описываетъ преимущественно главные города; итинерары являются только случайно. За то онъ вводитъ массу разсказовъ, разсужденій, анекдотовъ, стиховъ, которые, хотя они часто представляютъ большой интересъ, не всегда стоятъ въ прямой связи съ главнымъ предметомъ сочиненія. Онъ въ этомъ отношеніи сильно напоминаетъ, какъ также замѣтилъ уже Мукаддаси, знаменитаго полигистора *Джâхиза* (+ 255 = 869) тоже постоянно уклоняющагося ради разныхъ постороннихъ разсужденій отъ своего главнаго предмета[2]). Оба автора слѣдуютъ этому странному методу вполнѣ сознательно: они прямо заявляютъ, что они заботятся о такомъ разнообразіи сюжетовъ для того, чтобы читатели не скучали. При такихъ условіяхъ понятно, что сочиненіе Ибн-ал-Факйха въ чисто географическомъ отношеніи значительно уступаетъ трудамъ Истахри, Ибн-Хаукаля, Мукаддаси, Ибн-Хордадбэха, но оно имѣетъ большое значеніе въ культурно-историческомъ отношеніи. Оно даетъ намъ прекрасную картину литературныхъ вкусовъ и потребностей образованнаго арабскаго общества 3-го вѣка гиджры. Кромѣ того оно заслуживаетъ большаго вниманія уже какъ источникъ Якута[3]) и Мукаддаси. Приходится только жалѣть, что оно не сохранилось въ подлинникѣ, а лишь въ извлеченіи довольно неумѣло сдѣланномъ. Якутъ цитуетъ множество мѣстъ изъ Ибн-ал-Факйха, которыя или совсѣмъ отсутствуютъ въ нашемъ извле-

---

1) ed. *de Goeje* p. ٣ и ٥. Цитуется также въ предисловіи къ разбираемому нами изданію.

2) Это особенно замѣчается въ 2 главныхъ, сохранившихся сочиненіяхъ Джâхиза, въ *Китâб-ал-Хаявâн* и *ал-Баян-ва-т-табйинъ*. Въ менѣе объемистомъ *ал-Махâсин* и маленькихъ его трактатахъ (расâил) соблюдается бо́льшій порядокъ.

3) Якутъ н. пр. изъ него заимствовалъ важное и любопытное описаніе храма Наубехара въ Балхѣ, длинную статью о византійской имперіи и многое множество другихъ свѣдѣній.

ченіи, или очень изуродованы[1]). Но тѣмъ не менѣе остается довольно новаго матеріала, чтобы оправдать изданіе. — Главнымъ источникомъ *Ибн-ал-Факӣха* въ чисто географическихъ матеріяхъ служилъ безъ сомнѣнія *Ибн-Хордадбэхъ*[2]). Много онъ заимствуетъ также изъ *Белāдзори*, а большую часть анекдотовъ, стиховъ, поговорокъ и пословицъ, которыми полна его книга, онъ по всей вѣроятности беретъ изъ Джāхиза, котораго онъ три раза цитуетъ. При этомъ насъ не должно смущать показаніе Мукаддаси, ed. de Goeje, p. I, что «книга» Джāхиза, (т. е. очевидно географическое сочиненіе его كتاب البلدان) очень коротка[3]). Ибн-ал-Факӣхъ *могъ* пользоваться другими сочиненіями Джāхиза и пользовался ими безъ сомнѣнія. Кто знакомъ съ главными произведеніями этого плодовитаго писателя, тотъ не запинаясь скажетъ, что *Ибн-ал-Факӣхъ* — прямой ученикъ *Джāхиза*, плоть отъ плоти его.— Самое изданіе сдѣлано съ обычнымъ мастерствомъ; указатели и глоссарій превосходны; для облегченія справокъ можно было бы только еще желать приложенія перечня заглавій, которыя встрѣчаются въ текстѣ. Указатель даетъ всѣ мѣста, гдѣ встрѣчается данное географическое имя, но для быстраго оріентированія въ книгѣ полезнѣе перечень главъ. Мы его поэтому здѣсь прилагаемъ[4]): 3) О сотвореніи земли; 7) О моряхъ и о томъ, что они окружаютъ землю; 9) О моряхъ и ихъ чудесахъ; 13) Объ особенностяхъ, которыми отличаются страны *Сӣна* отъ странъ *Хинда*; 16) О Меккѣ; 18) Описаніе Ка'бы; 22) Городъ Тāифъ, 23) О Мединѣ; 24) О мединской мечети; 26) Разница между Тихāмой и Хиджāзомъ; 27) О Іемāмѣ; 28) Описаніе Іемāмы и ея вāди; 30) О Бахрейнѣ; 31 — 32) Хазны, Харры, Сараты, Бурки и Дāреты[5]) въ Аравіи; 33) О Іеменѣ; 41) О переходѣ отъ серьезнаго къ шуткѣ и отъ шутки къ серьезному; 47) Глава въ похвалу путешествія и выселенія изъ родины; 56) Объ Египтѣ и Нилѣ; 68) Описаніе пирамидъ; 78) О Магрибѣ; 91) О Сиріи; 93) О Іерусалимѣ; 104) О Дамаскѣ; 128) Объ ал-Джазирѣ; 136) О Румахъ (византійцахъ); 151) Въ похвалу строительному искусству; 156) Въ порицаніе ему; 161) Объ Иракѣ; 162) О Куфѣ; 167) Самовосхваленіе басрійцевъ и куфійцевъ; 173) Преданія о мечети въ Куфѣ; 176) О замкѣ Хаварнакѣ; 184) Преданія и стихи въ порицаніе Куфѣ; 187) О Басрѣ;

---

1) И тѣ и другія тщательно отмѣчены издателемъ, praefatio, p. IX.

2) Показаніе Фигриста о томъ, что нашъ авторъ выписывалъ преимущественно *Джейхāнія* основывается на недоразумѣніи, какъ весьма убѣдительно доказываетъ издатель (p. XI).

3) Она до насъ не дошла.

4) Цыфры означаютъ страницу изданія. Счета главъ въ немъ нѣтъ.

5) Перечень мѣстностей которыхъ имена начинаются со словъ Хазн, Харра, Сарāт и пр.

195) О Фâрсѣ; 205) О Кирмâнѣ; 209) О Джебелѣ; ibid. О Кармâсинѣ; 214) Разсказъ о Шабдизѣ; 217) О Хамадâнѣ; 220) О водахъ и похвалахъ холодной водѣ; 227) Препирательства Абд-ал-Кâгира и ал-Хусейн-ибн-аби Сарха о Хамаданѣ и Ирâкѣ; 237) О любви къ родинѣ; 240) Каменный левъ на воротахъ города Хамадâна; 245) О соляномъ озерѣ въ Фарахâнѣ; 247) Башня Зâт-ал-Хавâѳиръ; 251) О свойственныхъ каждой странѣ продуктахъ и товарахъ; 255) Замокъ Бахрâм-Гура и «гробница газели»; 258) О Нихâвендѣ; 261) Объ Исфаганѣ; 263) О Куммѣ; 268) О Рейѣ и Демавендѣ; 279) О Казвинѣ и Зенджâнѣ и Абхарѣ; 284) Объ Азербиджâнѣ; 286) Объ Арменіи; 301) О Табаристанѣ; 314) О Хорасанѣ.

В. Р.

Арабскія сказанія о пораженіи Романа Діогена Алп-Арсланомъ.

III.

Садр-эд-динъ ал-Хусейни.

Британскій музей недавно пріобрѣлъ арабскую рукопись, содержащую исторію Сельджукидовъ совершенно неизвѣстнаго до сихъ поръ автора. Знаменитый англійскій оріенталистъ, профессоръ W. Wright въ Кэмбриджѣ, списалъ ее немедленно, чтобы издать ее при удобномъ случаѣ. Узнавъ объ этомъ, я обратился къ нему съ просьбой сообщить мнѣ относящіяся къ пораженію Романа Діогена мѣста этого новооткрытаго источника, и онъ съ свойственною ему любезностью исполнилъ мою просьбу и прислалъ мнѣ не только печатаемые ниже отрывки, но и еще нѣсколько страницъ, трактующихъ о походахъ Алп-Арслана въ Арменіи и сосѣднихъ странахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ далъ мнѣ также нѣкоторыя свѣдѣнія о самой рукописи. Считаю пріятнѣйшимъ долгомъ выразить ему за всѣ эти драгоцѣнныя сообщенія самую искреннюю благодарность.

Между тѣмъ не меня одного заинтересовала означенная рукопись: д-ру Хаутсмѣ для предпринятаго имъ сборника матеріаловъ къ исторіи сельджукидскихъ династій конечно было очень важно ознакомиться съ этимъ сочиненіемъ и проф. Wright прислалъ ему свою копію всей рукописи. Д-ръ Хаутсма благодаря этому обстоятельству могъ дать ученому міру первыя нѣсколько болѣе точныя свѣдѣнія о ней въ первомъ томѣ Recueil de textes relatifs à l'histoire des Seldjoucides I. (E. J. Brill 1886) p. X. На основаніи замѣчаній Хаутсмы и свѣдѣній заключающихся въ

письмѣ ко мнѣ проф. Wright'а отъ 5-го января 1886 составлены нижеслѣдующія замѣтки о рукописи и ея авторѣ.

Рукопись (Stowe Orient. 7) формата маленьк. 8°, имѣетъ 112 листовъ. Заглавіе: اخبار الدولة السلجوقية للصدر الكبير العالم صدر الدين ابو الحسن على بن السيد الامام الشهيد ابو الفوارس ناصر بن على الحسينى رحه Начало ея: ذكر الامير السيد الامام الاجل الكبير صدر الدين ابو الحسن على بن السيد الاجل الامام الشهيد ابو الفوارس ناصر بن على الحسينى رحه فى كتابه الذى سمّاه زبدة التواريخ اخبار الامراء والملوك السلجوقية ، ذكر ان اول من دخل فى الاسلام منهم الامير يقاق و يقاق باللغة التركية القوس من الحديد الخ

Т. е. Эмиръ, сейидъ, имамъ славный, великій, Садр-эд-динъ Абу-л-Хасан-Али, сынъ славнаго сейида, имама, мученика Абу-л-Фаварйса Насир-ибн-Али, ал-Хусейни, да помилуетъ его Богъ, въ своей книгѣ, которую онъ назвалъ «сливками исторіи» (Зубдат-ат-таварйх), сообщаетъ исторію эмировъ и царей Сельджукскихъ. Онъ разсказываетъ, что первый изъ нихъ, который принялъ исламъ, былъ эмиръ Якакъ. Якакъ-же по тюркски значитъ «желѣзный лукъ», и т. д.

Несмотря на довольно громкій титулъ «эмира», о нашемъ авторѣ пока никакихъ постороннихъ свѣдѣній нѣтъ, но таковыя найдутся безъ сомнѣнія со временемъ въ персидскихъ или арабскихъ сочиненіяхъ. Мы должны поэтому ограничиться тѣмъ, что приблизительно знаемъ время составленія книги. По поводу смерти послѣдняго (персидскаго) Сельджукида, *Тогруля*, сына *Арслан-шаха*, авторъ ссылается на свидѣтельство очевидца (л. 108^a)[1]: «Разсказалъ мнѣ въ Рейѣ нѣкоторый мужъ, по имени Амин-эд-дин-Мухаммед-ал-Зенджани, который былъ старшиной *мавалиевъ* въ Рейѣ: когда Хорезмшахъ Ала-эд-дин-Такашъ прибылъ въ Хуваръ и пр.» Число при этомъ показывается «четвергъ, 9-ое Ребиʿ I года 590 (= 4 марта 1194). Изъ другаго мѣста по словамъ Хаутсмы (l. c. X) явствуетъ, что онъ былъ на службѣ у этого самого Хорезмшаха Ала эд-дина Такаша, сына Ил-Арслана. Такимъ образомъ несомнѣнно, что книга написана послѣ 590 (1194 года) и что авторъ жилъ въ концѣ 12-го и началѣ 13-го вѣка. Свои источники онъ цитуетъ крайне рѣдко.[2]) Кромѣ только-что приведенной ссылки на Амин-эд-дина аз-Зенджани, мы имѣемъ еще одинъ примѣръ цитаты въ печатаемыхъ ниже (стр. 251) отрывкахъ, гдѣ онъ ссылается на разсказъ

---

1) حدثنى رجلٌ بالرىّ يقال له امين الدين محمد الريحانى (الزنجانى ? =) كان بائبًا (نائبًا) عن الموالى بالرى قال لما وصل خوارزمشاه علاء الدين تكش الى خوار الخ

2) Houtsma, l. c.

одпаго шираскаго купца, сообщившаго ему со словъ своихъ «шейховъ» (учителей) кое-какія свѣдѣнія о пораженіи Діогена.

Въ присланныхъ мнѣ проф. Wright'омъ отрывкахъ содержится не мало свѣдѣній о походахъ Алп-Арслана въ Арменіи и Грузіи, которыя не находятся у Ибн-ал-Атира. Повѣствованіе о пораженіи Діогена также представляетъ нѣкоторыя не безъинтересныя черты, и мы поэтому не можемъ не присоединиться къ выраженному д-ромъ Хаутсмой желанію, чтобы проф. Wright нашелъ въ ближайшемъ будущемъ возможность издать въ свѣтъ этотъ новооткрытый памятникъ исторической литературы арабовъ.

مسير السلطان الاعظم عضد الدولة ابو شجاع الب ارسلان مرّة اخرى الى ملك الروم ارمانوس

وفى سنة ثلاث و ستّين واربع مائة مرّ السلطان الب ارسلان بالشام وخلف ابنه مع فوجٍ من عساكره بكورة حلب وعبر ماء الفرات بسنابك الجياد دون السفائن والزواريق وورد نواحى خوى وسلماس فقرع سمعه ان ملكة[1]) الروم قد فوّضت المملكة الى رجل من اولاد الملوك النصارى وجهّز[2]) له جيشًا يربى على ثلثماية الف فارس وراجل ورمت الروم الى السلطان افلاذ[3]) كبدها واخرجت الارض اثقالها من عديدها وعددها و اجتمع على هذا الملك من اوباش الروم والارمن والفرس وبجناك و الغز والفرنج اقوام *طالت العين[4]) بهم سواعدها واعلت النصرانيّة باجتماعهم قواعدها وحلفوا على انهم يزعجون الخليفة و يقيمون مقامَه الجاثليق ويخربون المساجد ويبنون البِيَع فانفذ[5]) السلطان الى زوجته ووزيره نظام الملك وقال انى صائر بهذا القدر الذى معى [الى] العدوّ فان سلمت فنعمة من الله تعالى فان اسْتُشهدت فرحمةً من الله تعالى فخليفتى ابنى ملكشاه وهو فى خمسة عشر الف فارس من الشجعان الرجال ومع كلّ (f. 28[a]) واحد فرس يركبه[6]) فانّ الخليفة القائم بامر الله امير المؤمنين قد امر بالدعاء على المنابر و عمل نسخة الدعاء ودفعه الى الخطباء وهو من انشاء ابى[7]) سعيد بن موصلايا وهو اللهمّ اعل راية الاسلام وناصِره وادْحِض الشرك بجبّ[8]) غاربه وقطع اواصره الخ..... (f. 28[b]) وتقارب السلطان من ملك الروم فى موضع يعرف بالزُّهْرة بين خلاط وملازكرد فى يوم الاربعاء خامس عشر ذى القعدة سنة ثلاث و ستّين واربع مائة فراسله السلطان

---

1) Рук. ملك. — 2) Лучше было бы فجهّز. — 3) Рук. اولاد. — 4) Эти два слова несомнѣнно испорчены, но я не знаю, чѣмъ ихъ замѣнить. — 5) Рук. فانفد. — 6) Здѣсь нужно прибавить وآخر يجنبه. — 7) Рук. ابو. — 8) Рук. كحب.

فی الهُدنة فاجاب انّ الهدنة تکون بالریّ فانزعج من ذلك (f. 29ᵃ) السلطان فقال له امامه وفقیهه ابو نصر محمد بن عبد الملك البخاری الحنفی انك تقاتل عن [1]) دین الله وانا ارجوا ان یکون الله تعالی قد کتب باسمك هذا الفتح فالقهم یوم الجمعة فی الساعة التی یکون [2]) الخطباء علی المنابر یدعون للمجاهدین بالنصر علی الکافرین والدعاء مقرون بالاجابة فتوقّف السلطان الی یوم الجمعة عند خطبة الخطباء وقرا [3]) قوله تعالی وما النصر الّا من عند الله وقال السلطان رُبّما یکون فی الخطباء من اذا قال فی اخر خطبته اللهمّ انصر جیوش المسلمین وسرایاهم حقّق اللهُ ببرکات دعائه مقاصد [4]) الغزاة ومبتغاهم وعاد الوزیر نظام الملك الی همذان صیانةً [5]) للعراق وخراسان ومازندران عن اهل العیث [6]) و الفساد والقی السلطان نفسَه فی المهالك وقال السلطان من اراد الانصراف فلینصرف فما هاهنا السلطان یامر وینهی غیر الله ورمی بالقوس والنشّاب واخذ السیف وعقد ذنب فرسه بیده وجعل جمیع عسکره مثل فعله فلما التقی الجمعان حفر الروم الخندق حول العسکر فقال السلطان انهزموا والله فانّ حفر الخندق لهولاء مع کثرة عددهم دلیل علی الجبن والفشل وضرب قیصر الروم فسطاطا من الاطلس (f. 29ᵇ) الاحمر وخیمة مثلها واخبیة من الدبابیج وجلس علی سریر من الذهب و فوقه صلیب من الذهب مرصّع بجواهر لا قیمة لها وبین یدیه بشرٌ کثیر من الرهابین و القسّیسین یتلون الانجیل و التقی الفریقان یوم الجمعة عند طلوع خطیب [7]) المسلمین فی المنبر وعلت الاصوات بالقران واصوات الکوسات من عسکر السلطان واصوات النواقیس من عسکر الروم وهبّت اعصارٌ اعمت عیون المسلمین وکاد ینهزم عسکر السلطان فنزل السلطان من الفرس وسجد لله تعالی وقال اللهمّ توکّلت علیك وتقرّبت بهذا الجهاد الیك وعفّرت وجهی بین یدیك وصرّحت [8]) بعصاه [9]) کبدی وعینای نضّاختان من البُکا وسالفتای رسّاختان من الدما فان کنت تعلم من ضمیری خلاف ما اقوله بلسانی فاهلکنی ومن معی من اعوانی وغلمانی وان کان سرًّا موافقًا لعلانیتی فامددنی علی جهاد الاعداء واجعل لی من لدنك سلطانا نصیرًا وصیّر العسیر علیّ یسیرا وکان یردّد هذا التضرّع والبکا حتی تقلّست [10]) مهابّ الریاح واعمت عیون الکفّار و أَجْنَتْ [11]) للتقدیر شجرة البغی و اصطلم انف الغی [12]) (f. 30ᵃ) ودرس اعلام النصاری وتری الناس سُکاری وما هم بسُکاری وانجلت عند اصفرار الشمس غبرة المعرکة واحاطت بملك الروم

1) Рук. ان. — 2) Рук. تکون. — 3) Чит. وقراءة. — 4) Рук. ومقاصد. — 5) Рук. صانة и затѣмъ العراق والخراسان ومازندران. — 6) Рук. безъ точекъ. — 7) Рук. الخطیب. 8) Рук. وصرحت. — 9) ? Можетъ быть слѣд. читать بغضاة. — 10) Рук. انعلست. — 11) Рук. واجنت. — 12) Рук. انف العی.

بين الاسر والهلكة وكيفيّة ذلك انه عار فرس لبعض غلمان السلطان فتبع ذلك الغلام اثر فريسه فوجد فرسًا مع لجام مرصّع وسرج من الذهب ورجلا جالسًا[1] عند الفرس وبين يديه مغفر من الذهب ودرع مسرودة من الذهب فهمّ الغلام بقتله فقال له الرجل انا قيصر الروم فلا تقتلنى فانّ قتل الملوك شوم فشدّ الغلام يديه وجرّه الى معسكر السلطان فما رآه اسير من اسراء الروم الّا الصق جبهته بالتراب فورد المبشّر حضرة السلطان والسلطان يصلى المغرب فادخلوه على السلطان و الحجّاب اخذوه بضفيرته[2] وجبينه يجرّونه الى الارض ليقبّلها فما قبّل الارض بين يدى السلطان لما استهواه من زهو الملك والابّهة فقال السلطان دعوه فحسبُه معاينة هذا اليوم وكان لسعد الدولة كوهرايين مملوك اهداه الى الوزير نظام الملك وردّه عليه ولم ينظر اليه ورآه حقيرا فرغبه فيه كثيرا فقال الوزير نظام الملك (f. 30^b^) وما ذا يراد منه عسى ان ياتينا بملك الروم قيصر اسيرا فكان كما قال الوزير نظام الملك وحضر يوم الوقعة الغلام بين يدى السلطان واحضر ملك الروم اسيرًا فامر بتقييده ومنّى الغلام فتمنّى بشارة غزنين فبذل ذلك له سمعت من خواجا امام مشرف الشيرازى التاجر على شاطئٍ جيحون مقابل[3] درغان[4] ونحن منحدرون الى خوارزم قال سمعت من مشايخى انه لما تقاتل عسكر السلطان الب ارسلان وعساكر الروم سير ملك الروم رسولا الى السلطان و قال له انّنى قد اتيتك ومعى من العساكر ما لا قبلَ لك به فان انت دخلت فى طاعتى فانا ادفع لك من البلاد ما يكفيك وتأمن من سطوتى وباسى وان انت لم تفعل ذلك فانا معى من العساكر ثلثماية الف فارس وراجل ومعى اربعة عشر الف عجلة عليها خزائن الاموال والسلاح وليس يقف بين يدىّ احد من عساكر المسلمين ولا يغلق بوجهى مدينة من مدائنهم ولا قلعة من قلاعهم فلما سمع السلطان هذه الرسالة اخذته غيرة[5] الاسلام وتحرّكت فى صدره نخوة الملك فقال للرسول قل لصاحبك انك انت ما قصدتنى ولكن الله سبحانه حملك الىّ وجعلك وعساكرك طعمة للمسلمين (f. 31^a^) فانت اسيرى وعبدى وعساكرك بعضهم قتلاى و بعضهم اسراءى وخزانتك كلها ملكى ومالى فاثبت للمقارعة وتهيّأ للمكافحة فسوف ترى انّ عساكرك هى رقابٌ تساق الى ضاربها وخزانتك هى اموال تُحمل الى ناهبها وفى بكرة غدٍ كان الحرب بينهما وجرى جميع ما قاله السلطان بعون الله وتوفيقه ولما احضر الملك امام سُدّة[6] السلطان قال ملك الروم للترجمان قل للسلطان يردّنى الى دار ملكى قبل ان يجتمع الروم الى ملك اخر يجاهرنا بالمكافحة والمحاربة ويدرس كتاب العدوان ويبرز صفحة العصيان وانا اطوع لك من عبيدك

---

1) Рук. جالس. — 2) Рук. ضفيرته. — 3) Рук. معادل. — 4) Рук. درعان. — 5) Рук. غرة. — 6) Рук. سده.

ولك علىّ كل سنة ان اودّى على سبيل الجزية الف الف دينار فاجابه السلطان الى سؤاله بعد ما عرضه النخاسون على معرض البيع فى الاسواق ثم اعتقه السلطان وخلع عليه وعلى من بقى معه من الاسارى وعاد الملك الى دار ملكه ووفى بما عاهد وورد من جهة امير المومنين القائم بامر الله الى السلطان الب ارسلان كتاب تهنئة الفتح والظفر وخاطبه فيه الولد السيّد الاجلّ المويّد المنصور المظفر السلطان الاعظم مالك العرب والعجم سيّد ملوك الامم ضياء الدين غياث المسلمين ظهير الامام كهف الانام (f. 31^b) عضد الدولة القاهرة تاج الملّة الباهرة سلطان ديار المسلمين برهان امير المومنين حَرَس الله تمهيده وجعل من الخيرات مزيده ٬

Выступленіе великаго султана Адуд-ад-даулы Абу Шуджâʿ Алп-Арслана во второй походъ противъ царя грековъ Романа.

Въ 463 году (9 окт. 1070 — 28 сент. 1071) султанъ Алп-Арсланъ прошелъ по Сиріи и оставилъ сына своего съ однимъ отрядомъ своихъ войскъ въ области Халеба, а самъ переправился черезъ Евфратъ при помощи копытъ благородныхъ коней, безъ судовъ и лодокъ, и прибылъ въ области Ховейя и Саламаса. И дошло до его свѣдѣнія, что царица грековъ передала власть одному мужу[1]) изъ сыновъ христіанскихъ царей. И сталъ тотъ снаряжать войско противъ него (султана), числомъ больше 300,000 конныхъ и пѣшихъ. И вывели греки противъ султана лучшія свои силы[2]), а земля (ихъ) выпустила изъ своихъ нѣдръ несмѣтное количество всего необходимаго и собралось къ этому царю разной сволочи изъ грековъ и армянъ и персовъ и баджнâковъ и гуззовъ и фиренджовъ скопище такое, которымъ. . . . .[3]) и собираніемъ котораго христіанство высоко подняло свои основы[4]). И поклялись они, что прогонятъ халифа и посадятъ на его мѣсто Джâсалика[5]), разрушатъ мечети и построятъ (вмѣсто нихъ) церкви. И послалъ тогда султанъ къ своей женѣ и своему везирю Низâм-ал-мюльку и велѣлъ сказать имъ: я съ тѣми войсками, которыя у меня подъ

---

1) Это и есть Романъ Діогенъ.

2) Буквально «куски своей печени». Очень обыкновенная метафора.

3) Тутъ въ текстѣ неисправность, которая не позволяетъ мнѣ перевести конецъ фразы; ясно только, что параллелизмъ арабск. риторической прозы требуетъ такихъ словъ здѣсь, которыя дали бы смыслъ приблизительно слѣдующій: *«которымъ лжеученіе думало увеличить свою силу»*.

4) Т. е. предполагало доказать свою жизненность и силу.

5) *Каѳоликоса.*

рукой, пойду на врага; и если я спасусь, то это — благодѣяніе всевышняго Бога, а если сподоблюсь мученической смерти, то по милости Бога всевышняго. Наслѣдникомъ же моимъ будетъ мой сынъ Меликшахъ. А было при немъ 15,000 всадниковъ изъ храбрѣйшихъ воиновъ и при каждомъ была одна лошадь, на которой онъ ѣхалъ [и другая запасная][1]). Халифъ ал-Ќаимби-эмри-ллахъ, правитель правовѣрныхъ, велѣлъ съ каѳедръ молиться (за султана) и приказалъ написать молитву и раздать хатибамъ[2]). Она была составлена Абу Са̒ид-ибн-Мусалâей и гласила: о Боже! возвысь знамя ислама и его защитника и погуби многобожіе отсѣченіемъ его горба и пресѣченіемъ его связокъ и пр...... [3])

И приблизился султанъ къ царю грековъ въ мѣстности называемой Зугра[4]), между Хелатомъ и Маназкердомъ въ середу, 15-го числа мѣсяца Зу-л-Ка̒да 463 года (14 августа 1071). И послалъ къ нему султанъ для заключенія перемирія. И отвѣтилъ (царь), что перемиріе будетъ заключено (только) въ Рейѣ. И испугался этого (отвѣта) султанъ. Тогда ему сказалъ его имамъ и законовѣдъ Абу Наср-Мухаммед-ибн-Абд-ал-мелик-ал-Бухари ал-Ханафи: Ты сражаешься за вѣру Божью и я надѣюсь, что Богъ всевышній назначилъ твоему имени эту побѣду. И такъ, сразись съ ними въ день пятницы, въ тотъ часъ, когда хатибы на каѳедрахъ молятся о дарованіи побѣды надъ невѣрующими борцамъ за вѣру, ибо съ молитвою связано исполненіе ея. И отложилъ тогда султанъ (битву) до пятницы, до проповѣди хатибовъ и чтенія словъ всевышняго Бога «не бываетъ побѣды какъ только отъ Бога»[5]). И сказалъ султанъ: бываютъ такіе хатибы, благословеніемъ молитвы которыхъ, когда они въ концѣ своей проповѣди скажутъ: «о Боже, помоги войскамъ мусульманъ и ихъ отрядамъ», Богъ исполняетъ желанія и вожделѣнія борцовъ за вѣру. И возвратился везирь Низâм-ал-мюлькъ въ Гамаданъ, чтобы охранять Иракъ, Хорасанъ и Мазандеранъ отъ бунтовщиковъ и грабителей, а самъ султанъ кинулся навстрѣчу опасностямъ. И сказалъ султанъ: кто желаетъ уйти, пусть уйдетъ; ибо здѣсь нѣтъ султана, который приказывалъ бы и запрещалъ — (тутъ) только Богъ[6]). И бросилъ онъ свой лукъ и свои стрѣлы и связалъ рукой своей хвостъ своей лошади. И сдѣлало все его войско то-же самое. И когда

1) Пропущено въ рукописи.

2) Проповѣдникамъ.

3) Г. Райтъ не списалъ для меня конца молитвы, такъ какъ она не содержитъ ничего исторически важнаго.

4) Или Загра.

5) Коранъ, гл. 3, ст. 122.

6) Т. е. тутъ дѣло Божье. Кто за Бога, пусть останется добровольно.

обѣ арміи приблизились другъ къ другу, то греки вырыли ровъ вокругъ своей арміи. И сказалъ тогда султанъ: они погибли, ей Богу; ибо вырытіе ими рва при большой ихъ численности ясно указываетъ на ихъ трусость и малодушіе. И повелѣлъ кесарь греческій разбить балдахинъ изъ краснаго атласа и такую-же палатку и шатры изъ парчи и сѣлъ на золотой тронъ; и надъ нимъ (трономъ) былъ золотой крестъ, украшенный драгоцѣнными камнями, цѣнности баснословной. И стояло предъ нимъ многое множество монаховъ и священниковъ и читали евангеліе. И столкнулись обѣ арміи въ день пятницы, когда хатибъ мусульманъ взошелъ на каѳедру. И раздались звуки корана и звуки барабановъ изъ войска султана и звуки колоколовъ изъ войска грековъ. И поднялся вѣтеръ, который ослѣпилъ глаза мусульманъ и чуть было не обратилось въ бѣгство войско султана. И сошелъ тогда султанъ съ лошади и преклонилъ колѣна предъ Богомъ всевышнимъ и сказалъ: «о Боже! на тебя я уповаю, тебя ради я веду эту войну. И вотъ я повергаю лице свое въ прахъ предъ тобой и заявляю то, что какъ уголь *гады* жжетъ мое сердце[1]); глаза мои мокры отъ слезъ и кудри мои влажны отъ крови. И если ты въ душѣ моей видишь другое чѣмъ то, что я говорю языкомъ своимъ, то погуби меня и со мною всѣхъ моихъ помощниковъ и людей. Если-же тайна моего сердца соотвѣтствуетъ моимъ словамъ, то помоги мнѣ въ борьбѣ съ врагами и дай мнѣ отъ себя власть мощную и сдѣлай трудное для меня легкимъ». И повторялъ онъ это приниженіе себя и этотъ плачъ нѣсколько разъ пока не стянулись (тучи), носительницы вѣтровъ, и не ослѣпили (пылью) глаза невѣрующихъ. И принесло (тогда), согласно предопредѣленію, плодъ свой древо возмущенія и сокрушено было высокомѣріе заблужденія и стерты были знамена христіанъ и ты видѣлъ людей (какъ-бы) пьяными, хотя они не были пьяны. И поднялась при закатѣ солнца пыль битвы и охватила царя грековъ рука плѣна и гибели. А это случилось такимъ образомъ: лошадь одного изъ слугъ султана сбѣжала и слуга этотъ пошелъ по слѣдамъ своей лошади. И нашелъ онъ лошадь съ уздой украшенной драгоцѣнными камнями и сѣдломъ золотымъ, а у лошади сидѣлъ мужъ и передъ нимъ лежалъ золотой шлемъ и панцырь изъ золотыхъ колецъ. И захотѣлъ слуга убить его, но тотъ мужъ сказалъ ему: «я кесарь греческій. Не убивай меня, ибо убиваніе царей приноситъ несчастіе». Тогда слуга связалъ ему руки и потащилъ его въ лагерь султана. И не

---

1) Буквально: Печень. *Гада* — шиповникъ съ очень твердымъ деревомъ. Уголь *гады* считается лучшимъ топливомъ, дающимъ сильнѣйшій жаръ. Не скрою впрочемъ отъ читателя, что я не вполнѣ увѣренъ въ правильности перевода этого выраженія. Переводъ основанъ на коньектурѣ بغضاه вм. بعصاه рук.

видалъ его ни одинъ изъ плѣнниковъ греческихъ безъ того чтобы не повергать лице свое въ пыль (предъ нимъ). И пришла радостная вѣсть къ султану, когда онъ совершалъ вечернюю молитву. И привели его къ султану и привратники схватили его за волосы и за грудь, нагибая его къ землѣ, чтобы онъ ее поцѣловалъ. Но не поцѣловалъ онъ земли предъ султаномъ по причинѣ гордости царской и высокомѣрія, которые лишили его разсудка. И сказалъ султанъ: «оставьте его. Довольно съ него, что онъ увидѣлъ этотъ день». — У Сӑд-ад-даулы Гухера̂ина былъ одинъ рабъ, котораго онъ подарилъ везирю Низа̂м-ал-мюльку, но тотъ возвратилъ его ему, не взглянувъ на него, и призналъ его (слишкомъ) жалкимъ. Тогда онъ (Гухера̂инъ) горячо рекомендовалъ его, но везирь Низа̂м-ал-мюлькъ сказалъ: «чего-же можно отъ него требовать? Развѣ что онъ намъ приведетъ плѣннымъ царя грековъ, кесаря!» И было дѣло именно такъ, какъ сказалъ везирь Низа̂м-ал-мюлькъ. И предсталъ въ день битвы тотъ рабъ предъ султаномъ и привелъ царя грековъ плѣннымъ. И приказалъ султанъ заковать его, а тому рабу повелѣлъ сказать, чего онъ желаетъ (въ награду). И пожелалъ онъ права доставить радостную вѣсть о побѣдѣ въ Газну и было ему это дано. Я [1]) слышалъ отъ ходжи, имама Мушрифа Ширазскаго, купца, на берегу Джейхуна, насупротивъ Дерга̂на, когда мы шли въ Хорезмъ, слѣдующій разсказъ. Онъ разсказалъ: я слышалъ отъ своихъ учителей, что царь грековъ, когда войска султана Алп-Арслана и войско грековъ сошлись для битвы, отправилъ посла къ султану и велѣлъ сказать ему: «я пришелъ къ тебѣ и со мной столько войска, что тебѣ не устоять противъ него. Если ты поэтому мнѣ покоришься, то я тебѣ дамъ столько земель, сколько тебѣ довольно будетъ, и ты будешь въ безопасности отъ моихъ нападеній и отъ моей силы; а если ты не сдѣлаешь этого, то у меня 300,000 человѣкъ конныхъ и пѣшихъ, у меня 14,000 повозокъ съ деньгами и припасами и противъ меня не устоитъ ни одна армія мусульманъ и предо мною не закроются ворота ни одного изъ ихъ городовъ и ни одной изъ ихъ крѣпостей». Когда султанъ узналъ эту вѣсть, его охватило усердіе ислама и зашевелилась въ его груди гордость царская и онъ сказалъ послу: «скажи своему господину слѣдующее: не ты идешь противъ меня, а Богъ — слава ему — двигаетъ тебя на меня и дѣлаетъ тебя и твои войска добычей мусульманъ. Ибо ты будешь моимъ рабомъ и моимъ плѣнникомъ и твои войска будутъ мною частью убиты, частью взяты въ плѣнъ, и вся твоя казна станетъ моимъ достояніемъ и имуществомъ. Стань твердо для сраженія, готовься для столкновенія и ты увидишь, что твои войска — головы, которыя гонятся на встрѣчу имѣющему

---

1) Говоритъ авторъ.

отрубить ихъ, что твоя казна — добро, которое подносится имѣющему ограбить его». И рано утромъ въ слѣдующій день происходила битва между ними и исполнилось всё, что сказалъ султанъ, при помощи Бога и его поддержкѣ. И когда царь предсталъ предъ трономъ султана, царь сказалъ драгоману: «скажи султану, чтобы онъ меня отправилъ обратно въ мою столицу прежде чѣмъ соберутся греки къ другому царю, который открыто пойдетъ на насъ войной и сраженіемъ и прочтетъ книгу вражды и откроетъ листъ бунта. Я-же буду тебѣ послушнѣе рабовъ твоихъ и обязуюсь уплачивать тебѣ каждый годъ милліонъ динаровъ въ видѣ дани». И согласился султанъ на его просьбу, но предварительно торговцы рабами должны были на рынкѣ предложить его на продажу. Потомъ онъ его отпустилъ и пожаловалъ ему и бывшимъ при немъ плѣннымъ почетныя платья. И вернулся царь въ свою столицу и исполнилъ то, что онъ обѣщалъ. И пришло отъ халифа ал-Ка̂им-бі-эмри-ллаха къ султану Алп-Арслану поздравительное письмо по случаю побѣды и торжества (надъ царемъ). Въ немъ халифъ называетъ султана слѣдующимъ образомъ: сынъ мой, славный, сильный, побѣдоносный, торжествующій господинъ, великій султанъ, владѣтель арабовъ и не арабовъ, господинъ надъ царями всѣхъ народовъ, блескъ вѣры, спасеніе мусульманъ, защитникъ имама, убѣжище народа, опора могущественной державы, вѣнецъ блистательной религіи, султанъ мусульманъ, (лучшее) доказательство (правоты) эмира правовѣрныхъ, да охранитъ Богъ его правленіе и да умножитъ ему свои благодѣянія.

Бар. В. Розенъ.

Древнѣйшія монеты китайцевъ.

У народовъ, стоящихъ на самой низшей ступени цивилизаціи, переходъ веществъ и продуктовъ отъ однихъ лицъ къ другимъ совершается путемъ мѣны, не усложняемой никакими посредствующими орудіями. По мѣрѣ того какъ народъ цивилизуется и безразличная племенная масса, дифференцируясь въ отношеніи соціальномъ и экономическомъ, принимаетъ форму болѣе или менѣе стройнаго государственнаго тѣла, возрастаетъ потребность ускорять циркуляцію необходимыхъ для жизни веществъ и для этой цѣли вводить въ употребленіе, какъ орудіе мѣны, такіе предметы, которые, по своей непосредственной полезности или по своей привлекательности, являются цѣнными для всѣхъ отдѣльныхъ единицъ племени. Такими предметами служатъ: металлы, и главнымъ образомъ, золото, серебро, мѣдь, желѣзо, олово (то въ формѣ руды, то въ формѣ плитокъ, колецъ); шкуры звѣрей (особенно бобровъ, куницъ, бѣлокъ); домашній скотъ (быки, лошади, овцы); зерна хлѣбныхъ растеній, бобы какао, финики, табакъ, сахаръ, оливковое масло, кирпичный чай, соль, слоновая кость, холстъ, хлопчато-бумажныя матеріи, циновки, стрѣлы, раковины (особенно Cypraea moneta), драгоцѣнные и полудрагоцѣнные камни. Употребленіе монетъ, предполагающее сравнительно весьма высокую степень культуры и государственности народа, является фактомъ довольно позднимъ вообще въ исторіи человѣчества.

Что касается народа китайскаго, то о степени его первоначальной культурности едвали можно, при существующемъ состояніи синологіи, сказать что-либо опредѣленно и утвердительно. Но во всякомъ случаѣ мы, основываясь на разнаго рода соображеніяхъ, совершенно отказываемся

вѣрить тѣмъ легендамъ, которыя встрѣчаются въ книгахъ китайскихъ и которыя представляютъ первобытныхъ китайцевъ грубѣйшими дикарями, чуждыми даже самой элементарной культуры. Авторы подобныхъ легендъ, тенденціозныхъ, надо замѣтить, по ихъ кореннымъ цѣлямъ, весьма легко могли нарисовать картину общества людей, живущихъ more ferarum, легко не потому, что такая картина традиціонно сохранялась въ памяти народа китайскаго, но потому что въ разныхъ уголкахъ широко раскинувшейся имперіи китайской находились инородцы, въ дѣйствительности не облагороженные никакою культурою. Все, что мы знаемъ о древнихъ китайцахъ, какъ обособившемся народѣ, достовѣрнаго и болѣе правдоподобнаго, заставляетъ насъ представлять себѣ этотъ народъ давно вышедшимъ изъ состоянія примитивной дикости, знакомымъ не только съ основами семейными, но и съ формами жизни элементарно-государственной. Конечно, должны были пройти вѣка, прежде чѣмъ китайская нація выступила на арену исторической дѣятельности какъ стройное государственное тѣло, какъ имперія, готовая поглотить и растворить въ себѣ многочисленныя племена инородцевъ, неодинаковыхъ по ихъ происхожденію, степени цивилизиціи и матеріально-бытовой культуры.

Если, отрицая полнѣйшую дикость первобытныхъ китайцевъ, нельзя въ то же время сомнѣваться, что они только постепенно могли вырабатывать тотъ строй государственности, при которомъ мыслимо употребленіе монеты, какъ орудія мѣны, то, само собою разумѣется, въ народѣ китайскомъ, въ періодъ его недатированной исторіи, должны были обращаться какіе-либо предметы, содѣйствующіе ускоренію циркуляціи необходимыхъ для жизни веществъ и такимъ образомъ являющіеся прецедентами монетныхъ знаковъ. Оставляя въ сторонѣ данныя историческихъ древне-китайскихъ источниковъ (въ виду оспариваемой достовѣрности ихъ) и обращаясь къ свидѣтельству іероглифической письменности китайцевъ, мы находимъ, что въ народѣ китайскомъ циркулировали, въ качествѣ денегъ, раковина Cypraea, холстъ и шелкъ. Не безъ глубокой, конечно, вполнѣ соотвѣтствующей факту, основы іероглифъ *бэй* 貝 (= раковина Cypraea) является ингредіентомъ въ такихъ іероглифахъ какъ *цай* 財 — «богатство», *шэнъ* 賸 — «богатство», *цзы* 資 — «богатство», *бао* 寶 — «драгоцѣнность», *хо* 貨 — «товаръ», *гуй* 貴 — «дорогой», *май* 買 — «покупать», *май* 賣 — «продавать», *мао* 貿 — «вымѣнивать, торговать», *гу* 賈 — «покупать», *цзя* 價 — «цѣна», *гуань* 貫 — «связка въ 1000 чоховъ», *дай* 貸 — «давать взаймы», *лу* 賂 — «подкупать, давать подарокъ», *хуй* 賄 — «богатство, подкупать», *сы* 賜 — «дарить, награждать», *шанъ* 賞 — «награждать», *гай* 賅 — «богатый, презентовать», *чжи* 質 — «закладъ, просторный

рынокъ», *гунъ* 貢 — «дары, подать», *ду* 賭 — «играть на деньги», *танъ* 貪 — «алчный, жадный», *цзянь* 賤 — «дешевый», *пинь* 貧 — «бѣдный», *фэй* 費 — «тратить, расточать». Не безъ соотвѣтствія фактической основѣ и іероглифъ *цзинь* 巾 (= платъ) входитъ въ составъ іероглифовъ: *бу* 布 — «холстъ, деньги», *бо* 帛 — «холстъ, шелкъ, богатство», *танъ* 帑 — «казна, казначейство, сокровищница», *би* 幣 — «богатство, штука шелку». Очень можетъ быть, что въ народѣ китайскомъ циркулировало, въ качествѣ денегъ, бо́льшее, нежели мы указали, число предметовъ; несомнѣнно и то, что въ своихъ сношеніяхъ съ инородцами китайцы пользовались вмѣсто денегъ такими предметами, которыхъ сами, у себя дома, не употребляли какъ орудіе мѣны (такъ напр., жалованье монгольскимъ войскамъ было иногда уплачиваемо кирпичнымъ чаемъ), — но глубже анализировать іероглифическую письменность и до конца исчерпывать ея данныя, касающіяся экономическаго быта древнихъ китайцевъ, намъ нѣтъ нужды, и мы ограничиваемся утвержденіемъ только того факта, что въ исторической жизни народа китайскаго были періоды, втеченіи которыхъ обращались, въ качествѣ денежныхъ знаковъ, не металлическія монеты. Эти послѣднія, конечно, могли появиться въ то время, когда государственность китайцевъ достигла уже высокой степени развитія.

Прежде чѣмъ говорить о древнѣйшихъ китайскихъ монетахъ, мы позволяемъ себѣ напомнить читателямъ, что изученіе нумизматики какого-либо народа важно въ трехъ отношеніяхъ: оно даетъ возможность 1) опредѣлять, когда именно этотъ народъ организовался въ государственное тѣло, 2) составлять понятіе о степени богатства и уровнѣ техническихъ искусствъ этого народа, 3) констатировать существованіе, а иногда и время жизни такихъ историческихъ лицъ, которыя извѣстны только по намекамъ письменныхъ источниковъ либо по разнаго рода легендарнымъ сказаніямъ. Чѣмъ болѣе исторія народа выясняется по письменнымъ или вещественнымъ памятникамъ, тѣмъ менѣе имѣетъ нумизматика значенія для пунктовъ перваго и третьяго, и наоборотъ, тѣмъ бо́льшую цѣну пріобрѣтаютъ ея свидѣтельства, чѣмъ меньше фактическихъ свѣдѣній о жизни народа заключается въ его историческихъ источникахъ. Въ виду всего этого, прежде чѣмъ разсматривать древнѣйшія китайскія монеты, необходимо выяснить, съ какой стороны важно знакомство съ ними, необходимо, слѣдовательно, выяснить, насколько извѣстна вообще древняя исторія Китая.

Не вдаваясь въ подробности (съ которыми читатели могутъ познакомиться изъ труда нашего: «Первый періодъ китайской исторіи»), мы должны сказать, что на китайскомъ языкѣ существуетъ огромная историческая литература, въ которой жизнь древнихъ китайцевъ изображается многосто-

ронне, полно и съ претензіею на непререкаемую достовѣрность, — сообщены законченныя свѣдѣнія объ историческихъ дѣятеляхъ, указаны и время, и мѣсто, и обстоятельства дѣйствій. Если бы не было никакихъ основаній сомнѣваться въ достовѣрности того, что говорятъ о своемъ прошломъ сами китайцы, то, конечно, древняя китайская исторія представлялась бы самою лучшею изъ всѣхъ древнихъ исторій. Но основанія къ сомнѣніямъ находятся, и притомъ весьма достаточныя. Во первыхъ, историческіе разсказы, не заключающіе въ себѣ ничего неправдоподобнаго, настолько перемѣшаны съ самыми невѣроятными фабулами, что читатель теряетъ возможность положить грань между фактомъ и вымысломъ (да и между этими послѣдними есть съ одной стороны такіе, которые обязаны своимъ появленіемъ на свѣтъ какой-либо тенденціи, а съ другой такіе, въ основѣ которыхъ можетъ заключаться зерно исторической истины). Во вторыхъ, китайскіе историки далеко не согласны между собою въ установленіи начальнаго года для фактически-достовѣрной исторіи древнихъ китайцевъ, а разница въ 10 и болѣе вѣковъ (о химерномъ счисленіи милліонами лѣтъ нечего и говорить) при датированіи первоисходнаго пункта достовѣрной жизни націи дѣло весьма немаловажное. Втретьихъ, на китайскомъ языкѣ нѣтъ ни одного письменнаго историческаго памятника, о которомъ можно было бы сказать, что онъ безспорно достовѣренъ и существовалъ на свѣтѣ хотя бы за 500 лѣтъ до Р. Х. Хотя нельзя сомнѣваться, что въ повѣствованіяхъ китайскихъ историковъ о минувшихъ судьбахъ ихъ націи заключается не мало фактической правды (память объ этой послѣдней могла быть сохраняема съ одной стороны традиціонно въ массѣ народа, а съ другой въ тѣхъ литературныхъ трудахъ, которые не дошли до нашего времени, но находились подъ руками лицъ, изучавшихъ древность), однако нельзя отрицать и того, что политическая исторія древняго Китая въ томъ видѣ, какъ она излагается самими китайцами, не имѣетъ права, при существующей критической оцѣнкѣ ея первоисточниковъ, претендовать на непререкаемую достовѣрность ни относительно дѣйствующихъ лицъ, ни относительно времени, мѣста и сущности дѣйствій. Причиною, по которой политическая исторія древняго Китая должна быть признаваема мало достовѣрною, служитъ то обстоятельство, что до насъ не дошло вещественныхъ памятниковъ, непосредственно свидѣтельствующихъ о тѣхъ или другихъ сторонахъ жизни древнихъ китайцевъ. Если бы мы встрѣчали на территоріи Китая что-либо подобное пирамидамъ, обелискамъ, подземнымъ храмамъ; если бы мы находили надписи на скалахъ или глиняныхъ плитахъ; если бы мы видали утварь, вырытую изъ несомнѣнно древнихъ могилъ, — то, конечно, могли бы имѣть точки опоры и до нѣкоторой степени оріентироваться въ сказа-

ніяхъ китайскихъ историковъ о минувшихъ судьбахъ ихъ націи. Что историческая жизнь китайцевъ началась не съ эпохи Цинь-ши-хуанъ-ди и что такъ называемая Великая стѣна не первое произведеніе ихъ архитектурнаго искусства, — это фактъ, котораго нельзя оспаривать. А если китайскій народъ, знакомый съ высокоразвитыми формами государственности, существовалъ ранѣе указаннаго императора, то нѣтъ сомнѣнія, что у этого народа могли быть и храмы, и надписи на камняхъ, и утварь съ характерными историческими свидѣтельствами. Куда же все это дѣвалось? Разрушено, стерто съ лица земли, сломано, передѣлано населеніемъ, постепенно увеличивавшимся въ своей численности и постепенно замѣнявшимъ старую бытовую культуру новою, болѣе совершенною; часть всего этого погибла отъ дѣйствія времени, отъ опустошительныхъ войнъ, наводненій, землетрясеній, пожаровъ. Но слѣдуетъ-ли отсюда заключать, что мы совершенно лишены возможности имѣть понятіе о вещественныхъ памятникахъ исторической жизни древняго китайскаго народа? Нѣтъ, не слѣдуетъ. Среди китайцевъ во всѣ вѣка находились любители археологіи, посвящавшіе свое время и тратившіе свои умственныя силы, равно какъ свои капиталы на разысканіе, собираніе, описаніе и изученіе памятниковъ родной старины. Если бы мы могли безусловно довѣрять этимъ археологамъ и смотрѣть на ихъ коллекціи или археологическіе труды, какъ на достовѣрные во всей ихъ полнотѣ, то, само собою разумѣется, объ отсутствіи вещественныхъ памятниковъ жизни древнихъ китайцевъ не было бы и рѣчи. Но, къ несчастію, мы не въ состояніи опредѣлить, насколько археологи-китайцы оказывались знатоками древности; насколько были чужды предвзятости, тенденціозности и преднамѣренности, готовой извращать историческую истину въ виду тѣхъ или другихъ постороннихъ цѣлей; насколько наконецъ были гарантированы отъ обмана разнаго рода эксплуататоровъ. Археологическая литература китайцевъ, несомнѣнно, заключаетъ въ себѣ бо̀льшую или меньшую долю правды; но указать, гдѣ кончается ложь и гдѣ начинается правда, мы не будемъ имѣть возможности до тѣхъ поръ, пока не будутъ найдены безспорно древніе вещественные памятники стародавней жизни китайскаго народа.

Въ виду нами выясненной недостовѣрности древней исторіи Китая, китайскія монеты, называемыя древнѣйшими, могли бы представлять особенную важность. Мы знаемъ, напр., довольно легендъ объ императорахъ Юѣ, Шунѣ, Яо, Хуанъ-ди, Шэнь-нунѣ, Фу-си. Но существовали-ли въ дѣйствительности эти императоры? Неизвѣстно. Будь у насъ подъ руками монеты, отлитыя или вычеканенныя по приказу названныхъ императоровъ,— мы въ состояніи были бы дѣлать заключенія, болѣе или менѣе вѣроятныя,

и объ этихъ послѣднихъ, и о минимумѣ древности государственной жизни народа китайскаго. Но такихъ монетъ, какъ достовѣрныхъ вещественныхъ памятниковъ, подъ руками археололовъ (китайцевъ и европейцевъ) не находится, — есть только описанія ихъ въ трудахъ китайскихъ нумизматистовъ. Китайская же нумизматика не болѣе достовѣрна нежели вообще китайская археологія, которой она является ингредіентомъ. Видя рисунокъ монеты, напр., Шуня и читая ея описаніе, мы не можемъ опредѣлить, существовала-ли когда-либо на свѣтѣ такая монета, (если существовала, то) относится-ли она къ древнимъ временамъ и принадлежитъ-ли Шуню, не сфабрикована-ли она какимъ-либо поддѣлывателемъ старинныхъ вещей, не измышлено-ли ея описаніе для упроченія какой-либо тенденціи. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что китайскіе нумизматисты описываютъ виды древнѣйшихъ монетъ всего чаще на основѣ ранѣе опубликованнаго нумизматическаго матеріала, не сохранившагося до нашихъ дней цѣликомъ и по этой причинѣ не могущаго быть подвергнутымъ строго научной критикѣ. Такимъ образомъ оказывается, что политическая исторія древняго Китая со стороны нумизматики выясняется не болѣе нежели со стороны историко-литературныхъ повѣствованій.

Послѣ всего сказаннаго читатель можетъ спросить насъ, зачѣмъ мы намѣрены описывать древнѣйшія китайскія монеты, когда достовѣрность послѣднихъ не подтверждена никакими фактическими данными. Отвѣчая на этотъ вопросъ, мы должны напомнить читателю о томъ, что было выше замѣчено нами о достовѣрности вообще древней китайской исторіографіи. Если, напр., въ Бамбуковой книгѣ (Чжу-шу-цзи-нянь) или трудахъ Сы-ма-чжэна (Сань-хуанъ-цзи) и Ло-би (Лу-ши) не все должно считаться чистою фикціею (нельзя было выдумать всего ряда историческихъ разсказовъ, стройныхъ, сцѣпленныхъ между собою и столь широко разсѣянныхъ въ китайской литературѣ; нельзя было и правдѣ исторической совершенно изгладиться изъ памяти народа, разросшагося на той же территоріи, на которой жили его отдаленные предки), — то и въ трудахъ китайскихъ нумизматистовъ, несомнѣнно, есть доля фактической истины, доля матеріала неизмышленнаго, вполнѣ достовѣрнаго. Конечно, мы не имѣемъ возможности сказать утвердительно, что изъ числа изображенныхъ на рисункѣ монетъ эта современна Шуню, та Шэнь-нуну, а та Фу-си. Но съ другой стороны мы не имѣемъ права отрицать фактическаго существованія нарисованныхъ монетъ, отрицать потому только, что мы ихъ сами не видимъ, — ихъ могли видѣть и описать китайскіе археологи. Вѣрить какому-либо сообщаемому въ исторіи факту безъ доказательствъ, само собою разумѣется, не слѣдуетъ; но также не слѣдуетъ и совершенно игнорировать этотъ фактъ, когда нѣтъ

безспорныхъ доказательствъ его несуществованія. Допустимъ, что въ трудахъ китайскихъ нумизматистовъ болѣе вымысла нежели фактической истины; согласимся, что, при нынѣшнемъ состояніи сипологіи, мы не можемъ опредѣлить, гдѣ кончается ложь и гдѣ начинается правда, — тѣмъ важнѣе для насъ знакомство съ нумизматическимъ матеріаломъ во всемъ его объемѣ: только обладая всею кучею мусора, въ которой находится драгоцѣнная жемчужина, мы имѣемъ основаніе надѣяться, что обладаемъ и этою послѣднею. Чтобы правда выдѣлилась отъ наросшей на нее и окружающей ее лжи, необходимы новодобытые, вполнѣ достовѣрные подтвердительные факты. Такихъ фактовъ для матеріала древней китайской нумизматики въ настоящее время не существуетъ. Но кто ручается, что такіе факты никогда и не будутъ открыты? кто ручается, что въ Китаѣ при раскопкѣ земли (хотя бы для устройства желѣзныхъ дорогъ) не будутъ найдены монеты, подобныя тѣмъ, которыя изображены на рисункахъ и описаны китайскими археологами? Вѣдь, многое изъ того, что сообщалъ Геродотъ, долгое время считалось вымысломъ; но археологическія открытія послѣднихъ десятилѣтій нынѣшняго вѣка пролили новый свѣтъ на простодушные разсказы отца европейской исторіографіи и подтвердили бо̀льшую, нежели прежде было принято думать, ихъ достовѣрность и правдивость. Если археологическія находки способствуютъ отдѣленію правды отъ лжи въ письменныхъ историческихъ источникахъ, то въ свою очередь и сами подробнѣе и многостороннѣе выясняются на основѣ данныхъ, почерпаемыхъ изъ этихъ источниковъ. Китайскіе нумизматическіе сборники заключаютъ въ себѣ не мало свѣдѣній о древнѣйшихъ китайскихъ монетахъ, и, будь найдена похожая на одну изъ нихъ, подъ руками европейца-археолога есть уже готовый описательный матеріалъ, которымъ можно воспользоваться для болѣе точнаго опредѣленія новодобытаго вещественнаго памятника исторической жизни древнихъ китайцевъ. Вотъ въ какомъ отношеніи важны труды китайскихъ нумизматистовъ, вотъ по какимъ побужденіямъ намѣрены мы описывать древнѣйшія китайскія монеты.

Что касается минимальнаго предѣла древности, то мы беремъ таковымъ эпоху знаменитаго императора Цинь-ши-хуанъ-ди, отъ которой до насъ дошли несомнѣнно уже достовѣрные вещественные памятники.

Основными источниками для нашего очерка будутъ служить китайскіе сборники Цянь-чжи-синь-бянь 錢志新編 (цзюани 1, 2, 3) и Си-цинъ-гу-цзянь 西淸古鑑 (цзюани 1 и 2 отдѣла Цянь-лу 錢錄). При этомъ мы должны оговориться, что не имѣемъ въ виду представить читателямъ полный переводъ китайскихъ текстовъ, заключающихся въ указанныхъ сборникахъ (такой переводъ былъ бы и малоцѣлесообразенъ, и довольно

затруднителенъ, какъ требующій весьма большаго количества всякаго рода комментарій), но намѣрены пользоваться находящимся подъ руками матеріаломъ, оставляя за собою свободу дѣлать сокращенія и брать только то, что считаемъ существенно важнымъ.

Императоръ Фу-си 伏羲.

А) По выбору народа, онъ сдѣлался государемъ китайской имперіи въ 2952 г. до Р. Х. и усвоилъ себѣ династическое имя Тай-хао 太昊, утвердивъ свою резиденцію въ новопостроенномъ городѣ Чэнь (陳, Чэнь-чжоу-фу, въ провинціи Хэ-нань). Фу-си раздѣлилъ китайскій народъ на 100 фамилій, давъ каждой изъ нихъ особое и навсегда неизмѣнное имя; озаботился установить правильность въ половыхъ отношеніяхъ людей и положилъ начало браку; научилъ своихъ подданныхъ, какъ слѣдуетъ ловить рыбу и какъ обращаться съ шестью сортами домашнихъ животныхъ (лошадь, быкъ, свинья, овца, собака, курица); расширилъ предѣлы своихъ владѣній присоединеніемъ земель нынѣшней провинціи Шань-дунъ и раздѣлилъ территорію имперіи на 9 частей; составилъ па-гуа, т. е. 8 діаграмъ, которыя легли въ основаніе И-цзина (одной изъ пяти каноническихъ конфуціанскихъ книгъ); изобрѣлъ письмена и положилъ основаніе различію шести категорій китайскихъ іероглифовъ. Тай-хао скончался, процарствовавъ 115 лѣтъ, и былъ погребенъ вблизи (на 3 мили сѣвернѣе) столичнаго города Чэнь.

В) Монета, относимая къ царствованію Фу-си, мѣдная; на лицевой сторонѣ ея окаймляющій ободокъ и двѣ буквы, которыя, по чтенію нѣкоторыхъ китайскихъ археологовъ, значатъ ди-хао 帝昊, т. е. «государь Хао»; на сторонѣ оборотной, лишенной ободка, изображенъ какой-то знакъ. См. приложеній № 1 *a* и *b* [1]).

Императоръ Шэнь-нунъ 神農.

А) По выбору народа, онъ сдѣлался государемъ китайской имперіи въ 2838 г. до Р. Х. и усвоилъ себѣ династическое имя Янь-ди 炎帝, утвердивъ свою резиденцію въ г. Цюй-фоу (曲阜, въ департам. Янь-

---

1) На прилагаемыхъ къ нашему очерку таблицахъ монеты изображены, подъ тѣми или другими номерами, съ лицевой стороны подъ буквою *a*, съ оборотной — подъ буквою *b*.

чжоу-фу, въ провинціи Шань-дунъ). Янь-ди научилъ своихъ подданныхъ земледѣлію и, опредѣливъ рисъ, пшеницу, просо, горохъ и пеньку какъ самыя полезныя растенія, показалъ, какъ слѣдуетъ ихъ возращать и культивировать; испробовалъ дѣйствіе различныхъ травъ на организмъ человѣка и написалъ книгу Бэнь-цао-цзинъ (ботанико-медицинскаго содержанія); установилъ правильныя торговыя сношенія между различными частями своего государства и указалъ мѣста, гдѣ должны были производиться ярмарки; раздѣлилъ имперію на множество болѣе или менѣе обширныхъ областей, поставивъ въ каждой изъ нихъ особыхъ правителей. Шэнь-нунъ умеръ въ 2698 г.

В) Изъ монетъ, относимыхъ къ царствованію Шэнь-нуна, одна (см. прилож. № 2) круглой формы съ ободками на обѣихъ сторонахъ и со знакомъ на лицевой сторонѣ (нѣкоторые китайскіе археологи усматриваютъ въ этомъ знакѣ іероглифъ 神, входящій въ названіе императора); другая (см. прилож. № 3) безъ ободковъ, съ дирочкою въ верхней части, съ семью іероглифами на лицевой сторонѣ (значеніе этихъ іероглифовъ неизвѣстно). Обѣ монеты мѣдныя.

Императоръ Хуанъ-ди 黄帝.

А) По выбору народа, Хуанъ-ди (носившій личное имя Сянь-юань) сдѣлался государемъ китайской имперіи въ 2698 г. до Р. Х. и утвердилъ свою резиденцію въ городѣ Чжо-лу (涿鹿, нынѣ городъ Чжо-чжоу въ провинціи Чжи-ли). Хуанъ-ди установилъ мѣры вѣса, емкости и длины, причемъ за основаніе было принято просяное зерно, положилъ конецъ свободному и безконтрольному переходу жителей имперіи съ мѣста на мѣсто и опредѣлилъ, что 8 семействъ должны причисляться къ одному колодцу, три колодца должны составлять околотокъ, три околотка — урочище, пять урочищъ — селеніе, десять селеній — волость, десять волостей — округъ, десять округовъ — провинцію; учредилъ шесть министерствъ и историческій приказъ, въ одномъ отдѣленіи котораго должны были записываться факты, а въ другомъ рѣчи и разговоры заносимыхъ въ исторію лицъ; поручилъ начальнику историческаго приказа разработать систему письменности (изобрѣтено было «головастиковое письмо»); написалъ медицинскую книгу Нэй-цзинъ, изучивъ внутреннее устройство и патологическіе процессы человѣческаго тѣла; научилъ своихъ подданныхъ дѣлать кирпичи и строить каменные дома; обосновалъ (пользуясь трудами астрономовъ) на твердыхъ началахъ циклическое счисленіе по «десяти небеснымъ пнямъ» и «двѣнадцати

земнымъ вѣтвямъ»; (когда китайцы научились отъ императрицы Луй-цзу выкармливать шелковичнаго червя, разматывать коконы и ткать шелковыя одежды,) установилъ форму общаго костюма простолюдиновъ и парадныхъ вышивныхъ одѣяній чиновниковъ; поощрялъ усовершенствованія (колесницъ, гребныхъ судовъ, музыкальныхъ инструментовъ) и изобрѣтенія (пикъ, сабель, стрѣлъ). Хуанъ-ди умеръ въ 2597 г. и былъ погребенъ на горѣ Цяо-шань (въ уѣздѣ Чжунъ-бу-сянь, въ провинціи Шэнь-си).

В) Изъ мѣдныхъ монетъ, относимыхъ къ царствованію Хуанъ-ди, первая (см. прилож. № 4) не имѣетъ ободка, съ надписями на обѣихъ сторонахъ, причемъ іероглифъ, изображенный на оборотной сторонѣ, сходенъ съ верхнимъ іероглифомъ праваго столбца лицевой стороны; вторая (см. прилож. № 5) и третья (см. прилож. № 6) не имѣютъ ободковъ и надписей на оборотной сторонѣ; четвертая (см. прилож. № 7) и пятая (см. прилож. № 8) имѣютъ ободки только на лицевой сторонѣ, не имѣютъ надписей на сторонѣ оборотной, въ своихъ переднихъ выступахъ (ручкахъ) имѣютъ маленькія дирочки. Что касается іероглифовъ, изображенныхъ на лицевыхъ сторонахъ этихъ монетъ, то они взаимно соотвѣтственны, хотя расположены и не одинаково; значеніе этихъ іероглифовъ не выяснено [1]). Къ царствованію Хуанъ-ди же нѣкоторые китайскіе археологи относятъ и (金 — золотую?) монету въ формѣ ножа (см. прилож. № 9) съ круглою рукояткою, посрединѣ которой находится круглая дира; на обѣихъ сторонахъ ножа ободки и продольныя полосы, надписей же никакихъ нѣтъ.

Императоръ Шао-хао 少昊.

А) По выбору народа, Шао-хао (имѣвшій личное имя Цзинь-тянь) сдѣлался государемъ китайской имперіи въ 2597 г. до Р. Х. и утвердилъ свою резиденцію въ г. Цюй-фоу (曲阜, въ департам. Янь-чжоу-фу, въ провинціи Шань-дунъ). Этимъ государемъ было постановлено, чтобы гражданскіе чиновники имѣли на своихъ одеждахъ вышивныя изображенія птицъ, а военные — изображенія звѣрей. Шао-хао умеръ въ 2513 г. и былъ погребенъ на горѣ, находящейся въ 2 миляхъ къ сѣверо-востоку отъ г. Цюй-фоу.

В) Относимая къ царствованію Шао-хао (金 — золотая?) монета не имѣетъ ободковъ (см. прилож. № 10), въ ручкѣ ея маленькая дира, на

---

1) Хотя нѣкоторые изъ нихъ транскрибируются нынѣ употребляемыми іероглифами 串, 二, 斤, 全 (или 金).

лицевой сторонѣ три іероглифа, которые, по мнѣнію нѣкоторыхъ китайскихъ археологовъ, соотвѣтствуютъ нынѣшнимъ іероглифамъ 化, 少 (= 少?), 金.

Императоръ Чжуань-сюй 顓 頊.

А) По выбору народа и чиновниковъ, Чжуань-сюй (имѣвшій личное имя Гао-янъ 高 陽) сдѣлался государемъ китайской имперіи въ 2513 г. до Р. Х. и утвердилъ свою резиденцію въ г. Пу (濮, въ департам. Дунъчанъ-фу, въ провинціи Шань-дунъ). Этотъ государь, искоренивъ ложное магическое ученіе, развившееся при императорѣ Шао-хао, постановилъ, что провинціальные чиновники не должны приносить жертвъ верховному богу (Шанъ-ди) и что совершать торжественныя молебствія послѣднему можетъ только государь. Чжуань-сюй раздѣлилъ имперію на 9 провинцій и, желая увеличить число людей, могущихъ, съ полнымъ знаніемъ дѣла, наблюдать за небесными свѣтилами, основалъ астрономическую академію. Чжуань-сюй умеръ въ 2435 г. и былъ погребенъ въ мѣстности Дунь-цю, вблизи столичнаго г. Пу.

В) (金 — золотыя?) монеты, относимыя нѣкоторыми китайскими археологами къ царствованію Чжуань-сюя, не имѣютъ ободковъ, равно какъ надписей на обратной сторонѣ (см. прилож. №№ 11, 12, 13); съ обѣихъ сторонъ монеты дѣлятся пополамъ продольными линіями; на лицевыхъ сторонахъ два іероглифа, изъ которыхъ одинъ (стоящій въ монетѣ № 11 съ правой стороны, а въ монетахъ №№ 12 и 13 — съ лѣвой) транскрибируется іероглифомъ 陽, а другой (въ монетѣ № 11) іероглифомъ 山 и (въ монетахъ №№ 12 и 13) іероглифомъ 安. Хотя каждая пара іероглифовъ служитъ для обозначенія именъ городовъ, существовавшихъ при Ханьской династіи, тѣмъ не менѣе монеты не считаются принадлежащими къ періоду послѣдней и большинствомъ китайскихъ нумизматистовъ относятся къ глубокой древности.

Императоръ Яо 堯.

А) По выбору народныхъ представителей, Яо (имѣвшій личное имя Фанъ-сюнь) сдѣлался государемъ китайской имперіи въ 2356 г. до Р. Х. и утвердилъ свою резиденцію въ г. Пинъ-янъ (平 陽, нынѣ Пинъ-янъ-фу, въ провинціи Шань-си). При этомъ государѣ, въ 2297 г., территорія Китая была залита водами потопа. Труды по осушенію земли были поручены

сперва Гуню, а потомъ Шуню и его помощнику Юю. Этотъ послѣдній спустилъ воды потопа въ русла главнѣйшихъ рѣкъ, вырубилъ тѣ лѣса, которые были непроходимыми, и привелъ территорію имперіи въ такой видъ, что люди опять могли селиться на ней. Въ 2285 г. Яо сдѣлалъ Шуня своимъ соправителемъ. Шунь раздѣлилъ владѣтельныхъ лицъ на 5 степеней; объѣхалъ имперію, причемъ совершилъ жертвоприношенія верховному богу (Шанъ-ди) на «пяти пикахъ» (пяти главныхъ священныхъ горахъ); измѣнилъ виды уголовныхъ наказаній; увеличилъ прежнее число (9) областей до 12. Яо скончался въ 2258 г.

В) Изъ (мѣдныхъ?) монетъ, относимыхъ къ царствованію императора Яо, одна (см. прилож. № 14) не имѣетъ ободка, равно какъ надписи на оборотной сторонѣ, въ ручкѣ своей имѣетъ маленькую диру, на лицевой сторонѣ — четыре іероглифа, изъ которыхъ три совершенно приближаются къ нынѣшнему начертанію; другая (см. прилож. № 15), длиною въ 1 дюймъ (寸) и 7 долей (分), шириною въ 9 долей, вѣсомъ въ 2 цяня (錢 — 10-я часть унца) и 3 доли, также не имѣетъ ободка, равно какъ надписи на оборотной сторонѣ, на лицевой сторонѣ — іероглифы, которыхъ значеніе не выяснено.

Императоръ Шунь 舜.

А) Когда истекли три года траура по государѣ Яо, Шунь пожелалъ уступить престолъ сыну Яо, Дань-чжоу; но вельможи и чиновники не были расположены къ послѣднему и упросили Шуня удержать власть въ своихъ рукахъ. Шунь согласился и съ 2255 г. до Р. Х. сталъ править какъ единодержавный государь, утвердивъ свою резиденцію въ г. Пу-чжоу (蒲州, въ уѣздѣ Хэ-дунъ, департ. Пу-чжоу, пров. Шань-си). Этимъ государемъ было принято за правило по одному разу въ каждое трехлѣтіе подвергать оцѣнкѣ поведеніе чиновниковъ и послѣ трехъ провѣрокъ награждать и повышать достойныхъ, а виновныхъ наказывать или отставлять; имъ же были основаны богадѣльни для престарѣлыхъ чиновниковъ и простолюдиновъ и открыты спеціальныя коллегіи, въ которыхъ молодые люди должны были обучаться разнымъ наукамъ и нравственности. Въ 2223 г. Шунь сдѣлалъ Юя своимъ соправителемъ. Шунь умеръ во время объѣзда по имперіи (въ 2208 г.) и былъ погребенъ на горѣ Цзю-и (въ уѣздѣ Линъ-линъ, въ департ. Юнъ-чжоу, въ пров. Ху-нань).

В) Изъ монетъ, относимыхъ къ царствованію Шуня, въ сборникѣ Цянь-чжи-синь-бянь изображено три. Первая (см. прилож. № 16), длиною въ 2 дюйма, шириною въ 1 дюймъ и 3 доли, не имѣетъ надписи на оборот-

ной сторонѣ. Вторая (см. прилож. № 17), по величинѣ приблизительно равная первой, но только болѣе угловатая, также безъ надписи на оборотной сторонѣ. Третья (см. прилож. № 18) по величинѣ меньше двухъ предыдущихъ, безъ надписи на оборотной сторонѣ, но съ маленькою дирою въ своей ручкѣ. Іероглифы, изображенные на лицевой сторонѣ этихъ трехъ монетъ (на монетѣ № 18 не всѣ части іероглифовъ сохранились), получаютъ, въ глазахъ китайскихъ археологовъ, значеніе на основѣ легенды о финансовой дѣятельности Шуня. Такъ какъ мы не знакомы съ этою легендою, то и находимъ полезнымъ цитировать подлинныя слова указаннаго сборника:

當金貨按管子曰舜作乘馬貨當金貨一
金二金二四金二五金路氏有虞氏紀曰
舜得策乘馬之數以作乘馬貨一金二金
二四金二五金策乘馬幣注二五金者重
貸也一金者輕貨也當金者當重貨也...
............又曰其文當作尙策作乘馬作正

С) За описаніемъ монетъ, относимыхъ къ царствованію Шуня, въ сборникѣ Цянь-чжи-синь-бянь слѣдуетъ описаніе такихъ монетъ, которыя, въ виду ихъ формы, возводятся китайскими нумизматистами (впрочемъ, далеко не всѣми) къ глубокой древности, но, въ виду изображенныхъ на нихъ іероглифическихъ знаковъ, могутъ быть современными Ханьской династіи. Мы не находимъ цѣлесообразнымъ указывать въ нашемъ очеркѣ всѣ эти монеты и представляемъ рисунки только трехъ изъ нихъ, именно тѣхъ, на лицевыхъ сторонахъ которыхъ изображены іероглифы, транскрибируемые нынѣшними іероглифами 平 陽 (Пинъ-янъ, — такъ назывался городъ, служившій резиденціею для императора Яо). См. прилож. №№ 19, 20, 21.

Императоръ Юй 禹 и династія Ся 夏.

А) Когда истекли три года траура по государѣ Шунѣ, Юй пожелалъ уступить престолъ сыну Шуня, Шанъ-цзюню; но вельможи и чиновники не были расположены къ послѣднему и упросили Юя удержать власть въ своихъ рукахъ. Юй согласился и съ 2205 г. до Р. Х. сталъ править какъ единодержавный государь, утвердивъ свою резиденцію въ г. Ань-и (安 邑, въ округѣ Цзѣ-чжоу, въ провинціи Шань-си). Юй раздѣлилъ имперію на 9 областей (присоединивъ къ прежнимъ тѣ три области, которыя были обра-

зованы Шунемъ) и приказалъ начертить ихъ карты на 9 динахъ (вазахъ съ тремя ножками и двумя ушками), сдѣланныхъ изъ металла, нарочно вытребованнаго отъ областныхъ правителей. Юй скончался во время объѣзда по имперіи (въ 2197 г.) и былъ погребенъ на горѣ Хуй-цзи (въ департам. Шао-синъ, въ провинціи Чжэ-цзянъ). Съ Юя начинается династія Ся, государи которой, не выбираемые уже народомъ или чиновниками, но преемственно наслѣдовавшіе престолъ, управляли китайскою имперіею до 1766 г. до Р. Х.

В) Изъ монетъ, относимыхъ къ царствованію Юя или его преемниковъ, первая (см. прилож. № 22), длиною въ 2 дюйма и 1 долю, шириною въ 1 дюймъ и 3 доли, вѣсомъ въ 28 шу (銖 — 24-я часть унца), имѣетъ на лицевой сторонѣ надпись, транскрибируемую нынѣшними іероглифами 安 邑 貨 二 金, а на оборотной — іероглифъ, тождественный съ нынѣшнимъ 安; вторая (см. прилож. № 23), тождественная съ первою по размѣрамъ и по вѣсу, не имѣетъ іероглифа на оборотной сторонѣ и представляетъ іероглифы лицевой стороны иначе расположенными по отношенію къ формату; третья (см. прилож. № 24) немного меньше предыдущей, съ продольными линіями на обѣихъ сторонахъ и съ надписью, транскрибируемою нынѣшними іероглифами 安 邑 二 金; четвертая (см. прилож. № 25) имѣетъ въ своей ручкѣ маленькую диру, а на лицевой сторонѣ надпись, транскрибируемую нынѣшними іероглифами 安 邑 一 金 貨.

Династія Шанъ 商.

А) Послѣднимъ государемъ династіи Ся былъ знаменитый своими злодѣйствами и своею развращенностію Цзѣ-гуй. Благонамѣренные министры всячески старались отклонить его отъ пороковъ, но онъ не любилъ выслушивать наставленія и нерѣдко подвергалъ казни тѣхъ лицъ, которыя слишкомъ ревновали о добродѣтели. Потерявъ всякую надежду на то, чтобы Цзѣ-гуй могъ исправиться, правители областей и владѣтельныя лица обратились къ Чэнъ-тану 成 湯 (потомку Ци, который получилъ отъ государя Яо, своднаго брата своего, удѣлъ Шанъ) съ просьбою поднять оружіе и, во имя благоденствія имперіи, свергнуть недостойнаго государя съ престола. Удовлетворяя общему желанію, Чэнъ-танъ выступилъ съ войскомъ изъ своей резиденціи и направился противъ Цзѣ-гуя. Послѣдній приготовился дать отпоръ и сталъ во главѣ своей арміи. Столкновеніе произошло въ мѣстности Минъ-тяо. Когда началась битва, то бо́льшая часть Цзѣгуева войска перешла на сторону Чэнъ-тана. Видя себя почти оставленнымъ,

Цзѣ-гуй съ небольшимъ отрядомъ своихъ приверженцевъ убѣжалъ въ Нань-чао (въ пров. Ань-хуй), гдѣ вскорѣ и умеръ (въ 1766 г. до Р. Х.). Чэнъ-танъ сдѣлался государемъ китайской имперіи и утвердилъ свою резиденцію въ г. Бо (亳, нынѣ Гуй-дэ-фу, въ провинціи Хэ-нань). Съ Чэнъ-тана начинается династія Шанъ, государи которой управляли Китаемъ до 1122 г. до Р. Х. Въ 1401 г. государь Пань-гэнъ перенесъ столицу (и ранѣе нѣсколько разъ переносившуюся вслѣдствіе разливовъ р. Хуанъ-хэ) въ г. Инь (殷, въ уѣздѣ Янь-ши, въ департ. Хэ-нань-фу, въ пров. Хэ-нань) и перемѣнилъ Шанъ, имя династіи, на Инь.

В) Изъ монетъ, относимыхъ къ періоду Шанской династіи, первая (см. прилож. № 26), съ маленькою дирою въ своей ручкѣ и съ 2-хъ дюймовою продольною линіею на обѣихъ сторонахъ, на лицевой своей сторонѣ имѣетъ надпись, транскрибируемую нынѣшними іероглифами 湯 金 — Танъ-цзинь (хотя іероглифъ Танъ находится въ имени основателя Шанской династіи, однако монеты разсматриваемаго вида не всѣ относятся къ царствованію Чэнъ-тана, — Шанскіе государи имѣли обыкновеніе на выпускаемыхъ монетахъ изображать не свое собственное имя, но имя ихъ родоначальника); вторая (см. прилож. № 27), длиною нѣсколько болѣе трехъ вершковъ, шириною нѣсколько болѣе одного вершка, вѣсомъ въ 12 шу (24-я часть унца), съ маленькою дирою въ своей ручкѣ и съ продольною линіею по обѣимъ сторонамъ, на лицевой сторонѣ имѣетъ надпись, транскрибируемую нынѣшними іероглифами 商 布 十 貨, на сторонѣ оборотной имѣетъ два іероглифа, соотвѣтствующіе нынѣшнимъ 十 貨; третья (см. прилож. № 28) значительно менѣе предыдущей, на лицевой сторонѣ, посрединѣ, имѣетъ знакъ, соотвѣтствующій нынѣшнему іероглифу 公, а на сторонѣ оборотной — знакъ, транскрибируемый нынѣшнимъ іероглифомъ 上; четвертая (см. прилож. № 29) значительно менѣе первыхъ двухъ, съ маленькою дирою въ своей ручкѣ, съ продольною линіею на обѣихъ сторонахъ, на одной сторонѣ (нельзя опредѣлить, которая лицевая, которая оборотная) имѣетъ надпись, транскрибируемую (съ большею или меньшею вѣроятностію) нынѣшними іероглифами 商 金, а на другой — іероглифы, соотвѣтствующіе нынѣшнимъ 商 貨.

Династія Чжоу 周.

А) Послѣднимъ государемъ династіи Шанъ былъ Чжоу-синь, напоминавшій своею порочностію Цзѣ-гуя, свергнутаго съ престола Чэнъ-таномъ. Своимъ недостойнымъ поведеніемъ Чжоу-синь вооружилъ противъ себя

благонамѣренныхъ вельможъ и чиновниковъ и далъ возможность доблестному У-вану 武王, князю удѣла Чжоу, привлечь къ себѣ умы всѣхъ лучшихъ людей. Когда злодѣйства и распутство Чжоу-синя достигли крайнихъ размѣровъ, владѣтельныя лица (числомъ 800) убѣдили У-вана поднять оружіе и свергнуть съ престола порочнаго государя. У-ванъ выступилъ съ войскомъ и, встрѣтивъ на равнинѣ Му-ѣ (въ пров. Хэ-нань) Чжоу-синя, предводительствовавшаго 700-тысячною арміею, нанесъ ей полное пораженіе. Чжоу-синь убѣжалъ въ свою столицу, заперся въ «Оленьей башнѣ» (увеселительномъ павильонѣ), собралъ въ кучу свои драгоцѣнности и сгорѣлъ вмѣстѣ съ ними (въ 1122 г. до Р. Х.). По окончаніи военныхъ дѣйствій У-ванъ распустилъ войска и уѣхалъ въ столицу своего удѣла. Опасаясь гибельныхъ послѣдствій безначалія, князья и высшіе чиновники предложили У-вану занять престолъ. У-ванъ принялъ предложеніе и сдѣлался (въ 1122 г.) государемъ китайской имперіи, утвердивъ свою резиденцію въ г. Хао (鎬, нѣсколько западнѣе Си-ань-фу, главнаго города провинціи Шэнь-си). Съ У-вана начинается династія Чжоу, государи которой управляли Китаемъ до 249 г. до Р. Х. (эпохи окончательнаго объединенія удѣловъ знаменитымъ императоромъ Цинь-ши-хуанъ-ди, оставившимъ вещественнымъ памятникомъ своего царствованія пресловутую Великую стѣну). У-ванъ наградилъ своихъ родственниковъ, сподвижниковъ и всѣхъ, къ кому былъ благосклоненъ, удѣлами. Число послѣднихъ простиралось до 71; по мѣрѣ дальнѣйшаго хода исторіи оно (до извѣстнаго времени) возрастало благодаря щедрости преемниковъ У-вана, жаловавшихъ землями тѣхъ лицъ, которыя считались достойными награды. Втеченіи вѣковъ эти удѣлы не сохранили своего первоначальнаго вида: они то увеличивались, то уменьшались, то поглощались. Съ судьбами удѣловъ были тѣсно связаны судьбы Чжоуской династіи, и все время отъ 1122 г. до 249 г. можетъ быть раздѣлено на три періода, изъ которыхъ первый характеризуется тѣмъ, что удѣльные князья усиливаются насчетъ племенъ инородческихъ, а государи постоянно ослабѣваютъ — съ одной стороны вслѣдствіе умаленія въ нихъ личной доблести, съ другой — вслѣдствіе истощенія ихъ силъ въ борьбѣ съ тѣми инородцами, которые извѣстны подъ общимъ именемъ Си-жуновъ и Цюань-жуновъ (государь Пинъ-ванъ, отецъ котораго былъ убитъ этими инородцами, перенесъ въ 770 г. столицу въ г. Ло-янъ 洛陽, нынѣ Хэ-нань-фу, въ пров. Хэ-нань); второй (отъ 722 г. до 402 г.) — тѣмъ, что государи все болѣе и болѣе, если не de jure, то, по крайней мѣрѣ, de facto, нисходятъ на степень простыхъ удѣльныхъ князей, а эти послѣдніе стремятся увеличивать свои владѣнія насчетъ своихъ сосѣдей (князей-же); третій — тѣмъ, что удѣльные князья вступаютъ въ борьбу между собою, въ

видахъ не только увеличенія своихъ территорій, но и обладанія всею имперіею. Удѣлы менѣе сильные поглощались болѣе сильными, раздробленная имперія постепенно объединялась, и въ 249 г. до Р. Х. Цинь-ши-хуанъ-ди явился единодержавнымъ обладателемъ всего Китая.

В) Изъ монетъ, пускавшихся въ обращеніе Чжоускими государями, первая (см. прилож. № 30), круглой формы, съ большою квадратною дирою посрединѣ, выпуклая съ лицевой стороны и ровная на сторонѣ оборотной, не имѣетъ надписей и ободка; вторая (см. прилож. № 31), также круглой формы, съ большою квадратною дирою посрединѣ, выпуклая съ лицевой стороны и ровная на сторонѣ оборотной, не имѣетъ надписей, но имѣетъ ободокъ; третья (см. прилож. № 32), круглой формы, съ большою квадратною дирою посрединѣ, вѣсомъ въ 12 шу (24-я часть унца), съ ободкомъ, имѣетъ надпись, транскрибируемую нынѣшними іероглифами 寶 貨 (монета этого вѣса въ первый разъ была выпущена государемъ Цзинъ-ваномъ, правившимъ отъ 544 г. до 520 г.); четвертая (см. прилож. № 33), круглой формы, съ круглою дирою посрединѣ, вѣсомъ въ 1 унцію и 12 шу, выпуклая на лицевой сторонѣ и ровная на сторонѣ оборотной, имѣетъ надпись, транскрибируемую нынѣшними іероглифами 重 一 兩 十 二 銖 (нѣкоторые китайскіе нумизматисты утверждаютъ, что вѣсъ, обозначенный на этой монетѣ, не дѣйствительный, а номинальный). Монеты указанныхъ четырехъ видовъ мѣдныя. Что касается монетъ, не имѣющихъ надписи, то, по свидѣтельству историческихъ источниковъ, ихъ выпускали не только Чжоускіе государи, но и удѣльные князья въ періодъ Чжань-го (отъ 479 г. до 249 г.); при одинаковости наружнаго вида этихъ монетъ, нельзя опредѣлить, кѣмъ та или другая изъ нихъ была выпущена.

Удѣлъ Ци 齊.

А) У-ванъ, основатель Чжоуской династіи, наградилъ своего учителя Шанъ-фу (имѣвшаго еще имя Тай-гунъ 太 公) титуломъ князя второй степени и удѣломъ, получившимъ названіе Ци (главный городъ княжества, Инъ-цю 營 邱, находился въ уѣздѣ Линь-цзы-сянь, департ. Цинъ-чжоу-фу, пров. Шань-дунъ; впослѣдствіи столица была перенесена сперва въ г. Богу 薄 姑, находившійся въ уѣздѣ Бо-синъ-сянь, департ. Цинъ-чжоу-фу, пров. Шань-дунъ, а потомъ въ г. Линь-цзы 臨 淄, находившійся въ уѣздѣ Линь-цзы-сянь, департ. Цинъ-чжоу-фу, пров. Шань-дунъ). Цискіе князья, преемники Тай-гуна, пользуясь весьма выгоднымъ географическимъ положеніемъ ихъ удѣла, постепенно усиливались. При князѣ Хуанѣ (683—

643 г.) удѣлъ Ци игралъ первенствующую роль въ имперіи. Облеченный (въ 680 г.) титуломъ *ба* (предводителя князей), Хуань неоднократно отражалъ инородцевъ, жившихъ въ нынѣшнихъ провинціяхъ Шань-си, Чжи-ли и Шань-дунъ, (въ 670 г. были разбиты «сѣверные жуны»; въ 664 г.— «горные жуны», нападавшіе на удѣлъ Янь; въ 658 г. — «красные ди», разграбившіе удѣлъ Вэй; въ 644 г. были отражены ди, овладѣвшіе многими Цзиньскими городами и угрожавшіе территоріи самого императора); неоднократно собиралъ удѣльныхъ князей, для обсужденія тѣхъ или другихъ предметовъ, на сеймы (въ Ю, въ Шао-линъ, въ Шоу-чжи, въ Тао, въ Нинъ-у, въ Куй-цю, въ Му-цю, въ Хуай); неоднократно обуздывалъ своеволіе князей (напр., въ 667 г. онъ представилъ Вэйскаго князя, провинившагося предъ императоромъ, плѣнникомъ къ послѣднему; въ 656 г. принудилъ Чускаго князя торжественно извиниться въ томъ, что онъ нерадиво исполнялъ свои обязанности по отношенію къ государю); иногда заставлялъ самого императора измѣнять свои намѣренія (когда, въ 656 г., Хуй-ванъ объявилъ, что назначаетъ своимъ преемникомъ не Сяна, своего старшаго сына, а втораго сына, Ванъ цзы-дая, Хуань собралъ князей удѣловъ Сунъ, Лу, Чэнь, Вэй, Чжэнъ, Сюй и Цао на сеймъ и провозгласилъ Сяна преемникомъ государя; въ 654 г. Хуань собралъ тѣхъ же князей вторично на сеймъ, и здѣсь, съ согласія императора, было утверждено рѣшеніе перваго сейма). Если Хуань, облеченный титуломъ *ба*, могъ являться достойнымъ «предводителемъ князей» и имѣлъ почти рѣшающее вліяніе на дѣла имперіи, то на большой конецъ это обусловливалось тѣмъ, что знаменитый (въ литературѣ подъ именемъ Гуань-цзы) сподвижникъ Хуаня, Гуань-и-у, занимавшій постъ перваго министра, привелъ Цискій удѣлъ въ цвѣтущее положеніе и увеличилъ его силу, путемъ благоразумныхъ административныхъ мѣропріятій, путемъ улучшенія земельной культуры, путемъ содѣйствія промышленности обработывающей и торговой. Въ 390 г. Тянь-хо, представитель фамиліи Тянь (родоначальникомъ этой фамиліи былъ Гунъ-цзы-вань, братъ Чэньскаго князя, переселившійся на жительство въ удѣлъ Ци въ 671 г.), исторгъ власть изъ рукъ Цискаго князя Кана и провозгласилъ себя Цискимъ княземъ. Государь, примиряясь, по безсилію своему, съ совершившимся уже фактомъ и радуясь случаю хотя номинально проявить свою верховную власть, утвердилъ (въ 386 г.) за Тянь-хо самовольно усвоенный имъ титулъ. Удѣлъ Ци и при князьяхъ дома Тянь продолжалъ являться однимъ изъ самыхъ могущественныхъ удѣловъ въ имперіи, а при князѣ Сюанѣ (331—313 г.), покровителѣ учености, Циская столица была центромъ китайскаго просвѣщенія. При дворѣ Сюаня жило до 76 лицъ, посвящавшихъ свое время занятіямъ философіею и другими науками. Эти фило-

софы и ученые, принадлежа по своимъ убѣжденіямъ къ различнымъ школамъ, стремились, безъ противодѣйствія одинъ другому, къ общей для нихъ цѣли, которая полагалась въ томъ, чтобы возвысить могущество Цискаго удѣла. Но развитіе наукъ (и искусствъ) въ удѣлѣ Ци, содѣйствовавшее внутреннему благосостоянію послѣдняго, не спасло его отъ князей Циньскихъ, которые превосходили своихъ соперниковъ рѣшимостью и энергіею,— въ 221 г. до Р. X. Чжэнъ (ставшій извѣстнымъ какъ Цинь-ши-хуанъ-ди), приводя нѣкогда раздробленную имперію къ окончательному единству, подчинилъ удѣлъ Ци своей власти, не проливая при этомъ уже ни капли крови.

В) Изъ монетъ, пускавшихся въ обращеніе преемниками Тай-гуна, первая (см. прилож. № 34), представляющая форму ножа (діаметръ кружка 9 долей; длина рукоятки 2 дюйма, ширина ея 5 долей; длина самого ножа 3 дюйма 5 долей, ширина 9 долей; вѣсъ $1^3/_{10}$ унца), на лицевой сторонѣ имѣетъ ободокъ и надпись, транскрибируемую нынѣшними іероглифами 齊太公貨 (преемники Тай-гуна изображали на монетахъ его имя вмѣсто своего собственнаго); вторая (см. прилож. № 35), одинаковая съ предыдущею по формѣ и надписи на лицевой сторонѣ, отличается по своему знаку на сторонѣ оборотной; третья (см. прилож. № 36), четвертая (см. прилож. № 37) и пятая (см. прилож. № 38), одинаковыя съ первою по формѣ и надписи на лицевой сторонѣ, отличаются между собою по іероглифамъ, изображеннымъ на сторонѣ оборотной и транскрибируемымъ нынѣшними іероглифами 伯 (№ 36), 大 (№ 37) и 上 (№ 38); шестая (см. прилож. № 39), нѣсколько бо́льшихъ размѣровъ нежели предыдущія, безъ надписи на лицевой сторонѣ, имѣетъ на сторонѣ оборотной іероглифъ, соотвѣтствующій нынѣшнему 貨; седьмая (см. прилож. № 40) имѣетъ на лицевой сторонѣ надпись, транскрибируемую нынѣшними іероглифами 齊之太公貨, а на оборотной два іероглифа (соотвѣтствующіе нынѣшнимъ 十貨?); восьмая (см. прилож. № 41), безъ всякаго знака на сторонѣ оборотной, имѣетъ на лицевой сторонѣ надпись, транскрибируемую нынѣшними іероглифами 卽墨邑之太公貨. Всѣ указанныя монеты мѣдныя. Хотя одна изъ монетъ, относимыхъ къ глубокой древности, имѣетъ форму ножа (см. выше прилож. № 9), но эта монета не имѣетъ надписи, указывающей на императора Хуанъ-ди, и можно думать, что ножевыя монеты стали пускаться въ обращеніе не ранѣе Чжоуской династіи. Что касается разнообразія типа Цискихъ монетъ, то оно свидѣтельствуетъ о частомъ выпускѣ ихъ, обусловливаемомъ, вѣроятно, потребностями широкоразвитой торговли удѣла Ци.

Удѣлъ Цзюй 莒.

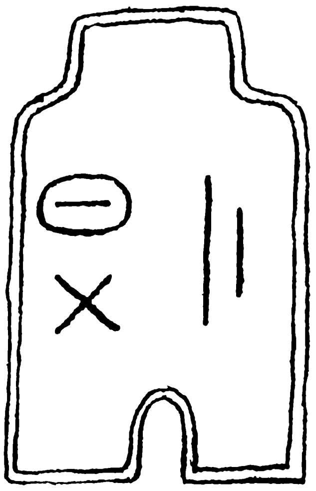
А) Удѣлъ Цзюй (въ округѣ Цзюй-чжоу, департ. Цинъ-чжоу-фу, провинціи Шань-дунъ) былъ данъ государемъ У-ваномъ, основателемъ Чжоуской династіи, потомку императора Шао-хао (правившаго Китаемъ отъ 2597 г. до 2513 г. до Р. Х.). Цзюйскіе князья никогда не были особенно могущественными и не играли видной роли въ исторіи удѣльнаго періода. Удѣлъ Цзюй былъ поглощенъ удѣломъ Чу въ 431 г. до Р. Х.

В) Монеты, пускавшіяся въ обращеніе (какъ предполагаютъ китайскіе нумизматисты) Цзюйскими князьями, мѣдныя, въ формѣ ножа, меньшихъ размѣровъ нежели тѣ, которыя циркулировали въ удѣлѣ Ци. Изъ этихъ монетъ первая (см. прилож. №№ 42, 43, 44, 45) имѣетъ на лицевой сторонѣ знакъ, транскрибируемый (предположительно) нынѣшнимъ іероглифомъ 莒, а на оборотной — іероглифы, значеніе которыхъ не выяснено (кромѣ послѣдняго, на монетѣ № 45,— онъ соотвѣтствуетъ нынѣшнему 行); вторая (см. прилож. № 46) не имѣетъ никакихъ надписей и знаковъ; третья (см. прилож. №№ 47 и 48) размѣрами нѣсколько болѣе предыдущихъ, съ заостренными верхними концами, имѣетъ въ одномъ случаѣ (№ 47) знакъ (соотвѣтствующій нынѣшнему іероглифу 行) на лицевой сторонѣ, а въ другомъ (№ 48) знакъ (неизвѣстный по его значенію) на сторонѣ оборотной. Разнообразіе типа цзюйскихъ монетъ (если только допускать ихъ достовѣрность) указываетъ на ихъ частый выпускъ и свидѣтельствуетъ о томъ, что въ удѣлѣ Цзюй процвѣтала торговля (находившаяся, конечно, въ зависимости отъ торговли удѣла Ци).

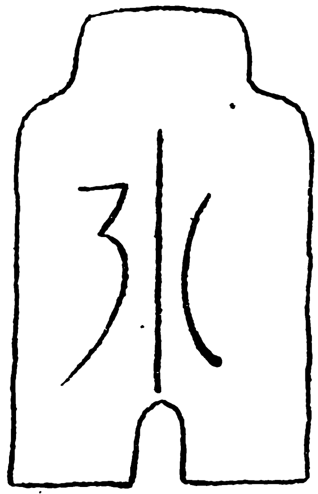
Заключая нашъ очеркъ, мы повторяемъ, что данныя китайскихъ нумизматическихъ сборниковъ важны не сами по себѣ, но единственно въ виду тѣхъ археологическихъ находокъ, которыя (позволительно надѣяться) будутъ сдѣланы европейцами, изучающими древнюю исторію народа китайскаго.

С. Георгіевскій.

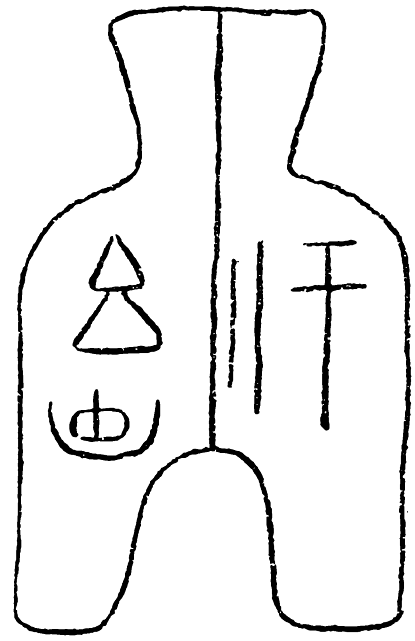
№ 1 а



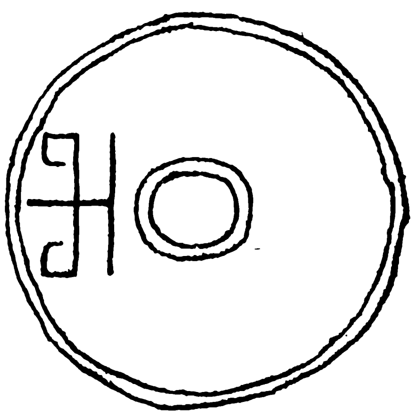
№ 1 б



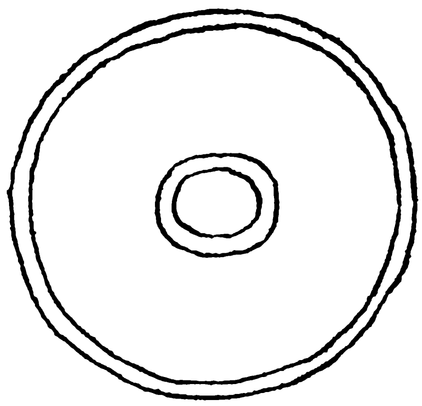
№ 5 а



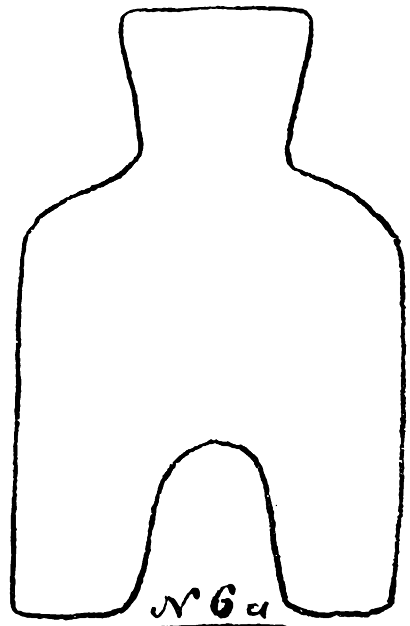
№ 2 а



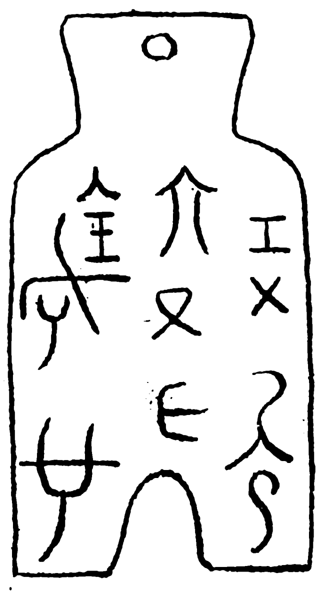
№ 2 б



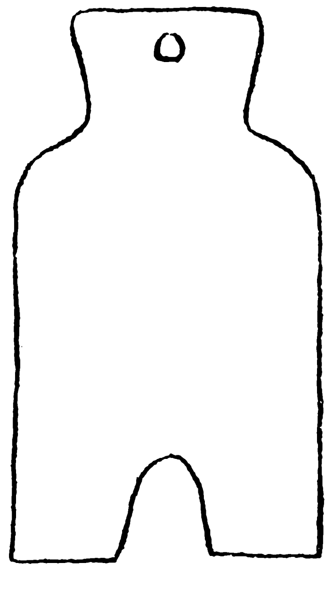
№ 5 б



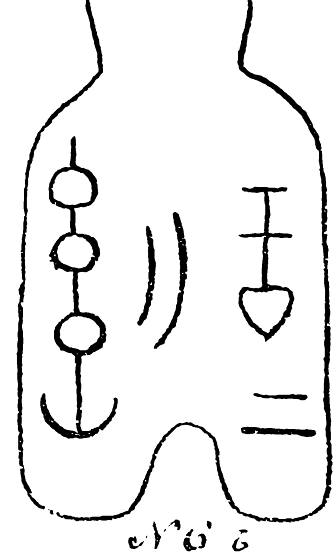
№ 3 а



№ 3 б

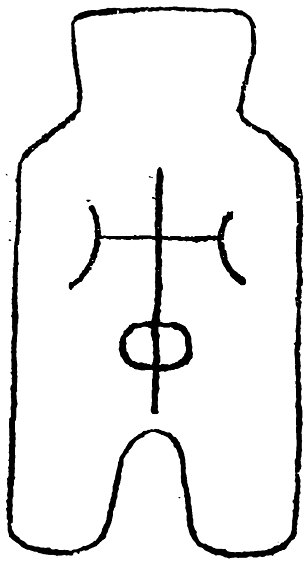


№ 6 а

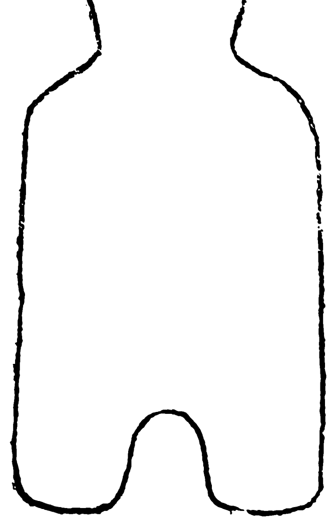


№ 4 а

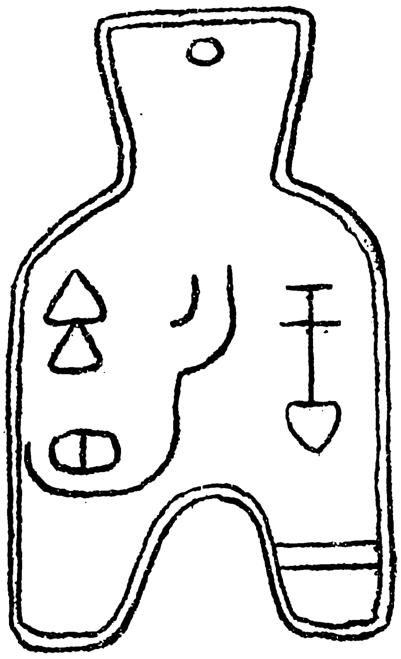
№ 4 б



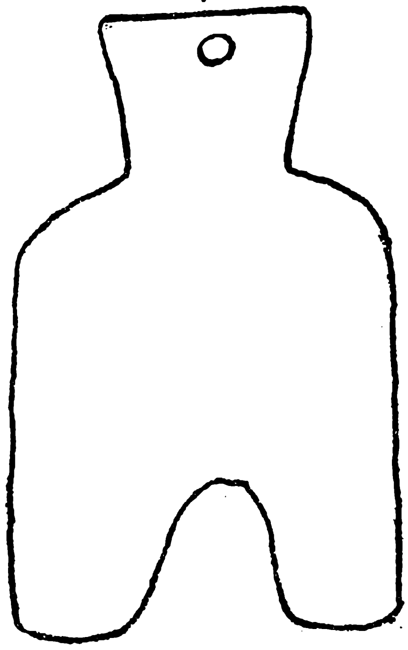
№ 6 б



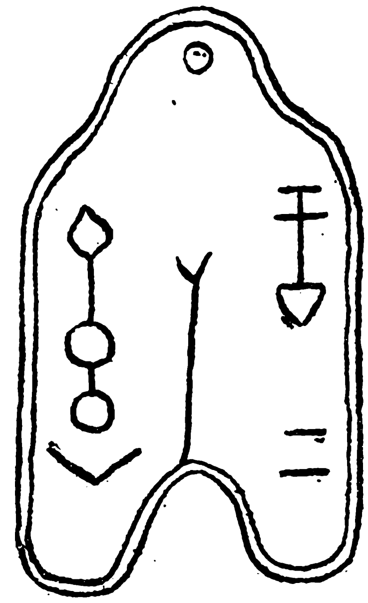
N 7 a



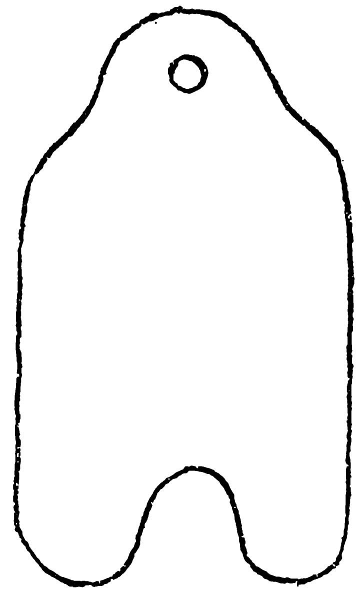
N 7 b



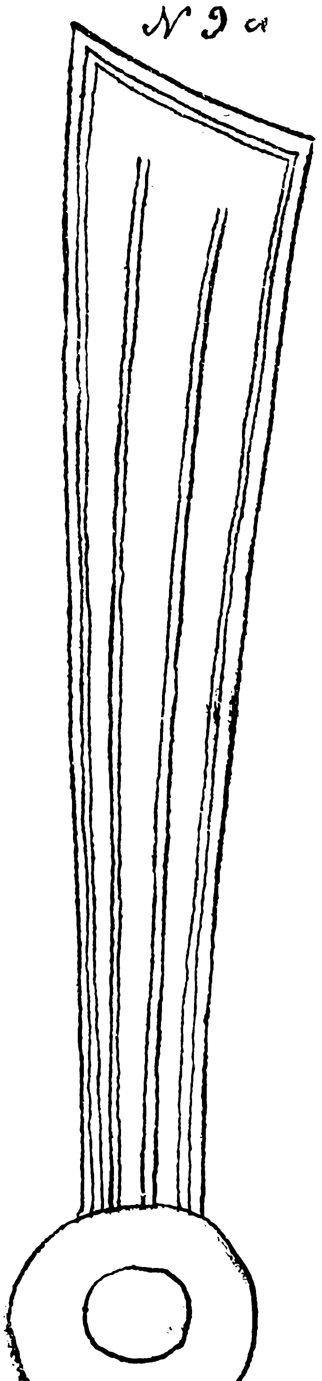
N 8 a



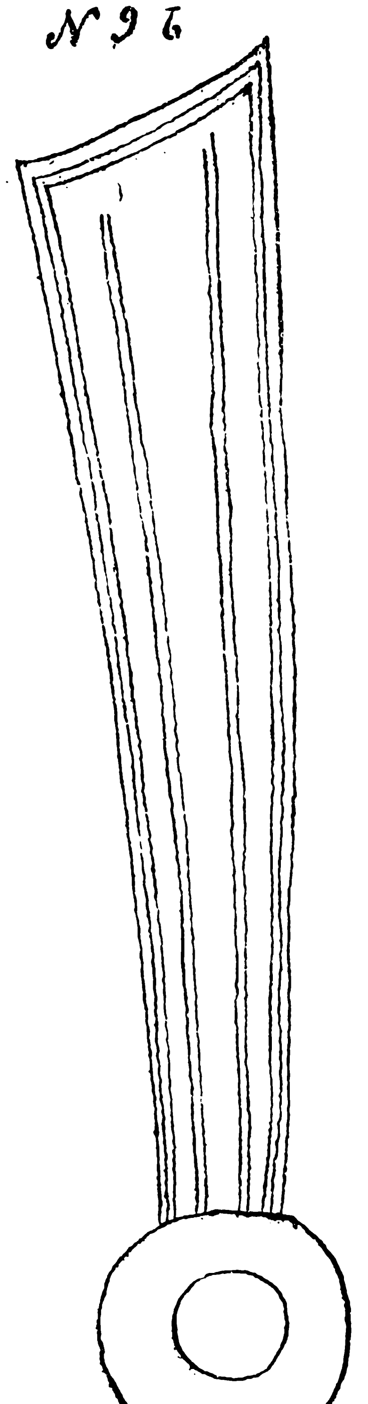
N 8 b



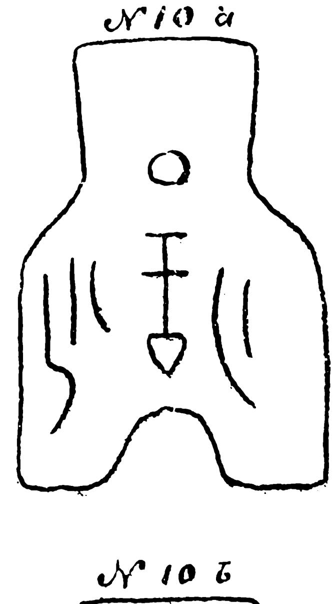
N 9 a



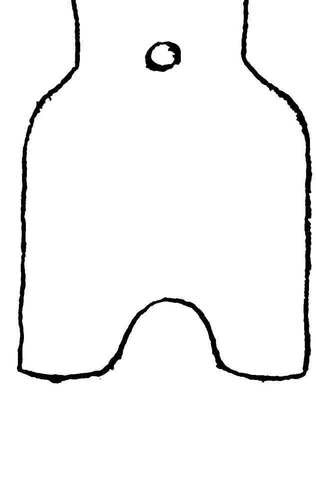
N 9 b



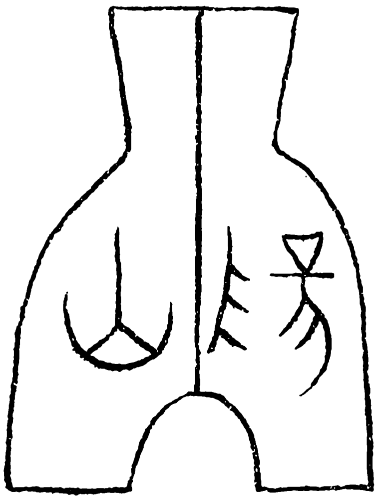
N 10 a



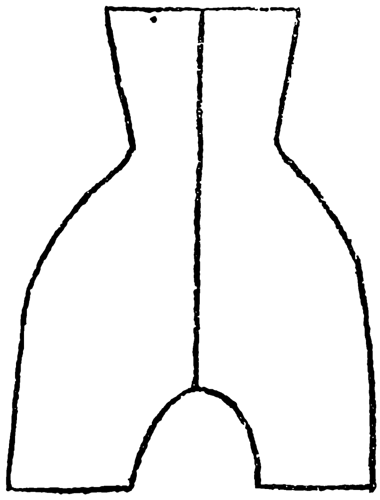
N 10 b



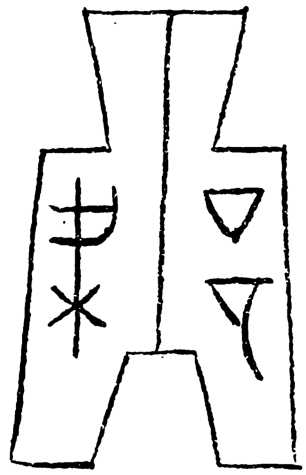
№ 11 a



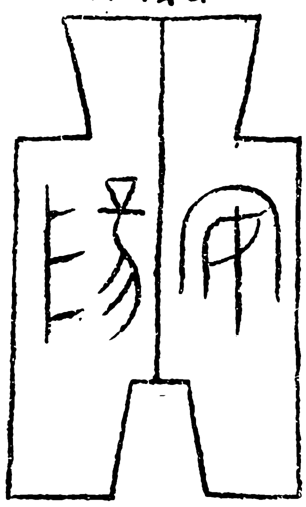
№ 11 б



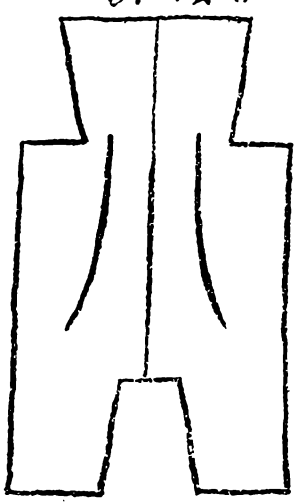
№ 15 a



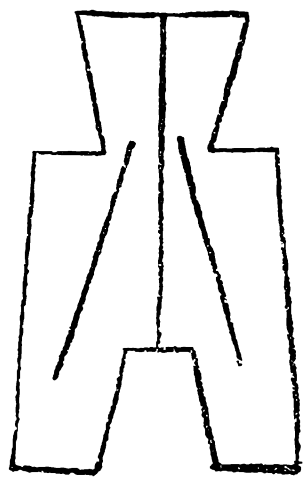
№ 12 a



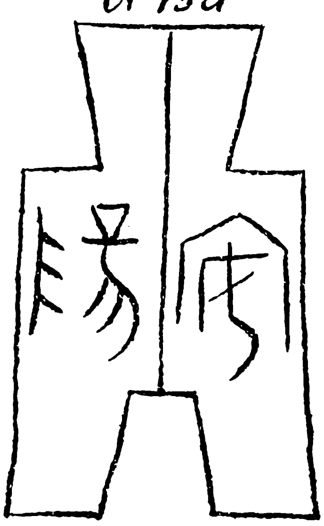
№ 12 б



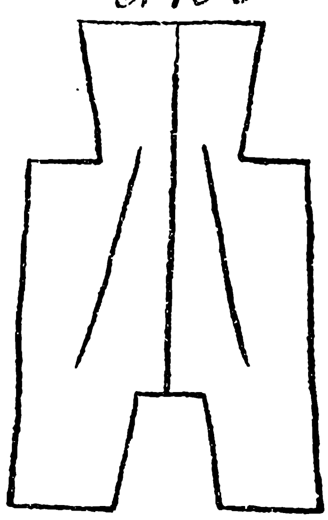
№ 15 б



№ 13 a

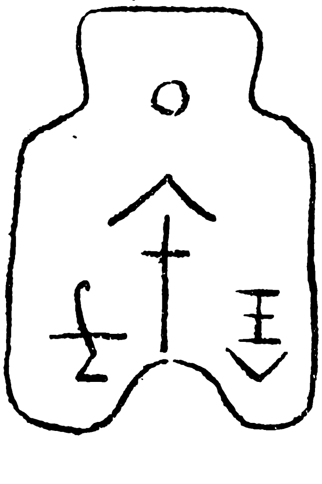


№ 13 б

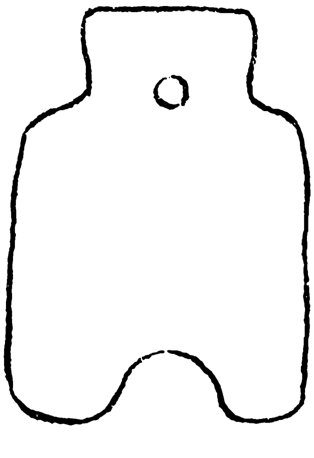


№ 16 a

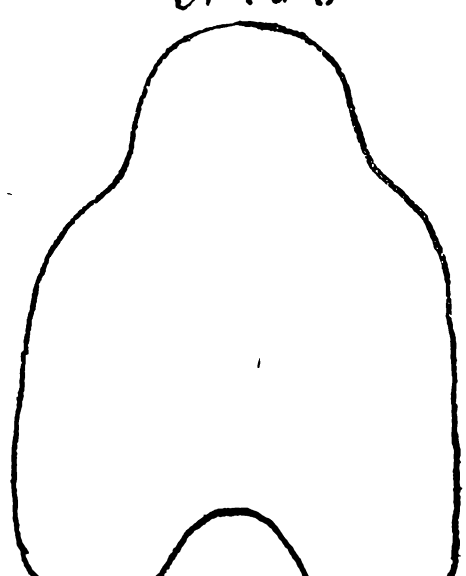
№ 14 a



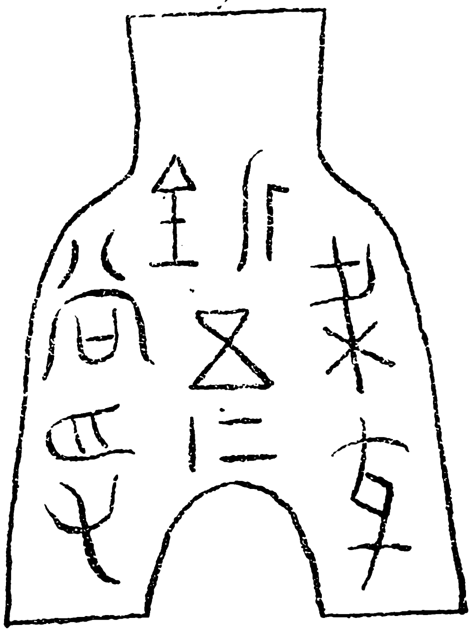
№ 14 б



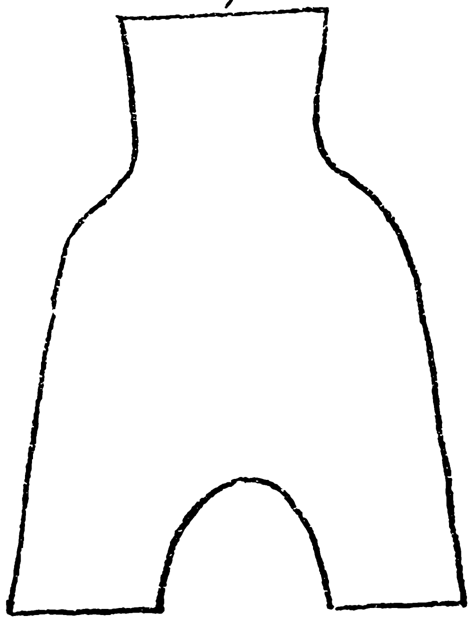
№ 16 б



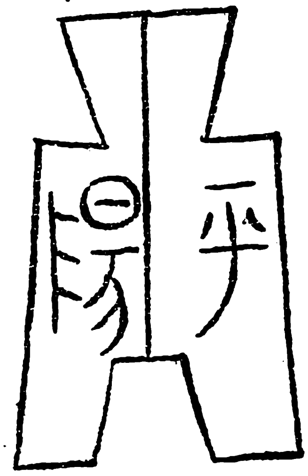
N 17 a



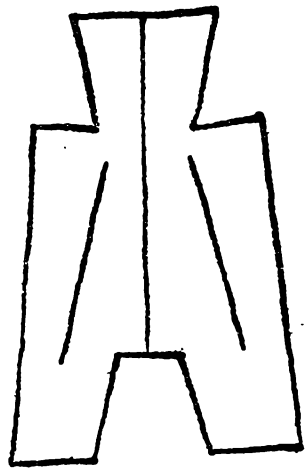
N 17 b



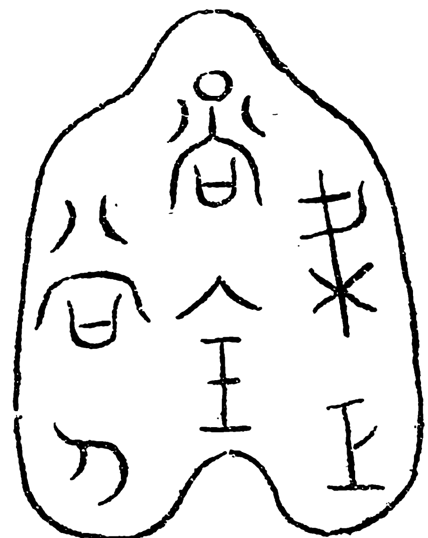
N 21 a



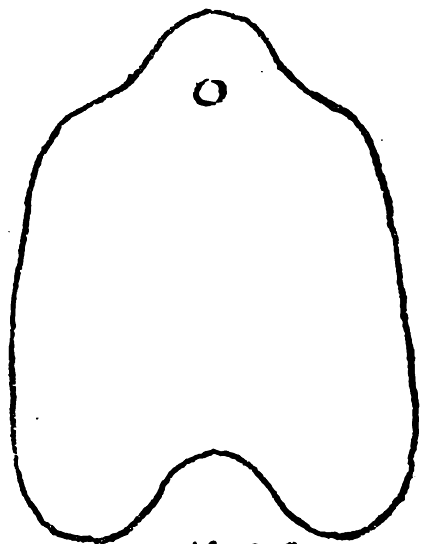
N 21 b



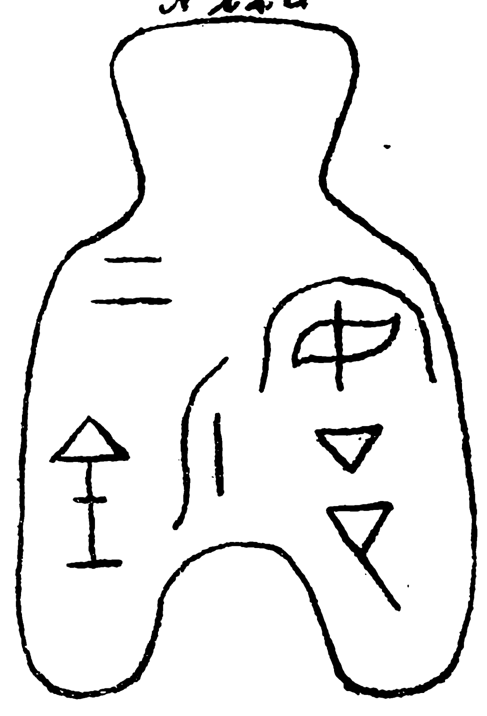
N 18 a



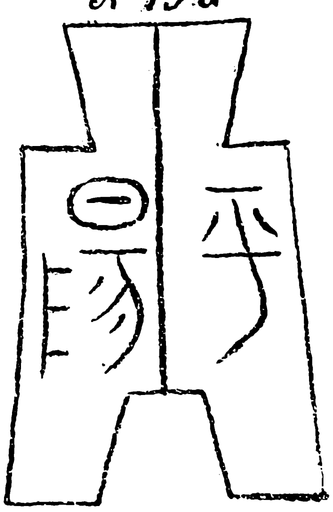
N 18 b



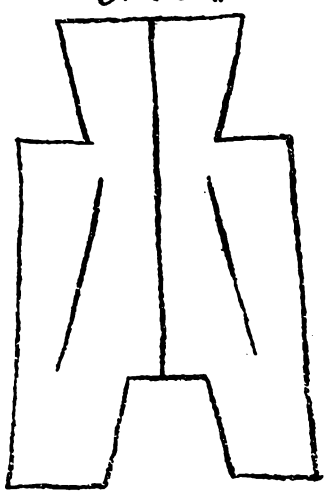
N 22 a



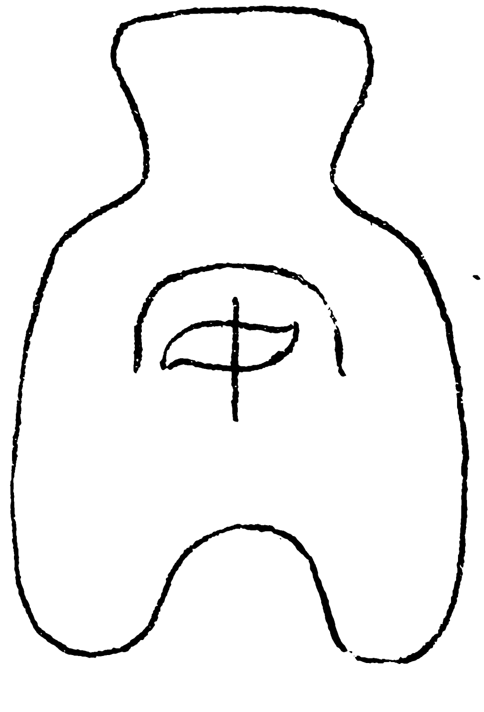
N 19 a



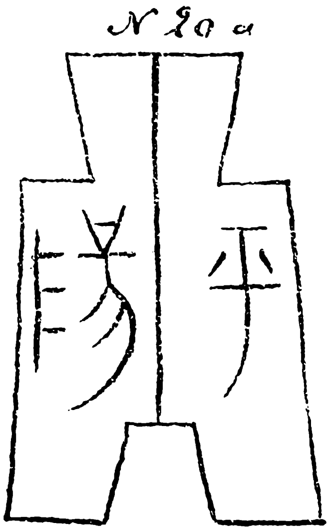
N 19 b



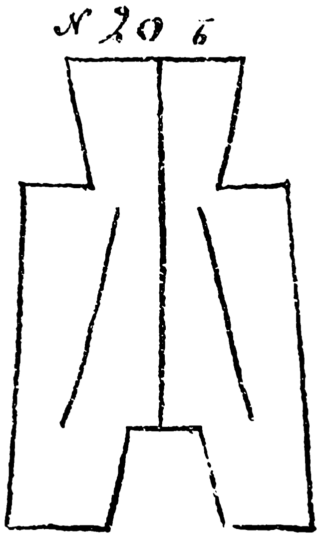
N 22 b



N 20 a

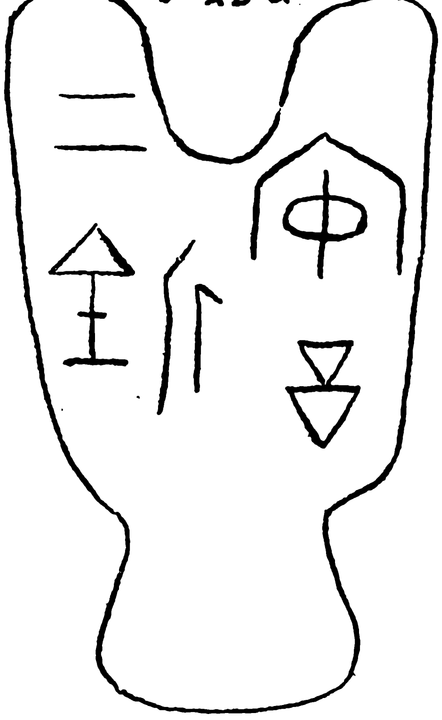


N 20 b

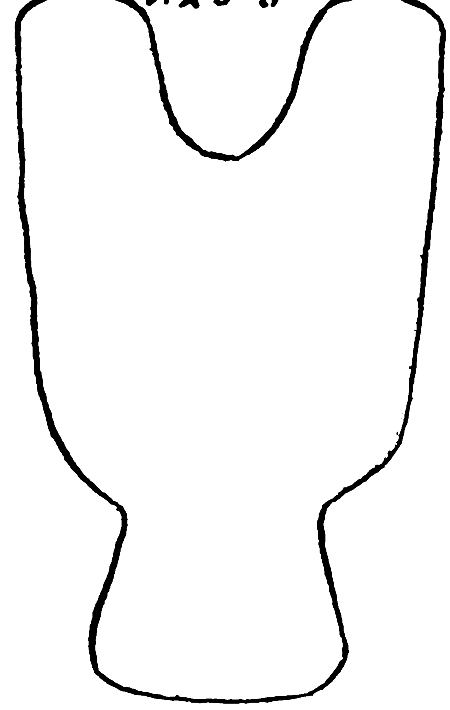


Таб. V

№ 23 а

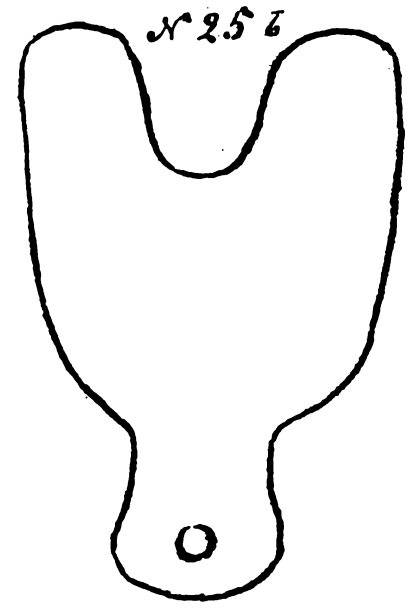


№ 23 б

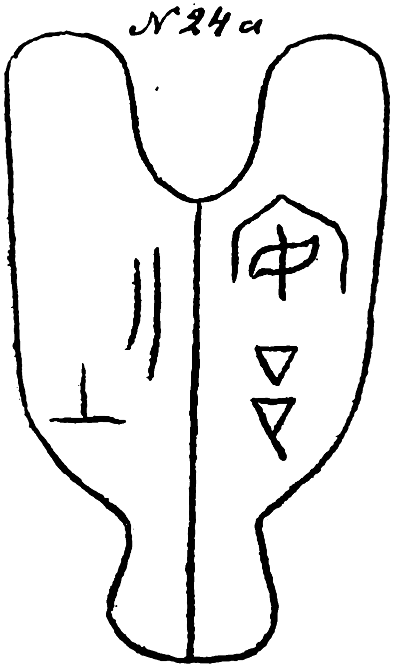


№ 25 а

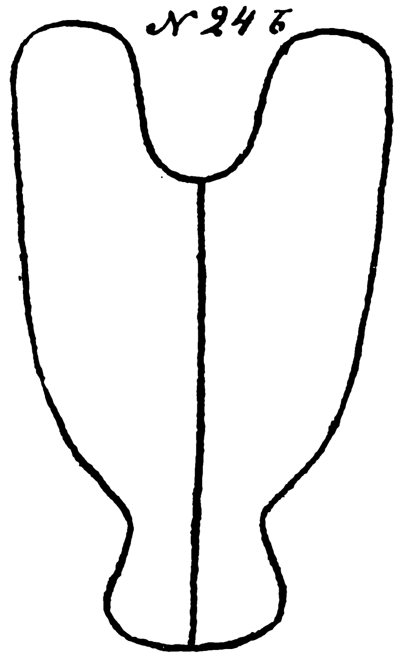
№ 25 б



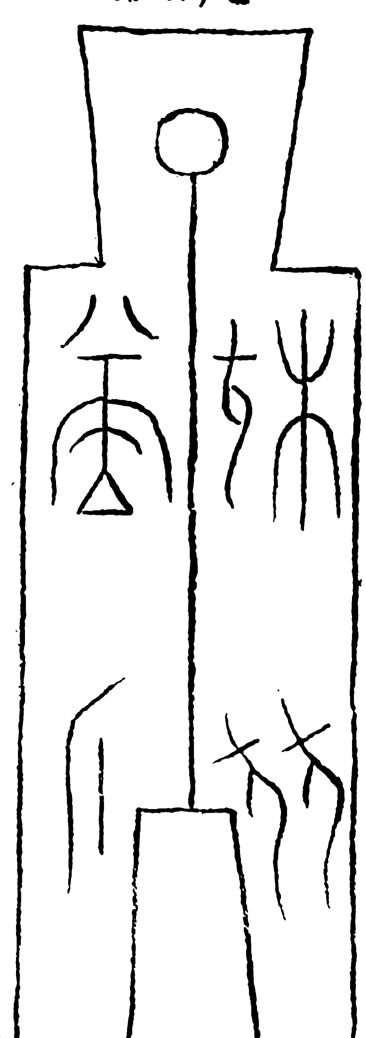
№ 24 а



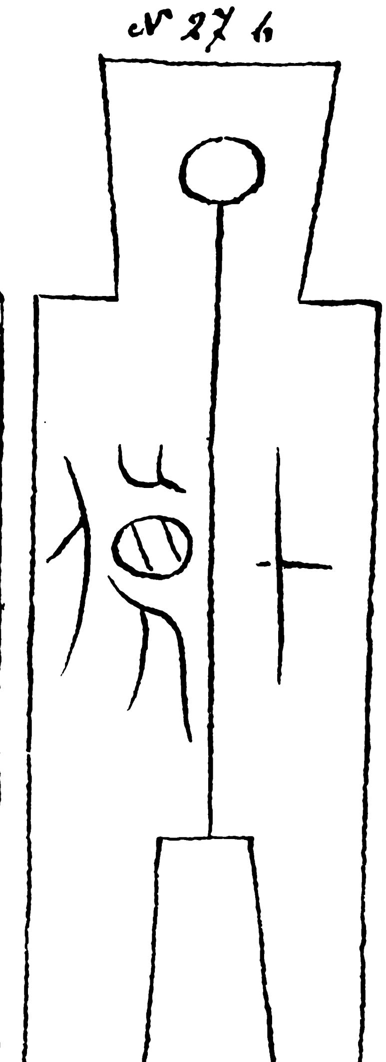
№ 24 б



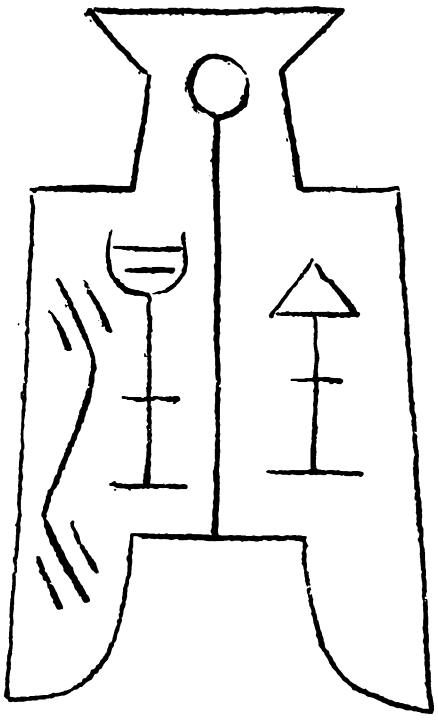
№ 27 а



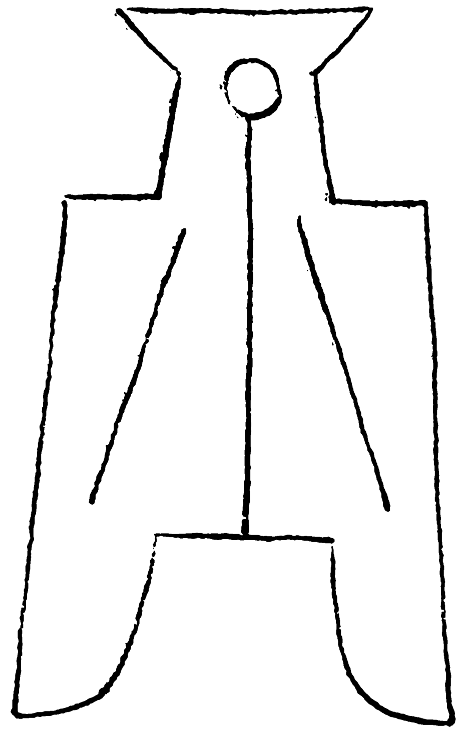
№ 27 б



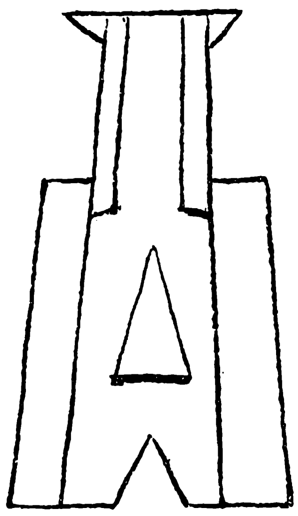
№ 26 а



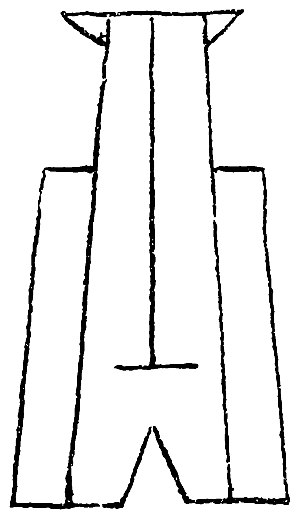
№ 26 б



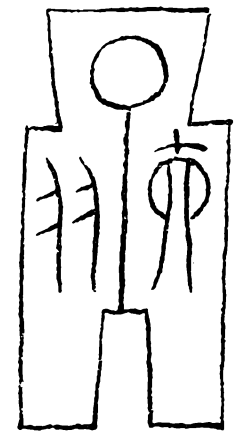
№ 28 а



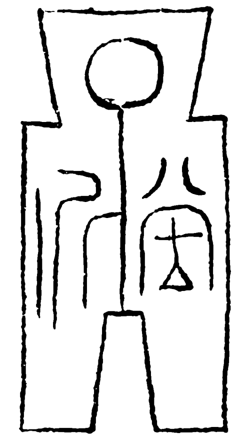
№ 28 б



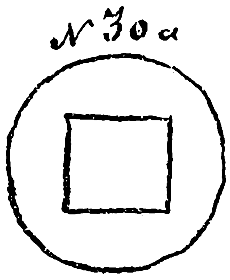
№ 29 а



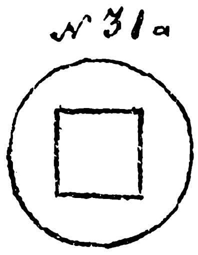
№ 29 б



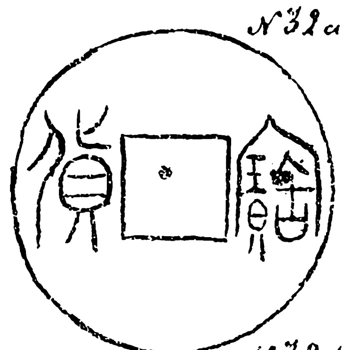
№ 30 а



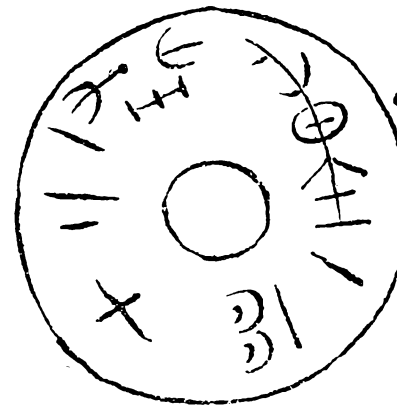
№ 31 а



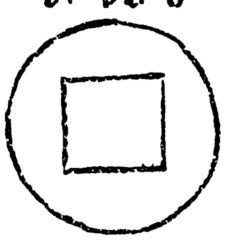
№ 32 а



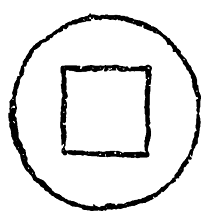
№ 33 а



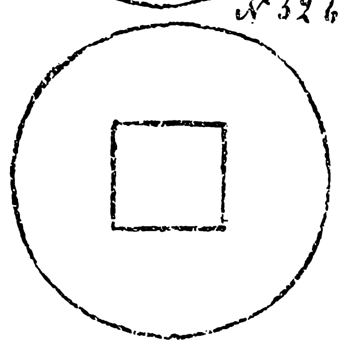
№ 30 б



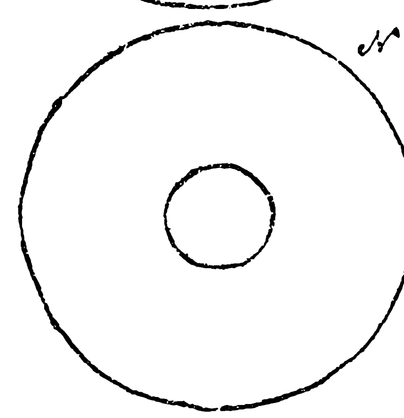
№ 31 б



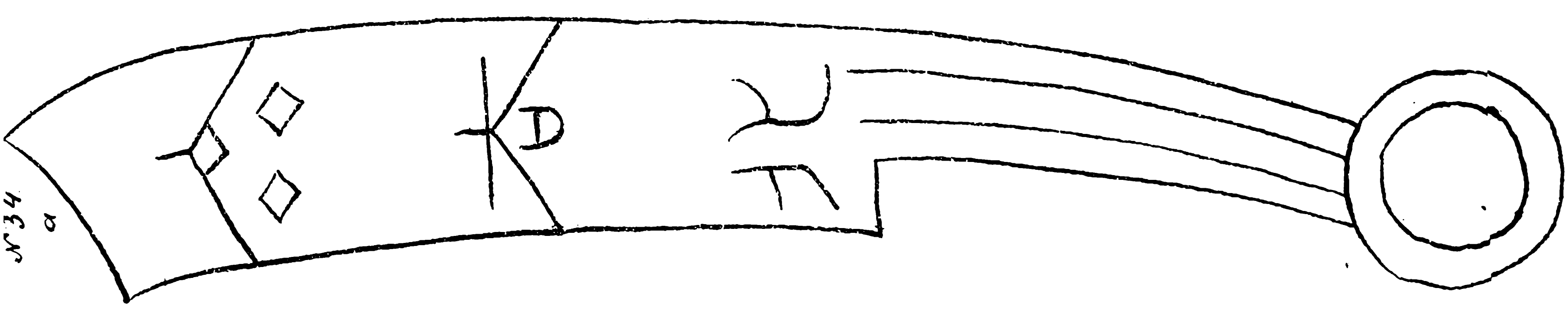
№ 32 б



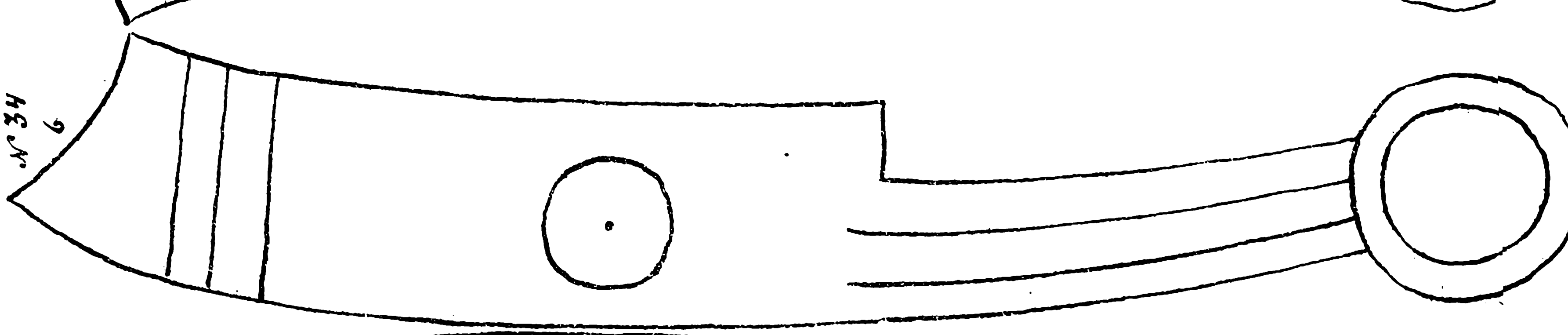
№ 33 б



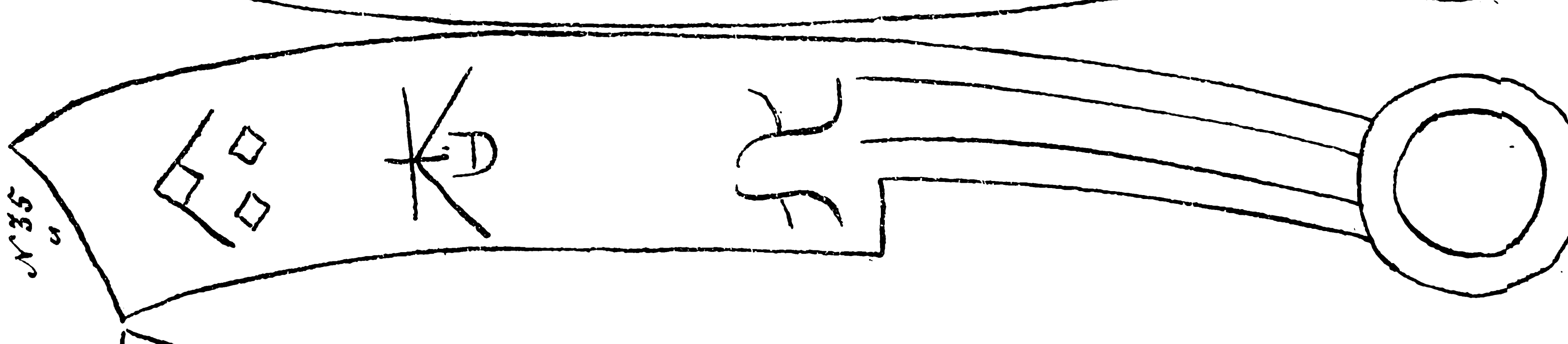
№ 34 а



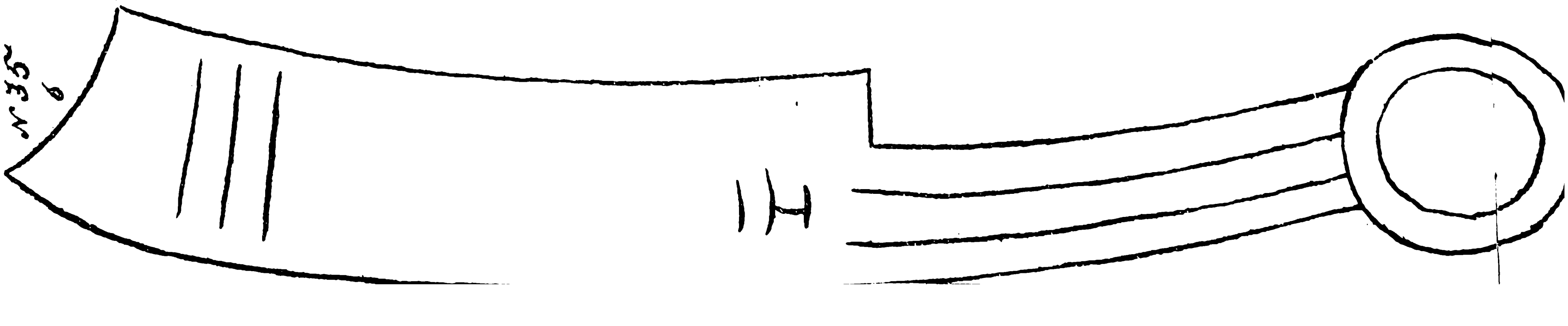
№ 34 б

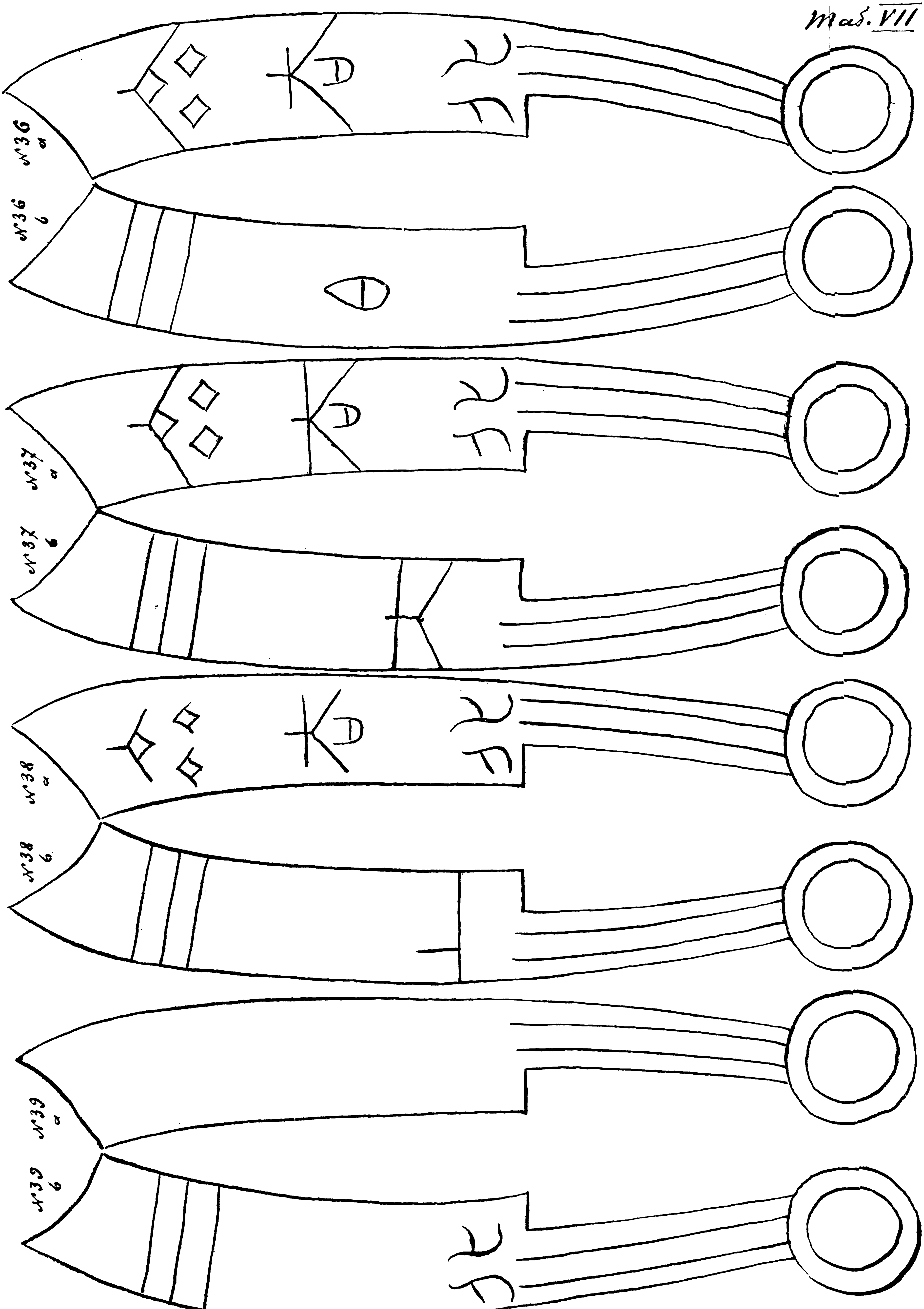


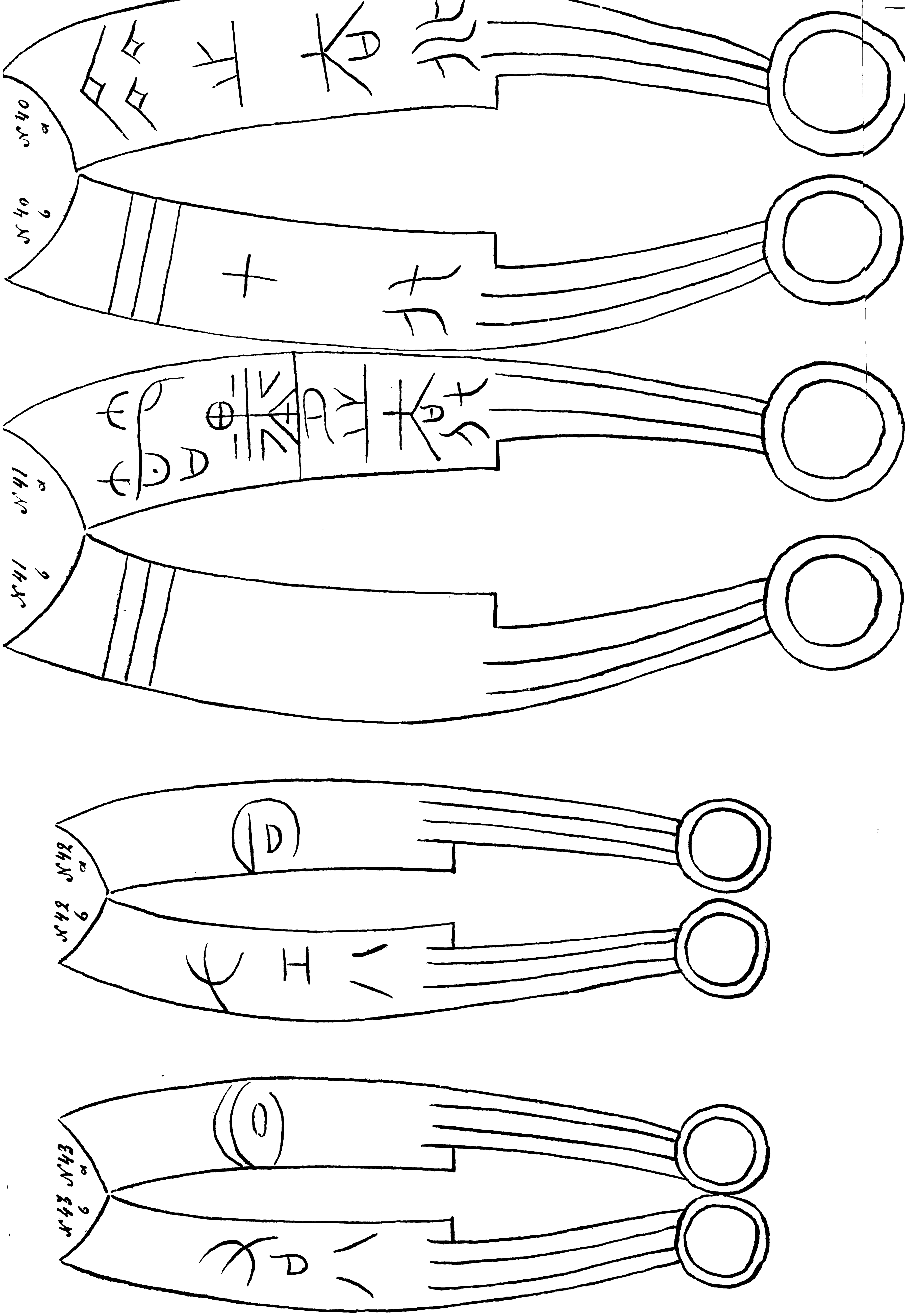
№ 35 а



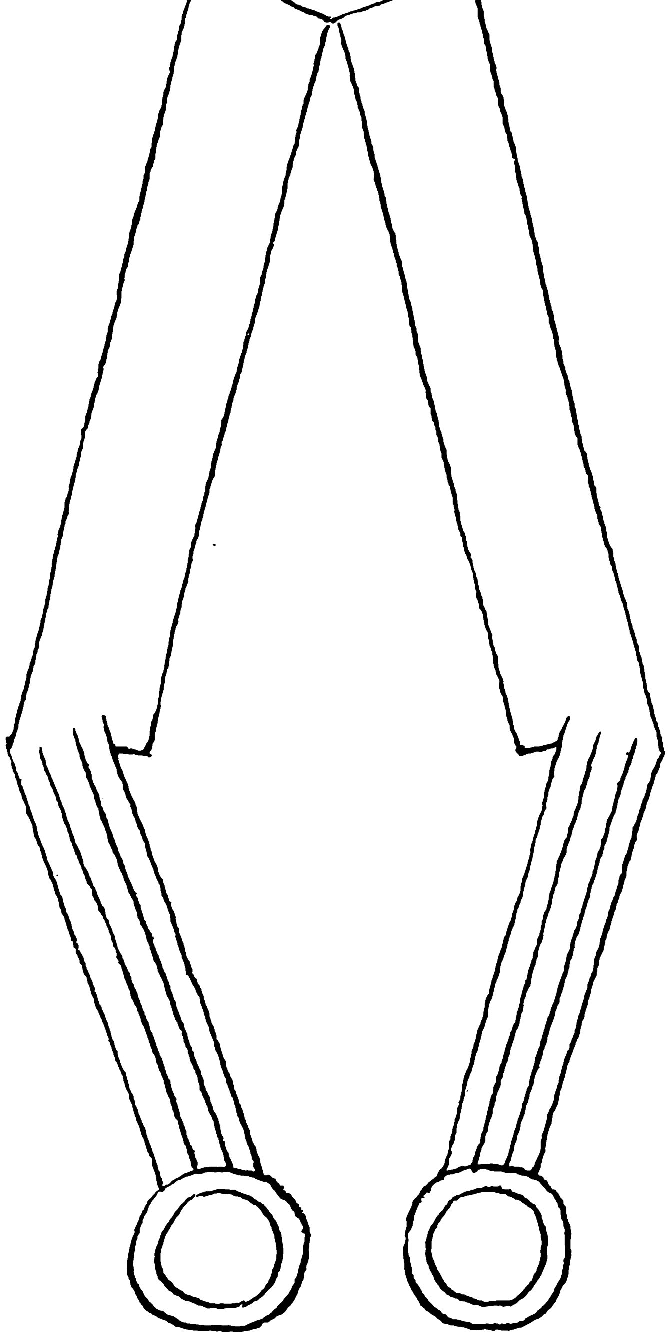
№ 35 б



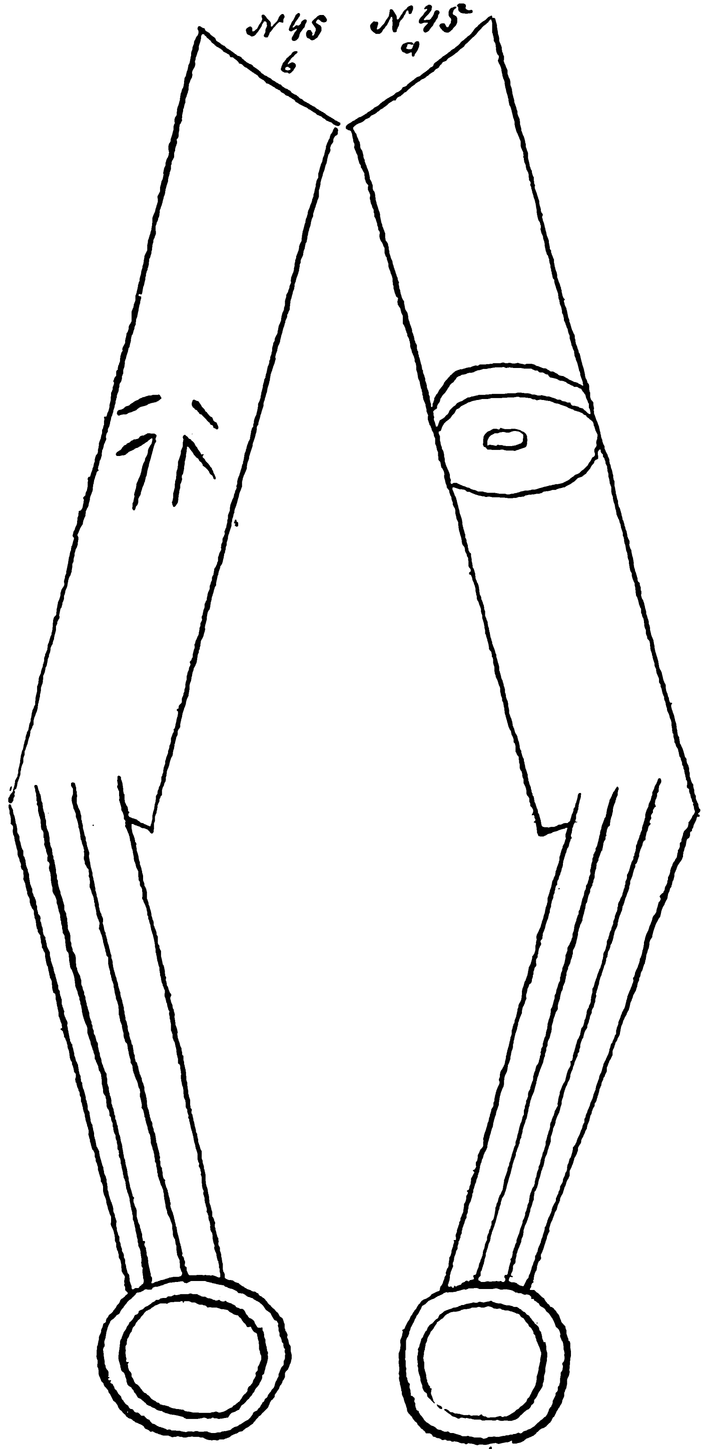

№ 36 а
№ 36 б
№ 37 а
№ 37 б
№ 38 а
№ 38 б
№ 39 а
№ 39 б


№40 a
№40 б
№41 a
№41 б
№42 a
№42 б
№43 a
№43 б

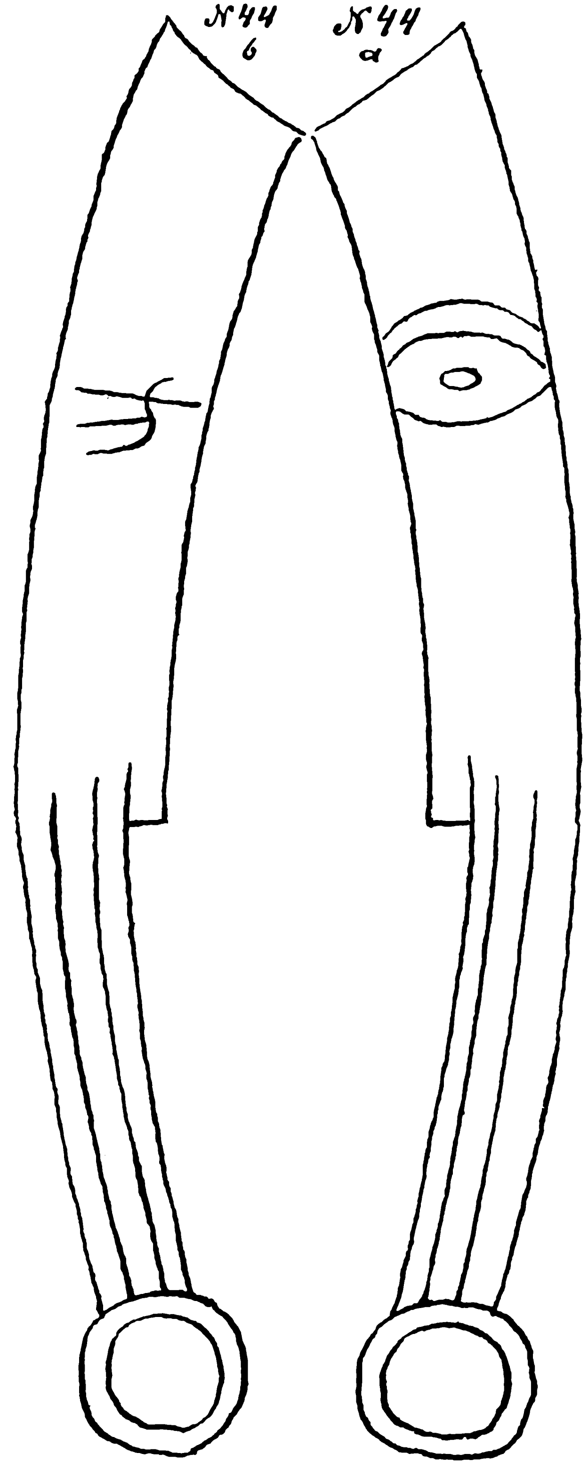
№46 b №46 a

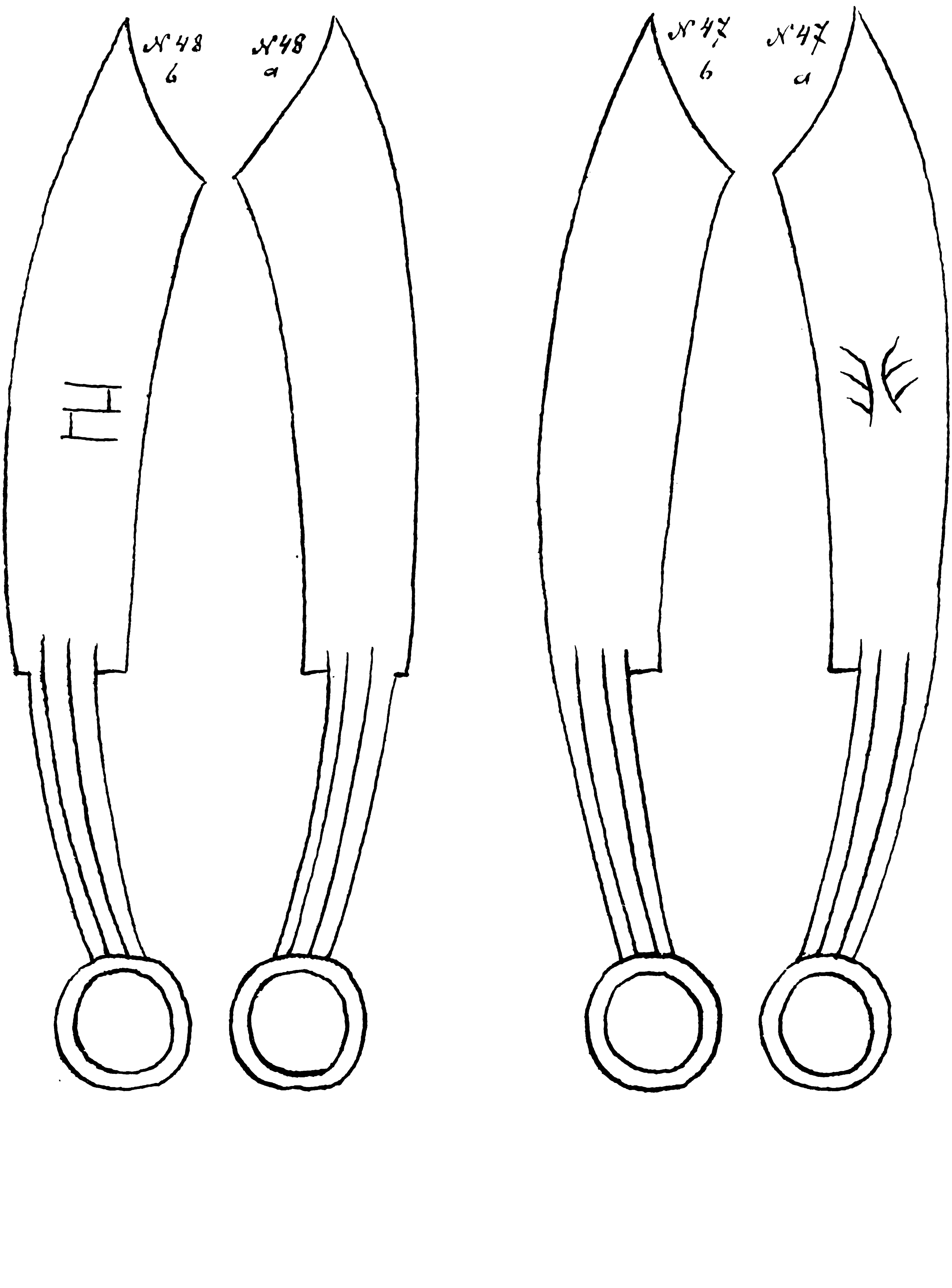


№45 b №45 a



№44 b №44 a




N 48 b
N 48 a
N 47 b
N 47 a

Археологическая экскурсія въ Крымъ лѣтомъ 1886 года.

Поѣздка моя нынѣшнимъ лѣтомъ въ Крымъ имѣла главною цѣлью ознакомленіе съ тамошними архивами, преимущественно съ тѣмъ ихъ матеріаломъ, который подлежитъ разсмотрѣнію и изслѣдованію оріенталистовъ, т. е. съ документами на турецко-татарскомъ языкѣ.

Но живя въ такомъ краю, гдѣ на каждомъ шагу встрѣчаешься съ архитектурными и другими вещественными памятниками старины, не возможно проходить мимо нихъ, не обращая на нихъ любопытнаго взора.

Бывши исконною или случайною колыбелью множества народностей, Крымъ изобилуетъ массою слѣдовъ пребыванія тамъ этихъ народностей, и притомъ въ такомъ смѣшанномъ разнообразіи, что нельзя ни одному наблюдателю всегда оставаться въ сферѣ исключительно своей спеціальности, и поневолѣ, интересуясь древними памятниками извѣстной категоріи, приходится стороною прихватить что-нибудь и изъ другой. Такъ было и со мною. Сосредоточивая свое вниманіе на остаткахъ старины татарской, я по пути заносилъ въ свою памятную книжку все, что мнѣ казалось заслуживающимъ вниманія по части древностей, оставшихся отъ былой жизни и другихъ обитателей Крыма.

Первою моею мыслью было воспользоваться услугами фотографіи, чтобы имѣть возможность нагляднѣе представить теперешній видъ нѣкоторыхъ древнихъ памятниковъ. Это я считалъ необходимымъ потому еще, что эти памятники быстро разрушаются и исчезаютъ почти уже на нашихъ глазахъ, какъ на это я буду имѣть случай еще указывать далѣе.

Съ этою цѣлью я хотѣлъ-было самъ запастись фотографическимъ аппаратомъ, но я поздно принялся за осуществленіе своего намѣренія: время

не позволило мнѣ освоиться съ фотографическими пріемами и манипуляціями, чтобы можно было разсчитывать на какой-бы то ни было результатъ. Фотографія вещь капризная: бывали случаи, что изъ сотни снимковъ, сдѣланныхъ новымъ, такъ назыв. сухимъ, способомъ ни одинъ потомъ не оказался годенъ, когда они были подвержены процессу химическаго проявленія.

Что же касается мѣстныхъ крымскихъ фотографовъ, то они исключительно занимаются лишь съемкою красивыхъ мѣстностей крымскихъ прибрежій для удовольствія туристовъ и нисколько не расположены тратить свой трудъ и время на воспроизведеніе памятниковъ старины, совершенно справедливо ссылаясь на недостатокъ сбыта подобныхъ фотографическихъ снимковъ.

Мнѣ, могу сказать, посчастливилось въ этомъ отношеніи: единственный въ Θеодосіи фотографъ Х. С. Бабаевъ оказался вмѣстѣ и любителемъ старины, и въ то время какъ другіе фотографы, напр. ялтинскій, не соглашались ни за какія деньги сдѣлать экскурсію для фотографированія нѣкоторыхъ памятниковъ внутри Крыма, по каменистымъ и трясимъ дорогамъ, г. Бабаевъ принялъ мое приглашеніе, удовольствовавшись тѣмъ, чтобы я взялъ на себя путевые издержки и расходы на фотографическій матеріалъ.

Фотографія не рисованіе, и полная удовлетворительность ея снимковъ зависитъ отъ многихъ условій, требующихъ и времени, и хорошей погоды: выгодное освѣщеніе и свѣтлое небо обязательно необходимы для каждаго ея процесса. Поэтому не всѣ наши работы вышли безукоризненны; но по крайней мѣрѣ намъ удалось сохранить хоть кое-какіе слѣды отъ нѣкоторыхъ памятниковъ древности, отъ которыхъ, можетъ быть, скоро никакихъ признаковъ не останется. Такимъ образомъ я могъ составить небольшой альбомъ снимковъ съ древнихъ крымскихъ памятниковъ, который и переданъ мною въ распоряженіе Императорской Археологической Коммиссіи.

Экскурсію свою я началъ съ Судакской крѣпости. Судакъ, Солдайя, нашъ Сурожъ, есть одинъ изъ древнѣйшихъ пунктовъ въ Крыму, памятный своимъ прошлымъ исторіи. Нѣкогда это былъ многолюдный городъ. Крѣпостныя сооруженія его въ настоящемъ ихъ видѣ есть дѣло рукъ венеціанскихъ и генуэзскихъ колонистовъ. Переходя изъ рукъ въ руки, Судакъ одинъ изъ первыхъ подпалъ подъ власть татаръ, нахлынувшихъ въ XIII вѣкѣ. Но особенно татаре обрушились на этотъ видный центръ христіанско-торговаго населенія въ началѣ XIV в. при ханѣ Узбекѣ, ревнителѣ мусульманства и грозномъ носителѣ ханской власти, дававшемъ чувствовать всю тягость своего господства.

Населеніе г. Судака составляли армяне, греки и отчасти татаре, кромѣ державшихъ въ своихъ рукахъ власть генуэзцевъ.

Укрѣпленія судакскія воздвигались по частямъ, какъ это показываютъ надписи на нѣкоторыхъ башняхъ. Въ этихъ надписяхъ говорится, при какомъ консулѣ та или другая изъ нихъ построена.

Исторія этого замѣчательнаго памятника древности настолько уже разработана трудами покойнаго Бруна, нынѣшняго вице-президента Одесскаго Общества Исторіи и Древностей В. Н. Юргевича, занимавшагося списываніемъ и разборомъ надписей, что мнѣ приходилось бы лишь повторять добытые ими результаты.

Изъ сооруженій, постепенно приходящихъ всетаки въ упадокъ, въ настоящее время замѣчательны первыя крѣпостныя *ворота*, ведущія въ крѣпость съ Сѣвера, со стороны нѣмецкой колоніи, расположенной у подошвы горы, на которой возвышается крѣпость. Они сохранили въ наибольшей полнотѣ характеръ генуэзскихъ построекъ въ Крыму, какъ въ отношеніи фортификаціонномъ, такъ и просто въ архитектурно-орнаментномъ.

Далѣе замѣчательна такъ называемая *Желѣзная башня*, приходящаяся насупротивъ воротъ и влѣво на средней высотѣ горы, занимаемой крѣпостью. Названіе свое она получила отъ желѣзныхъ скрѣпленій, которыхъ не имѣютъ прочія башни. Находящееся на западной сторонѣ башни отверстіе, имѣющее форму бутылки съ длиннымъ горломъ, есть не что иное какъ дверь, у порога которой должна была находиться подъемная сходня, соединявшая эту дверь со стѣною. То, что похоже на горлышко, есть небольшое продолговатое углубленіе, вѣроятно, для помѣщенія цѣпи, которою поднималась и опускалась сходня. Эта башня вмѣстѣ съ находящимися возлѣ нея другими, меньшаго размѣра, образуетъ родъ небольшого отдѣльнаго замка. Внизу внутри Желѣзной башни въ нишѣ восточной стѣны донынѣ замѣтны слѣды фресковъ, показывающихъ, что это была домашняя капелла, можетъ быть самого консула, или коменданта крѣпости.

Направо, на самой вершинѣ скалы есть еще башня, которую называютъ *Кызъ-куллэси* = «Дѣвичья башня». Это названіе тѣмъ только и замѣчательно, что оно характеризуетъ вкусъ мѣстныхъ жителей Крыма, гдѣ что ни скала, что ни замокъ, то непремѣнно связаны съ какимъ-нибудь романтическимъ приключеніемъ, и притомъ всегда ужаснаго свойства: или кто-нибудь самъ бросился оттуда и убился, или его другіе сбросили, чтобъ онъ убился; или тамъ рубили людямъ головы, или томили людей въ заключеніи. То же самое и тутъ: самая высокая башня предназначена преданіемъ и фантазіею для содержанія тамъ *дѣвицъ*, обреченныхъ на продажу въ неволю, во времена процвѣтанія въ Крыму торговли невольниками.

Направо отъ воротъ, по направленію къ морю, идутъ остатки разрушенной стѣны и три башни, изъ коихъ крайняя, похожая профилемъ на

египетскую статую, скоро, надо полагать, совсѣмъ обрушится и прекратитъ свое существованіе.

Правѣе виднѣется еще башня и возлѣ нея развалины древней церкви. Оба сооруженія занимаютъ особый холмикъ, отдѣленный отъ большой крѣпости довольно глубокимъ оврагомъ. Но замѣтно, что эта отдѣльная крѣпостца соединялась стѣною, которая, пресѣкая оврагъ, примыкала къ главной крѣпости.

Трудно опредѣлить назначеніе этой крѣпостцы и при ней церкви. Можно развѣ вотъ что предположить — не было ли это кладбище, ибо на обрывѣ холма, обращенномъ къ морю, въ осыпавшейся землѣ доселѣ виднѣется масса человѣческихъ костей и череповъ, которые не могли явиться тамъ результатомъ случайнаго побоища, такъ какъ слишкомъ мало пространства для вмѣщенія такого большого количества народа, которое столько бы оставило здѣсь костей своихъ.

Но нельзя пройдти молчаніемъ и того факта, что въ нѣдрахъ почвы обрыва виднѣются также обломки, и очень большихъ размѣровъ, огромныхъ глиняныхъ амфоръ; а въ двухъ мѣстахъ видны цѣльныя половины такихъ амфоръ и на довольно значительной глубинѣ. На одномъ небольшомъ обломкѣ изображены рельефно двѣ греческія буквы ΧΠ.

Остатки фресковъ въ церкви кажутся позднѣйшими и притомъ какъ будто греческой живописи. Но архитектурный стиль самаго зданія и вырѣзныя орнаментныя фигуры на стѣнахъ армянскіе. Странно, что нигдѣ въ цѣломъ Крыму не находится кладбищъ или могилъ, которыя бы несомнѣнно принадлежали генуэзцамъ. Тоже и въ Судакѣ. Позади крѣпостной стѣны на обрывѣ, обращенномъ къ морю, есть штукъ семь квадратныхъ, ровныхъ съ землею и довольно толстыхъ стѣнныхъ каменныхъ кладокъ, размѣромъ сажени въ двѣ квадратныхъ. Мѣстные чичероне называютъ это «гробницами консуловъ». Раскопки въ нихъ были начинаемы г. Романовскимъ, но не доводились до конца. Но явно, что тутъ ничего нѣтъ и похожаго на могильныя сооруженія: это были, вѣроятно, фундаменты какихъ-нибудь временныхъ, можетъ быть даже деревянныхъ, построекъ, которыя легко могли быть сносимы въ случаѣ надобности, и дѣйствительно исчезли, оставивъ на память одни каменные фундаменты.

Налѣво отъ воротъ осталось больше слѣдовъ бывшихъ стѣнъ, и между прочимъ двѣ башни. На одной изъ нихъ есть каменная плита съ надписью. Эта плита только одною лѣвою половиною своею держится на башнѣ, другая же виситъ на воздухѣ, и ей грозитъ скорое неминуемое паденіе и вмѣстѣ, вѣроятно, сокрушеніе, ибо камень довольно мягкій и хрупкій, если только

какая-нибудь спасительная рука не предупредитъ этого паденія, заблаговременно снявъ доску съ разрушающейся стѣны.

Но главную достопримѣчательность Судака составляетъ то зданіе, нынѣ обращенное въ армянско-католическую церковь, которая находится на самомъ почти восточномъ обрывѣ крѣпостной скалы. Латинская надпись надъ алтаремъ гласитъ: «In Christi nomine amen. 1423 die 4 Januarii (hoc) opus fecit fieri Domine R. Catalanus. Christus custodiat». Ее переводятъ такъ: «Во имя Христа, аминь. 1423 года 4 января эту постройку соорудилъ господинъ Р. Каталано. Да хранитъ Христосъ» (Зап. Од. Общ., IX: 389). Въ 1475 году это зданіе было обращено турками въ мечеть, а потомъ снова сдѣлано христіанскою церковью въ 1783 году русскими.

Но ученый путешественникъ (1832—1834) Дюбуа де-Монперё высказываетъ мнѣніе, что это зданіе первоначально было построено для мусульманской мечети, которая была воздвигнута татарами въ началѣ XIV вѣка. Это мнѣніе поддерживается и почтеннѣйшимъ настоятелемъ церкви, отцомъ Херувимомъ Кушнеревымъ. Но мнѣ что-то не кажутся убѣдительными доводы г. Дюбуа де-Монперё, основанные на архитектурномъ стилѣ этого зданія. Г. Дюбуа сближаетъ его форму съ формою мечети въ деревнѣ Кара-гёзъ, типъ которой онъ называетъ типомъ первобытныхъ крымскихъ мечетей. Я видѣлъ мечеть кара-гёзскую, и мнѣ не бросилось въ глаза сходство обоихъ зданій: форма купола судакской церкви скорѣе напоминаетъ нѣсколько низковатый куполъ Св. Софіи въ Константинополѣ, тогда какъ куполы турецко-мусульманскихъ мечетей какъ-то круче и выше, хотя несомнѣнно въ нихъ видно подражаніе архитектурному стилю византійскому. Окна, расположенныя одни надъ другими въ западной стѣнѣ церкви, очень бы много говорили за татарскую архитектуру церкви, если бы не было очевидно, что они продѣланы послѣ, а не входили въ первоначальный планъ зданія: такъ они несимметричны и грубо обдѣланы косяками. Стиль же чисто татарскихъ мечетей совсѣмъ иной, какъ это мы увидимъ послѣ, когда будетъ рѣчь о старо-крымскихъ древностяхъ.

Поэтому, несмотря на то, что и доселѣ близъ мечети покоятся многіе мусульмане, и одна могила посѣщается мѣстными богомольцами, какъ принадлежащая мусульманскому святому, я склоненъ къ убѣжденію, что первоначальное сооруженіе этой молельни было дѣломъ рукъ грековъ, или, можетъ быть, еще турковъ-сельджуковъ, но никакъ только не татаръ. Во всякомъ случаѣ уже оно прошло чрезъ разныя мытарства, пока не сдѣлалось нынѣ католическо-армянскою капеллою.

Но если въ Судакѣ оказывается всего-на-все одинъ археологическій

памятникъ, принадлежность котораго татарамъ нѣкоторыми оспаривается, то Старый-Крымъ представляетъ сплошную массу древностей несомнѣнно татарскихъ. Такъ нынѣ называется небольшой заштатный городишко въ 25 верстахъ къ С.-З. отъ Ѳеодосіи внутри полуострова. Онъ лежитъ въ покатой лощинѣ между двухъ горныхъ кряжей. Съ одной стороны возвышается гора Агармышъ, склонъ которой загибается къ В. и обхватываетъ городъ уже въ видѣ небольшой возвышенности, примыкающей къ довольно высокому холму, именуемому *Кемаль-ата*, или *Кемаль-баба*, образуя естественную ограду города съ сѣверной стороны. Низменный промежутокъ среди отлогости Агармыша и холма Кемаль-ата служитъ какъ-бы воротами въ древній татарскій городъ.

По ту сторону окаймляющей съ С. городъ горной возвышенности существовали искусственныя укрѣпленія въ видѣ рва и каменныхъ стѣнъ. Теперь замѣтны лишь признаки не выполнившагося землею рва; о стѣнахъ же свидѣтельствуютъ лишь остатки фундаментовъ, да частичка какого-то строенія, виднѣющаяся съ холма Кемаль-ата направо къ Агармышу. Здѣсь-же гдѣ-то долженъ былъ, по словамъ г. Караулова, находиться надгробный памятникъ изъ тесанныхъ камней, съ готическимъ сводомъ и татарскою надписью 868 = 1454 года, которая показывала, что въ мавзолеѣ этомъ былъ похороненъ нѣкій Хыяс-эд-Динъ-султанъ, сынъ Кылай-Темиръхана (Зап. Од. Общ., XIII: 46). Г. Карауловъ писалъ въ 1883 году объ этомъ памятникѣ. Теперь и слѣдовъ его не осталось, и даже на разспросы мои никто не могъ указать мѣста, гдѣ былъ этотъ памятникъ. Равнымъ образомъ не осталось ничего и отъ внѣшнихъ стѣнныхъ сооруженій: все это разрушено, выломано, вывезено въ городъ и употреблено частію для постройки новыхъ домовъ, частію сложено въ видѣ оградъ около домовъ. Такого безпощаднаго истребленія древностей, какъ въ Ст.-Крыму, нигдѣ еще, кажется, не было видано. Тамъ даже есть рабочіе, спеціально занимающіеся ломкою древнихъ строеній и фундаментовъ. Разрушителями являются не простые невѣжественные люди, а иногда даже люди образованные, и вовсе не вслѣдствіе какой-либо необходимости, напримѣръ, по требованію плана собственной постройки или почему-либо въ этомъ родѣ, а единственно потому только, что можно безотвѣтственно и безнаказанно творить это разрушеніе, жертвою котораго сдѣлались остатки древностей, находившіеся далеко за чертою пространства, занимаемаго нынѣшнимъ городомъ. Я самъ былъ свидѣтелемъ этого безпощаднаго и ничѣмъ не вынужденнаго разрушенія. На пространствѣ внутри естественной горной ограды, по дорогѣ мимо холма Кемаль-ата еще два года тому назадъ я самъ видѣлъ *остатки стѣнъ и зданій*, шедшихъ вдоль горнаго склона по направленію отъ Кемаль-ата къ

Агармышу. Нынѣ же лѣтомъ я засталъ лишь два небольшихъ кусочка зданій, и ни малѣйшихъ признаковъ стѣнъ: все разрушено и расхищено.

Самый холмъ Кемаль-ата — мѣсто исторически извѣстное. Теперь въ народной молвѣ онъ слыветъ за могилу знаменитаго Мамая; но это очень сомнительно. Болѣе правы тѣ, которые называютъ его первымъ именемъ. Кемаль-ата былъ, по историческимъ преданіямъ, знаменитый шейхъ дервишскаго монастыря, жившій еще во времена образованія Крымскаго ханства (Семь планетъ, 78). Нынѣ на холмѣ его имени видны лишь немногіе надгробные памятники съ именами шейховъ, остатки фундамента прежнихъ зданій дервишскаго текьѐ да, можетъ быть, погребальныхъ тюрбэ. Но старо-крымскіе обыватели самымъ варварскимъ образомъ поступили съ этимъ памятникомъ старины: они раскапывали усыпальницы до склеповъ, проламывали своды склеповъ и, не найдя тамъ ничего кромѣ костей и череповъ, снова заваливали ихъ каменными глыбами, такъ что теперь къ нимъ и подступиться трудно. Распаханная подъ табачную плантацію поверхность западнаго склона холма усѣяна черепками глиняной посуды прежнихъ формъ съ оригинальными на нихъ узорами.

У подошвы холма къ З. въ одномъ мѣстѣ, представляющемъ слѣды подвала какого-то зданія, татаре показываютъ, что тамъ была когда-то мечеть такъ называемая «Мускусная». Они утверждаютъ, что въ дождливую погоду въ этомъ мѣстѣ слышенъ запахъ мускуса. Мускусомъ не мускусомъ, но дѣйствительно послѣ дождя пахло чѣмъ-то пріятно вблизи этого мѣста, должно быть какими-нибудь растеніями.

Наименованіе этой, нынѣ безслѣдно исчезнувшей съ лица земли, мечети преданіе связываетъ съ происхожденіемъ древняго названія города «Солхатъ» (Семь планетъ, 78).

Отъ Кемаль-ата до нынѣшняго городского жилья остается еще большая площадь, совершенно пустая: только масса сравненныхъ съ землею фундаментовъ, да тамъ и сямъ виднѣющіяся шелковицы, достигающія иногда 5 аршинъ въ обхватѣ, свидѣтельствуютъ о томъ, что по этому пространству нѣкогда раскинутъ былъ громадный городъ, который и въ старыхъ татарскихъ пѣсняхъ и у прежнихъ армянскихъ писателей не иначе называется какъ «великолѣпнымъ», Հոյակապ — (Медичи, № 491, стр. 326), блиставшимъ золотыми верхушками множества мечетей и минаретовъ. Нынѣ же издали на горизонтѣ городской полосы виднѣется лишь минаретъ мечети Узбека, да особнякомъ на пустырѣ, какъ разъ въ одной линіи съ русскою церковью, развалины какой-то другой огромной мечети.

Совершенно одинаковы съ этими послѣдними развалины еще одной мечети, находящіяся въ чертѣ городского строенія. Зданіе это было чрезвычайно

массивное по толщинѣ стѣнъ, высотѣ сводовъ, величественности портала. Особенность его конструкціи составляютъ контрфосы у стѣнъ, чего не замѣтно въ другихъ сооруженіяхъ татарскаго стиля. Есть историческое извѣстіе, что египетскій мемлюкскій султанъ Бей-Барсъ въ 1288 году послалъ къ хану Беркэ 2000 динаровъ денегъ и мастеровъ для постройки мечети въ Крыму (Сборникъ бар. Тизенгаузена, стр. 435). Можетъ быть, эти развалины и суть остатки той мечети, ибо она стилемъ своимъ сильно отличается отъ той мечети, которая несомнѣнно уже татарскаго строенія и стиля, а именно мечеть, построенная при знаменитомъ ханѣ Узбекѣ въ 714 = 1314 году, какъ гласитъ находящаяся на порталѣ этой мечети надпись. Два года тому назадъ мечеть эта была почти въ полномъ разрушеніи; теперь же она поправлена; но все же и въ исправленномъ даже видѣ фасадъ ея носитъ явные признаки разрушенія, постигшаго эту древность; особенно это выдаетъ безверхій донынѣ минаретъ мечети. Изображеніе фасада мечети на рисункѣ, приложенномъ къ тому XIII Записокъ Одесскаго Общ. Ист. и Древностей, кстати замѣтить, представляетъ мало сходства съ дѣйствительнымъ видомъ этого фасада; или же, можетъ быть, этотъ рисунокъ былъ снятъ при другихъ обстоятельствахъ. По краямъ портала имѣется рѣзной карнизъ, въ орнаментахъ котораго вплетены слова арабской надписи, теперь уже настолько вывѣтрившіяся, что ихъ разобрать нельзя. Но верхней части этого орнамента теперь совсѣмъ не существуетъ: она затерялась послѣ разрушенія фасада и при починкѣ его. Размѣры фасада слѣдующіе:

от крайнихъ фасада угловъ до портала 6 арш. 10 вершковъ;

окна съ косяками имѣютъ 1 арш. 14 вершковъ квадратныхъ;

порталь шириною 5 арш. 12 вершковъ, причемъ входною нишею занято 2 арш. 12 вершковъ;

длина боковыхъ стѣнъ мечети 25 аршинъ 4 вершка.

Рисунокъ орнамента, украшающаго входъ, въ свое время былъ очень красивый, но, вырѣзанный изъ мягкаго желтоватаго известняка, онъ попортился частію отъ тлетворнаго дѣйствія стихій, частію отъ разрушительныхъ инстинктовъ человѣческихъ, слѣды которыхъ можно усмотрѣть въ именахъ тѣхъ, чья рука нацарапала ихъ на этомъ памятникѣ. Но все же порталь настолько сохранился, что по его орнаментамъ можно судить о великолѣпномъ художественномъ стилѣ его.

Надпись на порталѣ мечети была уже разъ издана въ арабскомъ текстѣ съ переводомъ г. Мурзакевичемъ въ «Запискахъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей». Мѣстный учитель татарскаго языка Анепи-челеби ее списалъ, а г. Негри перевелъ на русскій языкъ. Вотъ въ какомъ она тамъ видѣ представлена:

الحمد للّه على الهدايت و صلّى الله على محمد (و خلفاه) فادا حلفا معمار هذا المسجد
المعمر فى ايام دولت خان اعغظم محمّد ازبالى خلد الله ملكه العبد الضعيق المحتاج الى
رحمت الله عليه و عفى الغازى يوسف ابن ابراهيم ازبالى سنه اربع عشر سبعمات ,

т. е.: «Да будетъ благодареніе Всевышнему за руководство на путь истинный, и милость Божія на Мухаммедѣ и его преемникахъ. Строитель сей мечети въ благополучное владычествованіе великаго хана Мухаммеда (да будетъ владычество его вѣчно!) смиренный рабъ нуждающійся въ милосердіи Божіемъ, Абдулъ-Гази-Юсуфъ сынъ Ибрагима Езбали. 714 гиджры (отъ Р. Х. 1314 г.)» (Зап. Од. Общ., т. II, стр. 529).

Но ближайшее разсмотрѣніе этой надписи показало, что въ текстѣ и переводѣ, напечатанномъ г. Мурзакевичемъ, есть неточности. Надпись надлежитъ читать слѣдующимъ образомъ:

الحمد للّه على الايه و صلّى الله على محمد و خلفايه امر بعمارة هذا المسجد المبارك فى
ايام دولت الخان الاعظم محمد ازبك خان خلد اللّه ملكه العبد الضعيف المحتاج الراجى
رحمة ربه و غفرانه عبد العزيز بن ابراهيم الاربلى فى سنة اربع عشر و سبعمات الهلاليه [1])

Въ русскомъ переводѣ это будетъ значить:

«Слава Богу за Его благодѣянія, и да благословитъ Богъ Мухаммеда и преемниковъ его! Повелѣно было воздвигнуть эту благословенную мечеть въ дни царствованія великаго хана, Мухаммедъ-Узбекъ-хана — да продлитъ Богъ владычество его! — рабу ничтожному, нуждающемуся, уповающему на милосердіе Господа своего и на всепрощеніе Его, Абду-ль-Азизъ-бенъ-Ибрагиму Аль-арбели[2]), въ годъ 714 лунный» (въ 1314 г. по Р. Х.).

Внутренность мечети не представляетъ ничего особеннаго, но по конструкціи своей есть типъ крымско-татарскихъ мечетей съ плоскимъ деревяннымъ филенчатымъ потолкомъ, съ поперечными деревянными, торчащими въ трехъ стѣнахъ, по девяти въ каждой, балками для хоръ, или, какъ ихъ

---

1) Смотри приложенные половинные снимки надписи №№ I и II.

2) Это прозваніе строителя мечети возбуждаетъ нѣкоторое сомнѣніе своимъ арабскимъ начертаніемъ: если допустить, что точка, находящаяся надъ предлогомъ فى, помѣщеннымъ какъ-разъ надъ буквою ر, относится также и къ этой послѣдней, а небольшой изъянъ въ верхней оконечности буквы ل принять за недостающую вершинку буквы ك, то слово الاربلى можетъ быть прочитано такъ: الازبكى, что будетъ значить «Узбекскій», или «Узбековецъ». Такъ оно было прочитано и мѣстнымъ муллою Абду-ль-Керимомъ, который, какъ я замѣтилъ, имѣетъ навыкъ въ разбираніи подобныхъ надписей. Тѣмъ не менѣе однако жь за несомнѣнность этого послѣдняго чтенія нельзя безусловно ручаться.

называютъ татаре, маѳиль. Потолокъ поддерживается четырьмя арками, на трехъ колоннахъ, величиною по $3^3/_4$ арш. съ капителями (по $^1/_2$ арш. приходится на капители). Разстояніе по перпендикуляру отъ пола до вершины арки 7 арш. 6 вершк. Въ вершинахъ арокъ видны кольца, къ которымъ, должно быть, привѣшивались лампады.

Михрабъ, понашему горнее мѣсто, сохранился очень хорошо, только краски, которыми былъ онъ расцвѣченъ, стерлись уже и едва примѣтны. Вышина его 6 арш. 12 вершковъ, а ширина 6 арш. $10^1/_2$ вершк. Обрамляющій его орнаментъ шириною въ 8 вершковъ и содержитъ въ себѣ мусульманское исповѣданіе вѣры: لا اله الا الله, заплетенное въ украшенія. Колонны его, величиною въ 3 арш. 10 верш. безъ капителей, обнаруживаютъ сходство съ колоннами портала, только работа ихъ потоньше, а капители кудрявѣе и красивѣе.

Окна въ мечети, какъ въ сѣверной фасадной стѣнѣ, такъ и въ противоположной ей южной, помѣщены очень низко, всего на 1 арш. 2 в. отъ полу — характерная черта татарскихъ построекъ вообще и мечетей вчастности.

Характерна также форма капителей на колоннахъ, поддерживающихъ арки: этотъ рисунокъ встрѣчается всюду въ Крыму въ соотвѣтственныхъ частяхъ старинныхъ зданій, равно какъ и форма самыхъ арокъ.

Крыша мечети обыкновенная въ два ската, образующая треугольникъ съ линіею потолка зданія. Съ южной стороны къ мечети примыкало довольно обширное зданіе, которое одни считаютъ за дервишское текье (монастырь), другіе за *медресе*. Размѣры занимаемой имъ площади 28 арш. 12 в. по направленію съ С. къ Ю. и 42 арш. съ В. къ З. При всемъ его разрушеніи, все же видны остатки большого зданія со сводомъ, одною своею частію примыкавшаго къ южной стѣнѣ мечети, а другою самостоятельно заканчивавшагося съ сѣверной стороны. Съ В. былъ, какъ видно, главный входъ, а вокругъ стѣнъ внутри двора были расположены 24 кельи со сводами и куполами, которые еще можно теперь замѣтить отчасти на юго-восточной части развалинъ и у сѣверной стѣны прежняго зданія.

На В. неподалеку отъ мечети Узбека находится сильно выдающіеся надъ поверхностью земли остатки фундамента какого-то крупнаго строенія, которое татаре считаютъ за монетный дворъ. По этому случаю можно развѣ замѣтить то, что монетные дворы составляютъ одну изъ слабостей нынѣшнихъ жителей Крыма, которымъ снятся и грезятся повсюду клады и старинныя деньги. Гдѣ-гдѣ только не указываютъ этихъ монетныхъ дворовъ— и въ Бакчэ-Сараѣ, и въ Карасу-Базарѣ, и въ Старомъ-Крымѣ, и въ Эски-Сараѣ, близъ Симферополя. Но чеканка ханской монеты не составляла осо-

бенно выдающейся отрасли государственной дѣятельности ханскаго правительства; отдавая это производство на аренду караимамъ, ханы не нуждались въ постройкѣ такихъ капитальныхъ зданій для монетныхъ фабрикъ, какія мы видимъ, напр., у насъ теперь.

Кромѣ вышеописанныхъ памятниковъ татарскаго происхожденія, есть въ Старомъ-Крыму еще однѣ, тоже татарскія, развалины огромныхъ размѣровъ, которыя извѣстны у мѣстныхъ жителей подъ названіемъ «*Ханъ-Сарай*». Мѣстоположеніе его на южномъ склонѣ всей плоскости, занимаемой нынѣшнимъ городомъ, ближе къ холму Кемаль-ата. На краю западной стороны этого громаднаго зданія слѣва находится квадратная, точно будто башня, пристройка и брешь между нею и стѣною, какъ будто похожая на ворота, сквозь которыя виднѣется внутренняя сторона сѣверной части строенія. Но такъ какъ южной стѣны совсѣмъ не существуетъ, ибо она разрушена обывателями, то и нельзя теперь навѣрное сказать, гдѣ былъ входъ въ Ханъ-Сарай. Нѣкоторые старожилы говорятъ, что ворота находились на юго-западномъ углу зданія и были украшены рѣзными косяками; но теперь всего этого и слѣдовъ нѣтъ. Есть неподалеку около одного дома огромный, въ сажень или болѣе, камень, весь испещренный рѣзьбою и служащій нынѣ скамейкою для собесѣдничества сосѣдей съ хозяевами дома. Онъ-то, можно думать, и составлялъ нѣкогда принадлежность какой-нибудь строительной части Ханъ-Сарая, и всего скорѣе — воротъ.

Площадь этого зданія, имѣющая около ста саженей въ окружности, представляетъ неправильную форму параллелограмма, у котораго одинъ уголъ скошенъ въ видѣ сегмента.

Несуразность вида стѣнъ заставляетъ предполагать другое назначеніе зданія, которому онѣ принадлежали, а именно — не былъ ли это караванъ-сарай, или, какъ называютъ татаре подобныя зданія, *ханъ*, изъ чего впослѣдствіи народное преданіе сдѣлало «ханъ-сарай», т. е. ханскій дворецъ. Высота стѣнъ, углубленія въ стѣнахъ снаружи, предназначенныя для укрѣпленія балокъ, на которыхъ лѣпятся обыкновенно чардаки, т. е. легкіе деревянные чуланчики, замѣняющіе наши нумера гостинницъ, близость зданія къ той части города, гдѣ долженъ былъ находиться главный выѣздъ изъ него возлѣ Кемаль-ата, за которымъ лежитъ сейчасъ деревня Тамгаджи, такъ названная потому, что тутъ производился досмотръ и клейменіе всѣхъ ввозившихся въ городъ товаровъ — все это склоняетъ къ мысли, что это былъ не ханскій дворецъ, а караванъ-сарай. Одно развѣ, что можетъ служить въ пользу перваго мнѣнія, а именно то, что сейчасъ неподалеку отъ развалинъ, съ южной стороны протекаетъ рѣчка, которая во время весенняго разлива бываетъ довольно глубока и быстра, а пространство, остаю-

щееся между берегомъ русла ея и развалинами, заключаетъ въ себѣ нѣсколько довольно крупныхъ, старыхъ деревьевъ: можно полагать, что тутъ былъ садъ, расположенный на склонѣ по направленію отъ дворца къ рѣчкѣ— обыкновенная, любимая принадлежность татарскихъ дворцовъ въ другихъ мѣстахъ.

Къ замѣчательнымъ остаткамъ древностей принадлежатъ еще однѣ развалины, которые слывутъ въ народѣ за «*Еврейскую школу*». Доступъ внутрь ея находится съ сѣверо-восточнаго угла, образующаго брешь, но прежде тутъ былъ, вѣроятно, главный входъ въ зданіе, которое размѣромъ вдоль въ 22 шага, а поперекъ въ 18 шаговъ. Вокругъ и внутри развалины страшно поросли колючею травою, такъ что трудно пробираться къ нимъ и ходить внутри ихъ. Дѣйствительно, архитектурный стиль этого зданія не похожъ на татарскій, особливо форма главной ниши въ южной стѣнѣ; точно также довольно длинная и высоко расположенная въ западной стѣнѣ другая ниша не напоминаетъ собою никакой архитектурной подробности татарскихъ мечетей. Если къ этому присовокупить еще почитаніе, которымъ этотъ археологическій памятникъ пользуется у крымчаковъ и караимовъ, а также нахожденіе неподалеку цѣлаго кладбища, которое тоже зовутъ тамъ «еврейскимъ кладбищемъ», что надо разумѣть въ смыслѣ «караимскаго», то придется признать справедливою народную молву, считающую эти развалины за іудейскую синагогу.

Нынѣшній Старый-Крымъ въ буквальномъ смыслѣ стоитъ на древностяхъ, которыя частію видны на поверхности, частію покоятся еще въ нѣдрахъ земли. Замѣчаніе г. Караулова, что будто бы «древнія развалины Стараго-Крыма не многочисленны» (Зап. Од. Общ., XIII: 44—45) совершенно не основательно и не заслуживаетъ вѣры. Въ бытность мою въ Крыму нынѣшнимъ лѣтомъ, при проложеніи водопроводныхъ трубъ, тамъ наткнулись на какое-то большое подземное сооруженіе, которое по ближайшемъ разслѣдованіи оказалось подпольною печью огромныхъ прежнихъ татарскихъ бань. Такъ какъ это сооруженіе приходится какъ разъ посерединѣ улицы теперешняго города, то его опять закопали; а найденныя тамъ четыре мраморныхъ банныхъ вазы, или раковины, съ рѣзными украшеніями, валяются у одного армянина на дворѣ, купленныя имъ неизвѣстно у кого-то по 10, кажется, копеекъ, за штуку. Точно такимъ же образомъ валяется подъ лавкою въ кабакѣ еврея Сруля превосходная мраморная доска, очевидно бывшая надгробнымъ памятникомъ, какъ показываетъ имѣющаяся на ней арабская надпись, съ современною Узбековой мечети датою.

Вообще Ст.-Крымъ долженъ былъ бы быть цѣлымъ музеемъ древностей, если бы не хищничество нынѣшнихъ его обитателей. Объ этомъ

можно судить даже по тому разнообразію небольшой коллекціи *татарскихъ надгробныхъ памятниковъ*, которые подобраны и снесены къ Узбековой мечети усердіемъ благочестивыхъ мусульманъ, спасающихъ надгробія своихъ предковъ отъ безцеремоннаго обращенія съ ними ихъ христіанскихъ соотечественниковъ.

Изслѣдуя древности Стараго-Крыма нельзя миновать старинный армяно-грегоріанскій монастырь, находящійся въ верстахъ пяти отъ Ст.-Крыма къ ЮЗ. на горѣ, по которой надо подниматься около $^3/_4$ часа. Это— монастырь Св. Креста. Этотъ монастырь представляетъ видъ небольшой крѣпостцы, имѣющей входъ внутрь только съ одной южной стороны; калитка же, виднѣющаяся со стороны сѣверной, продѣлана въ позднѣйшее время. По изслѣдованіямъ Минаса Бжешкьяна, монастырь этотъ построенъ въ 1338 по Р. Хр. (Путешествіе по Крыму. Венеція. 1830 г., № 489, стр. 324). Но потомъ въ немъ дѣлались пристройки и перестройки, какъ это показываютъ нѣкоторыя настѣнныя надписи.

Видимый съ южной стороны, направо отъ входа, корпусъ образуетъ небольшой дворикъ, который отдѣляется отъ главнаго двора стѣною, чрезъ которую ведетъ дверь, а возлѣ каменная лѣстница наверхъ. Надъ этою дверью есть надпись армянская, въ которой сказано, что эта дверь, ведущая во второй дворъ, сооружена въ 1135 (+ 551) = 1686 году. У Минаса Бжешкьяна ошибочно сказано, что эта надпись находится надъ внѣшнею входною дверью (стр. 324, № 489): надъ этою дверью нѣтъ никакой надписи. Ниши, находящіяся во дворѣ направо отъ входа, суть мѣста крановъ нынѣ пересохшихъ или отведенныхъ въ другое мѣсто фонтановъ. Паперть у входа въ храмъ покрыта надгробными плитами надъ схороненными тутъ духовными особами, должно быть настоятелями этого монастыря, нынѣ не обитаемаго монашествующею братіею.

Черезъ дверь вы входите прежде всего въ притворъ, представляющій типъ армянскихъ церквей Крыма въ архитектурномъ отношеніи. Надъ входомъ въ самый храмъ видно барельефное изображеніе Богородицы, увѣнчанное таковымъ же орнаментомъ, тоже повсюду въ Крыму повторяющимся на архитектурныхъ памятникахъ, какъ, напр., на фасадѣ замка въ Манкупѣ, вокругъ оконъ и портала на гробницѣ Ненекэ-Джанъ-ханымъ въ Чуфутъ-Калэ, и др.

Двери, ведущія въ храмъ, состоятъ изъ двухъ половинокъ, покрытыхъ рельефною рѣзьбою довольно грубой работы: ихъ никакъ нельзя равнять, ни по характерности и чистотѣ работы, ни по древности, съ дверьми въ армянской же церкви Св. Георгія въ Ѳеодосіи, которыя, по преданію, вывезены армянскими переселенцами изъ города Ани въ Арменіи.

Въ притворѣ же въ правомъ углу находится каменная лѣстница, ведущая на колокольню, которая теперь имѣетъ видъ четвероугольной башни съ плоскою покатою черепичною крышею. Форма крыши показываетъ, что колокольня, должно быть, обрушилась и потомъ была ремонтирована безъ сохраненія ея прежняго архитектурнаго стиля. Куполъ надъ главнымъ храмомъ, приходящійся не надъ центромъ зданія, а надъ однимъ изъ клиросовъ, есть, повидимому, также позднѣйшее сооруженіе и вовсе несогласное съ первообразною формою храма, которая похожа, какъ всѣ почти старинныя армянскія церкви въ Крыму, на базилику. Замѣчательно, что арки не одинаковой высоты: вторая выше первой, и на ея-то парусахъ покоится церковный куполъ. Орнаменты капителей колоннъ, поддерживающихъ арки, совершенно такіе же, какъ на капителяхъ колоннъ мечети Узбека въ Старомъ-Крыму. Солея храма, по обыкновенію, возвышается на 4 ступени надъ остальною частью храма.

Изъ старинной утвари можно было видѣть лишь одно кадило серебряное, оригинальной и чистой работы. Оно имѣетъ форму седьми-верхаго храма, но *безъ крестиковъ* на ихъ куполахъ, вѣроятно потому, что мастеръ, работавшій эту принадлежность христіанской церковной утвари, былъ мусульманинъ, ибо его звали «Сулейманъ», какъ это изображено мусульманскими буквами на самомъ кадилѣ — سليمان. Кромѣ того, на кадилѣ имѣется еще вокругъ нижней чашки его надпись, въ которой есть дата 1140 = 1691 г.

Замѣчательна также картина «Тайной вечери» по своей художественной композиціи, ибо въ числѣ столовой утвари видны вилки и ножи, а также и по самымъ предметамъ потребленія, каковы длинненькіе и продолговатые предметы въ родѣ овощей. На картинѣ есть надпись, гласящая о томъ, что «картина эта (пожертвована, должно быть) въ память покойнаго Анана Матеса». Есть и дата 1833 года; но картина навидъ гораздо старѣе, хотя и не древность.

Есть въ этомъ храмѣ, по словамъ сторожа, древнія одежды и книги, но всѣ эти вещи были заперты, а ключъ находился у старо-крымскаго армянскаго священника.

Тотъ же сторожъ сообщилъ, что въ притворѣ въ одномъ мѣстѣ подъ поломъ похоронено нѣсколько очень ужь устарѣвшихъ иконъ, по распоряженію армянскаго епископа Матвѣя, который когда-то разъ посѣтилъ эту древнюю обитель, нынѣ совсѣмъ опустѣвшую.

Эта армянская древность, монастырь Св. Креста, представляетъ интересъ вособенности для исторіи города Крыма, который встарину назывался «Солхатъ» и «Сорхатъ» — именемъ, этимологическое значеніе котораго представляетъ немалое затрудненіе къ его объясненію. Обыкновенно

ищутъ тюркскихъ корней въ этомъ имени, въ чемъ повинны и сами туземные историки, какъ авторъ «Семи планетъ», передающіе легенду à propos своего объясненія прежняго наименованія Стараго-Крыма. Мнѣ кажется, что этимологію имени «Солхатъ» надо искать въ армянскомъ языкѣ. Вотъ что говорится въ одной припискѣ къ древнему армянскому евангелію, хранящемуся въ Нахичевани и написанному 540 лѣтъ тому назадъ, т. е. въ 1347 году. «Эта святая книга написана въ странѣ *Хонацъ* (Հոնաց; по объясненію арменистовъ это выраженіе надо понимать такъ: «въ странѣ грековъ»), которая нынѣ называется «Крымъ», въ большомъ, великолѣпномъ городѣ *Сурхатъ* (սուրխաթ), что *при подошвѣ горы Св. Креста* (поармянски: *Сурпъ-Хачъ*), въ патріаршество Мехитара и въ епископство Стефана въ 1347 году» (Бжешкьянъ, стр. 326). Кеппенъ говоритъ, будто бы армяне называли Старый-Крымъ *Kazarat* (Кр. Сборникъ, стр. 344). Но Бжешкьянъ пишетъ, что *Газаратъ*, на основаніи армянскихъ источниковъ, былъ большой армянскій посадъ при подошвѣ горы Св. Креста, около рѣки того же имени, которая у татаръ называлась *Мугалъ-ўзень* (Մուղալ էօզէն, что, вѣроятно, значитъ «Монгольская рѣка»). Въ древности тутъ сидѣлъ армянскій намѣстникъ (կողմնապահ), имѣвшій свое войско, чтобы защищать генуэзцевъ. Вотъ подлинныя слова древняго памятника: «Былъ тамъ благородный Маркаръ Мугаленцъ сынъ Тораса, Іакова, Даніила, Мурата, Нахора, Теодора, который, по приказанію генуэзскаго князя Ширина, жилъ съ войскомъ на рѣкѣ Газаратѣ, называвшейся на татарскомъ языкѣ Мугалъ-Ўзень» (Бжешкьянъ, № 494, стр. 328). Ясно, что *Сурхатъ*, потомъ *Сулхатъ* и *Солхатъ*, первоначально образовано генуэзцами изъ армянскаго *Сурпъ-Хачъ* = Св. Крестъ, какъ называлась гора, у подошвы которой стояло сперва армянское селеніе *Газаратъ*, а потомъ великолѣпный татарскій городъ *Крымъ*, который генуэзцы по привычкѣ продолжали обозначать именемъ *Сурхатъ*, а татаре называли *Крымъ*, отчего потомъ и самый Таврическій полуостровъ сталъ именоваться также *Крымомъ*.

По пути изъ Стараго-Крыма въ Карасу-Базаръ еще попадается нѣсколько древнихъ армянскихъ церквей, а именно двѣ въ Топлу: одна на горѣ, другая внизу, возлѣ дома нынѣшняго помѣщика Бычковскаго. Послѣдняя гораздо старѣе первой: она совершенно вросла въ землю, но еще далека отъ разрушенія, будучи сложена изъ огромныхъ каменныхъ тесанныхъ плитъ. Но особенно замѣчательна церковь въ Орталанѣ. Она состоитъ изъ трехъ ковчеговъ съ тремя арками въ каждомъ и съ дубовыми поперечными перекладинами въ двухъ крайнихъ аркахъ. Входъ съ фасадной стороны сбоку. Вверху западной стѣны единственное окно. У средняго алтаря возвышается солея; въ боковыхъ ковчегахъ находится по абсидѣ, имѣвшей

назначеніе для сакристіи. Двери, ведущія въ абсиды, довольно низенькія, а теперь, когда церковь наполнена всякимъ соромъ, эти двери представляютъ двѣ низенькія лазейки. Въ нишахъ алтаря и абсидъ есть узенькія амбразурки. У двери лѣвой абсиды имѣется обычная въ армянскихъ церквахъ крестильная урна въ видѣ раковинообразнаго углубленія въ стѣнѣ съ изображеніемъ креста вверху. Зданіе внутри было оштукатурено очень крѣпкою и гладкою штукатуркою. Крыша на три ската изъ довольно толстыхъ и большихъ плитъ. У входной двери на лѣвомъ косякѣ видны остатки барельефнаго изображенія ангела во весь ростъ. Надъ дверью есть армянская надпись, поврежденная кѣмъ-то и содержащая въ себѣ память о строителѣ храма и времени постройки его, а именно 1700 г. (Бжешкьянъ, № 422, стр. 262). Длина церкви 17 арш. 10 вершковъ; ширина 11 арш. 10 в.; разстояніе отъ основанія до конька крыши по фасадной стѣнѣ 7 аршинъ слишкомъ.

Неподалеку отъ этой церкви къ З., въ томъ же саду г. Зотова, есть церковь греческая, ремонтированная помѣщикомъ, въ которой и совершается богослуженіе въ день Св. Георгія и Св. Ильи Пророка, память которыхъ празднуется окрестными жителями, стекающимися сюда на праздникъ, сопровождающійся общественною трапезою и затѣмъ увеселительною борьбою — любимымъ зрѣлищемъ крымскихъ туземцевъ.

Любопытно, что на пространствѣ между этими двумя христіанскими храмами находится двѣ могилы несомнѣнно мусульманскія, въ чемъ я убѣдился какъ по формѣ намогильныхъ памятниковъ, такъ и вслѣдствіе раскопки одной изъ этихъ могилъ, произведенной мною 21 іюля.

Одна достопримѣчательная татарская древность существуетъ въ мѣстечкѣ, называемомъ Бакчэ-Или, между Орталаномъ и Карасу-Базаромъ, на разстояніи 8 верстъ отъ перваго и 12-ти отъ второго. Мѣстечко это лежитъ въ долинѣ, по которой бѣжитъ довольно быстрая рѣчка. Къ СВ. на горѣ виднѣется татарская деревня Текьѐ, гдѣ есть татарское медресе, мечеть и довольно старое татарское кладбище. Къ Ю., также на горѣ, находится армяно-грегоріанскій монастырь Спаса, всѣ постройки котораго новыя, но на развалинахъ древняго сооруженія. Самый храмъ древній, но обновленъ и надстроенъ, какъ это можно замѣтить по трехъугольному очертанію въ верхней части фасада: все, что выше линій этого треугольника, нанесено послѣ на древнюю базилику. Внутреннее устройство храма нѣсколько напоминаетъ архитектуру храма монастыря Св. Креста. Ковчегъ храма завершается двумя готическими полуарками, къ вершинамъ которыхъ идутъ скрещиваясь круглыя, рельефныя, высѣченныя изъ камня нервюры. На мѣстѣ пересѣченія ихъ есть медальонъ съ барельефнымъ изображеніемъ Агнца. По бокамъ алтаря вверху барельефныя изображенія — съ одной стороны

Архангела Гавріила, а съ другой — Пресвятой Дѣвы, осѣненной балдахиномъ съ короною. Слѣва надъ Нею изображеніе Св. Духа въ видѣ голубя. Въ алтарной нишѣ также есть барельефное медальонное изображеніе Агнца, обращеннаго головою вправо, тогда какъ на предыдущемъ изображеніи голова справа повернута назадъ. Позади алтаря есть абсида, въ которую надо проникать черезъ маленькую лазейку. Изъ этой абсиды ведетъ лѣсенка теперь на чердакъ храма, а прежде это былъ ходъ, должно быть, на колокольню, которой болѣе не существуетъ.

Но самый любопытный памятникъ древности въ Бакчэ-Или — это домъ мурзъ Ширинскихъ, находящійся въ самой долинѣ на берегу рѣчки. У мѣстныхъ жителей этотъ домъ извѣстенъ подъ названіемъ *Гёкъ-Сарай* = «Синій дворецъ» (См. рис. III). Времени постройки его никто не помнитъ. Даже самъ владѣлецъ его, Ахмедъ-шахъ Ширинскій, говорилъ, что ни отецъ, ни дѣдъ его не могли добиться точныхъ свѣдѣній о первоначальномъ возведеніи этой постройки. Въ народѣ есть о немъ сказочное преданіе, что у строившаго его архитектора будто бы выросли крылья, и онъ улетѣлъ на небо. Мурза же, по мѣстнымъ слухамъ, покинулъ его вслѣдствіе того, что въ этомъ его фамильномъ жилищѣ завелась нечистая сила, причинявшая безпокойство его семейству.

Отбросивъ въ сторону всѣ сказки и слухи, все же слѣдуетъ признать, что это — весьма оригинальное зданіе, представляя нѣчто странное въ своей архитектурѣ и вмѣстѣ являясь, едва ли не единственнымъ въ цѣломъ Крыму, типомъ старо-татарскаго барскаго жилища по внутреннему своему устройству. Сѣверную сторону дома составляетъ глухая, такъ сказать — задняя, стѣна его; западную — стѣна, которую можно назвать понашему лицевою, или фасадомъ зданія. Глухая стѣна, протяженіемъ въ 32 аршина 12 вершковъ, есть древнѣйшая часть всего зданія. Она сложена изъ сѣраго и желтоватаго известняка на цементѣ, толщиною въ 5 четвертей аршина, съ дубовыми продольными связями. На ней видны слѣды задѣланныхъ впослѣдствіи четырехъ оконъ вверху и выходившаго наружу балкона, тройныя дубовыя балки котораго торчатъ еще доселѣ; балконная дверь тоже задѣлана глинобитнымъ способомъ, и въ образовавшейся чрезъ это стѣнкѣ оставлено татарское окно съ перпендикулярными деревянными рѣшетинами, какія видны и въ нижнихъ окнахъ фасада. Разстояніе стѣны до балкона съ одной стороны 14 арш., а съ другой 14 арш. 14 вершковъ. Углы стѣны сдѣланы изъ сѣрыхъ плитъ довольно крупнаго размѣра. Замѣчательно, что подобная кладка идетъ вокругъ всего зданія на разстояніи 2 арш. 10 вершковъ отъ земли, образуя сплошной фундаментъ одновременнаго со стѣною происхожденія. Пространство между почвою и поломъ дома представляетъ правильные ряды дубовыхъ колоннъ, подпирающихъ дубовыя же подушки, на

которыхъ покоятся стычныя балки, служащія основаніемъ пола. Фасадъ зданія, протяженіемъ въ 12 аршинъ 10 вершковъ, сложенъ изъ мелкаго кирпича, проложеннаго между деревянными связями; пространство же между кирпичными простѣнками, по линіи оконъ, задѣлано калыпомъ, т. е. хворостиннымъ плетнемъ съ глинобитною массою. Та же часть зданія, которая образуетъ какъ бы пристройку, пониже главнаго корпуса, вся сплошь калыпъ.

Съ надворной стороны видъ дома заслоняютъ густыя деревья, кромѣ главнаго входа, представляющаго открытый навѣсъ подъ общею съ домомъ крышею. Прежняя широкая лѣстница снесена и замѣнена топерь простою узенькою, взятою отъ какой-то другой постройки. Облупившіяся перила открытой галлереи даютъ понятіе о свойствѣ калыпныхъ частей зданія, которыя составляютъ, очевидно, позднѣйшій элементъ троякой архитектурной системы. Темная полоса потолка отображаетъ слѣды древней татарской потолочной орнаментики, состоящей въ томъ, что вся площадь потолка раздѣлена на квадратики, раскрашенные черною и бѣлою красками. Тутъ же виднѣется аркообразное очертаніе внѣшней перегородки, за которою существуетъ стѣна съ окномъ налѣво и съ дверью направо. Эта дверь ведетъ въ кухню, которая освѣщается тѣмъ самымъ окномъ, что сдѣлано въ глухой стѣнкѣ, образовавшейся изъ прежней балконной двери. Налѣво изъ галлереи, черезъ коротенькій корридоръ и низкую дверь, вы входите въ главный покой дома, составлявшій нѣчто въ родѣ залы — то что у татаръ зовется конакомъ. Внутренность этой залы — самая оригинальная часть дома. Въ лицевой стѣнѣ, противоположной входу, четыре окна, по два одно надъ другимъ. Нижнія окна съ деревянными рѣшетинами, а верхнія съ деревянными же кэфэсами (восточными жалузи). Справа видны: вверху задѣланное окно большой старинной стѣны, подъ нимъ двустворчатый стѣнной дулабъ (шкафъ), а возлѣ него оригинальный восточный конусообразный каминъ, часть котораго отобрана и обращена въ каминъ въ другой комнатѣ дома. Стѣны оштукатурены и выкрашены были бѣлою клеевою краскою. Потолокъ сдѣланъ изъ тоненькихъ дощечекъ, раздѣленъ на квадратики деревянными штапиками и выкрашенъ темно-коричневою и темно-синею красками. Вокругъ же него шла сплошная трафаретная гирлянда, которая недавно выломана владѣльцемъ для балкона, выстроеннаго имъ въ своемъ домѣ въ Карасу-Базарѣ. Точно также разобраны имъ и прежнія хоры, которыя шли по стѣнѣ направо отъ входа, насупротивъ фасадной стѣны и представляли сплошную клѣтку изъ позолоченнаго кэфэса, такъ какъ хоры эти предназначались для невидимаго присутствія въ залѣ особъ женскаго пола въ залѣ, гдѣ собирались, по татарскому обычаю, одни лишь мужчины.

Планъ полнаго распредѣленія жилыхъ помѣщеній чрезвычайно оригиналенъ по своей причудливой безпорядочности и отсутствію симметріи.

Въ нѣкоторыхъ комнатахъ сдѣланъ второй потолокъ, калыпомъ и пониже перваго, теплоты ради. Полъ на открытой галлереѣ и въ главной залѣ изъ каменной плиты, въ прочихъ же комнатахъ глиняный. Кухня, очевидно, раздѣляла зданіе на двѣ половины — на мужскую влѣво, и на женскую вправо.

Видимо, что сѣверная стѣна и фундаментъ принадлежали какому-то строенію *не-татарскому*. Существованіе наружнаго балкона показываетъ, что это не было вообще зданіе азіатское, а европейское. Стало быть, оно принадлежало когда-нибудь европейскимъ колонистамъ Крыма, а по вытѣсненіи послѣднихъ досталось татарамъ, которые и приспособили его къ собственнымъ потребностямъ и вкусу. Только странно, что кромѣ одной сѣверной капитальной стѣны не замѣчено остатковъ подобныхъ же стѣнъ въ другихъ частяхъ строенія, которыя сплошь состоятъ изъ непрочныхъ кирпичныхъ или глинобитныхъ тоненькихъ стѣнокъ, покрытыхъ однако же довольно грузною черепичною крышею, общею для всего зданія.

NB. Хозяинъ этого дома, Ахмедъ-шахъ Ширинскій увѣрялъ меня, что онъ въ скоромъ времени приступитъ къ разломкѣ его, чтобы выручить рублей 300—500 отъ продажи прекраснаго матеріала этого стариннаго зданія — камня и дубовыхъ балокъ.

Одновременно съ обозрѣніемъ старинныхъ архитектурныхъ памятниковъ, я кстати сдѣлалъ нѣсколько раскопокъ въ разныхъ мѣстахъ Крыма, не задаваясь при этомъ какими-либо самостоятельными изслѣдованіями, а, такъ сказать, только въ видѣ провѣрки тѣхъ данныхъ объ извѣстныхъ историческихъ мѣстностяхъ и кладбищахъ, которыя сообщаются прежними учоными изслѣдователями, для разрѣшенія поставленныхъ ими вопросовъ или высказанныхъ предположеній. Такъ, между прочимъ, еще знаменитый Палласъ, обративъ вниманіе на кладбище, находящееся близъ деревни Токлукъ, по пути въ д. Козъ, и описавъ общій видъ этого кладбища, въ заключеніе говоритъ: «Татаре считаютъ эти могилы еврейскими; но онѣ, кажется, принадлежатъ какому-то другому древнему и немногочисленному народу» (Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. Vol. II, 231). Видѣнныя имъ подобныя же могилы въ землѣ черноморскихъ казаковъ онъ считаетъ черкесскими (Ibidem, 279). Кеппенъ повторяетъ слова Палласа, но, не видѣвши описываемаго имъ кладбища, не прибавляетъ отъ себя никакихъ

комментаріевъ (Кр. Сб., 33—34). Это-то предположеніе Палласа и требовало провѣрки путемъ раскопокъ, которыя я и рѣшился сдѣлать въ настоящую свою нарочитую туда поѣздку.

Еще по дорогѣ въ Токлукъ я встрѣчалъ въ двухъ мѣстахъ тѣ длинные, водруженные стоймя камни, про которые говорятъ Палласъ и Кеппенъ. Они величиною до 4 аршинъ, толщиною вершка въ 3—4, а шириною вершковъ 8. Такихъ длинныхъ, какіе видѣлъ Палласъ, въ двѣ сажени, мнѣ не встрѣчалось въ тѣхъ мѣстахъ, которыми и я проѣзжалъ въ этотъ разъ. Палласъ считаетъ ихъ пограничными столбами; но Кеппенъ сомнѣвается въ этомъ, будучи, вѣроятно, склоненъ считать ихъ надгробными. «Камни эти», говоритъ онъ, «именуются у татаръ *текиль-ташъ* отъ слова *тикъ*, крутой, вертикальный, или *тикмэе* (ставить) и *ташъ* (камень)».

Теперь татаре эти же самые камни называютъ *имдже-ташъ* и толкуютъ двояко: то говорятъ, что это значитъ «дядинъ камень», отъ *имдже* = «дядя», то — «тонкій камень», отъ *индже* = «тонкій». Послѣднее толкованіе ровно ничего не объясняетъ; первое же они основываютъ на томъ, что будто бы эти и подобные имъ камни были водружаемы какими-нибудь «дядями», понашему старожилами, въ видѣ какихъ-то пограничныхъ или иныхъ знаковъ. Но у нихъ и тѣни нѣтъ подозрѣнія, чтобы эти камни были могильные. Равнымъ образомъ и мнѣ мѣста нахожденія этихъ камней не показались похожими на могилы, хотя въ одномъ мѣстѣ, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ одного камня я и видѣлъ яму въ родѣ могилы, подвергнутой раскопкѣ, и по этому-то самому не могъ судить о первоначальномъ, нетронутомъ видѣ возбуждающаго подозрѣніе мѣста.

По прибытіи въ Токлукъ я спросилъ у мѣстныхъ жителей-татаръ, гдѣ тутъ находятся черкесскія или еврейскія могилы, придерживаясь терминологіи Палласа. Но мнѣ сказали, что ни черкесскихъ, ни еврейскихъ могилъ нѣтъ, а есть *казацкія — казакъ мазары*. Такъ какъ «казаками» татаре зовутъ насъ, русскихъ, то, значитъ, мнѣ предстояло имѣть дѣло съ кладбищемъ нашихъ предковъ. Но вѣдь и Палласъ не самъ же придумалъ для этихъ могилъ названіе еврейскихъ, слѣдовательно тутъ произошло подновленіе имени, и, значитъ, на немъ нельзя основывать никакихъ этнографическихъ соображеній насчотъ народа, которому принадлежитъ кладбище. Оставалось возложить все упованіе на раскопки, которыя я принимался производить два раза.

Предварительно мы съ фотографомъ съѣздили въ лежащее въ верстахъ въ восьми отъ деревни широкое ущелье, называемое потатарски *Богазъ* (Горло, ущелье), которымъ заканчивается, по направленію къ морскому берегу, рав-

нина. Тамъ мы видѣли несомнѣнные остатки фундамента капеллы, формою сходной съ прочими армяногреческими церковными строеніями въ Крыму, а по обѣимъ сторонамъ у подошвъ горъ, образующихъ ущелье, замѣтны слѣды прежнихъ каменныхъ строеній. Но природный плитнякъ, которымъ покрыта вся эта мѣстность, до такой степени правильной формы, что легко ошибиться и принять естественные предметы за остатки человѣческаго искусства. Поэтому только глубокія раскопочныя изслѣдованія могли бы вывести изъ сомнѣнія; но это не входило въ мою задачу, и мы, вернувшись къ мѣсту нахожденія такъ называемаго «казацкаго кладбища», сперва приступили къ фотографированію этой мѣстности съ двухъ противоположныхъ сторонъ—по направленію отъ первой раскопанной потомъ могилы къ деревнѣ Токлукъ, съ СЗ. на ЮВ. и, наоборотъ, по направленію отъ могилъ къ морю, чтобы схватить на рисункѣ торчащіе на равнинѣ въ трехъ мѣстахъ каменныя глыбы, которыя всѣ носятъ разныя наименованія: крайняя влѣво называется *Параланыкъ-кая* (Разсыпчатая скала); правѣе три глыбы рядомъ называются *Учъ-ташъ* (Три камня), и еще правѣе одна глыба — *Юмала-ташъ* (Круглый камень).

Окончивъ фотографическую работу, мы начали раскопку при содѣйствіи десяти человѣкъ татаръ. По правдѣ сказать, раньше меня заботила мысль о томъ, какъ татаре отнесутся къ такому моему предпріятію, какъ раскопка могилъ. Особенно эта мысль невольно приходила въ голову послѣ того, какъ я уже разъ въ Ѳеодосіи подвергся громкимъ нареканіямъ русскихъ женщинъ, когда пытался достать торчавшій на самомъ обрывѣ оврага близъ города какой-то черепъ, смытый туда, должно быть, дождями изъ сосѣдняго татарскаго кладбища. Видѣвшія мои домогательства съ сосѣднихъ дворовъ россіянки начали осыпать меня упреками — что, какъ, молъ, не грѣхъ трогать кости —, и даже грозили довести объ этомъ до свѣдѣнія полиціи. Въ виду предполагаемыхъ непріятностей при раскопкахъ со стороны татаръ, да еще въ такой захолустной деревнѣ, какъ Токлукъ, я прибѣгъ къ излишней предосторожности въ видѣ проводничества мѣстнаго урядника. Но татаре оказались въ этомъ отношеніи гораздо благоразумнѣе и менѣе фанатичны, нежели наши ѳеодосійскія соотечественницы. Съ полною готовностью и охотою они вызвались производить подъ моимъ руководствомъ раскопки, тѣмъ болѣе что могилы были не мусульманскія, а «казацкія», а мѣстный мулла, симпатичный старикъ, по моей просьбѣ, даже сократилъ свою пятничную службу, чтобы дать возможность своимъ прихожанамъ пораньше освободиться и отправиться на работу, за которую имъ неприлично было приниматься до молитвы.

Разрыто было три могилы, изъ которыхъ двѣ были продолговатой

формы и расположены, какъ всѣ вообще могилы этого кладбища, съ Ю. на С., а третья квадратная. Раскапывали прямо внутреннее пространство, обозначенное четырьмя линіями торчавшихъ на поверхности реберъ камней, которые образовали собою четырехстороннія могилы. Сперва предполагалось произвесть рытье аккуратными и послѣдовательными слоями; но это оказалось положительно невозможно: дотого тверда земля этихъ могилъ, дотого она перемѣшана съ камнями, иногда довольно крупными, и притомъ набросанными въ самомъ безпорядочномъ видѣ.

Начавши вести подробный журналъ хода раскопокъ, вскорѣ пришлось отказаться отъ этого, потому что содержимое могилъ не представляло ни малѣйшаго признака какого-либо порядка въ своемъ расположеніи. Уже на глубинѣ полъ-аршина показались кости. Въ одной могилѣ въ самой ея срединѣ нашлись кости ножныя, къ южной сторонѣ шесть зубовъ, а близъ нихъ кость ручная и реберная. Въ серединѣ другой могилы, на той же глубинѣ, найдена хребтовая кость и берцовая, а также небольшая челюстная косточка какого-то животнаго изъ породы грызуновъ. Въ третьей могилѣ, на той же глубинѣ, въ западной ея половинѣ оказались различныя кости и зубы въ большомъ количествѣ. Въ срединѣ ея попались тонкія черепныя косточки дѣтской головки, а къ южному ея краю нашолся черепъ взрослаго человѣка; но онъ не могъ быть вынутъ цѣликомъ, такъ какъ сильно истлѣлъ и потому разсыпался вмѣстѣ съ комками глинистой земли, къ которой онъ сильно присохъ.

Продолжая углублять могилы, мы потомъ встрѣчали отдѣльные небольшіе кусочки совершенно истлѣвшихъ костей; затѣмъ въ западной части первой могилы найдена еще одна человѣческая челюстная кость съ нѣсколькими зубами. Нѣкоторыя же кости, повидимому, принадлежатъ животнымъ, а не человѣку. Въ двухъ могилахъ меньшаго размѣра не найдено никакихъ вещей, хотя земля тщательно была разминаема и потомъ просѣваема сквозь большое рѣшето. Но въ большой могилѣ, надо полагать — фамильной, при просѣваніи земли нашлись слѣдующіе предметы: два бронзовыхъ наконечника стрѣлъ, одинъ совершенно цѣлый, другой наполовину испорченный; двѣ сережки синяго стекла пирамидальной формы съ дырочками въ вершинкахъ ихъ; одна буса синяя стеклянная и три бусы изъ какой-то массы желтоватаго цвѣта, которая легко крошится.

Углубивши могилы на аршинъ съ небольшимъ, мы убѣдились, что дошли до дна ихъ, и что рыть дальше было бы совершенно безполезно. Внутреннее измѣреніе могилъ показало, что первая могила имѣла вдоль 2 аршина 2 вершка, а въ ширину всего 1 аршинъ 9 вершковъ; вторая — въ длину имѣла 2 аршина 12 вершковъ, а въ ширину 1 аршинъ 9 верш-

ковъ; третья имѣла въ длину 3 аршина, а въ ширину 2 аршина, 10 вершковъ. Могилы внутри по бокамъ обложены огромными цѣльными плитами мягкой сланцовой известковой породы, которыя образуютъ собою какъ бы ящики или колоды съ торчащими на одинъ или два вершка надъ поверхностью земли краями. На одной могилѣ, меньшаго размѣра, сверху лежала также большая плита сѣраго песчаника, длиною въ 2 аршина 5 вершковъ, шириною въ полтора аршина, и толщиною въ 5 вершковъ, треснувшая пополамъ; двѣ другія могилы были безъ плитъ; ихъ не существуетъ и вообще на прочихъ могилахъ этого кладбища.

Таковъ былъ результатъ первой раскопки. Такъ какъ могилы были разрыты нами прямо въ объемѣ линій, обозначенныхъ краями могильныхъ камней, то у меня возникло сомнѣніе относительно того, что не вслѣдствіе ли такого простого пріема раскопки содержавшіяся въ могилахъ кости получились въ раздробленномъ и безпорядочномъ видѣ. Кромѣ того, мы копали только въ одномъ участкѣ кладбища, а тамъ неподалеку, на разстояніи приблизительно четверти версты по направленію къ В. отъ мѣста нашей раскопки, находится другой участокъ могилъ точно такого же типа, на рѣзко очерченной обрывомъ возвышенности, носящей спеціальное наименованіе *Сары-кая* (Жолтая скала). Чтобы устранить это сомнѣніе, я рѣшился вторично посѣтить эту мѣстность и произвести опять раскопку уже съ соблюденіемъ самыхъ тщательныхъ предосторожностей, сколь это ни было затруднительно, благодаря необычайной твердости и комковатости почвы, перемѣшанной съ каменникомъ. Поэтому я опять съѣздилъ въ Токлукъ для вторичныхъ изслѣдованій.

На участкѣ Сары-кая могилы расположены въ большемъ, чѣмъ около Параланыкъ-кая, порядкѣ: онѣ идутъ рядами отъ З. къ В. Очертанія могилъ дѣлали ихъ навидъ продолговатыми отъ С. къ Ю. и притомъ какъ будто различной величины: въ однихъ рядахъ онѣ казались большаго размѣра, въ другихъ меньшаго. Для вскрытія были выбраны двѣ самыя навзглядъ большія. Онѣ были сперва обрыты на аршинъ пространства вокругъ камней, образующихъ стѣны могилъ. Земля оказалась комковатой глинисто-известковой породы, и въ ней также было немало большихъ каменьевъ, которые, вѣроятно, навалены были для того, чтобы поддерживать плиты, образующія собою могильныя коробки. Когда могилы были такимъ образомъ совсѣмъ обнажены, то настоящая длина ихъ сократилась почти на треть: при измѣреніи ихъ по линіямъ торчавшихъ на поверхности плитъ онѣ имѣли — одна могила 2 аршина, 12 вершковъ въ длину, и 1 аршинъ 4 вершка въ ширину; а другая — 2 аршина 13 вершковъ въ длину и 1 аршинъ въ ширину; въ дѣйствительности же въ первой могилѣ оказалось

только уже 1 аршинъ 14 вершковъ въ длину, а въ другой 2 аршина съ вершкомъ въ длину, ибо подъ верхнимъ слоемъ земли оказалось еще по одной плитѣ въ наклонномъ къ серединѣ могилъ положеніи.

Когда были отняты плиты, образующія самыя коробки могильныя, то содержимое ихъ, при самомъ аккуратномъ разгребаніи руками, предстало въ такомъ же точно видѣ, какъ и при прежней раскопкѣ: мы нашли совершенно истлѣвшія отдѣльныя человѣческія кости, сложенныя въ кучу и вперемежку съ каменьями, да нѣсколько кусочковъ древеснаго угля. Вещей не найдено никакихъ, при самомъ внимательномъ осмотрѣ содержимаго могилъ. Стало несомнѣнно, что и могилы участка Сары-кая совершенно тожественны съ таковыли же, находящимися на участкѣ Параланыкъ-кая.

Такимъ образомъ полученныя отъ этихъ раскопокъ данныя не настолько оказались богаты, чтобы изъ нихъ можно было вывести опредѣленное и положительное заключеніе относительно народности, которой принадлежатъмогилы. Такъ какъ на костяхъ не замѣтно признаковъ сожженія, то безпорядочность ихъ нахожденія, а также смѣсь могильной земли съ каменникомъ, едва ли не слѣдуетъ приписать ограбленію могилъ. Это, повидимому, подтверждается также и тѣмъ фактомъ, что теперь могилы всѣ почти безъ верхнихъ плитъ, тогда какъ еще Палласъ видѣлъ многія изъ нихъ покрытыя сверху плитами.

Но любопытно вотъ какое обстоятельство, сообщаемое въ «Одесскомъ Вѣстникѣ». Недавно въ окрестностяхъ Симферополя открыто также древнее кладбище, могилы котораго, по описанію, совершенно такія же, какъ и токлукскія, съ тою развѣ особенностью, что онѣ сверху покрыты огромными каменными глыбами. Найденныя въ этихъ могилахъ кости представились изслѣдователямъ ихъ въ подобномъ же безпорядочномъ и истлѣвшемъ видѣ. Замѣчательно, что нѣкоторыя вещи, оказавшіяся въ этихъ могилахъ, также обнаруживаютъ большое сходство съ найденными въ одной изъ могилъ токлукскихъ, какъ-то: бронзовый наконечникъ стрѣлы, стеклянныя бусы синяго цвѣта, и нѣкоторыя изъ нихъ пирамидальной формы (то, что я назвалъ выше сережками), и янтарныя бусы. Изслѣдователи этихъ могилъ полагаютъ, что эти могилы принадлежатъ скиѳскому племени («Новое Время», № 3863, стр. 3).

Въ бытность мою въ Орталанѣ, 21-го іюля, когда я осматривалъ древнюю греческую и армянскую церкви, находящіяся неподалеку одна отъ другой въ саду г. З. К. Зотова, меня заинтересовало нахожденіе на пространствѣ между этими церквами одного надгробнаго памятника безъ надписи, который своею формою никакъ не походилъ на памятникъ христіанскій, и мнѣ захотѣлось опредѣлить его принадлежность посредствомъ раскопки, на которую я безпрепятственно получилъ разрѣшеніе отъ весьма любезнаго владѣльца сада.

Надгробный памятникъ изъ мягкаго желтоватаго известняка, называемаго *азаматскимъ*, по мѣсту добыванія его близъ деревни Азаматъ въ 14 верстахъ отъ Карасу-Базара, былъ вышиною отъ земли въ 5 четвертей, не считая 13 вершковъ, врытыхъ въ землю, шириною въ 15 вершковъ, толщиною въ 4 вершка; имѣлъ по бокамъ вверху и внизу по карнизу, а съ одной своей верхней стороны тумбообразный четырехсторонній рогъ вышиною въ 12 вершковъ и толщиною въ 4 вершка, обращенный къ востоку. Раскопка началась обрытіемъ земли вокругъ камня на пространствѣ въ размѣръ могилы взрослаго человѣка. Почва и тутъ оказалась точно такого же состава, какъ и въ токлукскихъ могилахъ. Но на глубинѣ полуторыхъ аршинъ стали попадаться отдѣльныя части скелета, и именно въ сторонѣ къ С. отъ мѣстонахожденія памятника, который, слѣдовательно, былъ поставленъ не надъ самымъ покойникомъ. Когда раскопка продолжена была въ сѣверномъ направленіи, то вскорѣ показалось обычное темное пятно — признакъ нахожденія костяка. Кости были сильно истлѣвшія; черепъ тоже не могъ быть извлеченъ цѣликомъ; но положеніе его лицомъ къ Югу, правымъ вискомъ къ землѣ, а лѣвымъ къ поверхности, убѣдило меня въ томъ, что онъ принадлежалъ мусульманскому покойнику, вслѣдствіе чего мало было надежды на какія-либо вещественныя находки, такъ какъ мусульмане хоронятъ своихъ покойниковъ безъ всего, исключая одного савана, въ который завертывается тѣло. Когда я послѣ того сдѣлалъ прогулку на возвышающійся къ В. отъ сада г. Зотова холмъ, именуемый Тапшанъ, то и на немъ также нашелъ одинъ подобный намогильный памятникъ, только въ лучше сохранившемся видѣ. Онъ былъ такихъ же почти размѣровъ, и также съ однимъ рогомъ у одного бока и безъ всякихъ слѣдовъ надписи. Но не вдалекѣ я замѣтилъ каменную тумбу съ чалмообразною верхушкою, а въ то же время на другомъ боку вершины памятника замѣтны были слѣды какъ будто излома. Я попробовалъ приставить тумбу, и она какъ разъ пришлась по мѣсту излома: очевидно было, что она нѣкогда составляла принадлежность памятника. Такимъ образомъ стало несомнѣнно, что памятники этого типа принадлежатъ мусульманскимъ могиламъ, но только они представляютъ одну изъ старѣйшихъ формъ татарскихъ надгробій въ Крыму. Сами татаре не умѣютъ точнѣе опредѣлить свойства этихъ памятниковъ: одни говорили мнѣ, что это, должно быть, «могилы батырей»; другіе называли ихъ «ногайскими могилами». Поэтому нѣтъ ничего невозможнаго, что при вскрытіи другихъ могилъ съ подобными надгробіями окажутся какіе-нибудь и предметы прежняго народнаго быта татаръ, обитавшихъ въ средней полосѣ Крыма и въ степныхъ его мѣстностяхъ.

Послѣдняя раскопка произведена была въ Старомъ-Крымѣ. У подошвы

холма Кемаль-ата съ южной стороны, на пространствѣ, составляющемъ одно цѣлое съ площадью, на которой когда-то былъ раскинутъ знаменитый г. Крымъ, есть кладбище. Оно состоитъ изъ нѣсколькихъ десятковъ не совсѣмъ правильныхъ рядовъ огромныхъ плитъ около четырехъ аршинъ длины, болѣе аршина ширины и вершковъ пяти толщины. Плиты неправильной формы и безъ всякой отдѣлки или украшеній и расположены въ продольномъ направленіи съ С. къ Ю. Надписей на нихъ также не оказалось, при самыхъ тщательныхъ поискахъ. При посѣщеніи моемъ этого кладбища три года тому назадъ хозяинъ находящейся невдалекѣ мельницы, русскій, сообщилъ мнѣ, что эти могилы называются *джевизскія*, т. е. генуэзскія. Въ нынѣшній же разъ татаре мнѣ назвали эти могилы *чуфутскими* (چفوت مزارى), т. е. еврейскими.

Для точнѣйшаго опредѣленія принадлежности кладбища и произведена была раскопка. Сперва, въ видѣ пробы, была разрыта, путемъ простого колодцеваго углубленія, небольшая могила, которая оказалась не очень глубокою и, судя по величинѣ найденныхъ костей, дѣтская. Затѣмъ была выбрана могила съ плитою, совсѣмъ вросшею въ землю. Огромная плита съ величайшимъ трудомъ была вытащена съ своего мѣста шестью рабочими. Земля вынималась вокругъ мѣста нахожденія плиты на пространствѣ болѣе аршина, такъ что при окончаніи раскопки получилась яма въ четыре слишкомъ квадратныхъ аршина. Могила оказалась глубже трехъ аршинъ. Вокругъ предполагаемаго мѣста нахожденія костяка выбрано было болѣе полсотни сильно изржавѣвшихъ гвоздей со шляпками, которыми, очевидно, былъ сколоченъ гробъ, но ни малѣйшихъ признаковъ дерева. На самомъ днѣ могилы, при осторожномъ сметаніи земли вѣникомъ, показался скелетъ мужчины въ необыкновенной сохранности, за исключеніемъ волосъ, изъ которыхъ нашолся лишь крошечный клочокъ бороды. Вещей не найдено никакихъ.

Вся обстановка погребенія — положеніе покойника головою на Сѣверъ, съ вытянуыми по бокамъ руками, въ деревянномъ гробѣ — показываетъ, что это кладбище — караимское. Одно только удивительно — это отсутствіе на плитахъ надписей, которыя составляютъ неотъемлемую принадлежность всѣхъ караимскихъ могилъ, напримѣръ, въ Чуфутъ-Калэ и въ Манкунѣ. Правда, и Минасъ Бжешкьянъ говоритъ въ своемъ описаніи Стараго-Крыма, что «съ древнихъ временъ тамъ поселились евреи-караимы, какъ показываютъ ихъ памятники и могилы; что тамъ нашлась могила ихъ законоучителя (въ армянскомъ текстѣ: օրէնսդրի) врача Аарона, на которой написано 5054, что указываетъ на давность 537 лѣтъ»; а это составитъ, по армянскому лѣтосчисленію, 1293 годъ по Р. Х., считая отъ 1830 года, когда напечатана книга путешествія Минаса (Op. cit., № 488, стр. 323). Но онъ не указываетъ, гдѣ расположено было извѣстное ему караимское

кладбище, и, вчастности, въ какомъ мѣстѣ найдена вышеозначенная могила врача Аарона.

Кромѣ того кладбища, гдѣ произведена была мною раскопка, усмотрѣно еще другое, почти въ чертѣ города, неподалеку отъ Ханъ-Сарая, которое тоже, должно быть, караимское, судя по положенію и формѣ надгробныхъ плитъ. Оно занимаетъ невысокій холмъ, на самой вершинѣ котораго я замѣлилъ кѣмъ-то разрытую могилу, на днѣ которой видно было покойничье вмѣстилище изъ большихъ и хорошо обдѣланныхъ каменныхъ плитъ. Можетъ быть, надъ этою могилою, повидимому непростого покойника, стоялъ какой-нибудь памятникъ; но предупредившее нашу любознательность разрушеніе лишило насъ возможности произвести тутъ какія-либо изысканія.

Послѣ вышеописанныхъ раскопокъ я предполагалъ произвести такое же провѣрочное изслѣдованіе въ *Бія-Сала* на кладбищѣ, которое, по свидѣтельству г. Е. Маркова, будто бы у мѣстныхъ жителей извѣстно подъ именемъ *готвейскаго* (Очерки Крыма, стр. 453—456). Къ этому меня побуждало, между прочимъ, заявленіе г. Маркова, что будто бы «Кеппенъ ни слова не говорилъ собственно о бія-сальскихъ гробницахъ, которыхъ, кажется, не видалъ еще никто изъ нашихъ ученыхъ». Но, по всей видимости, Кеппенъ, говоря о надгробіяхъ, видѣнныхъ имъ въ д. Улу-Сала, разумѣлъ таковыя же, находящіяся и въ Бія-Сала, такъ какъ обѣ деревни находятся на разстояніи какихъ-нибудь 5 верстъ одна отъ другой, и самъ же онъ помѣщаетъ въ своемъ Сборникѣ грубую копію неразобранной имъ надписи на одной плитѣ, находящейся въ Бія-Сала, какъ онъ говоритъ, «при развалинѣ верхней греческой церкви Іоанна Крестителя, съ сѣверной стороны, длиною въ $2^1/_4$ арш., а шириною въ 14 вершковъ» (Крымскій Сборникъ, стр. 22—23, пр. 33). Быть не можетъ, чтобы онъ не обратилъ вниманія на лежащую къ В. отъ этой церкви гору, занятую кладбищемъ, именуемымъ у г. Маркова *готвейскимъ*, тѣмъ болѣе что онъ потомъ при случаѣ опять упоминаетъ о кладбищѣ въ Бія-Сала (Ibid., 36).

Церковь Іоанна Крестителя теперь реставрирована усердіемъ одного изъ богатыхъ жителей деревни, заселенной нынѣ исключительно одними русскими. Въ алтарной абсидѣ имѣется хорошо сохранившаяся старинная фреска, содержанія которой я не могъ хорошенько опредѣлить вслѣдствіе темноты рисунка и отсутствія дневного свѣта, при одномъ восковомъ огаркѣ; но, кажется, тамъ изображена Тайная Вечеря. Находящіяся къ С. отъ храма могильныя плиты—съ греческими надписями и изукрашены рѣзными рельефными орнаментами. При реставраціи церкви, по словамъ мѣстныхъ жителей, производились какія-то земляныя работы, во время которыхъ наткнулись на

какую-то могилу, изъ которой выкопанъ бронзовый складной крестъ, повѣшенный у входа въ церкви и уступленный мнѣ старостою за небольшой денежный вкладъ въ церковную кружку.

Когда я освѣдомился у собравшихся около меня любопытныхъ поселянъ насчотъ плиты съ интересною надписью, не разобранной Кеппеномъ, то они мнѣ сказали: «А, это вамъ надо ту *волчью лапу*, которую всѣ отыскиваютъ?» и показали мнѣ плиту, находящуюся за сторожкой, довольно углубившуюся въ землю и обросшую вокругъ бурьяномъ. Дѣйствительно, на поверхности плиты въ серединѣ оказалось звѣздообразное углубленіе, похожее нѣсколько и на лапу какого-то крупнаго звѣря. Одинъ досужій мужикъ тотчасъ же совершенно серьозно далъ такое объясненіе означенному знаку: «Это значитъ», сказалъ онъ, «волкъ задралъ того, кто тутъ схороненъ — вотъ на памятникѣ и сдѣлали тоже волчью лапу». На самомъ же дѣлѣ, какъ я узналъ потомъ, у армянъ существуетъ обычай дѣлать на могильныхъ памятникахъ углубленія различныхъ формъ для того, чтобы въ нихъ собиралась дождевая вода, которую бы могли пить прилетающія къ памятникамъ птички, на поминъ души покойниковъ. Эта плита также, оказывается, армянская. На сдѣланномъ мною бумажномъ слѣпкѣ ея мы съ г. Малхасянцемъ разобрали слѣдующія армянскія слова: **ԱՅՍ Է ՏԱՊԱՆ ՀՕՐԷՔՉԻ ՄԱՐՈՒԿԻ ՄՕՐՆ ՉՈՒՂԱՐԻՆ · ՌՃՁԶ.**

Это значитъ порусски: «Сія есть могила матери хлѣбопека Марука Чугары. 1186 (1737)».

Что касается до надгробій такъ называемаго «готвейскаго» кладбища, то они представляютъ собою плиты очень большихъ размѣровъ, нѣкоторыя до $3^3/_4$ аршинъ длины и 1 арш. 7 вер. ширины. Иныя изъ нихъ имѣютъ форму нашихъ гробовыхъ крышекъ, или же небольшихъ домиковъ съ выдающимися возвышеніями къ западной ихъ оконечности, съ уступами и карнизами по бокамъ, и украшены весьма затѣйливыми и очень красивыми рѣзными орнаментами. Нѣкоторыя изъ этихъ плитъ представляютъ соединеніе двухъ совершенно одинаковыхъ по формѣ, но различныхъ по величинѣ, надгробій, искусно высѣченныхъ изъ одного камня. Съ лицевой стороны, обращенной къ З., имѣются на памятникахъ кресты и небольшія углубленьица въ видѣ нишекъ для того чтобы въ нихъ ставить зажженную свѣчку или класть ладонъ для куренія, какъ объясняетъ г. Кеппенъ (Сборникъ, стр. 35—36). Большая же часть надгробій суть правильныя четырехугольныя продолговатыя плиты, на которыхъ высѣчены разныя фигуры— рельефныя или же углубленныя — то представляющія какое-то непонятное, хотя и правильное, сочетаніе прямыхъ линій, то несомнѣнно изображающія извѣстные предметы, какъ напр. ножницы, кирку, и т. п.

Академикъ Кеппенъ предполагалъ, что эти изображенія суть эмблемы тѣхъ профессій или ремеслъ, которыми занимались при жизни своей лица, погребенныя подъ этими памятниками, но какъ же тогда понять эмблему въ видѣ кирки на массивномъ и богато украшенномъ рѣзьбою памятникѣ? Неужели подъ нимъ погребенъ какой-нибудь простой землекопъ? Что-то не вѣроятно. Сопровождавшій меня десятникъ Артёмъ сообщилъ мнѣ, что въ прошломъ или позапрошломъ году въ Бія-Сала пріѣзжалъ г. Сизовъ и произвелъ раскопку семи могилъ этого кладбища. На глубинѣ аршина или полуторыхъ аршинъ въ раскопанныхъ могилахъ оказались выложенныя въ видѣ сундука вмѣстилища для труповъ, сверху покрытыя также толстыми плитами. Въ одномъ такомъ склепѣ, сказалъ Артёмъ, принимавшій дѣятельное участіе въ раскопочной работѣ, нашли будто бы священника, судя по найденнымъ остаткамъ одежды и еще какихъ-то принадлежностей.

Правду говорилъ Артёмъ, или нѣтъ, но во всякомъ случаѣ въ могилѣ подобнаго затѣйливаго устройства едва ли могло быть уготовано мѣсто упокоенія для простого землекопа. Поэтому можно почти навѣрное сказать, что загадочныя изображенія на могильныхъ памятникахъ суть не что иное, какъ какіе-нибудь фамильные шифры, или *тамги*, какъ онѣ называются у татаръ. Подобныя тамги встрѣчаются на старинныхъ ногайскихъ могильныхъ памятникахъ, какъ это сообщилъ мнѣ мулла Абду-ль-Гафуръ изъ медресе близъ Бурундука въ степной части Крыма.

Такъ какъ мнѣ въ Бія-Сала сказали, что тамъ уже производились недавно раскопки на кладбищѣ г. Сизовымъ и еще однимъ ученымъ туристомъ[1]), то я уже не счолъ нужнымъ предпринимать еще новыхъ раскопокъ, потому что, вѣроятно, эти почтеннѣйшіе изыскатели когда-нибудь сдѣлаютъ извѣстными результаты своихъ раскопокъ, произведенныхъ ими въ такихъ размѣрахъ, въ какихъ я не имѣлъ времени произвести.

Съ своей стороны я полагаю, что кладбище въ Бія-Сала греческое, ибо надгробія его могилъ весьма сходны своею формою съ таковыми же, видѣнными мною на скалѣ монастыря Св. Анастасіи въ долинѣ р. Качи, въ томъ же районѣ, и также, безъ сомнѣнія, греческими.

Кромѣ того, не лишне принять къ свѣдѣнію и то обстоятельство, что въ числѣ кладбищенскихъ плитъ я видѣлъ одну съ изображеніемъ крестовъ такой формы, какая обыкновенно встрѣчается въ армянскихъ церквахъ, и съ признаками совершенно стертой армянской надписи. Другая плита съ изображеніемъ креста армянской формы усмотрѣна была мною подъ горою:

---

1) Это былъ г. Видгальмъ изъ Новороссійскаго Университета, какъ мнѣ передавалъ потомъ почтенный профессоръ того же Университета Н. П. Кондаковъ.

она была приставлена къ плетню, будучи принесена откуда-нибудь съ кладбища. Всовокупности съ вышеописанною плитою несомнѣнно армянскаго надгробія, близъ церкви Іоанна Крестителя, эти послѣднія заставляютъ предполагать, что на кладбищѣ, называвшемся *готвейскимъ*, хоронились какъ греческіе, такъ и армянскіе покойники, хотя трудно сказать, одновременно ли, или же преемственно. Равнымъ образомъ пока не представляется достаточныхъ данныхъ и къ тому, чтобы доказать или совершенно отвергнуть какое-либо отношеніе этого кладбища къ нѣкогда обитавшимъ въ Крыму православнымъ готамъ.

В. Смирновъ.

Фототип. В. Й. Штейнъ

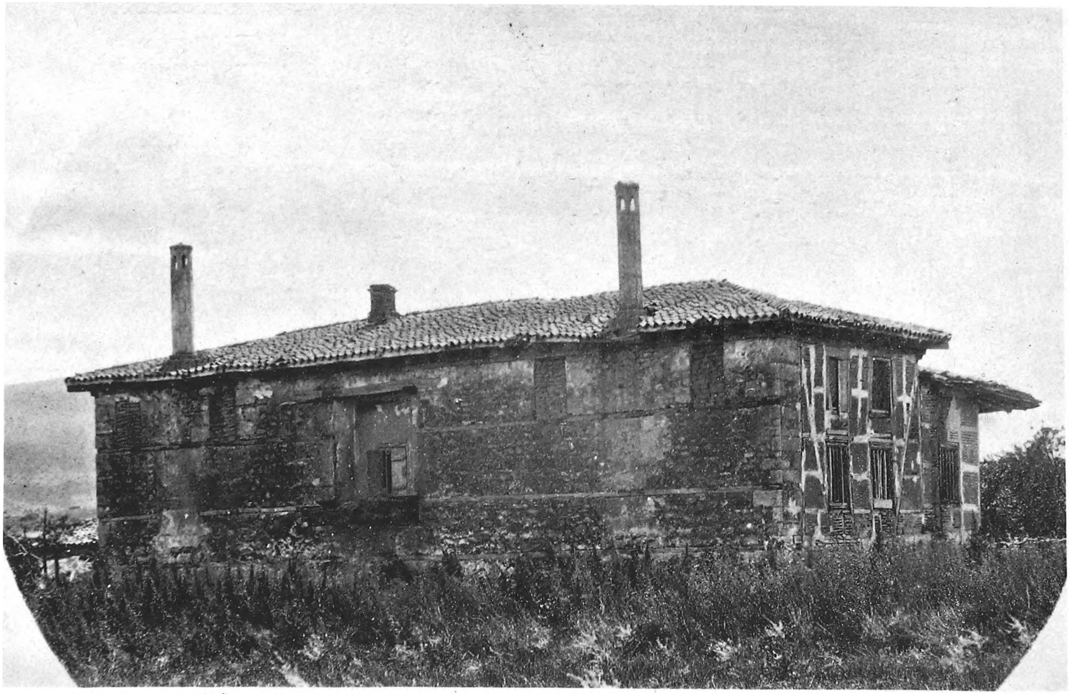
I. Надпись на мечети хана Узбека въ Старомъ-Крымѣ.

(Правая сторона).

Фототип. В. И. Штейнъ

II. Надпись на мечети хана Узбека въ Старомъ-Крымѣ

(Лѣвая сторона).



Фототип. В. И. Штейнъ

III. Гöкъ-Сарай въ Бакчэ-Или.

(Съ Северо-Западной стороны)

Дополненія и поправки къ статьямъ „Несторіанскія надписи изъ Семирѣчья“ [1]).

Императорская Археологическая коммиссія недавно получила изъ Вѣрнаго около 180 новыхъ фотографическихъ снимковъ съ надписей. Между ними есть и такія надписи, которыя мною были изданы по весьма плохимъ копіямъ.

Надпись № I.

Въ очень плохой, сдѣланной отъ руки, копіи этой надписи, послѣ ܐ въ датѣ стоитъ весьма странный знакъ, который я по вѣскимъ причинамъ принималъ за лигатуру ܠܟ. Поэтому я всю дату читалъ ܐܠܟ ܣܛ т. е. 1169 (= 858). Нынѣ я получилъ хорошій фотографическій снимокъ этой самой надписи и въ немъ вторая буква даты имѣетъ совсѣмъ другой видъ, чѣмъ въ упомянутой, сдѣланной отъ руки, копіи. Не подлежитъ сомнѣнію, что эта буква есть ܬ. Такимъ образомъ дата должна читаться ܐܬܩܣܛ т. е. 1569 (= 1258). Выводы, которые я сдѣлалъ изъ невѣрно прочитанной даты, въ вѣрности которой я самъ сомнѣвался (см. стр. 109) поэтому, разумѣется, слѣдуетъ оставить безъ вниманія.

Я долженъ вообще замѣтить, что въ надписяхъ относящихся къ XIII вѣку, въ большей части датъ, — и почти только въ датахъ — *тавы* имѣютъ древнюю форму *эстрангеловаго* письма, тогда какъ остальные *тавы* большею частью пишутся ܬ, а въ серединѣ часто ܬ.

Изъ фотографическаго снимка еще видно, что собственное имя въ 5-ой строкѣ этой надписи слѣдуетъ читать ܛܝܢܝܫܒܘܙܐܦ.

1) См. выше, стр. 84 и сл. и стр. 217 и сл.

Надпись № IV.

Неудобочитаемое слово въ этой надписи, строка 3, (стран. 90) кажется слѣдуетъ принять за ܢܘܬܢܐ (вм. ܢܘܬܢ): буква ܢ въ началѣ совершенно ясна. Слѣдующее за тѣмъ слово можетъ быть читано ܝܘܢܬ (*іонт*, *лошадь*). Такимъ образомъ эта надпись будетъ относиться къ 1605 (= 1294) году, который соотвѣтствуетъ году *лошади*, 7-ому году 12 лѣтняго цикла.

Въ этой-же надписи, строку 6 слѣдуетъ читать ܒܢܝܢܐ. Смыслъ этимъ неизмѣняется.

Надпись № VII.

Строк. 7 (стран. 94), читай ܡܠܟܬܗ вм. ܡܠܟܬܐ

Надпись № VIII.

Въ строкѣ 3 (стран. 94) этой надписи встрѣчается темное слово ܐܬܠܝܐ (Atelija), которое я перевелъ черезъ *«затмѣніе»*, основываясь на показаніи туземныхъ сирійскихъ лексикографовъ IX и X в. Бар-Алія и Бар-Бахлюля; но изъ новыхъ, мнѣ теперь доступныхъ надписей видно, что это слово значитъ «*драконъ*». Я намѣренъ писать особенную статью о значеніи этого слова.

Въ строкѣ 7 той-же надписи VIII читай ܦܠܛܘܣ вм. ܦܠܛܝܣ и въ строкѣ 11 ܒܢܝܟܬ вм. ܒܢܝܬ.

Надпись № XI (стр. 97).

Послѣднее слово четвертой строки можетъ быть читано ܦܝܨܝܢ = *Пицин*. Неудобочитаемое въ копіи слово въ 5-ой строкѣ въ снимкѣ довольно ясно читается ܦܐܪܕ или ܦܐܪܙ, т. е. *Пард* или *Парз*, но я не знаю, что это слово здѣсь значитъ. Неясное въ копіи второе слово 7-ой строки въ снимкѣ явственно читается ܐܟܦܫ. Строки 7 и 8 поэтому слѣдуетъ перевести: *Юханана*, *прозваннаго Акпаш* и пр. Два послѣднихъ слова строки 9 въ снимкѣ написаны *слитно*.

Надпись № XIV (стр. 100).

Собственное имя въ 5-ой строкѣ слѣдуетъ читать точно такъ-же какъ въ надписи № I, строк. 4 (стран. 88): ܡܢܓܘܬܐܫ, т. е. *Мангуташ* вм. Мангутенеш. Мангуташ могло бы значить «вѣчный камень». Данную тамъ (стр.89) этимологію имени *Мангутенеш* по этому нужно считать преждевременной. Сообщенная выше, стр. 220, коньектура проф. Нёльдеке относительно чтенія невѣрно списаннаго въ копіи послѣдняго слова этой (XIV) надписи вполнѣ подтверждается фотографическимъ снимкомъ. Между сним-

ками новополученными находятся двѣ надписи того-же 1649 (1338) и слѣдующаго 1650 (1339) года, въ которыхъ также читается ܡܝܬ ܡܘܬܢܐ *«онъ умеръ отъ чумы»*. Едва-ли можетъ подлежать сомнѣнію что эта чума 1338 и 1339-аго года въ Семирѣчьѣ тожественна съ свирѣпствовавшей въ 1347—50 годахъ въ западной Азіи и Европѣ эпидеміей, извѣстной подъ именемъ «черной смерти», о которой говорятъ, что она началась въ Китаѣ и постепенно распространялась на западъ. Я долженъ еще замѣтить, что между лежащими предо мной надписями изъ Семирѣчья число надписей 1650 (1339)-аго года относительно очень велико (около 26). Чума такимъ образомъ тамъ по видимому появилась въ 1338 году. На надписяхъ этого года отмѣчали фактъ смерти именно отъ чумы вслѣдствіе новизны явленія. Въ медицинскомъ отношеніи интересно, что чумѣ, свирѣпствовавшей въ 1338—9 годахъ въ Семирѣчьѣ нужно было отъ 8—9 лѣтъ, чтобы перебраться въ западную Азію и Европу [1]).

Изъ вышеупомянутыхъ полученныхъ Археологическою Коммиссіей новыхъ надписей я разобралъ 167, но я еще не въ состояніи издать ихъ потому что въ многочисленныхъ встрѣчающихся въ этихъ надписяхъ *тюркскихъ* собственныхъ именахъ остались пока еще неразобранными нѣкоторыя буквы вслѣдствіе плохаго состоянія фотографическихъ снимковъ. Между тѣмъ эти тюркскія собственныя имена получатъ большое значеніе для филологіи и исторіи только тогда, когда они будутъ вполнѣ вѣрно и точно разобраны. Но я жду около 100 новыхъ графитныхъ оттисковъ этихъ надписей и надѣюсь, что при помощи ихъ удастся преодолѣть всѣ затрудненія.

Между упомянутыми 167 надписями есть три на *тюркскомъ* языкѣ, коихъ даты я могъ разобрать. Кромѣ того я нашелъ еще *шесть* надписей, написанныхъ цѣликомъ или отчасти на *тюркскомъ* языкѣ, даты которыхъ я не могъ пока разобрать. Всѣ *девять* тюркскихъ надписей я передалъ для разбора академику В. В. Радлову. Кромѣ этихъ 167+6=173 надписей у меня находятся еще 8 фотографическихъ снимковъ, которые такъ плохи, что я въ нихъ даже не могъ разобрать даты.

Число вновь полученныхъ надписей такимъ образомъ доходитъ до 167+6+8=181. Къ нимъ нужно еще присоединить 28 уже изданныхъ мною, такъ что всего мы имѣемъ теперь весьма внушительное число — двѣсти девять — надписей изъ такихъ мѣстностей, гдѣ нельзя было ожидать подобнаго открытія, надписей, принадлежащихъ народу, отъ котораго до сихъ поръ ни одной буквы писанной не было извѣстно.

---

1) См. Haeser, Lehrbuch der Geschichte der Medicin und der epidemischen Krankheiten, bd. III, p. 112 ff. 3 Ausg. Jena 1882.

Въ Импер. Археол. Коммиссіи въ настоящее время находится 38 подлинныхъ камней съ этими надписями: это — единственные въ своемъ родѣ памятники, которымъ подобными не обладаетъ ни одинъ музей въ Европѣ.

Изъ всего числа надписей лишь 24 не имѣютъ датъ; всѣ другія датированы. Онѣ относятся къ періоду времени отъ 1226—1373. Ко времени отъ 1342—1373 относится только *одна* надпись 1347 года; слѣдующіе за этимъ годомъ 26 лѣтъ не представлены пока ни одной надписью. Христіанско-несторіанское населеніе тѣхъ мѣстностей, какъ кажется, весьма сильно пострадало въ два чумныхъ года, 1338 и 1339 — къ этимъ двумъ годамъ относится не менѣе 37 надписей — и за тѣмъ оно по всей вѣроятности было совершенно поглощено успѣхами мусульманства въ концѣ XIV вѣка. Нѣкоторыя надписи, быть можетъ, относятся къ болѣе древнему времени именно къ годамъ 842 и 1095, но даты этихъ надписей, выраженныя буквами, въ лежащихъ предо мной фотографическихъ снимкахъ слишкомъ неясны, чтобы можно было *положительно* утверждать существованіе надписей относящихся къ указанному времени. Этотъ вопросъ будетъ *окончательно* рѣшенъ только тогда, когда будутъ доставлены лучшіе снимки съ этихъ надписей, или самые оригиналы.

Надписи большею частью коротки: указывается дата по селевкидской эрѣ; за тѣмъ обыкновенно отмѣчается дата также по годамъ 12-лѣтняго животнаго цикла, въ болѣе древнихъ надписяхъ большей частью только *по-сирійски*, въ болѣе позднихъ *по-сирійски* и *по-тюркски*, въ рѣдкихъ случаяхъ только *по-тюркски*. За датой слѣдуютъ слова «это — могила такого-то» и пр. Имена собственныя — большею частью тюркскія, частью простыя какъ н. пр. *Кутлук*, частью сложныя, какъ н. пр. Кутлук-*Тарим*, *Таш-Мингу* и пр. Чисто сирійскихъ именъ встрѣчается не много: *Юханан* (Іоаннъ), *Шлиха*, *Пецха* и *Зума*. Изъ другихъ именъ употреблявшихся у западныхъ христіанъ мы нашли только имена *Павелъ*, *Петросъ*, *Симеонъ* и — очень часто — *Дживарджис* т. е. *Георгій*. Изъ женскихъ именъ весьма часто встрѣчается *Марьям*, т. е. *Марія;* кромѣ того мы находимъ имена *Марѳа* [1]), *Юлія*, *Юлитта*, *Февронья* и вѣроятно также *Мавра*. Рядомъ съ христіанскимъ именемъ нерѣдко стоитъ и тюркское.

При именахъ дѣтей прибавляются слова «мальчикъ» или «дѣвочка», при именахъ юношей и молодыхъ дѣвушекъ слова: «миловидный юноша» или «миловидная дѣвица». При именахъ взрослыхъ почти всегда стоитъ эпитетъ «вѣрующій», «вѣрующая»; при именахъ женщинъ часто прибавляется «дочь такого-то», или «жена такого-то». При именахъ-же мужчинъ рѣдко только

1) Это по происхожденію сирійское имя.

указывается имя отца; оно — какъ кажется — прибавляется только тогда, когда послѣднiй былъ человѣкъ извѣстный или знаменитый.

Мужчины и даже мальчики очень часто носятъ титулъ *кашиша*, который собственно говоря означаетъ *пресвитера*, но затѣмъ также просто *священника*. Католическiй миссiонеръ Вильгельмъ де Рубрукъ, посѣтившiй эти мѣстности около середины XIII вѣка, сообщаетъ, что епископъ туда заѣзжаетъ весьма рѣдко, примѣрно одинъ разъ въ 50 лѣтъ. При такомъ посѣщенiи онъ всѣхъ дѣтей мужескаго пола, даже грудныхъ младенцевъ, посвящаетъ въ священники. «Вслѣдствiе этого», прибавляетъ онъ, «тамъ почти всѣ пожилые мужчины — священники». *Царь-священникъ* или *пресвитеръ Iоаннъ*, про котораго въ средніе вѣка ходило столько баснословныхъ разсказовъ, котораго тогда вездѣ искали и нигдѣ не могли найти, по всей вѣроятности былъ никто иной какъ одинъ изъ царей большаго тюркскаго, христiанскаго, жившаго на востокъ отъ Кульджи, племени Кераитовъ, который, подобно почти всѣмъ своимъ соплеменникамъ, вѣроятно еще въ дѣтствѣ былъ посвященъ въ священники.

Кромѣ титула «кашиша» (священникъ) встрѣчаются еще духовные титулы: *Соура*, *перiодевтъ*, *хорепископъ*[1]), *архидiаконъ*, *настоятель церкви* и *схоластикъ*. Послѣднее названiе собственно означаетъ изучающаго богословiе. Иногда послѣ именъ стоятъ почетные эпитеты, какъ н. пр. «*благословенный старецъ*», «*славный*», «*могущественный*», «*знаменитый эмиръ*» или «*оказавшiй большiя услуги церкви*». О нѣкоторыхъ очевидно ученыхъ священникахъ въ болѣе длинныхъ надписяхъ говорится, что они были знаменитыми экзегетами и проповѣдниками, что ихъ голосъ былъ подобенъ гласу трубы, что они были прославлены мудростью, и свѣтомъ (своимъ) просвѣщали церкви. Нѣкоторые изъ скромности велѣли вырѣзать передъ своимъ именемъ слово «*махиха*», т. е. «низкiй, незначительный». Столь употребительное у западныхъ сирiйцевъ слово «*мехила*» т. е. «слабый, смиренный» въ нашихъ надписяхъ не встрѣчается. О прибавленiи словъ «умеръ отъ чумы» я уже упомянулъ выше.

Эвлогiи встрѣчаются рѣдко и очевидно только тогда, когда рѣчь идетъ о лицахъ, которыя имѣли видное положенiе, были-ли они священниками или мирянами. Онѣ гласятъ приблизительно такъ же какъ у западныхъ христiанъ первыхъ христiанскихъ вѣковъ, н. пр.: «да соединитъ Господь нашъ духъ его съ духомъ праведниковъ, предковъ, святыхъ, во вѣки»; «да достанется ему всякiй блескъ»[2]).

1) Эти три названiя имѣютъ одно и тоже значенiе.

2) См. мой Сборникъ еврейскихъ надписей, стр. 424.

Въ *лингвистическомъ* отношеніи наши надписи представляютъ много своеобразныхъ явленій. Онѣ не написаны правильнымъ сирійскимъ языкомъ, но тѣмъ не менѣе кое какіе матеріалы даютъ даже для сирійской лексикографіи. Такъ н. пр. только изъ нашихъ надписей усматривается настоящее значеніе весьма, правда, рѣдкаго слова *ателія*, которое неправильно толкуется сирійскими туземными лексикографами IX и X вѣковъ и по нимъ и въ новомъ, еще неоконченномъ *Thesaurus syriacus Пэн-Смита*.

Въ *палеографическомъ* отношеніи семирѣченскія надписи имѣютъ громадное значеніе. Независимо отъ того, что въ нихъ встрѣчаются такія формы буквъ, которыя не попадаются въ сирійскихъ рукописяхъ, даже несторіанскаго происхожденія, формы письменъ нашихъ надписей объясняютъ намъ, какимъ образомъ развилось изъ сирійскаго алфавита — и именно изъ алфавита *несторіанцевъ тѣхъ мѣстностей* — *уйгурское* письмо. Прямо изъ древне-сирійскаго алфавита *эстрангело* это письмо ни коимъ образомъ не могло произойти.

Д. Хвольсонъ.

Дополненіе къ статьѣ „Древнѣйшія монеты китайцевъ“.

Дополняя вышенапечатанную статью нашу, мы находимъ не лишнимъ сообщить читателямъ, что нѣкоторыя свѣдѣнія о древнѣйшихъ китайскихъ монетахъ могутъ быть почерпнуты между прочимъ изъ слѣдующихъ европейскихъ источниковъ: 1) Verzeichniss der chinesischen und japanischen Münzen des K. K. Münz- und Antiken-Cabinetes in Wien. Nebst einer Übersicht der chinesischen und japanischen Bücher der K. K. Hofbibliothek, von Stephan Endlicher. Wien. 1837. 2) Recueil de monnaies de la Chine, du Japon, de la Corée, d'Annam, et de Java, au nombre de plus de mille, précédé d'une introduction historique sur ces monnaies, par le baron S. de Chaudoir. St. Pétersbourg. 1842. 3) Some account of the «Tseen Shih Too», a Chinese work on coins; by John Williams (помѣщено въ The Numismatic chronicle and journal of the Numismatic Society. Vol. XIII. London. 1851). 4) Account of «Kin Ting Tseen Luh», a chinese Work on coins, in the library of the Numismatic Society of London; by John Williams (помѣщено въ The Numismatic chronicle. Vol. XIV. London. 1852). 5) On chinese knife money; by W. B. Dickinson (помѣщено въ The Numismatic chronicle. New series. Vol. II. London. 1862). Полную библіографію китайской нумизматики см. у H. Cordier, Bibliotheca Sinica I, 292—94 и 859—61. Въ указанныхъ источникахъ, нужно замѣтить, свѣдѣнія собственно о древнѣйшихъ китайскихъ монетахъ весьма скудны, на томъ основаніи, что авторы слишкомъ скептически относились къ древнѣйшей исторіи Китая, не придавали цѣны словамъ чуждыхъ предвзятости китайцевъ-нумизматистовъ и не имѣли охоты подробно разсматривать матеріалъ, фактическая

достовѣрность котораго не можетъ быть констатирована. Между прочимъ, г. Dickinson проводитъ ту мысль, что китайскія монеты, круглой формы, съ дирою посрединѣ, образовались изъ монетъ «ножевыхъ», путемъ постепеннаго умаленія самаго ножа, и указываетъ при этомъ на денежные знаки римско-британскаго періода (въ собраніи Roach Smith, въ Британскомъ музеѣ), въ которыхъ, дѣйствительно, можно прослѣдить, какъ одна форма мало по малу переходила въ другую.

С. Георгіевскій.

МЕЛКІЯ ЗАМѢТКИ И ИЗВѢСТІЯ.

Монеты С. И. Чахотина.

I. [1])

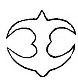
Изъ 18 мѣдныхъ монетъ, присланныхъ С. И. Чахотинымъ, главную долю составляютъ монеты Моссульскихъ Атабековъ (5 экз.), Ортокидовъ (3 экз.) и Айюбидовъ (3 экз.), между которыми нѣтъ ни одного новаго или по крайней мѣрѣ рѣдкаго типа. Одна монета принадлежитъ къ числу обыкновенныхъ, хотя и очень древнихъ умейядскихъ фельсовъ (безъ означенія года и мѣста чеканки), 1 бухархудадская, 1 шейбанидская (?), чек. въ Бухарѣ, 1 потертая римская монета и 1 византійская Никифора Фоки (послѣднія двѣ опредѣлены графомъ Ив. Ив. Толстымъ). Наиболѣе заслуживаютъ вниманія двѣ остальныя монеты, изъ которыхъ одна до сихъ поръ, сколько я знаю, не издана, а другая, хотя и извѣстна уже по двумъ экземплярамъ, но все-таки еще требуетъ дальнѣйшаго разъясненія. Къ сожалѣнію обѣ онѣ не на столько сохранились, чтобы ихъ можно было положительно пріурочить къ извѣстному отдѣлу. Такъ на одной мы читаемъ на лиц. сторонѣ, въ двойномъ четыреугольникѣ: لا اله الا الله || وحده لا شريك له || المقتفى لامر الله || и въ 4-хъ сегментахъ: --- || عضد الدولة || سنجار (?), а на оборотной сторонѣ, въ кругѣ: لله || محمد رسول الله || السلطان (?) الاعظم || محمد || (?) بن (?) ابرهيم, и вокругъ этой надписи: ارسله بالهدى ودين الحق ليظهره على الدين....

---

1) См. Протоколъ засѣданія Вост. Отд. отъ 20 ноября 1886 г.

Имя халифа المقتفى لامر الله показываетъ, что монета выбита въ періодъ времени отъ 530 до 555 года гиджры. Подъ именемъ Ададэддауле Синджара (послѣднее имя впрочемъ обыкновенно пишется سنجر) намъ извѣстенъ сельджукскій султанъ Синджаръ, сынъ Меликшаха, правившій съ 511 до 552 года. Но кто этотъ «великій султанъ Ибрахимъ» (если я только правильно прочелъ это имя), сынъ Мухаммеда, который упоминается на оборотной сторонѣ?

Вторая монета (639-го года гиджры) издана, какъ я уже замѣтилъ, два раза: 1) пок. Петрашевскимъ (Num. Muhamm. p. 84, n⁰ 304, tab. IX), неправильно (какъ уже замѣтилъ Френъ, Op. post. II, 47) приписавшимъ ее сельджукскому султану Кейхосру II, и 2) пок. Сорѐ (Lettre à M. Krehl въ Zeitschr. d. Deut. Morg. Ges. Bd. XIX, p. 548—549, tab. n⁰ 2), который, читая на своемъ экземплярѣ: الملك الرحيم الملك المعظم ولى عهد, отнесъ ее къ чекану Моссульскаго Атабека Лулу, принявшаго въ 631 году титулъ Эльмеликъ-Эррахима. Но вмѣсто слова الرحيم (котораго впрочемъ, судя по снимку, нѣтъ и на экземплярѣ Сорѐ), на экземплярѣ г. Чахотина, какъ и на монетѣ Петрашевскаго (читавшаго: الرهين) выбито: الظاهر. Затѣмъ всю надпись я читаю въ такомъ порядкѣ: الملك المعظم ولى عهد الملك الظاهر, т. е. «Эльмеликъ-Эльмуаззамъ, наслѣдникъ престола Эльмеликъ-Эззахыра». Для разрѣшенія вопроса, кого должно разумѣть подъ этими громкими титулами, которые въ то время были весьма распространены, нужно знать, гдѣ именно выбита эта монета. Сорѐ пишетъ: «probablement la localité est el-Maoussil». На экземплярѣ г. Чахотина едва виднѣется что-то похожее на الجزيرة. Если это такъ, то монета выбита однимъ изъ Джезирскихъ Атабековъ.

Изображеніе , которое находится внутри вышеупомянутой, кольцеобразно размѣщенной надписи, похоже на соединеніе 2-хъ якорей. Петрашевскій принималъ его за изображеніе 2-хъ луковъ; Сорѐ за сѣкиру, или за двѣ лиліи, или за два щита.

В. Тизенгаузенъ.

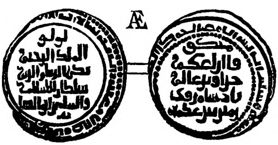
8-го ноября 1886 года.

II. [1])

Между 10 восточн. монетами, вновь присланными С. И. Чахотинымъ, первое мѣсто, по древности и по научному значенію, должно быть отведено 1) единственному въ своемъ родѣ, но къ сожалѣнію весьма плохо сохранившемуся, экземпляру мѣдной, до сихъ поръ, сколько я знаю, неизвѣстной въ нумизматической литературѣ, византійско-арабской монеты I-го вѣка мусульманской эры, слѣдов. VII-го столѣтія нашего лѣтосчисленія. Величиною, вѣсомъ и толщиною она лишь немного превосходитъ нашу нынѣшнюю копѣйку. На одной сторонѣ выбита въ кругѣ, надъ горизонтальною чертою, буква M или **m**, а подъ нею столь часто встрѣчающаяся на византійскихъ монетахъ, но все еще невполнѣ разъясненная, надпись CON; слѣва повидимому сохранились размѣщенныя вертикально буквы ANO. Сторона эта, кажется, подверглась перечеканкѣ, которою сильно поврежденъ первоначальный типъ. На оборотѣ, также въ кругѣ, выбито: لا اله || الا الله || وحده.— 2) Второю, по хронологическому старшинству, монетою является рѣдко встрѣчающійся и замѣчательный по своей сохранности, умейядскій динаръ (халифа Абдульмалика), 80 года гиджры (= 699—700 г. по Р. Х.). — 3) Диргемъ 193 года (= 808—809), чек. въ Мединетъ-эсселямѣ, принадлежащій къ числу самыхъ обыкновенныхъ монетъ аббасидскаго халифа Харунъ-Эррашида. — 4—5) Двѣ небольшія потертыя сер. монеты, кажется сельджукскія; по крайней мѣрѣ на одной изъ нихъ читается علا الدنيا والدين, прозвище сельджукскаго эмира Кейкобада, сына Кейхосру. — 6) Серебряная двуязычная монета армянскаго царя Хетума I-го, съ изображеніемъ, на одной сторонѣ, ѣдущаго на конѣ вправо царя, со скипетромъ въ правой рукѣ, окруженнаго армянскою надписью, означающею: «*Хетумъ, царь Армянъ*»; на другой сторонѣ арабская надпись, въ 3-хъ строкахъ, гласящая: «*султанъ великій Гыяседдунья-уаддинъ Кейхосру, сынъ Кейкобада*», а по бокамъ ея: «*чеканено въ Сисъ, въ 642* (?) *году* (= 1244—5). — 7) Неоднократно изданная, мѣдная ортокидская монета Кутбеддина Эльгази, съ извѣстною надписью: ملعون من يغيره и съ превосходно сохранившимся рельефнымъ изображеніемъ 2-хъ поясныхъ человѣческихъ фигуръ (заимствованнымъ съ визант. монетъ Ираклія I и сына его Ираклія Константина), надъ которыми выбито: سبع و سبعين (و) خمسماية, т. е. 577 годъ гиджры (= 1181—2); ср. Catal. of orient. coins in the Brit. Mus. Vol. III, Pl. VIII, n⁰ 391. — 8) Мѣдная ортокидская монета Насыреддина Ортокъ Арслана, 620 года

1) См. выше, протоколъ засѣданія Вост. Отд. отъ 19 декабря 1886.

(= 1223—4), сходная съ экземпляромъ, изд. Ленъ-Пулемъ въ томъ-же каталогѣ Pl. IX, n⁰ 453. — 9) Мѣдная ортокидская монета того-же властителя, чеканенная, кажется, въ 611 году (= 1214—5); ср. Pietraszewski, Num. Muh. Tab. VII, n⁰ 270. — 10) Прекрасный экземпляръ мѣдной монеты предпослѣдняго моссульскаго атабека Бедреддина Лулу, 656 года (= 1258). Монета эта издана, какъ извѣстно, уже нѣсколько разъ, но до сихъ поръ еще остается неразрѣшеннымъ вопросъ, какъ слѣдуетъ читать два слова въ 5-ой строкѣ надписи, помѣщенной на оборотной сторонѣ, послѣ имени и титуловъ упомянутаго на ней «великаго кана Менгу, повелителя міра, падишаха земной поверхности» منكو || قاان اعظم || خداوند عالم || پادشاه روى || زمين .... На экземплярѣ г. Чахотина, какъ и на большей части изданныхъ монетъ этого вида, два слова о которыхъ идетъ рѣчь, изображены такимъ образомъ: سر عطمه (см. прилаг. рисунокъ).



Кастиліони (Mon. Cuf. p. 157, n⁰ CXLIV, Tav. IX, n⁰ 7) читалъ ихъ تتر عظم; Френъ (Rec. p. 616, n⁰ 1, c и De Ilchan. numis, n⁰ 21) الاعظم; Марсденъ (Num. Orient. I, n⁰ CLXXXI, Pl. X) и Vaux (The hist. of the Atabeks, pag. XXVIII—XXIX, Pl. IV, n⁰ XVI) تتر معظم (кромѣ того оба вмѣсто خداوند ошибочно читали حلاوبل); Сольси (Journ. Asiat. 1845, II, p. 140—142) بنل عظم; Крель (ZDMG. XII, 259—261), на экземплярѣ котораго первое слово выбито ابل, обходитъ вопросъ очень осторожно и говоритъ: «Ich gebe von vornherein zu, dass Fraehn's Lesung palaeographische Bedenken erregen kann, doch scheint sie mir keineswegs unmöglich, und sprachlich wie geschichtlich allein wahrscheinlich; denn es lässt sich doch nicht annehmen, dass عظم, wie deutlich dasteht (рисунка, къ сожалѣнію, не приложено), für عظيم oder اعظم gesetzt sei». Ленъ-Пуль (Catal. of the orient. coins in the Brit. Mus. Vol. III, p. 208, n⁰ 593) предлагаетъ читать: بنل عظما, замѣтивъ въ примѣчаніи, что «The final letter of بنل is precisely similar to that of خداوند, and does not resemble that of رسول. I decide, therefore, on palaeographical grounds, in favour of بنل, instead of نيل [1])».

1) Въ Британскомъ музеѣ находится золотая монета подобнаго-же рода, на которой Ленъ-Пуль (Catal. III, p. 201, n⁰ 575) также читаетъ بنل عظما.

Чтеніе перваго слова дѣйствительно затрудняется тѣмъ, что послѣдняя буква его, при сравненіи съ прочими надписями этой монеты, можетъ быть принята не только за د или ذ, да за ر или ز, но и за ن. Мнѣ кажется только, что въ упомянутыхъ двухъ словахъ заключается не дальнѣйшій эпитетъ Менгукана, какъ полагали доселѣ, а благочестивое пожеланіе въ честь его, которое на Крелевомъ экземплярѣ смѣло можно прочесть ابّد или ابّد عظمه, на нашей же монетѣ и на другихъ перечисленныхъ выше экземплярахъ, гдѣ вмѣсто ابد выбито بير, можетъ быть прочтено и بيّن, и نبّر, и نثّر и نيّر عظمه [1]).

В. Тизенгаузенъ.

18 декабря 1886 года.

---

1) Не кроется-ли подобное же пожеланіе въ двухъ словахъ, которыя Ленъ-Пуль читаетъ يدّل عظيمًا на нѣкоторыхъ хулагуидскихъ мѣдныхъ монетахъ Британск. музея (Catal. of orient. coins of the Brit. Mus. VI, n⁰ 52—54. 59. 84)?

Пользуюсь случаемъ, чтобы указать здѣсь на интересный и, сколько мнѣ извѣстно, единственный доселѣ экземпляръ *серебр.* монеты послѣдняго моссульскаго атабека Исмаила, сына вышеупомянутаго Бедреддина Лулу. Монета эта, выбитая въ Моссулѣ, въ 660 году гиджры, принадлежитъ Императорскому Эрмитажу. На лиц. сторонѣ ея выбито: الامام || لا اله الا الله || وحده لا شريك له || المستنصر بالله || امير المومنين; справа и слѣва стершіяся надписи; кругомъ: بسم الله ضرب هذا الدرهم بالموصل سنة ستين وستماية.

На обор. стор. محمد رسول الله||صلى الله عليه||الملك الصالح||ركن الدنيا||والدين; сверху اسماعيل, справа ابن, слѣва لولو; вокругъ: السلطان المعظم الملك الظاهر ركن الدين بيبرس ناصر امير المومنين. Такимъ образомъ на этой монетѣ, кромѣ имени атабека Эльмеликъ-Эссалиха Рукнеддунья-уаддина Исмаила, сына Лулу, выбиты еще имена сюзерена его, тогдашняго египетскаго султана Эльмеликъ-Эззахыра Рукнеддина Бейбарса, и признаннаго послѣднимъ новаго аббасидскаго халифа Эльмустансырбилляха (см. Weil, Gesch. d. Chal. IV, 25). Принадлежащій Азіятскому Музею моссульскій *динаръ* 659 года, съ именами этихъ-же трехъ лицъ, изданъ въ Френовыхъ Op. post. I, стр. 76, n⁰ 1, g.

Образчикъ персидскаго юмора.

Собирая во время пребыванія въ Персіи всякаго рода народныя пѣсни, я записалъ между прочимъ приводимый ниже отрывокъ, великолѣпный обращикъ персидскаго юмора. Эти изящнѣйшія, полныя остроумія строки, въ которыхъ осмѣивается присущая персамъ страсть къ хвастовству, значительно выигрываютъ въ силѣ и выразительности благодаря тому обстоятельству, что герой повѣствуетъ о своихъ подвигахъ и великихъ доблестяхъ тѣмъ же самымъ ритмомъ — متقارب, которымъ изложены достославныя дѣянія героевъ персидской эпопеи Шах-намэ. Къ сожалѣнію отрывокъ этотъ, записанный въ Исфаганѣ, остался «единственнымъ перломъ» въ моемъ сборникѣ, такъ какъ, несмотря на долгіе поиски, я ничего подобнаго въ Персіи болѣе не нашелъ.

Вотъ какъ возглашаетъ о себѣ персидскій герой:

من آن پهلوانِ پسندیده ام
که از گوزِ بزگاله ترسیده ام
بمیدانِ سفره چو جولان کنم
بیك دم شکم‌را پر از نان کنم
من آن پهلوانم که وقت غضب
نشینند بآبِ روان یك وَجَب
من آن پهلوانم که روزِ مصاف
کنند خنجرم رخنه بر آبِ صاف
ز دندان در آرم ز خون از انار
که مردم بدانند منم پهلوان [1])
ز قاشُق در آرم ز ماست از تغار
که مردم بدانند منم پهلوان
ز ارّه ببرّم دو برگ از چنار
که مردم بدانند که منِ پهلوان
منم پهلوانی سر دیگ آش
قشون مگس‌را کنم پاش پاش

1) Здѣсь и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ есть ошибки противъ размѣра. Я ихъ оставляю безъ исправленія такъ какъ воспроизвожу эти стихи въ такомъ видѣ, въ какомъ они мнѣ читались.

منم پهلوانی بضرب و بزور
بنیزه در آرم کلوج از تنور
منم پهلوانی سر جوی آب
بنیزه در آرم گل از توی آب

«Я тотъ хваленый богатырь,
Который испугался «вѣтра» козленка.
Когда я гарцую (суечусь) на полѣ накрытаго стола,
То въ одинъ моментъ наполняю животъ хлѣбомъ.
Я тотъ богатырь, который во время гнѣва
Сидитъ въ проточной водѣ на четверть.
Я тотъ богатырь, у котораго въ день битвы
Кинжалъ дѣлаетъ брешь въ прозрачной водѣ.
Зубами извлеку я кровь [1]) изъ гранаты,
Чтобы люди познали, что я богатырь.
Ложкою я вытащу кислаго молока изъ таза,
Чтобы люди познали, что я богатырь.
Пилою я отрѣжу два листа съ чинара,
Чтобы люди познали, что я богатырь.
Я богатырь: надъ кастрюлею похлебки
Я разсѣеваю полкъ мухъ.
Я богатырь: ударомъ и усиліемъ
Я вытаскиваю копьемъ хлѣбъ изъ печки. [2])
Я богатырь: у ручейка
Я вытаскиваю грязь изъ-подъ воды».

Оставаясь на почвѣ свѣдѣній о персидскомъ хвастовствѣ, я считаю не лишнимъ сообщить, на основаніи слуховъ, что въ Персіи лѣтъ 20—30 тому назадъ была очень распространена небольшая книженка въ стихахъ, составленіе которой приписывалось извѣстному Аббасъ-Мирзѣ, сыну Фетали-Шаха. Въ ней Аббасъ-Мирза гордо заявлялъ міру о томъ, какъ онъ

---

1) Замѣчательно здѣсь и въ слѣдующемъ стихѣ употребленіе предлога از въ смыслѣ раздѣлительномъ (للتبعيض).

2) Нѣкоторые сорта персидскаго хлѣба дѣйствительно извлекаются изъ печки при помощи длиннаго желѣзнаго прута, который называется سیخ نانوائی.

сотретъ съ лица земли *Урус*'а, Русскихъ. Основываясь на томъ, что въ этихъ стихахъ несчастнаго персидскаго главнокомандующаго встрѣчается имя Паскевича, слѣдуетъ полагать, что роспись будущимъ подвигамъ сыновъ благословеннаго Ирана и успѣхамъ персидскаго оружія была составлена послѣ неблагопріятной для Персіи войны съ Россіей, окончившейся Туркманчайскимъ міромъ 1828 года, когда Персамъ дѣйствительно оставалось только утѣшать себя несбыточными надеждами и строить воздушные замки, и когда Аббасъ-Мирза всетаки думалъ для отместки о возобновленіи войны съ Россіей. Книжка, о которой идетъ рѣчь, начиналась такими трескучими словами Аббасъ-Мирзы:

کشم شمشیر مینائی که شیر از بیشه بگریزد
زنم بر سر پاسکُویچ که دود از پطر بر خیزد

«Я вытащу эмалированный мечъ, такъ что левъ бѣжитъ изъ лѣса.
Ударю по башкѣ Паскевича, такъ что дымъ поднимется въ Петербургѣ.»

Полагая, что и такого рода произведенія не безъинтересны, какъ иллюстраціи для исторіи нашей послѣдней войны съ Персіей, я наводилъ справки, но книги нигдѣ не нашелъ. Очень можетъ быть, что по мѣрѣ охлажденія воинственнаго пыла Персовъ, а также за давностью лѣтъ, хвастливыя рѣчи Аббасъ-Мирзы потеряли интересъ и значеніе, и все произведеніе вышло изъ обращенія.

В. Жуковскій.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

35. В. Наливкинъ и **М. Наливкина.** Очеркъ быта женщины осѣдлаго туземнаго населенія Ферганы. Казань 1886. 244 стр. 8⁰.

Подъ такимъ скромнымъ заглавіемъ представленъ, въ главныхъ чертахъ, бытъ не только женщины, но и всего осѣдлаго мусульманскаго населенія Ферганы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всей Средней Азіи, — бытъ, на который легла печать ислама, какъ въ крупныхъ явленіяхъ, такъ и мелочахъ. Чтобы вліяніе наше на туземцевъ Средней Азіи было благотворно, намъ необходимо изучить ихъ бытъ во всѣхъ подробностяхъ, иначе мы не будемъ въ состояніи ни отличить существенное отъ второстепеннаго, ни знать, какъ поступить въ томъ или другомъ случаѣ, гдѣ настойчиво требовать, гдѣ дѣлать уступки, не теряя, однако, собственнаго достоинства и не упуская изъ виду государственныхъ интересовъ. Осторожность необходима во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда затрогиваются религіозныя воззрѣнія народа, а для этого надо знать, какъ они, эти воззрѣнія, проявляются въ жизни и вообще въ бытѣ народа. Конечно, названная книга не исчерпываетъ вопроса вполнѣ, но она кладетъ начало къ его изученію.

Во многихъ случаяхъ авторы даютъ объясненія тому или другому явленію, вытекающему изъ постановленій религіи. Главную часть книги составляетъ описаніе туземной женщины, вся жизнь ея отъ колыбели до могилы, со всѣми ея радостями и невзгодами. Здѣсь узнаемъ мы, какими обрядами и обычаями сопровождается рожденіе дѣвочки, какъ она подростаетъ, какое получаетъ воспитаніе въ домашней средѣ, какъ выходитъ за мужъ и какія возлагаются тогда на нее обязанности и занятія. Узнаемъ ея

суевѣрія, ея примѣты, требованія приличій, ея поведеніе. Изъ настоящаго очерка мы наглядно можемъ видѣть, что поведеніе женщины вполнѣ зависитъ отъ отношенія къ ней мущины; а потому едва ли возможно упрекать туземную женщину Туркестанскаго края за нѣкоторыя непригядныя стороны ея характера и ея нравственности.

Не вдаваясь въ подробный разборъ книги, скажемъ только, что «Очеркъ» гг. Наливкиныхъ является весьма цѣннымъ вкладомъ въ нашу литературу о Средней Азіи, и крайне желательно, чтобы нашлись имъ подражатели въ разработкѣ тѣхъ матеріаловъ, которые находятся у мѣстныхъ въ Туркестанскомъ краю дѣятелей подъ руками и передъ глазами.

Н. В.

36. Труды православныхъ миссій Восточной Сибири. Изданіе Иркутскаго Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества. Томъ 1-й 1883 г. 559 стр.; Т. 2-й 1884 г. 632 стр.; Т. 3-й 1885 г. 599 стр. Т. 4-й 1886 г. 678 стр. in 8°. — Иркутскъ.

Четыре года тому назадъ Иркутскій Комитетъ Православнаго Миссіонерскаго Общества задумалъ собирать и періодически издавать сборники трудовъ православныхъ миссій Восточной Сибири. Въ теченіе четырехъ лѣтъ издано уже четыре тома, но тѣмъ не менѣе это изданіе почти не извѣстно въ Россіи. Послѣднее обстоятельство объясняется прежде всего постановленіемъ Комитета относительно самаго изданія. Комитетъ не предназначилъ свое изданіе къ продажѣ, — онъ опредѣлилъ «печатать его исключительно для нуждъ своихъ членовъ и только самое незначительное число экземпляровъ разсылать по болѣе многолюднымъ иноческимъ обителямъ и духовнымъ семинаріямъ, откуда можно ожидать новыхъ дѣятелей на поприще миссіонерскаго служенія». Цѣль изданія — а) ознакомить несвѣдущихъ съ служеніемъ миссій Восточной Сибири, b) привлечь къ миссіонерскому служенію новыхъ усердныхъ дѣятелей и с) дать имъ руководство въ этомъ служеніи, пока они сами лично не ознакомятся съ дѣломъ. Что касается содержанія сборниковъ, то всѣ статьи, вошедшія въ составъ собственно первыхъ трехъ томовъ, въ свое время уже были напечатаны въ разныхъ духовныхъ изданіяхъ. Въ частности сюда вошли, начиная съ 1862 г., всѣ общіе оффиціальные отчеты о состояніи миссій, представляемые мѣстными архипастырями Св. Синоду, за симъ частные отчеты о дѣятельности нѣкоторыхъ миссіонеровъ во ввѣренныхъ имъ миссіонерскихъ станахъ и наконецъ нѣсколько статей, относящихся до исторіи и этнографіи края. Изъ

числа статей этого послѣдняго отдѣла слѣдуетъ отмѣтить въ томѣ первомъ (изданіе 1883-го г.) статью «О ламскомъ суевѣріи въ Восточной Сибири — Еп. Веніамина; въ томѣ второмъ (изд. 1884 г.) статью «О началѣ христіанства на О-вѣ Ольхонѣ» — іером. Дороѳея; въ томѣ третьемъ (изд. 1885 г.) статьи a) «Замѣтка о шаманствѣ Бурятъ» — Прот. К. Стукова; и b) «Очеркъ исторіи распространенія христіанства между Тункинскими Бурятами на Торской степи» — Свящ. І. Косыгина; въ томѣ четвертомъ (изд. 1886 г.) статьи: a) «Буддійская космогонія» — Свящ. А. Норбоева; b) «Порабощеніе бурятъ ламствомъ въ Хоринскомъ вѣдомствѣ. — Свящ. С. Стукова; c) Орочены, или Оленьи Тунгусы — Свящ. Прянишникова; d) религіозныя вѣрованія, семейные обряды и жертвоприношенія сѣверобайкальскихъ бурятъ шаманистовъ — Свящ. В. Копылова; e) Агинскіе буряты и ламы — Свящ. А. Шаврова; и f) О ламаизмѣ за Байкаломъ — Прот. А. Виноградова. Въ общемъ составѣ сборниковъ, всѣ эти статьи не представляютъ однако и одной десятой части содержанія и объема вышедшихъ томовъ, — все остальное занимаютъ въ нихъ отчеты о дѣятельности миссій.

А. П.

37. La réforme monétaire en Egypte. Le Caire, 1886; 7, 9 (ненумер.), 195 и LXVI стр. in 8⁰.

Появленіемъ своимъ книга эта обязана выпуску египетскимъ правительствомъ, 30 іюня 1886 года, новыхъ монетъ: серебряныхъ (въ 1, 2, 5, 10 и 20 піастровъ), никкелевыхъ (въ 1, 2 и 5 ошрельгершовъ или десятигрошевиковъ) и бронзовыхъ (въ $^1/_4$ и $^1/_2$ ошрельгершовъ), изображенія которыхъ, въ натуральную величину, помѣщены на двухъ таблицахъ, съ обозначеніемъ металлическаго состава и вѣса ихъ. Кромѣ того, находятся въ обращеніи: золотая египетская монета въ 5, 10, 20 и 50 піастровъ и серебряная въ $^1/_2$ и въ $^1/_4$ піастра. На всѣхъ монетахъ выбиты: тугра турецкаго султана, годъ восшествія его на престолъ, годъ царствованія его, обозначеніе мѣста чеканки (مصر) и цѣнности монеты.

Оставляя въ сторонѣ всѣ документы, относящіеся до финансовой части, мы ограничимся здѣсь только указаніемъ на помѣщенный въ концѣ книги (стр. I—XX) «Résumé historique» монетнаго дѣла въ Египтѣ, состоящій изъ 4-хъ отдѣловъ: 1) monnaies des khalifes (641—860 г.), 2) monnaies égyptiennes proprement dites (860—1516 г.); 3) monnaies turco-égyptiennes (1516—1834 г.); 4) monnaies actuelles. Этотъ историческій очеркъ составленъ главнымъ образомъ на основаніи извѣстныхъ трудовъ Марсдена,

Бернара, Ленъ-Пуля, Роджерса и Совера, и по указаніямъ помощника государственнаго секретаря въ египетскомъ министерствѣ народн. просвѣщенія, Якуба Артынъ-Паши.

В. Т.

38. The art of the Saracens in Egypt by St. Lane-Poole, Hon. Member of the Egypt. Commission for the Preservation of the Monuments of Arab Art. London, 1886. XVIII, 312 стр. in 8°.

Произведенія *«сарацинскаго»*, т. е. средневѣковаго восточнаго искусства въ Египтѣ, разсматриваемыя авторомъ этой книги большею частью на основаніи личнаго ознакомленія съ ними, заключаются въ памятникахъ архитектуры (преимущественно мечетяхъ) и разныхъ декоративныхъ ихъ принадлежностяхъ, какъ-то: рѣзныхъ каменныхъ и штукатурныхъ, деревянныхъ, костяныхъ, стеклянныхъ и мозаичныхъ украшеніяхъ, въ глиняныхъ и бронзовыхъ сосудахъ, тканяхъ и встрѣчающихся въ рукописяхъ рисункахъ. Кромѣ извѣстныхъ изслѣдованій *Рено́* (Monum. musulmans), *Приссъ-д'Авенна* (L'art arabe), *Коста* (Monum. du Caire), *Бургоэна* (Les arts arabes) и статей *Лонперьѐ*, *Лавуа*, *Шефера*, *Юля* и *Лена*, онъ воспользовался еще нѣкоторыми интересными указаніями, которыя встрѣчаются въ соч. Масъуди, Союти, Ибнхальдуна, Маккари, Ибнбатуты, Абделлятифа, Насыри Хосрау, и въ особенности Макризіевымъ описаніемъ фатимидскихъ сокровищъ, находившихся нѣкогда въ Каирѣ. Вышедшій въ 1884 году трудъ д-ра *G. Le Bon*'а (La civilisation des Arabes), сочиненіе съ весьма неудовлетворительнымъ, правда, текстомъ, но съ множествомъ прекрасно исполненныхъ рисунковъ, нашему автору, должно быть, остался неизвѣстнымъ. По крайней мѣрѣ онъ нигдѣ о немъ не упоминаетъ.

Обзору всѣхъ памятниковъ предпосланъ краткій очеркъ исторіи Египта, начиная съ 641 года, т. е. окончательнаго завоеванія этой страны мусульманами, до 1516 года, или подчиненія ея турецкому владычеству. Главнѣйшее мѣсто въ этомъ очеркѣ отведено исторіи Мамлюковъ, ко времени господства которыхъ (1250—1516 г.) относится бо́льшая часть описываемыхъ памятниковъ. Для поясненія послѣднихъ въ книгѣ помѣщено 158 рѣзанныхъ на деревѣ рисунковъ, частью появляющихся здѣсь впервые, частью извѣстныхъ уже по изданнымъ прежде сочиненіямъ.

Въ числѣ архитектурныхъ памятниковъ являются извѣстныя мечети Амра (VII стол.), Ибнтулуна (IX ст.), Эльхакима (X ст.), Бейбарса, Калауна и Эннасыра-Мухаммеда (XIII ст.), Эльмаридани, Аксонкора, Суюр-

гатмыша, Хасана и Баркука (XIV ст.), Эльмуайеда, Барсбая и Кайтбая (XV ст.), Эльгури (XVI ст.). Внѣшній видъ и внутреннее расположеніе частныхъ домовъ пояснена планами 3-хъ этажнаго строенія въ Каирѣ и видомъ одной изъ улицъ этого города. Наконецъ указаны уличные фонтаны, школы и купеческіе ханы или векалы.

Изъ рѣзныхъ каменныхъ и лѣпныхъ архитектурныхъ украшеній описаны цвѣточные орнаменты надъ сводами и фризами нѣкоторыхъ изъ вышеупомянутыхъ мечетей, розетка въ мечети султана Хасана, каменная каѳедра въ меч. Баркука, арабески и геометрическія фигуры въ Кайтбаевой векалѣ.

По части мозаичныхъ украшеній упомянуты настилки въ мечетяхъ Эльгури, Калауна, Хасана, Кайтбая и Элашрафа, и интересные образчики въ Кенсингтонскомъ музеѣ.

Очень любопытный и разнообразный отдѣлъ составляютъ деревянныя филенчатыя украшенія на потолкахъ, дверяхъ, мимбарахъ, налояхъ для крановъ и гробничныхъ обшивкахъ, рѣзные шкафы для посуды, рѣшетчатыя окна и др.

Орнаменты изъ слоновой кости дошли до насъ преимущественно въ видѣ инкрустацій на черномъ деревѣ. Рѣзныя издѣлія изъ одной слоновой кости въ Египтѣ очень рѣдки. Двѣ такія вещицы, описанныя Ленъ-Пулемъ, (небольшой кубокъ и чернильница) съ датами и съ именами рѣзчиковъ, относятся одна къ XVI, другая къ XVII столѣтію.

Между металлическими предметами особеннаго вниманія заслуживаютъ бронзовыя издѣлія съ накладными серебряными и золотыми орнаментами и надписями: столы, свѣтильники, фонари, кувшины, кадила, шкатулки, блюда, кубки, кувшины, подносы, коробки, чашки, дверныя филенчатыя пластинки и пр. Наиболѣе подробно (стр. 204—236) описаны 27 такихъ металлическихъ предметовъ, хранящихся въ англійскихъ музеяхъ; часть этихъ вещей отнесена, впрочемъ, самимъ авторомъ къ произведеніямъ не египетскихъ, а моссульскихъ и сирійскихъ художниковъ.

Относительно египетскихъ женскихъ золотыхъ и ювелирныхъ украшеній средняго вѣка автору, за неимѣніемъ образчиковъ таковыхъ и за отсутствіемъ у восточныхъ авторовъ всякихъ указаній на этотъ, столь щекотливый для благочестиваго мусульманина предметъ, пришлось удовольствоваться краткимъ повтореніемъ помѣщенныхъ въ соч. *Лена:* Modern Egyptians извѣстій о нынѣшнихъ женскихъ убранствахъ: серьгахъ, ожерельяхъ, запястьяхъ, привѣскахъ и пр., продающихся въ Каирѣ.

Интереснѣйшими средневѣковыми стеклянными издѣліями являются нѣсколько мечетныхъ лампадъ съ надписями и именами разныхъ болѣе или

менѣе извѣстныхъ лицъ, ваза султана Бейбарса II-го, и цвѣтныя оконныя стекла.

Геральдическимъ украшеніямъ (изображеніямъ льва, сокола, одноглаваго и двуглаваго орла, утки, лиліи, кубка, меча и др.), встрѣчающимся на стеклянныхъ и металлическихъ вещахъ, посвящена отдѣльная глава, составленная на основаніи статьи пок. *Роджерса:* Le blason chez les princes musulmans de l'Egypte et de la Syrie (въ Bullet. de l'Institut Egyptien, 1880 [1]).

Изъ гончарныхъ работъ обращено главное вниманіе на цвѣтные глазурованные изразцы, служившіе для облицовки стѣнъ въ мечетяхъ, дворцахъ и частныхъ домахъ.

Въ видѣ образцовъ сарацинскихъ тканей помѣщены только извѣстныя узорчатыя матеріи малоазійскаго и сицилійскаго происхожденія, хранящіяся въ Ліонскомъ, Бамбергскомъ и Нюрнбергскомъ музеяхъ. Разработка вопроса о способѣ выдѣлки и стилѣ разнообразныхъ чисто-египетскихъ тканей, упоминаемыхъ восточными писателями, предстоитъ еще будущимъ изслѣдователямъ.

Послѣднюю главу разсматриваемой нами книги составляетъ описаніе нѣсколькихъ украшенныхъ разноцвѣтными узорами рукописныхъ египетскихъ корановъ XIV и XV столѣтій.

Ближайшее изученіе всѣхъ перечисленныхъ выше сарацинскихъ предметовъ представляетъ для насъ въ Россіи особый интересъ уже по тѣсной связи, въ которой тогдашній мамлюкскій Египетъ находился съ нашей Золотой Ордой. Вспомнимъ оживленную торговлю, которую югъ нашъ, при посредствѣ генуэзскихъ и венеціанскихъ колоній въ Крыму, велъ съ Египтомъ и Левантомъ вообще, вспомнимъ постройки египетскими султанами мечетей въ Солгатѣ (см. мой Сборникъ I, 281 и 363), вспомнимъ, наконецъ, постоянную посылку этими-же султанами разныхъ подарковъ золотоордынскимъ ханамъ (см. тамъ-же, стр. 60 и др.). При этомъ считаю нелишнимъ замѣтить что «Baraka», которому египетскій султанъ Бейбарсъ въ XIII ст. отправилъ перечисляемые Ленъ-Пулемъ подарки (стр. 28), былъ не «Persian Ilkhan», какъ ошибочно полагаетъ авторъ, а золотоордынскій ханъ Берке или Беркай.

Вмѣсто العادى, العادر, العاذر и т. д. въ эпитетахъ лицъ, поименованныхъ на нѣкоторыхъ металлическихъ вещахъ, по всей вѣроятности, какъ замѣтилъ впрочемъ уже самъ авторъ (стр. 236), слѣдуетъ читать الغازى.

В. Т.

---

1) Сокращ. нѣмецк. перев. этой статьи съ 6-ю табл. напечатанъ въ Vierteljahrsschr für Heraldik, Sphragistik und Genealogie, XI Jahrg. Heft. 4 (Berlin, 1883).

39. Actes du sixième congrès international des orientalistes, tenu en 1883 à Leide. Deuxième partie. Leide. E. J. Brill 1885. IV + 756 p. 8⁰ + 176 литограф. стр. клинописныхъ текстовъ. Troisième partie. ibid. 1885. 625 p. 8⁰.

Этими двумя томами заканчивается изданіе протоколовъ и трудовъ VI-аго съѣзда оріенталистовъ[1]). *Вторая* часть посвящена семитской секціи, въ которую по заведенному обычаю входятъ и статьи по литературѣ новоперсидской и турецкой, и содержитъ не мало капитальныхъ изслѣдованій. Отмѣтимъ прежде всего посмертный трудъ незабвеннаго Дози, (стр. 281—367) изданный его достойнымъ ученикомъ и преемникомъ де Гуе. Покойному Дози удалось не задолго до смерти открыть весьма любопытныя, еще неизданныя извѣстія о религіи *Харранскихъ Сабейцевъ*. Онъ ихъ нашелъ въ одномъ сочиненіи о магіи, *Гâят-ал-Хакûмъ*, которое долго приписывалось знаменитому арабско-испанскому ученому *Масламѣ-ал-Маджрûти* (Мадридскому), жившему въ 4 в. гиджры, но которое въ дѣйствительности принадлежитъ неизвѣстному автору 5-го вѣка (между 443 и 448 г.). Эта находка вновь подтверждаетъ старую, но иногда забываемую истину, что арабскія сочиненія, о чемъ бы они ни трактовали, заслуживаютъ по крайней мѣрѣ бѣглаго перелистыванія, прежде чѣмъ быть отложенными въ сторону какъ «вздорныя». Новооткрытые матеріалы во многихъ отношеніяхъ дополняютъ наши свѣдѣнія объ этой интересной религіозной общинѣ, которой, какъ извѣстно посвященъ капитальный трудъ Д. А. Хвольсона «Die Ssabier und der Ssabismus». Дози не суждено было вполнѣ воспользоваться открытымъ имъ новымъ источникомъ. Переводъ и введеніе были окончены де Гуе, но полная оцѣнка этихъ матеріаловъ принадлежитъ будущему. Капитальное значеніе безъ сомнѣнія имѣетъ также обширная статья Ланда (стр. 35—168), заключающая въ себѣ изслѣдованіе объ исторіи *арабской гаммы*, съ приложеніемъ длиннаго извлеченія изъ арабскаго трактата о музыкѣ Абу Насра *ал-Фарâби*. Г. Ландъ въ Лейденѣ считается отличнымъ знатокомъ теоріи музыки и превосходнымъ исполнителемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма извѣстенъ всему ученому міру какъ очень солидный семитологъ. Исторія-же и теорія арабской музыки до сихъ поръ были весьма только поверхностно изслѣдованы, такъ что статья г. Ланда восполняетъ весьма чувствительный пробѣлъ. Усердно рекомендуемъ ее нашимъ музыкантамъ, интересующимся исторіей искусства и оріенталистамъ, знакомымъ съ теоріей музыки. Проф. Августу Мюллеру принадлежитъ превосходная статья

---

1) О вышедшей раньше четвертой части, см. выше стр. 47.

(стр. 257—280) о *Ибн-Аби-Усайбіи* и его знаменитой «исторіи врачей», изданной имъ-же въ 1884 г. Можно только жалѣть, что эта статья, равно какъ и весьма цѣнныя замѣтки объ особенностяхъ языка Ибн-Аби-Усайбіи (въ мюнхенскихъ академич. Sitzungsberichte за 1884 г.) не могли быть приложены къ самому изданію. Гоммель помѣстилъ замѣтку (стр. 385—408) объ одномъ изъ важнѣйшихъ памятниковъ древнеарабской поэтической литературы, сборникѣ جمهرة اشعار العرب, изданіе котораго онъ предпринялъ, и къ которому онъ намѣревается приложить спеціальный глоссарій древнеарабской поэзіи. Мысль превосходная: мы отъ души желаемъ скорѣйшаго осуществленія ея. Не лишена значенія наконецъ статья г. Ильи Кудси на арабскомъ языкѣ, трактующая о современныхъ цеховыхъ порядкахъ въ Дамаскѣ. Авторъ написалъ ея по порученію К. Ландберга, который и снабдилъ ее предисловіемъ и примѣчаніями. Она представляетъ наглядную картину нѣкоторыхъ обычаевъ промышленнаго класса въ Дамаскѣ: цехи и артели разнаго рода существуютъ вездѣ на востокѣ съ незапамятныхъ временъ и изслѣдованіе ихъ организаціи и ихъ обычаевъ обѣщаетъ не только интересные научные результаты, но быть можетъ, могло бы принести также и значительную практическую пользу. Наши владѣнія въ Азіи представляютъ въ этомъ отношеніи широкое поле для наблюденій и мы горячо рекомендуемъ нашимъ читателямъ на востокѣ эту тему. Прибавимъ кстати, что спеціально для Ферганской области починъ въ этомъ направленіи уже сдѣланъ: С. М. Смирновъ сообщилъ А. Ѳ. Миддендорфу, что въ Ферганской области существуетъ цѣлая литература популярныхъ трактатовъ, въ которыхъ прославляются и поощряются различные виды земледѣльческой и промышленной дѣятельности искуссным примѣненіемъ, или—гдѣ нужно—изобрѣтеніемъ подходящихъ *хадисовъ*, изреченій, приписываемыхъ пророку Мухаммеду. Одинъ такой трактатъ, посвященный земледѣлію, анализированъ Миддендорфомъ[1]), другіе, числомъ до 10, если мы не ошибаемся, были тѣмъ-же С. М. Смирновымъ доставлены въ Азіатскій Музей Имп. Акад. Наукъ. Въ самое новѣйшее время нѣкоторые изъ нихъ были напечатаны Н. П. Остроумовымъ въ Ташкентѣ въ Туркестанской туземной газетѣ, именно 1) دهقانچیلیك رسالەسی, въ 1885 г. 2) رسالۀ بقال لیق 3) سوارچی خصوصیده غی رساله 4) کل کارلیك خصوصیده غی رساله. Послѣдніе три въ 1886 г.

Ново-персидской литературѣ въ занимающемъ насъ томѣ посвящена лишь одна статья д-ра Этѐ (стр. 170—237), о жизни и произведеніяхъ Нȃсир-и-Хосру. Въ ней находятся любопытнѣйшіе матеріалы для ха-

1) Очерки Ферганской долины, стр. 354 и сл. Объ этомъ трактатѣ говорятъ также Наливкины, Очеркъ быта женщинъ осѣдлаго туземнаго населенія Ферганы, стр. 18.

рактеристики этого замѣчательнаго представителя мусульманской цивилизаціи пятаго вѣка гиджры, вѣка, который произвелъ эпикурейца-скептика Омара ибн-Хейяма, и пессимиста-скептика Абу-л-Алâ ал-Маʿарри, и какъ-бы въ противовѣсъ этимъ двумъ разрушителямъ вѣры выставилъ Нâсир-и-Хосру, послѣ многолѣтнихъ душевныхъ страданій и мучительныхъ сомнѣній наконецъ нашедшаго покой и удовлетвореніе въ шіитствѣ и правовѣрнаго мистика ал-Газзâли, послѣ неменьшихъ колебаній въ себѣ самомъ и для всѣхъ слѣдующихъ поколѣній воскресившаго вѣру суннитскую.

По части *турецкой* литературы мы находимъ 1) статью того-же д-ра Этѐ о турецкихъ переводахъ Калилы и Димны (стр. 239—255), въ которой авторъ констатируетъ интересный фактъ, что въ 8 вѣкѣ гиджры, за 200 лѣтъ до появленія Хумаюннамэ, въ тюркской литературѣ существовали уже два перевода — одинъ прозаическій, другой поэтическій — Калилы и Димны, и что эти два перевода сдѣланы съ персидской редакціи Насруллаха (6-го вѣка гиджры)—и 2) статью д-ра Хаутсмы о сочиненіи Мухаммеда Равенди «Сельджук-намэ», важномъ для исторіи малоазіатскихъ сельджуковъ. Отмѣтимъ, что, по словамъ Хаутсмы, въ парижской рукописи этого сочиненія читается подробный разсказъ объ экспедиціи Кай-Кобâда I въ Судакъ. Время ея къ сожалѣнію не показано въ точности, но Хаутсма гадательно относитъ ее къ 624 г. (1227). Судакъ въ этомъ разсказѣ является независимой республикой, находившейся въ союзѣ съ русскими и кипчаками. Кейкобадъ желалъ ее наказать за то, что граждане ея обидѣли одного мусульманскаго купца. Когда флотъ Кейкобада явился, русскіе и кипчаки одинаково стали ухаживать за могущественнымъ сельджукскимъ государемъ, а городъ Судакъ далъ ему полное удовлетвореніе, разрѣшивъ мусульманамъ совершать свое богослуженіе и согласившись поселить въ своихъ стѣнахъ маленькій сельджукскій гарнизонъ. Болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ эпизодѣ изъ исторіи Судака были бы весьма желательны.

Остальныя статьи этого тома, — за исключеніемъ замѣтокъ И. Карловича о вліяніи восточныхъ языковъ на польскій (стр. 409—441), Д. Г. Мюллера о множеств. числѣ муж. рода въ южно-семитскихъ языкахъ (стр. 443—464), *его-же* о словахъ אל и אלה въ сабейскомъ языкѣ (стр. 465—472) и Шлоттманна о строфахъ въ древнееврейской поэзіи (стр. 475—492) — всѣ посвящены ассиріологіи. Мы тутъ находимъ статьи Тиле о значеніи въ вавилонской миѳологіи богини *Иштаръ* (стр. 495—506), Мэк-Кёрди (Mc. Curdy) о перфектѣ въ ассирійскомъ языкѣ (стр. 507—534), Штрассмейера — 181 юридическая клинописная табличка

за время отъ Навуходоносора до Дарія съ короткимъ анализомъ и приложеніемъ 176 литографированныхъ страницъ текста [1]) (стр. 571—593 + 176 стр. особой пагинаціи), Опперта о нѣкоторыхъ недавно найденныхъ въ Халдеѣ клинописныхъ памятникахъ (стр. 625—636), Сэса (Sayce) о надписяхъ въ Мал-Амирѣ и языкѣ втораго столбца ахеменидскихъ надписей, и наконецъ Галеви «грамматическій очеркъ ассиро-вавилонской аллографіи» (стр. 535—568). Эта статья замѣчательна тѣмъ, что даетъ вкратцѣ, въ догматической формѣ, обзоръ всей теоріи знаменитаго анти-аккадиста и поэтому она во всякомъ случаѣ заслуживаетъ большаго вниманія.

Третья часть обнимаетъ труды *арійской* секціи и громадное большинство заключающихся въ ней статей, конечно, посвящено Индіи. Весьма любопытно, что среди этихъ статей немалая часть принадлежитъ туземнымъ ученымъ. Мы встрѣчаемъ тутъ имена Шанкара Пандита изъ Пуны (a note on Sâyaṇa's commentary of the Kâṇva recension of the white Yajurveda, (стр. 13—44), Бхагвâнлâля Индраджи (стр. 132—179: the Hâtigumphâ and three other inscriptions in the Udayagiri caves near Cuttack), Сенâти Рâджи (стр. 289—304: a few remarks on the Saiva sect of Hindus in South India), *его-же*, въ сотрудничествѣ съ французскимъ оріенталистомъ de Milloué (стр. 565—582: essai sur le Jaïnisme par un Jaïni), пандита Шьâмаджи Кришнавармы (стр. 305—320: on the use of writing in ancient India), К. Р. Камы (стр. 583—92: the interval of time between one Gahambar and another) и дестура Джамаспджи Миночехерджи Джамаспасаны (стр. 593—606: on the Avestic terms Mazda — Ahura-Mazda — Ahura). Пріемы европейской филологической науки, по видимому, прочно прививаются пока только у арійскихъ азіатцевъ, т. е. у индійцевъ и парсовъ.

Изъ европейскихъ ученыхъ помѣстили въ этомъ томѣ статьи и замѣтки Кернъ (стр. 1—12: un dictionnaire Sanscrit-Kavi), Борегаръ (стр. 45—66: l'ethnique «Singalais», sa valeur historique, son étymologie, son orthographie), Феэръ (стр. 67—80: Tîrthikas et Bouddhistes. Polémique entre Nigaṇtha et Gautama, *его-же*, стр. 327—338: adaptation au sanscrit de l'alphabet de transcription usité pour le pâli), Спейеръ (стр. 81—120: le mythe de Nahusha), Линьяна (стр. 121—131: Pompei, e le novelle indiane [2]), Миллуэ (стр. 181—198: quelques mots sur les anciens textes

---

1) Подлинники частью находятся въ Ливерпульскомъ музеѣ, частью въ другихъ коллекціяхъ.

2) По поводу недавно найденнаго въ Помпеѣ каррикатурнаго изображенія Соломонова суда, — снимокъ приложенъ къ статьѣ — авторъ высказываетъ гипотезу объ индійскомъ происхожденіи библейскаго сказанія о Соломоновомъ судѣ.

sanscrits du Japon), Фюреръ (стр. 199—244: Bâṇabhatta's biography of Śri-Harshavardhana of Sthâneśvara), де Арлэ (стр. 245—260: de l'âge de l'Avesta, de ses relations avec les Védas, valeur exégétique de la version pehlevie), Фан-ден-Гейнъ (стр. 261—288: les langues de l'Asie Centrale [1]), Моньеръ Вилліамсъ (стр. 321—326: дополнительныя замѣчанія къ вопросу о транскрипціи латинскими буквами санскритскаго и другихъ восточныхъ языковъ), Петерсонъ (стр. 339—465: on the Subhâshitâvali of Vallabhadeva), Лейманъ (стр. 467—563: Beziehungen der Jaina-Literatur zu anderen Literaturzweigen Indiens), и Буркэнъ (стр. 607—623: considérations sur le calendrier védique et sur quelques points de l'astronomie, de l'astrologie et du rituel de l'Inde).

В. Р.

40. Ignazio Guidi. Testi orientali inediti sopra i sette dormienti di Efeso. Roma 1885. 105 p. p. 4⁰. (Reale accademia dei Lincei. Anno CCLXXXII. 1884—85. Serie 3^a. Memorie della Classe di scienze morali, storiche e filologiche, vol. XII. Seduta del 20 aprile 1884).

И. Гвиди даетъ намъ въ этомъ превосходномъ изслѣдованіи неизданные коптскіе, сирійскіе, арабскіе, эѳіопскіе и армянскіе тексты столь популярной до сего времени на мусульманскомъ и христіанскомъ востокѣ легенды о «семи спящихъ отрокахъ» въ Ефесѣ, съ переводомъ и комментаріемъ. Кромѣ изданныхъ имъ впервые текстовъ авторъ переводитъ также нѣкоторые еще не переведенные, хотя и существующіе въ печатныхъ изданіяхъ тексты армянскіе и арабскіе. При обширной начитанности автора въ литературахъ коптской и семитскихъ его трудъ, до отъисканія какихъ-либо новыхъ рукописей, можетъ считаться исчерпывающимъ предметъ на столько, на сколько это возможно путемъ изученія названныхъ литературъ. Но значительныя дополненія къ нему по всей вѣроятности моглибы быть сдѣланы нашими знатоками армянскаго и грузинскаго языковъ. О судьбахъ легенды о семи отрокахъ въ грузинской литературѣ г. Гвиди не имѣлъ возможности добыть какія-либо свѣдѣнія, а относительно армянской онъ самъ признаетъ (стр. 90 отдѣльн. оттиска), что сообщаемые имъ матеріалы не вполнѣ достаточны. Авторъ даетъ именно два армянскихъ пересказа: одинъ по неизданной ру-

1) Эта статья, дающая обзоръ результатовъ, добытыхъ въ новѣйшее время благодаря изслѣдованію арійскихъ нарѣчій средней Азіи, опирается главнымъ образомъ на труды Томашека, Шау, Биддёльфа и Уйфальви (!), и поэтому едвали имѣетъ самостоятельное научное значеніе.

кописи 1239 года, хранящейся въ Римѣ «nell' Ospizio nazionale degli Armeni in s. Biagio» и другой, болѣе длинный, по изданной въ 1874 г. въ Венеціи мартирологіи. Время составленія перваго авторъ отказывается опредѣлить въ точности; второй приписывается патріарху Григорію II Вгаясеру (2-ая полов. XI вѣка) или одному изъ его учениковъ. Но вопросъ о существованіи болѣе древнихъ армянскихъ пересказовъ легенды и объ отношеніяхъ къ нимъ новѣйшихъ, остается открытымъ. Да будетъ намъ позволено выразить надежду, что наши арменисты и грузинисты придутъ на помощь итальянскому изслѣдователю. Наши ученые впрочемъ, быть можетъ, могли бы способствовать дальнѣйшему разъясненію дѣла не только въ области оріенталистики, какъ будетъ видно изъ краткаго изложенія результатовъ добытыхъ г. Гвиди [1]): Первоисточникомъ всѣхъ изданныхъ и переведенныхъ имъ пересказовъ онъ считаетъ греческій текстъ, составленный приблизительно въ первой половинѣ VI-го вѣка. Этотъ *первоначальный греческій разсказъ еще не найденъ* и единственнымъ греческимъ представителемъ его является текстъ *Симеона Метафраста*, который однако же по всей вѣроятности пропустилъ или измѣнилъ въ немъ нѣкоторыя черты. Отъисканіе первоисточника конечно крайне желательно, между прочимъ и потому, что тогда, быть можетъ, разъяснился бы и вопросъ о мѣстѣ, гдѣ зародилась легенда, Ефесское происхожденіе которой автору кажется не вполнѣ доказаннымъ. Отъ этого первоисточника происходятъ пересказы коптскіе и сирійскіе. Сирійскій существуетъ въ двухъ редакціяхъ, изъ которыхъ древнѣйшая относится еще къ VI-му вѣку. Она вѣроятно была принята Іоанномъ Ефесскимъ въ его церковную исторію и оттуда уже попала въ лѣтопись Діонисія Телл-Махрійскаго. Въ арабскихъ пересказахъ нужно различить двѣ редакціи: арабско-христіанскую и арабско-мусульманскую; послѣдняя въ свою очередь представляется въ двухъ типахъ: *одинъ*, сообщенный Са̒лабіемъ и Дамиріемъ, весьма близко подходитъ къ арабско-христіанской редакціи и вмѣстѣ съ нею происходитъ отъ сирійской; *другой* опирается на ту форму, которую легенда приняла въ Коранѣ. Время, къ которому относится составленіе арабско-христіанской редакціи, не можетъ быть въ точности опредѣлено, но авторъ допускаетъ возможность, что это было въ 8 или 9 вѣкѣ и ссылается на тотъ фактъ, что не малое число житій святыхъ было переведено на арабскій языкъ очень рано. *Примѣромъ можетъ служить прекрасный арабскій кодексъ № LXXI ватиканской библіотеки, писанный въ 888 г. по Р. Хр.* Отъ арабско-христіанской редакціи происходитъ эѳіопская, относящаяся вѣроятно къ XV-му вѣку.

1) l. c. p. 102—103.

Армянскій же пересказъ, можетъ быть, происходитъ отъ какого-нибудь греческаго текста, болѣе древняго, чѣмъ компиляція Метафраста.

Спрашивается теперь, не сохранились ли въ нашихъ библіотекахъ (особенно въ Синодальной въ Москвѣ и въ Имп. Публичной въ С.-Петербургѣ) списки этого пока еще не найденнаго греческаго текста, служившаго источникомъ для Метафраста, или же славянскіе переводы его? На этотъ вопросъ могли бы отвѣтить наши византинисты и знатоки агіографической литературы.

Съ другой стороны г. Гвиди могъ бы оказать русской исторической наукѣ большую услугу: нѣкоторыя житія святыхъ, какъ извѣстно, служатъ важными источниками древней русской исторіи. Достаточно назвать житія Стефана Сурожскаго[1]) и Георгія Амастридскаго. Въ ватиканской библіотекѣ хранится богатѣйшее въ мірѣ собраніе *арабско-христіанскихъ* рукописей. Между ними, быть можетъ, найдутся также и переводы житій упомянутыхъ двухъ святыхъ. За всякія свѣдѣнія о такихъ переводахъ русскіе историки — мы увѣрены въ этомъ — сказали бы своему итальянскому собрату большое спасибо. Древній списокъ, н. пр., перевода житія Георгія Амастридскаго могъ бы окончательно и безповоротно рѣшить всё еще спорный вопросъ о времени составленія этого житія, что въ свою очередь имѣло бы немаловажныя послѣдствія для изслѣдованія начальной исторіи Руси. Укажемъ въ заключеніе на интересную рецензію труда г. Гвиди, помѣщенную въ Göttinger Gelehrte Anzeigen отъ 1 іюня 1886 г. № 11 и принадлежащую перу Нёльдеке.

В. Р.

41. Ein Buddhistischer Katechismus nach dem Kanon der Kirche des südlichen Indiens bearbeitet von Henry S. Olcott, Präsident der Theosophischen Gesellschaft. Leipzig 1885. 100 p. in 32⁰.

Издавая впервые этотъ Катехизисъ въ 1881 г., г. Олькоттъ имѣлъ спеціальною цѣлью доставить руководство къ изученію буддизма въ начальныхъ школахъ цейлонскихъ буддистовъ, которыя до той поры не имѣли у себя еще ничего подобнаго. Авторъ, по собственному его заявленію, составилъ свой трудъ выписками изъ сочиненій T. W. Rhys Davids'а, сэра Coomara Swamy, R. S. Childers'а, реверенда Samuel Beal'я и др.; но, такъ какъ онъ засимъ отдалъ свою работу еще на провѣрку Сумангалы, начальника буддійской школы Widiodaya, а равно состоящаго при той же школѣ

1) Сурожъ = Судакъ = Sogdaia.

священника Девамитты, то трудъ его во многомъ и отличается отъ изслѣдованій помянутыхъ авторовъ. Успѣхъ катехизиса былъ замѣчательный: въ какіе нибудь три года 17,000 экземпляровъ этого сочиненія было уже роздано по различнымъ школамъ и семьямъ цейлонскихъ буддистовъ; въ 1885 г. предпринято было его бирманское изданіе въ 15,000 экземпляровъ какъ на туземномъ, такъ и на англійскомъ языкахъ; засимъ въ томъ же году катехизисъ былъ изданъ съ добавкою къ нему примѣчаній Elliot Coues'омъ въ Вашингтонѣ; въ слѣдующемъ 1886 г. вышло превосходное изданіе этого сочиненія въ Парижѣ на французскомъ языкѣ; и наконецъ въ настоящемъ 1887 году оно переведено на нѣмецкій языкъ и издано въ Лейпцигѣ.

По содержанію первое изданіе этого сочиненія представляло собою только главныя черты изъ жизни будды Гаутамы и самыя основныя положенія его ученія; въ послѣдующихъ изданіяхъ авторъ сдѣлалъ въ немъ нѣкоторыя перемѣны и дополненія. Такимъ образомъ были прибавлены вопросы: о пяти и десяти заповѣдяхъ; объ отношеніяхъ между «волнами жизни» личности, или одного индивидуальнаго бытія; о причинахъ, по которымъ теряется воспоминаніе о прежнихъ «волнахъ жизни» или перерожденіяхъ; о сущности Танхи и др.; помимо тото авторомъ было представлено лучшее объясненіе понятій объ архатствѣ, бодисатвахъ и проч.

Для насъ катехизисъ г. Олькотта можетъ служить лучшимъ образцомъ того, до какой степени благоговѣющій передъ своею наукою европеецъ, увлекшись философскими ученіями востока, способенъ забывать истину и возвышать предметъ своего увлеченія. По словамъ очаровавшагося буддизмомъ г. Олькотта «...der Weise von Kapilawastu, bereits sechshundert Jahre vor der christlichen Zeitrechnung, nicht nur ein ganz unvergleichliches Moral-Gesetz, sondern auch eine Philosophie aufgestellt hat, welche auf so breiter und umfassender Grundlage beruht, dasz er thatsächlich die Endergebnisse unserer neueren Untersuchungen und Anschauungen schon damals vorweg genommen hat». Г. Олькоттъ такъ глубоко вѣритъ въ мудрость именно этого философа изъ Капилавасты, что всѣ, произведенныя доселѣ нашими учеными, изслѣдованія по буддизму кажутся ему не вѣрными и незаслуживающими вниманія. «Die Sagen und Märchen, auf welche einzelne unserer berühmtesten Orientalisten ihre Darstellungen hauptsächlich stützten, sind ebenso wenig orthodoxer Buddhismus, wie die schwärmerischen Überlieferungen der Klöster des Mittelalters das orthodoxe Christentum sind. Nur die authentischen Äuszerungen von Sakya-Muni selbst dürfen als orthodox angesehen werden». Но спрашивается, откуда взялъ авторъ такія изрѣченія и что поручится ему за принадлежность ихъ

именно Сакья-муни? Впрочемъ для г. Олькотта такихъ вопросовъ, повидимому, не существуетъ. По нему вся философія буддизма есть произведеніе Сакья-муни. Ученикамъ своимъ г. Олькоттъ силится доказать, что вѣроученіе буддизма не принадлежитъ сердцу, а воспринимается исключительно умомъ; онъ даже учитъ ихъ критически относиться къ вѣроученію буддизма. Напр.

Вопросъ: Содержится ли въ буддизмѣ только чистая истина и такое ученіе, которое согласуется съ наукою?

Отвѣтъ: Подобно всякой другой религіи, существующей уже тысячелѣтія, буддизмъ, безъ сомнѣнія, содержитъ въ себѣ много не истиннаго, смѣшаннаго съ истиною; вѣдь золото тоже встрѣчается смѣшаннымъ съ нечистыми металлами. Поэтическое вдохновеніе, горячая ревность или суевѣріе буддійскихъ старовѣровъ, переходившія изъ поколѣнія въ поколѣніе, безъ сомнѣнія, въ теченіе различныхъ вѣковъ привели къ тому, что благородныя, основныя черты вѣроученія будды смѣшались съ многимъ, что лучше было бы опять устранить.

В. Заключаются ли въ буддизмѣ какія либо догмы, которыя мы должны считать истинными только на основаніи довѣрія?

О. Нѣтъ, насъ даже строго увѣщеваютъ отнюдь не принимать ничего на вѣру, будь оно написано въ книгахъ, переданныхъ намъ отъ нашихъ предковъ, будь оно преподано мудрыми мужами. Будда, Господь нашъ, говоритъ, что мы ничему не должны вѣрить, только потому что оно сказано; ни вѣрить преданіямъ, потому что они происходятъ отъ древнѣйшихъ временъ; ни слухамъ, какъ таковымъ; ни писаніямъ ученыхъ мужей, потому только что они написаны учеными; ни мыслямъ, о которыхъ мы могли бы думать, что они даны намъ вдохновеніемъ свыше; ни заключеніямъ, выводимымъ нами изъ произвольныхъ посылокъ; ни чему либо, что кажется намъ результатомъ аналогіи, или что основывается на увѣреніи нашихъ учителей и наставниковъ... и т. д. (стр. 75).

Въ дальнѣйшемъ г. Олькоттъ трактуетъ о высокомъ развитіи гуманныхъ идей буддизма въ самыя древнія эпохи и въ этомъ трактатѣ для насъ представляются интересными слѣдующіе вопросы и отвѣты.

В. Какія видимыя доказательства имѣемъ мы для всего этого (т. е. ранняго развитія гуманныхъ идей)?

О. Въ продолженіе послѣднихъ пятидесяти лѣтъ въ разныхъ мѣстахъ Индіи и Афганистана найдены постановленія царя Асоки, высѣченныя на скалахъ и каменныхъ столбахъ. *Они переведены на англійскій языкъ и обнародованы правительственною печатью въ Индіи.*

В. Въ какомъ свѣтѣ представляется буддизмъ по этимъ постановленіямъ?

О. Какъ религія самой благородной терпимости и братской любви, честности и справедливости. Они много способствовали сохраненію того признанія, которое буддизмъ въ настоящее время находитъ у всѣхъ ученыхъ Европы и Америки.

В: Можешь ли ты сказать мнѣ слова одного англійскаго писателя объ этихъ постановленіяхъ изъ сочиненія, изданнаго однимъ христіанскимъ воспитательнымъ обществомъ?

О. Онъ говоритъ: «Всѣ эти предписанія исполнены возвышеннымъ духомъ честности... послушанія родителямъ, благоволенія къ дѣтямъ и друзьямъ, состраданія къ животнымъ, снисходительности къ подчиненнымъ, уваженія къ браманамъ и членамъ духовенства, укрощенія гнѣва, страстей, жестокости и всякой невоздержности, великодушія, терпѣнія, и человѣколюбія. Это — требованія, которыя любвеобильный царь, любимецъ боговъ, ставитъ своимъ подданнымъ» (см. Buddhism v. T. W. Rhys Davids стр. 99).

Выходитъ, что по ученію буддизма нельзя довѣрять ни древнимъ преданіямъ, ни писаніямъ великихъ мужей, хотя бы то и учениковъ самаго будды, но буддійскому катехизису позволительно подтверждать свои положенія словами англійскихъ ученыхъ.

А. П.

42. Manuṭîkâ sangraha being a series of copious extracts from six unpublished Commentaries of the code of Manu. ed. by Julius Jolly. Calcutta 1885. Fs. I [1]). (Bibl. Ind. N. S., № 556). 96 p. in 8⁰.

Изъ комментаторовъ на т. н. Законы Ману широкимъ распространеніемъ пользовался до сихъ поръ лишь Kullûka (XVI или XVII в.). Въ виду важности туземныхъ комментаріевъ для пониманія текста проф. Іолли предпринялъ изданіе выдержекъ изъ 6 другихъ дошедшихъ до насъ комментаріевъ на Mânava-dharma-çâstra: [2])

---

1) Комментаріи на Mân. I—II, 32.

2) Нѣкоторыя свѣдѣнія относительно комментаріевъ на Mân. можно найти въ предисловіи къ переводу Бёрнелля (стр. XL—XLII) (The Ordinances of Manu trsl. from the sanscrit with an introduction by the late A. Burnell. Completed and edited by E. Hopkins. London. 1884. Trüb. Or. Ser.).

1. Medhâtithi — Manubhâṣya
2. Govindarâja — Manuṭîkâ
3. Nârâyaṇa — Manvarthavivṛti (въ текстѣ Manuvṛti)
4. Râmânanda — Manvartha candrikâ.
5. Nandana — Manuvyâkhyâna (въ текстѣ Mânava°)
6. Анонимный Кашмирскій комментарій

Радуясь конечно тому, что наконецъ пополняется важный пробѣлъ въ нашемъ знакомствѣ съ такимъ важнымъ юридическимъ памятникомъ, нельзя не посѣтовать на способъ изданія: вмѣсто полныхъ комментаріевъ мы получаемъ лишь выдержки. Пока еще мало издано трудно рѣшить, на сколько цѣльно и удачно сдѣлана выборка ихъ; тѣмъ болѣе поэтому жалко, что издатель не даетъ намъ указаній относительно того, на какихъ основаніяхъ онъ ведетъ свою работу. Изданіе, по всей вѣроятности, затянется на долго, (I вып. комментируетъ 151 çлоку, во всемъ текстѣ ихъ 2684 — значитъ выпусковъ будетъ 17—18, а Bibl. Ind. не избаловала насъ аккуратностью) между тѣмъ уже и первый выпускъ возбуждаетъ нѣсколько вопросовъ, т. н. пр. чѣмъ объяснить, что во всѣхъ 151 комментируемыхъ çлокахъ изъ анонимнаго Кашмирскаго комментарія приводится лишь совершенно ничтожное объясненіе для Mân. II, 10?

Желаемъ скорѣйшаго выхода въ свѣтъ дальнѣйшихъ выпусковъ полезнаго изданія проф. Ͳолли и какого нибудь къ нимъ предисловія, а въ заключеніе прибавляемъ нѣсколько замѣченныхъ нами опечатокъ: стр. 7, 22 читай cassuṣâ, стр. 13, 4 читай guṇâḥ. Читай I, 32 вм. I, 38. Читай I, 51: me° вм. pa°; I, 59 вм. I, 57.

С. О.

43. The Śatakas of Bhartṛihari translated into English from the original sanskrit by the Rev. B. Hale Wortham. London 1886. (Trübner's Oriental Series) XII + 71 p. in 8°.

Объ этой книгѣ не стоило бы и говорить, еслибъ не серія, въ которую она входитъ, дававшая намъ до сихъ поръ все изданія полезныя и серьезныя. Переводъ г. Уортама, какъ намъ кажется, произведеніе совершенно безполезное: 1) Хорошіе переводы Bhartṛhari уже существуютъ и текстъ вовсе не настолько важенъ и замѣчателенъ, чтобы нуждаться въ чрезмѣрномъ распространеніи. 2) Не смотря на заглавіе переводъ çатакъ не полный: 1-ая — çṛṅgâra çataka (о любви), но непонятной pruderie, опущена. 3) Введеніе въ 4 страницы все посвящено плохимъ варіаціямъ на тему: неизвѣстно время написанія стиховъ Bhartṛhari. 4) Примѣчанія, которыми

обильно снабжена книга, (переводъ 45 стр. примѣчанія 26 стр.) совсѣмъ пустыя и, по большей части, неизвѣстно для кого написаны: для спеціалиста они слишкомъ поверхностны, для простаго читателя непонятны часто и скучны. Однимъ словомъ за книгу сказать нечего: чѣмъ меньше такихъ произведеній, тѣмъ лучше.

С. О.

44. Hunter W. W. The Imperial gazetteer of India; vol VI. India. Second edition. London 1886. XXIX + 747 p. p. in 8°.

Книга, заглавіе которой мы только что выписали, не представляетъ, собственно говоря, вполнѣ трудъ отдѣльнаго человѣка: въ 1869 г. Индійское правительство поручило В. В. Гёнтеру завѣдываніе надъ работами по составленію статистическаго обзора британской Индіи; обзоръ этотъ до 1886 г. далъ 128 т., изъ нихъ составился 12 томный Imperial gazetteer of India (въ новомъ изданіи будетъ 13 т.), а изъ него уже данный VI-й т. статья «India». Нельзя не отдать дани уваженія той чисто научной добросовѣстности, съ которою написана эта маленькая энциклопедія по Индіи. Краткое перечисленіе содержанія книги покажетъ лучше всего обиліе заключенныхъ въ ней данныхъ: Физическая географія. Населеніе. Исторія со временъ поселенія первыхъ Арійцевъ до начала европейскаго владычества. Языки и нарѣчія Индіи. Европейскія поселенія. Британское владычество. Земледѣліе, произведенія почвы. Средства сообщенія. Промышленность. Торговля. Горное дѣло. Геологія. Метеорологія. Зоологія. Ботаника. Статистическія данныя.

Объемъ замѣтки позволяетъ намъ остановиться лишь на исторіи и языкахъ, какъ больше всего входящихъ въ кругъ нашего изученія. Историческій очеркъ начинается описаніемъ жизни древнихъ Арійцевъ по переселеніи ихъ въ Индію; составленъ онъ по богатому матерьялу ведической литературы, причемъ авторъ пользовался лучшими источниками и пособіями; тѣмъ болѣе удивило насъ незнакомство автора съ извѣстнымъ сочиненіемъ проф. Циммера по культурѣ ведическихъ арійцевъ [1]). Жаль также, что при описаніи погребальныхъ обрядовъ (pp. 85 — 86) не указана прекрасная статья проф. Рота [2]). За первоначальнымъ періодомъ слѣдуетъ возникновеніе и развитіе брахманской культуры; возникаетъ наука, литература полу-

---

1) H. Zimmer. Altindisches Leben. Die Kultur der Vedischen Arier nach den Saṁhita dargestellt. Berlin 1879.

2) R. Roth. Die Todtenbestattung im Indischen Alterthum. ZDMG. VIII, 467. sqq.

чаетъ всестороннее развитіе; о каждой отрасли науки и литературы сказано главнѣйшее и кромѣ того, что весьма интересно, сказано и объ ея современномъ положеніи, такъ напр. стр. 111 — 112 говорится о возрожденіи древней музыки, на стр. 127 указано на широкое распространеніе теперь въ Индіи драматическихъ произведеній: въ 1882 г. ихъ было напечатано на туземныхъ языкахъ и нарѣчіяхъ 245; лыбопытно названіе одного изъ нихъ «И это вы называете цивилизаціей?»; произведеніе это, замѣчаетъ Гёнтеръ, должно бы навести англичанъ на многія сёрьезныя размышленія. Въ этой части книги мы позволимъ себѣ указать автору нѣкоторыя уклоненія отъ его обычной осторожности въ рѣшеніи еще невыясненныхъ вопросовъ: время Pâṇini еще совсѣмъ не установлено и врядъ ли будетъ вѣрно принимать 350 г. до Р. Х., какъ это дѣлаетъ авторъ, стр. 100. 101. 127; опредѣленіе Бёрнеллемъ времени составленія законовъ Ману справедливо оспаривается и не можетъ, даже и «пока» считаться рѣшающимъ (стр. 114); книга Monier Williams'a (Modern India and the Indians. London 1879. Trübn. Or. Ser.) врядъ ли заслуживаетъ расточенныя ей похвалы (стр. 129).

Далѣе въ книгѣ слѣдуетъ изложеніе Буддизма, Джайнизма, Сиваизма, Вишнуизма и другихъ позднѣйшихъ вѣрованій. Говоря о буддизмѣ авторъ отвелъ слишкомъ широкое мѣсто легендѣ о Буддѣ въ сравненіи съ изложеніемъ его ученія [1]). На прекрасномъ, обстоятельномъ очеркѣ христіанства въ древней Индіи мы пока и остановимся, такъ какъ затѣмъ идетъ разсказъ о мусульманскомъ нашествіи и переходъ къ новой Индіи [2]).

Языкамъ (кромѣ Санскрита, о которомъ см. въ главѣ IV-й) посвящена глава XIII-я (стр. 325—55). Составлена она чрезвычайно тщательно, но вопросъ о пракритскихъ нарѣчіяхъ (стр. 336—42) изложенъ недостаточно ясно, къ тому же эпиграфическимъ даннымъ, имѣющимъ въ этомъ случаѣ преобладающее значеніе, отведено совершенно подчиненное мѣсто [3]).

Тѣ немногіе мелкіе недостатки, которые мы нашли въ книгѣ г. В. В. Гёнтера, нисколько конечно не умаляютъ ея значенія и мы разстаемся съ нею съ горячимъ пожеланіемъ встрѣтить ее поскорѣе въ русскомъ переводѣ.

С. О.

---

1) Это объясняется тѣмъ, что авторъ пользовался для изложенія буддизма главнымъ образомъ трудомъ Ольденберга (Oldenberg. Buddha. trsl. by W. Holy London 1882);

2) Замѣтимъ только, что бѣднымъ Массагетамъ и тутъ не повезло: стр. 179, прим. 5 мы читаемъ: Massa means «great» in Pehlevi (!)

3) По вопросу о пракритскихъ нарѣчіяхъ въ свѣтѣ эпиграфическихъ данныхъ укажемъ на двѣ новѣйшія статьи: 1. Sénart. l'Epigraphie et l'histoire linguistique de l'Inde. Comp. Rend. de l'Ac. d. I. et B. L. 4 sér. t. XIV, 66—89 (1886). 2. Sénart. Etudes sur les inscriptions de Piyadasi Cp. V, 2. 3. J. A. Spt.-Oct. 1886 pp. 318—68.

45. Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. Herausgegeben und redigirt von G. Bühler, J. Karabacek, D. H. Müller, F. Müller, L. Reinisch. I. Bd. 1. Heft. Wien 1887. Alfred Hölder. 82 p. in 8° (Probenummer).

Мы получили отъ редакціи первый выпускъ новаго повременнаго изданія, посвященнаго востоковѣдѣнію. Редакція предполагаетъ выпускать по четыре книжки въ годъ; цѣна назначена 6 гульденовъ за томъ (изъ 4 выпусковъ). Статьи допускаются на нѣмецкомъ, французскомъ, англійскомъ и итальянскомъ языкахъ, при чемъ статьи относящіяся къ Индіи будутъ печататься преимущественно на англійскомъ. Первый номеръ содержитъ статьи Бюлера «Gleanings from Yâdavaprakâśa's Vaijayantî» и «a disputed meaning of the particles *iti* and *cha*», Кильгорна «the Mauryapassage in the Mahâbhâshya», Д. Г. Мюллера «Arabisch-aramaeische Glossen» (по поводу недавно вышедшей капитальной книги Френкеля объ арамейскихъ словахъ въ арабскомъ языкѣ), J. Карабачека «Arabische Beiträge zur genuesischen Geschichte» (критическія замѣчанія на нѣкоторые арабскіе тексты, изданные г. Амари въ его «Nuovi ricordi su la storia di Genova» 1873) и Ф. Мюллера «Beiträge zur Erklärung der altpersischen Keilinschriften». Критическій отдѣлъ (Anzeigen) содержитъ подробные разборы книгъ Джонстона «der Kilima-Ndjaro», (Л. Рейниша), Френкеля «die aramaeischen Fremdwörter im Arabischen» (Снука-Хюргронье) и М. Н. Двиведи «The Tarkakaumudî» (Якобія). Третій отдѣлъ наконецъ «Kleine Mittheilungen» даетъ короткія библіографическія замѣтки 1) о двухъ новыхъ армянскихъ журналахъ въ Австро-Венгріи, 2) о книгѣ К. П. Патканова «Цыганы. Нѣсколько словъ о нарѣчіяхъ закавказскихъ цыганъ: Боша и Карачи». Спб. 1887 г. и 3) о первомъ выпускѣ каталога рукописей музея князей Чарторыжскихъ въ Краковѣ, составленнаго г. І. Корженевскимъ. Музей содержитъ до 80 восточныхъ рукописей, въ томъ числѣ 5 армянскихъ, 2 армяно-татарскихъ, 11 грузинскихъ, и затѣмъ разныя арабскія, персидскія и турецкія. Описаніе ихъ появится въ слѣдующихъ выпускахъ каталога. Кромѣ этихъ библіографическихъ замѣтокъ, принадлежащихъ перу д-ра Гануша, отдѣлъ «Kleine Mittheilungen» содержитъ еще замѣтку Фр. Мюллера о пехлевійскомъ переводѣ Вендидада II, 22. Обращая вниманіе нашихъ оріенталистовъ и нашихъ ученыхъ учрежденій на этотъ новый «азіатскій журналъ», мы вмѣстѣ съ тѣмъ желаемъ предпріятію нашихъ вѣнскихъ коллегъ полнаго преуспѣянія.

В. Р.